

ВСЕВОЛОДЪ СОЛОВЬЕВЪ

„СОВРЕМЕННАЯ ЖРИЦА ИЗИДЫ“

Мое знакомство съ Е. П. Блаватской и „теософическимъ
обществомъ“

(Эпизодъ „fin de siècle“)

Съ приложеніемъ ОТВѢТА на брошюру «Г-жи Игрекъ» и новыхъ документовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типогр. Высочайше утвержд. Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39
1893

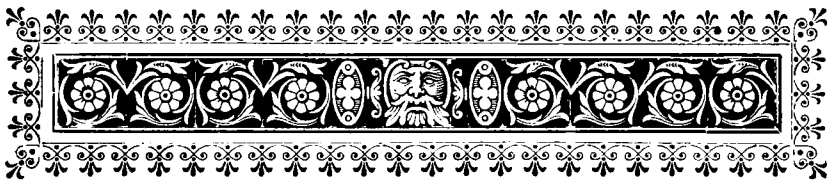
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Апрѣля 1893 года.

pres. Dept. '89

ПОСВЯЩЕНО

Лондонскому «Обществу для психическихъ
ислѣдованій»

всѣмъ **внимательнымъ** читателямъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЖРИЦА ИЗИДЫ.

Мое знакомство съ Е. П. Блаватской и „теософическимъ обществомъ“.

(Эпизодъ „fin de siècle“).

I.

Прошлой весной, 26-го апрѣля 1891 года, въ Лондонѣ скончалась Елена Петровна Блаватская. Она извѣстна у насъ какъ авторъ интересныхъ и талантливыхъ повѣствованій «Изъ пещеръ и дебрей Индостана» и «Загадочныя племена Голубыхъ горъ», — печатавшихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ псевдонимомъ «Радда-Бай».

О сочиненіяхъ ея иного рода и вообще объ ея дѣятельности свѣдѣній имѣлось очень мало. Въ «Новомъ Времени» промелькнула корреспонденція изъ Лондона о разоблаченіи производившихся ею якобы чудодѣйственныхъ феноменовъ. Затѣмъ недавно, уже послѣ смерти Елены Петровны Блаватской, въ специальномъ изданіи, «Вѣстникъ Клинической и Судебной Психіатріи и Невропатологіи», былъ напечатанъ критическій очеркъ д-ра Розенбаха, подъ заглавіемъ «Современный Мистицизмъ». Этотъ очеркъ вышелъ и отдѣльной книжкой. Въ немъ цѣлая глава носитъ названіе: «Теософическій культъ» и посвящена разсказу объ изслѣдованіяхъ «Лондонскимъ Психическимъ Обществомъ» теософическихъ феноменовъ и разоблаченіяхъ ихъ поддѣльности.

Корреспонденція «Новаго Времени» конечно уже позабылась статья г. Розенбаха мало кому извѣстна и, такимъ образомъ, зна-

комство русскаго общества съ дѣятельностью покойной Блаватской оставалось весьма поверхностнымъ. Но вотъ въ газетѣ «Новости», а затѣмъ въ журналѣ «Русское Обозрѣніе» появились обширныя статьи г-жи Желиховской. Въ статьяхъ этихъ авторъ, родная сестра Блаватской, изумляясь молчанію русской печати о *создательницѣ* «теософіи», знакомитъ наше общество съ женщиной, «которую ея послѣдователи въ Америкѣ, Индіи и Европѣ называютъ «избраннымъ свѣточемъ», враги — «величайшей обманщицей вѣка», а всѣ вообще, знающіе ея сочиненія и дѣятельность за послѣднія пятнадцать—двадцать лѣтъ — «сфинсомъ двѣнадцатаго столѣтія» и на смерть которой отозвалась *вся иностранная пресса*»...

Въ тѣхъ же «Новостяхъ», около двухъ, кажется, лѣтъ тому назадъ была помѣщена большая статья другой дамы-сотрудницы этой газеты ¹⁾. Въ этой статьѣ говорилось о парижской жизни, упоминалось о парижскомъ «теософическомъ обществѣ» и о томъ, что оно распалось вслѣдствіе разоблаченій, сдѣланныхъ мною.

Я не отрицаю факта, сообщеннаго сотрудницей «Новостей». Я, дѣйствительно, кромѣ родственниковъ Елены Петровны Блаватской, единственный русскій, близко и хорошо ее знавшій въ періодъ 1884—1886 годовъ, то-есть немедленно послѣ появленія ея изъ Индіи въ Европу и во время возникновенія европейскихъ «теософическихъ обществъ», организованныхъ ею и ея пособникомъ, Генри Олкоттомъ, американцемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «полковника» Олкотта. Я, дѣйствительно, въ 1886 году, способствовалъ распаденію перваго французскаго теософическаго общества, устроеннаго, подъ названіемъ «Société théosophique d'Orient et d'Occident», герцогиней де-Помаръ лэди Кэтписсъ и укрупленнаго Еленой Петровной Блаватской въ Парижѣ въ 1884 году.

По возвращеніи моемъ въ Россію и до сего времени я ровно ничего не писалъ о г-жѣ Блаватской и ея теософическомъ обществѣ, находя болѣе чѣмъ бесполезнымъ касаться этого анти-

¹⁾ Фамилія этой дамы мнѣ извѣстна; но такъ какъ я не помню, какъ она подписала свою статью, то и не рѣшаюсь назвать ее. Нумера „Новостей“ съ ея статьёй у меня нѣтъ подъ руками, но я самъ читалъ его и очень хорошо помню всѣ подробности, въ чемъ и ругаюсь.

христіанскаго движенія, пока оно остается фактомъ, у насъ малоизвѣстнымъ. Я хранилъ про себя все, что зналъ, а также имѣющіеся у меня документы до того времени, когда въ нашей печати появятся панегирики г-жѣ Блаватской и, въ той или иной формѣ, пропаганда ея имени и ея новѣйшей теософіи. Я желалъ только одного, — чтобы это время совсѣмъ не настало и чтобы я былъ избавленъ отъ нравственной необходимости вновь коснуться этого предмета.

До сихъ поръ я имѣлъ возможность молчать. Но пространныя статьи г-жи Желиховской, гдѣ она, не безъ основанія, объявляетъ свою сестру «всемирной знаменитостью», а о проповѣдывавшейся и созданной ею «новой религіи» говоритъ, какъ о «чистомъ и высокомъ» ученіи, — являются именно пропагандой въ Россіи этого «чистаго и высокаго» ученія и имени его провозвѣстницы.

Эти статьи о неоцѣненной нами нашей знаменитой соотечественницѣ и о всемирномъ значеніи и распространеніи ея ученія — не могутъ не заинтересовать нашего общества, такъ падкаго на всякія «новыя ученія» и весьма довѣрчиваго. «Славны бубны за горами» и, по прочтеніи статей г-жи Желиховской, дѣйствительно создается очень увлекательная картина, способная распалить воображеніе, жадное до всякой новизны, особенно если она сулитъ удовлетвореніе высшему, духовному интересу.

Въ такихъ обстоятельствахъ молчать и скрывать истину, зная ее, — становится преступнымъ. Поэтому я вижу себя вынужденнымъ прервать молчаніе о моемъ близкомъ знакомствѣ съ Еленой Петровной Блаватской и ея «Обществомъ». Мнѣ это крайне тяжело и противно, какъ должно быть тяжело и противно человѣку, обязанному, даже ради самой святой цѣли, разрывать могилу и вынимать изъ нея находящійся въ ней трупъ. Къ тому же, помимо тяжести и отвращенія, я не могу избавиться отъ чувства жалости, которое всегда возбуждала во мнѣ эта, во всякомъ случаѣ, необыкновенная женщина, богато одаренная природой.

Ради этой невольной жалости я былъ бы очень счастливъ забыть все, что знаю. Забвеніе, полное забвеніе — вотъ единствен-

*

ное, что было бы нужно теперь для Елены Петровны Блаватской. Но ей нѣтъ забвенія и смерти, хотя тѣло ея подвергнуто кремаци въ Лондонѣ и прахъ ея хранится въ трехъ урнахъ. Ей нѣтъ смерти— это печатно говорить намъ ея родная сестра, статьи которой являются въ настоящее время *единственной причиной*, ставящей меня въ нравственную необходимость приступить къ тяжелымъ, противнымъ для меня воспоминаніямъ и вскрыть пакетъ съ хранящимися у меня документами.

Несчастливая Елена Петровна! вотъ она передо мною, какъ живая, но образъ ея не только двоится, а троится. Въ ней было три совершенно различныхъ существа. Было въ ней еще и четвертое существо, но я его не зналъ лично, и только послѣдняя крайность можетъ заставить меня въ будущемъ его коснуться. До сихъ поръ живо много лицъ, знавшихъ ее въ молодости и въ зрѣлыхъ годахъ ея,—эти лица сообщаютъ удивительныя вещи о приключеніяхъ ея бурной и скитальческой жизни.

Я узналъ ее тогда, когда «жизнь женщины» была кончена и наступилъ періодъ совсѣмъ иной дѣятельности. Конецъ этой бурной «жизни женщины» оказался не концомъ, какъ случается обыкновенно съ заурядными женщинами, а именно началомъ ея «настоящаго» существованія, проявленія всѣхъ данныхъ ей природой способностей.

Я знаю ее состарившейся, больной, но полной огня и энергіи—и не могу ее иначе себѣ представить. Какъ я сказалъ—въ ней было три существа. Первое изъ нихъ—*Елена Петровна* въ ея спокойные дни и вдали отъ дѣлъ «теософическаго» общества, веселая, остроумная собесѣдница, съ неистощимымъ запасомъ хотя грубоватаго, но настоящаго юмора, интересныхъ, увы, далеко не всегда основанныхъ на строгой правдѣ разсказовъ, анекдотовъ, смѣшная и симпатичная, какъ-то магнетически къ себѣ привлекавшая и даже способная на добрые порывы.

Второе существо ея—«Радда-Бай», Н. Р. Blavatsky или Н. Р. В.—авторъ «Пещеръ и дебрей Индостана», «Загадочныхъ племенъ», «Разоблаченной Изиды», «Тайнаго ученія», «Ключа къ теософіи», редакторъ «Теософиста», «Люцифера» и т. д.—

писательница, поражающая своимъ литературнымъ талантомъ, огромной памятью и способностями быстро схватывать самые разнородные предметы и писать о чемъ угодно, писать интересно и увлекательно, хотя нерѣдко безсвязно и разбрасываясь во всѣ стороны.

Еслибы сочиненія Е. П. Блаватской были, какъ рассказываетъ г-жа Желиховская, произведеніями ея таинственнаго учителя, великаго мудреца полу-бога, живущаго въ дебряхъ Тибета и *диктовавшего* ей, съ полнымъ пренебреженіемъ къ пространству, когда она находилась въ Америкѣ или Европѣ, — *такому* мудрецу сочиненія эти, въ виду ихъ недостатковъ, сдѣлали бы немного чести. Ей же, въ юности плохо усвоившей предметы элементарнаго образованія и до сорока лѣтъ знавшей, якобы, очень мало, — опять-таки по свидѣтельству ея сестры, — они дѣлаютъ большую честь, указывая на огромныя ея способности и горячую любовь къ своему труду, ради котораго она забывала, на моихъ глазахъ, тяжкія страданія различныхъ болѣзней, давно уже ее мучившихъ.

Въ этомъ отношеніи сочиненія ея — дѣйствительно чудо; но объясненія этому чуду надо искать въ тайникахъ человѣческаго разума и духа, а не въ томъ, что невидимый и проблематическій «махатма» диктовалъ ей и водилъ изъ Тибета ея рукою, что къ ней *прилетали* нужныя ей для справокъ книги и т. д. Но ко всему этому я вернусь въ своемъ мѣстѣ, также какъ и къ вопросу о томъ, чтò такое «ея ученіе», *с*я ли оно и какимъ образомъ она явилась его провозвѣстницей.

Третье существо Е. П. Блаватской, за которымъ, къ несчастью, слишкомъ часто скрывались и совѣмъ исчезали два ея первыхъ существа, — это «*madame*», какъ называли ее всѣ теософы, безъ различія національностей, это создательница «Теософическаго общества», и его «хозяйка», «*la femme aux phénomènes*».

Дойдя до «феноменовъ», г-жа Желиховская, въ своихъ статьяхъ, говоритъ, что сама Блаватская «лично презирала эти чудеса»; но что послѣдователи ея свидѣлствуютъ о нихъ

устно и печатно съ великой увѣренностью. «Лучшіе люди, окружавшіе ее, *не за нихъ* ее цѣнили, и сама она, въ особенности въ послѣдніе годы жизни, презрительно къ нимъ относилась, говоря, что это ничтожнѣйшія дѣйствія силъ, извѣстныхъ каждому фокуснику-факиру... Многія «воспоминанія» о ней ея близкихъ заявляютъ, какъ часто она останавливала съ неудовольствіемъ любопытство своихъ многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей».

Увы, это совѣмъ не то! — все дѣло *именно* въ феноменахъ. Съ ихъ помощью Е. П. Блаватская создала свое «Теософическое Общество», въ ихъ всеоружіи она явилась въ 1884 г. въ Европу для насажденія своего ученія, ими она сдѣлала себѣ рекламу и собрала вокругъ себя людей, желавшихъ ихъ видѣть съ той или иной цѣлью. *Только* эти феномены заинтересовали и привели къ знакомству съ нею такихъ людей, какъ Круксъ, Фламмаріонъ, Шарль Рише и англійскіе ученые, учредители лондонскаго «Общества для психическихъ изслѣдованій».

Эти феномены, къ сожалѣнію, *неразрывно связаны* какъ съ нею самой, такъ и съ ея «Теософическимъ Обществомъ», что будетъ доказано далѣе. Въ нихъ могла быть ея истинная сила и оказалась ея слабость. Изъ-за нихъ она погубила нравственно и себя, и многихъ, изъ-за нихъ терзалась, бѣсновалась, убивала въ себѣ душу и сердце, превращалась въ фурію и должна была вынести все то, о чемъ умалчиваетъ г-жа Желиховская.

Когда эти феномены были разоблачены, — опять-таки, какъ будетъ видно ниже изъ многого, а также изъ подлиннаго отчета и документовъ лондонскаго «Общества для психическихъ изслѣдованій», которые я приведу въ своемъ мѣстѣ, — Блаватская почла себя погибшей. Чего могла ждать для себя женщина, взявшая своимъ девизомъ: «There is no religion higher than truth» (нѣтъ религіи выше истины) — она даже на своей почтовой бумагѣ и конвертахъ выставлала этотъ девизъ, — и доказывавшая весьма важныя положенія своего ученія феноменами, несомнѣнно и неопровержимо оказавшимися самымъ грубымъ, самымъ возмуща-

тельнымъ обманомъ и поддѣлкой!? Казалось — она права была, сочтя себя погибшей.

Но дѣло въ томъ, что среди человѣческаго общества всегда находится множество лицъ, для которыхъ правда только тогда правда, когда она согласна съ ихъ желаніями. Люди, заинтересованные такъ или иначе въ процвѣтаніи «Теософическаго Общества», а также чувствовавшіе себя скомпрометтированными, стали кричать, что знаменитая «посланница тибетскихъ махатмъ» оклеветана, — и въ то же время сами не останавливались ни передъ какой, самой грязной, клеветой, чтобы, по мѣрѣ возможности, чернить и унижать ея *враговъ*, то-есть людей, не позволившихъ ей себя совсѣмъ одурачить.

Нашлось не мало жаждущихъ и алчущихъ новинки, которые не стали справляться съ формулярнымъ спискомъ Е. П. Блаватской и пристали къ ея стаду. Такимъ образомъ она увидѣла, что вовсе не погибла. Она оправилась, стала продолжать и даже расширять свою дѣятельность, только относительно феноменовъ — «закайлась», — это, молъ, напрасная затрата жизненной силы, *вздорныя* проявленія и т. д.

Однако, вотъ теперь, когда Е. П. Блаватской уже нѣтъ и, слѣдовательно, никакъ нельзя въ ея *феноменахъ* убѣдиться воочию, «полковникъ» Олкоттъ снова выступаетъ самъ и ведетъ за собою цѣлый полкъ обоего пола особъ, свидѣтельствующихъ о самыхъ поразительныхъ чудесахъ, производившихся «madame». Даже г-жа Желиховская тоже не можетъ воздержаться, чтобы не поразказать русскому обществу обо всѣхъ этихъ чудесахъ и не привести о нихъ чужіе рассказы.

Въ виду всего этого и я считаю своею обязанностью передать во всеобщее свѣдѣніе тѣ «поразительные феномены», которыхъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ. «Нѣтъ религія выше истины!» — какъ говорила, писала и печатала на своихъ бумажкахъ и конвертахъ несчастная Елена Петровна.

II.

Въ жаркій майскій полдень 1884 года я сидѣлъ за работой у себя въ саду въ просторной бесѣдкѣ, заросшей вьющейся зеленью, черезъ которую не проникало солнце и гдѣ поэтому было сравнительно прохладно.

Хотя это было въ Парижѣ и въ двухъ шагахъ отъ Avenue du bois de Boulogne, но кругомъ стояла невозмутимая тишина. Малѣнькій, очень оригинальной постройки домикъ, который я занималъ, выходилъ на impasse, гдѣ вообще почти отсутствовало какое-либо движеніе; хорошенькій садикъ, затѣненный старыми каштанами и наполненный цвѣтами, былъ обнесенъ высокой каменной стѣною, а въ глубинѣ его таилась почти незамѣтная дверца, отворявшаяся на обширный лугъ, переходившій въ опушку Булоньскаго лѣса.

Только въ такой обстановкѣ и являлась возможность, среди полной тишины, отдохнуть человѣку, сильно разстроившему себя нервы и обязанному въ то же время много работать.

Я уже нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Парижѣ такой со-всѣмъ не парижской жизнью, въ никѣмъ невозмущаемомъ уединеніи, но имѣя въ то же время подъ руками всѣ нужные матеріалы для моей работы.

Я и тогда, въ тотъ жаркій майскій полдень, разбиралъ выписки, сдѣланныя мною въ Bibliothèque Nationale. Дѣло въ томъ, что я задумалъ нѣсколько работъ въ беллетристической или иной формѣ, намѣреваясь затронуть нѣкоторые вопросы о малоизвѣстныхъ еще предметахъ, о рѣдкихъ, но, по моему мнѣнію, существующихъ проявленіяхъ мало изслѣдованныхъ душевныхъ свойствъ человѣка. Я занимался, между прочимъ, мистической и такъ называемой «окультической» литературой. Кое что изъ этой области мнѣ впослѣдствіи пришлось затронуть въ моихъ романахъ «Волхвы» и «Великій Розенкрейцеръ».

По мѣрѣ того какъ я разбирался въ своихъ выпискахъ изъ Bibliothèque Nationale, мнѣ припомнились интереснѣйшія повѣ-

ствованія «Радды-Бай», то-есть госпожи Блаватской, появившіяся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ заглавіемъ «Изъ пещеръ и дебрей Индостана» и съ такимъ интересомъ читавшіяся въ Россіи. Предметъ моихъ занятій былъ тѣсно связанъ съ главнѣйшей сущію этихъ повѣствованій.

«Не рѣшится ли въ самомъ дѣлѣ, — думалъ я, — не съѣздить ли въ Индію къ нашей удивительной соотечественницѣ, Блаватской, и убѣдиться воочію, насколько согласны съ дѣйствительностью тѣ чудеса, о которыхъ она рассказываетъ...»

Я именно думалъ объ этомъ, когда разслышалъ на крупномъ хрустѣвшемъ пескѣ дорожки моего садика приближавшіеся къ бесѣдкѣ шаги. Въ бесѣдку ко мнѣ вошла madame P., не мало лѣтъ прожившая въ Россіи парижанка, съ которой мнѣ въ то время приходилось почти ежедневно видаться.

— Вотъ, — сказала она, кладя передо мною газетный листъ, — вы такъ заинтересованы Блаватской, а она здѣсь, въ Парижѣ.

— Что вы! Не можетъ быть!

— Читайте.

Это было утреннее изданіе газеты «Matin», гдѣ, среди различныхъ новостей дня, объявлялось о томъ, что извѣстная основательница «Теософическаго общества», Е. П. Блаватская, находится въ Европѣ и на дняхъ изъ Ниццы пріѣхала въ Парижъ, поселилась въ rue Notre Dame des Champs, гдѣ она принимаетъ всѣхъ заинтересованныхъ въ возбужденномъ ею теософическомъ движеніи. Замѣтка была небольшая, но двѣ, три фразы парисовали мнѣ обстановку новопоявившейся знаменитости, въ храмъ которой со всѣхъ сторонъ стекаются жаждущіе знакомства съ нею и съ ея чудесами.

— Vite, vite! — говорила m-me P., — бросайте всѣ ваши книги и тетради и спѣшите къ ней!

— Увы, я на это не способенъ, — отвѣтилъ я, — но если она останется еще нѣкоторое время въ Парижѣ, я у нея буду, познакомлюсь съ нею — это болѣе чѣмъ вѣроятно.

Я тотчасъ же написалъ въ Петербургъ г. П., который, какъ я зналъ, находится въ письменныхъ сношеніяхъ съ Блаватской.

Я просилъ его немедленно извѣстить ее о томъ, что такой-то, живя въ настоящее время въ Парижѣ, желалъ бы съ ней познакомиться, но не сдѣлаетъ этого, не получивъ на то предваритель-но ея согласія.

Черезъ нѣсколько дней, гораздо раньше, чѣмъ я могъ ожидать, мнѣ ужъ принесли изъ Петербурга отвѣтъ, извѣщавшій меня о томъ, что Е. П. Блаватская ждетъ меня и приметъ, когда угодно.

Не безъ нѣкотораго волненія поѣхалъ я въ rue Notre Dame des Champs, vybravъ, какъ мнѣ казалось, самый удобный часъ, то-есть не слишкомъ рано и не черезчуръ поздно. За это время, пока я ожидалъ отвѣта изъ Петербурга, я уже совсѣмъ наэлектризовался предстоявшимъ мнѣ интереснымъ знакомствомъ.

Хоть у меня и не было съ собой «Пещеръ и дебрей Индостана», но я припомнилъ ихъ отъ начала до конца и почувствовалъ на себѣ все обаяніе этого талантливаго повѣствованія, гдѣ реальность смѣшивается съ самой удивительной таинственностью.

Судя по впечатлѣнію, произведенному на меня маленькой рекламой «Matin», я ожидалъ увидѣть нѣчто во многихъ отношеніяхъ грандіозное и приготавлился къ торжественной аудіенціи, которую мнѣ дастъ Е. П. Блаватская. Я былъ увѣренъ, что у ея подъѣзда увижу вереницу экипажей, что мнѣ придется очутиться среди огромнаго пестраго общества ея посѣтителей.

Но вотъ я въ далекой плохенькой улицѣ лѣваго берега Сены, «de l'autre côté de l'eau»,—какъ говорятъ парижане. Кучеръ останавливается у сказаннаго ему мною номера дома. Домъ этотъ довольно невзрачнаго вида и у подъѣзда—ни одного экипажа.

«Батюшки, пропустилъ—уѣхала изъ Парижа!»—въ досадѣ сообразилъ я.

Но нѣтъ, на мой вопросъ консьержъ указываетъ мнѣ путь, я поднимаюсь навверхъ по очень, очень скромной лѣстницѣ, звоню—и какая-то чумазая фигура въ восточномъ тюбанѣ, пропускаетъ меня въ крохотную темную переднюю.

На мой вопросъ: принимаетъ ли m-me Блаватская, чумазая фигура отвѣчаетъ мнѣ: «entrez, monsieur»,—и исчезаетъ съ моей

карточкой, а я стою и жду въ небольшой, низенькой, совсѣмъ плохо и недостаточно мебелированной комнатѣ.

Ждать мнѣ пришлось недолго, дверь отворилась и предо мною... она—довольно высокаго роста женщина, но производящая впечатлѣніе приземистой, вслѣдствіе своей необыкновенной толщины. Большая голова ея кажется еще больше отъ густыхъ, очень свѣтлыхъ, съ мало замѣтной просѣдью волосъ, мелко, мелко крепированныхъ (не искусственно, а отъ природы, какъ я потомъ убѣдился).

Въ первую секунду старое, некрасивое, землистаго цвѣта лицо ея мнѣ показалось отталкивающимъ, но вотъ она остановила на мнѣ взглядъ своихъ огромныхъ, на выкатѣ блѣдно-голубыхъ глазъ—и за этими удивительными глазами, таившими въ себѣ дѣйствительную силу, забылось все остальное.

Я замѣтилъ однако, что она весьма странно одѣта: въ какомъ-то черномъ балахонѣ, что всѣ пальцы ея маленькихъ, мягкихъ, какъ будто безкостныхъ рукъ съ очень тонкими концами и длинными ногтями унизаны драгоценными большими кдльцами.

Она встрѣтила меня такъ просто, любезно и мило, мнѣ такъ пріятно было слышать ея русскій говоръ, что мое смущеніе прошло, и вся неожиданность этой обстановки перестала меня изумлять—я, напротивъ, былъ очень радъ, найдя совсѣмъ не то, чего ожидалъ.

Черезъ четверть часа я уже бесѣдовалъ съ Еленой Петровной, какъ будто зналъ ее давно, и вся ея несуразная, аляповатая фигура мнѣ ужъ начинала нравиться. А глаза ея глядѣли такъ ласково и въ то же время такъ пристально меня разглядывали.

Я объяснилъ ей, что меня къ ней привело не праздное любопытство, что я занимаюсь мистической и оккультической литературой и прихожу за отвѣтомъ на многіе, крайне серьезные и нужные для меня вопросы.

— Чтѣ бы васъ ни привело ко мнѣ, — сказала она, — я ужасно рада познакомиться съ вами—вѣдь я русская—а если вы притомъ за серьезнымъ дѣломъ, то будьте увѣрены, что я вся къ вашимъ услугамъ. Чѣмъ могу, пособлю съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ!

Такъ она и сказала, и засмѣялась добродушнымъ, хорошимъ смѣхомъ.

— Вамъ придется, Елена Петровна, начинать со мною съ азовъ — я знаю о васъ, о вашихъ трудахъ и о вашемъ «обществѣ» только то, о чемъ вы сами печатали въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

— Ну, батюшка вы мой, — перебила она, — съ той поры много воды утекло. Общество-то наше тогда только еще вылуццалось изъ яичка, а теперь...

И она горячо стала рассказывать мнѣ объ успѣхахъ теософическаго движенія въ Америкѣ и въ Индіи, а въ самое послѣднее время и въ Европѣ.

— На долго вы здѣсь? — спросилъ я.

— А я сама еще не знаю... Хозяинъ послалъ...

— Какой хозяинъ?

— Мой хозяинъ, учитель, гуру мой, ну назовите его хоть Гулабъ Лаль-Сингомъ изъ «Пещеръ и дебрей Индостана».

Я вспомнилъ во всѣхъ подробностяхъ этого Гулабъ Лаль-Синга — это таинственное существо, о которомъ она рассказывала русскимъ читателямъ такія невѣроятныя вещи, существо, достигнувшее высшаго предѣла человѣческихъ знаній, производящее поразительнѣйшіе феномены. Я вдругъ почувствовалъ, что начинаю терять почву. Я нисколько не боюсь ничьей улыбки, заявляя, что и тогда признавалъ и теперь признаю *возможность* существованія *идъ бы то ни было*, хоть бы, пожалуй, въ пещерахъ и дебряхъ Индостана, такого человѣка, знанія котораго далеко превосходятъ все, что извѣстно современной нашей наукѣ. Еслибы я *навѣрное* зналъ, что такого человѣка *не можетъ быть*, — я имѣлъ бы основаніе, послѣ первыхъ ея словъ о *хозяинѣ*, продолжать разговоръ съ нею только въ виду цѣли разоблачить ея ложь и обманы. Но тогда я былъ очень далекъ отъ подобной цѣли.

Елена Петровна говорила о немъ, объ этомъ своемъ «хозяинѣ», очень просто, какъ о самомъ обыкновенномъ явленіи. Я, наконецъ, вѣдь и стремился къ ней главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы узнать о немъ какъ можно больше. И все-таки, несмотря

на все это, я почувствовалъ сразу что-то, какую-то неуловимую фальшь — и меня всего будто обдало холодной водою.

— Елена Петровна, — сказалъ я, — выслушайте меня и, если вы умѣете глядѣть на человѣка и его дѣйствительно видѣть, то убѣдитесь, насколько слова мои серьезны. Я прихожу къ вамъ совсѣмъ искренно, безъ всякой задней мысли, съ большимъ душевнымъ запросомъ, прихожу затѣмъ, чтобы получить отъ васъ исполненіе того, что вы обѣщаете, чѣмъ вы маните въ вашихъ разсказахъ «Изъ пещеръ и дебрей Индостана». Если вы можете — отвѣтите на этотъ мой душевный запросъ серьезно, обѣщайте мнѣ это, — если не можете или не хотите, — это все равно, будемъ знакомы какъ соотечественники, какъ собратья по перу, но пусть о разныхъ чудесахъ и о нашемъ Теософическомъ Обществѣ не будетъ разговоровъ между нами.

Она не сразу мнѣ отвѣтила, но загадочно и долго глядѣла мнѣ прямо въ глаза своими магнетическими свѣтлыми глазами, а затѣмъ торжественно произнесла: «Могу!» — и протянула мнѣ руку.

— Извините, — сказала она, вставая, — я сію секундочку вернусь, только надо приказать Бабулѣ, моему слугѣ, индусу, который вотъ вамъ двери отворилъ, позаботиться о моемъ обѣдѣ, не то я голодная останусь.

Она ушла и вернулась черезъ двѣ, три минуты.

— Ну-съ, мой милый соотечественникъ, государь вы мой Всеволодъ Сергѣевичъ, — добродушно улыбаясь начала она, садясь передо мною, — небось вы мнѣ не вѣрите, а между тѣмъ разъ я сказала, что могу, такъ значить — могу и хочу! Я вѣдь ужъ, хоть вѣрьте, хоть не вѣрьте — мнѣ-то что! — васъ знала раньше, чѣмъ П. мнѣ написалъ, я знала, что васъ ко мнѣ притянетъ. Слушайте!

Она какъ-то взмахнула рукою, подняла ее вверхъ, — и вдругъ, явственно, совершенно явственно я разслышалъ гдѣ то надъ нашими головами, у потолка, очень мелодическій звукъ — какъ бы маленькаго серебрянаго колокольчика или золотой арфы.

— Что же это значит?—спросилъ я.

— А это значитъ только то, что хозяинъ мой здѣсь, хоть мы съ вами его и не видимъ. Онъ говоритъ мнѣ, что вамъ можно довѣриться и чтобъ я сдѣлала для васъ все, что могу. *Vous êtes sous sa protection* отнынѣ и во вѣки!

Она глядѣла на меня, прямо мнѣ въ глаза, и ласкала меня своимъ взглядомъ, своей добродушной улыбкой.

— Такъ-то-съ, сударь мой!

Она мнѣ невольно все больше и больше нравилась. Меня влекла къ ней сразу явившаяся симпатія, а между тѣмъ, еслибы ея «хозяинъ» дѣйствительно былъ здѣсь и проникалъ въ суть вещей и человѣческихъ мыслей, *il ne m'aurait pas pris sous sa protection*, такъ какъ я спрашивалъ себя: зачѣмъ звукъ колокольчика раздался не сразу, а послѣ того, какъ она ушла и вернулась?

— Вы говорите по-англійски?—спросила она.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Когда-то я учился англійскому языку, но теперь почти забылъ его.

— Вотъ это жаль! Ну да какъ-нибудь обойдемся—а вамъ придется подучиться.

— Да, конечно.

Я нарочно отмѣчаю здѣсь мое незнаніе англійскаго языка, которое я нѣсколько утрировалъ, не желая никого вводить въ соблазнъ своимъ неправильнымъ произношеніемъ и ошибками. Это незнаніе, какъ выяснится въ теченіе разсказа, не только мнѣ не повредило (во все время моихъ сношеній съ «теософическимъ обществомъ» я могъ отлично обходиться русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками); но даже оказалось мнѣ весьма полезнымъ, такъ какъ ставило меня въ исключительное положеніе и при томъ, въ иныя интересныя минуты, давало мнѣ возможность очень спокойно предаваться своимъ наблюденіямъ. Однако не стану забѣгать впередъ.

— Пойдите, я васъ познакомлю сейчасъ съ молодымъ браминъ Могини, который пріѣхалъ вмѣстѣ со мною—сказала Елена Петровна.—Онъ «чела», ученикъ другого махатмы, по

имени Куть-Хуми, такого же мудреца-аскета, какъ и мой «хозяинъ», только гораздо болѣе общительнаго.

— Могини! — крикнула она — и въ то же мгновеніе дверь изъ сосѣдней комнатки отворилась, пропустивъ довольно оригинальнаго молодого человѣка. На видъ ему казалось не болѣе двадцати пяти, семи лѣтъ. Небольшая узкоплечая его фигура была облечена въ чернѣйшій кашемировый подрясникъ; густые изсиня черные волнистые волосы падали до плечъ. Верхняя часть бронзоваго лица поражала красотой — не очень высокій, умный лобъ, правильныя, не чересчуръ густыя брови и великолѣпнѣйшіе бархатные глаза съ тихимъ и кроткимъ взглядомъ. Потомъ я видалъ въ этихъ глазахъ совсѣмъ иное выраженіе, но теперь они были тихи и кротки. Только прямой, но слишкомъ широкій носъ и толстыя синеватыя губы, выступавшія среди не особенно богатой растительности усовъ и бороды, мѣшали ему быть совершеннымъ красавцемъ. Во всякомъ случаѣ наружность его могла показаться даже очень привлекательной, и нѣсколько женскихъ сердецъ въ Азіи и Европѣ могутъ кое-что рассказать о красотѣ этого молодого проповѣдника новѣйшей теософіи.

Блаватская подняла руку — Могини изогнулся въ три погибели и почти подползъ какъ бы подъ ея благословеніе. Она положила руку ему на голову, онъ выпрямился и съ большимъ достоинствомъ мнѣ поклонился.

Я протянулъ ему руку; но онъ отступилъ отъ меня и, низко кланяясь, проговорилъ:

— Excuse me, sir, I may not!

— Что это значитъ? отчего онъ не можетъ мнѣ протянуть руку? — спросилъ я Елену Петровну.

— Ну ужъ съ этимъ ничего не подѣлаешь! — объяснила она, — вѣдь онъ — «чела», все равно, что монахъ, аскетъ — понимаете... онъ долженъ отдалять отъ себя всякія земныя вліянія... знаете ли, онъ на женщинъ никогда даже и не смотритъ...

— Это, конечно, можно понять, но чтобъ мужчинамъ не протягивать руку...

— Онъ выработалъ себѣ очень тонкую организацію, онъ

слишкомъ чувствуетъ вліяніе чужого магнетизма, который можетъ передасться черезъ близкое общеніе, рукопожатіе, поцѣлуй, а потому ограждаетъ себя отъ этого, желая оставаться совершенно свободнымъ...

Могини стоялъ и посматривалъ то на меня, то на Елену Петровну..

Отъ «чель» махатмъ она перешла къ своему теософическому обществу.

— Прежде всего вы должны знать, — говорила она, — что цѣль нашего всемірнаго братства совершенно чужда какого-либо политическаго характера и что «общество» не вмѣшивается ни-коимъ образомъ въ религіозныя или иныя убѣжденія своихъ членовъ. Наши задачи—чисто научныя, мы выводимъ изъ мрака и забвенія восточныя знанія, великія и древнія, оставляющія за собою все, что знаетъ теперешняя европейская наука и чѣмъ она кичится. Наше общество подорветъ и уничтожитъ подлую, матеріалистическую науку, покажетъ всю ея глупость и несостоятельность. Смотрите—весь этотъ «цивилизованный» міръ гніетъ и погибаетъ отъ безвѣрія. Съ одной стороны матеріализмъ мнимой науки, съ другой возмутительное поведеніе духовенства, католическаго духовенства—привели всѣхъ къ невѣрію. Мы заставимъ не повѣрять, а узнать безсмертіе души и то, до чего можетъ дойти человѣкъ, даже на землѣ, очистивъ и воспитавъ въ себѣ «внутренняго» человѣка. Вотъ я... я вовсе не святая... куда мнѣ до святости, батюшка мой! а и я уже знаю и могу многое... вы слышали колокольчикъ! то ли еще услышите и увидите... если только захотите!..

— Какъ не хотѣть, Елена Петровна.

— Вотъ то-то же оно и есть! только не извольте, сударь мой, глядѣть на меня такъ подозрительно—вы вѣдь за дѣломъ пришли ко мнѣ, «хозяинъ» говорить это, а онъ ошибиться не можетъ; ну, такъ подозрительность-то свою вы въ карманъ спрячьте - и ждите—все придетъ въ свое время, и вы устыдитесь этой вашей европейской подозрительности. Сколько людей, ученыхъ, безвѣрныхъ, матеріалистовъ, да какихъ еще завзятыхъ, убѣжденныхъ,

приходило ко мнѣ вотъ съ этой самой вашей «бонтоной» подозрительностью, а уходило совсѣмъ «моветонами» — повѣривъ во все... и благодарили меня, спасительницей души называли! Мнѣ на что ихъ благодарность! а вотъ если изъ человѣка, погрязшаго во всякихъ житейскихъ мерзостяхъ, теософія дѣлала чуть-что не безгрѣшнаго, святаго человѣка, — такъ это, полагаю, недурно...

Раздался звонокъ, и къ намъ вошелъ нѣкій джентльменъ — впрочемъ, джентльменскаго въ немъ ничего не было. Среднихъ лѣтъ, рыжеватый, плохо одѣтый, съ грубой фигурой и безобразнымъ, отталкивающимъ лицомъ — онъ произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе.

А Елена Петровна знакомила меня съ нимъ, назвавъ его мистеромъ Джѣджемъ (Judge), американцемъ, своимъ близкимъ пособникомъ, который скоро уѣдетъ въ Индію, въ главную квартиру общества, близъ Мадраса, въ Адіаръ, а оттуда вернется въ Америку президентствовать надъ американскимъ теософическимъ обществомъ.

Джѣджъ пожалъ мнѣ руку и скрылся вмѣстѣ съ Могини.

— Однако, вы фізіономистъ! — воскликнула Блаватская, съ загадочной улыбкой глядя на меня.

— А что?

— Что вы думаете о Джѣджѣ?

— Я ничего еще не могу о немъ думать, — сказалъ я, — только, такъ какъ я вовсе не желаю скрываться отъ васъ, признаюсь — я не хотѣлъ бы остаться въ пустынномъ мѣстѣ вдвоемъ съ этимъ человѣкомъ!

— Ну вотъ... и вы правы, вы вѣрно отгадали... только не совсѣмъ... онъ былъ величайшій негодяй и мошенникъ, на его душѣ лежитъ, быть можетъ, и не одно тяжкое преступленіе, а вотъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ теософъ, — въ немъ произошло полное перерожденіе, теперь это святой человѣкъ...

— Отчего же у него такое отталкивающее лицо?

— Очень понятно — вѣдь вся его жизнь положила на черты его свой отпечатокъ — лицо есть зеркало души — это вѣдь не

пропись, а истина... и вотъ, ему надо, конечно, не мало времени, чтобы стереть съ своего лица эту печать проклятья!..

«Что жъ, вѣдь, однако, все это такъ именно и можетъ быть!» — подумаль я и внутренно удовлетворился ея объясненіемъ относительно Джѣджа.

Она продолжала мнѣ объяснять значеніе своего «общества» и, по ея словамъ, оно оказывалось дѣйствительно благотѣльнымъ и глубоко интереснымъ учрежденіемъ. Неисчерпаемая сокровища древнихъ знаній, доселѣ ревниво хранившіяся мудрецами раджь-югами въ тайникахъ святилищъ Индіи и совсѣмъ невѣдомыя цивилизованному міру, — теперь, благодаря ея общенію съ махатмами и ихъ къ ней довѣрію, открываются для европейцевъ. Міръ долженъ обновиться истиннымъ знаніемъ силъ природы. Эти знанія не могутъ смущать совѣсти христіанина, ибо, если они и не объясняются христіанскими вѣрованіями, то, во всякомъ случаѣ, имъ не противорѣчатъ.

— А вы сами остались христіанкой? — спросилъ я.

— Нѣтъ, я никогда и не была ею, — отвѣтила Блаватская, — до моего перерожденія, до тѣхъ поръ, пока я не стала *совсѣмъ*, *совсѣмъ* новымъ существомъ, — я и не думала о какой-либо религіи... Затѣмъ я должна была торжественно принять буддизмъ, перешла въ него со всякими ихъ обрядами. Я нисколько не скрываю этого и не придаю этому большого значенія — все это внѣшность... въ сущности я такая же буддистка, какъ и христіанка, какъ и магометанка. Моя религія — истина, ибо нѣтъ религіи выше истины!

— Такъ это вы и мнѣ, пожалуй, станете совѣтовать перейти въ буддизмъ... на томъ основаніи, что нѣтъ религіи выше истины? — улыбаясь перебилъ я.

— А это вы опять со шпилькой! — улыбнулась и она, — сдѣлайте милость, колите! — видите, какая я жирная, — не почувствую!.. Не шутите, «надсмѣшникъ» вы этакій! дѣло не въ словахъ, а опять-таки — въ истинѣ.

— Слушаю-съ!

Я сильно засидѣлся, а потому сталъ прощаться.

— Что жъ, вы вернетесь? когда?

— Когда прикажете.

— Да я-то прикажу вамъ хоть каждый день возвращаться... Пользуйтесь, пока я здѣсь, мнѣ вы никогда не помѣшаете — коли мнѣ надо будетъ работать — я такъ и скажу, не стану церемониться. Пріѣзжайте завтра.

— Завтра нельзя, а послѣзавтра, если позволите.

— Пріѣзжайте пораньше! — крикнула она мнѣ, когда я былъ уже въ передней и Бабула отворялъ дверь на лѣстницу.

Я возвращался домой съ довольно смутнымъ впечатлѣніемъ. Все это было рѣшительно не то, на чтó я рассчитывалъ! Однако что же меня не удовлетворило? Реклама «*Matin*», убогая обстановка Блаватской, полное отсутствіе у нея посѣтителей? Мнѣ, конечно, не могла нравиться эта реклама, напечатанная если не ею самой, то навѣрное стараніями кого-нибудь изъ ея ближайшихъ друзей и сотрудниковъ и съ очевидной цѣлью именно привлечь къ ней отсутствующихъ посѣтителей, помочь ея извѣстности въ Парижѣ.

Но во всякомъ случаѣ эта ея неизвѣстность здѣсь, ея уединеніе, сами по себѣ, еще ровно ничего не доказываютъ, а лично мнѣ даже гораздо пріятнѣе и удобнѣе, что я могу безъ помѣхи часто и долго съ ней бесѣдовать.

То, что она говоритъ — интересно; но покуда это только слова и слова. Ея колокольчикъ? онъ смахиваетъ на фокусъ; но я покуда не имѣю никакого права подозрѣвать ее въ такомъ цинизмѣ и обманѣ, въ такомъ возмутительномъ и жестокомъ издѣвательствѣ надъ душою человѣка!

А сама она?! Почему эта старая, безобразная на видъ женщина такъ влечетъ къ себѣ? Какъ можетъ мириться въ ней это своеобразное, комичное добродушіе и простота съ какой-то жуткой тайной, скрывающейся въ ея удивительныхъ глазахъ?..

Какъ бы то ни было, хотя и совершенно неудовлетворенный, я чувствовалъ одно, что меня къ ней тянетъ, что я заинтересованъ ею и буду съ нетерпѣніемъ ждать часа, когда опять ее увижу.

*

Дѣло въ томъ, что мое парижское уединеніе, хотя и полезное для больныхъ нервовъ, все же оказывалось, очевидно, «пересоломъ», — Блаватская явилась пока единственнымъ новымъ, живымъ интересомъ этой однообразной жизни.

III.

Черезъ день я, конечно, былъ у Елены Петровны и, по желанію ея, гораздо раньше, то-есть въ двѣнадцатомъ часу. Опять я засталъ ее одну, среди полной тишины маленькой квартирки. Она сидѣла все въ томъ же черномъ балахонѣ, со сверкавшими брильянтами, изумрудами и рубинами руками, курила и раскладывала пасьянсъ.

— Милости просимъ, милости просимъ! — встрѣтила она меня приподымаясь и протягивая мнѣ руку, — вотъ возьмите-ка креслице, да присядьте сюда, поближе... А я пасьянчикомъ балуюсь, какъ видите; пріятное это занятіе...

На меня такъ и пахнуло отъ этой индійской чудотворицы, въ этой улицѣ Notre Dame des Champs, воздухомъ старозавѣтной русской деревни. Эта американская буддистка, Богъ знаетъ сколько лѣтъ не бывавшая въ Россіи, всю жизнь промотавшаяся невѣдомо гдѣ и среди невѣдомо какихъ людей, — была воплощеніемъ типа русской, разжирѣвшей въ своей усадьбѣ, небогатой барыни-помѣщицы прежняго времени. Каждое ея движеніе, всѣ ея ужимки и словечки были полны тѣмъ настоящимъ «русскимъ духомъ», котораго, видно, никакими «махатмами» не выкуришь оттуда, гдѣ онъ сидитъ крѣпко.

Я того и ждалъ, что отворится дверь и войдетъ какая-нибудь экономка Матрена Спиридоновна за приказаніями барыни. Но дверь отворилась — и вошелъ чумазый Бабула въ своемъ тюрбанѣ и съ плутовской рожей.

Онъ молча подалъ Еленѣ Петровнѣ письмо, она извинилась передо мною, распечатала его, пробѣжала глазами и, по ея

лицу, я замѣтилъ, что она довольна. Даже про пасьянсъ свой забыла и разсѣянно смѣшала карты.

Она заговорила о своемъ «всемирномъ братствѣ» и плѣняла меня разказами объ интереснѣйшихъ матеріалахъ, доступныхъ членамъ «общества», желающимъ заняться древнѣйшими литературными памятниками Востока, никогда еще не бывавшими на глазахъ у европейца.

Возбудивъ въ достаточной мѣрѣ мое любопытство и любознательность, она воскликнула.

— Богъ мой, а сколько изумительныхъ, поражающихъ сюжетовъ для писателя-романиста, для поэта! неисчерпаемый источникъ! еслибъ я вамъ показала хоть что-нибудь изъ этого сокровища—у васъ бы глаза разбѣжались, вы такъ бы и вцѣпились...

— А развѣ это такъ невозможно... вцѣпиться?—сказала я.

— Для васъ невозможно, вы европеецъ, а индусы, даже самые высокоразвитые, самые мудрые не рѣшаются довѣряться европейцамъ.

— Въ такомъ случаѣ какое же тутъ «всемирное» братство?

— Братство именно и устроено для уничтоженія этого недоувѣрія... всѣ члены «теософическаго общества» не могутъ недоувѣрять другъ другу—они всѣ братья, къ какой бы религіи и расѣ ни принадлежали. Конечно, вамъ все будетъ открыто, всѣ наши матеріалы, если вы сдѣлаетесь «теософомъ»...

— Сдѣлаюсь ли я когда-нибудь «теософомъ» — я не знаю, ибо для того, чтобъ рѣшить это—мнѣ необходимо самому, своей головою, узнать, что именно *вы* обозначаете этимъ широкимъ и высокимъ словомъ; но такъ какъ ваше общество не есть ничто тайное, такъ какъ оно не религіозное, въ смыслѣ какой-либо секты, и не политическое, а чисто научное и литературное, то я не вижу, почему бы мнѣ не стать его членомъ, когда вы познакомите меня съ его уставомъ.

— Ахъ, да какой же вы милый, право! — оживляясь воскликнула Блаватская, — я, знаете, никогда не навязываюсь и, еслибы вы сами не изъявили желанія, никогда бы вамъ не предложила. Ну вотъ и отлично! Теперь, дорогой мой, вы мнѣ руки развязы-

;

ваете, я могу, не вызывая изумленія теософовъ и даже негодованія моихъ индусовъ, вотъ хоть бы Могини, посвящать васъ во всѣ наши занятія. Но все это впереди, теперь у насъ тутъ не до занятій. Надо прежде всего утвердить, устроить какъ слѣдуетъ «парижскую вѣтвь теософическаго общества».

— А уже есть такая?

— Да, существуетъ номинально уже два года; нѣсколько человѣкъ собираются у одной тутъ дюшессы плюсъ лэди, которой пріятно именоваться «Présidente de la société théosophique d'Orient et d'Occident»... Ну и Богъ съ ней пушай именуется, она богата, у нея здѣсь въ Парижѣ свой чудесный отѣлъ, представительство... все это не мѣшаетъ, она можетъ быть полезна. Только все устроить надо какъ слѣдуетъ. Я прожила теперь съ ней, съ этой дюшессой де-Помаръ, въ Ниццѣ; ничего она себѣ, хорошая старуха, только къ спиритизму ее все тянетъ, до того тянетъ, что она себя считаетъ новымъ воплощеніемъ на землѣ Маріи Стюартъ...

Я, вѣроятно, сдѣлала при этомъ такіе глаза, что Блаватская громко засмѣялась.

— А вы чтò думаете—ей-Богу правда!—продолжала она,—Марія Стюартъ, да и баста! Но вѣдь это, au fond, такъ невинно, никому отъ ея глупости вреда быть не можетъ...

— Извините, Елена Петровна, мнѣ кажется, что президентка, считающая себя Марією Стюартъ, не можетъ въ серьезныхъ людяхъ внушить довѣрія и уваженія къ обществу, во главѣ котораго она стоитъ.

— Да не стоитъ она вовсе во главѣ! настоящія главы будутъ другіе... а она останется «почетной» только президентшей... всякій пойметъ, что человѣческое общество не можетъ обойтись безъ практическихъ соображеній... вижу, вижу,—не нравится вамъ это... можетъ оно больше вашего и мнѣ не нравится... вѣдь и я была такой же идеалисткой—да что жъ дѣлать! А она хорошая... право!

И Елена Петровна вздохнула.

Этимъ вздохомъ ей удалось меня, въ концѣ концовъ, успокоить.

Она взяла лежавшій на столѣ печатный экземпляръ устава «теософическаго общества», и мы съ ней его разобрали отъ перваго до послѣдняго слова. Изъ этого устава я долженъ былъ убѣдиться, что дѣйствительно «общество» предписываетъ своимъ членамъ невмѣшиваться въ чужую совѣсть, уважать вѣрованія своихъ собратьевъ и не касаться религіи и политики. Каждый изъ членовъ долженъ стремиться къ своему нравственному усовершенствованію, и всѣ обязаны помогать другъ другу, какъ духовно, такъ, по мѣрѣ возможности, и матеріально. Относительно научныхъ занятій общества на первомъ планѣ стояло изученіе арійскихъ ¹⁾ и иныхъ восточныхъ литературъ, въ памятникахъ древнихъ знаній и вѣрованій, а также изслѣдованіе малоизвѣстныхъ законовъ природы и духовныхъ способностей человѣка.

Когда я, не найдя въ этомъ уставѣ ровно ничего такого, что могло бы показаться хоть сколько-нибудь предосудительнымъ, повторилъ, что готовъ вступить въ «общество», — Елена Петровна сказала:

— И такъ, рѣшено! не слѣдуетъ оставлять до завтра то, что можно сдѣлать сегодня.

— Могини! Китли! — крикнула она.

Передо мной уже знакомая фигура бронзоваго индуса съ бархатными глазами и рядомъ съ нимъ юный англичанинъ, одѣтый по послѣдней модѣ, небольшого роста, блѣлобрысый и пухленькій, съ добродушной, нѣсколько наивной фізіономіей.

¹⁾ Въ статьѣ „Елена Петровна Блаватская“ („Русское Обозрѣніе“, ноябрь 1891 г.) г-жа Желиховская, бывшая сама „членомъ теософическаго общества“, какъ мнѣ совершенно извѣстно, говоря о задачахъ этого общества, впадаетъ въ весьма курьёзную ошибку: она смѣшиваетъ изученіе древнихъ восточныхъ литературъ съ изученіемъ ереси Арія (стр. 260)! На страницѣ 287 она впадаетъ въ ту же ошибку и говоритъ о какомъ-то братствѣ *arianz*. Конечно, узнавъ о такихъ своихъ погрѣшностяхъ, она станетъ утверждать, что это только „описки“ и во всемъ обвинитъ редакцію „Русскаго Обозрѣнія“. Но какъ она объяснитъ („Рус. Обозр.“ декабрь 1891 г., стр. 595) свое заявленіе, якобы со словъ Е. П. Блаватской, что Люциферъ — носитель свѣта, а „*по-латыни* *Ēōsphoros*, какъ часто называли *римляне* Божью Матерь и Христа“???

Елена Петровна насъ познакомила, и на мой вопросъ, не «чела» ли онъ и можно ли протянуть ему руку, юный Китли (Bertram Keightley) крѣпко сжалъ мою руку и заговорилъ со мною хотя на нѣсколько ломанномъ (какъ всѣ англичане), но очень бѣгломъ французскомъ языкѣ.

— Вотъ я теперь пойду поработать, — объявила Блаватская, — а они двое васъ примутъ членомъ нашего общества и будутъ, такъ сказать, вашими поручителями.

Она ушла. Китли разсыпался въ любезностяхъ, Могини молча на меня поглядывалъ, а я ждалъ — какъ это меня будутъ «производить въ теософы».

Юный джентльменъ окончилъ свои любезности и сдѣлалъ индусу рукою знакъ, приглашая его приступить къ исполненію своихъ обязанностей. Могини мнѣ улыбнулся, потомъ устремилъ взглядъ куда-то въ пространство и началъ мѣрнымъ, торжественнымъ голосомъ. Китли переводилъ мнѣ слова его.

Индусъ говорилъ о значеніи «теософическаго общества», говорилъ то, что мнѣ уже было извѣстно изъ устава и со словъ Елены Петровны. Затѣмъ онъ спросилъ меня — искренняя ли любовь къ ближнимъ и серьезный ли интересъ къ изученію психическихъ свойствъ человѣка и силъ природы приводятъ меня въ «общество»? Я отвѣтилъ, что *празднаго* любопытства во мнѣ нѣтъ, что если-занятія мои, съ помощью членовъ общества, помогутъ мнѣ изслѣдовать хоть одинъ вопросъ, относящійся до духовной стороны человѣка — я почту себя очень счастливымъ.

— Въ такомъ случаѣ вы становитесь нашимъ собратомъ и отнынѣ вступаете въ единеніе со всѣми теософами, находящимися во всѣхъ странахъ свѣта. Я сейчасъ сообщу вамъ нашъ пароль.

— Что жъ это такое?—спросилъ я Китли.

— А это *môt de passe*, извѣстное всѣмъ теософамъ, — отвѣтилъ онъ. — Вы должны это выучить, потому что безъ знанія этого пароля вы не обойдетесь, индусы будутъ питать къ вамъ недовѣріе и, при встрѣчѣ, не признаютъ васъ своимъ другомъ, членомъ теософическаго общества.

— Я врядъ ли попаду въ Индію; но пусть Могини скажетъ

пароль, только дайте мнѣ, пожалуйста, карандашъ и бумагу — записать, я не надѣюсь на свою память.

— О! — воскликнулъ Китли, — это невозможно! вы должны запомнить наизусть, непременно наизусть. Если у васъ не занисано, а вы знаете, что надо помнить — вы невольно станете повторять про себя, заучите — и никогда не забудете.

— Хорошо, пусть онъ говорить.

Пароль состоялъ изъ разныхъ движеній пальцами и нѣсколькихъ совершенно безсвязныхъ словъ.

Они очень важно заставили меня нѣсколько разъ повторить эту абракадабру. Затѣмъ я сдѣлалъ членскій взносъ — заплатилъ фунтъ стерлинговъ и получилъ росписку. Могини кланялся мнѣ и улыбался. Китли крѣпко жаль мнѣ руку и поздравлялъ со вступленіемъ въ общество. Они были такъ торжественны и оба, особенно Китли, казались такими ребятами, забавляющимися игрушками, что эта моя «иниціация» представилась мнѣ содѣянной мною глупостью, за которую становилось какъ-то стыдно и даже почти противно.

А дальше было еще хуже. Могини, признавая теперь меня своимъ «братомъ» и, очевидно, желая заинтересовать меня, стала рассказывать о своемъ гуру, махатмѣ Кутъ-Хуми, и о томъ, что онъ сегодня утромъ удостоился получить отъ него письмо, отвѣчавшее на вопросы, только-что имъ себѣ заданные. Письмо пришло вовсе не по почтѣ, а упало прямо на голову Могини.

Индусъ рассказывалъ объ этомъ «феноменѣ» съ величайшимъ благоговѣніемъ; но я не только ему не вѣрилъ, а и почувствовалъ стремленіе скорѣе выйти отсюда на чистый воздухъ. Я уже направился было къ своей шляпѣ, какъ въ передней раздался звонокъ, и черезъ нѣсколько секундъ въ комнату вошла дама. Мы поклонились, она кивнула намъ головою и опустилась на маленький диванъ. Въ корридорѣ слышались тяжелые шаги Блаватской. Китли и Могини скрылись.

Я успѣлъ ужъ разглядѣть даму. Это была нарядная, толстая старуха, съ лицомъ, вѣроятно красивымъ въ молодости; но безъ всякаго выраженія и теперь густо покрытымъ румянами и бѣли-

лами. Изъ-подъ лентъ шляпки въ ухахъ ея сверкали огромныя бриллантовыя серьги, а на груди красовалась массивная брошка, состоявшая тоже изъ большихъ драгоцѣнныхъ камней.

— Ah, chère duchesse! — воскликнула Блаватская, входя и здороваясь съ гостѣй.

«Марія Стюартъ!» — чуть было не сказалъ я.

Хозяйка тотчасъ же представила меня, выставивъ на видъ всѣ мои аксесуары, способные придать мнѣ нѣкоторое значеніе въ глазахъ такой дамы.

Дюесса протянула мнѣ большую, толстую руку и сразу же, съ перваго слова, пригласила меня на балъ, который она дастъ черезъ нѣсколько дней. Я не безъ изумленія поблагодарилъ ее и, проговоривъ нѣсколько приличныхъ случаю фразъ, поспѣшилъ скрыться въ сосѣднюю комнату, гдѣ находились Могини и Китли. Разговоръ у насъ плохо вязался — они вглядывались въ меня, а я въ нихъ.

Дюесса не засидѣлась. Елена Петровна пріотворила къ намъ дверь и поманила меня.

— Отчего вы убѣжали? — спросила она.

— Оттого, что не хотѣлъ быть лишнимъ, у васъ могъ быть съ Маріей Стюартъ серьезный разговоръ.

— Ну вотъ пустяки!.. а на балъ къ ней вы непременно поѣзжайте.

— Ни за что не поѣду. Если будетъ нужно — вы объясните ей, что я больной человѣкъ, нелюдимъ и т. д. Это и будетъ правда...

Елена Петровна побурлила, пожурила меня, но, въ виду моей непреклонности, мало-по-малу стала успокоиваться.

— И что вы такое можете имѣть противъ нея? свѣтская женщина... всѣ онѣ въ ихъ grand monde'ѣ такія!

— Я ровно ничего не имѣю и не могу имѣть противъ нея, — отвѣтилъ я, — но съ тѣмъ, что въ grand monde'ѣ всѣ такія — не согласенъ. Я очень люблю настоящихъ свѣтскихъ женщинъ, потому что люблю всякую гармонію, красоту, изящество. Истинная grande dame, все равно — молода она или стара, красива или нѣтъ — прежде всего изящна, то-есть проста, естественна и не

думаетъ о своей важности. Эта же Марія Стюартъ — герцогиня съ плохихъ театральныхъ подмостковъ. Я увѣренъ, что она родилась не герцогиней и не лэди...

— Ну да, конечно, сказала Блаватская, — она дочь человѣка, нажившаго, не знаю какъ, мѣшокъ съ золотомъ. Титулъ ея перваго мужа, Помара, — купленъ ею, а овдовѣвъ — она купила себѣ второго мужа, уже настоящаго лорда... А какой у нея чудесный отѣлъ!.. у нея бываетъ tout Paris!

— И она можетъ сдѣлать среди этого tout Paris карьеру «теософическому обществу»! — докончилъ я, — вы совершенно правы, Елена Петровна.

— Съ волками жить, по-волчьи выть!.. а да Богъ съ нею! знаете ли, не сегодня — завтра Олкоттъ пріѣзжаетъ.

— Очень радъ это слышать, — я горю нетерпѣніемъ познакомиться съ «полковникомъ», съ которымъ уже хорошо заочно знакомъ изъ «Пещеръ и Дебрей».

— И притомъ онъ будетъ вамъ очень полезенъ: онъ магнетизеръ необыкновенной силы, излѣчилъ тысячи народу отъ всевозможныхъ болѣзней. Въ нѣсколько сеансовъ онъ такъ поправитъ ваши нервы, что вы себя совсѣмъ новымъ человѣкомъ почувствуете. Онъ вамъ навѣрное понравится. Съ его пріѣздомъ начнутся собранія и conférences его и Могини — этотъ Могини, знаете, отличный ораторъ и очень образованъ даже въ европейскомъ смыслѣ, онъ кончилъ курсъ въ университетѣ въ Калькуттѣ и много занимался разными философскими системами... Ну, и его оригинальная виѣшность, я думаю, произведетъ впечатлѣніе...

— Несомнѣнно. Гдѣ же будутъ эти conférences?

Одно собраніе должно быть у «дюшессы» — это необходимо, а затѣмъ будутъ собираться въ домъ одной теософки, m-me де-Барро. Это прелестная и замѣчательная женщина, умная, скромная... вотъ увидите, увидите не позже какъ черезъ полчаса, потому что у нея сегодня, сейчасъ предварительное собраніе — и мы всѣ ѣдемъ. За мной заѣдетъ «дюшесса», а вы отправляйтесь съ Могини и Китли.

Я не сталъ отказываться.

IV.

Вынужденный статьями г-жи Желиховской печатно говорить о моем личном знакомствѣ съ Блаватской и «теософическимъ обществомъ», — я говорю не съ чьихъ-либо словъ, а только то, что самъ видѣлъ, слышалъ и на что у меня есть неопровержимые документы. Въ случаѣ необходимости я могу представить, въ доказательство того, что утверждаю, и новыя показанія живыхъ свидѣтелей.

Я нахожу, что всякія подробности и даже подчасъ мелочи обстановки, при которой начиналась въ Европѣ пропаганда «новой религіи», соблазнительно рекомендуемой теперь и русскому обществу въ качествѣ «чистаго и высокаго ученія», — во все не бесполезны, а даже необходимы для цѣльности картины. Чего я не видѣлъ — о томъ не говорю, но что видѣлъ, то обязанъ рассказать именно такъ, какъ оно было.

Я не знаю, что такое творилось въ маѣ 1884 года въ Америкѣ и въ Индіи, не знаю даже происходившаго за это время въ Лондонѣ; но очень хорошо знаю все, происходившее въ Парижѣ. Если мнѣ приходится утверждать совершенно противоположное тому, что свидѣтельствуетъ въ своихъ статьяхъ сестра Е. Н. Блаватской, — мнѣ это весьма прискорбно, но что же я тутъ поделаю!

Дойдя до этого времени, г-жа Желиховская, въ качествѣ свидѣтельницы, между прочимъ, говоритъ: «Посѣтителей бывали ежедневно массы. Елена Петровна успѣвала заниматься лишь раннимъ утромъ отъ 6 часовъ утра до полуденнаго завтрака, а день весь проходилъ въ приемахъ и суетѣ. Общество осаждало ее разнообразное, но все изъ интеллигентныхъ классовъ. Множество французовъ-легитимистовъ и имперіалистовъ лнули къ ней почему-то въ то время; очень многіе ученые, доктора, профессора, психіатры, магнетизеры, пріѣзжіе со всѣхъ странъ свѣта и мѣстныя. Доктора Шарко тогда въ Парижѣ не было, но Рише и Комбре, его помощники, были своими людьми. Фламмаріонъ бы-

валъ очень часто; Леймари—издатель Revue Spirite; старичекъ магнетизеръ Эветъ, другъ барона Дюпота, постоянно конкуррировалъ съ Олькотомъ въ излѣченіяхъ присутствовавшихъ больныхъ. Русскихъ бывало множество мужчинъ и дамъ, и все это усиленно напрашивалось въ дружбу и въ послѣдователи ученія». («Русское Обозрѣніе» декабрь 1891 года, стр. 572).

Около двухъ мѣсяцевъ, до самой *минуты* отъѣзда Е. П. Блаватской изъ Парижа въ Лондонъ, я бывалъ у нея почти ежедневно, подолгу и въ различные часы дня — и никогда не видалъ ровно ничего, хоть сколько-нибудь напоминающаго эту блестящую картину. Реклама «*Matin*», напечатанная, какъ я слышалъ, стараніями дюшессы де-Помаръ (я этого, однако, не утверждаю за неимѣніемъ документальнаго доказательства) оказалась не стоившей уплаченныхъ за нее денегъ—она совсѣмъ не обратила на себя вниманія, какъ и многія ей подобныя. Въ то время парижскіе «интеллигентные классы» еще довольствовались своимъ, такъ сказать, официальнымъ, правительствующимъ матеріализмомъ. Люди, явно или тайно остававшіеся вѣрными католической церкви, конечно, не могли идти къ Блаватской, печатавшей, со свойственными ей писаніямъ грубостью и безцеремонностью выраженій, самыя ужасныя правды и неправды о дѣяніяхъ католическаго духовенства. Спириты чурались ея, какъ «измѣнницы», ибо она, сама бывшая спиритка и медіумъ, не только отреклась отъ спиритизма, но и оскорбляла самыя завытныя ихъ вѣрованія. Болѣе или менѣе интересные «оккультисты», какъ напримѣръ Сентъ-Ивъ, стояли совсѣмъ особнякомъ и ужь къ пей-то никакъ не могли являться съ поклономъ.

Это были первые дни и шаги нео-буддизма въ Европѣ, и ничто еще не показывало, что онъ представляетъ собою явленіе, съ которымъ въ скоромъ времени, можетъ быть, придется считаться. Вокругъ Блаватской группировалось всего нѣсколько человекъ, старавшихся, и надо сказать—довольно безуспѣшно, приводить къ пей своихъ знакомыхъ. Не только никто къ пей не «льнулъ» и не «напрашивался»; но она даже сильно смущалась черезчуръ медленнымъ ходомъ дѣла.

Когда я имѣлъ жестокость разъ-другой коснуться этого больного мѣста, она вся багровѣла и становилась ужасной въ своемъ черномъ балахонѣ «à la magicienne noire».

— Дурачье! — раздражалась она, — совсѣмъ погрязли въ своемъ матеріализмѣ и барахтаются въ немъ какъ свиньи! Ну, да пождите, все же, въ концѣ концовъ, прохватить ихъ моя теософія!..

Послѣ того времени я прожилъ еще два года въ Парижѣ и мнѣ пришлось болѣе или менѣе хорошо познакомиться почти со всѣми лицами, бывавшими у Блаватской. Такъ какъ о нихъ будетъ упоминаться въ дальнѣйшемъ разсказѣ, то я здѣсь перечислю ихъ всѣхъ и покончу съ выпиской, сдѣланной мною изъ «Русскаго Обзорнія».

Въ домѣ улицы Notre Dame des Champs, вмѣстѣ съ Еленой Петровной жили: 1) «Полковникъ» Олкоттъ, 2) Джѣджъ (онъ очень скоро уѣхалъ въ Индію), 3) Могини, 4) Бертрамъ Китли и 5) слуга Бабула.

6) Уже извѣстная дюшесса де-Помаръ, о которой больше ничего распространяться.

7) Секретарь «парижскаго теософическаго общества» — m-me Емилиа де-Морсье, племянница извѣстнаго швейцарскаго философа и теолога Эрнеста Навиля. Тогда это была сорокалѣтняя дама, высокая и очень полная, рано поблекшая блондинка, сохранявшая однако слѣды большой красоты. Сначала, при первыхъ встрѣчахъ, мы почему-то почувствовали другъ къ другу антипатію; но затѣмъ, уже по отъѣздѣ Блаватской, мало-по-малу сблизились и до сихъ поръ я считаю эту благородную, умную и талантливую женщину, а также ея мужа и семью, въ числѣ искреннихъ моихъ друзей.

Madame де-Морсье хорошая музыкантша и первоклассная пѣвица. Она въ юности мечтала объ артистической карьерѣ и, еслибы мечтамъ ея суждено было осуществиться, она была бы теперь большой знаменитостью. Но крѣпкіе какъ камень швейцарскихъ горъ семейные предразсудки лишили ее возможности посвятить себя искусству. Это большое горе ея жизни. Богато одаренная отъ природы, она не могла примириться съ сѣренькой

долей хозяйки дома разорившагося дворянина. Она отдалась литературѣ, а главнымъ образомъ — благотворительной дѣятельности. Вѣчно занятая своими тюрьмами, госпиталями и пріютами, она въ то же время всегда много читала и писала, интересовалась и увлекалась многимъ — и всюду вносила свою энергію, свой блестящій умъ, недюжинныя познанія и даръ настоящаго, прирожденнаго оратора.

Неудовлетворенная сухостью протестантскаго сектантства, въ которомъ родилась и была воспитана, чуждавшаяся папизма и хорошо знакомая съ различными злоупотребленіями воинствующаго католицизма, — она подумала, что можетъ найти удовлетвореніе своей духовной жажды въ ученіи «тибетскихъ махатмъ», возвыщавшемся устами Е. П. Блаватской и ея сотрудниковъ — Олкотта и Синнетта. Она послала въ Индію Еленѣ Петровнѣ письмо, страстность и краспорѣчіе котораго не могли не заинтересовать проповѣдницу нео-буддизма, тотчасъ же и ухватившуюся за эту богато одаренную женщину, способную въ будущемъ сослужить немалую службу «дѣлу».

М-ше де-Морсье получила отъ «madame» дружеское посланіе и засохшіе лепестки розы — «окультурный» даръ и, такъ сказать, благословеніе махатмы Кутъ-Хуми интересной прозелиткѣ. Когда Блаватская пріѣхала въ Парижъ — м-ше де-Морсье, со своимъ «талисманомъ» — розовыми лепестками у сердца, конечно, явилась на первомъ планѣ и сдѣлалась самымъ дѣятельнымъ и огнедышущимъ членомъ «теософическаго общества». Это она оказалась истиннымъ главою и душою «общества» въ роли его секретаря, это она была настоящимъ авторомъ теософическихъ брошюръ, издававшихся подъ видомъ произведеній дюшессы де-Помаръ лэди Кэтниссъ.

Но отличительная черта этой женщины — глубокая искренность и неподкупная правдивость, а потому, когда черезъ два года она стала свидѣтельницей и получила неопровержимыя доказательства «теософическихъ обмановъ» и многого еще другаго, — она ни на минуту не поколебалась признать себя введенной въ заблужденіе и одураченной. Она серьезно заболѣла отъ

потрясенія; но твердой рукою сожгла свой талисманъ — розу Кутъ-Хуми, полиѣйшее мое неуваженіе къ которой въ предыдущее время служило даже черной кошкой, пробѣгавшей между нами.

Я и m-me де-Морсье были самыми частыми посѣтителями квартиры въ улицѣ Notre Dame des Champs и ближайшими людьми къ ея хозяйкѣ, что легко будетъ доказать хоть бы только собственноручными письмами къ намъ Е. П. Блаватской.

Въ статьяхъ, печатавшихся *тогда* г-жей Желиховской въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» и «Одесскомъ Вѣстникѣ» (іюнь и іюль 1884 года) и случайно впослѣдствіи мнѣ попавшихся, о насъ громко говорится и даже, къ моему изумленію, — незнакомый еще съ «авторской манерой» г-жи Желиховской, — я нашелъ въ нихъ такія вещи, о которыхъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ¹⁾.

Между тѣмъ въ своихъ *теперешнихъ* статьяхъ о Е. П. Блаватской и въ своей пропагандѣ новаго «чистаго и высокаго ученія», г-жа Желиховская ни однимъ звукомъ не заикается обо мнѣ и m-me де-Морсье, какъ будто насъ совсѣмъ даже не было или будто наши отношенія къ ея покойной сестрѣ и близкія сношенія съ нею ей совсѣмъ неизвѣстны. Причина такого умалчиванія понятна и па ней, полагаю, нечего останавливаться. Но все-таки какъ же было не сообразить, что черезчуръ фантастическое освѣщеніе многихъ фактовъ заставитъ меня, а если понадобится, то и не одного меня, представить и свое личное свидѣтельство съ приложеніемъ «оправдательныхъ документовъ». Конечно, здѣсь былъ расчетъ на человѣческую слабость, на ложный стыдъ признанія въ своемъ, хоть и мимолѣтномъ, увлеченіи тѣмъ, что оказалось самымъ грубымъ и разсчитаннымъ на слѣпую довѣрчивость обманомъ; но дѣло слишкомъ серьезно, и жалкое малодушіе ложнаго стыда тутъ не можетъ имѣть мѣста.

¹⁾ На основаніи этихъ статей, и съ указаніями на нихъ, я до сихъ поръ получаю, время отъ времени, письма изъ разныхъ мѣстъ Россіи и отъ разныхъ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, гдѣ меня просятъ, убѣждаютъ, а то такъ и требуютъ, чтобы я подробно писалъ о Блаватской, ея ученіи и ея чудесахъ, какъ близкій ей человекъ и свидѣтель, по заявленію г-жи Желиховской. Я или молчалъ на эти письма, или кратко отвѣчалъ, что все, что я видѣлъ, было бы дѣйствительно чудесно, кабы тамъ не было обмана. Настоящимъ разсказомъ я вполне удовлетворю любознательность моихъ корреспондентовъ.

8) М-ме де-Барро (Caroline de Barrau), пожилая, скромная, молчаливая и болѣзненного вида женщина, представляла собою примѣръ того, что самая бодрая, сильная душа и высокоразвитый разумъ могутъ вмѣщаться въ крайне невзрачномъ и слабомъ тѣлѣ. Жена состоятельнаго дворянина, имѣющаго помѣстья въ Гасконіи, м-ме де-Барро посвятила Парижу свою далеко небезызвѣстную, знаменательную дѣятельность.

Не понимаю—зачѣмъ г-жѣ Желиховской понадобилось называть ее графиней: она графиней никогда не была и не принадлежала къ числу особъ, противузаконно присвоивающихъ какіе-либо титулы и отличія. У нея были отличія, въ видѣ настоящихъ дипломовъ на ученія и иныя почетныя званія (а это большая рѣдкость для французской женщины); она сотрудничала во многихъ періодическихъ изданіяхъ и оставила послѣ себя интересныя сочиненія: «Женщина и воспитаніе», «Призваніе женщины», «Деревенская женщина въ Парижѣ», этюдъ «о заработной платѣ женщинъ» и т. д. Но она не только не кичилась своими отличіями и трудами, а краснѣла какъ пансіонерка и не знала, куда дѣваться, когда кто-либо упоминалъ о нихъ. Она всецѣло отдавала свою душу, свое время и свои средства добрымъ дѣламъ, и въ этой дѣятельности ея вѣрный другъ, м-ме де-Морсье, являлась ея постоянной и ближайшей помощницей.

М-ме де-Барро жила въ небольшомъ, простенькомъ, но комфортабельномъ домѣ въ глубинѣ *impasse'a*, на улицѣ *Varenne*. Жила она очень странно, повидимому почти въ полномъ уединеніи, и сама всегда отворяла гостямъ своимъ двери. Заинтересовавшись «теософическимъ обществомъ», главнымъ образомъ благодаря вдохновенному краснорѣчію м-ме де-Морсье, она предоставила свой тихій, удобный домъ для *conférences'овъ*; но сама, отъ начала до конца, относилась ко всему нѣсколько сдержанно и, такъ сказать, выжидательно. Когда «феномены» были разоблачены и изъ-за «всемирнаго братства любви и разума» выдвинулась обманная махинація, — м-ме де-Барро тотчасъ же присоединила свою подпись къ заявленію, посланному въ Индію, которымъ отрезвившіеся парижскіе «теософы» отказывались отъ своего член-

ства въ «обществѣ», созданномъ Еленой Петровной Блаватской.

Около двухъ лѣтъ тому назадъ я съ грустью получилъ извѣстіе о кончинѣ m-те де-Барро и, читая печатные тексты рѣчей, говорившихся по случаю этой кончины, сказалъ себѣ, что «на сей разъ» въ нихъ нѣтъ никакой фальши, никакихъ преувеличеній. Мнѣ тяжело подумать, что, пріѣхавъ въ Парижъ, я уже не увижу этого блѣднаго, тихаго лица, въ молодости должно быть очень похожаго на некрасивую Гольбейновскую мадонну, не услышу ея какъ бы робкаго голоса, которымъ она, въ краткихъ словахъ, всегда умѣла сказать что-нибудь очень продуманное, разумное и вѣрное...

Что касается ея мужа, его почти никогда не бывало въ Парижѣ, онъ жилъ у себя въ имѣніи и не имѣлъ *ровно никакого* отношенія къ «теософическому обществу». Какимъ образомъ г-жа Желиховская пристегнула и его, съ титуломъ графа, къ окружю своей покойной сестры — это остается ея тайной.

9) Графиня д'Адемаръ, личная пріятельница Елены Петровны Блаватской. Это была тоже весьма уже немолодая свѣтская дама съ лицомъ до того искусно эмальированнымъ, что на нѣкоторомъ разстояніи казалась совсѣмъ молодой и очень красивой. Она появлялась нѣсколько разъ, всегда на краткій мигъ, какъ шелковый, раздушенный метеоръ — и исчезала. Такимъ образомъ зналъ я ее совсѣмъ мало, никогда не слыхалъ отъ нея чего-нибудь хоть бы чуть-чуть «теософическаго» и, какъ кажется, кромѣ своего удивительно эмальированнаго лица, она ничѣмъ не отличалась. Блаватская дѣйствительно провела два дня у нея въ имѣніи.

10) Г-жа Желиховская пишетъ: «Доктора Шарко тогда въ Парижѣ не было; но Рише и Комбре, его помощники, были своими людьми». Зачѣмъ говорить о Шарко, котораго «не было» — я не знаю; что же касается Рише, то нашъ авторъ впадаетъ въ большую ошибку. У Шарко въ Сальпетриерѣ дѣйствительно есть помощникъ, докторъ Поль Рише (Paul Richer), написавшій большую и довольно интересную книгу: «Etudes cliniques sur l'Hystéro-epilepsie ou Grande hystérie»; но его, должно быть, тоже «въ Парижѣ не было». Г-жа Желиховская говоритъ совсѣмъ не о

немъ, а объ одномъ изъ талантливейшихъ современныхъ французскихъ ученыхъ, Шарль Рише (Charles Richet), сочиненія котораго и въ Россіи пользуются большой извѣстностью. Шарль Рише вовсе не помощникъ Шарко. У Елены Петровны Блаватской онъ «былъ», но не «бывалъ», а быть у нея «своимъ человѣкомъ» ему никогда и во снѣ не снилось. Вотъ что писалъ онъ мнѣ, между прочимъ, въ концѣ декабря 1885 года: «...Pour ma part j'avais des doutes énormes. Avant d'admettre l'extraordinaire, il se faut méfier de l'ordinaire qui est la fourberie: et, de toutes les garanties scientifiques, la certitude morale et la confiance est la plus efficace. Mais quelle dure ironie que cette mad. B. que fonde une religion, comme Mahomet, avec les mêmes moyens à peu près. Peut être réussira-t-elle. En tout cas ce ne sera ni votre faute, ni la mienne. Il faut je crois en revenir à l'opinion des vieux auteurs—observer et expérimenter—et ne pas écouter les dames, qui ont passé sept ans au Thibet...»¹⁾ Кажется—довольно ясно!

11) Бѣдный Комбре! какъ былъ бы онъ счастливъ не въ статьяхъ только г-жи Желиховской, а въ дѣйствительности состоятъ помощникомъ Шарко и идти въ парѣ съ Рише! Будучи студентомъ медицины, онъ слушалъ, конечно, лекціи и Шарко, слушалъ внимательно; но никогда не былъ, да и не могъ быть его помощникомъ, ибо жизнь увлекла его совсѣмъ въ иную сторону. Весь его ученый багажъ состоитъ изъ маленькой, весьма специальной диссертации «о вспрыскиваніи ртути подъ кожу». Хотя онъ и докторъ медицины, но не имѣетъ никакого officialнаго положенія и не практикуетъ.

Это очень милый, симпатичный и даже талантливый человѣкъ; но безнадѣжный неудачникъ, «изобрѣтатель», съ патентами кото-

¹⁾ «... Что касается меня—я имѣлъ огромныя сомнѣнія. Прежде чѣмъ допустить необыкновенное, надо остерегаться обыкновеннаго, то-есть плутовства: и изъ всѣхъ научныхъ гарантій самая существенная—это нравственная увѣренность и довѣріе. Однако что-за жестокая иронія—эта г-жа Б., основывающая религію, подобно Магомету, и почти такими же средствами. Быть можетъ ей и удастся. Во всякомъ случаѣ это будетъ не по вашей и не по моей винѣ. Кажется, слѣдуетъ возвратиться къ мнѣнію старыхъ авторовъ: наблюдать и производить опыты,—и не слушать дамъ, проводившихъ семь лѣтъ въ Тибетъ...»

раго всегда случаются самыя невѣроятныя вещи, такъ что вся жизнь его — рядъ непрестанныхъ бѣдствій и затрудненій.

Онъ сынъ гасконскаго аптекаря, съ дѣтства имѣлъ какое-то отношеніе къ семейству де-Барро и отсюда, т. е. черезъ г-жъ де-Барро и де-Морсье, его появленіе въ «теософическомъ обществѣ». Идеалистъ и мечтатель, онъ неудержимо влекся ко всякому «оккультизму», но заняться этимъ оккультизмомъ всегда могъ только «завтра», ибо «сегодня» у него было столько дѣла, что онъ хватался за голову и за больное отъ вѣчныхъ волненій сердце.

Онъ «изобрѣталъ» самыя противоположныя вещи: то чудесное масло и сало для смазыванія всякихъ машинъ, то какую-то удивительную лампу, то цѣлебную туалетную воду, мыло съ примѣсью лѣкарственныхъ веществъ... Богъ знаетъ что! Всѣ эти изобрѣтенія должны были дать ему милліоны, пока же онъ уничтожилъ состояніе, скопленное его старымъ отцомъ цѣною лишеній всей жизни, вошелъ въ неоплатные долги и постоянно находился «наканунѣ описи своего имущества», которую отдалялъ какими-то дѣйствительно почти «оккультными» способами.

Устремивъ мечтательные глаза вдаль и встряхивая черными кудрями, онъ могъ по цѣлымъ часамъ говорить своимъ смѣшнымъ гасконскимъ говоромъ о чемъ угодно — и говорить горячо, увлекательно, выказывая иной разъ большія познанія, глубину мысли и широту взгляда.

Я полюбилъ его, и онъ, во все время моего пребыванія въ Парижѣ, нерѣдко посѣщалъ меня. Онъ оказался превосходнымъ, искуснымъ гипнотизёромъ, покусилъ Фельдмана, и когда мнѣ пришлось, какъ будетъ видно дальше, заняться этимъ предметомъ, — онъ былъ мнѣ въ большую помощь.

«Теософическимъ обществомъ» онъ сильно увлекся, но глаза его своевременно открылись — и онъ ушелъ отъ этихъ обмановъ, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ. На дняхъ еще я получилъ о немъ извѣстіе: онъ все тотъ же, такъ же «завтра» займется «оккультизмомъ», черезъ годъ будетъ милліонеромъ, а «сегодня» ждетъ описи своего имущества.

12) Былъ на двухъ или трехъ conférences'ахъ нѣкто Оливье, зна-

комый m-me де-Барро, пока ничѣмъ особенно не прославившійся; но очень интересовавшійся разными «психическими» вопросами. Это онъ привезъ къ Блаватской своего товарища, Шарля Рише.

13) Швейцарецъ Тюрманнъ, попавшій черезъ m-me де-Морсье, фанатическій мистикъ, готовый вѣрить чему угодно безъ всякихъ разсужденій. Онъ былъ сначала мартинистомъ, потомъ спиритомъ. Говорилъ много и на conférences'axъ вступалъ въ пренія; но всегда толковалъ невпопадъ, такъ что очень надоѣдалъ всѣмъ. Черезъ нѣкоторое время онъ совсѣмъ исчезъ куда-то, чуть ли не умеръ.

14) Почтенный старикъ, ученый лингвистъ Жюль Бессакъ, знатокъ, между прочимъ, русскаго языка и, по своему оффиціальному положенію, присяжный переводчикъ парижскаго апелляціоннаго суда. Имя его пользуется уваженіемъ среди французскихъ ученыхъ. Онъ напечаталъ нѣсколько серьезныхъ, обстоятельныхъ изслѣдованій о древнихъ вѣрованіяхъ и, какъ специалистъ, заинтересовался «теософическимъ обществомъ», съ которымъ его познакомилъ m-me де-Морсье, его старинная пріятельница.

15) Камилла Фламмаріона я видѣлъ у Блаватской всего одинъ разъ и на conférences'axъ онъ не бывалъ. Онъ взглянулъ, послушалъ; но Елена Петровна не счумѣла заинтересовать его — ея фантазіи и гипотезы оказывались слабѣе смѣлыхъ гипотезъ и фантазій высокоталантливаго автора Lumen'a и Uranie.

16) Виконтъ Мельхиоръ де-Вогюэ, извѣстный своими интересными, несовсѣмъ безпристрастными и, во всякомъ случаѣ, односторонними статьями о Россіи, былъ на одномъ лишь conférence'ѣ.

17) Леймари, извѣстный среди парижскихъ спиритовъ и дѣлавшій себѣ состояніе спиритическими изданіями, нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ Блаватской, желая купить у нея право изданія французскаго перевода ея «Isis unveiled». Но они не сходились въ условіяхъ; къ тому же Елена Петровна ему очень недовѣряла и боялась какого-нибудь «подвоха» (какъ она выражалась) со стороны спиритовъ, а потому изъ этого дѣла ничего не вышло.

18) «Старичекъ Эветтъ» былъ дѣйствительно старичкомъ, ма-

ленькимъ, старенькимъ, но совсѣмъ еще бодрымъ, съ дѣтски невиннымъ выраженіемъ и робкими манерами. Онъ нерѣдко являлся въ улицу Notre Dame des Champs, здоровался, садился въ уголокъ на кончикъ стула—и молчалъ. Если хозяйка была въ добромъ расположеніи духа, то ради его одобренія она говорила:

— Monsieur Evette, у меня руку ломить—поманетизируйте!

Онъ вскакивалъ со стула, кидался къ ней и, видимо приходя въ восторгъ, начиналъ пассы своими старческими, уже нѣсколько дрожавшими руками.

Когда эти манипуляціи надоѣдали Еленѣ Петровнѣ, она кивала головою и произносила:

— Merci, cher monsieur Evette, ça va mieux!... о, да какая же у васъ сила!

Онъ дулъ себѣ на руки, блаженно улыбался и, счастливый, опять садился на кончикъ стула.

Привела его, опять-таки, ш-ше де-Морсье, знакомая съ нимъ долгіе годы. Такъ какъ мнѣ было объявлено, что этотъ старичекъ—«знаменитый» магнетизеръ и другъ покойнаго барона дю-Поте (дѣйствительно весьма извѣстнаго магнетизера и автора интересныхъ сочиненій по этому предмету),—я обратился къ нему съ нѣкоторыми вопросами относительно теорій и взглядовъ дю-Поте, книги котораго прочелъ незадолго передъ тѣмъ.

Онъ очень внимательно, съ видимымъ напряженіемъ меня выслушалъ, потомъ покраснѣлъ и съ добродушной улыбкой мнѣ отвѣтилъ:

— Я глубоко сожалею, что не могу имѣть чести исполнить ваше желаніе. Я очень мало смыслю въ ученыхъ предметахъ и не получилъ образованія... Къ тому же, я отъ природы,—не стыжусь въ этомъ признаться—недалекъ... je suis très simple... что жъ дѣлать!—вѣдь этого не скроешь! Мое единственное качество—я добръ... je suis bon... а потому Господь далъ мнѣ способность исцѣлять магнетизмомъ всякія болѣзни... Monsieur le baron du-Potet me disait souvent: mon pauvre Evette, tu es très

simple, mais tu es bon... ¹⁾), и вотъ поэтому онъ любилъ меня, и во время своей предсмертной болѣзни онъ только мнѣ одному позволилъ себя магнетизировать...

На его глаза, при этомъ воспоминаніи, навернулись слезы.

Когда потомъ, мѣсяца черезъ два по отъѣздѣ Блаватской, я спросилъ его, чтѣ именно могло привлечь его къ «теософическому обществу» и его создательницѣ—онъ широко раскрылъ глаза и сказалъ:

— Mon Dieu, monsieur, c'est fort simple; quand m-me de-Morsier vint me dire: père Evette, allons!—eh ben—j' suis allé... v-là! Et puis m-me Blavatsky est une personne si honorable... grande dame russe! ²⁾).

Онъ упрасивалъ меня позволить ему полѣчить мои нервы его «добрымъ» магнетизмомъ, объясняя, что когда онъ магнетизируетъ—всѣ болевья ощущенія пациента переходятъ къ нему и только послѣ сеанса, разобщившись съ больнымъ, онъ отъ нихъ отдѣляется. Это показалось мнѣ достойнымъ проверки и, такъ какъ назначенная имъ плата за сеансы была по моимъ средствамъ, я согласился испробовать. Онъ сталъ являться ко мнѣ, а то и я заѣзжалъ къ нему, въ мрачную, до невѣроятія запыленную квартиру, наполненную старинными картинами и всякимъ старымъ хламомъ,—онъ оказался скупщикомъ и продавцемъ этого хлама, носящаго названіе «рѣдкостей».

Я долженъ сказать, что онъ не оправдалъ моихъ ожиданій: я былъ почти совершенно увѣренъ, что на первомъ же сеансѣ онъ мнѣ наговоритъ всякій вздоръ относительно моихъ ощущений. Ничуть не бывало! какъ ни скрывался я отъ него—онъ всегда безошибочно указывалъ мнѣ на мѣсто моихъ страданій и описывалъ ихъ совершенно вѣрно. Если я, заработавшись передъ тѣмъ, чувствовалъ утомленіе и боль въ глазахъ—стояло ему

¹⁾ Баронъ дю-Потэ мнѣ часто говаривалъ: мой бѣдный Эветтъ, ты очень недалеко, но ты добръ...

²⁾ Ахъ Боже мой, monsieur! Это очень просто, m-me де-Морсье пришла ко мнѣ и сказала: пойдите, старина Эветтъ!—я и пошелъ... вотъ и все тутъ! И къ тому же m-me Блаватская такая почтенная особа, высокопоставленная русская дама!

начать пассы, какъ его глаза краснѣли и наполнялись слезами. Одинъ разъ онъ пришелъ ко мнѣ, когда я сильно мучился болью въ области печени. Я ничего не сказалъ ему. Послѣ первыхъ же пассовъ онъ схватился за печень и такъ измѣнился въ лицѣ, что я поневолѣ долженъ былъ почестъ себя побѣжденнымъ, хотя и не устыдился своего скептицизма и подозрительности, такъ сердившихъ во мнѣ Елену Петровну.

Однако, послѣ мѣсяца сеансовъ, я почелъ себя въ правѣ прекратить ихъ на слѣдующихъ двухъ основаніяхъ: 1) я нисколько не сталъ себя лучше чувствовать; 2) не я ему, а онъ мнѣ передалъ жесточайшій гриппъ, который не прошелъ послѣ окончанія сеанса, а продержалъ меня въ кровати около недѣли.

„Старичекъ“ во все время моего пребыванія въ Парижѣ изрѣдка посѣщалъ меня и рассказывалъ мнѣ самыя изумительныя магнетическія чудеса о баронѣ дю-Поте и о себѣ самомъ. Года три тому назадъ какіе-то его родственники прислали мнѣ въ Петербургъ извѣщеніе о его „христіанской кончинѣ“ съ приглашеніемъ на похороны.

«Старичекъ магнетизеръ Эветъ, другъ барона Дюпоте, постоянно конкуррировалъ съ Олькотомъ въ излѣченіяхъ присутствовавшихъ больныхъ»...—да вѣдь это значитъ, что въ квартирѣ Е. П. Блаватской была лѣчебница для приходящихъ больныхъ! Слѣдовало бы хоть приложить *списки* этихъ многочисленныхъ больныхъ съ исторіей ихъ *болѣзней* и *излѣченій*. Богъ знаетъ что такое!

19—24) Видѣлъ я въ квартирѣ улицы Notre Dame des Champs двухъ американокъ, по фамиліи Дидсонъ и Голлоуэй, нѣкоего «профессора», не помню ужъ какого предмета, Вагнера съ женою, и, наконецъ, къ самому концу пребыванія Блаватской въ Парижѣ, магнетизера Робера съ его «субъектомъ», юношей Эдуардомъ. Какъ тогда, такъ и впослѣдствіи я отъ этого Робера и его субъекта *ровно ничего* интереснаго не видалъ, несмотря на толки между дамами о ихъ чудесахъ.

25) Пожилая дѣвица, русская фрейлина А. (фамилія этой особы начинается не съ этой буквы; но такъ какъ она тщательно

скрывала свои *faits et gestes* и въ журналахъ «Лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій» обозначена такимъ именно образомъ,—я, вовсе не желая быть ей непріятнымъ, называю ее А.) Г-жа А. была въ то время пріятельницей m-me де-Морсье и опять таки черезъ нее заинтересовалась «теософическимъ обществомъ». Она была постоянно окружена всякаго рода «феноменами» и чудесами; удивительные рассказы ея о томъ, что на каждомъ шагу случалось съ нею—могли довести до головокруженія. Она не жила въ Россіи, имѣла квартиру въ Парижѣ; но постоянно исчезала невѣдомо куда и вообще была поглощена какими-то крайне сложными и запутанными своими дѣлами. О ней мнѣ придется не разъ упоминать въ дальнѣйшемъ разсказѣ. Теперь я давно ужъ потерялъ ее изъ виду.

26) Русскій князь У. (теперь, какъ я слышалъ, умершій). Я нѣсколько зналъ его, такъ какъ года за два передъ тѣмъ А. Н. Майковъ привезъ его ко мнѣ въ домъ на литературный вечеръ. Онъ былъ у Е. П. Блаватской одинъ разъ и потомъ я видѣлъ его на торжественномъ *conférence* въ домѣ m-me де-Барро.

27) Русскій генераль-маіоръ К., бывшій также одинъ разъ у Е. П. Блаватской и затѣмъ на *conférence*ѣ.

Быль ли сдѣланъ этими двумя господами членскій взносъ и числятся ли они въ спискахъ «общества» —я не знаю.

28) Русская дама съ иностранной фамиліей, г-жа Г., изъ Одессы, знакомая родственниковъ Елены Петровны. Она являлась со своимъ сыномъ, несчастнымъ горбатымъ мальчикомъ—и больше мнѣ рѣшительно нечего о ней прибавить.

Затѣмъ остаются двѣ русскія дамы, родственницы Е. П. Блаватской, и—я. Это *все*. Тридцать одинъ человѣкъ, ну скажемъ — *тридцать пять*, на случай, еслибъ я забылъ кого-нибудь изъ совсѣмъ ужъ вообще, или въ то время, *невидныхъ, безъ рѣчей*.

Нѣкоторые изъ этихъ лицъ, какъ показано выше, только мелькнули и исчезли. Другіе же были привлечены главнымъ образомъ m-me де-Морсье. Въ такомъ видѣ является *дѣйствительная* картина парижскаго «теософическаго общества» лѣтомъ

1884 года. Это былъ очень небольшой дамскій кружокъ—и ничего болѣе.

Еслибы кто-нибудь былъ еще, кого я не зналъ и не видалъ, Елена Петровна, подзадориваемая моими замѣчаніями о томъ, что дѣло идетъ черезчуръ вяло, непремѣнно говорила бы со мною о неизвѣстныхъ мнѣ лицахъ, указывала бы на нихъ, и притомъ эти лица непремѣнно, ея стараніями, появились бы на conférences ахъ, крайняя малолюдность которыхъ совершенно удручала основательницу «теософическаго общества».

Гдѣ же эти «массы», «осаждавшія» тогда Елену Петровну, какъ увѣряетъ г-жа Желиховская?? Гдѣ это «множество французовъ легитимистовъ и имперіалистовъ», которое къ ней «льнуло»? Гдѣ эти «очень многіе ученые, доктора, профессора, психіатры, магнетизеры, пріѣзжіе со всѣхъ странъ свѣта и мѣстные»? Гдѣ «множество русскихъ мужчинъ и дамъ, усиленно напрашивавшихся въ дружбу и въ послѣдователи ученія»?.

Вѣдь должна же быть, наконецъ, какая-нибудь разница между писаніемъ «повѣсти для легкаго чтенія» и писаніемъ «біографическаго очерка» женщины, которую называютъ «всемірной знаменитостью», возбужденное ею движеніе—«міровымъ явленіемъ», а «чистымъ и высокимъ ученіемъ» которой соблазняютъ русское общество!!

И это лишь первые цвѣточки,—впереди много крупныхъ ягодъ различнаго и самаго неожиданнаго сорта.

V.

Объ этомъ первомъ собраніи теософовъ, на которое я поѣхалъ въ сопровожденіи Могини и Китли, распространяться не стану, такъ какъ оно не ознаменовалось ровно ничѣмъ интереснымъ въ «теософическомъ» или «окултномъ» смыслѣ. Для меня оно имѣло значеніе лишь въ томъ отношеніи, что я познакомился съ m-me де Барро, m-me де Морсье, фрейлиной А., докторомъ Комбре,

Оливье, Тюрманномъ и «старичкомъ» Эветтомъ. Кромѣ этихъ лицъ никого не было. Мы размѣстились въ просторной столовой вокругъ обѣденнаго стола, покрытаго клеенкой, причемъ председательскія мѣста заняли, конечно, «дюшесса» и Елена Петровна.

Разговоръ велся беспорядочный, переходилъ съ предмета на предметъ и ни на чемъ не останавливался. Вдругъ раздался крикливый и пискливый голосъ. Это заговорилъ Тюрманнъ, пожилой, прилизанный лысый человѣкъ съ огненно-красными щеками и носомъ, испещренными синими жилками. Заговоривъ—онъ уже очевидно не могъ остановиться и слушалъ самъ себя все съ возрастающимъ наслажденіемъ. Онъ толковалъ о «мартинизмѣ», о своемъ «philosophie incopni», о Сведенборгѣ, о «спиритизмѣ»; но понять, зачѣмъ онъ все это говорилъ—не было никакой возможности. Ровно никакихъ новыхъ, хоть сколько-нибудь интересныхъ свѣдѣній онъ не сообщилъ, а только расплывался въ красивыхъ шаблонныхъ фраззахъ, которыя французъ можетъ нанизывать одна на другую до безконечности.

Блаватская отдувалась, курила папиросу за папиросой и, очевидно не слушая, поводила во всѣ стороны своими огромными свѣтлыми глазами. Наконецъ m-me де Морсье перебила оратора и рѣшительно сказала, что надо немедленно выработать программу занятій и конференсовъ. Она выразила, отъ лица французскихъ теософовъ, желаніе, чтобы «полковникъ» Олкоттъ и Могини прежде всего преподали парижской вѣтви теософическаго общества истинное познаніе двухъ главнѣйшихъ ученій «эзотеризма»—о «Кармѣ» и о «Нирванѣ», причемъ брала на себя трудъ записывать ихъ слова и затѣмъ переводить по-французски. Блаватская дала на это свое полное согласіе, а Могини улыбался и прикладывалъ руку къ сердцу. Черезъ нѣсколько минутъ все было кончено, изъ-за стола встали и начались «приватные» разговоры.

Когда я, черезъ два дня, появился въ квартирѣ улицы Notre Dame des Champs, Елена Петровна, выйдя ко мнѣ, объявила:
— Олкоттъ пріѣхалъ! вы его сейчасъ увидите.

И я увидѣлъ «полковника», вѣрнаго спутника и сотрудника

Блаватской, президента теософического общества. Его внѣшность произвела на меня сразу очень хорошее впечатлѣніе. Человѣкъ уже конечно за пятьдесятъ лѣтъ, средняго роста, плотный и широкий; но не толстый — онъ, по своей энергичности и живости движеній, казался далеко не старикомъ и являлъ всѣ признаки большой силы и крѣпкаго здоровья. Лицо его было красиво и пріятно, большая лысина шла къ этому лицу, обрамленному великолѣпной, совершенно серебряной бородою. Онъ носилъ очки, нѣсколько скрывая за ними единственный недостатокъ своей наружности, являвшійся однако настоящей «ложкой дегтю въ бочкѣ съ медомъ». Дѣло въ томъ, что одинъ глазъ его оказывался крайне непослушнымъ и то и дѣло бѣгалъ во всѣ стороны, иногда съ изумительной и весьма непріятной быстротою. Пока этотъ непослушный глазъ оставался спокойнымъ — передъ вами былъ красивый, пріятный, добродушный, хотя и не особенно умный человѣкъ, подкупающій своей внѣшностью и внушающій къ себѣ довѣріе. Но вотъ что-то дернулось, глазъ сорвался съ мѣста, забѣгалъ подозрительно, плутовато — и довѣріе сразу исчезнетъ.

Олкоттъ уже получилъ, очевидно, отъ «madame» подробныя инструкціи относительно меня, а потому съ первыхъ же словъ выказалъ мнѣ большую любезность и вниманіе. Онъ очень сносно говорилъ по-французски и, когда Елена Петровна ушла къ себѣ писать письма, повелъ меня въ свою комнату, предложилъ мнѣ одинъ изъ трехъ находившихся въ ней стульевъ, самъ сѣлъ на другой и началъ бесѣду о «феноменахъ» и махатмахъ. Подробно рассказалъ онъ мнѣ, какъ къ нему являлся «хозяинъ» «madame», махатма Моріа (и онъ, и Блаватская, и «челы» почему-то всегда избѣгали, говоря объ этомъ махатмѣ, произносить его имя и обозначали его или словомъ «*maître*» или просто буквою М); но являлся не въ своемъ матеріальномъ тѣлѣ, а въ тѣлѣ тончайшемъ (*en corps astral*) ¹⁾.

¹⁾ Г. Бессакъ, передавая о такомъ же рассказѣ ему Олкотта, говоритъ въ „Revue de l'histoire des religions“ („La nouvelle théosophie“, par J. Baissac), что это былъ, повидимому, махатма Кутъ-Хуми. Не знаю изъ чего онъ вывелъ это заключеніе; мнѣ же Олкоттъ говорилъ именно о явленіи „хозяина“ *madame*, т. е. махатмы Моріа.

— Почему же вы увѣрены, что это былъ дѣйствительно онъ, а не ваша субъективная галлюцинація?—спросилъ я.

— Потому что онъ мнѣ оставилъ неопровержимое доказательство своего присутствія—онъ, передъ тѣмъ какъ исчезнуть, спялъ со своей головы тюрбанъ... вотъ

— При этихъ словахъ «полковникъ» развернулъ передо мною шелковый платокъ, вынулъ изъ него индійскій, изъ какой-то легкой матеріи, шарфъ и подалъ мнѣ.

Я посмотрѣлъ, потрогалъ—шарфъ какъ шарфъ, совсѣмъ матеріальный, не призрачный.

Олкоттъ благоговѣнно завернулъ его опять въ платокъ и затѣмъ показалъ мнѣ еще одну диковинку—очень странный и довольно красивый рисунокъ, сдѣланной акварелью и золотой краской. При этомъ я получилъ объясненіе, что «madame» положила руку на чистый листъ бумаги, потеряла его немного—и вдругъ самъ собою образовался этотъ рисунокъ.

Когда Блаватская окончила свою корреспонденцію и мы съ ней бесѣдовали въ пріемной, она очень живо спросила меня, показалъ ли мнѣ «полковникъ» шарфъ махатмы и рисунокъ?

— Да, показалъ.

— Не правда ли, это интересно?

— Нисколько!—отвѣтилъ я,—и слѣдовало бы посоветовать Олкотту не показывать здѣсь этихъ предметовъ, особенно мужчинамъ. Для него самого и шарфъ, который онъ получилъ изъ рукъ «исчезнувшего» на его глазахъ существа, и рисунокъ, при «исключительномъ» произведеніи котораго онъ присутствовалъ—имѣютъ громадное значеніе. Но для посторонняго человѣка, все равно вѣрить онъ или не вѣрить въ «возможность» такихъ вещей—развѣ это доказательство? Я гляжу—и для меня это только шарфъ, только рисунокъ. Вы скажете, что Олкоттъ не заслуживаетъ недовѣрія; но я вамъ отвѣчу, что въ дѣлахъ подобнаго рода человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, не имѣетъ права разсчитывать на довѣріе къ себѣ и обижаться недовѣріемъ,—иначе это будетъ большою съ его стороны наивною, очень для него вредною.

Блаватская усмѣхнулась.

— Не всё такіе «подозрители», какъ вы, — сказала она, — а впрочемъ я благодарю васъ за совѣтъ и приму его къ свѣдѣнію. Да, вы правы, мы въ Европѣ, въ Парижѣ, а не въ Индіи... Тамъ люди не встрѣчаютъ почтеннаго, искренняго человѣка съ мыслью: «а вѣдь ты, молъ, обманщикъ и меня надуваешь!» Ахъ вы подозритель, подозритель! ну а скажите, коли сами, своими глазами, увидите что-либо подобное, — тогда-то повѣрите?

— Глазамъ своимъ я, конечно, повѣрю, если они будутъ со-
всѣмъ открыты.

— Ждите, можетъ быть не долго вамъ ждать придется.

— Только этого и желаю.

Мы разстались.

Я сидѣлъ за спѣшной работой, когда мнѣ принесли записку Блаватской, гдѣ говорилось о томъ, что пріѣхали двѣ ея родственницы, желаютъ со мною поскорѣе познакомиться, и она проситъ меня пріѣхать немедленно. Окончивъ работу, я поѣхалъ. Елена Петровна была въ такомъ радостномъ, счастливомъ настроеніи духа, что на нее было пріятно и въ то же время грустно смотрѣть. Она совершенно преобразилась; отъ «madame» и «Н. Р. В.» ровно ничего не осталось, — теперь это была сердечная женщина, измученная долгими далекими странствованіями, всевозможными приключеніями, дѣлами и непріятностями — и, послѣ многихъ лѣтъ, увидѣвшаяся съ близкими родными, окунувшаяся въ незабвенную и вѣчно милую атмосферу родины и семейныхъ воспоминаній.

Пока мы были съ ней вдвоемъ, она говорила мнѣ только о своихъ дорогихъ гостяхъ, изъ которыхъ одну я назову г-жей Х. (иксъ), а другую г-жей У. (игрекъ). Особенно дружна была Елена Петровна со старшей изъ этихъ дамъ, г-жей Х., дѣвицей уже почти шестидесяти лѣтъ, возведенной ею въ званіе «почетнаго члена теософическаго общества» и бывшей тогда «президенткой N. N. вѣтви».

— Вотъ вамъ самое лучшее, живое доказательство, — говорила Елена Петровна, — что въ дѣятельности теософическаго об-

щества нѣтъ и не можетъ быть ровно ничего, могущаго смутить совѣсть христіанина! Х.—самая рьяная и строгая христіанка, даже со всякими предразсудками, а она почетный членъ нашъ и президентка въ N. N.

— Да развѣ въ N. N. есть теософическое общество?

— Значить есть, вотъ такое же, какъ и здѣсь, въ зародышѣ, но оно разовьется ¹⁾.

Съ г-жею У., пожилой вдовой, Елена Петровна, какъ я заключилъ изъ первыхъ же словъ и какъ потомъ убѣдился, была дружна гораздо меньше, относилась къ ней нѣсколько покровительственно, сверху внизъ. Она не удостоила ее «почетнымъ» дипломомъ, а лишь дипломомъ «дѣйствительнаго члена теософическаго общества». Но и ея прїѣзду она была очень рада. Дамы привезли съ собой чернаго хлѣба, икры и т. д., и бѣдная «посланница махатмъ» совсѣмъ по-дѣтски умилялась всѣмъ этимъ.

Вошла г-жа У. Ея «простота въ обхожденіи» сразу же поставила насъ на короткую ногу и тогда мнѣ понравилась.

— Такъ значить и вы... того... теософъ... *notre «frère!»* — смѣясь обратилась она ко мнѣ и стала показывать пальцами тѣ таинственные знаки, которымъ Могини обучалъ меня при моемъ «посвященіи».

Я, тоже смѣясь, хотѣлъ отвѣтить соотвѣствующими знаками; но убѣдился, что путаю, что забылъ ихъ связь между собою и постепенность.

— Елена Петровна, что жъ теперь мнѣ дѣлать? я позабылъ вашъ *môt de passe* — подскажите! — обратился я къ Блаватской.

— И чего вы все смѣтаетесь!.. вотъ теперь вамъ и паря явилась, — весело отозвалась Елена Петровна. — А *môt de passe*, его я вамъ уступаю — это дѣйствительно вздоръ, придуманный для малыхъ ребятъ—индусовъ, которыхъ все это тѣшить... Коли забыли, такъ и вспоминать нечего, не стоить.

¹⁾ Не имѣю никакого понятія о томъ, развилось ли оно или уже не существуетъ. Скоро послѣ того г-жа Х. передала свое президентство нѣкому г. Ц., а сама осталась лишь почетнымъ членомъ главнаго индійскаго общества (*société mère d'Adyar*).

Дверь въ комнату, гдѣ прежде помѣщался Могини и куда я спасался отъ Маріи Стюартъ, скрипнула — и передо мной оказалась президентка Н. Н. теософическаго общества, почетный членъ всемірнаго братства, — г-жа Х. Вся внѣшность этой престарѣлой, но весьма бодрой и подвижной особы, была настолько оригинальна, что не могла не обратить на себя моего вниманія.

Сначала г-жа Х. смотрѣла букой; но затѣмъ разговорилаь мало-по-малу и наконецъ пришла даже въ возбужденное состояніе. Дѣло въ томъ, что не задолго передъ тѣмъ она лишилась близкаго родственника, горячо, по ея словамъ, любимаго ею. Эта смерть представлялась ей величайшей несправедливостью, возмущала ее и доводила до негодованія. Хотя Блаватская и рекомендовала мнѣ ее въ качествѣ убѣжденной христіанки; но, подъ вліяніемъ смерти родственника, ея вѣра пошатнулась и ничего примиряющаго и утѣшительнаго не могла подсказать ей.

Я сталъ говорить ей все, что только можно говорить въ подобныхъ обстоятельствахъ, и конечно, ничего особеннаго въ моихъ словахъ не было. Это же самое она могла услышать отъ всякаго, кто захотѣлъ бы искренно отнестись къ ея горю и стать на христіанскую точку зрѣнія. Какъ же я былъ удивленъ, когда она, выслушавъ меня, вдругъ схватила и стала крѣпко жать мнѣ руку.

— Благодарю васъ, благодарю васъ! — какимъ-то особеннымъ голосомъ повторяла она. — Никто не могъ мнѣ сказать ничего такого! Вы меня убѣдили, теперь я все понимаю. Я успокоилась. Благодарю васъ!

— Помилуйте, да вѣдь то, что я вамъ сказалъ, могъ бы вамъ сказать и каждый православный священникъ, къ которому бы вы обратились...

Но она стояла на своемъ и съ этой минуты, *во все время нашихъ личныхъ свиданій*, выказывала мнѣ большую пріязнь и то и дѣло надбляла меня чрезмѣрными комплиментами. Затѣмъ я долженъ упомянуть объ этомъ — будетъ видно впоследствии.

Само собою разумѣется, что мнѣ было крайне интересно, не изъ одного любопытства, знать отношеніе этихъ двухъ близ-

кихъ родственницъ Блаватской къ ея дѣятельности, обществу, махатмамъ и феноменамъ. Но разобрать это отношеніе, несмотря на частыя наши свиданья и долгіе разговоры, мнѣ удалось далеко не сразу. Изъ ихъ удивительныхъ разсказовъ я долженъ былъ заключить, что жизнь всей ихъ семьи просто кишитъ всякими таинственностями. Что же касается Елены Петровны — съ ней отъ юности происходили разные феномены. Передавая объ этихъ феноменахъ, г-жа У. объясняла ихъ тѣмъ, что Блаватская — необыкновенно сильный медиумъ.

Если это было въ присутствіи Елены Петровны, наша «madame» приходила въ ужасное негодованіе и раздраженіе, вращала глазами, багровѣла и начинала увѣрять, что это неправда, что всѣ ея феномены, со дня ея юности, производились вовсе не спиритическими «скорлупами» (она такъ называла «духовъ» медиумизма), а были дѣйствіями ея «хозяина» и ему подобныхъ живыхъ мудрецовъ Тибета, давно уже предназначавшихъ ее къ роли своей «посланицы» и направлявшихъ жизнь ея. По этому поводу между почтенными дамами завязывались чуть не настоящія ссоры.

Особенно же изумляла меня г-жа Х. Она вовсе не послужила для меня живымъ и нагляднымъ доказательствомъ тому, что теософія Блаватской не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго для христіанина. Во время одного изъ первыхъ же свиданій нашихъ она принялась увѣрять меня, что всѣ эти феномены, махатмы и такъ далѣе — все это — проявленіе «темной» силы, дѣло рукъ дьявола. Однако сама она этого дьявола не боялась нисколько, а такъ и цѣплялась за его хвостъ, всѣми мѣрами побуждая Елену Петровну къ производству разныхъ «феноменовъ».

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ этихъ дамъ произошелъ «феноменъ съ письмомъ». Елена Петровна уговорила таки меня подвергнуться магнетическимъ сеансамъ Олкотта, — и я долженъ былъ пріѣзжать съ этой цѣлью по утрамъ, до двѣнадцати часовъ, черезъ день. Пріѣхавъ я разъ и засталъ въ маленькой гостиной нѣсколько человѣкъ. Блаватская была въ какомъ-то

особенно возбужденномъ состояніи. Г-жа Х. еще не выходила изъ своей комнаты. Раздался звонокъ. Я сидѣлъ такъ, что видѣлъ, какъ Бабула отворилъ дверь, принялъ письмо и, войдя къ намъ, положилъ его на столъ.

Блаватская и г-жа У., взглянувъ на штемпель и адресъ письма, сказали, что оно къ г-жѣ Х. изъ О. отъ общей ихъ родственницы. Письмо было не только совершенно заклеено въ плотномъ, непросвѣчивающемъ конвертѣ, но и на мѣстѣ печати находилась почтовая марка.

Елена Петровна, неожиданно для всѣхъ, предложила прочесть это письмо въ запечатанномъ конвертѣ.

— Нѣтъ, это вздоръ! это невозможно! ты никогда этого не сдѣлаешь! — воскликнула г-жа У.

«Madame» повела на нее глазами, приложила письмо ко лбу и стала съ видимымъ усиліемъ громко говорить, записывая въ то же время на листѣ бумаги слова свои. Когда она кончила, г-жа У. снова выразила сомнѣніе въ успѣшности опыта и увѣряла, что нѣкоторыя подробности, сказанныя и записанныя Еленой Петровной, врядъ ли могутъ находиться въ письмѣ.

Блаватская видимо раздражилась этимъ и довольно рѣзко объявила, что сдѣлаетъ больше. Она начертила краснымъ карандашемъ на своей бумагѣ, въ концѣ записаннаго ею содержанія письма, теософическій знакъ, затѣмъ подчеркнула одно слово и съ напряженнымъ выраженіемъ лица, съ видимымъ большимъ усиліемъ воли, произнесла:

— Этотъ знакъ долженъ быть въ концѣ письма, и это слово также подчеркнуто!

Затѣмъ письмо передали въ открытую дверь г-жѣ Х. Она тотчасъ же къ намъ вышла, оканчивая разрывать конвертъ, вынула письмо и прочла. *Содержаніе* его оказалось тождественнымъ съ записаннымъ Еленой Петровной, хотя далеко не слово въ слово, и, при этомъ, мы увидѣли въ концѣ въ точности повторенный краснымъ карандашемъ знакъ Блаватской и слово, подчеркнутое ею, находилось въ письмѣ и было точно также подчеркнуто.

Дамы, пораженные, тотчас же составили подробное описание этого интереснаго феномена, и всѣ присутствовавшіе подписались. Подписался, конечно, и я.

Вѣдь я не имѣлъ никакого ни нравственнаго, ни юридическаго права сказать имъ тогда, что Бабула *могъ* подать за-ранѣе, за часъ или за два передъ тѣмъ, подготовленное и снова заклеенное письмо, что г-жа Х. очень легко *могла*, на мгновение отвернувшись въ дверяхъ, вложить въ конвертъ подготовленное письмо и только сдѣлать видъ, что оканчиваетъ разрывать конвертъ передъ нами. Да я тогда и не помышлялъ ни о какихъ подобныхъ возможностяхъ. Вотъ въ какое положеніе бываетъ поставленъ человѣкъ, попадающій въ руки «дамъ, проведшихъ семь лѣтъ въ Тибетъ»!

Когда Блаватская спросила меня, доволенъ ли я, удовлетворилъ ли меня феноменъ?—я сказалъ ей, что хоть и не могу не вѣрить; но все же чѣмъ-то неудовлетворенъ.

— Пождите, увидите лучше—произнесла она съ улыбкой. Ждать мнѣ пришлось не долго.

VI.

Я получилъ записку отъ м-ше де-Барро, извѣщавшую меня, что вечеромъ у нея соберутся теософы и будетъ *conférence* Олкотта.

Мнѣ было интересно увидѣть «полковника» въ роли оратора.

Когда я пріѣхалъ, всѣ уже были въ сборѣ. Въ столовой, за овальнымъ столомъ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, помѣщался полковникъ, съ одной его стороны—Могини, а съ другой м-ше де-Морсье, записывавшая все, что говорилось. Собралось всего человѣкъ десять, двѣнадцать.

Госпожа У., увидя меня, указала мнѣ знакомъ мѣсто возлѣ

*

себя и объявила, что Еленѣ Петровнѣ нездоровится, и что поэтому она осталась дома съ г-жей Х.

— Ну, а меня послала сюда ради приличія. Только и скука же, я вамъ скажу! — Олкоттъ толкуеть что-то о буддизмѣ — посидимъ немного, да и поѣдемъ къ намъ чай пить. Мнѣ Елена такъ и поручила непременно привезти васъ съ собою.

Олкоттъ дѣйствительно толковалъ что-то о буддизмѣ, но его то и дѣло прерывали. Вообще это былъ вовсе не conférence, а простая бесѣда людей, не спѣвшихся между собой и хорошо понимавшихъ, что происходитъ совсѣмъ не то, чего бы всѣмъ хотѣлось.

Посидѣли мы съ госпожей У. минутъ двадцать и потихоньку выбрались изъ комнаты.

Въ маленькой гостиной улицы Notre Dame des Champs горѣла лампа и за круглымъ столомъ, въ большомъ креслѣ, помѣщалась Елена Петровна съ колодой маленькихъ картъ для пасьянса, а рядомъ съ нею г-жа Х. Обѣ дамы насъ очень похвалили за то, что мы пріѣхали рано, и г-жа Х. любезно объявила мнѣ:

— Ну вотъ мы теперь и проведемъ пріятно вечерокъ. Елена боялась, что вы пожалуй не пріѣдете, даже на картахъ загадывала.

При этихъ словахъ г-жа Х. ушла въ свою комнату и вернулась оттуда съ коробками разныхъ русскихъ, привезенныхъ ею, гостинцевъ.

Скоро Бабула подаль чай. Вокругъ насъ была тишина, на пустынной улицѣ почти никакой ѣзды, и мнѣ снова стало казаться, что я нахожусь въ какомъ-нибудь русскомъ деревенскомъ домѣ, среди старыхъ помѣщицъ. Да и разговоры у насъ были совсѣмъ русскіе, очень, очень далекіе отъ Парижа, теософій, Индіи и тому подобныхъ вещей. Однако, этой иллюзіи не суждено было продолжаться. Блаватская хоть и сказала для теософовъ больною, но очевидно себя хорошо чувствовала и была въ прекрасномъ расположеніи духа. Она раскладывала пасьянсъ своими тонкими, какъ-то странно, черезчуръ гиб-

кими пальцами съ длиннѣйшими ногтями, сверкала брилліантами, рубинами и изумрудами своихъ колецъ. Веселая и добродушно-лукавая усмѣшка то и дѣло дрожала на ея губахъ.

— Скажи пожалуйста, Елена, — вдругъ обратилась къ ней г-жа Х. — привезла ли ты съ собою тотъ твой миниатюрный портретъ, который былъ сдѣланъ индусомъ-«челою», и о которомъ ты мнѣ писала?

— Нѣтъ, — отвѣчала Блаватская, — онъ остался въ Адіарѣ, насколько я помню, да впрочемъ, вотъ сейчасъ мы это навѣрно, узнаемъ. Бабула! — крикнула она.

У двери показалась чумазая фізіономія индуса.

— Скажи пожалуйста, — обратилась къ нему Елена Петровна, — гдѣ тотъ мой маленькій портретъ, который былъ въ медальонѣ?

— Онъ остался въ Адіарѣ, въ шкатулкѣ, произнесъ индусъ, какъ-то слишкомъ прямо, нахально глядя въ глаза своей госпожѣ.

— Очень жаль! — воскликнула г-жа Х., — но отчего же ты не взяла его съ собою? — любопытно было бы посмотрѣть на художество этого твоего «челы».

— Художество его ты и сейчасъ увидишь, на мнѣ такой же точно портретъ «хозяина», нарисованный этимъ же «челою». Смотри!

При этихъ словахъ Блаватская сняла со своей шеи большой золотой медальонъ, открыла его и передала г-жѣ Х.

Скоро медальонъ этотъ оказался въ моихъ рукахъ, я увидѣлъ въ немъ сдѣланное на кости, и весьма посредственно, изображеніе какого-то необыкновенно красиваго человѣка въ бѣломъ тюрбанѣ. Посмотрѣли мы всѣ, посмотрѣли — и Елена Петровна опять надѣла медальонъ на шею.

— Да, но я бы хотѣла видѣть именно твой портретъ, — стояла на своемъ г-жа Х. — Ты вѣдь говоришь, что не только для твоего «хозяина», но и для «челы» его нѣтъ ничего невозможнаго, ну, такъ сдѣлай же, чтобы этотъ портретъ изъ Адіара, изъ шкатулки, очутился здѣсь, передъ нами.

— Ишь, чего захотѣла! — замѣтила г-жа У.

Елена Петровна усмѣхнулась.

— А вотъ посмотримъ, можетъ быть это и возможно, — многозначительно проговорила она и подняла руку.

Въ то же мгновеніе надъ нашими головами раздался уже знакомый мнѣ звукъ серебрянаго колокольчика. Блаватская прислушалась и затѣмъ обратилась къ г-жѣ Х.:

— Ну-ка, сними съ меня медальонъ да открой его, можетъ быть тамъ что-нибудь и найдешь.

Г-жа Х. сняла медальонъ, открыла, и моимъ изумленнымъ глазамъ явилось на обѣихъ внутреннихъ сторонахъ медальона два портрета: одинъ, уже знакомый, красиваго человѣка въ бѣломъ тюрбанѣ, а другой — портретъ Елены Петровны въ какой-то мѣховой шапочкѣ, портретъ мало похожій и вовсе не хорошо сдѣланный, но несомнѣнно ея портретъ.

Я взялъ медальонъ въ руки, тщательно осмотрѣлъ его: оба портрета были вдѣланы крѣпко, очень крѣпко, однимъ словомъ, имѣли такой видъ, будто они всегда тутъ и находились, одинъ противъ другого. Все это было устроено такъ чисто, что я рѣшительно не могъ ни къ чему придаться.

Г-жа Х. многозначительно взглядывала попеременно на cadaго изъ насъ и вдругъ сказала:

— Ну, а открой-ка теперь медальонъ, можетъ быть твой портретъ ужъ и исчезъ.

— Можетъ быть, — произнесла Елена Петровна, открыла медальонъ... портрета въ немъ не было.

Опять она сняла медальонъ съ шеи, опять онъ въ моихъ рукахъ, я разглядываю его очень внимательно и убѣждаюсь, что единственный портретъ человѣка въ тюрбанѣ крѣпко вдѣланъ, а отъ другого не осталось ни малѣйшаго слѣда. За портретомъ «хозяина», судя по толщинѣ медальона, не можетъ быть мѣста для другого портрета, сдѣланнаго на костяной пластинкѣ, съ наклееннымъ на нее все же довольно плотнымъ стекломъ.

«Феноменъ, да, феноменъ», — думалъ я, но въ то же время внутреннее чутье настойчиво твердило: «а чтѣ, если это только одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ фокусовъ, если все это подго-

товлено, какъ и весь разговоръ о портретѣ, какъ и каждое слово? А чтѣ, если меня и чай пить звали, и всю обстановку такую спокойную и симпатичную устроили для того, чтобы совсѣмъ сразить и на вѣки-вѣчные заполучить этимъ феноменомъ?»

Одной этой мысли было совершенно достаточно для уничтоженія во мнѣ того сладостно-жуткаго чувства, которое не можетъ не охватить человѣка въ виду полуоткрытой передъ нимъ двери въ область тайнъ природы.

— Ну, чтѣ вы на это скажете, господинъ скептикъ?—обратилась ко мнѣ Елена Петровна.

— Это необыкновенно и во всѣхъ отношеніяхъ интересно.

— Убѣждены ли вы наконецъ?

— Не совсѣмъ, но теперь ужъ вамъ очень легко убѣдить меня. Я прошу вашего хозяина, для котораго пространство — ничто, и который, какъ вы говорите, невидимо присутствуетъ здѣсь, въ этой комнатѣ, его или его челу, однимъ словомъ, я прошу существо, или силу, которыя производятъ эти феномены, положить сейчасъ исчезнувшій вашъ портретъ въ мой портъ-сигаръ.

Я вынулъ изъ кармана портъ-сигаръ, открылъ его, убѣдился, что кромѣ папиросъ въ немъ ничего нѣтъ, закрылъ и крѣпко держалъ въ рукѣ своей.

— Вотъ, сказалъ я, — пусть вашъ портретъ очутится въ этомъ портъ-сигарѣ, который я держу въ рукѣ, и тогда я убѣжденъ совершенно и готовъ буду идти на какія угодно пытки за мое убѣжденіе.

Елена Петровна наклонила голову, будто къ чему-то прислушиваясь, и сказала:

— Вы забываете, что имѣете дѣло съ человѣкомъ, хоть и умѣющимъ производить вещи, кажуціяся вамъ необыкновенными, но все же остающимся индусомъ-фанатикомъ. По его взглядамъ, онъ никакъ не можетъ войти въ соприкосновеніе съ европейцемъ.

Я улыбнулся, положилъ свой портъ-сигаръ въ карманъ и заговорилъ о совершенно постороннемъ.

Елена Петровна видимо была взволнована. Через нѣсколько минутъ я всталъ, сказалъ, что уже поздно, что я долженъ вернуться пораньше домой. Дамы стали просить меня остаться.

— Ну, пожалуйста!—говорила Блаватская,—какихъ-нибудь полчаса; вотъ сейчасъ наши вернутся съ conférence'a, мы имъ расскажемъ про феноменъ. Пожалуйста! да ну, не дурите, оставайтесь—что вамъ полчаса какихъ-нибудь!

Она взяла изъ рукъ моихъ шляпу и снесла ее на мраморную доску камина. Я ничего не замѣтилъ особеннаго, но внутренний голосъ ясно сказалъ мнѣ: «портретъ въ шляпѣ». Мнѣ очень хотѣлось сейчасъ же подойти къ камину и скорѣй убѣдиться, правъ я или нѣтъ, но я терпѣливо вернулся на свое мѣсто и наблюдалъ.

Дамы были очень взволнованы; г-жа У. увѣряла, что видитъ какую-то сѣрую человѣческую тѣнь.

— И я тоже вижу тѣнь,—смѣясь сказалъ я,—вонъ она сгущается возлѣ камина, у самой моей шляпы!

Я ждалъ, что послѣ этихъ словъ моихъ Блаватская подойдетъ къ камину и я ужъ пожалуй не найду въ шляпѣ портрета. Она даже и приподнялась-было, но снова погрузилась въ свое кресло.

Скоро раздался звонокъ, теософы вернулись съ conférence'a. Дамы стали оживленно рассказывать Олкотту, Могини и Китли о только-что происшедшемъ феноменѣ, требовали моего подтвержденія, и я, конечно, подтвердилъ, что все было именно такъ какъ онѣ рассказывали.

— Могу я теперь удалиться?—спросилъ я Елену Петровну.

— Можете.

Я подошелъ къ камину, взялъ шляпу и, разумѣется, маленькій овальный портретикъ, тотъ самый, который появился въ медальонѣ Блаватской, а потомъ исчезъ изъ него, былъ въ ней. Я не могъ удержаться отъ смѣха.

— Индусъ-фанатикъ преодолѣлъ свое отвращеніе къ европейцу!—сказалъ я.—Елена Петровна, получите вашъ портретъ.

— Онъ уже теперь не мой, — отвѣтила она, — оставьте его себѣ на память, если хотите, а не хотите — такъ бросьте.

— Очень вамъ благодаренъ, — я оставляю его на память.

На слѣдующее утро я опять долженъ былъ ѣхать въ квартиру Блаватской, чтобы подвергнуть себя обычнымъ магнетическимъ пассамъ полковника. Миѣ очень любопытно было взглянуть на Елену Петровну при свѣтѣ дня, послѣ вчерашняго феномена.

Я нашелъ всѣхъ трехъ дамъ нѣсколько смущенными, тѣмъ не менѣе сейчасъ же, конечно, заговорили о феноменѣ.

— Не убѣдительно? — спрашивала Блаватская.

— Не убѣдительно, — сказалъ я.

— Чего же вамъ, наконецъ, нужно? Или вы думаете, что это я сфокусничала?

— Я ровно ничего не думаю, я только просто не убѣжденъ а для убѣжденія надо было такъ мало! Да и теперь еще очень легко все исправить; вѣдь вы сказали, что тотъ, кто произвелъ феноменъ, не могъ положить портрета въ портъ-сигаръ только потому, что я держалъ портъ-сигаръ въ рукѣ?

— Да.

— А въ шляпу, которую я ношу, онъ все же положилъ?

— Это совсѣмъ другое.

— Такъ вотъ я и предлагаю слѣдующее: вашъ портретъ находится теперь въ моемъ бюро; вернувшись сегодня отъ васъ, я его снесу въ садъ и закопаю въ землю, — если мудрый индусъ могъ приблизиться къ моей шляпѣ, то въ моемъ саду онъ легко можетъ, конечно, вырыть портретъ и взять его. Я буду ждать двѣ недѣли; если черезъ двѣ недѣли раскопаю землю и не найду портрета, — феноменъ для меня будетъ такъ же убѣдителенъ, какъ еслибы портретъ былъ положенъ въ мой портъ-сигаръ.

— Хорошо, я постараюсь, — унылымъ голосомъ произнесла Елена Петровна.

Но это уныніе было мгновенно; она тотчасъ же разсердилась и уже не въ состояніи была себя сдержать: вся ея мудрость исчезла. Теперь она проявляла всѣ признаки раздражительной

дамы, которой не удалось устроить то, чего она желала, и которая, къ тому же, попалась въ просакъ.

— Ну и что жъ, вы объ этомъ феноменѣ не можете написать корреспонденцію въ какое-нибудь русское изданіе? — спрашивала она.

— Сейчасъ никакъ не могу, но въ то же мгновеніе, какъ я убѣждусь, что портретъ исчезъ изъ моего сада, я напишу, и не только напишу, а и буду кричать объ этомъ феноменѣ сколько хватитъ моего голоса.

— Такъ знаете ли что! — воскликнула, вся багровѣя, Елена Петровна, — напишите, что я фокусница и обманщица! Напишите, что вы убѣдились въ этомъ! Изобразите меня во всемъ видѣ, со всѣми онѣрами, сдѣлайте одолженіе, пожалуйста!..

По счастью, въ комнату вошелъ Олкоттъ и попросилъ меня послѣдовать за собою для магнетическаго сеанса, — иначе я не знаю, чѣмъ бы кончилось мое объясненіе съ Еленой Петровной.

Однако послѣ сеанса г-жа Х. и г-жа У. все же, очевидно по порученію Блаватской, всячески убѣждали меня послать въ Россію корреспонденцію объ этомъ феноменѣ. Я наотрѣзъ отказался, и онѣ замолчали.

Вообще объ этомъ феноменѣ, гораздо болѣе интересномъ, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, о которыхъ прокричали теософы въ своихъ брошюрахъ и книжкахъ, насколько я знаю, нигдѣ не говорится — его замолчали въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Не замолчала его однако г-жа Желиховская и въ одномъ изъ ея фельетоновъ, о которыхъ я говорилъ выше, попавшихся мнѣ долгое время спустя, я нашелъ его описаніе. Но каково же было мое изумленіе, когда я узналъ изъ этого фельетона, будто видѣлъ въ тотъ вечеръ какое-то огненное явленіе, «какъ бы огненный шаръ, овальной формы, какъ лучезарное, голубовато-огненное яйцо» («Одесскій Вѣстникъ» 1884 г. № 123, статья: «Е. П. Блаватская и теософисты»). Я видѣлъ овальный медальонъ Елены Петровны, сначала съ однимъ, потомъ съ двумя, а затѣмъ опять съ однимъ портретомъ, я видѣлъ и даже увезъ съ собою овальный портретики, появившійся въ медальонѣ, потомъ оказавшійся въ моей шляпѣ и пода-

ренный мнѣ Еленой Петровной, нарисованный на кости, съ наклееннымъ на него стекломъ. Наконецъ, на заявленіе г-жи У., что она видитъ какую-то сѣрую человѣческую фигуру, я, смѣясь и тономъ, въ значеніи котораго довольно трудно было ошибиться, сказалъ, что вижу тоже «тѣнь, сгущающуюся у моей шляпы». Но, хоть и легко было увидѣть «небо съ овчинку» въ такой компаніи, я тогда никакого «*овального шара*» (!!!?), даже еслибъ подобную непостижимую форму предмета и можно было постигнуть, не видалъ, ни о какомъ огненномъ яйцѣ не говорилъ моимъ собесѣдницамъ, и это яйцо-овальный шаръ— всецѣло произведеніе творческой фантазіи г-жи Желиховской.

Вернувшись домой, я, для очищенія совѣсти, вырылъ въ саду ямку и закопалъ въ нее портретъ. Черезъ двѣ недѣли я раскопалъ это, замѣченное мною, мѣстечко и—нашелъ портретъ, конечно, въ полной сохранности. Скажу даже больше, въ теченіе этого времени, этихъ двухъ недѣль, Елена Петровна была у меня въ саду, я нарочно провелъ ее по тому мѣсту, гдѣ былъ зарытъ портретъ, но даже и ея присутствіе не помогло ея невидимому спутнику исполнить задачу, успѣшное выполненіе которой вѣроятно сдѣлало бы меня фанатическимъ проповѣдникомъ феноменовъ «*посланницы махатмъ*» ¹⁾).

VII.

Еще чаще, чѣмъ съ Блаватской, пришлось мнѣ, въ то время, видаться съ г-жей У. Мы съ ней вдвоемъ побродили по Парижу; отправлялись на засѣданіе сената, гдѣ краснорѣчивый Накэ въ пламенныхъ рѣчахъ «проводилъ» новый законъ о свободѣ развода, бывший тогда животрепещущей новостью дня. Въ этомъ

¹⁾ Недавно, въ бумагахъ и письмахъ, относящихся къ тому времени, я нашелъ этотъ портретикъ Е. П. Блаватской и, полагая, что онъ можетъ быть пріятнымъ «сувениромъ» для сестры покойной, переслалъ его г-жѣ Желиховской черезъ общаго нашего знакомаго А. А. В—ва.

засѣданіи, среди сонма сенаторовъ французской республики, «ветхій деньми» Викторъ Гюго дремалъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, пробуждаясь только отъ чересчуръ громкихъ возгласовъ оратора и глядя равнодушнымъ, ничего не выражавшимъ взглядомъ прямо передъ собою. Этотъ почти бессмысленный взглядъ уже давно всё пережившаго поэта краснорѣчиво говорилъ, что ему нѣтъ никакого дѣла не только до свободы развода, но и вообще до всего житейскаго, что надъ его сѣдой, отмѣченной божественной печатью головою уже вѣтъ крыломъ блѣдный призракъ смерти. Этотъ блѣдный призракъ обнялъ его и освободилъ отъ слишкомъ долгой земной жизни менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ того, предоставивъ Парижу, жадному до зрѣлищъ, неслыханное по своей торжественности и своеобразности зрѣлище, котораго мнѣ привелось быть свидѣтелемъ...

Послѣ долгой, утомившей насъ прогулки забрались мы какъ-то съ г-жею У. въ прелестный небольшой паркъ Монсо и около часу просидѣли, отдыхая на удобномъ садовомъ диванчикѣ подъ густыми вѣтвями старыхъ каштановъ, скрывавшихъ насъ отъ знойныхъ лучей солнца. Между нами велась очень оживленная и откровенная бесѣда о самыхъ различныхъ предметахъ, и г-жа У. выказала мнѣ такое участіе, что я былъ глубоко тронутъ. Наконецъ она сказала:

— А чтобы доказать вамъ, что мое расположеніе не слова пустяка, я вамъ повѣдаю такія вещи, о которыхъ конечно и не заикнулась бы постороннему человѣку. Я въ эти дни много о васъ думала — мнѣ кажется, вы чересчуръ увлекаетесь теософическимъ обществомъ и боюсь я, какъ бы эти увлеченія, во всѣхъ отношеніяхъ, не отозвались на васъ вредно и прискорбно.

— Сердечно благодарю васъ за ваше участіе, — сказала я, — но, мнѣ кажется, я ужъ не такой увлекающійся человѣкъ, какимъ вы меня считаете. Конечно, я очень заинтересованъ теософическимъ обществомъ — иначе быть не можетъ — вѣдь я ужъ говорилъ вамъ, что всякія мистическія и оккультныя вещи составляютъ въ настоящее время, предметъ моихъ занятій. Что же тутъ можетъ быть для меня вреднаго? Или вы боитесь, что, подѣ

вліянієм полковника Олкотта и Могини, я сдѣлаюсь буддистомъ? Относительно этого вы можете быть совершенно спокойны.

— Ахъ нѣтъ,—совсѣмъ не то! — воскликнула г-жа У., — дѣло не въ чтеніи мистическихъ книгъ и не въ занятіяхъ оккультизмомъ — вы можете иначе увлечься и поставить себя въ крайне рискованное положеніе. Тутъ есть такія вещи, которыя втягиваютъ, отводятъ глаза, а когда человѣкъ очнулся и начинаетъ видѣть ясно—ужь поздно! Видѣ вы не передадите моихъ словъ Еленѣ?

— Если вы думаете, что передамъ, то пожалуйста ничего мнѣ не говорите.

— Ну такъ слушайте. Что скажете вы о феноменѣ съ медальономъ?

— Вы сами можете отвѣтить на этотъ вопросъ—вы должны были видѣть мое къ нему отношеніе.

— Но видите ли вы мое отношеніе къ нему и вообще ко всему, что производитъ Елена?

— Говоря откровенно—пока еще не вижу.

— Вотъ то-то и есть! Знайте же, что между мною и ею нѣтъ ровно ничего общаго. Я ее люблю, я привыкла любить ее съ дѣтства, и бываютъ минуты, когда мнѣ ее очень жалко—какъ тамъ ни говорите—вѣдь она глубоко несчастная женщина. Ну вотъ, вслѣдствіе этой жалости, мнѣ и приходится иногда на многое закрывать глаза, хотя оно и возмущаетъ меня глубоко. Но я ее люблю, мнѣ ее жаль—и я не могу не быть къ ней снисходительна. Теперь вотъ мы не видѣлись много лѣтъ, она пишетъ, проситъ меня пріѣхать повидаться, у меня нѣтъ средствъ для такой поѣздки, но она высыластъ мнѣ нужныя для этого деньги—и вотъ я пріѣхала. Я очень рада видѣть ее, быть съ нею, но, несмотря на это, между нами все рознь и рознь, ничего нѣтъ общаго. Она вотъ постоянно заставляетъ меня писать объ ея оцѣствѣ, обо всѣхъ этихъ феноменахъ,—ну что я тутъ подѣлаю?! Что только возможно, я готова для нея сдѣлать, но наконецъ она требуетъ невозможнаго... я многимъ готова для нея пожертвовать, но даже для нея не въ состояніи пожертвовать совѣстью.

— Какъ совѣстью? да развѣ она отъ васъ требуетъ чего-либо подобнаго?

— Вотъ то-то и есть, что требуетъ, давно, ужъ много лѣтъ она отъ меня этого требуетъ. Ей, понимаете ли, то, что она требуетъ, кажется пустяками, а для меня,—еслибы я согласилась на ея желаніе—это было бы преступленіемъ... понимаете—преступленіемъ! Она меня понять не можетъ, мы совершенно разнo смотримъ на вещи—вѣдь я христіанка, а она... кто она? мы съ вами этого не знаемъ, да можетъ быть и сама она путемъ не знаетъ. Она пристаётъ ко мнѣ такъ, что мнѣ просто некуда отъ нея дѣваться. «Значить, говорить, ты меня не любишь, если не хочешь для меня даже этого сдѣлать, ну что тебѣ стоитъ?» Понимаете ли, это просто какая-то дѣтская наивность! И, представьте, Х. вѣдь за одно съ нею меня мучаетъ...

— «Вотъ, говорить, одна только я и люблю Елену, а ты ее не любишь, потому что не хочешь помочь ей». Вѣдь это что жъ такое! Х. дѣйствительно не знаетъ границъ своей жалости къ Еленѣ, но развѣ это настоящая любовь? Развѣ можно идти на ложъ и преступленіе для того, чтобы доказать свою любовь!? Эта любовь, въ концѣ концовъ, будетъ для нихъ обѣихъ только гибелью — и ничего больше. Вотъ *** (она назвала имя недавно умершаго ихъ родственника, —человѣка довольно извѣстнаго)—онъ былъ большого ума и настоящій, искренній христіанинъ,—умирая, на смертномъ одрѣ, онъ меня умолялъ не поддаваться просьбамъ Елены и объяснить ей, что еслибы ея желаніе исполнилось, еслибы я согласилась сдѣлать то, о чемъ она меня постоянно просить, это, прежде всего, ей самой было бы гибелью...

— Да въ чемъ же дѣло?—сказалъ я,—вѣдь вы говорите все намеками.

— Я иначе не могу говорить.

— Но вѣдь изъ вашихъ намековъ я долженъ заключить нѣчто ужасное. Вы говорите: «преступленіе», «погибель»...

— Такъ оно и есть. Поймите сами, о чемъ я говорю — это не трудно. Не заставляйте меня высказаться больше, я сказала

совершенно достаточно, чтобы предупредить васъ. Берегитесь— можно запутаться! Елена именно такая женщина— она иногда поступает совершенно наивно, просто глупо; но въ то же время умѣетъ напустить такого дыму... Еслибы знали вы, какихъ людей она запутывала въ свои сѣти!

— Однако, вы сказали такъ много, что лучше прямо договорить.

— Нѣтъ, я ничего не скажу больше! — воскликнула г-жа У. — Я слишкомъ много сказала, и въ томъ, что я сказала, ужь совсѣмъ мало *ii*, на которыхъ я не поставила точекъ, сами поставьте — *à bon entendeur—salut!*

— Такъ значить— всѣ эти феномены махатмъ, вся эта дѣятельность,—только обманъ, обманъ и обманъ! — воскликнулъ я.

— Я молчу! — торжественно произнесла г-жа У. и дѣйствительно не хотѣла больше прибавить ни слова.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, изъ Россіи, она мнѣ писала, вспоминая этотъ разговоръ нашъ и письменно повторяя снова все, мною здѣсь сказанное. Письмо это у меня хранится ¹⁾.

Вынужденный статьями г-жи Желиховской, которая лучше чѣмъ кто-либо знаетъ, кого я называю буквой У., говорить о теософическомъ обществѣ и его создательницѣ, я не могу пренебрегать такимъ важнымъ обстоятельствомъ, не могу и не долженъ. Въ цѣпи доказательствъ теософическихъ обмановъ признаніе г-жи У., не только словесное, но и письменное, является весьма важнымъ звеномъ.

Я былъ глубоко благодаренъ г-жѣ У. за это признаніе, дѣйствительно произведшее на меня очень сильное впечатлѣніе и

¹⁾ У меня много всякихъ, иной разъ далеко небезынтересныхъ, писемъ какъ г-жи У., такъ и другихъ „причастныхъ дѣлу“ лицъ. Но, само собою разумѣется, что письма, неимѣющія отношенія къ теософическому обществу и Блаватской, письма личнаго, интимнаго характера совершенно неприкосновенны въ моемъ портфель. Я не упомянулъ бы даже и о моемъ разговорѣ съ г-жей У. и о ея письмѣ, еслибы этого настоятельно не требовало возстановленіе „настоящей правды“ о Блаватской и теософическомъ обществѣ, столь жестоко нарушаемой статьями г-жи Желиховской. Къ тому же всякій согласится, что въ словахъ г-жи У., подтвержденныхъ ею письменно, не только нѣтъ ничего, компрометирующаго для этой особы, а напротивъ,—они дѣлаютъ честь ея тогдашнему отношенію къ дѣлу.

заставившее меня еще строже, еще холоднѣе, относиться къ тому, что было передъ моими глазами. Ослабить мой интересъ къ теософическому обществу и къ самой Блаватской это признаніе не могло—вѣдь ужъ я самъ былъ насторожѣ, вѣдь я самъ ужъ сказалъ себѣ, что во всякомъ случаѣ не всѣ феномены Елены Петровны истинны.

Я весьма склоненъ былъ присоединиться къ мнѣнію г-жи У., что Блаватская — медиумъ, что большинство ея феноменовъ медиумическаго происхожденія. Я уже имѣлъ случай близко разглядѣть многихъ медиумовъ и отлично зналъ, что каждый изъ нихъ непремѣнно производить иногда явленія обманныя, но что это еще нисколько не доказываетъ, что всѣ производимыя имъ явленія — обманны. Вышло что-нибудь необычное само собою — прекрасно, не выходитъ — и вотъ какая-то непреодолимая сила заставляетъ медиума «помочь» явленію, сфокусничать. Я давно уже убѣдился, что таково общее правило не только профессиональныхъ медиумовъ, но и всякихъ. Чудесное — это такая бездна, которая неудержимо втягиваетъ въ себя, и всѣ цвѣты, въ ней растущіе, какъ ядовитые, такъ и безвредные, обладаютъ одинаково опьяняющимъ ароматомъ.

Я ужъ и безъ г-жи У. очень ясно видѣлъ, что не могу найти у Блаватской и въ ея обществѣ того, за чѣмъ первоначально къ ней являлся, но уйти отъ нея пока не было никакой причины — напротивъ, были двѣ весьма серьезныя причины для того, чтобы не только остаться, но и по возможности сблизиться съ нею и съ ея обществомъ. Что касается этой новой теософіи и ея литературы — вѣдь я не зналъ еще ровно ничего, значить, нужно было хорошенько познакомиться съ этой литературой, съ этимъ учениемъ и уяснить себѣ, что въ немъ заключается новаго и что заимствовано изъ источниковъ, уже мнѣ извѣстныхъ.

Меня, напримѣръ, крайне занималъ, вмѣстѣ съ кружкомъ парижскихъ теософовъ, вопросъ о «кармѣ» и о «пирвапѣ» въ объясненіи Олкотта, Могини и Блаватской. Да и не одно это. Интереснаго было чрезвычайно много.

Что же касается самой Блаватской, послѣ бесѣды съ г-жей У.,

я окончательно далъ себѣ слово—во что бы то ни стало разглядѣть эту женщину.

Хотя въ Европѣ и не было еще настоящаго теософическаго движенія, но оно могло развиваться не сегодня—завтра (какъ это и случилось). Теперь вѣкругъ Блаватской собрано нѣсколько человѣкъ, черезъ годъ—другой за ней пожалуй пойдутъ тысячи, какъ уже пошли въ Америкѣ и въ Индіи. Что же она такое—эта основательница если не новаго, то во всякомъ случаѣ обновленнаго ученія, которое она пропагандируетъ своими феноменами; что въ этихъ феноменахъ истинно и что ложно, и есть ли въ нихъ хоть что-нибудь истинное?

Меня она, по счастью, во всякомъ случаѣ, не собьетъ съ толку, но вѣдь даже въ тогдашнемъ маленькомъ кружкѣ парижскихъ теософовъ я видѣлъ нѣсколько лицъ, искренно увлекающихся, готовыхъ, очертя голову, кинуться въ бездну, куда заглянуть приглашаетъ ихъ Елена Петровна, поднимая руку, звеня своими невидимыми серебряными колокольчиками и продѣлывая свои феномены. Вѣдь если всѣ эти феномены, всѣ какъ есть,—одинъ только обманъ—что же такое эта Елена Петровна? Въ такомъ случаѣ это ужасная и опасная воровка душъ!

И она, очевидно, хочетъ всѣми мѣрами постараться раскинуть свою паутину какъ можно дальше, она мечтаетъ распространить ее и на Россію. Для этого она и проситъ г-жу У., проситъ уже давно, нѣсколько лѣтъ, помочь ей и совершить преступленіе. Для этого она такъ ухватила за меня—конечно, въ подобномъ дѣлѣ, ей нуженъ человѣкъ, который много пишетъ и котораго читаютъ.

Затѣмъ у меня была еще одна мысль, или, вѣрнѣе, еще одно чувство: мнѣ, какъ и г-жѣ У., было жалко эту Елену Петровну, эту талантливую женщину, у которой, несмотря на все, я ужъ подмѣтилъ и почувствовалъ не совсѣмъ еще погибшую душу. Какъ знать, быть можетъ есть еще возможность, тѣмъ или инымъ способомъ, остановить ее и спасти какъ для нея самой, такъ и для тѣхъ, кого она погубить можетъ своею ложью, своимъ обманомъ. Да и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ развѣ сама она не была интерес-

нѣйшимъ феноменомъ, — съ ея умомъ и талантливостью, съ ея смѣшной простотой и наивностью, съ ея фальшью и искренностью? Разглядѣть, изучить такой феноменъ, такой живой «человѣческій документъ» — тянуло. Надо было только знать, что голова не закружится, что ядовитый цвѣтокъ бездны не опьянитъ; — но въ этомъ смыслѣ я за себя не имѣлъ пока основаній бояться.

VIII.

Мое отношеніе къ феномену съ медальономъ, на который Блаватская возлагала большія надежды, очевидно, возымѣло не малое дѣйствіе: Елена Петровна объявила, что феноменовъ больше не будетъ, что она чувствуетъ себя слишкомъ больной для значительной затраты жизненной силы, требуемой этими явленіями. Время отъ времени она удостоивала насъ, да и то крайне рѣдко, звуками своего серебрянаго колокольчика. Иной разъ эти звуки доносились какъ-бы издали, раздавались въ концѣ корридора, гдѣ находилась ея комната, — и это было бы довольно интересно, еслибы я не зналъ, что въ корридорѣ находится Бабула, что онъ всегда имѣетъ доступъ въ комнату своей госпожи и что онъ преестественнѣйшій плутъ — достаточно было взглянуть на его фizioномію, чтобы убѣдиться въ этомъ. Къ тому же г-жи X. и У. однажды сообщили мнѣ:

— Этотъ Бабула презабавный, когда Елена занята и намъ нечего дѣлать, мы призываемъ его къ себѣ и обо всемъ разспрашиваемъ. Онъ уморительно рассказываетъ обо всемъ, что творится въ Адіарѣ...

— Вотъ я его и спрашиваю, — продолжала г-жа У., — видѣлъ ли онъ «махатмъ?», онъ смѣется и говоритъ: «видѣлъ не разъ». Какіе же они? — спрашиваю, а онъ отвѣчаетъ: «хорошіе, говорить, кисейные». И опять смѣется.

— Ужасная шельма! — замѣтила г-жа X. — Она его спрашиваетъ: «какіе?», а онъ вдругъ — «кисейные» — да такъ и прыскаетъ!

Этотъ разговоръ показался мнѣ не безынтереснымъ, и я тогда же записалъ его, а въ бесѣдѣ съ Еленой Петровной посоветовалъ ей, смѣясь, какъ можно скорѣй удалить Бабулу.

— Помяните мое слово, — сказалъ я, — у васъ съ нимъ еще скандалъ будетъ — онъ совсѣмъ не надеженъ.

Она ничего мнѣ на это не отвѣтила, и не знаю даже, поняла ли смыслъ моей фразы.

Какой вышелъ скандалъ съ Бабулой мѣсяца черезъ два послѣ того въ Лондонѣ, — я не знаю, но его поспѣшили отправить въ Индію и съ тѣхъ поръ о немъ не было рѣчи ¹⁾.

Когда раздавался звукъ колокольчика въ концѣ корридора, Блаватская вскакивала, говорила: «хозяинъ зоветъ!» и удалялась въ свою комнату.

Показывала она намъ не разъ еще одинъ маленькій феноменъ. На нѣкоторомъ, довольно значительномъ разстояніи отъ стола или зеркала она встряхивала рукою, будто отряхая съ нея какую-нибудь жидкость, и при этомъ на поверхности стола или зеркала раздавались сухіе, совершенно внятные звуки. На мой вопросъ, что это такое, конечно она не могла дать мнѣ никакого объясненія кромѣ того, что она желаетъ, чтобы были эти звуки — и они происходятъ.

— Постарайтесь напрягать свою волю, — говорила она, — можетъ быть и у васъ выйдетъ.

Я напрягалъ волю изо всѣхъ силъ, но у меня ничего не выходило. Между тѣмъ, когда она клала свою руку мнѣ на плечо, а я встряхивалъ рукою, на столѣ и зеркалѣ раздавались такіе же точно звуки, какъ и у нея.

¹⁾ Я не ошибся, сразу же сочтя Бабулу плутомъ. Изъ отчета „лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій“, вышедшаго въ свѣтъ черезъ годъ послѣ того, я узналъ, что Бабула, до поступленія къ Блаватской, былъ въ услуженіи у француза-фокусника, что онъ былъ искусенъ въ разныхъ „феноменахъ“ и особенно въ „феноменахъ съ письмами и почталіонами“. Изъ этого же отчета, съ которымъ я познакомлю читателя, выяснится, что означала фраза Бабулы о томъ, что махатмы — *кисейные*. Тогда я никакъ не могъ себѣ представить значенія этого слова, а между тѣмъ плутъ, находя, не знаю ужъ на какомъ основаніи, что передъ близкими родственницами „madame“ нечего скрываться, — сказалъ имъ чистую правду.

Раза два, въ моемъ присутствіи, бывало еще и такое явленіе: вокругъ нея начинали раздаваться болѣе или менѣе громкіе стуки, хорошо извѣстные каждому, кто присутствовалъ на мѣдическихъ сеансахъ.

— Слышите, скорлупы забавляются! — говорила она.

Стуки увеличивались, распространялись.

— Цыцъ, шельмы! — вскрикивала она, — и все мгновенно стихало...

У madame де-Барро было за это время нѣсколько conférences'овъ, на одномъ изъ которыхъ Елена Петровна всѣми мѣрами постаралась собрать какъ можно больше народу. Но все же больше двадцати пяти, шести лицъ никакъ не нашлось. Съ одной стороны около меня оказался князь У.^х, а съ другой — виконтъ Мельхiorъ де-Вогюэ, котораго я прежде встрѣчалъ нѣсколько разъ въ Петербургѣ. Князь У. все меня спрашивалъ:

— А какъ вы думаете, мнѣ кажется, Левъ Николаевичъ Толстой ничего не можетъ имѣть противъ теософій?

Князь У. былъ ревностнымъ поклонникомъ идей «яснополянскаго господина», только-что вступившаго, по крайней мѣрѣ публично, въ новый фазисъ своего развитія.

— Ей-Богу ничего не могу сказать вамъ, — отвѣчалъ я, — я не знакомъ съ графомъ Толстымъ.

Онъ никакъ не могъ успокоиться и все продолжалъ допытываться:

— Однако, какъ вы думаете? Право, тутъ нѣтъ ничего такого, что было бы въ разрѣзъ съ его взглядами...

Тюрманнъ заставилъ замолчать и Олкотта, и Могини, и madame де-Морсье, а, наконецъ, даже Блаватскую — и сыпалъ фразами.

— Какой этотъ французъ болтунъ! — обратился ко мнѣ по-русски де-Вогюэ.

Мнѣ показалась очень смѣшной эта фраза, «этотъ французъ» въ устахъ француза, и то, что онъ произнесъ ее по-русски, причемъ «болтунъ», конечно, вышло: «бальтунъ».

Право, приставанія князя У. съ вопросомъ о томъ, что на

все это скажетъ Левъ Николаевичъ Толстой и фраза виконта де-Вогюэ были самымъ интереснымъ не только для меня, но и вообще самымъ интереснымъ на этомъ *conférence*'ы!..

Елена Петровна, повидимому, уже убѣдилась, что «пока» въ Парижѣ ей дѣлать нечего, что не настало еще для нея здѣсь время заставить говорить о себѣ *tout Paris*. Ея лондонскіе друзья общали ей болѣе удачи и торжества въ столицѣ туманнаго Альбіона, и она съ каждымъ днемъ начинала громче толковать о неизбежности скорого переѣзда въ Лондонъ.

— Побалуюсь вотъ еще немножко съ вами, — говорила она своимъ двумъ родственницамъ и мнѣ, — распростимся мы, да и перевалюсь я въ Лондонъ, — пора, ждутъ меня тамъ. Синнетъ ждетъ не дождется. Тамъ все какъ слѣдуетъ устроено, да и «психисты» давно желаютъ меня улицезрѣть *en personne* — ужъ больно я ихъ заинтересовала. Ну что жъ, пускай пролюбуются! («Психисты» означало — членовъ «лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій»). Вообще Елена Петровна все это время продолжала находиться въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Одинъ только разъ увидалъ я ее въ новомъ еще тогда для меня видѣ.

Я, какъ-то по инерціи, продолжалъ магнетическіе сеансы съ Олкоттомъ, хотя, говоря по правдѣ, кромѣ головной боли ничего не испытывалъ послѣ этихъ сеансовъ.

Пріѣзжаю я разъ въ обычное время и сразу замѣчаю, что въ домѣ неладно. У Бабулы перекошена фізіономія, Могини совсѣмъ растеряны и озабочены, а Китли имѣетъ видъ до послѣдней степени перепуганнаго зайца. Спрашиваю: не случилось ли чего? объясняютъ мнѣ, что «мадаше» совсѣмъ разстроена, а «полковникъ» боленъ. Потомъ оказалось, въ чемъ дѣло. Елена Петровна узнала, что на одномъ изъ *conférences*'овъ, въ ея отсутствіе, полковникъ черезчуръ увлекся. Онъ сталъ распространяться о ея «хозяйинѣ», махатмѣ Моріа, называя его полнымъ именемъ, вытащилъ изъ кармана и всѣмъ показывалъ знаменитый шарфъ и, въ довершеніе всего, кончилъ проповѣдью са-

мага «экзотерического», «общедоступного» буддизма, причем поставилъ передъ собою даже статуэтку Будды.

Узнавъ объ этомъ, «madame» перепугалась и дошла до крайняго предѣла негодованія. Чтѣ она сдѣлала съ несчастнымъ полковникомъ—я не знаю, но когда я вошелъ въ его комнату, то увидѣлъ его лежащимъ на убогой желѣзной кровати, въ старомъ сѣренькомъ, драповомъ халатикѣ и съ головой, обвязанной шелковымъ платкомъ.

Онъ объявилъ мнѣ, что совсѣмъ боленъ, что у него невыносимо болить голова.

Черезъ двѣ, три минуты къ намъ, какъ буря, ворвалась Блаватская, въ своемъ черномъ балахонѣ, съ искаженнымъ лицомъ и вытаращенными, сверкавшими глазами. Она очевидно не въ силахъ была высидѣть у себя въ комнатѣ и почувствовала необходимость излить свой гнѣвъ. Меня она положительно не замѣтила въ первую минуту, я къ тому же и сидѣлъ у окна, всторонѣ.

Устремясь къ кровати Олкотта, она быстро-быстро выпалила нѣсколькими англійскими фразами, изъ которыхъ я могъ только разобрать, что дѣло идетъ о томъ, что она вѣдь не разъ запрещала называть master'a полнымъ именемъ!..

Олкоттъ какъ-то испуганно съѣжился.

— У! старый дуракъ! — крикнула она по-русски и изо всѣхъ силъ пихнула его кулакомъ въ бокъ.

Полковникъ глубоко вздохнулъ и только молча перевернулся лицомъ къ стѣнкѣ. Тутъ она меня замѣтила, но нисколько не смутилась.

— Ну, подумайте, только подумайте,—не оселъ ли онъ! — обратилась она ко мнѣ и, въ отборныхъ выраженіяхъ, изложила всю вину несчастнаго полковника.

Впрочемъ черезъ два дня эта буря совершенно стихла. Елена Петровна вернула свое расположеніе президенту теософическаго общества и даже милостиво не разъ къ нему обращалась:

— Болванъ Олкоттъ, старый котъ, пошелъ вонъ!

Тогда онъ усмѣхался и произносилъ:

— Штò такой? бальванъ? штò такой?

И вдругъ начиналъ декламировать:

Вольга, Вольга, весной многоводной
 Ты не такъ затопляешь поля!...

Онъ оставался крайне довольнымъ своимъ знаніемъ русскаго языка и производимымъ на меня впечатлѣніемъ.

Воля ваша, когда при мнѣ говорили потомъ о серьезной дѣятельности полковника Олкотта, или когда я читалъ о немъ, какъ о нѣкомъ героѣ, какъ о знаменитости, проповѣдникѣ новой религіи, увлекающемъ за собою безчисленныя толпы,—каждый разъ вспоминалъ я его фигуру въ сѣренькомъ халатикѣ, съ обвязанной головою, получающую здоровый ударъ въ бокъ отъ десницы «madame» и съ какимъ-то дѣтскимъ вздохомъ существа подначальнаго и обиженнаго поворачивающуюся къ стѣнѣ. И весь этотъ знаменитый полковникъ, который, какъ бы то ни было, умѣлъ и умѣетъ заставлятъ гворить о себѣ, мгновенно исчезалъ, и я слышалъ:

«Болванъ Олкоттъ, старый котъ, пошелъ вонъ!»

Мнѣ смѣшно, очень смѣшно; но чтò старому коту до чьего-либо смѣха, когда на свѣтѣ такъ много мышей, представляющихъ столь легкую и пріятную добычу!...

Кромѣ этой бури, вызванной увлеченіемъ полковника на conférence'ѣ, во время пребыванія Блаватской въ Парижѣ случился еще одинъ инцидентъ. въ которомъ главной героиней оказалась фрейлина А.

Она явилась къ Еленѣ Петровнѣ и съ негодованіемъ стала рассказывать ей и ея родственницамъ о томъ, что нѣкая старуха См—ва, издавна проживающая въ Парижѣ и хорошо известная тамошней русской колоніи, распространяетъ самыя ужасныя вещи объ Еленѣ Петровнѣ, о ея молодости и вообще о ея жизни въ Россіи, и доходить до того, что объявляетъ, будто Елену Петровну попросили, много лѣтъ тому назадъ, о выѣздѣ изъ Тифлиса за всякія некрасивыя дѣянія.

Елена Петровна вскипѣла и объявила:

— Я тотчасъ же напишу князю Дундукову-Корсакову, и онъ выплетъ мнѣ такое официальное удостовѣреніе, которое заставитъ навсегда замолчать эту старуху!

Сказала и сдѣлала: ко времени отъѣзда Блаватской въ Лондонъ это удостовѣреніе пришло. Г-жа А. перевела его на французскій языкъ, въ русской конторѣ Ленца, отпечатала въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ и раздала всѣмъ теософамъ, прося распространять эти экземпляры всюду, гдѣ только можно:

Вотъ этотъ документъ:

Traduction.

Certificat.

Le présent document a été délivré par la Chancellerie du Maître de Police de Tiflis à la femme du Conseiller d'Etat Actuel, Hélène Petrowna Blavatzki, et à sa demande, pour constater que, par suite de l'enquête faite dans les archives de la Chancellerie, il a été constaté qu'aucune poursuite n'a jamais été intentée, ni aucune accusation portée contre cette dame, soit pour vol, soit pour escroquerie.

En un mot pendant tout son séjour à Tiflis, M-me Blavatzki n'a jamais donné lieu à aucune action pouvant impliquer une supposition de vol ou autre acte indélicat.

En foi de quoi je le certifie par ma signature et l'apposition du cachet officiel.

Tiflis, le 7 Juin 1884.

Le Maître de Police (Signé: L. S.)

Pour traduction conforme

Comptoir Franco-Russe

E. Lenz.

Comptoir Franco-Russe

42, Boul-d Haussmann, 42

Paris ¹⁾.

¹⁾ Удостовереніе. Настоящій документъ выданъ канцеляріей Тифлисскаго полицеймейстера жентъ действительнаго статскаго совѣтника, Еленѣ Петровнѣ Блаватской, по ея просьбѣ, въ удостовѣреніе того, что, по справкѣ въ архивахъ канцеляріи, оказалось, что никогда не было возбуждено относительно означенной особы никакого преслѣдованія и обвиненія ни въ воровствѣ, ни въ мо-

Когда г-жа А. передала мнѣ нѣсколько экземпляровъ этого курьезнаго документа, я, читая его, просто не вѣрилъ глазамъ своимъ и не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Помилуйте! да вѣдь такое «удостовереніе» компрометируетъ хуже всякихъ обвиненій! вѣдь вы этимъ приготовили самое полное торжество для См.— ой! да и наконецъ вашъ документъ доказываетъ только, что въ «архивахъ канцеляріи полицеймейстера» нѣтъ дѣла о воровствѣ или другомъ «неделикатномъ» дѣяніи; однако очень легко инымъ путемъ попросить кого угодно выѣхать изъ города за всякія некрасивыя вещи, причемъ никакихъ слѣдовъ въ полицейскихъ архивахъ не остается...

Но г-жа А., особа самолюбивая, увѣренная въ своей практичности и высшихъ дипломатическихъ способностяхъ, не поняла меня, разсердилась и долго потомъ, при встрѣчахъ, обращалась ко мнѣ съ какою-то кисло-сладкой ужимкой.

Сама Елена Петровна, конечно, поняла и, получивъ эту прелесть, писала мнѣ про г-жу А. «...не благодарила ее за напечатанный *certificat* въ томъ, что я не воровка, потому что такой глупый документъ»...

Бѣдная «*madame*»! — и при жизни ей оказывались, да и послѣ смерти оказываются нѣкоторыми дамами, подъ видомъ прославленія ея и выгораживанія, самыя ужасныя, медвѣжьи услуги...

IX.

Блаватская уѣхала въ Лондонъ, клянясь мнѣ въ вѣчной дружбѣ и поручая меня м-ме де-Морсье, которая должна была слѣдить за тѣмъ, чтобы мой интересъ къ теософическому обще-

щенничествѣ. Словомъ, во все время пребыванія г-жи Блаватской въ Тифлисѣ, она ничѣмъ не подала повода заподозрить себя въ воровствѣ или иномъ *неделикатномъ* (?) дѣяніи. Въ силу чего удостоверяю это своей подписью съ приложеніемъ казенной печати. Тифлисъ 7 іюня 1884 года. Полицеймейстеръ (подпись). Переводъ вѣренъ. Франко-Русская контора. Е. Ленцъ. 42, бульваръ Гаусманна, Парижъ.

ству «не отцвѣль, не успѣвши расцвѣсть». Всю вторую половину лѣта я провелъ въ усиленной работѣ — написалъ большой романъ и жадно зарывался въ сокровища древней и новой мистической литературы, предоставляемая мнѣ Національной бібліотекой, букинистами латинскаго квартала и «ларями» набережной Сены. Мнѣ плыли въ руки такія «рѣдкости», такіе курьезы, такія неожиданныя вещи, что я совсѣмъ забылъ о своихъ больныхъ нервахъ и дѣлалъ именно то, противъ чего остерегали меня доктора, отправляя въ долгое заграничное путешествіе ради полной перемѣны образа жизни и всѣхъ впечатлѣній.

Въ сочиненіяхъ и объясненіяхъ проповѣдниковъ теософическаго общества я пока нацѣль оригинальнаго не особенно много; но все же они служили дополненіемъ въ моихъ занятіяхъ. Я терпѣливо дочитывалъ два объѣмистыхъ тома «Isis unveiled» Блаватской, да еще вдобавокъ въ рукописномъ французскомъ переводѣ, оставленномъ мнѣ Еленой Петровной для соображеній — можно ли издать его съ очень значительными сокращеніями.

При чтеніи первой части этой книги, еще во время пребыванія Блаватской въ Парижѣ, я какъ-то сказалъ г-жѣ У.: «мнѣ кажется — «Isis unveiled» — самый интересный изъ феноменовъ Елены Петровны и, пожалуй, самый необъяснимый¹⁾.

Теперь, отлично зная объясненіе всѣхъ этихъ «феноменовъ», я тѣмъ болѣе подтверждаю мое мнѣніе. Немало потрудилась «madame» надъ своей книгой, не мало прочла для нея и запомнила.

¹⁾ Могъ ли я думать, что этой брошенной въ разговоръ фразой и, притомъ, ясно выражавшей прежде всего мое скептическое и вовсе не высокое мнѣніе о «феноменахъ» Елены Петровны Блаватской, я буду поставленъ, такъ сказать, въ число свидѣтельствующихъ о чудотворности этой книги?! Между тѣмъ, какъ оказалось, тогда же г-жа Желиховская, въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», доказывая чудесное и таинственное происхожденіе «Isis unveiled», послѣдила напечатать: «Воля ваша, чѣмъ больше размышляешь, тѣмъ больше возрастаетъ недоумѣніе и приходится согласиться съ нашимъ романистомъ В. С. Соловьевымъ, сказавшимъ, что по его мнѣнію «величайшій и самый необъяснимый феноменъ г-жи Блаватской — это ея „Изида“!». При этомъ надо замѣтить, что столь свободно обращающаясь съ моими словами и выставивъ мое имя безъ моего на то разрѣшенія, г-жа Желиховская сама не подписала своего имени подъ фельетономъ и только теперь, черезъ нѣсколько лѣтъ, раскрыла въ «Русскомъ Обозрѣніи» свое авторство...

Безъ ватиканскихъ «уникъ» она, конечно, могла обойтись; но несомнѣнно должна была одолѣть цѣлую специальную бібліотеку.

Ея «Изида» — это огромный мѣшокъ, въ который, безъ разбору и системы, свалены самыя разнородныя вещи. Есть въ ней, безспорно, интересное и серьезное, добытое какъ старыми, такъ и, сравнительно, новыми авторами, есть нѣсколько остроумныхъ замѣчаній и выводовъ и самой Блаватской; но вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго вздору, ни на что непригоднаго, — сколько угодно. Для того, чтобы сдѣлать такой выводъ объ «Изидѣ», вовсе даже не надо въ теченіе трехъ лѣтъ изучать мистическую и оккультическую литературу, ежедневно принимая эту пряную пищу въ аллопатическихъ приѣмахъ, — для этого достаточно прочесть хотя бы Элифаса Леви, Сентъ-Ива, Франка, Венсана, Гёрреса и др., достаточно быть au courant новѣйшихъ изслѣдованій по гипнотизму и близкимъ къ нему предметамъ.

Да, врядъ ли мудрецы Тибета принимали участіе въ литературной дѣятельности «madame» — по крайней мѣрѣ они не могли подсказать ей иной разъ самыхъ простыхъ вещей. Вотъ маленькій образчикъ этого — письмо изъ Эльберфельда, въ началѣ осени 1884 года ¹⁾).

«Всеволодъ Сергѣичъ, милый, найдите мнѣ, Бога ради по-русски переводъ термина *generation spontanée* — ну какъ это по-русски «мгновенное зарожденіе» что-ли? Чортъ бы побралъ ученыхъ, которые выдумываютъ слова, а въ диксіонерахъ ихъ нѣтъ. Прошу васъ, найдите и сейчасъ же, не медля дайте знать, мнѣ нужно для моей Катковской статьи, которая, наконецъ, кончается. Спасите, родной... ваша Е. Блаватская».

Чего было бы проще поднять руку, позвонить серебрянымъ колокольчикомъ, вызвать изъ Тибета всезнающаго махатму или его «челу» — и спросить!.. Но о сочиненіяхъ «madame» рѣчь впереди...

Я время отъ времени переписывался съ Еленой Петровной и въ моихъ письмахъ, выражая *лично ей* невольное расположе-

¹⁾ Приводя письма Блаватской, я сохраняю нетронутымъ ея правописаніе и т. д.

ніе и участіе, тѣмъ не менѣе стремился къ своей цѣли, сказавъ себѣ: «не уйду, пока не *узнаю* что такое она и ея феномены». И, конечно, не рассчитывалъ, что она сразу, да еще и письменно, совсѣмъ проговорится и себя выдастъ; но я уже настолько зналъ ее, чтобы рассчитывать на ея постоянныя, «маленькія» проговариванья, которыя, въ общей сложности, составляютъ нѣчто большое и осязательное.

Будучи въ высшей степени порывистой, несдержанной и, въ инныя минуты, до крайности наивной,—Блаватская могла «до конца» отуманить только людей, еще болѣе наивныхъ, чѣмъ она, еще болѣе несообразительныхъ. Главная же ея сила и условіе ея успѣховъ заключались въ необыкновенномъ ея цинизмѣ и презрѣніи къ людямъ, которое она скрывала весьма удачно, но которое все же иной разъ прорывалось неудержимо. «Чѣмъ проще, глупѣе и грубѣе «феномень», — признавалась она мнѣ впоследствии, — тѣмъ онъ вѣрнѣе удастся. Громадное большинство людей, считающихъ себя и считающихся умными, глупы непроходимо. Еслибы знали вы какіе львы и орлы, во всѣхъ странахъ свѣта, подъ мою свистульку превращались въ ословъ и, стѣло мнѣ засвистѣть, послушно хлопали мнѣ въ тактъ огромными ушами!..»

Но въ то время до этихъ признаній было еще далеко; «та-да-да» продолжала морочить меня своимъ «хозяиномъ», увѣряя, что я состою подъ особымъ его покровительствомъ. О феноменахъ же писала, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ парижскихъ неудачъ: «Ничего я не могу сдѣлать по части феноменовъ, отъ нихъ мнѣ и такъ *тошно*. И не говорите про нихъ»...

Она все корила меня «подозрительностью». Сообщилъ я ей о сеансахъ магнетизера Робера и его ясновидящаго субъекта, Эдуарда, который, вмѣстѣ со своимъ наставникомъ, притворялся и фокусничалъ несомнѣнно. А она мнѣ въ отвѣтъ: «государь мой, Всеволодъ Сергѣичъ. Вы ужаснѣйшій и неисправимый—не *скептикъ*, а «подозритель». Ну, что вамъ сдѣлалъ этотъ *Eduard*, почему вы думаете, что онъ притворяется? А впрочемъ—мнѣ-то что? подозревайте *всѣхъ* на здоровье. Вамъ же хуже...» Это подчеркнутое

всѣхъ было очень ясно. Или вотъ—еще яснѣе: «скверно на свѣтъ жить, подозрѣвая всѣхъ и cadaго. Совершенно увѣрена, что передъ *людомъ* говорить про меня подозрительно не станете. Я-то, по крайней мѣрѣ, *подозрительницей* никогда не была; и кого люблю, такъ люблю въ *сурьезъ*—а такихъ весьма мало...»

Я утверждаю, и въ концѣ концовъ изъ дальнѣйшаго разсказа и ея писемъ будетъ ясно, что, намѣтивъ человѣка, желая его затуманить и сдѣлать своимъ послушнымъ орудіемъ, она дѣйствовала *сердечностью* и *задушевностью*. Она убѣждала его въ своей преданности, горячей любви и дружбѣ—и затѣмъ, именемъ этихъ чувствъ, упрасивала его сдѣлать для нея то или другое. Все сводилось на почву личныхъ отношеній, чувства. Съ женщинами подобная тактика творила чудеса.

Изъ Лондона, въ концѣ лѣта, Блаватская переѣхала въ нѣмецкій городъ Эльберфельдъ и писала мнѣ оттуда: «Я здѣсь, безъ ногъ, но съ Олкотомъ, Могини и нѣсколькими нѣмецкими теософами... Здѣсь прелестный городокъ и прелестное семейство теософовъ М-г и M-me Gebhard, и его три сына и невѣстка, и племянниковъ съ племянницами всего 9 человѣкъ. Домъ огромный, богатый... Она—ученица Eliphas Levi и съ ума сходить по оккультизму. Приѣзжайте на нѣсколько дней...»

Въ это время чрезмѣрные запятія мои дали себя знать. Я вдругъ почувствовалъ большое утомленіе и слабость. Пришлось обратиться къ доктору, и онъ, конечно, потребовалъ временнаго прекращенія всякихъ работъ, полнаго покоя и развлеченій. Парижскія развлеченія для меня не существовали, и я рѣшился провѣтриться и развлечься, съѣздивъ въ Эльберфельдъ къ Блаватской. Еслибы я сообразилъ, что экскурсія въ область мнимыхъ чудесъ можетъ только еще больше разстроить нервы и еслибы предчувствіе шепнуло мнѣ, какому неожиданному испытанію придется мнѣ подвергнуться—я бы не поѣхалъ несмотря на все мое желаніе увидѣть «*madame*» и побороться съ нею.

Въ знойный августовскій день, 24-го по новому стилю, я выѣхалъ изъ Парижа. Чувствуя себя очень дурно, я положилъ отдохнуть на полпути, въ Брюсселѣ. Къ тому же я никогда еще

не бывалъ въ Бельгiи и не видалъ Брюсселя. Остановился я въ Grand-Hôtel'ѣ, ночью очень плохо спалъ, утромъ вышелъ пройтись по городу и на лѣстницѣ столкнулся съ г-жей А. Къ моему изумленiю она встрѣтила меня безъ кисло-сладкой ужимки и даже весьма привѣтливо. Намъ обоимъ было скучно, и мы просто обрадовались другъ другу. Оказалось, что она въ Брюсселѣ по какимъ-то своимъ дѣламъ, должна съѣздить въ Кельнъ, потому еще куда-то.

— А вы зачѣмъ здѣсь?

— Я ѣду въ Эльберфельдъ къ Блаватской—она больна и зоветъ меня.

— Ну, такъ и я поѣду съ вами.

— Отлично. Когда же мы ѣдемъ?

— Завтра въ девять часовъ утра,—это самый подходящий поѣздъ, потому что иначе намъ придется прѣхать въ Эльберфельдъ вечеромъ, часамъ къ десяти, не раньше.

Рѣшивъ это, мы провели весь день вмѣстѣ, а вечеромъ г-жа А. рассказала мнѣ столь много поразительнаго, удивительнаго и таинственнаго, что я пришелъ въ свою комнату съ совершенно затуманенной головою и, хоть и былъ уже очень позднiй часъ, не могъ заснуть. Я хорошо *зналъ*, что, несмотря на всѣ усилiя *вчерашней* правовѣрной науки отрицать *сверхчужественное*, оно существуетъ и время отъ времени проявляетъ себя въ людской жизни, но я такъ же очень хорошо *зналъ*, что проявленiя эти *редки*, и что иначе быть не можетъ. А тутъ вдругъ сверхчужественное, въ самыхъ разнообразныхъ и подчасъ совершенно нелѣпыхъ видахъ, буквально затопляетъ жизнь здоровой, крѣпкой, энергичной и вдобавокъ поглощенной матерьяльными дѣлами и заботами особы! Вся ночь прошла почти безъ сна; въ седьмомъ часу я одѣлся и велѣлъ подать себѣ чаю. Около восьми подають мнѣ записку г-жи А. Пишетъ, что и она не спала, такъ какъ кругомъ нея шла какая-то невидимая борьба, что у нея разболѣлась голова и что ѣхать нельзя, ибо *всѣ* ея ключи пропали. Иду къ ней. Стоитъ среди чемодановъ и сакъ-вояжей. Увѣряетъ меня:

— Всѣ ключи, всѣ до одного пропали, а ночью были тутъ, на глазахъ!

— Пошлите за слесаремъ.

— Ужь я послала.

Явился слесарь, отперъ чемоданъ, а въ чемоданѣ связка ключей и въ связкѣ ключъ и отъ этого же чемодана.

— Вотъ видите чтò со мной случается! — торжественно воскликнула г-жа А.

— Вижу.

Такъ какъ на девяти часовой поѣздъ мы опоздали, то и согласились сдѣлать прогулку по городу и ѣхать въ часъ. Но тутъ я внезапно почувствовалъ необыкновенную слабость и меня стало клонить ко сну. Я извинился передъ г-жей А., пошелъ къ себѣ и бросился на кровать. Однако, я не заснулъ, а лежалъ съ закрытыми глазами — и вотъ передо мной, одинъ за другимъ, стали проходить, совершенно ясно и отчетливо, разные неизвѣстные мнѣ пейзажи. Это было для меня такъ ново и красиво, что я лежалъ не шевелясь, боясь нарушить и уничтожить очарованіе. Наконецъ понемногу все затуманилось, слилось — и я ужъ ничего не видѣлъ.

Я открылъ глаза. Моей сонливости и слабости какъ не бывало. Я вернулся къ г-жѣ А. и не могъ удержаться, чтобы не рассказать ей бывшаго со мною, причемъ очень подробно, со всѣми особенностями, описать видѣнные мною пейзажи.

Мы сидѣли въ купѣ мчавшаго насъ поѣзда и бесѣдовали. Вдругъ г-жа А., взглянувъ въ окно, крикнула:

— Смотрите! одинъ изъ вашихъ пейзажей!

Мнѣ стало даже жутко. Сомнѣній не могло быть, какъ не было для меня сомнѣнія и въ томъ, что я никогда не ѣздилъ по этой дорогѣ, не бывалъ въ этой странѣ. Пока не стемнѣло — я снова, въ дѣйствительности, переглядѣлъ все то, чтò видѣлъ утромъ, лежа на кровати съ закрытыми глазами.

Приѣхали мы въ Эльберфельдъ, остановились въ гостинницѣ Victoria и, рѣшивъ, что еще не очень поздно, отправились къ

Блаватской, въ домъ коммерсанта Гебгарда, чуть ли не самый лучший домъ въ Эльберфельдѣ.

X.

Мы застали нашу бѣдную «madame» совсѣмъ распухшей отъ водянки, почти недвижимой въ огромномъ креслѣ, окруженную Олкоттомъ, Могини, Китли, двумя англичанками изъ Лондона, мистрисъ и миссъ Арундэль, американкой Голлуэй и Гебгардомъ съ женою и сыномъ. Другіе Гебгарды, а также «племянники и племянницы», о которыхъ мнѣ писала Блаватская, куда-то уѣхали изъ Эльберфельда.

«Madame», увидя насъ, обрадовалась чрезвычайно, оживилась, затормошилась на своемъ креслѣ и стала «отводить душу» русскимъ языкомъ, къ ясно подмѣченному мною неудовольствію окружающихъ.

Мы находились въ большой, прекрасной гостиной. Арка раздѣляла эту комнату на двѣ части, тяжелыя драпировки были спущены и что находилось тамъ, въ другой половинѣ гостиной—я не зналъ. Когда мы достаточно наговорились—Елена Петровна позвала Рудольфа Гебгарда, молодого человѣка съ весьма хорошими манерами, шепнула ему что-то—и онъ исчезъ.

— Я сейчасъ сдѣлаю вамъ сюрпризъ!—сказала она.

Я скоро понялъ, что сюрпризъ этотъ относится къ скрытой за драпировкой половинѣ гостиной, такъ какъ тамъ началась какая-то возня.

Вдругъ занавѣси отдернулись и, освѣщенные яркимъ, голубоватымъ свѣтомъ, сконцентрированнымъ и усиленнымъ рефлекторами, передъ нами выросли двѣ поразительныя фигуры. Въ первое мгновеніе мнѣ представилось, что я вижу живыхъ людей—такъ ловко было все придумано. Но это оказались два большихъ задрапированныхъ портрета махатмъ Моріа и Кутъ-Хуми, напи-

санных масляными красками художником Шмихеномъ, родственникомъ Гебгардовъ.

Потомъ, хорошо разглядѣвъ эти портреты, я нашелъ въ нихъ много недостатковъ въ художественномъ отношеніи; но *живость* ихъ была значительна, и глаза двухъ таинственныхъ незнакомцевъ глядѣли прямо на зрителя, губы чуть что не шевелились.

Художникъ, конечно, никогда не видалъ оригиналовъ этихъ «портретовъ». Блаватская и Олкоттъ увѣряли всѣхъ, что онъ писалъ по вдохновенію, что его кистью водили *они* сами и что «сходство поразительно». Какъ бы ни было — Шмихенъ изобразилъ двухъ молодыхъ красавцевъ. Махатма Кутъ-Хуми, одѣтый во что-то граціозное, отороченное мѣхомъ, имѣлъ лицо нѣжное, почти женственное и глядѣлъ ласково прелестными свѣтлыми глазами.

Но стоило взглянуть на «хозяина» — и Кутъ-Хуми, со всей своей нѣжной красотой, сразу забывался. Огненные черные глаза великолѣпнаго Морія строго и глубоко впивались въ васъ и отъ нихъ нельзя было оторваться. «Хозяинъ», какъ и на миниатюрномъ портретѣ въ медальонѣ Блаватской, оказывался украшеннымъ бѣлымъ тюрбаномъ и въ бѣлой одеждѣ. Вся сила рефлекторовъ была устремлена на это мрачно прекрасное лицо, и бѣлизна тюрбана и одежды довершала яркость и живость впечатлѣнія.

Блаватская потребовала для своего «хозяина» еще больше свѣту, Рудольфъ Гебгардъ и Китли перемѣстили рефлекторы, поправили драпировку портрета, отставили въ сторону Кутъ-Хуми — эффектъ вышелъ поразительный. Надо было просто напоминать себѣ, что это не живой человѣкъ. Я не могъ оторвать отъ него глазъ.

Больше часу продержали меня Олкоттъ и Блаватская передъ этимъ портретомъ. Наконецъ у меня заболѣла голова отъ чрезмерно яркаго свѣта, и вообще я почувствовалъ сильную усталость, — путешествіе, двѣ ночи, проведенныя почти безъ сна — все это дѣйствовало. Я сказалъ г-жѣ А., что не въ силахъ долъ-

ше оставаться, и что вообще намъ пора вернуться въ нашу Victoria и скорѣе лечь спать. Она сама жаловалась на сильную усталость. Блаватская насъ отпустила, взявъ слово, что мы вернемся какъ можно раньше утромъ.

По дорогѣ въ гостиницу мы только и могли говорить объ удивительномъ портретѣ «хозяина» и, среди мрака, онъ такъ и стоялъ передо мною. А стоило закрыть глаза—я видѣлъ его ярко, во всѣхъ подробностяхъ.

Пройдя въ свою комнату я заперъ дверь на ключъ, раздѣлся и заснулъ.

Вдругъ я проснулся или, что во всякомъ случаѣ вѣрнѣе, мнѣ приснилось, почудилось, что я проснулся отъ какого-то теплаго дуновенія. Я увидѣлъ себя въ той же комнатѣ, а передо мной, среди полумрака, возвышалась высокая человѣческая фигура въ бѣломъ. Я *почувствовалъ* голосъ, невѣдомо какимъ путемъ и на какомъ языкѣ внушавшій мнѣ зажечь свѣчу. Я не боялся нисколько и не изумлялся. Я зажегъ свѣчу, и мнѣ представилось, что на часахъ моихъ два часа. Видѣніе не исчезало. Передо мной былъ живой человѣкъ, и этотъ человѣкъ былъ, конечно, не иной кто какъ оригиналъ удивительнаго портрета, его *точное повтореніе*. Онъ помѣстился на стулѣ рядомъ со мною и говорилъ мнѣ, «на невѣдомомъ, но понятномъ языкѣ» разныя интересныя для меня вещи. Между прочимъ онъ объяснилъ, что для того, чтобы увидѣть его въ призрачномъ тѣлѣ (*en corps astral*) я долженъ былъ пройти черезъ многія приготовленія и что послѣдній урокъ былъ данъ мнѣ утромъ, когда я видѣлъ, съ закрытыми глазами, пейзажи, мимо которыхъ потомъ проѣзжалъ по дорогѣ въ Эльберфельдъ, что у меня большая и развивающаяся магнетическая сила.

Я спросилъ, что же долженъ я съ нею дѣлать; но онъ молча исчезъ.

Мнѣ казалось, что я кинулся за нимъ; но дверь была заперта. У меня явилось представленіе, что я галлюцинирую и схожу съ ума. Но вотъ махатма Морія опять на своемъ мѣстѣ, неподвижный, съ устремленнымъ на меня взглядомъ, такой, точно такой, какимъ запечатлѣлся у меня въ мозгу. Голова его покачну-

лась, онъ улыбнулся и сказалъ, опять-таки на беззвучномъ, мысленномъ языкѣ сновидѣній: «Будьте увѣрены, что я не галлюцинація и что вашъ рассудокъ васъ не покидаетъ. Блаватская докажетъ вамъ завтра передъ всѣми, что мое посѣщеніе было истинно». Онъ исчезъ, я взглянулъ на часы, увидѣлъ, что около трехъ, затушилъ свѣчу и заснулъ сразу.

Проснулся я въ десятомъ часу и вспомнилъ все очень ясно. Дверь была на запорѣ; по свѣчкѣ невозможно было опредѣлить—зажигалась ли она ночью и долго ли горѣла, такъ какъ, по пріѣздѣ, еще до отправленія къ Блаватской, я зажигалъ ее.

Въ столовой гостиницы я засталъ г-жу А. за завтракомъ.

— Спокойно ли вы провели ночь?—спросилъ я ее.

— Не очень, я видѣла махатму Моріа!

— Неужели? вѣдь и я тоже его видѣлъ!

— Какъ же вы его видѣли?

Я проговорился и отступать было поздно. Я рассказалъ ей мой яркій сонъ или галлюцинацію, а отъ нея узналъ, что на ея мысли о томъ—слѣдуетъ ли ей стать форменной теософкой и нѣтъ ли тутъ чего-либо «темнаго»—махатма Моріа явился передъ нею и сказалъ: «очень намъ нужно такую козявку!»

— Такъ именно и сказалъ: «козявку», и сказалъ по-русски!—увѣряла меня г-жа А., почему-то особенно радуясь, что махатма назвалъ ее «козявкой».

А потомъ прибавила:

— Вотъ пойдемъ къ Блаватской... что-то она скажетъ? вѣдь если это былъ Моріа и намъ не почудилось, такъ она должна знать.

Отправились въ домъ Гебгарда. Блаватская встрѣтила насъ, какъ мнѣ показалось, съ загадочной улыбкой и спросила:

— Ну, какъ вы провели ночь?

— Очень хорошо,—отвѣтилъ я.

И легкомысленно прибавилъ:

— Вамъ нечего сказать мнѣ?

— Ничего особеннаго,—проговорила она, —я только знаю, что «хозяинъ» былъ у васъ съ однимъ изъ своихъ «челъ».

*

Въ этихъ словахъ ея не было ровно никакой доказательной силы. Въдь она не разъ, не только словесно, но и письменно объявляла мнѣ, что «хозяинъ» меня посѣщаетъ. Однако г-жа А. нашла слова эти удивительными и принялась рассказывать наши видѣнія.

Блаватская не могла скрыть охватившей ее радости. Она забыла всѣ свои страданія, глаза ея метали искры.

— Ну вотъ, ну вотъ, попались-таки, господинъ скептикъ и подозритель! — повторяла она. — Что теперь скажете?

— Скажу, что у меня былъ очень яркій, живой сонъ или галлюцинація, вызванная моимъ нервнымъ состояніемъ, большою усталостью съ дороги, послѣ двухъ бессонныхъ ночей, и сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня ярко освѣщеннымъ портретомъ, на который я глядѣлъ больше часу. Еслибы это было днемъ, или вечеромъ *до тѣхъ поръ*, пока я заснулъ, еслибы я, наконецъ, не засыпалъ послѣ того, какъ исчезъ махатма — я склоненъ былъ бы вѣрить въ реальность происшедшаго со мною. Но въдь это случилось *между двумя снами*, но въдь онъ бесѣдовалъ со мною *не голосомъ, не словами, не на какомъ-либо извѣстномъ мнѣ языкѣ* и, наконецъ, *онъ не оставилъ мнѣ никакого матерьяльнаго доказательства своего посѣщенія*, не снялъ съ головы своей тюрбана, какъ было это съ Олкоттомъ.

Вотъ три крайне важныхъ обстоятельства, говорящихъ за то, что это былъ только сонъ или субъективный бредъ.

— Это, наконецъ, Богъ знаетъ что такое! — горячилась Елена Петровна, — вы меня съ ума сведете своимъ невѣріемъ. Но въдь онъ говорилъ вамъ интересныя вещи!

— Да, говорилъ именно то, чѣмъ я былъ занятъ, что находилось у меня въ мозгу.

— Однако въдь онъ самъ увѣрилъ васъ, что онъ не галлюцинація!?

— Да, но онъ сказалъ, что вы при всѣхъ докажете мнѣ это.

— А развѣ я не доказала тѣмъ, что я знала о его посѣщеніи?

— Я не считаю этого достаточнымъ доказательствомъ.

— Хорошо, я докажу иначе... Пока же... вѣдь вы не станете отрицать, что видѣли его и съ нимъ бесѣдовали?!

— Какую же возможность имѣю я отрицать то, что съ моихъ словъ извѣстно г-жѣ А., а черезъ нея и вамъ? мнѣ не слѣдовало проговариваться, а теперь ужь поздно, сами знаете: слово — не воробей, вылетѣло, такъ его назадъ не заманишь...

Блаватская зазвонила въ электрическій колокольчикъ, собрала всѣхъ своихъ теософовъ и стала, съ присущей ей раздражающей шумливостью, рассказывать о происшедшемъ великомъ феноменѣ.

Можно легко себѣ представить мое положеніе, когда всѣ эти милостивые государи и милостивыя государыни стали поздравлять меня съ высочайшей честью, счастьемъ и славой, которыхъ я удостоился, получивъ посѣщеніе махатмы М.! Я заявилъ, что весьма склоненъ считать это явленіе сномъ или бредомъ, слѣдствіемъ моего нервнаго состоянія и усталости. Тогда на меня стали глядѣть съ негодованіемъ, какъ на святотатца. Весь день прошелъ исключительно въ толкахъ о «великомъ феноменѣ».

Вечеромъ всѣ собрались въ хорошенькой «восточной» комнатѣ, всѣ, кромѣ Олкотта, бывшаго во второмъ этажѣ. Вдругъ Блаватская (ее перенесли сюда въ креслѣ) объявила:

— Хозяинъ сейчасъ былъ наверху, онъ прошелъ мимо Олкотта и положилъ ему что-то въ карманъ. Китли, ступайте наверхъ и приведите полковника!

Полковникъ явился.

— Видѣли вы сейчасъ Master'a?—спросила «madame».

Глазъ «старого кота» сорвался съ мѣста и такъ и забѣгалъ.

— Я почувствовалъ его присутствіе и его прикосновеніе, — отвѣтилъ онъ.

— Съ какой стороны?

— Съ правой.

— Покажите все, что у васъ въ правомъ карманѣ. Вынимайте!

Олкоттъ началъ послушно и медленно, методически, исполнять приказаніе.

Вынулъ маленькій ключикъ, потомъ пуговку, потомъ спичницу, зубочистку и, наконецъ, маленькую сложенную бумажку.

— Это что жъ такое?—воскликнула Блаватская.

— Не знаю, у меня бумажки не было!—самымъ невиннымъ, изумленнымъ тономъ сказалъ «старый котъ».

Блаватская схватила бумажку и торжественно объявила:

— The letter of the Master!.. такъ и есть! письмо «хозяина!»

Развернула, прочла. На бумажкѣ, «*несомнѣннымъ*» почеркомъ махатмы Моріа, было по-англійски начертано: «конечно я былъ тамъ; но кто можетъ открыть глаза нежелающему видѣть. М.»

Всѣ по очереди, съ трепетнымъ благоговѣніемъ брали бумажку, прочитывали написанное на ней и *завистливо* обращали ко мнѣ взоры. Увы, я дѣйствительно возбуждалъ во всѣхъ этихъ людяхъ невольную, непреоборимую зависть. Помилуйте!—стоило мнѣ явиться—и вотъ сразу же я не только удостоенъ посѣщеніемъ самого «хозяина», строгаго, недоступнаго, имени котораго даже нельзя произносить, но онъ и снова, изъ-за того, что я выражаю «легкомысленное невѣріе», беспокоитъ себя, дѣлаетъ второй разъ въ сутки свое «астральное» путешествіе изъ глубины Тибета въ торговый нѣмецкій городъ Эльберфельдъ, пишетъ глубокомысленную, весьма ловкую по своей неопредѣленности и двусмысленности записку и кладетъ ее, рядомъ съ пуговкой и зубочисткой, въ карманъ Олкотта!

Олкоттъ глядѣлъ на меня такимъ идиотомъ, Блаватская глядѣла на меня такъ невинно и въ то же время такъ торжественно, что я совсѣмъ растерялся. Къ тому же вѣдь сонъ мой или бредъ—былъ такъ ярокъ!

«Вѣрить» я не могъ, но весь чадъ этой одурающей обстановки, при моемъ нервномъ и болѣзненномъ состояніи, ужъ на меня подѣйствовалъ, я ужъ начиналъ угорать и спрашивалъ себя: «а вдругъ я дѣйствительно *его* видѣлъ? вдругъ это дѣйствительно *его* записка?» Къ тому же вѣдь тутъ была *она*, эта старая, больная, мужественно страдавшая отъ глубокихъ недуговъ жен-

щина, глядѣвшая прямо въ глаза смерти, и глядѣвшая прямо въ глаза мнѣ, какъ глядитъ человѣкъ съ самой чистой совѣстью, сознающій свою полную невинность и не боящійся никакихъ упрековъ.

Отъ этой ужасной и несчастной женщины исходило положительно какое-то магическое обаяніе, котораго не передашь словами и которое испытывали на себѣ столь многіе, самые спокойные, здоровые и разсудительные люди. Я былъ такъ увѣренъ въ себѣ—а вотъ она меня поколебала.

— Скажите,—спрашивала она, впиваясь въ меня своими мутно блестящими глазами,—можете ли вы пойти подѣ присягу, что у васъ былъ бредъ и что эта записка не написана «хозяиномъ?»

— Не знаю!—отвѣтилъ я.—Завтра утромъ я приду проститься съ вами. Мнѣ надо домой, я завтра уѣду.

XI.

И я пришелъ на слѣдующее утро проститься съ нею. Меня провели въ очень большую и высокую комнату, служившую ей и кабинетомъ, и спальней. Хозяева всячески позаботились о ея комфортахъ и устроили ей достойную ея обстановку. Елена Петровна лежала на огромной кровати, вся распухшая, и стонала.

Взглянувъ на ея совершенно сѣрое лицо, въ которомъ читалось глубокое страданіе, я просто не узналъ «мадам», вчера еще вечеромъ хоть и почти неподвижной въ креслѣ; но все же энергичной и, минутами, даже веселой.

— Боже мой, что такое съ вами?—спросилъ я.

— Чуть не померла ночью, голубчикъ!—простонала она,—къ самому сердцу подкатило, и вотъ—смотрите!

Она съ усиліемъ высвободила изъ-подъ одеяла руку. Это была не рука, а какое-то негибавшееся, толстѣйшее бревно.

— Что жъ докторъ?

Она презрительно усмѣхнулась.

— Изъ Англіи даже одинъ ѣдетъ, завтра или послѣ завтра пріѣдетъ... Да ужь что тутъ!.. помирать такъ помирать — всѣ тамъ будемъ... какое тутъ, милый человѣкъ, докторъ! — захочетъ «хозяинъ», такъ я сразу встану, вѣдь это ужь бывало, а не захочетъ — кто жъ мнѣ поможетъ!

Мнѣ стало неловко, тяжело и жалко ее до послѣдней степени.

— Что жъ, вы ѣдете? сегодня? — спрашивала она.

— Да, нужно,

— Не уѣзжайте! — вдругъ шепнула она какимъ-то особеннымъ голосомъ. — Неужто не можете вы пробыть со мною дня три-четыре?.. Пожалѣйте меня немного!..

Голосъ ея прервался, изъ глазъ брызнули слезы.

— Вѣдь я одна, — сквозь видимо подступавшія къ ея горлу рыданія говорила она потомъ, — всѣ они — чужіе, чужіе!.. ухаживаютъ за мной, носятся со мною, а мнѣ тошно глядѣть на нихъ, — бить ихъ, плевать на нихъ хочется! Противны они мнѣ всѣ... чужіе! Только вы — свой, родной, русскій! Другъ мой безцѣнный, дѣточка вы моя дорогая, не покидайте вы меня, старуху, въ такое время!.. коли помру — закройте вы мнѣ глаза русской родной рукою... Да и еще одно дѣло: я вѣдь кончила «Голубыя горы», послать надо Каткову, ну, а въ такомъ видѣ рукопись нельзя послать, я по-русски-то пишу не ахтительно, безъ исправленій, да и большихъ — нечего и думать... возьмите, Бога ради, да поправьте. Я и пошлю тогда. А послать скорѣе охъ какъ надо: денегъ у меня своихъ ни полушки, Общество выдаетъ мнѣ мало, а на чужой счетъ жить не очень-то пріятно... Сдѣлайте же божескую милость, истинно доброе дѣло... и на семь и на томъ свѣтѣ не забуду вашей дружбы... Охъ, тяжело какъ!

Она застонала, и опять слезы выкатились изъ глазъ ея.

Нечего говорить, что она совсѣмъ меня растрогала и разстроила, что она меня въ конецъ побѣдила. Я сказалъ ей, что остаюсь на два, на три дня, даже на недѣлю если ей нужно, и готовъ сейчасъ же приступить къ чтенію ея «Голубыхъ горъ».

Нужно было видѣть, какъ она меня благодарила! Хотя очень

скоро мнѣ и открылось, почему ей необходимо было задержать меня въ Эльберфельдѣ; но все же я думаю, что ея муки одиночества среди иноземцевъ и влеченіе ко мнѣ, какъ къ своему, русскому человѣку—были въ ней искренни. Если же она и тутъ только играла роль—то играла неподражаемо. Вѣрнѣе же, что она была искренна, и въ то же время играла роль—въ этой женщинѣ примирялось непримиримое!

Къ вечеру ей стало лучше, такъ что даже она облеклась въ свой черный балахонъ и помѣстилась въ креслѣ. Я получилъ возможность оглядѣться и составить себѣ понятіе о новыхъ, окружавшихъ меня, лицахъ. Пока ихъ было, немного—только хозяева: Гебгардъ съ женою и сыномъ и Арундэли.

Незнаю—насколько Гебгардъ-отецъ былъ искренно увлеченъ теософіей, но держался онъ за нее крѣпко, такъ какъ она ему, человѣку, несомнѣнно страдавшему честолюбіемъ, давала нѣкоторое положеніе. Богатый фабрикантъ шелковыхъ и иныхъ матерій, онъ оказывался неудовлетвореннымъ той средой, къ которой принадлежалъ по рожденію и по своей дѣятельности. Ему хотѣлось играть роль среди иного, болѣе интеллигентнаго общества.

Блаватская давала ему эту возможность съ той минуты, какъ его домъ превратился во временную «главную квартиру» теософіи. Въ своей гостиной и столовой онъ съ нескрываемой, дѣтски нескрываемой радостью видѣлъ интересныхъ иностранцевъ и иностранокъ. Когда раздавался звонокъ къ обѣду, онъ, расфранченный и съ ленточкой персидскаго ордена въ петлицѣ, предлагалъ руку фрейлинѣ А. и открывалъ шествіе въ столовую. За обѣдомъ онъ считалъ своею обязанностью занимать гостей и рассказывалъ то по-нѣмецки, то на ломаномъ французскомъ языкѣ довольно пошлые анекдоты, ничуть не сомнѣваясь въ ихъ остроуміи.

Его жена, особа приличная и скромная, поразила меня (тогда это было для меня еще вновь) своимъ отношеніемъ къ «madame»: она цѣловала у нея руку и исполняла при ней всѣ обязанности горничной. «Madame», большая и раздражительная,

иной разъ на нее даже покрикивала. Рудольфъ Гебгардъ мнѣ памятенъ тѣмъ, что былъ весьма искусный фокусникъ. Онъ купилъ у какого-то «профессора бѣлой и черной магіи» секреты и сдѣлалъ для насъ «темный» сеансъ, на которомъ весьма удачно и отчетливо подражалъ медиумическимъ явленіямъ.

Надъ нашими головами леталъ и звонилъ колокольчикъ, летала и звучала гитара, какія-то руки прикасались къ намъ, потомъ Рудольфа связывали и припечатывали, а черезъ минуту онъ оказывался освобожденнымъ отъ этихъ своихъ узъ и т. д.

Блаватская при этомъ разражалась насмѣшками надъ спиритами и, на мои замѣчанія, что вѣдь сама она была спириткой, клялась, что никогда ею не была и что, это все на нее выдумали «обожатели скорлупъ», т. е. спириты.

Мистрисъ Арундэль, сухенькая старушка безъ рѣчей, ничего изъ себя не представляла, но ея дочь, миссъ Арундэль, представляла изъ себя нѣчто. Это была дѣвица неопредѣленныхъ лѣтъ, въ очкахъ и съ лицомъ, лоснившимся какъ только-что вычищенный самоваръ. Она съ фанатическимъ пафосомъ толковала о махатмахъ и ихъ чудесахъ и время отъ времени бросала явно влюбленные взгляды на Могини.

При ней былъ прелестный семи или восьми-лѣтній мальчикъ, котораго она называла своимъ племянникомъ и воспитанникомъ; самъ онъ считалъ ее и называлъ матерью. Когда къ нему обращались съ вопросомъ: кто онъ?—онъ отвѣчалъ: «I am a little chela!»¹⁾ Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ я убѣдился въ возмутительномъ фактѣ. Олкоттъ сдѣлалъ этого невиннаго ребенка буддистомъ: съ него сняли крестъ, и «старый котъ» надѣлъ ему вмѣсто креста на шею серебряный амулетъ, «освященный махатмой» — т. е. «фаллусъ».

Когда я выразилъ Еленѣ Петровнѣ мое возмущеніе по этому поводу — она сдѣлала удивленное лицо и воскликнула:

— Я не знала этого, но не могу же я отвѣчать за эту фанатичку миссъ Арундэль! Я не имѣю права вмѣшиваться въ чужія убѣжденія!

¹⁾ «Я маленькій чела».

Надъ исправленіемъ рукописи «Голубыхъ горъ» мнѣ пришлось поработать, такъ какъ «madame» дѣйствительно правильною своего русскаго писанія, несмотря на оригинальность и живость слога, не отличались. Эта работа помѣшала мнѣ быть свидѣтелемъ «феномена», происшедшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, въ сосѣдней комнатѣ. Елена Петровна лежала на кровати, Олкоттъ сидѣлъ у ея ногъ, г-жа А. помѣщалась въ креслѣ посреди комнаты и забавлялась съ маленькимъ «буддистомъ» (его обыкновенно къ «madame» не выпускали, и легко предположить, что теперь онъ былъ призванъ для того, чтобы развлечь вниманіе г-жи А.)

Вдругъ г-жа А. вскрикнула и, когда я вошелъ въ комнату, она держала въ рукѣ письмо, «упавшее *сверху* къ ея ногамъ». Письмо оказалось отъ махатмы Моріа, и въ немъ онъ уже не называлъ ее «козявкой», а напротивъ, весьма льстилъ ея самолюбію. Этотъ «феноменъ» *закрѣпилъ* ее теософическому обществу.

Въ тотъ же день пріѣхали изъ Кембриджа Ф. Майерсъ, одинъ изъ основателей и дѣятельнѣйшихъ членовъ «Лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій» и его братъ, докторъ Майерсъ, долженствовавшій высказать свое мнѣніе о болѣзняхъ «madame». Майерсы остановились въ той же «Victoria», гдѣ и я. Вечеромъ мы съ Ф. Майерсомъ имѣли продолжительную бесѣду, и онъ произвелъ на меня своей искренностью и серьезностью самое лучшее впечатлѣніе, подкрѣпившееся моимъ дальнѣйшимъ съ нимъ знакомствомъ. Первымъ дѣломъ онъ просилъ меня рассказать ему, какимъ образомъ я *видѣлъ* махатму Моріа и, когда я исполнилъ это, сталъ убѣждать письменно сообщить этотъ фактъ Лондонскому обществу.

— Я никогда не считалъ себя въ правѣ отказываться отъ письменнаго подтвержденія того, что случилось—отвѣтилъ я ему,—и если вамъ нуженъ мой рассказъ для серьезнаго изслѣдованія, я вамъ его предоставлю. Для васъ этотъ фактъ дѣйствительно важенъ, но не понимаю, почему m-me Блаватская такъ ужъ за него ухватилась, — вѣдь онъ имѣетъ всѣ видимости галлюцинаціи,

вызванной обстоятельствами, или даже просто яркого сновидѣнія. Къ тому же я самъ такъ именно и смотрю на него, и пока не имѣю еще никакихъ достаточныхъ основаній допускать не только *дѣйствительное* общеніе махатмъ съ кѣмъ-либо изъ насъ, но и самое существованіе этихъ махатмъ для меня проблематично.

— Не знаю правы ли вы,—сказалъ Майерсъ,—это покажутъ наши дальнѣйшія изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ ваше сообщеніе, по правиламъ нашего общества, должно заключать въ себѣ только простое, подробное изложеніе факта, безъ всякихъ комментариевъ и оцѣнки съ вашей стороны.

— Я изложу просто и подробно,—сказалъ я,—но если мнѣ нельзя при этомъ заявить, что я склоненъ считать мой случай чѣмъ угодно, только не дѣйствительностью,—я не могу дать вамъ его описанія. Это дѣло слишкомъ важно! въ дамской гостиной можно болтать и фантазировать сколько угодно, но разъ мы стоимъ передъ серьезнымъ изслѣдованіемъ психическихъ явленій—тутъ являются ясныя обязательства и совсѣмъ инныя требованія. Имѣйте же въ виду, что я вовсе не свидѣтель изъ теософическаго лагеря, а такой же изслѣдователь, какъ и вы, насколько мнѣ это позволяютъ мои средства и обстоятельства. Я только смущенъ, заинтересованъ и хочу знать «настоящую» правду.

Такъ мы и порѣшили.

Въ Отчетѣ «Лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій» помѣщенъ и мой случай, причемъ я, по правиламъ «Общества», хотя самъ его и не анализирую, но ужъ никакимъ образомъ не признаю «дѣйствительностью». Общество же, при этомъ, сочло его яркимъ сновидѣніемъ и заявило, что я «считаю его неимѣющимъ ровно никакого отношенія къ чему-либо таинственному»¹⁾.

¹⁾ Теософы очень носились съ этимъ моимъ «видѣніемъ». Уже послѣ того какъ я, благодаря своему собственному, параллельному съ Годжсоновскимъ, разслѣдованію, разоблачилъ „madame“, нѣкто Габоріо (лично мнѣ совсѣмъ неизвѣстный) издалъ въ Парижѣ переводъ книги Синпетта, подъ заглавіемъ: „Le monde occulte“. Къ своему изданію онъ присоединилъ нѣкоторые весьма курьезные „документы“ (я еще вернусь къ нимъ), а также и мой „случай“. При этомъ,

Черезъ два дня я окончилъ приведеніе въ нѣкоторый порядокъ рукописи Блаватской и уѣхалъ изъ Эльберфельда, оставивъ «*madame*» въ положеніи, хоть и не внушавшемъ немедленныхъ опасеній за ея жизнь, по словамъ доктора Майерса, но весьма серьезномъ. Прощаясь со мною она была опять очень трогательна, и я сказалъ ей, что хотя мнѣ теперь нѣтъ ровно никакого дѣла до ея теософическаго общества, но лично по ней болитъ мое сердце и во всемъ благомъ я очень хотѣлъ бы ей быть полезнымъ.

XII.

Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи моемъ въ Парижъ я получилъ отъ Е. П. Блаватской слѣдующее письмо:

«Дорогой В. С.: «*Tout est perdu — (même) l'honneur*». Что же мнѣ дѣлать? Если даже вы сознались мнѣ, что подозреваете, что я иногда могу замѣнить *настоящія подложными* явленіями, вы добрый и дорогой другъ, то чего же мнѣ ожидать отъ враговъ? Вотъ Coulombъ взяла свое. Сочинила какія то будто отъ меня письма и напечатала (я ихъ еще и не видала) въ Миссіонерскомъ журналѣ Мадраса. И эти письма якобы открываютъ цѣлую систему

онъ прибавляетъ: „мы только-что узнали, что г. Соловьевъ не вѣритъ больше въ это оккультное вліяніе (въ дѣйствительность явленія махатмы?) А его пресловутая статья (*fameux article*) въ *Nouvelle Revue*?“ Какая это моя статья — неизвестно! По желанію моихъ парижскихъ друзей, незнакомыхъ съ русскимъ языкомъ, я написалъ и напечаталъ въ „*Nouvelle Revue*“ два разсказа: „Кименисъ“ и „Магнитъ“, изданные потомъ и въ Россіи и вошедшіе въ Собраніе моихъ сочиненій. Эти разсказы чисто беллетристическіе и не имѣютъ ровно никакого отношенія къ теософическому обществу. Если же одинъ изъ нихъ, „Кименисъ“, Блаватская напечатала, переведа его изъ „*Nouvelle Revue*“, въ своемъ индійскомъ журналѣ, я тутъ не причемъ. Еще недавно до меня дошелъ слухъ, будто мнѣ приписывали и приписываютъ авторство какихъ-то статей въ „*Nouvelle Revue*“. Въ виду этого, пользуясь случаемъ, я заявляю, что кромѣ двухъ названныхъ беллетристическихъ разсказовъ я никогда не напечаталъ въ журналъ и-жи Адамъ ни одной строчки, не имѣлъ и не имѣю ни малѣйшаго отношенія къ редакціи „*Nouvelle Revue*“. Противъ же невѣдомо кѣмъ возбуждаемыхъ ложныхъ и превратныхъ слуховъ, я, конечно, какъ и противъ всякихъ анонимныхъ дѣяній, безсиленъ, пока ихъ не разъяснитъ случай.

организованную мошенничества. А я ей никогда и двухъ строкъ не писала!! ¹⁾ Выходить что наши махатмы составлены изъ *пузырей* и *кисей* да масокъ. Вы видѣли ночью *пузырь* теперь знайте; Олкоттъ видѣлъ хозяина нѣсколько разъ и говорилъ два раза съ «К. Н.» носъ къ носу — оба въ видѣ *пузырей* и т. д. Мохини ѣдетъ къ вамъ т. е. въ Парижъ черезъ два дня въ четвергъ такъ и скажите и объяснитъ дѣла. Но какъ вы поможете мнѣ, несмотря на все ваше желаніе — не знаю. Вамъ, говорите, до Общества дѣла нѣтъ, а я вотъ для Общества для абстрактной идеи готова не только душу положить но и честь. Я *подала въ отставку* и удаляюсь съ арены дѣятельности. Я уѣду въ Китай, въ Тибетъ, къ чорту если нужно туда *иди меня никто не найдетъ*, туда гдѣ никто меня не увидитъ и не будетъ знать гдѣ я — умру для всѣхъ кромѣ двухъ трѣхъ преданныхъ друзей какъ вы и желаю чтобъ такъ и думали что я умерла а потомъ года черезъ два, если смерть оставить меня, съ обновившимися силами опять явлюсь. Это рѣшено и подписано самимъ «генераломъ» ¹⁾.

Можете прежде всего объявить всѣмъ и каждому въ Парижѣ что такъ какъ, не взирая на всѣ мои усилія, на то что я положила за Общество жизнь и здоровье и всю будущность, меня подозреваютъ не только враги но даже и свои теософы, то я и отрѣзаю зараженный кусокъ отъ здороваго тѣла; то есть себя отъ общества. Всѣ ухватились за идею съ такой радостью и Олкоттъ и м-ме Гебгардъ и другіе, что я не нашла даже сожалѣній. Предоставляю мораль — правоученіе — вамъ. Конечно, я не удалюсь въ «пустыню», пока Олкоттъ (который уѣзжаетъ въ Индію съ первымъ пароходомъ) не поправитъ дѣлъ въ Адьярѣ, не объявитъ и не докажетъ заговора — Куломбшѣ дали 10,000 руп. теперь доказано чтобы погубить Общество — а какъ только все это успокоится то и удалюсь — куда еще неизвѣстно, все равно, впрочемъ, лишь бы туда гдѣ бы никто не зналъ. Письма къ Каткову могу

¹⁾ Не только изъ отчета Годжсона; но изъ ея собственноручнаго письма ко мнѣ отъ 3 янв. 1885 г., приводимаго мною дальше, ясно видно, что были письма ея къ г-жѣ Куломбъ, которыхъ она не отрицала.

²⁾ Я, смѣясь, какъ-то сказалъ ей, что махатму Моріа слѣдуетъ называть не „хозяиномъ“, а „генераломъ“ — „полковникъ Олкоттъ“, „генераль Моріа“ и т. д.

отправлять через васъ. Олкоттъ будетъ конечно знать гдѣ я, а другіе пусть думаютъ что хотятъ. Чѣмъ безумнѣе выдумки тѣмъ лучше. Вотъ *въ этомъ можете мнѣ помочь дѣйствительно*. Вамъ довѣрюсь вполне и могу и *буду* управлять Обществомъ издали лучше чѣмъ на виду.

Вотъ родной мой другъ всё. Остальное скажу съ глаза на глазъ потому что хочу тихонько отъ всѣхъ пріѣхать къ вамъ на нѣсколько дней если захотите. Отвѣчайте скорѣе и не отговаривайте, потому что это единственное спасеніе и мнѣ и Обществу. Эффектъ моей публично заявленной мною отставки будетъ *громкимъ*. Увидите. А вы постѣшите объяснить это въ Питерѣ — хоть въ *Ребусѣ* тѣмъ что Общество наше устроено не для произведенія феноменовъ, а ихъ изученія; не для боготворенія махатмъ а для всемірнаго дѣла и чтобы доказать что вѣра въ сверхъестественное есть *суевѣріе*, *глупость*, а вѣра, т. е. наука (!), знаніе силъ природы неизвѣстныхъ нашимъ ученымъ есть обязанность каждого интеллигентнаго человѣка и что такъ какъ половина теософовъ и всѣ спириты считаютъ меня кто сильнымъ медиумомъ а кто и шарлатанкой, то мнѣ все это надоѣло и я любя Общество больше души своей добровольно отстраняюсь отъ него на время ради избѣжанія соблазна. Ради Бога сдѣлайте это тотчасъ же а не то поздно будетъ. Вамъ Мохини разскажетъ всю *конспирацію* въ Мадрасѣ противъ Адьяра и Общества. Ошельмуйте вы этихъ подлыхъ кальвинистовъ миссіонеровъ — будьте другомъ. А пока отвѣчайте. Я хочу уѣхать въ Лондонъ къ концу этой недѣли. Да сослужите службу. Узнайте въ Rue Byron 11 bis — не живетъ ли тамъ артистка *chromophotographiste* Madame Tcheng, а если уѣхала, то куда. Но она васъ не должна ни видѣть ни знать. Ахъ, кабы васъ увидать да переговорить да устроить да совѣтъ отъ васъ получить! Ну война, не на животъ *а на смерть*.

На тя махатмы уповаемъ, да не постыдимся во вѣки!!

ваша по гробъ Е. Блаватская».

Рядомъ съ этимъ, въ концѣ письма, очевидно для того, чтобы совершенно *получить* меня, — оказалось *курьезнѣйшее* дополне-

не: «астральная» приписка махатмы Кутъ-Хуми его обычнымъ синимъ карандашемъ, подлинность которой можетъ быть засвидѣтельствована какимъ угодно экспертомъ.

Вотъ что, потревожившись изъ своего тибетскаго уединенія, удостоилъ мнѣ написать по-французски мудрѣйшій махатма: «Et les «mahatmas» ne l'abandonneront pas — mais, la situation est furieusement sérieuse. O. est bête, mais il n'y en a pas d'autre. К. Н.» ¹⁾.

Мудрый махатма, откровенно признавшійся мнѣ въ глупости Олкотта, испортилъ все дѣло. Не знаю какое бы впечатлѣніе произвело на меня это письмо «madame», въ смыслѣ ея искренности, но «астральная» приписка Кутъ-Хуми, въ которой я, и не будучи экспертомъ, не могъ не признать «слога» и даже хоть и видоизмѣненнаго, но несомнѣннаго почерка Блаватской, — сразу укрѣпила почву у меня подъ ногами. Я ужъ не сомнѣвался въ томъ, что тутъ дѣло совсѣмъ не чисто. Конечно, я не исполнилъ ни того, ни другого порученія «madame»: я не заявлялъ, ни тогда, ни впоследствии, *ровно ничего*, и ни въ какихъ газетахъ и журналахъ, о теософическомъ обществѣ или о Блаватской, и не сталъ искать какую-то «chromographiste», которая не должна была «ни видѣть, ни знать меня», — все это было бы, по меньшей мѣрѣ, нелѣпымъ.

Я такъ возмутился «астральной припиской Кутъ-Хуми», что, въ первую минуту, хотѣлъ было прямо обратиться къ Блаватской съ просьбой забыть о моемъ существованіи. Но мнѣ пришлось бы раскаться, еслибы я послѣдовалъ этому первому движенію: въ тотъ же день, у m-me де-Морсье, я встрѣтился съ самыми «убѣжденными» и честными французскими теософами и, несмотря на всю очевидность обмана, они признали приписку «подлиннымъ дѣломъ руки не «madame», а Кутъ-Хуми. Это полное «ослѣпленіе» людей, совершенно разумныхъ во всемъ, за исключеніемъ вопроса о непогрѣшимости «madame», заставило меня окончательно укрѣпиться въ моемъ первоначальномъ планѣ. Во что бы то ни стало

¹⁾ И „махатмы“ ее не покинуть,—но положеніе яростно *серьезно*. О. [означаетъ: Олкоттъ] глупъ, но другого никого нѣтъ. К. Н.

я соберу доказательства всѣхъ этихъ обмановъ, достаточныя не только для меня, но и для всѣхъ одураченныхъ слѣпцовъ. Я не стану больше поддаваться невольной симпатіи и жалости, которыя, несмотря на все, влекутъ меня къ «Еленѣ Петровнѣ». Я буду имѣть дѣло, прежде всего, съ «Блаватской», воровкой душъ, стремящейся уворовать и мою душу. Она, надъ личиною дружбы и преданности, надуваетъ меня, желаетъ опутать и эксплуатировать, — это развязываетъ мнѣ руки. Пусть она считаетъ меня «другомъ», то-есть слѣпцомъ, вполне одураченнымъ ею, ибо если у нея хоть только мелькнетъ въ головѣ подозрѣніе относительно моей цѣли — я, конечно, ровно ничего не достигну. Во всякомъ случаѣ, чтѣ бы ни произошло, я ее пожалѣю больше, чѣмъ она меня жалѣетъ, я всячески постараюсь, чтобы она вняла совѣтамъ благоразумія, чтобы скандалъ вышелъ меньше — ради этого я готовъ дать ей самыя добрыя совѣты, потому что она русская. Но если она будетъ упорствовать — я ее изобличу передъ всѣми, хоть она и моя соотечественница. Теперь, прежде всего, намъ надо увидѣться; я не могу ѣхать въ Лондонъ, пусть же она пріѣдетъ въ Парижъ, благо сама этого желаетъ.

И я написалъ ей прося ее непременно пріѣхать прямо изъ Эльберфельда. Дня черезъ два м-те де-Морсье сообщила мнѣ, что получила письмо отъ «madame», въ которомъ она проситъ ее встрѣтить пріѣзжающаго съ такимъ-то поѣздомъ Могини.

— Встрѣтить его необходимо, — объяснила м-те де-Морсье, — вѣдь онъ ѣдетъ одинъ и, плохо зная французскій языкъ, совсѣмъ растеряется. Не можетъ ли онъ у васъ остановиться? Madame не рѣшилась прямо спросить объ этомъ васъ, не зная, найдете ли вы удобнымъ, и поручила это мнѣ.

— У меня есть лишняя, совсѣмъ отдѣльная комната — отвѣтилъ я, — и онъ нисколько не стѣснитъ меня даже и своимъ вегетарьянствомъ. Конечно его бронзовое лицо и странный костюмъ возбуждать толки у насъ въ *impasse*’ѣ; но мнѣ это все равно.

Мы вмѣстѣ поѣхали на желѣзнодорожную станцію и встрѣтили молодого брамина. Онъ передалъ мнѣ письмо «madame».

Она писала: «Дорогой В. С. Старалась сдѣлать по вашему — невозможно. Ъхать на Парижъ одной, когда я насилу хожу безуміе. Ъду въ понедѣльникъ въ Лондонъ. Останусь (п. ч. необходимо) въ Лондонѣ недѣли двѣ, а затѣмъ ѡду къ вамъ въ Парижъ, хотите на недѣлю, хотите на двѣ. *Никто не долженъ знать* гдѣ я. Кромѣ Геббарта который вполнѣ преданъ мнѣ и дѣлу. Я вышла въ отставку и теперь идетъ страшнѣйшая кутерьма. «Генераль» приказалъ эту стратегію, а онъ знаетъ. Я конечно осталась *членомъ* по простымъ членомъ и *исчезаю* на годъ или два, съ поля битвы. Это письмо вамъ передастъ Могини. Онъ останется въ Парижѣ до вторника. Геббартъ пріѣдетъ за мною когда я хочу и повезетъ *куда* захочу. Но куда мнѣ ѡхать такъ чтобы никто кромѣ нѣсколькихъ преданныхъ друзей не зналъ гдѣ я—я еще рѣшительно не знаю.

Поймите мой дорогой В. С. мнѣ *необходимо для моего плана* исчезнуть безъ слѣда, на нѣкоторое время. Тогда будетъ реакція и въ мою пользу. Я хотѣла ѡхать въ Китай если махатма позволить да денегъ нѣту. Если узнають гдѣ я, то все пропало. Вотъ помогите совѣтомъ. Хозяинъ велѣлъ такъ и такъ въ общемъ планѣ, а мнѣ предоставилъ дѣтали и комбинаціи—какъ и всегда на мой страхъ и голову. Провалюсь—тѣмъ хуже для меня. Ну а вотъ въ Россіи, вы можете помочь. Сказать что вслѣдствіе *конспираціи* о которыхъ вамъ Могини расскажетъ и здоровья я была вынуждена оставить на годъ или полтора дѣятельную работу. Что и правда: силъ моихъ нѣту. А теперь я кончу II часть *Дебрей* и будетъ лучше. Но программа моя, если вы одобрите, такая: пусть люди слышать о насъ какъ можно болѣе таинственнаго, но и *неопредѣленнаго*. Пусть теперь мы теософы будемъ окружены такой таинственностью что самъ чортъ ничего черезъ очки даже не увидить. А для этого намъ нужно писать, писать и писать. Ну досвиданья. Могини все расскажетъ. Ваша на вѣкъ Е. Блаватская».

Могини рассказалъ очень мало, и изъ его словъ нельзя было разобрать, чтѣ же именно происходитъ. Ясно было одно: теософы, во главѣ съ «madame», всполошились не на шутку—не даромъ

махатма Кутъ-Хумъ писалъ мнѣ, что «la situation est *furieusement sérieuse*». Могини пробылъ три дня, прочелъ три лекціи парижскимъ теософамъ и уѣхалъ въ Лондонъ давать свои показанія «Обществу для психическихъ изслѣдованій».

По его отъѣздѣ я получилъ отъ Блаватской слѣдующее письмо, уже изъ Англіи:

«9, Victoria Road. Kensington.

Дорогой В. С. Вотъ мой новый адресъ—на двѣ недѣли, не болѣе. Меня усылаютъ въ Египетъ а затѣмъ на Цейлонъ поближе домой, но не домой. Будетъ какъ хозяинъ вельбл—не возвращаться въ Мадрасъ пока Олкоттъ не устроитъ, а оставаться въ Европѣ тоже невозможно. Думали, думали, ничего не придумали. Нѣтъ у насъ денегъ разъѣзжать и жить каждый врознь. Теперь со мною ѣдутъ до Цейлона теософы (М-г и M-rs Соорег Oakley, отправляющіеся въ Мадрасъ) а одной мнѣ ѣхать безъ никого невысказано.

Ревматизмъ снова гуляетъ по плечу и немного повсюду. Хватить еще какъ въ Эльберфельдѣ—тогда прощайте—на сердце бросится.

Ну какъ же мы съ вами увидимся? Мнѣ невозможно ѣхать въ Парижъ когда я насилу хожу! Господи, какъ бы я желала съ вами повидаться еще разъ. Неужели же вамъ нельзя пріѣхать хоть дня на два? Я знаю что намъ должно повидаться; но что же я буду дѣлать когда судьба не позволяетъ? Будь я немного здоровѣе, я бы пріѣхала. Я ужасно сожалею теперь что проѣхала не на Парижъ. Но я была не одна, а бросить M-rs Holloway было не возможно, когда она пріѣхала со мною въ Эльберфельдъ и *только для меня*. Напишите, посоветуйте, родимый. Это ужасно если я васъ не увижу до отъѣзда! Въ Индіи идетъ страшная сумятица. Война съ миссіонерами не на животь, а на смерть. *Или они или мы*. 220 студентовъ du *Collège chrétien* все индусы отказались слушать курсы и оставили Коллегію послѣ этого пакостнаго заговора миссіонеровъ и напечатанныхъ ими *якобы моихъ* писемъ и записочекъ къ Куломбамъ, и перешли гуртомъ къ намъ.

*

Que c'est un faux, est tout a fait evident. Писать такія глупости какія тамъ написаны можетъ только особа совершенно незнакомая съ Индіей — какъ эта Coulomb, напр.: я пишу о приготовляемыхъ мною фокусахъ для бенефиса «махараджи *Лакхорскаго*» когда такого созданія и нѣтъ въ Индіи какъ *Лакхорскій* махараджа или раджа!¹⁾ и т. д. и т. д. Подлогъ уже открытъ въ двухъ или трехъ письмахъ, но скандалъ ужасный. Можете себѣ представить какъ *они боятся* и ненавидятъ меня, когда за недѣлю до появленія въ печати этихъ подложныхъ писемъ, въ Калькутѣ въ день выборовъ муниципалитета появились на всѣхъ углахъ улицъ — *буквально тысячами* — наклеенныя афиши со словами «Паденіе ш-ме Блаватской!!» Ну штука и должно быть я въ самомъ дѣлѣ опасный для нихъ человѣкъ. Это все шотландскіе калвинисты миссіонеры, самая подлая, низкая секта, настоящіе іезуиты *minus* ума и хитрости послѣднихъ. Но я еще не упала и докажу имъ это дастъ Богъ. Это «паденіе» будетъ еще торжествомъ коли не помру.

Отвѣчайте милый человѣкъ. Скажите кончили ли *Изиду* французскую II часть? Пришлите коли она вамъ не нужна. Новикова очень желаетъ познакомиться съ вами. Ахъ кабы вы пріѣхали! ваша до гроба Е. Блаватская».

Прошло нѣсколько времени. Отъ Блаватской ни слова. Наконецъ я написалъ ей, спрашивая чтѣ съ нею.

Получилъ въ отвѣтъ:

«Дорогой В. С. Ради Бога не обвиняйте меня въ равнодушія! Противъ меня мерзвѣйшій заговоръ и если мы не захватимъ во время то вся моя десятилѣтняя работа пропала. Потомъ расскажу или Олкоттъ. Олкоттъ ѣдетъ въ Адьяръ изъ Марсея 20-го. Онъ оставляетъ Лондонъ въ среду, завтра вечеромъ и будетъ въ Парижѣ 14-го утромъ. Онъ остановится въ гостинницѣ,

¹⁾ Оказалось, при разслѣдованіи Годжсона, что Е. Е. Блав. въ своихъ письмахъ къ Coulomb обозначала нѣкоторыхъ лицъ данными имъ ею и извѣстными ей корреспондентамъ *прозвищами*. Такъ нѣкій Падша назывался *Королемъ*. Обозначать людей, и въ разговорѣ и въ письмахъ, именно *прозвищами* было совершенно въ обычаяхъ Блаватской.

а вы узнаете отъ de Morsier гдѣ. Ради Бога приѣзжайте если можете. Я взяла вмѣстѣ съ преданными теософами которые ѣдутъ со мною въ Адьяръ маленькій домъ здѣсь гдѣ я останусь на двѣ—самое большее три недѣли, потомъ ѣду въ Египетъ гдѣ остановлюсь на нѣсколько дней. Въ письмѣ невозможно всего сказать. Напишите хоть нѣсколько словъ. Когда бы вы знали въ какомъ я ужасномъ положеніи то вы бы не смотрѣли пишу я вамъ или нѣтъ. Господи кабы васъ увидѣть! Пожалуйста пишите. Олкоттъ объяснить вамъ все.

Вамъ преданная на вѣкъ Е. Блаватская».

Олкоттъ приѣхалъ и тоже не сообщил ничего новаго, что не было бы мнѣ уже извѣстно изъ писемъ Елены Петровны. Глядя на президента «теософическаго общества» я, конечно, никакъ не могъ не вспоминать аттестаціи, данной ему махатмой Кутъ-Хуми.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на всю некрасивость положенія, полковникъ имѣлъ по истинѣ полковничій видъ и храбро повторялъ:

— О, это пустяки—я поѣду и все устрою!

Черезъ нѣсколько дней я написалъ Блаватской, еще разъ прося ее приѣхать въ Парижъ. Она мнѣ отвѣтила: «Поздно, дорогой В. С.—телеграмма за телеграммой зовутъ *домой* ¹⁾. Тамъ такая кутерьма, что свѣта божьяго не видать. Одинъ изъ нашихъ теософовъ въ Адьяръ — Гартманъ приколотилъ до полусмерти миссіонера за пасквиль на Общество и меня. Теперь битва начинается, не на животь а на смерть. Положу свои старыя косточки за правое дѣло, не поминайте лихомъ, дорогой другъ. Не бойтесь, «хозяинъ» заступится. Я ѣду съ М-г и М-гs Cooper Oakley — друзья М-me de Morsier. Они и домъ продали — ѣдутъ со мною или вмѣстѣ побѣдить врага или умереть. «На тя Парабрама уповахомъ, да не постыдимся во вѣки». Вотъ такъ *devotion*! Вѣдь

¹⁾ Она уже очевидно забыла, что такъ недавно писала мнѣ совсѣмъ другое о рѣшеніяхъ и приказаніяхъ „хозяина“.

всю карьеру погубили... Я останусь всего недѣли двѣ наиболѣе въ Египтѣ а затѣмъ домой. Мы отправляемся изъ Ливерпуля 1-го ноября въ стимерѣ Clan Mac Carthy и остановимся въ Александріи. Буду писать вамъ оттуда и все расскажу. Прощайте надолго. На вѣки преданная

Е. Блаватская».

Она уѣхала, а я остался, не выполнивъ своего плана и думая, что ужъ врядъ ли придется къ нему вернуться. Могъ ли я предполагать, что не навсегда простился съ нею, что мнѣ придется ее увидѣть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и вполне достигнуть своей цѣли?! Мнѣ думалось, что ее *домой* привезутъ не живой, а мертвой.

Прошло мѣсяца три — и вдругъ я получилъ изъ Мадраса огромный пакетъ. Въ немъ фотографическія группы какихъ-то ужасныхъ индусскихъ фizioномій, виды Адіара, портретъ самой «madame», не мертвой, а живой, и слѣдующее письмо:

«Адьяръ-Мадрасъ 3 января 1885 г.

Дорогой, милый В. С., измучилась я, перемучилась а всё живу какъ старая кошка у которой девять жизней. Ну заговоръ, милый вы мой человекъ, — по всѣмъ правиламъ іезуитскаго искусства. Ну скажите теперь, что меня «хозяинъ» не бережетъ явно и ощутительно! Да другую бы на моемъ мѣстѣ самъ Богъ и 100 чертей не спасли бы будь я невинна какъ младенецъ въ купели а я чуть появилась — торжествую! Вообразите только печатаютъ письма подъ моимъ именемъ, штукъ сорокъ записокъ и писемъ глупѣйшихъ и бессмысленныхъ по содержанію вообще, но многія въ моемъ стилѣ и всѣ относящіяся къ феноменамъ которые дѣйствительно случились. Всѣ онѣ (письма) якобы поучаютъ какъ лучше надуть такого то или другого сановника; все это по имени и титуламъ — и съ привычными ухмыленьями надъ якобы «дураками». Все это печатается миссіонерами, которые какъ теперь доказано *купили ихъ* у этихъ *изнанныхъ* изъ общества за воровство и ябеду подлецовъ за 3,000 рупій, съ комментаріями и объясненіями. Еще до появленія ихъ въ печати рассылаются по

Индіи до 50,000 печатныхъ объявленій «паденіе m-me Блаватской. Разоблаченіе ея фокусовъ и безстыднаго надувательства. Паденіе махатмы Кутхуми». Великій адептъ есть кукла изъ пузырей и кисей!!! — огромными буквами и расклеиваютъ на всѣхъ углахъ Калькуты, Бомбея, Мадраса и проч. Въ продолженіе 4 мѣсяцевъ газеты которыя даже не ожидаютъ и не даютъ мнѣ времени отвѣтить изъ Парижа — писала ли я когда такія письма, прямо объявляютъ меня *виновной* и разсуждаютъ en conséquence, ругаясь площадными словами. Затѣмъ Американскіе и Лондонскіе журналы занимаютъ роль греческаго хора и — пошла писать! Сотни теософовъ компрометированы и служатъ посмѣшищемъ. Ни одинъ не колеблется и всѣ стоятъ за меня горой. Они доказываютъ что письма подложныя, что Куломбы подлецы и воры и поэтому могли съ миссіонерами поддѣлать мою руку (что теперь и доказано) имъ отвѣчаютъ что они дураки; что феноменовъ не существуетъ, не можетъ никогда существовать на свѣтѣ—*ergo* объясненіе ихъ фокусами самое естественное особенно такъ какъ преступница Блаватская, извѣстная русская *шпионка* (ужь и извѣстная? дурачье!). Газеты погребаютъ меня заранѣе; разсуждаютъ такъ, какъ бы мнѣ и не *возможно* было вернуться когда-либо въ Индію; наконецъ узнавъ что не взирая на это я все-таки возвращаюсь онѣ начинаютъ кричать que «c'est le courage du desespoir». Вотъ какъ. Нусь їду я въ Каиро. Тамъ узнаю черезъ консуловъ (Хитрово очень помогъ и письмо къ Нубаръ пашѣ) что Куломбы злостные банкроты, удрали тихонько ночью и нѣсколько разъ сидѣли въ тюрьмѣ за клевету. Она — извѣстная шарлатанка и *колдунья* отыскиваетъ за деньги зарытые клады, и была поймана съ поличнымъ такихъ кладовъ т. е. со старыми монетами которыя зарывала заранѣе и проч. и проч. Французскій консулъ даетъ мнѣ официальное позволеніе ихъ повѣсить (!) и вручаетъ довѣренность получить съ нихъ 22,000 фран. Графиня della Sala, veuve Beke-toff née princesse Vera Gagarine дѣлается теософкой, принцесса Гуссейнъ паша, жена брата Кедива—тоже. Масперо, le directeur du musée de Boulak, le grand Egyptologiste (!) *idem*. Уѣзжаю изъ Суеца домой послѣ 2-хъ недѣльнаго пребыванія въ Каиро. Fin

de l'acte *premier*. Занавѣсь падаетъ. И дѣйствіе. Я плыву въ сопровожденіи Mre Mrs Cooper Oakely (ami de m-me de Morsier) и Reverend Seadbeater'a (за недѣлю до нашего отъѣзда изъ Лондона священника *un curé*, а теперь *Буддиста*—) и плывемъ мы въ обществѣ 8 гнуснѣйшихъ миссіонеровъ съ коими изъ за меня чуть не драка каждый день. Сія 4 самца и 4 самки американскіе гнуснѣйшіе методисты, уже прочли пасквили своихъ чортовыхъ братій шотландскихъ кальвинистовъ и—хихикають. Я смотрю на нихъ какъ смотритъ слонъ на шавку и—успокоиваюсь собственнымъ безпокойствомъ. Они къ моему протестантскому попу, а онъ отъ нихъ ко мнѣ, и за меня. Въ Цейлонѣ я совершаю надъ ними публичное мщеніе. Призываю первосвященника буддистовъ и представивъ ему англичанина попа—теософа объявляю во всеуслышаніе, что онъ (Seadbeater), желаетъ перейти въ Буддизмъ. Онъ краснѣетъ, но не очень смущается, ибо серьезно готовился къ сему и вечеромъ, на берегу въ храмѣ Будды происходитъ торжественная церемонія. Попъ теософъ произноситъ *пансимъ* (les 5 preceptes); ему рѣжутъ хвостикъ волосъ съ головы; онъ дѣлается буддистомъ и *служкою* и—я отомщена! Въ Цейлонѣ насъ встрѣтилъ Олкоттъ, Hartmann и много теософовъ—насъ поѣхала въ Мадрасъ цѣлая компанія. За день до нашего прибытія (съ нами былъ и Геббартъ le jeune, помните, Rudolphe?) въ Мадрасъ вышло новое свинство. Подъ именемъ Куломбъ миссіонеры написали брошюру въ которой къ первымъ прибавили нѣсколько новыхъ клеветъ, напр., что въ 1872 году (когда я была въ Одессѣ) въ Каиро я давала *сеансы*, производила явленія фокусами, *брала за это деньги* и была поймана и обещена!! Къ счастью я просила Хитрово въ Каиро достать у Вице Консула, который зналъ меня въ 1871 году въ Египтѣ, приходилъ ежедневно и считался моимъ другомъ—родъ свидѣтельства или аттестата въ приличномъ поведеніи. Предчувствуя что m-me Coulombъ которую я знала тогда въ Египтѣ навретъ на меня, я сдѣлала консулу всѣ вопросы, могущіе возникнуть съ ея стороны въ такомъ дѣлѣ и получила засвидѣтельствованный печатью консульства отвѣтъ на всѣ пункты: зналъ де меня консулъ, видѣлъ ежедневно и ника-

кихъ художествъ съ моей стороны тогда не замѣчалъ, какъ ничего и не слыхалъ. Вотъ прїѣзжаемъ и миссіонеры устроились на берегу наслаждаться моимъ позоромъ. Но не успѣли бросить якорь, какъ цѣлая толпа нахлынула нашихъ теософовъ на палубу. Простирались, лобызали ноги и наконецъ утащили насъ на берегъ. Тамъ, тьма тьмущая народа — телѣгъ 30 съ музыкой, флагами золочеными каретами и гирляндами цвѣтовъ. Не успѣла я появиться на набережной какъ подняли меня на ура! Я чуть не оглохла отъ неистовыхъ криковъ торжества и радости. Насъ везли не лошади, а теософы, въ колесницѣ, передъ которой шли пятеры музыканты. Браминны благословляли и всѣ привѣтствовали и ликовали. Послѣ часового шествія, во время котораго исчезли всѣ миссіонеры словно въ адъ провалились — насъ повезли въ ратушу, гдѣ мы нашли 5,000 публики, довершившей мою глухоту. Господи, если бы вы только тамъ были — вотъ бы возгордились соотечественницей. Вообразите что 307 чел. студентовъ изъ *той самой* коллегіи «College Christian» миссіонеры профессоры которой затѣяли весь этотъ заговоръ — подписались подъ адресомъ, который они мнѣ публично поднесли и громко прочитали при громовыхъ аплодисментахъ публики (*индусской*, конечно). Въ этомъ адресѣ, коей и посылаю вамъ въ знакъ памяти и прошу m-me de Morsier перевести — они говорятъ то, что увидите и ругаютъ своихъ-же принципаловъ. Главное то, что ни одинъ изъ нихъ не теософъ, а просто индусы. Затѣмъ я должна была встать и произнести *списокъ*. Вообразите мое положеніе! За мной говорилъ Олкоттъ, M-rs Oakely и Seadbeater. Затѣмъ насъ увезли домой гдѣ я провела первую ночь въ лихорадкѣ и бреду. Но теперь было не до болѣзни 25-го (мы прїѣхали 23 декабря) начинался *anniversaire* и нѣсколько сотъ человѣкъ уже съѣхалось. Я требовала чтобы меня пустили въ судъ съ жалобой на миссіонеровъ и Куломбовъ — меня не пускаютъ! Наконецъ депутація отъ нашихъ делегатовъ, просятъ такъ какъ это ссора индусская *національная* скорѣе нежели интернаціональная — и я, Е. П. Блаватская, только прозрачный предлогъ выбранный для сокрушенія Общества (Теос.), ничего не начинать безъ согласія Комитета

Главнаго Совѣта. Говорятъ что враги только того и ищутъ и желаютъ чтобы заманить меня въ судъ, такъ какъ всѣ трое судей англ. въ пользу миссіонеровъ; что вся диффамация основана на феноменахъ и махатмахъ въ которые и въ силу которыхъ ни законъ ни публика вообще не вѣрятъ; что меня словомъ стараются заманить въ судъ, поймать на словахъ разсердивъ и приговорить къ тюрьмѣ—т. е. убить Общество *убивъ меня* нравственно. Это выходитъ еще почище Смирновской клеветы! Ну я и отдала себя въ ихъ (комитета) распоряженіе и руки. Они сидѣли три дня и три ночи надъ письмами и документами, призвали болѣе 300 свидѣтелей, между ними шесть Европейцевъ а остальные *les natifs*. Вынесли мнѣ полный оправдательный приговоръ и много писемъ было доказано поддѣлкой подъ мою руку¹⁾. Одинъ раджа теософъ предлагаетъ мнѣ письменно 10,000 руп., другой 30,000 третій двѣ деревни на судебныя издержки если я подамъ на нихъ жалобу, а комитетъ не допускаетъ «вы де *собственность* Общества. Заговоръ не противъ васъ, а противъ теософіи вообще. Сидите смирно, будемъ васъ защищать мы»¹⁾. Даже публика наконецъ поняла что это фокусъ миссіонеровъ. Нѣсколько писемъ появилось въ газетахъ, совѣтуя мнѣ быть осторожной и не попадаться на удочку. Господи, что за положеніе! Вотъ *Психическое* Лондон. Общество (вашъ другъ Myers) пристало члена дѣлать дознаніе. Онъ находитъ тоже что это огромный заговоръ (!). Я сижу пока и жду погоды у моря. Торжество *anniversaire* годовщины было огромное. Когда брошюры будутъ готовы всѣ пришлю. Пока посылаю группы делегатовъ и группу домашнихъ—все челы

¹⁾ Зачѣмъ она выдумываетъ, что *письма* были въ рукахъ теософическаго комитета,—рѣшительно непонятно! Вообще ловить ее во лжи было всегда очень легко, такъ какъ она постоянно забывала свои собственныя слова, увѣренія и показанія. Относительно оправдательнаго приговора, вынесеннаго ей ея сообщниками, она, конечно, могла быть спокойна.

¹⁾ Хотя эта *мишная* борьба была и очень наивна, но вѣдь ничего другого нельзя было выдумать! Когда, уже въ Европѣ, Блаватской предлагали защититься на судѣ отъ громогласныхъ обвиненій Лондонскаго Психическаго Общества, доказавшаго и объявившаго печатно, что она—*величайшая обманщица*,—она, забывъ объ этихъ 40.000 рупій и „двухъ деревняхъ“, *печатно заявила*, что у нея нѣтъ денегъ на веденіе процесса. А меня передъ тѣмъ увѣряла, что ея другъ Гебгардъ беретъ всѣ расходы на себя.

Махатмы. Когда то, дорогой другъ вы писали и говорили, что вамъ дорога моя честь и репутація. Заступитесь же хоть въ *Ребусъ* ради всего святого. Въдь въ Россіи повѣрять и это будетъ срамъ. Вы одинъ другъ и заступникъ, ради Бога, ангель вы мой заступитесь. Напишите въ *Ребусъ* правду; чтобы не вѣрили газетнымъ толкамъ. Да еще штука. Мучили вы меня все скорѣе послать Каткову мои «Голубыя Горы». Ну послала изъ Эльберфельда застрахованнымъ пакетомъ въ концѣ сентября или началѣ октября и до сихъ поръ ни гугу отъ него. Не знаю даже получилъ ли онъ даже рукопись не только намѣренъ ли печатать. Пишетъ письма подгоняетъ послать 2-ю часть *Дебрей*, а про Голубыя Горы ни слова. Напишите, узнайте Бога ради въ редакціи будетъ ли напечатано или же пропадетъ? Бѣда отовсюду. Будьте здоровы и счастливы если возможно. Отвѣчайте скорѣе, не то подумаю что и вы сдѣлались врагомъ. Поклонъ m-me de Morsier и всѣмъ другимъ. Ваша по гробъ вѣка

Е. Блаватская.

Эхъ, увидеть бы васъ еще разъ въ жизни!».

Читатели сами оцѣнятъ значеніе этихъ удивительныхъ писемъ, и въ особенности послѣдняго изъ нихъ, для характеристики женщины, произведшей такой шумъ, а также и для характеристики ея «дѣла», не только не умершаго съ нею, но и постоянно развивающагося. Особенно же письма эти интересны для сличенія ихъ съ дѣйствительными обстоятельствами и фактами, выясненными разслѣдованіемъ Годжсона, опубликованнымъ, черезъ годъ послѣ того, «Лондонскимъ Обществомъ для психическихъ изслѣдованій».

Этотъ «Отчетъ» Лондонскаго Общества, на который уже не разъ были ссылки въ нашей печати, до сихъ поръ совершенно неизвѣстенъ русскимъ читателямъ и пора ихъ съ нимъ познакомить.

„Извлеченія изъ подлиннаго отчета комиссіи, назначенной для изслѣдованія феноменовъ Теософическаго Общества“.

1. Объясненіе и заключенія комиссіи.

Въ маѣ 1884 года совѣтъ Общества для психическихъ изслѣдованій назначилъ комиссію, цѣлью которой было поставлено собраніе свѣдѣній о феноменахъ Теософическаго Общества, — какъ среди членовъ этого общества въ Англіи, такъ и всюду, гдѣ только это возможно.

Комиссія состояла изъ слѣдующихъ членовъ, имѣвшихъ право выбирать себѣ новыхъ товарищей: Е. Гёрнея, Ф. В. Майерса, Ф. Подмора, Г. Сиджвика и Ж. Г. Стэка. Впослѣдствіи они сами избрали еще двоихъ: мистера Р. Годжсона и мистрисъ Г. Сиджвикъ.

Мы дадимъ здѣсь краткій очеркъ развитія Теософическаго Общества, для лицъ, не слѣдившихъ за его успѣхами.

Теософическое Общество было основано въ Нью-Йоркѣ въ 1875 г. полковникомъ Олкоттомъ и г-жею Блаватской, по видимости для нѣкоторыхъ филантропическихъ и ученыхъ цѣлей. Въ 1878 году его главная квартира была переведена въ Индію, гдѣ общество имѣло большой успѣхъ среди индусовъ и другихъ образованныхъ туземцевъ.

„The Occult World“, (Тайный міръ) сочиненіе м-ра Синнетта, издававшего въ то время журналъ „Pioneer“, познакомило съ Обществомъ англійскихъ читателей; за этой книгой, въ которой много говорится о феноменахъ, послѣдовалъ „Esoteric Buddhism“ того же автора, гдѣ были развиты нѣкоторые ученія оккультизма или такъ наз. „Wisdom-religion“ (религія разума). Впрочемъ, заниматься изслѣдованіями этихъ доктринъ не входило въ цѣли комиссіи.

Въ 1884 комиссія имѣла возможность наблюдать за полковникомъ Олкоттомъ и г-жей Блаватской, которые, лѣтомъ этого года, провели въ Англіи нѣкоторое время, а также и за м-мъ Могини М. Чатерджи, сопровождавшимъ ихъ браминомъ, получившимъ ученую степень въ Каджутскомъ Университетѣ. Кроме того м-ръ Синнеттъ сдѣлалъ комиссіи сообщенія, а передъ тѣмъ члены комиссіи получили устные и письменныя показанія отъ многихъ другихъ членовъ Теософическаго Общества изъ Англіи, Индіи и др. странъ, не считая разсказовъ объ феноменахъ, помѣщенныхъ въ „The Occult World“, „Hints on Esoteric Theosophy“, „The Theosophist“ и т. п.

По этимъ свидѣтельствамъ въ Тибетѣ существуетъ братство, члены котораго приобрѣли сверхъестественное могущество, дающее имъ возможность совершать чудеса, недоступныя обыкновеннымъ людямъ. Г-жа Блаватская выдавала себя за *Chela* (ученицу) этихъ братьевъ (наз. также *адентами* или *махатмами*), которые, со своей стороны, выказывали особый интересъ къ Теософическому Обществу и совершили для него много чудесъ. О нихъ говорили, что они имѣютъ способность являться вѣѣ того мѣста, гдѣ находится ихъ тѣло, и не только появляться, но входить въ общеніе съ посѣщаемыми ими лицами и самимъ сознательно воспринимать все, тамъ происходящее. Такія призрачныя явленія теософы называютъ проявленіемъ „астральной формы“. Показанія, полученныя комиссіей, заключаютъ въ себѣ много случаевъ подобныхъ появленій двухъ махатмъ: Кутъ-Хуми (Коот Нооми) и Мориа (Могуа). Затѣмъ, утверждается, что ихъ „челы“ мало по малу получаютъ эту способность и что въ особенности получилъ ее и во многихъ случаяхъ выказалъ м-ръ Дамодаръ Мава-ланкаръ, теософъ, живущій въ главной квартирѣ Общества. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что хотя вышеупомянутыя произвольныя появленія и идутъ значительно дальше всѣхъ явленій подобнаго рода, о которыхъ мы имѣемъ свидѣтельства изъ другихъ источниковъ, тѣмъ не менѣе они имѣютъ много аналогичнаго съ нѣкоторыми случаями, рассмотрѣнными Ученой Комиссіей (Literary Committee).

Но мы не можемъ отдѣлить свидѣтельствъ, представленныхъ теософами относительно проявленій „астральной формы“, отъ ихъ же свидѣтельствъ о различнаго рода явленіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя, по мнѣнію спиритуалистовъ, происходятъ благодаря посредству медиумовъ и требуютъ дѣйствія „психической“ энергіи на матерію; подобные феномены описываются теософами обыкновенно или 1) какъ сопровождающіе явленія махатмъ и ихъ учениковъ, или 2) во всякомъ случаѣ какъ дающіе ясное указаніе на ихъ вѣдѣтельность...

Въ декабрѣ 1884 года комиссія рѣшила, что пришло время выпустить предварительный отчетъ о своихъ изслѣдованіяхъ. Этотъ отчетъ, вслѣдствіе его предварительнаго характера, и по другимъ причинамъ, былъ розданъ только членамъ и сотрудникамъ Общества для психическихъ изслѣдованій. При редактированіи нынѣшняго отчета комиссія считаетъ, что его читатели не знакомы съ предъидущимъ. Первоначальный отчетъ оканчивался заключеніемъ, что необходимо послать въ Индію на нѣсколько мѣсяцевъ довѣреннаго человѣка для знакомства на мѣстѣ съ дѣломъ и причастными къ нему лицами, а до тѣхъ поръ удержаться отъ окончательнаго вывода.

Въ виду этого, членъ комиссіи м-ръ Р. Годжсонъ, бывшій воспитанникъ Кембриджскаго Университета, отправился въ Индію въ ноябрѣ 1884 года и, употребивъ тамъ три мѣсяца на разслѣдованія, возвратился въ апрѣлѣ 1885 г.

Въ сентябрьскомъ и октябрьскомъ номерахъ „*Madras Christian College Magazine*“ за 1884 г. былъ напечатанъ рядъ писемъ, приписываемыхъ г-жѣ Блаватской и адресованныхъ г-ну и г-жѣ Куломбъ, занимавшимъ много лѣтъ довѣренныя мѣста въ главной квартирѣ Теософическаго Общества, но исключеннымъ оттуда въ маѣ 1884 г. общимъ Совѣтомъ Общества во время пребыванія г-жи Блаватской и полковника Олкотта въ Европѣ ¹⁾. Эти письма, при доказательствѣ ихъ неподложности, безусловно обвиняли г-жу Блаватскую въ мошенническомъ производствѣ феноменовъ, но она заявила, что нѣкоторыя изъ этихъ писемъ цѣликомъ, а другія отчасти—подложны. Одной изъ важныхъ цѣлей поѣздки м-ра Годжсона въ Индію было по мѣрѣ возможности установить, осмотромъ писемъ и проверкой приведенныхъ въ нихъ фактовъ и объясненій, даваемыхъ относительно этихъ фактовъ Куломбами, поддѣльны письма или нѣтъ. Издатель *Christin College Magazine* уже много потрудился для этой цѣли, какъ въ томъ увѣрился м-ръ Годжсонъ, но онъ не добился экспертизы почерка. Въ виду этого подлинныя письма, вполне достаточныя, чтобы доказать обманъ, были довѣрены издателемъ (ихъ отдала ему г-жа Куломбъ) м-ру Годжсону, который, еще до своего возвращенія въ Англію, отослалъ ихъ въ комиссію Лондонскаго Общества. *Письма эти, вмѣстѣ съ нѣсколькими письмами, несомненно написанными г-жею Блаватской, были переданы на разсмотрѣніе извѣстному эксперту м-ру Нетсерклифту, а также м-ру Симсу, эксперту Британскаго Музеума. Оба эксперта, независимо другъ отъ друга, пришли къ убѣжденію, что всѣ означенныя письма несомненно написаны г-жею Блаватской* ²⁾. Это

¹⁾ Когда я, еще въ Парижѣ, въ маѣ 1884 года, спрашивалъ Блаватскую—на кого она оставила свой домъ въ Адларѣ, онъ отвѣчала: «О, я совсѣмъ спокойна, тамъ у меня моя старая пріятельница и помощница, м-ше Куломбъ, и ея мужъ—люди, преданные всецѣло моему дѣлу».—Потомъ вдругъ, къ моему изумленію, въ лагерѣ защитниковъ Блаватской, эти друзья и помощники превратились въ «подкупленныхъ слугъ». В. С.

²⁾ Вотъ фактъ, громогласно и печатно засвидѣтельствованный «Лонд. Общ. для психич. изслѣдованій». Два лучшихъ эксперта Англіи, пользующихся громкой извѣстностью, изъ которыхъ одинъ—экспертъ такого учрежденія, какъ знаменитый Британскій музей, признали письма несомненно написанными Блаватской. А между тѣмъ г-жа Желиховская рѣшается въ своей статьѣ («Рус. Обзоръ» декабрь 1891 г. стр. 582—583) прямо объявлять эти письма подложными и

мнѣніе было вполне согласно съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на членовъ комиссіи внѣшнимъ видомъ писемъ, равно какъ ихъ слогомъ и содержаніемъ.

Далѣе комиссія желала, чтобы м-ръ Годжсонъ, при помощи перекрестнаго допроса или какъ-либо иначе, приобрьлъ доказательства, которыя могли бы помочь ему при обсужденіи степени довѣрія, какое слѣдовало давать показаніямъ нѣкоторыхъ изъ главныхъ свидѣтелей; чтобы онъ осмотрѣлъ мѣста, гдѣ происходили феномены, для удостовѣренія слѣдуетъ ли ихъ объяснять обманомъ или какъ-либо иначе; и въ особенности, какъ уже было сказано, чтобы онъ провѣрилъ показанія Куломбовъ, съ цѣлью судить, правдоподобны ли ихъ объясненія феноменовъ. Очевидно, что для психическихъ изслѣдованій не могутъ имѣть никакой цѣны феномены, въ которыхъ принимали участіе Куломбы, если будетъ доказано, что они сами могли ихъ производить; но въ то же время, ихъ голословное заявленіе, что они производили феномены, не можетъ само по себѣ быть доказательствомъ.

Вслушавъ все, что м-ръ Годжсонъ имѣлъ сказать по всемъ этимъ пунктамъ и тщательно взвѣсивъ всѣ ранѣ добытыя данныя, комиссія единогласно пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Что всѣ письма, предъявленныя г-жею Куломбъ, во всякомъ случаѣ всѣ тѣ, которыя комиссія разсмотрѣла и отдала на заключеніе экспертовъ, несомнѣнно написаны г-жей Блаватской и достаточно доказываютъ, что она, въ сообществѣ съ другими лицами, долгое время устраивала, при помощи естественныхъ средствъ, цѣлые ряды мнимыхъ чудесъ для поддержанія теософическаго движенія.

2) Что въ частности „шкапъ“ (shrine) въ Адіарѣ, черезъ который получались предполагаемыя письма отъ „махатмъ“, былъ нарочно устроенъ такъ, чтобы въ него можно было тайно вкладывать письма и другіе предметы, черезъ незамѣтно открывавшуюся досочку, и что онъ постоянно употреблялся для этой цѣли г-жею Блаватской или ея агентами.

3) Что вслѣдствіе этого болѣе чѣмъ вѣроятно, что всѣ чудесныя разсказы, приводимые въ доказательство тайнаго могущества махатмъ, должны быть объясняемы какъ результаты, или а) преднамереннаго обмана, совершеннаго г-жею Блаватской или по ея наущенію или б) какъ самопроизвольныя иллюзіи, галлюцинаціи, бессознательныя ложныя представленія, или выдумки со стороны свидѣтелей.

4) Что послѣ разсмотрѣнія отчета м-ра Годжсона о результатахъ его личныхъ справокъ и изслѣдованій, комиссія пришла къ тому заключенію, что ни въ одномъ случаѣ свидѣтельскія показанія о феноменахъ, считая ихъ характеръ и общую сумму, не достаточно доказательны, чтобы побѣдить вышеупомянутое мнѣніе.

Вслѣдствіе всего этого комиссія полагаетъ, что было бы лишней потерей времени продолжать разслѣдованіе...

Члены комиссіи остались совершенно удовлетворены разслѣдованіями м-ра Годжсона, вполне убѣждены въ его безпристрастіи и признаютъ, что его средства придти къ вѣрному заключенію превышаютъ все, чего они могли бы требовать.

Единственно только въ одномъ пунктѣ комиссія сочла себя обязанной измѣнить свой первоначальный взглядъ на дѣло. Въ первомъ отчетѣ было сказано, что если нѣкоторые феномены поддѣльны, то трудно предположить, чтобы полковникъ Олкоттъ не принималъ участія въ обманѣ. Но послѣ представленнаго м-ромъ Годжсономъ доказательствъ крайней довѣрчивости полковника Олкотта и неточ-

обвиняетъ, болѣе чѣмъ голословно, не только г на Годжсона, но и всю комиссію «Лондонскаго Психическаго Общества», состоящую изъ людей извѣстныхъ и заслуживающихъ всякаго уваженія, въ преступной недобросовѣстности. Такъ же точно «правдивы» и весьма многія дальнѣйшія показанія г-жи Желиховской. *Вс. С.*

ности его наблюдений и выводовъ, комиссія снимаетъ съ него всякое подозрѣнiе въ намѣренномъ обманѣ ¹⁾).

Комиссія не желаетъ, чтобы ея выводы были приняты безъ проверки, и предоставляетъ читателямъ полную возможность составить собственное мнѣнiе. Она прилагаетъ докладъ м-ра Годжсона, который составляетъ большую и важнѣйшую часть настоящаго отчета...

Что касается писемъ, приписываемыхъ Кутъ-Хуми, которыхъ очень много и изъ которыхъ многія весьма длинны, то м-ръ Годжсонъ вполне опровергаетъ ихъ принадлежность этому лицу. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые утверждали, будто *содержанiе* этихъ писемъ исключаетъ всякую возможность предположить, что они были написаны г-жею Блаватской. Комиссія никогда не раздѣляла этого мнѣнiя ни относительно напечатанныхъ писемъ, ни относительно тѣхъ, которые были частно въ ея распоряженiи, ввидѣ манускриптовъ. Желашіе составить себѣ на этотъ счетъ независимое мнѣнiе могутъ обратиться къ „Occult World“ и „Esoteric Buddhism“, гдѣ помѣщено много этихъ писемъ цѣликомъ и много извлеченій изъ другихъ.

Въ этомъ отношенiи уместно упомянуть о томъ фактѣ, который въ предварительномъ отчетѣ комиссіи былъ названъ самымъ крупнымъ чернымъ пятномъ въ теософическомъ дѣлѣ. Одно письмо, написанное почеркомъ Кутъ-Хуми и адресованное м-ру Синнету въ 1880 г., какъ было доказано м-ромъ Киддлемъ, изъ Нью-Йорка, заключало въ себѣ явный плагиатъ рѣчи м-ра Киддля, произнесенной 15 августа 1880 г. и напечатанной въ „Banner of Light“ за два мѣсяца или немного болѣе до того числа, которымъ было помѣчено письмо Кутъ-Хуми. Кутъ-Хуми отвѣтилъ (нѣсколько мѣсяцевъ спустя), что указанное мѣсто въ его письмѣ было дѣйствительно „заимствовано“ изъ рѣчи м-ра Киддля, ставшей извѣстной Кутъ-Хуми (въ Тибетѣ) оккультическимъ путемъ и запечатлѣвшейся въ его умѣ; что же касается мнимаго плагиата, то это произошло отъ несовершенства передачи (precipitation) письма ученикомъ (chela), которому было поручено это дѣло. Затѣмъ Кутъ-Хуми приводилъ истинную, по его словамъ, версію письма, очищеннаго, благодаря его собственной проверкѣ, отъ всякихъ слѣдовъ слишкомъ поспѣшной „передачи“. Въ этой полной версіи вышеупомянутое мѣсто было приведено ввидѣ цитаты, перемѣщенной съ возраженіями. Причиной первоначальной ошибки въ передачѣ Кутъ-Хуми считаетъ то обстоятельство, что въ его собственномъ умѣ вышеприведенное мѣсто запечатлѣлось яснѣе, чѣмъ его собственные возраженія; затѣмъ, такъ какъ, благодаря его сильной усталости въ то время, все произведеніе было проявлено слабо и несовершенно, то лишь болѣе рельефныя мѣста выступили на видъ; оказалось много неясныхъ фразъ, выпущенныхъ челою. Чела желала дать Кутъ-Хуми письмо для просмотра, но Кутъ-Хуми отклонилъ это за недостаткомъ времени.

Слабость этихъ объясненій была указана (въ Light) м-ромъ Массей, который между прочимъ выставилъ на видъ, что приводимыя слова Кутъ-Хуми кажутся нарочно извращенными въ полемическомъ смыслѣ, какъ разъ противномъ тому, въ какомъ они были написаны.

Много позднѣе (въ Light 20 сентября 1884 г.) м-ръ Киддль указалъ на то, что возстановленные такимъ образомъ мѣста ни въ какомъ случаѣ не заключаютъ въ себѣ всего сдѣланнаго заимствования и т. д. Словомъ—относительно этого письма установлено пол-

¹⁾ Съ этимъ мнѣніемъ комиссіи я никакъ не могу согласиться, о чемъ, окончивъ „свое личное изслѣдованіе“, и заявилъ Лондонскому Обществу, весной 1886 года, черезъ г-на Майерса, который пріѣзжалъ ко мнѣ въ Динанъ, въ Бретани, гдѣ я тогда находился. Изъ моего разсказа читатели сами видятъ—можно ли приписать „подковнику“ одну только довѣрчивость и глупость. В. С. С.

ное доказательство самого безастѣнчиваго плагіата, совершеннаго „махатмой Кутъ-Хуми“ и усиленнаго фиктивной запиской ¹⁾).

Въ заключеніе необходимо констатировать, что это не единственное доказательство обмана, касающееся Теософическаго Общества и г-жи Блаватской, которое коммиссія имѣла ранѣе и независимо отъ обнаруженія корреспонденціи Блаватской - Куломбъ. М-ръ Массей представилъ Комиссіи убѣдительныя доказательства того, что г-жа Блаватская, въ 1879 году, условилась съ однимъ лондонскимъ медіумомъ доставлять письма „махатмы“ таинственнымъ путемъ.

Нашъ долгъ не обязываетъ насъ слѣдить за г-жей Блаватской на другихъ ея поприщахъ. Но ссылаясь на различные роды ея дѣятельности, о которыхъ говорится въ докладѣ м-ра Годжсона, мы можемъ сказать, что считаемъ ее вполне способной къ исполненію всего ей приписываемаго. Окружающіе прославляли ея таланты по большей части безсознательно, даже многіе можетъ быть и не подозревали ея несомнѣнно громадныхъ умственныхъ средствъ. Что касается насъ, мы не видимъ въ ней ни представительницы таинственныхъ мудрецовъ, ни того менѣе простой авантюристки; мы полагаемъ, что она заслужила свое мѣсто въ исторіи, какъ одна изъ наиболѣе совершенныхъ, остроумныхъ и интересныхъ обманщицъ нашей эпохи.

2. Докладъ о личныхъ разслѣдованіяхъ въ Индіи и обсужденіе вопроса объ авторствѣ писемъ „Кутъ-Хуми“.

Ричарда Годжсона.

Изложивъ уже извѣстныя обстоятельства, вызвавшія его поѣздку въ Индію, м-ръ Годжсонъ говорить, что его отношеніе къ феноменамъ, возможность которыхъ онъ не отрицаетъ, будучи, на основаніи личнаго опыта, приверженцемъ „телепатіи“, даетъ ему возможность быть вполне безпристрастнымъ. Давно занимаясь психическими изслѣдованіями, онъ умѣетъ обращаться съ фактами безъ всякаго предубѣжденія. Онъ говоритъ: Если я имѣлъ расположеніе въ чью-либо сторону, то лишь въ пользу оккультизма и г-жи Блаватской — что, смѣю сказать, хорошо извѣстно многимъ изъ главныхъ теософовъ. Во время моего трехъ-мѣсячнаго изслѣдованія со мною обходились одинаково любезно въ главной квартирѣ Теософическаго Общества и въ редакціи *Madras Christian College Magazine*. Такимъ образомъ я имѣлъ возможность непосредственно изучать свидѣтелей теософическихъ феноменовъ и тщательно сравнить оспариваемые документы съ подлиннымъ почеркомъ г-жи Блаватской. Послѣ тщательнаго изслѣдованія главнѣйшихъ изъ этихъ документовъ и разсмотрѣнія доказательствъ ихъ подложности, представленныя теософами, я пришелъ къ твердому убѣжденію, что документы подлинны.

Здѣсь не мѣшаетъ отмѣтить тотъ фактъ, на который уже было обращено вниманіе издателемъ *Madras Christ. Coll. Magazine* въ его отвѣтѣ на возбужденное противъ него теософами и ни на чемъ не основанное обвиненіе въ томъ, будто журналъ этотъ напечаталъ оспариваемые документы не заручившись никакою гарантіей ихъ подлинности. Это безусловная клевета, такъ какъ, прежде чѣмъ напечатать эти документы, журналъ запасся лучшими, какія только можно было получить въ Мадрасѣ, доказательствами неподдѣльности почерка г-жи Блаватской. Конечно, тамъ не было экспертовъ по профессіи, но заключенія были получены отъ людей, много лѣтъ ведущихъ банковую экспертизу.

Изъ этихъ документовъ Блаватской-Куломбъ явствуетъ, что письма махатмы приготавлились и разсылались г-жею Блаватской, что Кутъ-Хуми фиктивная личность, что предполагаемая „астраль-

¹⁾ Махатмы никогда не помогали „madame“ и ея приснымъ выпутываться изъ дѣйствительныхъ затрудненій, если этого нельзя было сдѣлать обманомъ или клеветой! *Вс. С.*

ныя формы" махатмъ были переодѣтые сообщники г-жи Блаватской— по большей части Куломбы; что переносъ папиросъ и другихъ предметовъ, „дополненія“ и „создаваніе“ писемъ и тому подобныя феномены— нѣкоторые изъ относящихся къ такъ наз. Адьярскому шкапу (shrine)— были ловкимъ плутовствомъ г-жи Блаватской, съ помощью, главнымъ образомъ, супруговъ Куломбъ.

Но требовались дальнѣйшія разслѣдованія. Передъ нами оказывались еще и другіе, повидимому важныя, феномены, которые не были дискредитированы перепиской Блаватской-Куломбъ. Въ числѣ этихъ феноменовъ были, напримѣръ, нѣкоторыя явленія махатмъ, много случаевъ чудеснаго появленія писемъ независимо отъ г-жи Блаватской и Куломбовъ; были также „астральныя“ путешествія м-ра Дамодара. Эти и другіе подобныя феномены требовали спеціальнаго разслѣдованія и кромѣ того было желательно получить какое-нибудь подтвержденіе подлинности спорныхъ писемъ, для того чтобы заключеніе о нихъ не зависѣло единственно отъ вопросовъ слога и почерка. Для этой цѣли мнѣ надо было наблюдать важнѣйшихъ свидѣтелей, замѣшанныхъ въ происшествія, о которыхъ говорится въ этихъ документахъ. Надо прибавить, что нѣкоторые феномены, упомянутые въ „Occult World“, также нуждались въ разъясненіи, и что вопросъ о томъ, кто авторъ писемъ подъ буквою К. Н., (Koot Hoomi) не можетъ быть оставленъ въ сторонѣ, какъ не относящійся къ нашимъ розыскамъ.

Я вкратцѣ выражу тѣ заключенія, къ которымъ я пришелъ послѣ основательнаго, по моему мнѣнію, изслѣдованія свидѣтельскихъ показаній о теософическихъ феноменахъ.

Мое убѣжденіе, что, судя по почерку, спорныя письма написаны г-жей Блаватской, подтверждается результатами моихъ изслѣдованій подробностей сообщаемыхъ въ этихъ письмахъ фактовъ.

Относительно „астральныхъ“ путешествій м-ра Дамодара я не могъ найти добавочныхъ свѣдѣній, которыя заставили бы считать болѣе затруднительной предварительную ихъ подготовку, чѣмъ это казалось намъ при обстоятельстве, изложенныхъ въ предварительномъ отчетѣ, когда мы считали, что между г-жей Блаватской и Дамодаромъ возможно соглашеніе. Напротивъ, мои разслѣдованія доказали мнѣ, что предварительное соглашеніе между г-жей Блаватской и м-ромъ Дамодаромъ было даже гораздо легче, чѣмъ мы предполагали. Разказы тѣхъ свидѣтелей, которые, по нашему мнѣнію, должны были доказывать невозможность такого предварительнаго уговора, напротивъ того, клонятся къ утвержденію противнаго. Слѣдовательно, эти случаи опираются единственно на показанія Дамодара и г-жи Блаватской. Однако, въ моихъ изслѣдованіяхъ, я очень скоро убѣдился, что Дамодару нельзя довѣрять, такъ какъ открылъ въ его показаніяхъ несомнѣнный обманъ, а потому могъ только придти къ убѣжденію, что онъ дѣйствовалъ заодно съ г-жей Блаватской въ произведеніи ложныхъ чудесъ.

Я былъ также принужденъ, по причинамъ, которыя выяснятся ниже, отклонить свидѣтельство Бабаджи Д. Натса, который во время предварительнаго отчета казался намъ главнымъ свидѣтелемъ дѣйствительнаго, физическаго существованія махатмъ.

Свидѣтельства самого полковника Олкотта настолько разнятся отъ истины во многихъ важныхъ пунктахъ, что я не могъ дать ни малѣйшей цѣны его заявленіямъ. Но, говоря это, я не хочу набросить ни малѣйшей тѣни на добросовѣстность полковника Олкотта ¹⁾.

Однимъ словомъ—мой тщательный допросъ цѣлага ряда свидѣтелей феноменовъ показалъ мнѣ, что это люди крайне легковѣрные, замѣчательно мало наблюдательные, —и что слишкомъ многіе изъ нихъ

¹⁾ Тутъ г-нъ Годжсонъ ужъ чересчуръ пересаливаетъ свою англійскую лѣбезность! В.с. С.

стараясь восполнить этот недостаток наблюдательности преступным преувеличениемъ.

Тѣмъ не менѣе я, насколько могъ дольше, удерживался отъ произнесения окончательнаго приговора даже передъ самымъ собой, но, наконецъ, разсмотрѣвъ все показанія теософскихъ свидѣтелей, внимательно изучивъ ихъ главную квартиру въ Мадрасѣ и прежнюю въ Бомбеѣ, гдѣ произошли многіе изъ нами упомянутыхъ феноменовъ, я уже не имѣлъ болѣе сомнѣній, что феномены Теософическаго Общества обязаны своимъ происхожденіемъ грандіозной системѣ обмановъ, устроенной г-жею Блаватской при помощи Куломбовъ и многихъ другихъ сообщниковъ, и что среди всѣхъ феноменовъ этого Общества нельзя найти *ни одного*, который не былъ бы поддѣльнымъ. Я долженъ прибавить, что, не смотря на самую тщательную провѣрку, я не могъ отвергнуть ни одного изъ свидѣтельствъ супруговъ Куломбъ.

Совершенно бесполезно было бы входить въ мелкія подробности такого сложнаго разслѣдованія. Даже было бы невозможно привести всѣ хитрости и уловки въ представленныхъ мнѣ показаніяхъ или описать хоть приблизительно, до такой степени мои личныя наблюденія надъ свидѣтелями увеличивали мою увѣренность въ недобросовѣстности ихъ показаній. Впрочемъ, я полагаю, что нижеслѣдующаго будетъ болѣе чѣмъ достаточно для убѣжденія безпристрастнаго изслѣдователя въ справедливости моихъ выводовъ.

Я начинаю нѣсколькими выдержками изъ писемъ Блаватской-Куломбъ, которыя подтверждаютъ мнѣнія, высказанныя мною объ этихъ документахъ. Звѣздочки (*), поставленные мною противъ нѣкоторыхъ извлеченій, означаютъ, что эти письма были въ числѣ просмотрѣнныхъ м-ромъ Нетсеклифтомъ (экспертъ).

1. Телеграмма о Сассунѣ (*).

Нижеслѣдующее есть извлеченіе изъ письма, написаннаго г-жею Блаватской изъ Пуны къ г-жѣ Куломбъ въ Мадрасъ, въ октябрѣ 1883 г.

„Теперь, дорогая, измѣнимъ программу. Удастся ли *что-нибудь* или нѣтъ, все равно я должна попытаться. Жакобъ Сассунъ, счастливый обладатель сотенъ тысячъ рупій, съ семействомъ котораго я вчера обѣдала, желаетъ сдѣлаться теософомъ. Онъ готовъ дать 10,000 рупій на нужды главной квартиры; онъ сказалъ полковнику (Езекииль, его кузень, устроилъ все это), что для него будетъ достаточно увидѣть хоть самый ничтожный феноменъ, убѣдиться, что „махатмы“ могутъ слышать то, что говорится, или если они дадутъ какой-нибудь *другой признакъ своего существованія* (!!!) Вы получите это письмо въ пятницу 26-го; отправьтесь къ шкапу и попросите К. Н. (или Кристофоло) послать мнѣ телеграмму, которую я получу между 4 и 5 часами дня, въ тотъ же день, содержаніе слѣдующее:

„Вашъ разговоръ съ м-ромъ Ж. Сассунъ только-что дошелъ до Master'a. Если даже позднѣйшее и удовлетворитъ его, все таки сомнѣвающейся едва-ли найдеть въ себѣ нравственное мужество присоединиться къ Обществу.
„Рамалинга Дебъ“.

„Если денеша придетъ ко мнѣ 26-го даже вечеромъ—впечатлѣніе будетъ страшное. Адресъ на имя Н. Кандавалла, Судьи, Пуна. Я *сдѣлаю остальное*. Это будетъ стоить четыре или пять рупій. *Это ничего не значитъ*.
Преданная вамъ Е. П. Б.

Конвертъ, данный г-жею Куломбъ, какъ принадлежащій къ этому письму, носить штемпель Пуны 24 октября, Мадраса 26, и Адіара 26 (по поводу этого, на поляхъ моей копіи памфлета г-жи Куломбъ, г-жа Блаватская написала: „Какъ будто въ этомъ конвертѣ не могло быть другого письма? Смѣшное доказательство!) Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ г-жа Куломбъ представила также квитанцію телеграммы, посланной отъ имени Рамалинга Дебъ изъ конторы Скитъ-Тома, въ Мадрасъ, къ г-жѣ Блаватской въ Пуна 26 октября, содержавшую то же количество словъ, какъ и вышеприведенная.

2, 3, 4. — *Адьярское блюдочко.*

„Нижеслѣдующее предполагается написаннымъ г-жею Блаватской изъ Утакамюнда г-ну и г-жѣ Куломбъ въ Мадрасъ, въ іюлѣ или августѣ 1883 г.

2. (*) Дорогой другъ,

„Вамъ нѣтъ надобности ждать человѣка „Punch“. Только бы это произошло въ присутствіи почтенныхъ лицъ *кромя* нашихъ *домашнихъ дураковъ*. Умоляю васъ сдѣлать это при первомъ же случаѣ“.

3. (*) Милый М-г Куломбъ,

„Я думаю это и есть то, что вамъ необходимо. Постарайтесь только, если вы рассчитываете на успѣхъ, имѣть другихъ зрителей *кромя* только нашихъ *домашнихъ дураковъ*. Это стоитъ труда. Адьярское блюдочко можетъ сдѣлаться такимъ же историческимъ, какъ и чашка Симлы. Субайа здѣсь и у меня нѣтъ времени *„писать не стѣсняясь“*. Кланяюсь и благодарю“.

Е. П. Б.

Въ это письмо, по словамъ г-жи Куломбъ, было вложено слѣдующее:

„Небольшому собранію присутствующихъ; какъ свидѣтельство. Теперь г-жа Куломбъ имѣетъ случай убѣдиться лично, что чортъ не такъ черенъ и страшенъ, какъ его всегда малюютъ. Зло легко исправить. К. Х.“

4 (*)

Пятница.

Милая м-ше Куломбъ и маркизъ ¹⁾.

„Вотъ удобная минута показаться—*не будемъ прятаться*. Генераль ѣдетъ по дѣламъ въ Мадрасъ, будетъ тамъ въ понедѣльникъ и пробудетъ два дня. Онъ президентъ здѣшняго Общества и хочетъ видѣть шкапъ. Возможно, что онъ предложитъ какой-нибудь вопросъ, а можетъ быть и только поглядитъ. Но навѣрное онъ ожидаетъ феномена и даже сказалъ мнѣ это. Въ такомъ случаѣ умоляйте К. Х., котораго вы видите каждый день, или Кристофоло, поддержать фамилію чести. Скажите, что достаточно цвѣтка и что если *rot de chambre* сломается подъ тяжестью любопытства, то не мѣшаетъ замѣнить его *въ эту минуту*. Будь прокляты остальные. Этого же я цѣню на вѣсь золота. Ради Бога, или кого желаете, *не пропустите этого случая*, онъ не повторится. Меня тамъ нѣтъ, это-то и прекрасно. Я полагаюсь на васъ и умоляю васъ не разочаровывать меня, такъ какъ всѣ мои проекты и будущность съ вами *всеми*—(такъ какъ у меня будетъ домъ, чтобы проводить здѣсь шесть мѣсяцевъ въ году, и онъ будетъ принадлежать мнѣ и Обществу, и вы болѣе не будете такъ страдать отъ жары, какъ теперь, если только я успѣю).

* * *

„Вотъ удобная минута сдѣлать что-нибудь. Вскрутите голову генералу и онъ все для васъ сдѣлаетъ, особенно если вы будете съ нимъ *во время Кристофа*. Я вамъ посылаю одинъ *en cas* (на всякій случай) и прощайте. Полковникъ будетъ здѣсь 20 или 25. Я вернусь въ половинѣ сентября“.

ваша сердцемъ
Luna Melanconica ¹⁾.

* * *

¹⁾ Г-жа Блаватская часто называла маркизомъ и маркизой г-на и г-жу Куломбъ. *Годжсонъ*.

¹⁾ Знавшіе Е. П. Блаватскую въ молодости, во время ея жизни въ Тифлисѣ, и не имѣющие никакого понятія не только объ этихъ письмахъ, но и о теософическомъ обществѣ, рассказываютъ удивительную, совершенно невозможную въ печати исторію—съ нею, гдѣ придуманная ея циничной фантазіей подпись «Luna melanconica» была собственноручно выставлена ею подъ «нѣкимъ изображеніемъ». Лондонскіе изслѣдователи сильно порадовались бы этому факту, доказывающему, и безъ всякой экспертизы, подлинность приводимыхъ писемъ. А то обстоятельство, что *задняя* сторона пресловутаго шкапа, въ свою очередь, называлась Luna melanconica, указываетъ на вѣрность тифлисскаго разсказа. *Вс. С.*

*

Вышеупомянутый на всякій случай состоялся въ слѣдующемъ:

„Я не могу ничего сказать *теперь*—и дамъ вамъ знать въ Ути“.
(Адресовано) Генералу Морганъ. (Подпись). К. Н. (К. Х.) Извлечения 5 и 6 изъ писемъ г-жи Блаватской въ 1880 г., повидимому изъ Симлы къ г-жѣ Куломбъ въ Бомбей, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на вышеупомянутое перенесеніе папиросъ и т. д.

5.

„Я прилагаю сюда листикъ папиросной бумаги. Я положу другую *половину* папиросы за бюстъ королевы, куда я положила мои волосы въ тотъ же день или въ субботу. Тамъ ли еще волосы? а папироса все еще подъ *крышкой*?“

На чистой страницѣ письма, изъ котораго взято это мѣсто, г-жа Блаватская приписала:

Сдѣлайте изъ этого половину папиросы. *Позаботьтесь объ краяхъ.*

На клочкѣ бумаги, по словамъ г-жи Куломбъ, тоже сопровождавшемъ папиросную бумагу, написано:

„Сверните папиросу изъ этой половины и свяжите волосами Е. П. Б. и положите на верхъ шкапа (shrine), сдѣланнаго Уимбрижемъ, въ самый дальній уголъ къ стѣнѣ направо. Сдѣлайте это скорѣе“.

6 (*).

„Я думаю, что дѣло съ платкомъ не удалось. Оставимъ это. Но пусть всѣ инструкции останутся по-прежнему для магараджъ Лагора или Бенареса. Всѣ бѣснуются, чтобы видѣть что-нибудь. Я вамъ напишу изъ Амритзира или Лагора, мои волосы были бы не дурны на вершинѣ башни Сіона, но положите ихъ въ конвертъ—интересное *sachet*—и осторожно его повѣсьте, или же повѣсьте въ Бомбей—выберите только хорошенькое мѣсто. Пишите мнѣ въ Амритзиръ *до востребованія*, затѣмъ къ 1-му въ Лагоръ. Адресуйте ваши письма на мое имя. Ничего больше для С.—онъ видѣлъ достаточно. Боюсь опоздать на почту, до свиданья. Положили ли вы папироску на маленький шкапъ Уимб—“...

7.

„О мой бѣдный Кристофоло! И такъ онъ умеръ и вы его убили? О, мой милый другъ, еслибы вы знали, какъ бы я желала, чтобы онъ ожилъ! Мое благословеніе моему бѣдному Кристофоло. Всегда ваша.
„Е. П. Б.“

По словамъ г-жи Куломбъ, это письмо заключаетъ жалобы г-жи Блаватской по поводу уничтоженія куклы, употребившейся для явленій Кутъ-Хуми, такъ какъ Кристофоло былъ „окультическимъ“ именемъ Кутъ-Хуми. Г-жа Куломбъ говоритъ, что сожгла куклу „въ припадкѣ отвращенія къ обману“, но что впоследствии сдѣлала новую. Слѣдующее (8) письмо важно во многихъ отношеніяхъ. Куломбы очевидно предполагались знающими всѣ привычки и обычаи братьевъ. Название „Король“ по словамъ м-ше Куломбъ, относилось къ м-ру Падша, а „два письма“ посланные г-жею Блаватской г-жѣ Куломбъ, (подъ именемъ Е. Кеттингъ), опять таки по ея словамъ, документы, касавшіеся махатмы. Общія условія передачи подобныхъ документовъ приводятся въ 9 и 10 письмахъ.

8.

Милые мои друзья.

„Ради Бога не думайте, что я васъ забываю. Я просто не имѣю времени перевести духъ—вотъ и все! Мы въ *самомъ величайшемъ кризисѣ*, и я не должна терять головы. Я не могу и не смѣю ничего вамъ писать. Но вы должны понять, что *безусловно необходимо*, чтобы въ Бомбей что-нибудь случилось пока я здѣсь. Король и Дам. *должны* видѣть и имѣть посѣщеніе одного изъ нашихъ „братьевъ“ и—если возможно, первый долженъ получить письмо, которое я пришлю. Но еще необходимѣе ихъ видѣть. Письмо должно бы упасть ему на

голову, какъ первое, и я умоляю „Кутъ-Хуми“ послать ему его. Онъ долженъ ковать желѣзо, пока оно горячо. Дѣйствуйте *независимо* отъ меня въ привычкахъ и обычаяхъ „братъевъ“. Было бы чудесно, если бы въ Бомбеѣ могло случиться что-нибудь такое, что заставило бы говорить о себѣ всѣхъ. Но что! Братья безжалостны! О, дорогой м-ръ Куломбъ, спасите положеніе и одѣлайте то, чего они просятъ. Меня все еще немного лихорадитъ. И немудрено! М-ръ Юмъ (Ниме) хочетъ видѣть Кутъ-Хуми *астрально* хоть издали, если махатма того хочетъ, чтобы имѣть возможность говорить всѣмъ, что онъ *знаетъ*, что Кутъ-Хуми существуетъ и *написать* объ этомъ во всѣ журналы, такъ какъ до сихъ поръ онъ можетъ сказать только одно, что твердо и *положительно вѣрить*, но не то что онъ это *знаетъ*, потому что *видѣлъ своими глазами*, какъ Дамодаръ, Падша и др. Наконецъ покончила съ одной задачей! Поймите, что я схожу съ ума, и скальтесь надъ бѣдной вдовой ¹⁾. Если бы въ Бомбеѣ случилось что-нибудь неслыханное, то нѣтъ ничего, въ чемъ бы м-ръ Ниме отказалъ Кутъ-Хуми. Но К. Х. не можетъ явиться сюда, такъ какъ оккультическіе законы не дозволяютъ ему этого. Наконецъ до свиданія. Пишите. Ваша сердцемъ“.

„Е. П. Б.“

„Завтра пришлю вамъ два письма. Идите за ними на почту на ваше имя отъ *Е. Кетинъ Куломбъ*.“

Р. S. Я хотѣла бы, чтобы К. Х. или кто-нибудь другой показался до получения писемъ“

9.

Милый другъ.

„У меня нѣтъ ни минуты, чтобы отвѣтить. Умоляю васъ доставьте это письмо (здѣсь вложенное) Дамодару *чудеснымъ путемъ*. Это очень, *очень* важно. О, моя милая, какъ я несчастна! Со всѣхъ сторонъ неприятности и ужасы. Ваша“

„Е. П. Б.“

10 (*).

„Будьте добры, о волшебница съ тысячью ресурсовъ, попросите *Кристофоло*, когда вы его увидите, передать вложенное здѣсь письмо воздушнымъ астральнымъ путемъ или все равно какъ Это очень важно. Обнимаю васъ. Преданная вамъ

„Luna Melanconica“.

„Умоляю васъ одѣлайте это хорошенько“.

Въ слѣдующихъ извлеченіяхъ изъ писемъ, написанныхъ изъ Утакамонда въ 1888 г., г-жа Блаватская повидимому говоритъ какъ о „своихъ дѣтяхъ“ о письмахъ Кутъ-Хуми, заготовленныхъ ею.

11 (*).

„Дорогой маркизъ... Покажите или пошлите ему (Дамодару) бумагу или хоть клочекъ (маленькій *sacristi*, а не большой, такъ какъ послѣдній долженъ лечь недалеко отъ своего автора, въ стѣнной *храмъ*), съ приказаніемъ доставить ихъ вамъ. Я получила письмо, заставившее нашего дорогого учителя К. Х. написать свои приказанія также Дамодару и другимъ. Пусть маркиза прочтетъ ихъ. *Этою будетъ доставлено*, увѣрю васъ. Ахъ, если бы со мной былъ здѣсь мой дорогой Кристофоло!... Милый маркизъ—я вручаю вамъ судьбу *моихъ дѣтей*. Позаботьтесь о нихъ и заставьте ихъ дѣлать чудеса. Можетъ быть лучше чтобы это упало на голову?“

Е. П. Б.

Послѣ *прочтенія запечатайте* ребенка. Посылайте письма заказными, если въ нихъ что-нибудь особенное—иначе не надо“.

¹⁾ Блаватская издавна выдавала себя за вдову, даже печатно. Между тѣмъ ея мужъ, съ которымъ она никогда не разводилась, отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. В. Блаватскій, несмотря на свои весьма преклонныя лѣта, до сихъ поръ здравствуетъ и живетъ въ своемъ хуторѣ. Я знаю объ этомъ отъ его близкихъ родственниковъ. *Вс. С.*

12, 13 и 14, по словамъ г-жи Куломбъ, тоже были написаны изъ Утакамюнда, во время пребыванія тамъ г-жи Блаватской въ 1883 году.

12 (*).

„Почта сейчасъ отходить, моя милая. У меня осталась одна минута. Ваше письмо пришло слишкомъ поздно. Да, пусть Сринавасъ Рао распространяется передъ шкапомъ (shrine) и попроситъ онъ или нѣтъ я васъ умоляю передать ему этотъ отвѣтъ К. Х. потому что онъ этого ждетъ; я знаю чего онъ хочетъ. Завтра вы получите большое письмо. Большія новости. Благодарю“.

Е. П. Б.

Это очевидно относится къ успокоительному письму. Кутъ-Хуми, составленному г-жей Блаватской для м-ра Сринаваса Рао, судьи въ Мадрасѣ.

13.

„Пишите же“. „Милый другъ, мнѣ говорятъ (Дамодаръ), что Dewan Bahadoor Ragoopath Rao президентъ Общества, желаетъ положить что-нибудь въ храмъ. Въ случаѣ онъ это сдѣлаетъ—вотъ отвѣтъ Кристофоло. Ради Бога устройте это—и мы утвердимся. Цѣлую васъ и прощайте. Мой привѣтъ маркизу. Искренно ваша“.

„Luna Melanconica“.

Я убѣдился, что м-ръ Рагунатъ Рао клалъ въ шкафъ (shrine) вопросъ, но не получилъ отвѣта, хотя, судя по предыдущему письму, г-жа Блаватская позаботилась объ отвѣтѣ „Кристофоло“. По объясненію мистера Куломба, онъ боялся, что отвѣтъ не будетъ подходящимъ, такъ какъ, по заявленію мистера Рао, только махатма могъ отвѣтить на этотъ вопросъ и, кромѣ того, м-ръ Куломбъ „не желалъ потѣшаться надъ этимъ джентльменомъ“. Послѣ того онъ писалъ г-жѣ Блаватской и отослалъ ей санскритскій документъ, положенный м-ромъ Рао въ шкафъ, приводя въ свое оправданіе боязнь, что сочиненный ею отвѣтъ можетъ быть непримѣнимымъ и прося ее прислать телеграмму, если она все-таки желаетъ, чтобы отвѣтъ Кутъ Хуми (Кристофоло) былъ помѣщенъ въ шкафъ. Онъ говорилъ, что г-жа Куломбъ получила отвѣтъ, приводимый въ извлеченіи (14), изъ котораго слѣдуетъ, что въ виду промедленія она считаетъ прежній отвѣтъ уже неподходящимъ. Этотъ отвѣтъ, оставшійся, по словамъ Куломбовъ, въ ихъ рукахъ и ими представленный, по большей части написанъ по-санскритски, но есть также замѣтка по-англійски, и она носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды рукъ г-жи Блаватской, какъ это было найдено въ большей части писаній Кутъ-Хуми.

14 (*).

„Слишкомъ поздно! Милый Маркизъ. Еслибы то, что находится въ рукахъ у „Кристофа“, было немедленно передано въ отвѣтъ, это было бы прекрасно, вотъ почему я это и послала. Теперь это больше не имѣетъ смысла. Ваше письмо пришло ко мнѣ въ 6½ ч. вечера, почти въ семь, а я знала, что маленькій „Punch“ является въ 5! Когда же я могла послать депешу? Она пришла бы завтра или послѣ его ухода. Ахъ! Какой случай пропущенъ! Ну, дѣлать нечего! Я должна васъ просить объ одномъ. Я могу возвратиться съ полковникомъ и очень вѣроятно, что возвращусь, но можетъ также случиться, что я останусь здѣсь до октября. Въ этомъ случаѣ на день или на два, пока полковникъ будетъ дома, надо переслать мнѣ ключъ отъ шкапа. Пошлите его мнѣ подземнымъ путемъ. Я увижу его *отдыхающимъ*, и этого довольно, но я не хочу, чтобы въ моемъ отсутствіи разсматривали *luna melanconica* шкапа, а ее *станутъ разсматривать*, если меня тамъ не будетъ... Я должна вернуться! Но, Боже мой, какъ мнѣ надоѣдаетъ, что теперь все *отсюда* явятся ко мнѣ туда. Все придутъ смотрѣть, а мнѣ надоѣло“.

Куломбы говорятъ, что подъ „Punch“ подразумѣвается м-ръ Рагунатъ Рао. Изъ второй половины вышеприведеннаго письма ясно, что шкапу было опасно подвергаться осмотру, что въ немъ заключался секретъ, неизвѣстный полковнику Олкотту и котораго онъ не долженъ былъ открыть. Г-жа Куломбъ говоритъ, что „lupa melancolica“ означаетъ здѣсь открывающуюся заднюю сторону шкапа. Оттого, на случай возвращенія полковника въ Мадрасъ раньше г-жи Блаватской, ключъ и должно было спрятать. Это мѣсто свидѣтельствуесть въ пользу честности полковника Олкотта, хотя, можетъ быть, мало говорить въ пользу его проницательности ¹⁾.

Первое что нужно установить относительно этихъ писемъ—это—пользовались ли дѣйствительно супруги Куломбъ тѣмъ довѣріемъ г-жи Блаватской, о которомъ можно заключить изъ ея писемъ? Все доказываетъ, что они дѣйствительно пользовались довѣріемъ какъ г-жи Блаватской, такъ и полковника Олкотта, и занимали почтенное положеніе въ Обществѣ (Куломбъ былъ библиотекаремъ, а г-жа Куломбъ корреспондентомъ-помощникомъ секретаря Общества); кромѣ того это, мнѣ кажется, достаточно доказываетъ тѣмъ фактомъ, что во время пребыванія г-жи Блаватской въ Утакамундѣ въ 1883 г. ключъ отъ шкапа оставался у г-жи Куломбъ; а когда г-жа Блаватская и полковникъ Олкоттъ отправились, въ февралѣ 1884 г., изъ Мадраса въ Европу, то комнаты г-жи Блаватской остались въ полномъ распоряженіи супруговъ Куломбъ. Дальнѣйшія доказательства можно найти въ письмѣ Олкотта, приведенномъ (съ нѣкоторыми выпусками, не обозначенными г-мъ Гартманомъ) въ памфлетѣ д-ра Гартмана: „Отчетъ о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ теченіе десяти-мѣсячнаго пребыванія въ главной квартирѣ Теософическаго Общества“, стр. 36, 37; и въ другомъ письмѣ полковника Олкотта, видѣнномъ мною и изъ котораго слѣдуетъ, что полковникъ желалъ избранія г. Куломба членомъ Контрольнаго Совета Общества. Наконецъ, г-жа Блаватская сама говоритъ въ индійскихъ газетахъ за 1880 г. о г-жѣ Куломбъ, какъ о „своей гостьѣ“, какъ о „старомъ своемъ другѣ, котораго она знала десять лѣтъ тому назадъ въ Каирѣ“ и наконецъ, допустивъ подлинность лишь однихъ тѣхъ изъ писемъ, подлинность которыхъ не оспаривалась, ясно, что г-жа Блаватская обращалась къ г-жѣ Куломбъ въ самомъ интимномъ тонѣ.

Теперь я могу приступить къ доказательству, на одномъ или двухъ примѣрахъ, что независимо отъ слога и почерка письма эти подлинны.

Начну съ номера 1-го, касающагося телеграммы Сассуну. Эта исторія довольно сложная, и подробности моихъ разслѣдованій помѣщены въ 1-мъ приложеніи. Здѣсь я вкратцѣ приведу результаты. Во-первыхъ изъ разговоровъ съ г-ми А. Д. и М. Д. Эзекиль, которые много видѣлись съ г-жей Блаватской, во время ея пребыванія въ Пунѣ въ октябрѣ 1883 г., и изъ письменнаго показанія м-ра Н. Д. Кандальвала, въ чемъ домъ она останавливалась, для меня стало ясно, что дѣйствительныя событія во время ея тамъ пребыванія вполне согласны съ письмами. Во-вторыхъ, я не могъ добыть ни одного заслуживающаго довѣрія доказательства существованія такой личности, какъ Рамалинга Дебъ, котораго г-жа Блаватская выдавала за живущаго въ Мадрасѣ chela (ученика) махатмы, съ которымъ, по ея словамъ, она была въ оккультическомъ общеніи. Въ-третьихъ, тщательное сравненіе попытки г-жи Блаватской опровергнуть подлинность этихъ писемъ (см. приложеніе I) съ показаніями гг. Эзекиля и Кандальвала, по моему мнѣнію, только усиливаетъ доказательства противъ нея, такъ какъ приводитъ къ заключенію, что она

¹⁾ Это мѣсто доказываетъ только то, что Блаватская не все довѣряла полковнику, боясь, что онъ, по глупости, пожелаетъ когда-нибудь самъ распорядиться, не сдумавъ ловко сфокусичать и подвести ее подъ скандалъ. В. С.

должна была специально готовиться къ разговору, весь смысл котораго въ томъ, что содержаніе его возникло *экспромптомъ* ¹⁾.

Перехожу къ извлеченіямъ 2, 3 и 4.

Куломбы говорятъ, что извѣстное *блюдечко*, согласно предварительному уговору съ г-жей Блаватской, должно было „случайно“ разбиться и осколки быть сложены въ шкапъ, затѣмъ эти осколки, черезъ секретную заднюю сторону шкапа, должны были замѣниться цѣльнымъ такимъ же блюдечкомъ. По ихъ словамъ, письма 2, 3 и 4 говорятъ объ этомъ; письмо 3 заключаетъ заготовленную на случай записку, а 4 даетъ понять, что феноменъ долженъ быть устроенъ для назиданія генерала Моргана.

Никто не оспариваетъ, что „феноменъ съ блюдечкомъ“ произошелъ въ присутствіи генерала Моргана. Вопросъ въ томъ, былъ ли онъ заранѣе подготовленъ и если да, то какъ это было сдѣлано? Мы помѣщаемъ здѣсь собственный рассказъ генерала Моргана, напечатанный въ приложеніи къ „Теософисту“ за декабрь 1883 г.

„Въ августѣ мѣсяцѣ, пріѣхавъ въ Мадрасъ въ отсутствіе г-жи Блаватской и полковника Олкотта, я посѣтилъ главную квартиру Теософическаго Общества чтобы увидать чудесный рисунокъ махатмы Кутъ-Хуми, хранящійся тамъ въ шкапу и ежедневно навѣщаемый *chela*’ми. Прибывъ въ домъ, я узналъ, что г-жа Куломбъ, лэди, у которой хранился ключъ отъ шкапа, въ отсутствіи и остался ждать ея возвращенія. Она вернулась приблизительно черезъ часъ, и мы поднялись по лѣстницѣ, чтобы открыть шкапъ и осмотрѣть рисунокъ. Г-жа Куломбъ поспѣшно подошла, чтобы открыть двойную дверцу висячаго шкапика для посуды и быстро распахнула ее. Отворяя, она не замѣтила, что какая то посуда была прислонена къ дверцѣ и когда шкапъ открыли, упала на полъ и разбилась въ мелкіе куски. Въ то время какъ г-жа Куломбъ ломала руки и жаловалась на такое несчастіе съ дорогой вещью г-жи Блаватской, а ея мужъ, стоя на колѣняхъ, подбиралъ осколки, я замѣтилъ, что надо достать фарфорового цемента и постараться склеить осколки. Вслѣдствіе этого за цементамъ послали г. Куломба. Куски были тщательно собраны, завернуты и завязаны, потомъ положены въ шкапъ и дверцы заперты. М-ръ Дамодаръ К. Маваланкаръ, секретарь Общества, сидѣлъ напротивъ шкапа на стулѣ, въ разстояніи приблизительно около 10 футовъ. Спустя нѣсколько времени, мнѣ пришла въ голову мысль, которую я немедленно и высказалъ. Я сказалъ, что если *братья* найдутъ это важнымъ, то имъ не трудно исправить разбитую вещь; если же нѣтъ, то предоставлять виновнымъ дѣйствовать, какъ они умѣютъ. Не прошло и пяти минутъ послѣ этого замѣчанія, какъ м-ръ Дамодаръ, который все это время былъ погруженъ въ задумчивость—вскричалъ: „Мнѣ кажется, что тамъ есть отвѣтъ“. Дверцы были открыты и на полкѣ оказалась маленькая записка. Развернувъ ее мы прочли. „Небольшому собранію присутствующихъ. Теперь г-жа Куломбъ имѣетъ случай убѣдиться лично, что чортъ не такъ черенъ и страшенъ, какъ его малюютъ. Зло легко исправить. К. Х.“.

„Развернувъ бумагу, въ которую были завернуты черепки, мы увидѣли совершенно цѣльное блюдечко; нельзя было найти ни малѣйшаго слѣда склейки! Я сейчасъ же написалъ на той же запискѣ, что присутствовалъ, когда вещь была разбита, и немедленно исправлена, поставилъ число и подписался, такъ что не можетъ быть никакой ошибки. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что г-жа Куломбъ думаетъ, будто многое чудесное, происходящее въ главной квартирѣ, можетъ быть дѣломъ дьявола—къ этому относится шутовское замѣчаніе махатмы, пришедшаго ей на помощь“ ²⁾.

¹⁾ Какъ читатели увидятъ, это одинъ изъ „феноменовъ“ Блаватской, который, несмотря на всю его простоту, она покоряла себѣ многихъ. *Вс. С.*

²⁾ Болѣе подробный рассказъ генер. Моргана, старающагося доказать, что тутъ не могло быть мошенничества, помѣщенъ въ прилож. II, къ „Отчету“. *Годжсонъ.*

Во всемъ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего противорѣчащаго заявленіямъ г-жи Куломбъ. Кромѣ того весьма подозрительно то обстоятельство, что блюдечко „было прислонено къ одной изъ дверей“. Во всякомъ случаѣ это не естественное положеніе для блюдечка, поставленнаго на полку.

Самое „блюдечко“, найденное въ шкапу, было по моей просьбѣ показано мнѣ въ Адіарѣ. Я внимательно осмотрѣлъ его, равно какъ и черепки, представленные г-жею Куломбъ, и которые, по ея словамъ, были подмѣнены цѣлымъ блюдечкомъ. Оба „блюдечка“ совершенно одинаковы. Случай съ блюдечкомъ произошелъ въ августѣ 1883 г. Г-жа Куломбъ заявила, что она купила пару этихъ „блюдечекъ“ въ лавкѣ ¹⁾ въ Мадрафъ по 2 рупіи 8 анна штука. Наведенныя мною справки показали, что „2 фарфоровыя розовыя подставки“ (по всей вѣроятности этимъ словомъ обозначены т.-наз. „блюдечки“) были куплены въ этой лавкѣ 3-го іюля 1883 и что въ этотъ день г-жа Куломбъ дѣлала покупки въ этой лавкѣ. Относительно этой покупки вкралась лишь небольшая неточность: та, что „подставки“ стоили обѣ 2 рупіи 8 анна, а не каждая, какъ это утверждала г-жа Куломбъ ²⁾.

Случай, очень схожій съ этимъ, приведенъ въ приложеніи III къ Отчету.

Если объяснять „феноменъ съ блюдечкомъ“ обыкновеннымъ естественнымъ путемъ, то приходится допустить, что шкапъ секретно открывался сзади. Важно уяснить, какія были основанія предполагать это, независимо отъ писемъ Блаватской, въ которыхъ объясняется существованіе этого секрета.

Шкапъ (планъ приложенъ къ Отчету).

По моему прибытіи въ главную квартиру Теософическаго Общества 18-го декабря 1884 г., м-ръ Дамодаръ сообщилъ мнѣ, что онъ не можетъ дозволить мнѣ осмотрѣть ни такъ-наз. Оккультическую комнату, ни шкапъ ранѣе возвращенія полковника Олкотта и г-жи Блаватской. Полковникъ Олкоттъ оставилъ главную квартиру за нѣсколько дней до этого, чтобы встрѣтить на Цейлонѣ г-жу Блаватскую, возвращавшуюся изъ Европы. Два дня спустя г-жа Блаватская прибыла въ Адіаръ, и я снова просилъ дозволенія осмотрѣть шкапъ. Г-жа Блаватская представилась ничего незнающей и говорила, что не могла узнать, куда онъ дѣвался. М-ръ Дамодаръ и м-ръ Гартманъ тоже утверждали, будто ничего объ этомъ не знаютъ, и только послѣ моихъ настойчивыхъ вопросовъ я узналъ, отъ м-ра Дамодара и Гартмана, что шкапъ былъ взятъ изъ Оккультической комнаты около полудня 20 сентября и перенесенъ въ комнату м-ра Дамодара, а на слѣдующее утро въ 9 часовъ они его тамъ уже не нашли и съ тѣхъ поръ его болѣе не видали. Они высказали предположеніе, что его украла г-жа Куломбъ или же миссіонеры.

Кромѣ того Оккультическая комната, когда я въ первый разъ получилъ разрѣшеніе осмотрѣть ее, была значительно измѣнена, стѣны покрыты свѣжей штукатуркой, и м-ръ Дамодаръ сообщилъ мнѣ, что уничтожены всѣ слѣды „махианацій“ Куломбовъ со шкапомъ. Это было невѣрно, такъ какъ кирпичная рама и отверстіе въ стѣнѣ еще существовали. Какъ бы то ни было, такое положеніе дѣла затрудняло мою проверку точности данныхъ мнѣ теософами описаній Оккультической комнаты и шкапа до времени изгнанія Куломбовъ изъ Общества. Однако, разбирая и сравнивая показанія различныхъ свидѣтелей, мнѣ все же удалось составить нижеслѣдующее описаніе шкапа и окружающаго его.

19 декабря 1882 г. Адіаръ сдѣлался главной квартирой Теософическаго Общества. Большая верхняя комната обширнаго дома

¹⁾ М. Фасіоль и К^о, Потѣмъ Бродвей. *Годжсонъ*.

²⁾ Г-жа Куломбъ очевидно не гнушалась процентами за комиссію—не смотря на всю свою преданность дѣлу. *Вс. С.*

была занята г-жею Блаватской. Окультическая комната была пристроена позади, къ западной стѣнѣ комнаты г-жи Блаватской. Одно окно съ этой стороны было уничтожено и заложено кирпичемъ, а другое превращено въ дверь изъ комнаты г-жи Блаватской въ Окультическую. Комната г-жи Блаватской была раздѣлена на двѣ драпировкой и ширмами; часть, прилежавшая къ Окультической комнатѣ, служила г-жѣ Блаватской спальней, а въ концѣ 1883 г. и столовой. Окультическая комната фута на два уже комнаты г-жи Блаватской. Обыкновенно въ Окультическую комнату проходили черезъ гостиную г-жи Блаватской. Шкапъ, какъ я полагаю, сравнивая рассказы различныхъ теософовъ, былъ обыкновеннымъ деревяннымъ посуднымъ шкапомъ, отъ 3 до 4-хъ фут. ширины и вышины и около фута въ глубину съ однимъ ящикомъ внизу и угловыми подставками. Задняя часть состояла изъ трехъ вынимающихся досокъ ¹⁾. Онъ помѣщался у той части стѣны въ Окультической комнатѣ, гдѣ прежде находилось одно изъ оконъ комнаты г-жи Блаватской, закрывая большую его часть, — положеніе самое невыгодное, если не было намѣренія обманывать. Онъ стоялъ на невысокой подставкѣ или полкѣ, но главнымъ образомъ держался на двухъ толстыхъ желѣзныхъ кольцахъ, надетыхъ на крючки, вбитые почти подъ потолокъ. Нѣкоторое пространство вокругъ шкапа было задрапировано кисейными занавѣсями, которые спереди раскрывались, если кто-нибудь желалъ видѣть шкапъ. Съ боковъ эти занавѣси были футовъ семь въ высоту, но сзади шкапа доходили до потолка. Стѣна за шкапомъ была покрыта бѣлымъ глянцевитымъ коленкоромъ. Два полотнища коленкора сходились какъ разъ за серединой шкапа. Остальные стѣны были покрыты полосатой бумажной матеріей бѣлой съ краснымъ. Верхняя часть шкапа совершенно плотно прилежала къ стѣнѣ. Нижняя часть немного отходила отъ стѣны, — не болѣе какъ на $\frac{1}{4}$ дюйма. Шкапъ и его принадлежности были поставлены въ февралѣ или мартѣ 1883 г. Вскорѣ послѣ этого въ комнатѣ г-жи Блаватской, задней стороной къ углубленію, былъ поставленъ большой буфетъ. Нѣкоторое время на этомъ мѣстѣ стоялъ небольшой шкапъ для посуды. Время, когда былъ принесенъ буфетъ и унесенъ шкапъ, я не могъ точно опредѣлить. Шкапъ, а впоследствии углубленіе въ стѣнѣ служили г-жѣ Блаватской помѣщеніемъ для платья. Все вышеприведенное описаніе составлено по показаніямъ теософовъ.

М-ръ Куломбъ показалъ, что онъ снялъ шкапъ, скорѣ послѣ того какъ онъ первоначально былъ повѣшенъ на стѣну, распилил надвое доску и прикрѣпилъ сзади кусокъ кожи для того, чтобы верхняя часть легко могла быть отодвинута. Соединеніе двухъ половинокъ доски было скрыто изнутри шкапа зеркаломъ. Сзади этой открывающейся доски въ стѣнѣ было сдѣлано отверстіе. Въ буфетѣ, стоявшемъ въ комнатѣ г-жи Блаватской, также была устроена отодвигающаяся дюймовъ на 10 доска, такъ что между спальней г-жи Блаватской и шкапомъ существовало сообщеніе. Передвижныя доски въ шкапу и буфетѣ были показаны м-ромъ Куломбомъ Контрольному Совѣту, когда онъ отдалъ ключи отъ комнатъ г-жи Блаватской въ маѣ 1884 г. Отверстіе въ стѣнѣ было, по его словамъ, задѣлано въ январѣ, передъ отъѣздомъ г-жи Блаватской въ Европу. Онъ показалъ также, что распиленная надвое доска шкапа была замѣнена цѣльной и что это было сдѣлано по требованію г-жи Блаватской, боявшейся, что во время ея отсутствія можетъ быть произведенъ осмотръ шкапа. Конечно, показаніе м-ра Куломба о распиленной доскѣ не можетъ быть проверено и должно быть принято на вѣру. Насколько вѣрны его

¹⁾ Этого не отрицала мѣ сама г-жа Б-ая, говорившая, что это было сдѣлано для удобства перевозокъ. Но такъ какъ остальная часть шкапа не разбиралась, то трудно себѣ представить, въ чемъ заключалось удобство того, что одна задняя сторона была разборная. *Годжсонъ.*

другія показанія, — видно будетъ изъ дальнѣйшей части моего описанія, взятаго изъ иныхъ источниковъ.

Въ концѣ октября или началѣ ноября 1883 г. г-жа Блаватская приказала убрать буфетъ и задѣлать переднюю часть углубленія въ стѣнѣ. Буфетъ былъ переставленъ въ сѣверо-восточное углубленіе въ гостиной г-жи Блаватской и тамъ, по всей вѣроятности, при осмотрѣ его теософами въ маѣ 1884 года, найдена была выдвижная доска. Деревянная рама была сдѣлана для закрытія передней части углубленія, въ эту раму положенъ одинъ рядъ кирпичей, затѣмъ наружная часть покрыта штукатуркой вровень съ остальной стѣной. Пустота, оставшаяся въ стѣнѣ между Оккультической комнатою и комнатою г-жи Блаватской, была около 1 фута глубины. Затѣмъ вся стѣна заново покрыта обоями, причемъ все было окончено около половины декабря 1883 года или немного позже. Вслѣдъ за этимъ шкафъ, вышиною около 3 фута и 34 дюймовъ шириною, былъ снова плотно приставленъ къ задѣланному отверстию и былъ найденъ на этомъ мѣстѣ во время изгнанія Куломбовъ въ маѣ 1884 г., причемъ оказалось, что кирпичи за нимъ были вынуты, такъ что между шкапомъ (въ задней сторонѣ котораго была отодвижная доска) и пустымъ пространствомъ — было сообщеніе. М-ръ Куломбъ показалъ, что вынулъ кирпичи сейчасъ же послѣ того, какъ шкафъ былъ поставленъ въ декабрѣ 1883 г. Какъ бы то ни было, шкафъ оставался здѣсь во время праздниковъ 1883 г., и феномены, прекратившіеся во время передѣлокъ, возобновились немедленно послѣ ихъ окончанія. Они совершенно прекратились, за двумя исключеніями, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, около половины января 1884 г. 17 или 18 мая м-ръ Куломбъ отдалъ ключи и всё приспособленія для плутовства были осмотрѣны, какъ-то: отодвигающаяся доска въ шкапу для посуды, такая же доска въ буфетѣ и пустое пространство въ углубленіи. М-ръ Сентъ-Джорджъ Лэнь-Фоксъ осмотрѣлъ тогда западную сторону стѣны, но въ то время уже не могъ найти никакихъ слѣдовъ отверстия, которое, по словамъ м-ра Куломба, существовало ранѣе между впадиной въ стѣнѣ и шкапомъ. Теософы утверждали, что всё приспособленія для плутовства, открытыя Куломбами, которымъ были поручены комнаты г-жи Блаватской во время ея отсутствія, были сдѣланы послѣ ея отъѣзда; что они никогда не употреблялись и не могли употребляться для совершенія феноменовъ ¹⁾, что пустое пространство было слишкомъ мало, чтобы служить для сообщенія со шкапомъ и что кромѣ того м-ру Куломбу помѣшали, прежде чѣмъ онъ успѣлъ продѣлать отверстіе между впадиной и самимъ шкапомъ.

Для возстановленія этихъ пунктовъ, Теософическій контрольный совѣтъ разослалъ, въ августѣ 1884 года, циркулярный допросъ разнымъ теософамъ, бывавшимъ въ главной квартирѣ, о томъ, что они знаютъ о шкапѣ, прилегающихъ стѣнахъ и т. д. до и послѣ изгнанія Куломбовъ. Д-ръ Гартманъ разрѣшилъ мнѣ прочесть эти отвѣты. Кромѣ того, я лично разспрашивалъ всѣхъ важнѣйшихъ свидѣтелей, утверждавшихъ, что они осматривали шкафъ и окружающее его. Результатомъ было то, что если исключить г-жу Блаватскую, Куломбовъ, туземнаго слугу г-жи Блаватской, Бабулу, и полковника Олкотта, то оказывается, что нѣтъ ни одного человѣка, который видѣлъ бы, какъ шкафъ отодвигали отъ стѣны раньше изгнанія Куломбовъ; что никогда не было производимо осмотра ни задней стороны его, ни прилегающей къ нему стѣны. Далѣе, что никогда не было дѣлаемо осмотра западной стѣны, который могъ бы открытъ существовавшія въ ней отверстія. Я долженъ прибавить, что всѣ показанія отличались замѣчательнымъ отсутствіемъ наблюдатель-

¹⁾ Нѣкоторое основаніе этого мнѣнія могло быть въ томъ, что доски отодвигались плохо, но это могло случиться отъ долгаго неупотребленія и пыли. *Годжсонъ*.

ности, чѣмъ-то приближающимся къ полному отсутствію обыкновенной сообразительности и большой уклончивостью, по временамъ граничившей съ нечестностью. Многие изъ первоначальныхъ показаній свидѣтелей приведены въ приложеніи IV къ отчету вмѣстѣ съ измѣненіями этихъ показаній, вызванными моими вопросами, и затѣмъ мои собственные комментаріи.

Окончательная судьба шкапа, согласно разсказу мнѣ доктора Гартмана, была слѣдующая: Послѣ изгнанія Куломбовъ, м-ръ Джеджъ, американецъ, теософъ, бывшій въ то время въ главной квартирѣ, пожелалъ осмотрѣть шкапъ. М-ръ Дамодаръ, у котораго были ключи отъ Оккультической комнаты, нѣсколько разъ, подъ разными предлогами, уклонялся ихъ выдать; но, наконецъ, нѣсколько теософовъ приступили къ этому осмотру. Шкапъ былъ отодвинутъ отъ стѣны и обѣ его дверцы открыты. М-ръ Виджіарагава Чарлу (обыкновенно называемый Ананда), теософъ, занимающій официальное положеніе въ главной квартирѣ, ударилъ рукой по задней сторонѣ шкапа говоря: „вы видите, эта сторона совершенно плотная“, когда, къ удивленію большинства присутствующихъ, средняя доска вылетѣла кверху. Нѣкоторымъ изъ свидѣтелей этого показалось нежелательнымъ, чтобы это открытіе сдѣлалось извѣстно всѣмъ и, вслѣдствіе этого, положено было уничтожить шкапъ. Для этого рѣшили тайно унести его, но это было неудобно сдѣлать изъ Оккультической комнаты. Поэтому онъ былъ сначала открыто перенесенъ въ комнату м-ра Дамодара, а въ слѣдующую ночь разобранъ по частямъ и тайно унесенъ тремя теософами, затѣмъ окончательно разломанъ и сожженъ по частямъ въ теченіе слѣдующей недѣли. Д-ръ Гартманъ оставилъ только двѣ части задней стороны, которыя завернулъ въ сѣрую бумагу и спряталъ у себя въ комнатѣ. Дощечки эти изъ кедроваго дерева, покрытыя чернымъ лакомъ. Согласно предварительному показанію Куломба спинка шкапа была именно изъ такого дерева.

Послѣ этого докторъ Гартманъ снабдилъ меня письменнымъ изложеніемъ, которое интересно, какъ подтверждающее существованіе отверстія между пустотой въ стѣнѣ и шкапомъ. Что это отверстіе существовало и было задѣлано, мнѣ утверждалъ еще и другой теософъ, человѣкъ крайне наблюдательный и открывшій его слѣды независимо отъ доктора Гартмана. Вотъ извлеченіе изъ письменнаго разсказа д-ра Гартмана:

„Въ какое время было сдѣлано отверстіе въ стѣнѣ, для меня такая же тайна, какъ и для васъ; но сообразивъ всѣ обстоятельства, изложенныя въ моемъ памфлетѣ, я пришелъ къ заключенію и *теперь, того мнѣнія*, что это было сдѣлано Куломбомъ послѣ отъѣзда Е. П. Блаватской въ Европу, съ тѣмъ чтобы втереться къ ней въ милость. облегчая ея, предполагаемыя имъ, плутовства. Все устроено слишкомъ грубо и надо обладать крайней довѣрчивостью, чтобы такіе феномены, какъ извѣстные мнѣ, могли быть устроены при помощи подобныхъ средствъ. Я не знаю ни одного феномена (sic), *присущаго въ моемъ присутствіи*, гдѣ эти средства могли бы сколько-нибудь пригодиться.

„О существованіи подвижной задней стороны шкапа и задѣланнаго отверстія въ стѣнѣ никто изъ насъ ничего не знаетъ и самый тщательный наружный осмотръ ни къ чему не приводилъ; для болѣе добросовѣстнаго осмотра надо было снять шкапъ, но насъ удерживало отъ этого суевѣрное благоговѣніе, съ которымъ м-ръ Дамодаръ К. Маваланкаръ глядѣлъ на него и видѣлъ въ каждомъ европейцѣ, осмѣлившемся прикоснуться къ „священному“ шкапу, святотатца.

„Около того времени когда генералъ Морганъ послалъ м-ру Патерсону приглашеніе явиться въ главную квартиру, былъ произведенъ осмотръ и найдено, что задняя сторона шкапа выдвижная, а когда смочили стѣну за нимъ мокрой тряпкой, то оказалось, что ранѣе существовало отверстіе, которое было заштукатурено.

„Я не вижу, чтобы эти открытія могли набросить тѣнь на г-жу Блаватскую, такъ какъ все это дѣло м-ра Куломба и нѣтъ никакихъ указаній, чтобы Е. П. Блаватская знала объ этомъ. Мало того, по свидѣтельству осматривавшихъ шкапъ, всѣ эти мошенничества недавняго происхожденія.

„Во всякомъ случаѣ, я долженъ признаться, что это *новое открытіе* въ такую неудобную минуту должно было произвести крайне дурное впечатлѣніе на публику. Будь я здѣсь какъ посланный отъ общества психическихъ изслѣдованій, или какъ сыщикъ миссіонеръ, я, конечно, не колеблясь, описалъ бы *новое открытіе*, но въ моемъ положеніи, я долженъ думать объ интересахъ г-жи Блаватской и потому не считалъ благоразумнымъ говорить объ этомъ; я не имѣлъ разрѣшенія показывать частное помѣщеніе г-жи Блаватской и не чувствовалъ себя вправѣ (при моемъ тогдашнемъ положеніи) дозволить врагамъ Е. П. Блаватской войти къ ней безъ ея согласія.

„Одинъ присутствовавшій джентельменъ, раздѣлявшій мое мнѣніе, что „шкапъ“ слишкомъ потерялъ свое обаяніе, чтобы могъ быть далѣе нуженъ, сжегъ его въ моемъ присутствіи. Я никогда не говорилъ ни полковнику Олкотту, ни г-жѣ Блаватской, ни кому бы то ни было въ главной квартирѣ, что случилось со шкапомъ. Но когда вы и м-ръ Юмъ, не считая множества другихъ нелѣпныхъ теорій, высказали также ваше убѣжденіе, что г-жа Блаватская послала своего слугу Бабулу унести шкапъ, и онъ исполнилъ ея приказаніе, я нашелъ, что эта минута удобна, чтобы доказать, что даже и членъ общества для психическихъ изслѣдованій можетъ ошибиться“¹⁾.

Мы узнаемъ отъ м-ра Гартмана, что тщательному осмотру шкапа помѣшало „судебное благоговѣніе“, съ которымъ мистеръ Дамодаръ глядѣлъ на него. Заявленіе д-ра Гартмана подтверждается свидѣтельствомъ м-ра Лэнт Фокса, который также весьма патетически выражалъ мнѣ свое убѣжденіе, что никакой осмотръ шкапа туземными свидѣтелями не можетъ имѣть ни малѣйшей цѣны, въ виду крайняго ихъ къ нему благоговѣнія. Однако, надо замѣтить, что въ одной части своего заявленія, д-ръ Гартманъ повидимому придаетъ нѣкоторое значеніе свидѣтельству тѣхъ, кто имѣлъ право осматривать шкапъ. Очевидно самъ д-ръ Гартманъ принадлежалъ къ числу „имѣвшихъ это право“; онъ при многихъ случаяхъ говорилъ мнѣ о своихъ осмотрахъ, и эти рассказы, кромѣ того что несогласны между собою, но и несогласны съ его послѣднимъ сообщеніемъ, уничтожающимъ все, имъ прежде говоренное объ этомъ предметѣ.

Изъ всего мною сказаннаго ясно: 1) что положеніе, выбранное для шкапа было особенно удобно для устройства тайнаго сообщенія съ нимъ черезъ заднюю сторону; и что ни одна изъ перемѣнъ, дѣлавшихся время отъ времени въ спальнѣ г-жи Блаватской за шкапомъ, хотя и предназначенныхъ для уничтоженія всякаго подозрѣнія въ плутовствѣ, не уменьшаетъ этого удобства; 2) что всѣ необходимыя приспособленія для доступа въ шкапъ съ задней стороны несомнѣнно тамъ были до удаленія Куломбовъ; 3) что нѣтъ ни одного достовѣрнаго показанія, что этотъ доступъ не существовалъ во все время съ минуты постановки шкапа до отъѣзда г-жи Блаватской въ Европу въ февралѣ 1884 г., исключая времени передѣлки, когда была поставлена рама съ кирпичами, и когда г-жа Морганъ видѣла всю стѣну заново оклеенной обоями; и нѣтъ ни одного заявленія, чтобы во время этихъ передѣлокъ произошелъ въ шкапу какой-нибудь „феноменъ“.

Такіе результаты — совершенно независимо отъ писемъ Блаватской къ Куломбамъ — липаютъ все грамадное число свидѣтельствъ „чудесъ шкапа“ всякой цѣны; а поставленные рядомъ съ этой корреспонден-

¹⁾ Къ этому Гартману, и *по сіе время* одному изъ „блестящихъ“ дѣятелей теософическаго общества и возбужденнаго имъ движенія, мнѣ еще придется вернуться. *Вс. С.*

денціей они не оставляют ни малѣйшаго сомнѣнія въ умѣ безпристрастнаго читателя въ способѣ производства этихъ „чудесъ“.

Показаніе м-ра Дамодара.

Теперь я перехожу къ вопросу, какой вѣсь могутъ имѣть показанія м-ра Дамодара К. Маваланкара. Это крайне важный вопросъ, не только потому, что м-ръ Дамодаръ одинъ изъ немногихъ, не считая г-жи Блаватской, утверждаетъ, что видѣлъ махатмъ въ Тибетѣ и притомъ такимъ способомъ, который исключаетъ всякую возможность обмана, но также и потому, что самъ м-ръ Дамодаръ считается имѣющимъ способность путешествовать въ „астральной формѣ“, и факты этихъ астральныхъ путешествій по большей части подтверждаются лишь его собственными разсказами. Мое личное заключеніе, какъ я уже сказалъ, неблагоприятно для м-ра Дамодара. Я не могу привести здѣсь все, что заставило меня придти къ такому заключенію, но полагаю, что одного анализа его показаній относительно шкапа будетъ болѣе чѣмъ достаточно для подтвержденія моихъ словъ.

Бабула, туземный слуга г-жи Блаватской, прибылъ въ Адіаръ по возвращеніи изъ Европы 20-го сентября, какъ я узналъ изъ книги пріѣзжающихъ. Мое первоначальное предположеніе относительно исчезновенія шкапа состояло въ томъ, что Бабула спряталъ или уничтожилъ его по приказанію г-жи Блаватской, такъ какъ шкапъ былъ унесенъ въ ночь 20 сентября. Таково же, казалось, было мнѣніе и м-ра Субба Роу, адвоката верхняго суда въ Мадрасѣ, въ то время и теперь выдающагося теософа, который тѣсно разспрашивалъ и даже страдалъ Бабулу въ надеждѣ добиться признанія. Я расположенъ думать, что таково же было мнѣніе м-ра Дамодара, и что во избѣжаніе того, чтобы я пришелъ къ этому заключенію, онъ, въ самомъ началѣ разслѣдованія, въ отвѣтъ на мои вопросы, старался скрыть фактъ пріѣзжающаго Бабулы 20 сентября вечеромъ, а утверждалъ, что онъ пріѣхалъ 21-го утромъ и немедленно пожелалъ осмотрѣть комнаты, гдѣ, ко всеобщему удивленію (повидимому не исключая и тѣхъ трехъ теософовъ, которые по словамъ д-ра Гартмана ¹⁾ унесли шкапъ), не нашлось этого шкапа. Мистеръ Дамодаръ утверждалъ также, что въ той части комнаты, гдѣ стоялъ шкапъ, остались слѣды, указывающіе на то, что его опрокинули на бокъ и что это же самое говорится въ заявленіи, составленномъ теософами, открывшими исчезновеніе шкапа. Разспрашивая другого присутствовавшего теософа, я получилъ отъ него увѣреніе, что никакихъ слѣдовъ не было и что даже никто ихъ не искалъ. Заявленіе, съ котораго у меня есть копія, не содержитъ ни малѣйшаго намека на такіе слѣды.

Обращаясь теперь къ показаніямъ м-ра Дамодара, цитируемымъ въ приложеніи IV къ Отчету, мы находимъ, что онъ утверждаетъ слѣдующее:

1. Что отверстіе въ шкапу, прилегавшее къ углубленію, и самое углубленіе были такъ малы, что онъ съ трудомъ проходилъ въ него и, разъ пройдя, „могъ лишь стоять неподвижно, не будучи въ состояніи ни подвинуться ни на одинъ дюймъ, ни поднять руки“.

2. Что въ рамѣ шкапа не было отодвигной доски.

3. Что онъ присутствовалъ при многихъ феноменахъ вмѣстѣ съ другими свидѣтелями, тщательно осматривалъ, насколько только возможно, шкапъ и убѣдился, что онъ неповрежденъ, и что въ немъ нѣтъ *выдвигаемыхъ досокъ* или чего-либо въ этомъ родѣ.

4. Что онъ хорошо помнитъ, какъ вмѣстѣ съ м-ромъ Субба Роу они „тщательно осматривали шкапъ и стѣны“, и что они оба остались довольны „что тотъ и другая неприкосновенны и цѣлы“.

¹⁾ Д-ръ Гартманъ заявляетъ, что Дамодара не было въ числѣ этихъ трехъ. Что они не посвящали его въ дѣло, весьма естественно въ виду ихъ чистосердечной вѣры въ его „суевѣрное благоговѣніе“ къ священному шкапу. *Годжсонъ*.

5. Что во время пребывания г-жи Блаватской въ 1883 г. въ Утакамюндѣ ключи отъ шкапа и отъ Оккультической комнаты были у *нею*; а затѣмъ

6. Что во время пребывания г-жи Блаватской въ 1883 г. въ Утакамюндѣ ключи отъ комнаты г-жи Блаватской и отъ шкапа были у *г-жи Куломбъ*.

7. Что буфетъ не существовалъ до января 1884 г., когда въ шкапу перестали происходить феномены.

1. Относительно отверстія въ шкапу и углубленія я долженъ повторить что они еще существовали, когда я приѣхалъ, хотя м-ръ Дамодаръ утверждалъ, что углубленіе было задѣлано. Это послѣднее, заявленіе м-ра Дамодара я не могу иначе считать, какъ преднамѣреннымъ искаженіемъ факта. Знай я, что углубленіе существуетъ, я бы конечно самъ попробовалъ въ него войти и сразу открылъ бы невѣрность описанія м-ра Дамодара. Впослѣдствіи другой теософъ сообщилъ мнѣ, что считаетъ отверстіе и углубленіе достаточнымъ для того, чтобы человекъ средняго роста могъ воспользоваться ими для устройства „феноменовъ шкапа“, а въ то же время я провѣрилъ справедливость или, лучше сказать, несправедливость словъ м-ра Дамодара, устроивъ самъ отверстіе и углубленіе меньшія, чѣмъ сообщавшіяся со шкапомъ. Д-ръ Гартманъ, въ своемъ памфлетѣ, даетъ размѣры отверстія - 27 дюймовъ въ вышину и 14 д. въ ширину, — которые приблизительно вѣрны. Въ этомъ я могъ убѣдиться самъ, такъ какъ рама была вынесена прочь, и мнѣ показывалъ ее потомъ другой теософъ. Углубленіе д-ръ Гартманъ считалъ въ 12 дюймовъ глубины и около 5 фут. высоты; глубина приблизительно такова, но высота около 8 футовъ — какъ я убѣдился измѣреніемъ. Я самъ входилъ въ пространство, по высотѣ и глубинѣ на 1 дюймъ *меньше* чѣмъ размѣры, данные д-ромъ Гартманомъ. Отверстіе, сдѣланное мною для этой цѣли, было меньше чѣмъ 18 и 26 дюймовъ, а пространство, въ которое оно вело и въ которомъ я могъ свободно стоять, было *меньше* 11 дюймовъ глубины. Въ этомъ пространствѣ я могъ удобно поднимать руку, брать и держать разные предметы и вообще дѣлать все необходимое для устройства „феноменовъ“. Въ своемъ показаніи мистеръ Дамодаръ обращаетъ вниманіе на свою художавость ¹⁾ и конечно я, по сложенію, гораздо плотнѣе его, да полагаю — также и м-ра Куломба и Бабулы.

2) Слѣдующее заявленіе м-ра Дамодара, что въ рамѣ шкапа не было выдвижной доски, какъ уже намъ извѣстно, тоже невѣрно. Еслибы это показаніе стояло отдѣльно, то не показалось бы лживымъ, а только невѣрнымъ заключеніемъ, такъ какъ было сдѣлано ранѣе открытія этой доски Анандой, какъ это описано выше.

3) Того тщательнаго осмотра, который, какъ онъ утверждаетъ, былъ сдѣланъ въ его присутствіи, — въ дѣйствительности никогда не было. Ни одинъ изъ многочисленныхъ свидѣтелей, на которыхъ онъ указываетъ, никогда не отодвигалъ шкапа отъ стѣны ни на одинъ дюймъ. И не только они, но впослѣдствіи и самъ мистеръ Дамодаръ утверждалъ, что никогда не осматривалъ задней стороны шкапа и не присутствовалъ при подобномъ осмотрѣ. Какъ это согласуется съ его показаніемъ, что онъ самъ съ м-ромъ Субба Роу „тщательно“ осматривали шкапъ и стѣну!

4) Я имѣлъ случай, *въ присутствіи м-ра Дамодара*, спросить м-ра Субба Роу относительно этого осмотра. М-ръ Субба Роу объявилъ, что никогда его не дѣлалъ. Тогда и м-ръ Дамодаръ повторилъ то же самое и оба стали утверждать, что никогда не видали, чтобы шкапъ сдвигали съ мѣста. Между тѣмъ, м-ръ Дамодаръ заявилъ объ этомъ мнимомъ осмотрѣ въ прежнемъ *письменномъ* своемъ заявленіи, о которомъ хорошо помнилъ.

¹⁾ Дамодаръ, на видѣнныхъ мною фотографическихъ портретахъ, — совершенный скелетъ. *Вс. С.*

и 6. Следующее рѣзкое противорѣчіе въ показаніяхъ м-ра Дамодара касается ключей отъ шкапа и Оккультической комнаты во время пребыванія г-жи Блаватской въ Утакамондѣ въ 1883 г., которые, по его новому показанію, были у него въ рукахъ, а по слѣдующему — у г-жи Куломбъ. Это противорѣчіе не легко разрѣшить, но все-таки можно и для него придумать объясненіе. Первое показаніе было сдѣлано нѣ августѣ 1884 г., когда, по всей вѣроятности, м-ръ Дамодаръ считалъ дѣломъ первой важности доказать, что до половины сентября 1883 г. въ шкапу не было выдвижной доски. Второе показаніе было сдѣлано 19 сентября 1884 г., а 10-го сентября въ *Madras Christian College Magazine* появились письма Блаватской къ Куломбамъ. Въ то время теософами была сдѣлана попытка доказать самими обстоятельствами дѣла подложность этой корреспонденціи. Изъ этихъ писемъ два имѣли отношеніе къ Адіарскому блюдечку и къ письму изъ шкапа, полученному м-ромъ П. Сриневасомъ Рао. Въ ранѣе напечатанномъ генераломъ Морганомъ заявленіи, онъ говоритъ, что ключи отъ шкапа были у г-жи Куломбъ, и вся сила показанія м-ра Рао въ пользу неподдѣльности его феномена заключалась въ томъ, что онъ просилъ у г-жи Куломбъ дозволенія видѣть шкапъ въ тотъ же вечеръ, и что, слѣдовательно, у г-жи Куломбъ не было времени написать и получить отъ г-жи Блаватской письмо махатмы, такъ какъ г-жа Б-ая находилась въ то время въ Утакамондѣ. Являлась невозможность дать ясный отвѣтъ объ этихъ случаяхъ не выяснивъ, что ключи находились у г-жи Куломбъ, какъ это и было въ дѣйствительности. Трудно предположить, чтобы первое показаніе м-ра Дамодара не было завѣдомой и преднамѣренной ложью.

7) М-ръ Дамодаръ говоритъ, что буфетъ появился съ января 1884 г., когда въ шкапу перестали происходить феномены. Д-ръ Гартманъ, въ своемъ памфлетѣ въ сентябрѣ 1884 г., пишетъ, что, по внушенію м-ра Куломба, „согласно его (Куломба) плану, былъ сдѣланъ тяжелый буфетъ для посуды подъ его наблюденіемъ въ декабрѣ 1883 г. и поставленъ къ стѣнѣ, по другую сторону которой висѣлъ „шкапъ“. Въ отвѣтъ на мой вопросъ онъ подтвердилъ, что этотъ буфетъ, въ которомъ м-ръ Куломбъ указалъ выдвижную заднюю сторону, стоялъ у восточной стороны стѣны за шкапомъ во время годовщины (27 декабря). Его присутствіе тамъ въ это время подтверждается также м-съ Морганъ, м-ромъ Субба Роу, м-ромъ Сриневасомъ Рао и многими. И такъ, мистеръ Дамодаръ расходится съ очень важными теософскими свидѣтелями и его показаніе кажется сдѣланнымъ потому, что онъ сознавалъ всю важность установленія той лжи, что буфетъ не былъ на своемъ мѣстѣ во время ежегоднаго декабрьскаго праздника въ 1883 г., (когда происходили „феномены шкапа“). Я имѣю причины думать, что онъ принудилъ многихъ свидѣтелей показать эту ложь. Я нашелъ, что во многихъ случаяхъ онъ предварительно подбучалъ свидѣтелей, какъ отвѣчать на мои вопросы. Я конечно старался устранить эти предварительныя подготовки, и одинъ разъ, явившись неожиданно къ м-ру Ратнаvasу, свидѣтелю, отъ котораго у меня было письменное показаніе, я былъ встрѣченъ словами: „м-ръ Дамодаръ не говорилъ мнѣ, что вы будете“. Этотъ джентльменъ сознался, хотя видимо неохотно, что буфетъ былъ уже поставленъ во время годовщины, въ 1883 году. Свидѣтели, показавшіе противное, были всѣ изъ числа неблагонадежныхъ.”

Эти противорѣчія и ложныя показанія относительно „шкапа“ сами по себѣ достаточны для того, чтобы считать м-ра Дамодара свидѣтелемъ, не заслуживающимъ довѣрія“...

Я привелъ *эту часть* «Отчета» Годжсона цѣликомъ, въ подстрочномъ переводѣ, для того, чтобы *совершенно познать* читателей съ пріемами и значеніемъ этого изслѣдованія, занимающаго двѣсти страницъ мелкой печати. Къ нему приложены планы, а также факсимиле писемъ Блаватской и Кутъ-Хуми, въ подлинности которыхъ *невозможно* сомнѣваться, и безъ экспертовъ, зная своеобразный почеркъ «madame» и неподражаемыя особенности ея слога.

Приведенной мною части Отчета, никогда не опровергнутаго Е. П. Блаватской и ея защитниками, что, впрочемъ, было бы и невозможно — болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы доказать совершенно nepозволительное обращеніе съ истиной и съ русскими читателями, какое позволяетъ себѣ г-жа Желиховская, обвиняя («Русское Обозрѣніе», декабрь 1891 г.) Годжсона въ предвзятой недобросовѣстности. Курьезнѣ всего, что въ удостовѣреніе этой недобросовѣстности приводится тотъ фактъ, что Годжсонъ, получивъ письма Блаватской, «несмотря ни на какія просьбы какъ ея самой, такъ и друзей ея, не показаль имъ этихъ писемъ»¹⁾. Какъ будто не вполне ясно, что еслибы *такіе* документы, въ которыхъ заключался *настоящій смертный приговоръ* «madame» и ея ближайшихъ пособниковъ — были показаны этимъ *осужденнымъ на смерть*, то они не стали бы церемониться: они просто вырвали бы документы изъ рукъ слѣдователя и уничтожили бы ихъ.

Годжсонъ сразу же сообразилъ это и не только не показаль ихъ осужденнымъ, но и не сталъ даже хранить при себѣ въ Индіи: онъ при первой же возможности послаль всѣ эти драгоценныя документы въ Англію, для представленія ихъ экспертамъ Нетсерклифту и Симсу изъ Британскаго музея.

Еслибы Годжсонъ поступилъ иначе — онъ оказался бы недостойнымъ довѣрія, выраженнаго ему «Лондонскимъ Обществомъ для психическихъ изслѣдованій».

Теперь, чтобы не утруждать вниманіе читателей, я выпущу

¹⁾ Ср. это съ приведеннымъ выше письмомъ Е. П. Блаватской, гдѣ она, невѣдомо зачѣмъ, сообщаетъ мнѣ, что эти письма находились въ рукахъ теософическаго комитета.

изъ Отчета все несущественное, всѣ мелочныя подробности, изложу въ извлеченіи только болѣе интересные факты, и затѣмъ возвращусь къ моему разсказу.

XIII.

Относительно «астральныхъ» путешествій Дамодара м-ръ Годжсонъ того мнѣнія, что, несмотря на показаніе Олкотта, предварительный уговоръ между Блаватской и Дамодаромъ болѣе чѣмъ вѣроятенъ. Вотъ въ полности показаніе полковника Олкотта, данное имъ въ комиссіи «Лондонскаго общ. для психич. изслѣдованій» и чрезвычайно интересное для характеристики «президента Теософическаго Общества».

Олкоттъ. Во время одной моей официальной поѣздки изъ Бомбея въ Кашмиръ, въ Марадабадѣ ко мнѣ сильно приставалъ нѣкто Шанкаръ Сингъ, правительственный чиновникъ, въ то время еще не теософъ, чтобы я излѣчилъ двухъ мальчиковъ 12 и 14 лѣтъ, которые оба были парализованы съ 10-лѣтняго возраста. Я полагаю, многимъ изъ присутствующихъ извѣстно, что я имѣю силу лѣчить больныхъ произвольной передачей жизненной силы. Я отказалъ ему, такъ какъ въ предшествовавшемъ году сильно изнурить себя частыми магнетизаціями. Онъ долго старался убѣдить меня и заставить измѣнить мое рѣшеніе, но такъ какъ я рѣшительно отказался, то онъ обратился къ м-ру Дамодару, путешествовавшему со мною по своей должности (секретаря). Шанкаръ Сингъ изложилъ ему все дѣло и убѣдилъ его отправить свой двойникъ, или призракъ (phantasm) въ главную квартиру общества въ Мадрасъ (отстоящій на 2.200 миль отъ Марадабада), и постараться заручиться содѣйствіемъ г-жи Блаватской.

Ф. Майерсъ. Было ли извѣстно въ главной квартирѣ, что вы находитесь въ этотъ день въ Марадабадѣ?

Олкоттъ. Тамъ не было извѣстно, что я въ Марадабадѣ, такъ какъ, въ виду быстроты нашего движенія въ Индіи, я, во время поѣздки, былъ принужденъ часто нарушать заранѣе составленную программу и отправляться то туда, то сюда, для нахождения новыхъ вѣтвей общества. Все говоритъ противъ какого бы то ни было вліянія предварительнаго уговора. Для того, чтобы понять настоящій случай, вы должны знать, что въ восточныхъ школахъ мистическихъ изслѣдованій существуетъ правило, по которому „челы“ не могутъ имѣть общенія ни съ какимъ учителемъ, исключая своего собствен-

наго. Отъ этого м-ръ Дамодаръ, „чела“ махатмы Кутъ-Хуми, не могъ самъ обратиться къ моему учителю (Моріи). Г-жа Блаватская и я—ученики одного учителя, а потому она могла обратиться къ нему по этому поводу. Сдѣлавъ приготовленія къ своему „астральному“ путешествію, м-ръ Дамодаръ выслалъ м-ра Шанкара Синга изъ комнаты и заперъ дверь. Нѣсколько минутъ спустя онъ возвратился къ своему посѣтителю, ожидавшему его на верандѣ. Затѣмъ они вмѣстѣ отправились въ ту часть дома, гдѣ я сидѣлъ съ нѣсколькими индусами и однимъ европейцемъ, и передали мнѣ, что произошло вслѣдствіе моего отказа вылѣчить мальчиковъ. М-ръ Дамодаръ разсказалъ, что его двойникъ былъ въ главной квартирѣ (въ Мадрасѣ) и говорилъ съ г-жей Блаватской, которая отказала въ своемъ посредничествѣ. Но въ то время, какъ онъ бесѣдовалъ съ г-жей Блаватской, они оба услышали голосъ и узнали въ немъ голосъ моего учителя... Дамодаръ заявилъ мнѣ, что если я возьму карандашъ и бумагу, то онъ продиктуетъ мнѣ на память то, что сказалъ учитель. Я такъ и сдѣлалъ.

Ф. Майерсъ. Вы имѣете эту бумагу?

Олкоттъ. Да. Тогда, въ присутствіи всѣхъ, Шанкаръ Сингъ сѣлъ и написалъ краткій разсказъ о случившемся, подтвержденный 12 подписями, въ томъ числѣ и моею.

* *

Въ меморандумѣ говорится, что, повторивъ порученіе махатмы, полученное въ главной квартирѣ, м-ръ Дамодаръ прибавилъ, что онъ просилъ г-жу Блаватскую подтвердить происшедшее, приславъ телеграмму съ повтореніемъ словъ махатмы, или ихъ сущности, или на его имя или на имя Шанкара Синга. На слѣдующее утро ожидаемая телеграмма была получена.

* *

Майерсъ. Вы не знаете, видѣла ли Дамодара г-жа Блаватская?

Олкоттъ. Она говорила мнѣ, что видѣла. Въ главной квартирѣ живетъ М. Алексисъ Куломбъ, библіотекарь Общества. Во время означеннаго посѣщенія м-ра Дамодара, онъ былъ чѣмъ-то занятъ въ комнатѣ, сосѣдней съ той, гдѣ была г-жа Блаватская. Вдругъ онъ вошелъ въ комнату и спросилъ—гдѣ м-ръ Дамодаръ? такъ какъ слышалъ его разговаривающимъ съ г-жей Блаватской.

Майерсъ. Отъ кого вы это слышали?

Олкоттъ. Отъ самого м-ра Куломба. Онъ сказалъ: „Я сейчасъ ясно слышалъ его голосъ“. Г-жа Блаватская отвѣтила: „Онъ былъ здѣсь“. М-ръ Куломбъ казался удивленнымъ: онъ подумалъ, что м-ръ Дамодаръ неожиданно возвратился, и его съ трудомъ можно было убѣдить, что того нѣтъ въ комнатѣ съ г-жей Блаватской.

Вотъ телеграмма, полученная Д. К. М. и переданная полковнику Олкотту въ Марабадѣ въ 4.50, 10 ноября 1883 г.

„Генри можетъ попробовать съ этими лицами parties ¹⁾ въ силь-

¹⁾ Употребленіе слова „лицами“ (parties) кажется мнѣ подозрительнымъ, замѣчаетъ м-ръ Годжсонъ. Къ чему это общее и довольно странное слово, какъ

*

номъ мессмерическомъ состояніи (mesmerised). Для облегченія страдающихъ втирать три раза въ день каяпотовое (сажаруті) масло. Карма не можетъ имѣть къ этому никакого отношенія“.

Показанія многихъ свидѣтелей подтверждаютъ передачу порученія м-ромъ Дамодаромъ и полученіе полковникомъ Олкоттомъ соответственной телеграммы отъ г-жи Блаватской.

Для того, чтобы доказать малую вѣроятность уговора между м-ромъ Шанкаримъ Сингомъ и м-ромъ Дамодаромъ, полковникъ Олкоттъ показалъ:

„Въ „Теософистѣ“ за нѣсколько мѣсяцевъ до этого было напечатано, что я совершу эту и подобныя поѣздки по Индіи, и что особы, имѣющія больныхъ друзей, могутъ приводить ихъ ко мнѣ въ извѣстные часы на другой день послѣ моего пріѣзда. Задолго до моего пріѣзда въ Марадабадъ Шанкаръ Сингъ писалъ мнѣ, прося взяться за излѣченіе этихъ мальчиковъ и предлагая привезти ихъ ко мнѣ въ Мадрасъ. Я отказался отъ этого, но сообщилъ ему, что онъ можетъ привезти ко мнѣ мальчиковъ, когда я буду въ Марадабадѣ во время моего объѣзда. Вслѣдствіе этого дозволенія онъ явился и такъ мнѣ надоѣдалъ, говоря: „Вы обязались это сдѣлать“.

Такимъ образомъ оказывается, что прежде, чѣмъ полковникъ Олкоттъ оставилъ главную квартиру, тамъ уже было извѣстно, что по пріѣздѣ въ Марадабадъ къ нему явится Шанкаръ Сингъ и потребуетъ исполненія даннаго обѣщанія.

Не исполнилъ же онъ своего обѣщанія по слѣдующей причинѣ: еще до своего путешествія онъ пытался излѣчивать посредствомъ магнетизма больныхъ въ Пунѣ, куда собралось съ этой цѣлью до 200 больныхъ, но лѣченіе было безуспѣшно и вызвало протестъ теософовъ, находившихъ, что полковникъ Олкоттъ унижаетъ Общество, продолжая лѣчить, несмотря на неудачу.

Вмѣстѣ съ этимъ Олкоттъ получилъ черезъ м-ра Дамодара письменное запрещеніе махатмы предпринимать какое-либо лѣченіе.

„19 октября. — Черезъ Д. К. М. пришло приказаніе отъ Чохановъ Chohans, высшіе дѣхи) не лѣчить болѣе до дальнѣйшихъ приказаній“ (Дневникъ полковника Олкотта, 1883 г.).

Въ своемъ же показаніи полковникъ Олкоттъ не говоритъ объ этомъ ни слова и приписываетъ свое нежеланіе согласиться на просьбу Шанкара Синга тому, что онъ «уже въ предше-

не для того, чтобы прикрыть непредвидѣнное недоразумѣніе? Слово „boys“ (мальчики) было бы короче и естественнѣе.

ствующемъ году сильно изнурилъ себя частыми магнетизаціями».

Что причиной его отказа было болѣе полученное имъ приказаніе, чѣмъ выставленная имъ самимъ причина, подтверждается слѣдующимъ показаніемъ м-ра Броуна. (Нѣкоторые опыты въ Индіи, стр. 14, 15).

„Полковникъ Олкоттъ... получилъ приказаніе отъ своего „Guru“ удержаться отъ лѣченія больныхъ впредь до дальнѣйшихъ приказаній и когда его просили объ этомъ въ Марадабадѣ м-ръ Шанкаръ Сингъ относительно двоихъ сиротъ, то полковникъ принужденъ былъ отказать. Тогда въ дѣло вмѣшался Дамодаръ и сказалъ, что будетъ просить позволенія спеціально для этого случая“.

Далѣе Олкоттъ говоритъ въ своемъ отвѣтѣ, что г-жа Блаватская *не знала*, что путешественники находятся въ Марадабадѣ, такъ какъ заранѣе составленная программа часто измѣнялась. Но вотъ что говорить м-ръ Годжсонъ:

„Нѣсколько времени спустя послѣ моего приѣзда въ Адіаръ, я воспользовался случаемъ, когда полковникъ Олкоттъ просматривалъ свой дневникъ, чтобы попросить его сообщить мнѣ число его посѣщеній различныхъ городовъ во время его поѣздки въ 1883 г. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что я могу взять ихъ изъ программы поѣздки, заранѣе напечатанной въ „Теософистѣ“. На мое замѣчаніе, что изъ его показанія я заключаю, что предварительная программа была нарушена, онъ отвѣчалъ, что она дѣйствительно была нѣсколько измѣнена вслѣдствіе нахожденія имъ новыхъ, необозначенныхъ вѣтвей Общества, и сталъ говорить мнѣ числа по своему дневнику. Впослѣдствіи я сравнилъ ихъ съ заранѣе напечатанной программой, и всѣ числа вполне совпали съ числами, данными мнѣ полковникомъ Олкоттомъ изъ дневника.

Кромѣ того нужно замѣтить, что въ напечатанной въ „Теософистѣ“ программѣ было прибавлено слѣдующее примѣчаніе: „Программа эта будетъ насколько возможно точно исполнена. Всякое измѣненіе, вызванное непредвидѣнными случайностями, будетъ сообщено по телеграфу“. (Такимъ образомъ, въ случаѣ нарушенія программы, м-ръ Дамодаръ имѣлъ приличный предлогъ зайти на телеграфъ и могъ послать г-жѣ Блаватской предупрежденіе, не вызывая никакого подозрѣнія). Но программа исполнялась въ точности, какъ сказано выше, и всѣ обстоятельства какъ нельзя лучше приспособлены для предварительнаго уговора.

Несмотря на всѣ эти обстоятельства, ясно указывающія возможность предварительнаго соглашенія между Дамодаромъ и Блаватской, Олкоттъ говоритъ: «Все было противъ какого бы то ни было предварительнаго уговора»! Отсюда видно, какъ мало можно

довѣрять всѣмъ его показаніямъ, и остается только удивляться—зачѣмъ это Годжсонъ, добросовѣстно и ясно доказывая полную недобросовѣстность Олкотта, не можетъ посадить его на законно принадлежащее ему мѣсто, т. е. въ компанію людей, помогавшихъ Блаватской производить ея удивительные феномены.

Нужно упомянуть еще тотъ фактъ, что когда полковникъ Олкоттъ ссылался на свидѣтельство м-ра Куломба, ему еще не было извѣстно, что Куломбъ обвиняется въ дѣланіи потайныхъ дверей и другихъ приготовленій для плутовскихъ продѣлокъ. Позднѣе, когда полковникъ Олкоттъ получилъ корректурные листы своего показанія, ему уже долженъ былъ быть извѣстенъ фактъ исключенія Куломба изъ Теософическаго Общества. Самъ Куломбъ заявилъ, что, по просьбѣ г-жи Блаватской, онъ далъ полковнику ложное показаніе.

Второй случай „астральныхъ“ путешествій м-ра Дамодара полковникъ Олкоттъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Ночью 17 ноября 1883 г.—слѣдовательно семь дней спустя послѣ перваго случая—я ѣхалъ изъ Мейрута въ Лагоръ. Въ вагонѣ со мной были двое—м-ръ Дамодаръ и другой индусъ по имени Наренъ. Свами Нэду, спавшіе въ различныхъ мѣстахъ вагона. Я самъ читалъ книгу при свѣтѣ лампы. Время отъ времени Дамодаръ ворочался, показывая этимъ, что не спитъ подобно другому. Затѣмъ Дамодаръ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, который часъ. Я сказалъ, что осталось нѣсколько минутъ до шести. Онъ сказалъ: „я сейчасъ былъ въ главной квартирѣ“—подразумѣвая свой двойникъ—„съ г-жею Блаватской случилась непріятность“. Я спросилъ, было ли это что-нибудь серьезное. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ сказать; но онъ полагаетъ, что у нея нога запуталась въ коверъ, и она тяжело упала на правое колѣно.... Тогда я вырвалъ изъ какой-то книги клочекъ бумаги и записалъ все это, затѣмъ подписалъ я самъ и другой индусъ“.

Въ запискѣ значится слѣдующее:

„Въ поѣздѣ на станціи Нагуль S. P. и D. желѣзной дороги въ 5 ч. 55 м. 17/II/83 Д. К. М. сказалъ, что былъ сейчасъ (въ Sukshma Sarira) въ главной квартирѣ. Е. П. Б. запуталась въ коверъ и ушибла правое колѣно. Взяла портретъ К. Н. изъ священнаго шкапа. Слышала, что она упоминала имена генерала и м-ссы Морганъ. Думаетъ, что они тамъ. Не видѣлъ никого кромѣ Е. П. Б., но чувствовала многихъ другихъ“.

„Слѣдующая станція была Сахаранпуръ, гдѣ была получасовая остановка для ужина. Я прямо пошелъ на телеграфъ и послалъ г-жѣ Блаватской телеграмму, сколько мнѣ помнится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Что случилось въ главной квартирѣ около 6 часовъ? Отвѣтъ въ Лагоръ“.

Въ отвѣтъ г-жа Блаватская телеграфировала:

„Чуть не сломала правую ногу, упавъ съ епископскаго кресла, сбивъ съ мѣста Куломба, напугавъ обоихъ Морганъ. Дамодаръ напугалъ насъ“.

Полковникъ Олкоттъ добавляетъ:

„Присутствіе въ главной квартирѣ генерала и мистриссъ Морганъ подтверждается этой телеграммой, а ранѣе этого мы, путешественники, не знали о ихъ возвращеніи изъ Нилгыри (Nilgiris).“

Къ этому замѣчанію, увидавъ показаніе полковника комиссіи въ корректурѣ, г-жа Блаватская прибавила слѣдующее:

„Они только-что пріѣхали изъ Nilgherry-Hills. Е. П. Блаватская“.

„Въ этомъ случаѣ свидѣтельство генерала и мистриссъ Морганъ является важнымъ доказательствомъ противъ какого-либо уговора г-жи Блаватской съ м-ромъ Дамодаромъ, такъ какъ оно доказываетъ: 1) что ихъ присутствіе въ главной квартирѣ не могло быть извѣстно м-ру Дамодару, и 2) что случай съ г-жей Блаватской былъ дѣйствительно и случился въ названный часъ. Однако, я узналъ впоследствии отъ генерала Морганъ и его супруги, что они были въ главной квартирѣ уже недѣлю; что ихъ специально пригласило туда письмо махатмы, и что они не были личными свидѣтелями случившагося“.

Вотъ заключеніе м-ра Годжсона: „Въ виду того, что мы съ другой стороны знаемъ о г-жѣ Блаватской, я нахожу, что всякое чудо, въ которомъ она принимала участіе, кажется поддѣльнымъ; недобросовѣстность м-ра Дамодара видна изъ его показаній о священномъ шкапѣ; всѣ эти чудесныя сообщенія никѣмъ не подтверждаются кромѣ Дамодара и г-жи Блаватской; обстоятельства способствуютъ предварительному между ними уговору, и заключеніе, что всѣ эти „астральныя“ путешествія — одна сказка, кажется мнѣ неопровержимымъ, а изъ этого заключенія вытекаетъ, что нельзя придавать значенія никакому другому показанію о мнимыхъ чудесахъ, въ которыхъ принималъ участіе м-ръ Дамодаръ. Полное значеніе этого заключенія будетъ видно дальше, когда я дойду до отчета описывахъ махатмы, полученныхъ въ отсутствіе г-жи Блаватской“.

Вотъ еще доказательство недостоверности показаній полковника Олкотта:

Въ отвѣтъ на вопросъ м-ра Майерса по поводу „астральной“ формы махатмы, явившагося Олкотту въ Нью-Йоркѣ, онъ показалъ:

„Я никогда не видалъ живого индуса ранѣе моего прибытія въ Лондонъ, по дорогѣ въ Индію. До тѣхъ поръ я не состоялъ въ перепискѣ ни съ однимъ изъ нихъ и не зналъ ни одного живого индуса, который могъ бы навѣстить меня въ Америкѣ“.

Полковникъ Олкоттъ прибылъ въ Лондонъ по дорогѣ въ Индію въ 1879 г. Теософическое Общество было основано въ 1875 г., и, задолго до этого, полковникъ Олкоттъ путешествовалъ съ индусами изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль. Онъ познакомился съ ними и получилъ ихъ портреты, изъ которыхъ одинъ, какъ онъ самъ пишетъ въ одномъ видѣнномъ мною письмѣ, висѣлъ у него на стѣнѣ въ 1877 г. Въ теченіе 1877 и 1878 годовъ онъ написалъ много писемъ одному изъ этихъ индусовъ, м-ру М. Т., теософу, умершему нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ которымъ былъ въ большой дружбѣ въ Бомбей.

Итакъ, оказывается, что полковникъ Олкоттъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ индусомъ, съ которымъ познакомился во время пе-

рейзда изъ Америки въ Англію, гораздо ранѣе того, какъ посѣтилъ Лондонъ по дорогѣ въ Индію, и даже гораздо ранѣе появленія „астральной фигуры“, о которой идетъ рѣчь. Сверхъ того Теософическое Общество въ Бомбей было основано М. Т. еще ранѣе перевода главной квартиры изъ Америки въ Индію.

Когда полковнику Олкотту было указано несогласіе его показанія съ фактами, то онъ согласился, что зналъ М. Т. и другихъ индусовъ много раньше, объяснивъ свое ложное показаніе тѣмъ, что въ то время онъ былъ такъ поглощенъ появленіемъ «астральной формы» махатмы, что временно позабылъ о своемъ знакомствѣ съ М. Т. (!!)

При этомъ не слѣдуетъ забывать, что Олкоттъ могъ исправить свой рассказъ въ корректурѣ, когда должна была бы ужъ пройти странная забывчивость, нашедшая на него при вопросѣ м-ра Майерса.

„Вслѣдствіе этого, замѣчаетъ м-ръ Годжсонъ, я не могу придавать показаніямъ полковника Олкотта никакой научной цѣнности“.

Такою же неточностью относительно явленій махатмъ страдаютъ показанія другого джентльмена м-ра Могини М. Чаттерджи; но надо замѣтить, что онъ вездѣ говоритъ, будто никогда не обращалъ большого вниманія на феномены.

Для объясненія противорѣчій, встрѣчающихся въ его показаніяхъ, м-ръ Могини ссылается на свое недостаточное знаніе англійскаго языка ¹⁾. Такъ напримѣръ, въ случаѣ перваго упомянутого „астральнаго“ явленія, показаніе м-ра Могини заставило насъ предположить, что не только онъ, но и остальные свидѣтели узнали фигуру. Спрошенный, всѣ ли согласились, что это не можетъ быть настоящій человекъ, м-ръ Могини отвѣтилъ:

„Конечно. Намъ показалось, что это явился оригиналъ портрета висѣвшаго въ комнатѣ полковника Олкотта и считавшагося портретомъ одного изъ махатмъ“. На вопросъ члена комиссіи м-ра Стэка, могъ ли онъ различить черты, м-ръ Могини отвѣтилъ: „О, да, и костюмъ, тюрбанъ и все прочее“, но позднѣе, на вопросъ м-ра Гернея, узналъ ли бы онъ явленіе, если бы увидалъ одно лицо, онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, что впечатлѣніе сходства съ оригиналомъ портрета въ комнатѣ полковника Олкотта произвела на него вся фигура.

Однако, ни одинъ изъ спрошенныхъ свидѣтелей не узналъ чертъ лица; многіе даже не могли сказать, была ли фигура съ бородой или

¹⁾ Могини знаетъ англійскій языкъ превосходно, какъ утверждаютъ и знакомые мнѣ англичане, и я самъ былъ свидѣтелемъ его льющагося рѣкою краснорѣчія на „конференсахъ“.

нѣтъ, исключая м-ра Гозаль, который „видѣлъ что-то въ родѣ бороды, но не очень ясно“.

Точно также свидѣтели не согласны и съ другими пунктами, которые приводитъ м-ръ Могини. Напримѣръ м-ръ Могини говоритъ, что фигура „какъ будто растаяла“. М-ръ Гозаль говоритъ: „мнѣ показалось, и многіе изъ присутствовавшихъ были того же мнѣнія, что фигура зашла за дерево и вдругъ исчезла“. Въ настоящее время м-ръ Могини объясняетъ, что, говоря „казалось какъ будто растаяла“, онъ просто подразумѣвалъ, что фигура исчезла. (Въ своемъ показаніи комиссіи м-ръ Могини сказалъ, что фигура исчезла, и когда м-ръ Майерсъ спросилъ, „какимъ способомъ она исчезла?“ — Могини отвѣтилъ: „казалось какъ будто растаяла“. Другой свидѣтель описываетъ фигуру, какъ ходившую взадъ и впередъ подъ балкономъ на третьей террасѣ, и предполагаетъ, что это не могло быть обыкновенное существо, потому что на этой террасѣ множество колючихъ, деревьевъ, дѣлающихъ прогулку по ней затруднительной. Но осматривая старую главную квартиру въ Бомбей, я нашелъ, что и это описаніе не точно, и что всякому, даже переодѣтому въ широкое, развѣввающееся платье, легко можно ходить по всѣмъ террасамъ. И я достаточно удостовѣрился, что на террасахъ не было сдѣлано съ тѣхъ поръ никакихъ измѣненій.

Однимъ словомъ, послѣ моего осмотра мѣстности, я вполнѣ убѣдился, что явленіе могло быть легко устроено переодѣтымъ м-ромъ Куломбомъ. Я видѣлъ м-ра Куломба, переодѣтаго махатмой, и дѣйствительно фигура могла казаться очень внушительной. Голова изъ папье-маше (съ плечами), похожая на голову индуса, съ бородой и т. д., надѣвалась на голову представлявшаго махатму, со лба ея падала складками бѣлая кисея¹⁾ и, слегка раздвинувъ ея складки, переодѣтый могъ видѣть и говорить, если надо. Я не думаю, чтобъ кто-либо изъ свидѣтелей вышеупомянутыхъ случаевъ могъ узнать переодѣваніе, даже если бы фигура подходила еще ближе и освѣщеніе было лучше.

Во второмъ случаѣ мнѣ не удалось возстановить, на какомъ разстояніи являлась фигура, но въ первомъ, судя по мѣстности, она должна была находиться на разстояніи болѣе 40 ядровъ отъ свидѣтелей. Нельзя придавать значенія словамъ, будто ее узнали въ лицо, да притомъ еще по одному портрету, на такомъ разстояніи, даже при яркомъ лунномъ свѣтѣ. Кромѣ того, фигуру невозможно было хорошо рассмотреть вслѣдствіе растущихъ въ этомъ мѣстѣ деревьевъ и кустовъ“.

Третій случай, приведенный м-ромъ Могини, „астрального“ явленія въ Адіарѣ отличается, если это возможно, еще меньшей цѣнностью въ смыслѣ достовѣрности, чѣмъ два предшествовавшіе, въ особенности послѣ позднѣйшихъ сообщеній, сдѣланныхъ м-ромъ Могини.

¹⁾ Сравн. заявленіе Бабулы родственницамъ Е. П. Блаватской относительно того, что махатмы — „кисейяне“.

Могини описываетъ этотъ случай слѣдующимъ образомъ: Онъ сидѣлъ съ Блаватской и Дамодаромъ въ Адіарѣ въ гостиной, окна которой выходили на террасу; было около 11 часовъ вечера. Въ одномъ изъ угловъ комнаты вдругъ появилось какое-то бѣлое облако, которое мало по малу превратилось въ человѣческую фигуру. Фигура начала ходить взадъ и впередъ передъ присутствовавшими и подходила такъ близко, что Могини казалось, что, протянувъ руку, онъ могъ бы дотронуться до нея. По портрету онъ призналъ въ фигурѣ махатму Кутъ-Хуми. Черезъ нѣсколько времени, говоритъ Могини, я попросилъ махатму оставить мнѣ какой-нибудь вещественный знакъ своего посѣщенія. Тогда онъ поднялъ руку, казалось, бросилъ намъ что-то и черезъ мгновеніе на насъ упалъ цѣлый дождь розъ, какихъ въ саду не было. Такъ какъ съ одной стороны балкона росли деревья, то, во избѣжаніе подозрѣній, что оно могло спуститься по дереву, мы попросили явленіе исчезнуть съ той стороны, гдѣ нѣтъ выхода. Оно прошло мимо насъ до края балкона и мгновенно исчезло. Высота балкона отъ 15 до 20 ф. Подъ нимъ мѣсто открытое и въ то время тамъ находилось нѣсколько человѣкъ, кромѣ того подъ балкономъ находится нѣсколько ступенекъ, и человѣкъ, спрыгнувшій сверху, непременно переломалъ бы себѣ ноги.

Дамодаръ, спрошенный м-ромъ Годжсономъ, сказалъ, что фигура исчезла не у края балкона, а какъ разъ напротивъ и близко отъ двери въ Оккультическую комнату, которая выходитъ на балконъ. Въ то время, говоритъ м-ръ Годжсонъ, я предполагалъ, что разногласіе между этимъ показаніемъ и словами м-ра Могини можетъ происходить отъ желанія м-ра Дамодара убѣдить меня, что г-жа Блаватская не была знакома съ обстоятельствами дѣла.

М-ръ Могини, въ послѣдующемъ показаніи, которое онъ далъ въ наше первое свиданіе по возвращеніи моемъ изъ Индіи, описалъ мнѣ, что фигура исчезла на мѣстѣ очень близкомъ отъ указаннаго мнѣ м-ромъ Дамодаромъ, но не на томъ самомъ; и я обязанъ сказать, что если бы оно было то же самое, то позднѣйшее показаніе м-ра Могини превратило бы его первое въ совершенно бессмысленное; но и такъ оба показанія м-ра Могини совершенно различны. Въмѣсто исчезновенія фигуры, какъ было сказано въ его первомъ показаніи, *по одну сторону балкона и надъ лѣстницей*, теперь она исчезаетъ въ мѣстѣ, которое скорѣе можно описать, какъ *переднюю часть балкона и внизу не было ступенекъ*. Я не могу придавать никакой цѣны такимъ противорѣчивымъ показаніямъ; точно также, какъ, по-моему, дѣло

нисколько не поправляется объясненіемъ, даннымъ м-ромъ Могини въ наше послѣднее свиданіе, что онъ не осматривалъ мѣста, чтобы убѣдиться, были ли внизу какія-нибудь ступени, и что ему только показалось, будто онъ видѣлъ, что подъ балкономъ были ступени. Въ первомъ показаніи м-ра Могини точка исчезновенія фигуры была опредѣлена одной стороною балкона, деревьями по другую сторону, краемъ балкона и ступенями. Позднѣйшее показаніе противорѣчитъ первому въ трехъ изъ этихъ четырехъ опредѣляющихъ условій.

Я долженъ сказать, что показаніе м-ра Могини, сдѣланное прежде чѣмъ здѣсь стало публично извѣстно что-либо объ обвиненіяхъ, возбужденныхъ Куломбами, вполнѣ согласно, относительно движенія фигуры и ея исчезновенія, съ показаніемъ, сдѣланнымъ мнѣ *независимо* (т. е., какъ я полагаю, не зная, что показалъ м-ръ Могини) г-жею Куломбъ, утверждавшей, что на этотъ разъ роль махатмы исполняла она. Мѣсто, гдѣ она, по ея мнѣнію, окончательно исчезла изъ вида, было по одну сторону балкона у края, ступени были какъ разъ внизу, а деревья вблизи другой стороны балкона. Она рассказала, что, переодѣвшись махатмой въ ванной комнатѣ—теперь комната м-ра Дамодара (см. планъ)—она прошла черезъ шкапъ съ секретной двойной задней стороною въ Оккультическую комнату а оттуда черезъ дверь на террасу, по которой, согнувшись и слѣдуя вдоль стѣны, пробралась до средняго окна въ гостиной, гдѣ медленно выпрямилась во весь ростъ (болванъ, надѣтый на голову, увеличивалъ ея ростъ). Присутствующіе привѣтствовали ее почтительно поклономъ. По ея словамъ, она запаслась цвѣтами, которые спрятала въ складкахъ кисеи, и, пройдя нѣсколько разъ взадъ и впередъ по террасѣ, она наконецъ прошла на восточную сторону балкона, примыкавшую къ строившейся въ то время новой комнатѣ, а оттуда, черезъ сѣверную часть террасы, назадъ въ ванную комнату. Она сообщила также, что сняла башмаки, чтобы двигаться неслышно, и что было такъ темно, что она ушибла себѣ ногу о гвоздь на террасѣ; цвѣты, брошенные м-ру Могини, по ея словамъ, она получила отъ г-жи Уэлли (Wailli), портнихи, которая затѣмъ уѣхала изъ Мадраса и живетъ въ Коломбо, на Цейлонѣ. Я разспросилъ г-жу Уэлли въ Коломбо, и она припомнила, что въ 1884 г., получивъ много цвѣтовъ, она дала часть г-жѣ Куломбъ. Г-жа Куломбъ показала, что ночь была темная и,—на мой специальный вопросъ—что луны не было. Между тѣмъ м-ръ Могини сказалъ, что луна освѣщала балконъ. По справкѣ съ календаремъ ночь была безлунная. М-ръ Могини объясняетъ теперь, что можетъ быть онъ принималъ „свѣтъ отъ лампы“ за лунный (!!).

Я самъ не очень увѣренъ, чтобы на балконѣ былъ ламповый свѣтъ, но здѣсь слѣдуетъ прибавить, что, во всякомъ случаѣ, большая часть террасы должна была оставаться во мракѣ и что, хотя всякій, прочтя показаніе м-ра Могини, подумаетъ, что съ террасы не было другого выхода, какъ „спуститься по дереву или что-нибудь вродѣ этого“, тѣмъ не менѣе были еще другіе пути, по которымъ обыкновенный переодѣтый смертный могъ оставить ее. Зрители си-

дѣли въ гостиной, противъ средняго окна, и взгляды на планъ покажетъ, что извѣстная часть террасы съ обѣихъ сторонъ, восточной и западной, была совершенно скрыта отъ ихъ наблюденія. Съ террасы легко можно было уйти, не только спустившись по дереву, но и черезъ строившуюся комнату или поднявшись на крышу—не говори уже о двери въ Оккультическую комнату и двойной стѣнкѣ шкафа; или даже, въ виду отсутствія луны и того, что было 11 ч. вечера, спуститься по подставной лѣстницѣ съ балкона на землю...

Затѣмъ м-ръ Годжсонъ переходитъ къ остальнымъ показаніямъ о явленіяхъ махатмъ.

„Мнѣ остается сказать очень немного относительно другихъ явленій махатмъ, какъ въ ихъ обыкновенномъ видѣ, такъ и въ „астральномъ“. Ихъ легкое и вполне достаточное объясненіе во всѣхъ случаяхъ — переодѣтый помощникъ. Разказы въ памфлетѣ м-ра Броуна, о которыхъ онъ отказался сообщить мнѣ дальнѣйшія подробности, не долго насъ задержать. Единственный разъ, когда онъ увидалъ махатму Кутъ-Хуми при дневномъ свѣтѣ, фигура была на разстояніи. М-ръ Броунъ говоритъ: „Утромъ 20-го онъ пришелъ ко мнѣ въ палатку и сказалъ: „Теперь вы видите меня передъ собою въ тѣлесномъ видѣ; смотрите и убѣдитесь, что это я“, и оставилъ письмо съ инструкціями, и шелковый носовой платокъ, которые до сихъ поръ у меня“. Этотъ случай произошелъ, кажется, въ 2 часа дня, и всѣ причины м-ра Броуна предполагать, что это былъ Кутъ-Хуми, состоятъ, кажется, въ томъ, что данное имъ письмо было написано тѣмъ же почеркомъ, какъ всѣ письма „Кутъ-Хуми“, полученные въ главной квартирѣ „чудеснымъ“ способомъ.

Главные лица, утверждающія по собственному опыту (кромѣ г-жи Блаватской) о существованіи „Братства“ въ Тибетѣ — мистеръ Дамодаръ и м-ръ Баваджи Дарбагири Наеъ. Чего стоитъ свидѣтельство м-ра Дамодара, объ этомъ уже было достаточно говорено. Относительно м-ра Баваджи Д. Наеа въ приложеніи I показано, что онъ самъ вмѣшался въ попытку нападенія г-жи Блаватской на письмо о „телеграммѣ Сассуна“, а въ примѣчаніи къ приложенію IV будетъ видно, что онъ далъ показанія, — которые я не могу считать иначе, какъ завѣдомо ложными, — относительно священнаго шкапа. Кромѣ того, онъ показалъ мнѣ, что жилъ съ братьями только нѣсколько мѣсяцевъ изъ тѣхъ *двухъ* лѣтъ, которыя послѣдовали за оставленіемъ имъ въ 1878 мѣста частнаго секретаря у сборщика податей въ Курнульскомъ округѣ, хотя предварительно показалъ м-ру Синнетту (*The Occult World*, стр. 154, 155, четвертое издан.), что прожилъ съ Кутъ-Хуми *десять* лѣтъ. Далѣе онъ говоритъ, что только по прошествіи этихъ двухъ лѣтъ онъ присоединился въ Бомбей къ Теософическому Обществу и съ тѣхъ поръ постоянно находился въ главной квартирѣ, исключая двухъ поѣздокъ на сѣверъ — одной въ Тибетъ и другой на окраины Тибета. Изъ этого показанія въ настоящее время ясно, что м-ръ Баваджи присоединился къ Теософическому Обществу въ Бомбей не позже 1881 года и пробылъ въ

этомъ году нѣкоторое время въ главной квартирѣ. Но, какъ кажется, его первое появленіе, какъ Баваджи Дарбагири Нааа, произошло не ранѣе конца 1832 г., и около этого времени онъ посѣтилъ м-ра Синнетта. Когда, впоследствии, онъ возвратился въ главную квартиру, теософы узнали въ немъ Гвала К. Деба, бывшаго тамъ ранѣе. Сообщение, сдѣланное г-жею Куломбъ въ ея памфлетѣ¹⁾ и повторенное затѣмъ мнѣ самому, что м-ръ Баваджи Д. Нааъ есть то же самое лицо, которое было ранѣе извѣстно въ главной квартирѣ въ Бомбей подъ именемъ Гвала К. Дебъ, подтверждается показаніями м-ра А. О. Юма, м-ра Тукарама Татіа, м-ра Баль Ниладжи Питалы и м-ра Езекиеля, и это кажется мнѣ единственнымъ объясненіемъ приведеннаго выше показанія м-ра Баваджи мнѣ самому. М-ръ Баваджи конечно утверждаетъ, что никогда не носилъ имени Гвала К. Дебъ, но невозможно, чтобы всѣ свидѣтели могли принять за мистера Баваджи другую личность, такъ какъ онъ очень малъ ростомъ и голосъ его имѣетъ совершенно особый тѣмбръ. Сверхъ того, онъ вообще, кажется, не прочь являться въ разныхъ видахъ, такъ какъ, даже въ послѣднее время, онъ представляетъ собой двѣ личности въ послѣднемъ официальномъ годовомъ отчетѣ Теософическаго Общества, т. е. является подъ двумя различными именами. На стр. 8 онъ является какъ делегатъ отъ Визіанаграмской вѣтви подъ именемъ Баваджи Д. Нааа и на стр. 131 приложенія А. къ отчету Теософическаго Общества—въ качествѣ одного изъ помощниковъ секретарей канцеляріи, подъ именемъ С. Кришнасвами. Оказывается, что Баваджи Дарбагири Нааъ и С. Кришнасвами одно лицо, причемъ послѣднее имя—настоящее, согласно его собственному мнѣ признанію. Я полагаю, всякій согласится, что простое заявленіе лица, дававшего ложныя и противорѣчивыя показанія, недостаточно для доказательства того, что онъ „ученикъ (Chela) Кутъ-Хуми“, но зато трудно избѣжать заключенія, что если онъ, говоря словами м-ра Синнетта „что-либо другое, то конечно лже-свидѣтель, придуманный для поддержанія гигантскаго обмана, созданнаго г-жей Блаватской“. Я могу прибавить, что м-ръ Баваджи, если можно вѣрить его разсказу объ его полной всякихъ перемѣнъ жизни, кажется совершенно одинокимъ и бездомнымъ и не имѣетъ ничего, кромѣ главной квартиры и, по моему мнѣнію, изъ благодарности за доброту къ нему г-жи Блаватской, съ радостью готовъ для нея обращаться съ истинной болѣе чѣмъ свободно. Рама Суриндро Гартіа Дева,—изъ письма котораго къ г-жѣ Блаватской, свидѣтельствующаго объ его близости съ учителемъ (напечатано въ „Теософистѣ“ въ декабрѣ 1883), въ нашемъ первомъ отчетѣ было приведено извлеченіе,—не можетъ считаться независимымъ свидѣтелемъ; въ виду того, что его собственное существованіе еще болѣе проблематично, чѣмъ существованіе махатмъ, такъ какъ его знаютъ только г-жа Блаватская, м-ръ Баваджи и м-ръ Дамодаръ. А м-ръ Мирза Мурадъ-Али-Бегъ, который въ своихъ заявленіяхъ („Теософистъ“, августъ 1881) ручается за него,

¹⁾ „Some Account of my Intercourse with Madame Blavatsky“, стр. 48—50.

приблизительно такъ же, какъ г-жа Блаватская и м-ръ Дамодаръ ручались за существованіе и могущество махатмъ, по словамъ разныхъ теософовъ ни мало не заслуживаетъ довѣрія и, кромѣ того, выказываетъ очевидные признаки сумасшествія. Про него говорятъ, что онъ занимался черной магіей (!), прежде чѣмъ вступить въ Теософическое Общество, изъ котораго давно вышелъ и сдѣлался католикомъ, а теперь онъ уже мусульманинъ. Такимъ образомъ я долженъ сказать, что всѣ главные доказательства существованія махатмъ оказались — ничѣмъ.

Падающія, являющіяся (precipitated) письма.

Прежде всего я обращаю вниманіе, — говоритъ Годжсонъ, — на показаніе, данное м-ромъ Дамодаромъ и м-ромъ П. Сриневасомъ Рао, что феномены чудеснаго шкапа происходили и послѣ того, какъ г-жа Блаватская оставила Мадрасъ, и слѣдовательно послѣ того, какъ пустота въ стѣнѣ была задѣлана, согласно показанію самого м-ра Куломба.

Въ отвѣтъ на мои разспросы м-ръ Дамодаръ и м-ръ П. Сриневасъ Рао согласились, что единственные примѣры этихъ чудесъ были два, приведенные въ приложеніи XI.

Вотъ въ чемъ состояли эти чудеса: 4 марта 1884 г., когда Блаватская и Олкоттъ были въ Европѣ, Сриневасъ Рао, находясь вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ въ очень угнетенномъ настроеніи духа, пришелъ въ Адіаръ и попросилъ Дамодара показать ему шкапъ, не упоминая при этомъ о своемъ настроеніи. Дамодаръ отворилъ шкапъ, но черезъ нѣсколько секундъ объявилъ, что онъ получилъ приказаніе закрыть его, что и было тотчасъ исполнено. Однако вскорѣ Дамодаръ снова открылъ шкапъ, и Сриневасъ Рао нашелъ въ немъ письмо къ себѣ Кутъ-Хуми, въ которомъ махатма утѣшала его и совѣтовала успокоиться духомъ. Второй случай былъ съ Харисити Рунсинги. Однажды онъ, съ позволенія Дамодара, положилъ въ шкапъ письмо къ махатмѣ, касавшееся его домашнихъ обстоятельствъ. На слѣдующій день письмо было найдено нераспечатаннымъ и по открытіи въ немъ оказался отвѣтъ Кутъ-Хуми, написанный обычнымъ синимъ карандашомъ.

Читатель замѣтитъ, что во второмъ случаѣ, когда въ шкапъ было положено письмо, требовавшее спеціальнаго отвѣта, то до появленія отвѣта прошло довольно много времени. Въ первомъ случаѣ не было положено никакого письма, не требовалось никакихъ спеціальныхъ справокъ и письмо въ шкапѣ явилось безъ остановки.

Для читателя будетъ ясно, какую роль могъ играть при этомъ м-ръ Дамодаръ и то, что для этого именно феномена не было надобности въ томъ, чтобы задняя сторона шкапа открывалась.

Извѣстно, что когда г-жа Блаватская была въ Мадрасѣ, въ шкапѣ находились мгновенные отвѣты на мысленные вопросы, что конверты писемъ съ вопросами возвращались нетронутыми, а когда ихъ вскрывали, внутри находились отвѣты, написанные почеркомъ махатмы. Послѣ многихъ разспросовъ я убѣдился, что во всѣхъ случаяхъ, о которыхъ я слышалъ, мысленные вопросы могли быть угаданы г-жею Блаватской; конечно, вопросы по большей части касались того, будетъ ли спрашивавшій имѣть успѣхъ въ своемъ желаніи сдѣлаться ученикомъ махатмы, и отвѣты часто были неопредѣленнаго и пророческаго характера. Во многихъ случаяхъ конвертъ съ вопросомъ, положенный въ шкапъ, былъ заранѣе присланъ для этого въ главную квартиру, такъ что его легко было вскрыть прежде даже, чѣмъ положить въ шкапъ. Тамъ, гдѣ вопросъ задавался съ особой тщательностью, тамъ — или не давалось спеціальнаго отвѣта, или отвѣтъ откладывался. М-ръ Езекиель, теософъ изъ Пуны, описалъ мнѣ подробности полученнаго имъ отъ махатмы сообщенія въ отвѣтъ на его особый вопросъ. Эти подробности вполне согласны съ моимъ предположеніемъ относительно г-жи Блаватской, но м-ръ Езекиель не желаетъ, чтобы онѣ были напечатаны; однако онъ далъ мнѣ позволеніе подтвердить полную справедливость нижеслѣдующаго мѣста въ памфлетѣ г-жи Куломбъ (стр. 73):

„Есть другой феноменъ, о которомъ я могу упомянуть, такъ какъ онъ произошелъ въ присутствіи м-ра Езекиель, о которомъ я буду говорить позднѣе. Во время годовщины, въ числѣ многихъ делегатовъ, явившихся по этому случаю, находился и упомянутый делегтъ-мѣнъ. Онъ былъ въ числѣ другихъ въ комнатѣ г-жи Блаватской, когда съ потолка упало письмо. М-ръ Езекиель естественно предположилъ, что оно могло быть нарочно заранѣе туда засунуто, и объявилъ это, подъ величайшимъ секретомъ, многимъ изъ членовъ Общества. Тѣмъ не менѣе это дошло до ушей г-жи Блаватской, и она сейчасъ же велѣла моему мужу снять спираль, по которой проходила веревочка, и замазать отверстія краской, такъ чтобы уничтожить всѣ слѣды; когда это было сдѣлано, она позвала нѣко-торыхъ, чтобы показать, какъ смѣшно было обвиненіе“.

Слѣдующее письмо упало съ потолка въ гостиной г-жи Блаватской и, по всей вѣроятности, было устроено такъ же, какъ и „чудесное“ письмо, приготовленное для меня Куломбами, которое было описано въ апрѣльскомъ номерѣ *Журнала* въ моемъ нижеслѣдующемъ письмѣ изъ Индіи:

Мадрасъ, 9 января 1885 г.

Сегодня утромъ я пригласилъ къ себѣ Куломбовъ, живущихъ въ домѣ м-ра Дайера въ С-тѣ Томе. До прибытія г-жи Куломбъ, я короткое время разговаривалъ съ м-ромъ Куломбъ. Во время послѣдующаго разговора я замѣтилъ, что еще не имѣю удовлетвори-тельной теоріи относительно падающихъ съ потолка писемъ. Въ эту

минуту появилось что-то белое, коснулось моих волос и упало на полъ. Это было письмо. Я его поднялъ. Оно было адресовано на мое имя. Г-нъ и г-жа Куломбъ сидѣли недалеко отъ меня, напротивъ. Я не замѣтилъ съ ихъ стороны ни малѣйшаго движенія, которое могло бы относиться къ появленію письма. Разсматривая потолокъ со своего мѣста, я не замѣтилъ никакой трещины; потолокъ казался цѣлымъ. Развернувъ письмо, я убѣдился, что оно имѣетъ отношеніе къ нашему разговору. Вотъ оно буквально:

„Такъ какъ сегодня существующія причины предсказываютъ намъ завтрашніе результаты, то бутонъ предсказываетъ намъ заранѣе вполнѣ распустившуюся розу на завтра; глядя на роскошное хлѣбное поле, въ которое саранча положила свои яйца, мы можемъ предвидѣть, что этотъ хлѣбъ никогда не поступитъ въ амбары; видя чахоточнаго отца и золотушную мать, можно заранѣе предсказать болѣзненное дитя. Всѣ эти причины, вызвавшія всѣ эти результаты, суть въ свою очередь результаты другихъ причинъ, и такъ до безконечности; и такъ какъ ничто въ природѣ не теряется, но остается запечатлѣннымъ въ *акаша*, то точное познание *умиющаго видѣть*, начинающаго отъ источника, всегда неуклонно достигаетъ результата“.

„Новый Адептъ Колумбусъ“.

Затѣмъ м-ръ Куломбъ объяснилъ происхожденіе этого письма.

„Толстая балка поддерживала потолокъ, а на ней, подъ прямымъ угломъ, лежалъ цѣлый рядъ меньшихъ балокъ съ пустыми пространствами между ними. Эти пространства были наполнены кусками дерева, залитыми цементомъ. Часть этого цемента была выскоблена около большой балки и между двумя, малыми, такъ что письмо могло быть вложено и лежать вплоть къ большой балкѣ. Вокругъ письма была два раза обернута нитка подъ цвѣтъ потолка. Одинъ конецъ былъ свободно обернуть около письма, а другой въ рукѣ человѣка, въ комнаты. Отъ письма нитка была проведена по потолку и затѣмъ вверхъ изъ комнаты. Я сидѣлъ подъ главной балкой. Разговоръ былъ нарочно направленъ на данный сюжетъ и, по данному сигналу (зовъ собаки), помощникъ на верандѣ потянулъ нитку, и письмо упало. Помощникъ притянулъ къ себѣ всю нитку, и затѣмъ скрылся. Щель для письма можетъ быть затерта въ нѣсколько мгновеній простой пылью, такъ что на потолокъ не останется никакихъ слѣдовъ приспособленія“.

Потолокъ въ гостиной г-жи Блаватской былъ устроенъ точно такъ же, а потому годился для устройства подобныхъ феноменовъ. Кромѣ письма, полученнаго м-ромъ Езекиель, письмо, о которомъ упоминается въ приложеніи V, также упало въ этой комнатѣ. Я осмотрѣлъ балку и замѣтилъ щель, очень удобную для феноменовъ съ письмами; когда я оставилъ Мадрасъ, отверстіе еще существовало“.

Затѣмъ Годжсонъ заявляетъ, что всѣ конверты, имѣвшіе отношеніе къ феноменамъ съ письмами, видѣнные имъ у теосо-

фовъ, носили несомнѣнные признаки того, что они вскрывались и потомъ подклеивались и подпечатывались.

Послѣ отъѣзда Блаватской въ Европу, сообщенія махатмъ—за двумя упомянутыми исключеніями—находились не въ шкапу (schrine), а въ другихъ мѣстахъ, по большей части въ конторѣ, и во всѣхъ случаяхъ появленіе этихъ писемъ легко могло быть дѣломъ рукъ Дамодара.

Во время своего пребыванія въ Бомбей, Годжсонъ тщательно осмотрѣлъ мѣста, гдѣ главнымъ образомъ происходили чудеса съ письмами—комнату и чердакъ, входъ въ который черезъ трапъ въ потолокъ бывшей спальни Блаватской—и нашелъ, что описаніе, сдѣланное Куломбомъ, вполне точно и обстоятельно.

XIV.

Разобравъ, далѣе, еще нѣсколько случаевъ «падающихъ писемъ», гдѣ можно предположить, легче всего, обманъ,—Годжсонъ переходитъ въ своемъ отчетѣ къ феноменамъ, описаннымъ Синнеттомъ въ его книгѣ «The Occult World».

Первый описанный м-ромъ Синнеттомъ случай былъ случай съ письмомъ, написаннымъ имъ махатмѣ Кутъ-Хуми. „Окончивъ письмо, —говоритъ Синнеттъ,—я положилъ его въ конвертъ и отнесъ къ г-жѣ Блаватской, сидѣвшей въ гостиной съ моей женой. Я сказалъ: „Можете ли вы сдѣлать, чтобы его взяли и доставили мнѣ отвѣтъ?“ Она положила письмо въ карманъ и встала, чтобы идти къ себѣ въ комнату. Всѣ окна по обыкновенію были открыты. Когда она вышла, я подошелъ къ двери гостиной. Она не больше какъ на мгновеніе уходила у меня съ глазъ и вдругъ вскричала: „О! онъ взялъ его отъ меня!“ Я скорѣе преувеличу, если скажу, что не видѣлъ ее десять секундъ: Произнесъ это, она возвратилась въ гостиную, и мы всѣ вмѣстѣ прошли въ мою контору, въ задней части моего дома. Я занялся своимъ дѣломъ, а она просто лежала на софѣ у меня на глазахъ. Она пробыла такъ отъ 5 до 10 минутъ, когда вдругъ, поднявъ голову съ подушки и указывая на нее, она сказала: „вотъ ваше письмо“. Я долженъ замѣтить, что за мгновеніе до этого я ясно слышалъ странный шелестъ въ воздухѣ. Я полагаю, что никогда не слыхалъ подобнаго звука, и г-жа Блаватская спрашивала меня потомъ, слышалъ ли и его. Письмо лежало на подушкѣ, имя,

написанное мною на конвертѣ, было зачеркнуто и надъ нимъ написано мое собственное. Конвертъ былъ не распечатанъ и совершенно въ томъ же видѣ, какъ я отдалъ его г-жѣ Блаватской, исключая упомянутой помарки. Я раскрылъ конвертъ и нашелъ отвѣтъ на мой вопросъ махатмѣ“.

Изъ этого, данного намъ, сообщенія слѣдуетъ, что г-жа Блаватская и десяти секундъ не была внѣ наблюденія м-ра Синнетта, но въ сообщеніи, помѣщенномъ въ „Occult World“, говорится уже о *тридцати* секундахъ въ первомъ случаѣ и кромѣ того, что въ собственной комнатѣ м-ра Синнетта г-жа Блаватская не была у него на глазахъ *одну или две* минуты. Послѣ этого я не могу быть увѣренъ, что г-жа Блаватская не пробыва у себя въ комнатѣ гораздо болѣе 30 секундъ, а также, что она не уходила въ какую-нибудь другую комнату во время короткаго интервала въ „нѣсколько минутъ“, посвященнаго м-ромъ Синнеттомъ на разговоръ съ женой въ сосѣдней комнатѣ. Даже не считая этой неувѣренности, я не могу придавать ни малѣйшаго значенія этому случаю, послѣ того какъ при вторичной попыткѣ мнѣ удалось, въ условіяхъ, описанныхъ м-ромъ Синнеттомъ, въ теченіе *одной* минуты вскрыть обыкновенный конвертъ, прочитать письмо и написать отвѣтъ такой же длины, какъ описанные, и затѣмъ снова закрыть конвертъ, такъ что не осталось слѣдовъ, что его открывали, и мнѣ кажется, что для г-жи Блаватской, благодаря вѣроятно большой ловкости и практикѣ, было достаточно для этого 30 секундъ. Я не предполагаю, чтобы м-ръ Синнеттъ продолжалъ утверждать, что слышанный имъ шелестъ не могъ быть устроенъ находившимися въ распоряженіи г-жи Блаватской средствами.

Слѣдующій случай, описываемый м-ромъ Синнеттомъ, произошелъ въ Кроу Нестъ и описанъ въ его сообщеніи.

„Я ожидалъ письма отъ Кутъ-Хуми, но, прибывъ въ Бомбей, не нашелъ его въ главной квартирѣ. Я писалъ, прося отвѣта на многіе вопросы. Я пріѣхалъ поздно ночью и на слѣдующее утро ходилъ по верандѣ, разговаривая съ г-жею Блаватской. Мы зашли въ узкую комнату съ большимъ столомъ по срединѣ, въ которой я ночевалъ. Разговаривая, я сѣлъ и она также, на довольно большомъ отъ меня разстояніи. Я сказалъ: „Почему это мнѣ нѣтъ отвѣта?“ Она отвѣчала: „Можетъ быть онъ хочетъ прислать его прямо вамъ. Постарайтесь употребить въ дѣло вашу силу воли и обратитесь къ нему. Просите прислать вамъ отвѣтъ“. Я возразилъ: „Нѣтъ, я подожду; онъ рано или поздно навѣрно отвѣтитъ“. Въ эту минуту передо мной на столѣ упалъ конвертъ. Это былъ большой конвертъ съ 30 страницами письма. Пакетъ сталъ видимъ только невысоко надъ столомъ, не болѣе двухъ футовъ, хотя я не придаю большого значенія точности этого разстоянія. Въ комнатѣ было очень свѣтло.

М-ръ Герней (членъ коммисіи). Знала ли г-жа Блаватская ранѣе этого разговора съ вами, что вы писали и ждали отвѣта?

М-ръ Синнеттъ. Конечно; но я придаю главное значеніе тому, что это случилось при яркомъ свѣтѣ, въ комнатѣ, гдѣ я спалъ предъидущую ночь и гдѣ пробылъ все утро, входя и выходя не надолго.

Все произошло вполне на моих глазах. Г-жа Блаватская не могла бросить письма своими руками. Все обстоятельства несовместны с таким предположением. Я в это время не писалъ, а разговаривалъ съ нею, и самая мысль, чтобы она могла бросить письмо — нелѣпа. (См. „The Occult World“, стр. 120).

Не мѣшаетъ обратить вниманіе, что замѣчаніе г-жи Блаватской, чтобы м-ръ Синнеттъ „употребилъ свою силу воли“, въ случаѣ его отказа, какъ это и случилось, было рассчитано на то, чтобы сдѣлать феноменъ еще поразительнѣе; надо также сказать, что м-ромъ Синнеттомъ не было произведено никакого осмотра ни потолка комнаты, ни пола чердака надъ нею. По словамъ м-ра Куломба, пакетъ былъ положенъ въ трапъ въ потолокъ еще съ вечера наканунѣ, но вслѣдствіе поздняго пріѣзда м-ра Синнетта феноменъ отложили до слѣдующаго утра. Комната, гдѣ упало письмо, уже описана ранѣе и случай не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій.

Третій случай былъ съ запечатаннымъ конвертомъ и видимо считается м-ромъ Синнеттомъ, въ его сообщеніи комиссіи, „совершенно полнымъ“. (См. „The Occult World“, стр. 95 — 96). Этотъ конвертъ, заключавшій письмо отъ братьевъ и, по предварительномъ заклеиваніи и запечатаніи, данный м-ромъ Синнеттомъ г-жѣ Блаватской, находился у нея нѣсколько часовъ, а когда былъ возвращенъ м-ру Синнетту, то онъ нашелъ его „совершенно нетронутымъ, совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ отдалъ его“. Вскрывъ конвертъ, м-ръ Синнеттъ нашелъ въ немъ не только свое письмо, но и отвѣтъ Кутъ-Хуми. М-ръ Синнеттъ показывалъ мнѣ этотъ конвертъ, и не могу сказать, чтобы онъ показался мнѣ совершенно нетронутымъ, напротивъ, судя по длинѣ четвертинокъ конверта, припечатанныхъ лишь съ нижней стороны, письмо можно было вынуть и вложить совершенно свободно; а если притомъ клей былъ такъ или иначе расклеенъ, то это становилось еще легче.

Послѣдній, описанный м-ромъ Синнеттомъ, случай, касается ментальнаго переноса изъ Бомбея въ Аллахабадъ куска гипса. Вотъ вкратцѣ описаніе этого случая. Полковникъ Олкоттъ, въ сопровожденіи м-ра Бавани Рао, ѣхалъ изъ Бомбея въ Калькутту и по дорогѣ остановился въ Аллахабадѣ у м-ра Синнетта. Однажды вечеромъ, возвратясь домой, въ числѣ многихъ полученныхъ телеграммъ м-ръ Синнеттъ нашелъ одну отъ махатмы М., въ которой говорилось, чтобы онъ искалъ у себя въ комнатѣ кусокъ гипсового барельефа, который М. только-что мгновенно перенесъ изъ Бомбея. М-ръ Синнеттъ нашелъ этотъ кусокъ въ ящикѣ своего письменнаго стола. Документъ, подписанный въ Бомбей, показываетъ, что около этого времени, какъ м-ръ Синнеттъ нашелъ этотъ кусокъ, многими лицами, сидѣвшими на верандѣ, рядомъ съ кабинетомъ г-жи Блаватской былъ услышанъ громкій стукъ чего-то падающаго и разбивающагося. Оказалось, что со стѣны упалъ гипсовый медальонъ. Когда подобрали осколки, оказалось, что недостаетъ одного куска. Вскорѣ послѣ этого г-жа Блаватская ушла къ себѣ въ комнату и затворила дверь. Черезъ минуту она позвала м-ра Тукарама Татіа и

*

показала ему бумагу, написанную почеркомъ махатмы М., гдѣ говорилось, что онъ перенесъ недостающій кусокъ въ Аллахабадъ. Черезъ нѣсколько дней обломки были посланы м-ру Синнетту, и его кусокъ „совершенно пришелся“. Конечно слабый пунктъ этого случая тотъ, что нѣтъ доказательствъ, чтобы кусокъ, полученный м-ромъ Синнеттъ, былъ въ Бомбей въ то время, когда разбился медальонъ, кромѣ словъ г-жи Блаватской, „которая удостовѣрила, разспросивъ прислугу, что всѣ украшенія были вычищены два дня тому назадъ и тогда медальонъ былъ цѣлъ“.

Что надо было сдѣлать, въ случаѣ, если тотъ феноменъ — обманъ? Предположимъ что г-жа Блаватская, начавъ отламывать отъ медальона уголокъ, сломала его весь на куски. Послѣ нѣкотораго затрудненія м-ръ Куломбъ собралъ эти куски вмѣстѣ, кромѣ одного, и прикрѣпилъ ихъ къ картону, который повѣсилъ на стѣну, прикрѣпивъ веревку такимъ образомъ, чтобы его можно было всегда сдернуть, потянувъ за эту веревку. М-ръ Куломбъ, уѣзжая съ женой въ Пуну, показалъ Бабулѣ, что надо сдѣлать. (М-ръ Куломбъ утверждаетъ, что это такъ было). Кусокъ гипса данъ или посланъ какому-нибудь сообщнику, чтобы положить въ столъ м-ру Синнетту вмѣстѣ съ запиской, написанной почеркомъ „махатмы М.“, чтобы положить на столъ; часъ выбранъ 7 ч. дня 11 марта, по Бомбейскому времени, и въ назначенное время Бабула дергаетъ за веревку, медальонъ со стукомъ падаетъ, и свидѣтели слышатъ трескъ и подбираютъ осколки. Г-жа Блаватская идетъ къ себѣ въ комнату и пишетъ записку махатмы. Между тѣмъ сообщнику удалось превратить записку въ телеграмму, на телеграфномъ бланкѣ. Тому же сообщнику могли быть даны двѣ записки Кутъ-Хуми, полученные м-ромъ Синнеттъ въ то время, какъ м-ръ Бавани Рао былъ въ Аллахабадъ. Въ тѣхъ мѣстахъ первой записки, которыя м-ръ Синнеттъ приводитъ въ „Occult World“, нѣтъ ничего, что нельзя было бы написать заранее, а вторая, судя по сообщенію м-ра Синнетта о ея содержаніи, тоже могла быть заранее внушена имъ самимъ. Въ ней, по словамъ м-ра Синнетта, просто говорится: „что то, что я задумалъ, невозможно и что онъ (Кутъ-Хуми) напишетъ мнѣ болѣе подробно черезъ Бомбей. Это замѣчательно похоже на тотъ *en cas*, который г-жа Блаватская приготовила для генерала Моргана (Адйарское блюдечко) и который, такъ какъ генералъ ничего не спросилъ, остался у Куломбовъ. Еслибы мнѣ на мои объясненія возразили, что единственнымъ сообщникомъ можетъ быть самъ м-ръ Бавани Рао, я отвѣчу, что не считаю этого возраженія за важное. Я уже указалъ достаточно поводовъ вѣрить тому, что г-жа Блаватская имѣла настолько вліянія на двухъ молодыхъ образованныхъ туземцевъ, чтобы заставить ихъ помогать ей обманамъ, и изъ того, что я знаю о м-рѣ Бавани Рао, или какъ его всѣ зовутъ Бавани Шанкаръ, я не вижу почему бы ему не быть третьимъ ея пособникомъ. (См. приложение IX).

Теперь перехожу къ остальнымъ феноменамъ, описываемымъ м-ромъ Синнеттомъ въ „Occult World“. Прежде всего обратимся къ

„ударамъ“ и „астральному звону“, въ которыхъ м-ръ Синнеттъ видѣть важныя подтвержденія феноменовъ. Я приведу здѣсь мѣсто изъ „The Occult World“, стр. 35:

„Опираясь на такую сильную поддержку, какъ вѣрность основныхъ теорій новѣйшей физики, нельзя дѣйствовать иначе, какъ путемъ научныхъ изслѣдованій. Я старался тщательно исключить не только вѣроятность, но даже возможность плутовства; а гдѣ это было невозможно, результаты тѣхъ опытовъ не входятъ въ общую сумму моихъ заключеній“.

Однако, судя по тому, что я знаю о способѣ дѣйствій м-ра Синнетта, я прихожу къ тому мнѣнью, что его путь изслѣдованій не можетъ быть никакъ названъ „научнымъ“, и что, по всей вѣроятности, тотъ же недостатокъ необходимыхъ предосторожностей характеризуетъ его соблюденіе „образцовыхъ условий“ въ тѣхъ примѣрахъ, которые я не могъ лично провѣрить, какъ въ тѣхъ, гдѣ я имѣлъ случай ихъ провѣрить. Такъ напр., я не принималъ участія въ образованіи цѣпи рукъ, какъ м-ръ Синнеттъ описываетъ на стр. 33, но я не могу придавать никакого значенія его показаніямъ объ этомъ и подобныхъ случаяхъ, послѣ того, какъ провѣрилъ другіе случаи, о которыхъ онъ говоритъ съ такой же, если не большей, увѣренностью. Удары, происходящіе, когда г-жа Блаватская кладетъ руки на голову пациента, я хотя и провѣрялъ, но не могу ничего сказать, такъ какъ г-жа Блаватская сидѣла за мною, и я не могъ наблюдать за ея пальцами. Она не предупредила меня, что хочетъ дѣлать и я предполагалъ, что она желаетъ меня „месмеризировать“; такъ называемые „толчки“, которые я чувствовалъ, произвели на меня впечатлѣніе простого выраженія нетерпѣнія со стороны г-жи Блаватской. Когда же мое вниманіе было обращено на эти толчки, то я совсѣмъ не нашелъ, чтобы они были похожи на толчки отъ разряда электричества, какъ говоритъ м-ръ Синнеттъ. Рѣзкое чувство дрожи совершенно отсутствовало. Къ сожалѣнію, я не могу легко щелкать суставами пальцевъ, я могу только слабо щелкать суставами большихъ пальцевъ, но когда я ударилъ себя такъ по головѣ, то „характеръ“ удара былъ такой же, какъ и отъ ударовъ, полученныхъ отъ ловкихъ рукъ г-жи Блаватской. Я однако не думаю представлять этого объясненія, удовлетворяющаго меня, за вѣрное объясненіе опытовъ м-ра Синнетта. Правда, м-ръ Синнеттъ считаетъ это предположеніе „идіотствомъ“ („O W.“ стр. 33), но тамъ дѣло идетъ о предположеніи, что письмо, описанное имъ, какъ „материализованное или возстановленное въ воздухѣ“, есть результатъ скрытаго аппарата. Предположеніе это онъ считаетъ „глупымъ до смѣшнаго“ (стр. 120), несмотря на то, что феноменъ случился въ главной квартирѣ Теософическаго Общества, что въ потолокъ было множество отверстій, и что на чердакѣ наверху могли быть устроены всевозможныя приспособленія. М-ръ Синнеттъ съ негодованіемъ отвергаетъ предположеніе, чтобы г-жа Блаватская могла производить „удары“ или „звонъ“ при помощи какой-нибудь скрытой на ней машинки; но я не могу не предположить, чтобы послѣдніе звуки не были производимы

чѣмъ-либо въ этомъ родѣ. Г-жа Куломбъ утверждаетъ, что ихъ происхожденіе именно таково, при помощи машинки, какія бывають въ часахъ съ репетиціей. Она показала мнѣ платя, на которыхъ, съ правой стороны, немного ниже талии, было пятно, какъ отъ ржавчины, по ея словамъ происходившее отъ тренія этой машинки¹⁾. Она говорила также, что часто Бабула относилъ машинку на крышу или куда-нибудь въ другія комнаты и даже помѣщалъ ее внѣ дома, что же касается тѣхъ случаевъ, когда ее брала сама г-жа Блаватская, то для приведенія ея въ дѣйствіе было достаточно легкаго нажатія рукою, совершенно незамѣтнаго для окружающихъ. Мнѣ кажется, что „астральные звоны“ вполне могутъ этимъ объясняться, и я долженъ напомнить читателю важное обстоятельство, которое м-ръ Синнеттъ просмотрѣлъ, а именно—большую неопредѣленность всякой локализациі звуковъ, которыхъ родъ и происхожденіе неизвѣстны, особенно чистыхъ звуковъ, какими онъ описываетъ „астральные звоны“, и большую легкость внушенія, при помощи всякаго пустого указанія, ложнаго представленія о мѣстѣ происхожденія звука. Далѣе мы можемъ предположить, не вдаваясь въ большую крайность, что у г-жи Блаватской могла быть не одна машинка, такъ что звуки могли раздаваться въ одно время въ разныхъ мѣстахъ. Однако, судя по аргументамъ м-ра Синнетта (стр. 41), ему не приходило въ голову, чтобы, имѣя одну машинку, г-жа Блаватская могла имѣть ихъ двѣ.

„Веденный немного лучше, этотъ случай могъ бы быть образцовымъ“ (стр. 43, „Occult World“) — для извѣстнаго класса читателей это приводится, не „какъ доказательство, а какъ случай“ и съ этой точки зрѣнія стоитъ краткаго обсужденія. М-съ Синнеттъ „отправилась однажды послѣ полудня съ г-жей Блаватской на вершину сосѣдняго холма, въ сопровожденіи одного знакомаго“. Прийдя туда, г-жа Блаватская спрашиваетъ м-съ Синнеттъ „ея задушевное желаніе“. Такъ какъ переписка м-ра Синнетта съ „Кутъ-Хуми“ началась повидимому около этого времени²⁾, то было весьма вѣроятно, что м-съ Синнеттъ интересовалась мыслью получать сообщенія отъ „адептовъ“, и можно было предполагать, какъ это и случилось, что она попроситъ о „запискѣ отъ братьевъ“. Сверхъ того, г-жа Блаватская повидимому не гарантировала исполненія „сердечнаго“ желанія, прежде чѣмъ узнаетъ, въ чемъ оно заключается, точно также не гарантировала она и исполненія желанія м-съ Синнеттъ, чтобы письмо „прилетѣло и упало ей на колѣни“ и это желаніе не исполнилось. „Послѣдовалъ разговоръ, будетъ ли этотъ способъ наилучшимъ, и единогласно было рѣшено, что лучше пусть записка окажется на извѣстномъ деревѣ“. М-ръ Синнеттъ не придаетъ никакого значенія обстоятельству, что бумага, сложенная г-жею Блаватской, и розовая записка, полученная м-съ

¹⁾ Въ сентябрѣ 1886 г., въ Вюрдбургѣ, какъ будетъ видно далѣе, я собственными глазами убѣдился въ существованіи этой «машинки». *Вс. С.*

²⁾ Незвѣстно, получилъ ли онъ свое первое письмо отъ Кутъ-Хуми; но второго навѣрно еще не получалъ. *Годжсонъ.*

Синнеттъ, могли быть одно и то же, точно также, какъ человѣкъ, знающій, что значить искать въ кустахъ, нисколько не удивится, что м-съ Синнеттъ не сразу замѣтила „маленькую розовую записку“, которая „висѣла прямо передъ ея лицомъ“. Записка была „защемлена въ переломленный сучекъ видимо свѣже-сломанный, потому что онъ былъ еще совершенно свѣжъ и зеленъ, и листья нисколько не завяли, что неминуемо случилось бы, еслибы онъ былъ сломанъ заранѣе“. Это „заранѣе“ довольно неопредѣленно.

Этотъ случай очень поучителенъ. Знакомый, сопровождавшій г-жу Блаватскую и мистриссъ Синнеттъ, былъ полковникъ Олкоттъ, который, согласно его дневнику, видѣлъ наканунѣ „въ полевой бинокль, человѣка въ бѣломъ“, дѣлавшаго ему знаки. „Человѣкъ въ бѣломъ“ можетъ объяснить путешествіе на холмъ; онъ можетъ также служить объясненіемъ розовой записочки на деревѣ. Мы не можемъ никакъ узнать, сколькими изъ приготовленій г-жи Блаватской ей не удалось воспользоваться, вслѣдствіе ихъ неудачности; но данный случай ясно представляетъ во всякомъ случаѣ частичную неудачу, или, если хотите, неполную удачу. Еслибы м-съ Синнеттъ дала другой отвѣтъ на „шутливый вопросъ“ г-жи Блаватской, то мы по всей вѣроятности совсѣмъ не узнали бы ни о разговорѣ, ни о прегулкѣ. М-ръ Синнеттъ не говоритъ, кто изъ двухъ, г-жа Блаватская или полковникъ Олкоттъ (имени котораго онъ не называетъ) возразилъ противъ желанія м-съ Синнеттъ, чтобы письмо „прилетѣло ей на колѣни“, точно также какъ и то, какого рода было возраженіе¹⁾. Однако подразумѣвается, что г-жа Блаватская указала дерево, выбранное „братомъ“. Отчего указала она сначала не то дерево? Можетъ быть она предполагала, что м-съ Синнеттъ можетъ указать на другое; или вышла какая-нибудь ошибка между нею самою и „человѣкомъ въ бѣломъ“? Въ запискѣ говорилось: „Меня просили доставить сюда для васъ записку, что могу я для васъ сдѣлать?“ Слова эти, нельзя сказать, чтобы особенно подходили къ случаю: вѣдь по словамъ м-ра Синнетта „братья“ сами выбрали мѣсто.

Теперь мы „переходимъ къ событіямъ весьма замѣчательнаго дня“ („Occult World“, стр. 44—59), дня пикника въ Симлѣ, 3 октября 1880 г.,—дня чашки и блюдечка, графина и брошки м-съ Юмъ. Отчетъ полковника Олкотта, помѣченный 4 октября 1880 г. и посланный тогда же циркуляромъ всѣмъ членамъ Теософическаго Общества, бросаетъ замѣчательный свѣтъ на рассказъ м-ра Синнетта. Такимъ образомъ, въ то время какъ, судя по описанію событій м-ромъ Синнеттомъ, г-жа Блаватская не играла никакой роли при выборѣ мѣста для завтрака, изъ рассказа полковника Олкотта выходитъ совершенно противное. Онъ пишетъ:

¹⁾ Въ газетномъ отчетѣ, видѣнномъ мною, было сказано, что г-жа Блаватская высказала мнѣніе «адепта», что если записка упадетъ на колѣни г-жѣ Синнеттъ, то вслѣдствіи могутъ сказать, что ее незамѣтно бросила г-жа Блаватская, и что потому онъ (адептъ) предлагаетъ помѣстять ее на известное дерево. Это замѣчаніе однако не дѣлалось въ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтели находились подъ просверленными балками или потолками со щелями. *Годжсонъ*.

„Вчера былъ великій день для феноменовъ г-жи Блаватской. Утромъ она отправилась на пикникъ съ м-ромъ и м-ссь Синнеттъ, майоромъ Х., м-ромъ С. М., м-ссь Р. и мною. Хотя она никогда раньше не бывала въ Симлтѣ, она указывала намъ куда идти, описывая маленькую мельницу, существованіе которой отрицали Синнетты, майоръ и даже туземцы. Она упомянула также о находившемся по близости Тибетскомъ храмѣ. Мы дошли до *описаннаго ею мѣста* и нашли *шагахъ въ десяти мельницу*; когда мы сѣли въ тѣнь, прислуга подала закуску“.

Я получалъ отъ полковника Олкотта не только копію циркуляра, изъ котораго взято это мѣсто, но и выписку изъ его дневника, а также и словесныя объясненія. Изъ этихъ послѣднихъ оказалось, что г-жа Блаватская и Х. шли впереди всѣхъ, что г-жа Блаватская описала дорожку, по которой надо было идти; что г-жа же Блаватская и тотъ же Х. выбрали и мѣсто для завтрака; что затѣмъ Х. и м-ръ Синнеттъ ходили искать другого мѣста, но рѣшили остаться на прежнемъ.

Такъ какъ въ разсказѣ м-ра Синнетта это мѣсто оказывается мѣстомъ, которое „нельзя было предположить, чтобы оно было выбрано“ (стр. 49), то мы не можемъ придать большаго значенія и его показанію о томъ, что чашка съ блюдечкомъ были такія, „какихъ трудно подобрать“.

По всей вѣроятности, слуга г-жи Блаватской, туземецъ Бабула, ловкій молодой малый, бывшій раньше, какъ я узналъ, въ услуженіи у француза-фокусника, могъ бы гораздо больше освѣтить событія этого дня, чѣмъ разсказъ полковника Олкотта. Предварительное зарытіе чашки и блюдечка, описаніе г-жѣ Блаватской мѣстности, выборъ опредѣленнаго сервиза для пикника, — исполненіе всего этого было вполнѣ въ средствахъ Бабулы. Относительно позднѣйшей части дня, когда все общество перешло въ другую часть лѣса, м-ръ Синнеттъ пишетъ на стр. 51: „Х. и еще одинъ другой джентльменъ ходили гулять“. Изъ описанія полковника Олкотта видно, что они ходили назадъ къ прежнему мѣсту стоянки, чтобы убѣдиться, не было ли тамъ слѣдовъ, что чашка и блюдечко были зарыты самымъ обыкновеннымъ способомъ и по возвращеніи выражали убѣжденіе, что это могло такъ быть, но что во время поисковъ земля была такъ перерыта на этомъ мѣстѣ, что нельзя уже ничего найти. До возвращенія общества съ пикника уже стало извѣстно, что трое изъ числа его членовъ, м-ссь Р., м-ръ С. М. и майоръ (котораго м-ръ Синнеттъ называетъ Х.) не удовлетворены „феноменомъ“, трое вѣрующихъ были м-ръ и м-ссь Синнеттъ и полковникъ Олкоттъ, которые и ранѣе вполнѣ вѣрили въ г-жу Блаватскую. Вскорѣ послѣ этого майоръ Гендерсонъ прислалъ въ *Times of India* письмо, въ которомъ говорить: „Въ упомянутый день я заявилъ, что блюдечко недостаточный феноменъ, не заключающій въ себѣ всѣхъ необходимыхъ условій непогрѣшимости. Мои основательныя сомнѣнія были приняты за личное оскорбленіе, и я скоро убѣдился, что скептическій складъ ума неблагоприятенъ для чудесъ теософіи... Я не теософъ и не вѣрю

въ феномены, которымъ не придаю никакой цѣны, и не имѣю ни малѣйшаго намѣренія какимъ бы то ни было образомъ помогать дѣлу Общества“.

Скрытие диплома и продѣлка съ графиномъ воды были для Бабулы еще легче. Противъ разсказа м-ра Синнетта о находкѣ диплома м-ромъ Х., я имѣю разсказъ полковника Олкотта, что кустъ, гдѣ былъ найденъ дипломъ, былъ указанъ г-жею Блаватской; этотъ разсказъ взять изъ дневника полковника, гдѣ онъ пишетъ: „Она указала мѣсто и приказала ему искать. Онъ нашелъ свой дипломъ... подъ низкимъ кедровымъ деревомъ“. Далѣе говорится: „Позднѣе у насъ не хватило воды, и она наполнила графинъ чистой водой, прикрывъ его своимъ рукавомъ“. По поводу этого м-ръ Синнеттъ много распространяется относительно замѣчательной глупости одного кули, посланнаго съ запиской на сосѣднюю пивоварню за водой и возвратившагося обратно съ пустыми графинами, потому что не нашелъ тамъ ни одного европейца, чтобы отдать записку. По всей вѣроятности одинъ изъ этихъ „пустыхъ“ графиновъ былъ поданъ г-жѣ Блаватской для ея опыта. Кто могъ быть этотъ неестественно глупый кули? Конечно не слуга г-жи Блаватской — Бабула, Трудно предположить, чтобы м-ръ Синнеттъ говорилъ о Бабулѣ, какъ о кули, и конечно сильно бы ошибся, приписывая ему неестественную глупость, вмѣсто чрезмѣрной ловкости. А между тѣмъ именно о Бабулѣ и говорится такимъ образомъ. Полковникъ Олкоттъ, разсказавъ, какъ, желая написать чаю, они увидали, что нѣтъ больше воды, пишетъ:

„Прислуга была послана за водой въ разныя стороны, но ничего не нашла. Въ то время какъ Бабула хотѣлъ вторично идти за водой, г-жа Блаватская спокойно подошла къ корзинамъ съ провизией, взяла пустой графинъ и, закрывъ его широкимъ рукавомъ своего платья, прямо пошла къ тому мѣсту, гдѣ мы сидѣли на травѣ. *Графинъ былъ полонъ чистѣйшей и прекраснѣйшей водой, которую мы всѣ пробоваали*“.

Допустивъ, что Бабула присутствовалъ при этомъ, тотъ фактъ, что всѣ графины были пусты и потомъ одинъ изъ нихъ наполнился, можетъ быть очень легко объясненъ самымъ естественнымъ путемъ. Замѣчательно, какъ въ разсказѣ м-ра Синнетта Бабула отодвинуть на задній планъ; безъ сомнѣнія это сдѣлано не преднамѣренно; но если это такъ, то м-ра Синнетта нельзя не обвинить въ замѣчательномъ отсутствіи наблюдательности.

Наконецъ перейдемъ къ „знаменитому случаю съ брошью“ (Oscult World стр. 54—59). По этому поводу достаточно сказать, что эта брошь была въ числѣ нѣсколькихъ драгоценныхъ вещей, данныхъ г-жею Юмъ особѣ, которая въ свою очередь подѣлилась ими съ другою особою, а та „разсталась со многими изъ нихъ“. Затѣмъ фактически установлено, что многія изъ этихъ вещей не задолго до этого прошли черезъ руки полковника Олкотта. Онъ не помнитъ этой броши, но весьма вѣроятно, хотя и не доказано, что въ это время г-жа Блаватская могла имѣть случай приобрести эту брошь. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что она отдавала въ починку м-ру

Гормузджи С. Сирвай въ Бомбей брошь, которую онъ ей возвратилъ незадолго до этого. Когда же „случай съ брошью“ былъ напечатанъ, м-ръ Гормузджи нашелъ, что по описанію это та самая брошь, которую онъ чинилъ для г-жи Блаватской. Я долженъ прибавить, что показаніе м-ра Гормузджи подтверждается двумя другими свидѣтелями, вспомнившими, что, немедленно по напечатаніи „случая съ брошью“, онъ говорилъ, что по описанію это та брошь, которую ему давала г-жа Блаватская. То обстоятельство, что м-съ Юмъ пожелала, чтобы „братья“ возвратили ей именно эту вещь, м-ръ Юмъ склоненъ объяснить мысленнымъ внушеніемъ со стороны г-жи Блаватской, вѣроятно настойчиво желавшей, чтобы г-жа Юмъ думала объ этой броши. Я не оспариваю этого мнѣнія, хотя не могу глядѣть на этотъ случай, какъ на доказанный примѣръ телепатіи. Г-жа Блаватская могла настолько знать исторію этой броши, что ей было легко навести мысль г-жи Юмъ на эту семейную драгоценность, не возбуждая подозрѣнія присутствующихъ.

Разсматривая подобные случаи, не слѣдуетъ забывать, что намъ неизвѣстно, сколько „феноменовъ“, подготовленныхъ г-жею Блаватской, не удалось. Ей могло не удастся навести разговоръ на желаемую тему; ее могли просить о вещахъ, которыхъ у нея не было, и приходилось отказывать подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ: могло случиться давать отвѣтъ на письмо, котораго не удалось прочесть, а потому въ отвѣтъ махатмы не дать отвѣта на главный вопросъ непрочитаннаго письма; ее могли просить о феноменѣ совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ заготовленный; она не могла предвидѣть такихъ случайностей, какъ отсутствіе лицъ, необходимыхъ для даннаго феномена, и такъ далѣе.

Есть множество примѣровъ различныхъ неудачъ такого рода, которыя, я думаю, м-ръ Синнеттъ сочтетъ болѣе чѣмъ интересными „случаями“. Таковъ случай, приготовленный для капитана Мэтленда. Г-жа Блаватская объявила ему, что подъ рогомъ единорога на гербѣ подъ статуей герцога Уэльскаго, напротивъ Отеля Уатсона въ Бомбей, должна лежать папироса, привязанная ея волосомъ. Мэтлендъ телеграфировалъ изъ Симлы въ Бомбей м-ру Бранту, прося немедленно пойти за папиросой, но м-ръ Брантъ не нашелъ ея въ описанномъ мѣстѣ. Г-жа Куломбъ говоритъ, что она должна была отнести эту папиросу, но что она „не подходила близко къ этому мѣсту“. Отсюда и неудача, не упомянутая м-ромъ Синнеттъ. Письма Блаватской къ Куломбамъ совершенно дискредитируютъ феномены съ папиросами и сразу видно, что всѣ тѣ, о которыхъ упоминаетъ м-ръ Куломбъ, могли легко быть устроены самой г-жею Блаватской. Въ первомъ приводимомъ имъ случаѣ съ г-жею Горданъ не говорится, гдѣ было „указанное мѣсто“, на которомъ нашлась папироса. Въ двухъ другихъ примѣрахъ папиросы нашлись въ мѣстахъ, гдѣ онъ пролежали нѣкоторое время незамѣченными, пока ихъ не стали специально розыскивать и г-жа Блаватская, или Бабула — по ея приказанію — могли положить ихъ туда заранѣе. М-ръ Синнеттъ говоритъ: „для лицъ, которыя не видѣли, какъ дѣлала г-жа Блаватская свои фено-

мены съ папиросами, не бесполезно замѣтить, что она дѣлала не какъ какой-нибудь фокусникъ" — и конечно такимъ лицамъ трудно себя представить, съ какимъ глубокимъ убѣжденіемъ м-ръ Синнеттъ говорить о тождественности оторваннаго кусочка бумаги съ кусочкомъ, даннымъ перципиенту. (*Occult World* стр. 63).

„Вы берете два листка бумаги и отрываете отъ обоихъ одинаковый уголь. Вы дѣлаете изъ одного листка папиросу и кладете туда, гдѣ она должна быть окончательно найдена. Затѣмъ другую бумажку кладете подъ новую, которую разрываете на глазахъ зрителей, вкладываете одинъ изъ заранее оторванныхъ уголковъ ему въ руку вмѣсто того, который онъ видѣлъ, какъ вы разрывали, дѣлаете папиросу изъ другой части первоначальной бумажки, кладете куда вамъ нравится и приглашаете найти приготовленную папиросу. Не трудно придумать разнообразныя условія“.

Наивное замѣчаніе м-ра Синнетта, что увѣренность присутствующихъ въ отсутствіи всякаго плутовства можетъ быть обезпечена отмѣтками карандашемъ на папиросѣ, доказываетъ только его полное незнаніе, что такое фокусничество, такъ какъ изъ его же словъ видно, что отмѣтки дѣлала сама г-жа Блаватская и что когда это хотѣлъ сдѣлать капитанъ Мэтлендъ, *(на отклонила его предложеніе „отмѣтить или разорвать бумажку“)*. Затѣмъ далѣе:

„Когда папироса была сдѣлана, г-жа Блаватская встала и, взявъ ее въ руки, стала вертѣть. По прошествіи 20 или 30 секундъ, шелестъ бумаги, сначала ясно слышимый, прекратился“.

„Изъ остальной бумаги она приготовила папиросу обыкновеннымъ способомъ, и черезъ нѣсколько мгновеній эта папироса исчезла у нея изъ рукъ“.

Однимъ словомъ, если дѣйствительно эти феномены съ папиросами не были фокусами, то описаніе м-ра Синнетта должно быть совершенно невѣрно.

Относительно портретовъ, нарисованныхъ въ домѣ м-ра Синнетта (*Occult World* стр. 137—139), достаточно сказать, что г-жа Блаватская крайне искусна въ рисованіи какъ карандашемъ, такъ и кистью. Я самъ видѣлъ образчики ея работы, какъ разъ въ томъ родѣ, какъ описанные м-ромъ Синнеттомъ, гдѣ контуры лица на бѣлой бумагѣ отдѣлялись контрастомъ съ „туманно-синей тушевкой“ вокругъ ¹⁾.

Вообще я считаю себя въ правѣ сказать, что феномены, помѣщенные м-ромъ Синнеттомъ въ *Occult World*, описаны имъ менѣе удовлетворительно, чѣмъ всякій непосвященный, но проницательный зритель могъ бы описать фокусы обыкновеннаго фокусника: что дополнительныя свѣдѣнія о нихъ, пріобрѣтенныя мною, доказы-

¹⁾ Синій карандашъ вообще былъ въ большомъ употребленіи въ главной квартирѣ У меня былъ особенный патентованный синій карандашъ, который я далъ разъ м-ру Баваджи, чтобы написать адресъ. Увидя карандашъ, онъ восхитился и необдуманно вскричалъ: „О! какъ бы этотъ карандашъ былъ хорошъ для...“ Для рисунковъ Кутъ-Хуми, подумалъ я, но м-ръ Баваджи во-время опомнился и не кончилъ фразы. *Годжсонъ*.

вають его полное неумѣнье принимать необходимыя предосторожности противъ обмана.

Показаніе м-ра А. О. Юма.

(впослѣдствіи правительственнаго министра-секретаря Индіи).

Такъ какъ м-ръ Юмъ принималъ большое участіе въ первоначальномъ развитіи въ Индіи Теософическаго Общества и даже писалъ по этому поводу, то мнѣ кажется небезъинтереснымъ обратить вниманіе на ту перемѣну, которая произошла съ тѣхъ поръ въ его мнѣніи о феноменахъ г-жи Блаватской. Будучи въ Индіи, я много и подолгу бесѣдовалъ съ м-ромъ Юмомъ и уже указывалъ на его мнѣніе, по поводу возвращенія броши м-ссы Юмъ, что эта брошь могла весьма легко быть пріобрѣтена г-жею Блаватской заранее и самымъ обыкновеннымъ путемъ. Задолго до напечатанія корреспонденціи Блаватской-Куломбъ, м-ръ Юмъ уже нашелъ, что многіе изъ феноменовъ г-жи Блаватской были обманомъ, и что нѣкоторыя изъ мнимыхъ писемъ махатъ были дѣломъ самой г-жи Блаватской. Разъ или два ему случилось видѣть замѣтки м-ра Субба Роу, туземца теософа, относительно нѣкоторыхъ философскихъ вопросовъ, а затѣмъ онъ сразу узналъ содержаніе этихъ замѣтокъ въ писаніяхъ махатъ (полученныхъ имъ самимъ или м-ромъ Синнеттомъ). Я спросилъ впослѣдствіи у м-ра Субба Роу, самаго способнаго изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ туземцевъ-теософовъ, извѣстно ли ему это? Онъ лаконически отвѣчалъ: „возможно, что это такъ“. Когда въ первый разъ появились въ печати письма Блаватской Куломбъ, м-ръ Юмъ публично выразилъ свое мнѣніе, что г-жа Блаватская слишкомъ умна, чтобы такъ компрометтировать себя, однако позднѣе, отчасти благодаря сообщеннымъ ему мною свѣдѣніямъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что эти письма дѣйствительно написаны г-жею Блаватской. Далѣе, онъ никогда не вѣрилъ феноменамъ шкапа (schrine) и всегда подозрѣвалъ въ нихъ обманъ. Я долженъ также прибавить, что его мнѣніе о благонадежности Дамодара, Баваджи и Бабулы, составленное независимо, тѣмъ не менѣе было вполне сходно съ моимъ. Несмотря на это вначалѣ м-ръ Юмъ былъ такъ же убѣжденъ въ неподдѣльности нѣкоторыхъ феноменовъ, какъ и самъ м-ръ Синнеттъ. Принятое имъ въ настоящее время положеніе относительно всего дѣла представляетъ не только примѣръ его мужества признавать истину даже цѣною отрицанія своихъ прежнихъ убѣжденій, но и тщательное изученіе подробностей, касавшихся его лично мнимочудесныхъ феноменовъ. Такъ напримѣръ, онъ получилъ сообщеніе отъ Кутъ-Хуми въ письмѣ отъ лица, не имѣвшаго никакого отношенія къ теософіи. Вѣроятно это тотъ случай, который м-ръ Синнеттъ (Occult World стр. 21) описываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Когда образовалось это Общество (Симлская вѣтвь Теософич. Общ.), многія письма къ намъ отъ Кутъ-Хуми были получены ни въ какомъ случаѣ не черезъ г-жу Блаватскую. Напримѣръ въ одномъ случаѣ м-ръ Юмъ, выбранный на первый годъ президентомъ новаго Общества... получилъ записку отъ Кутъ-Хуми черезъ почту отъ лица, не имѣвшаго никакихъ сношеній съ нашими оккультическими изысканіями и писавшему ему объ общественныхъ дѣлахъ“.

М-ръ Юмъ сообщилъ мнѣ, что самъ получилъ отъ почтальона это письмо въ большомъ, особаго вида, конвертѣ. Много спустя, изслѣдуя множество феноменовъ (не напечатанныхъ), происшедшихъ у него въ домѣ, онъ случайно узналъ отъ одного изъ слугъ, что совершенно подобное письмо было разъ рано утромъ взято Бабулой отъ почтальона и отнесено къ его барынѣ, а когда почтальонъ снова пришелъ, то Бабула возвратилъ ему письмо, говоря, что оно не къ г-жѣ Блаватской, а къ м-ру Юму. Въ то время, слуга былъ удивленъ, отчего Бабула не передалъ письма прямо м-ру Юму и прибавилъ, что Бабула и потомъ не разъ точно также бралъ и возвращалъ письма. Въ первомъ отчетѣ мы уже предполагали нѣчто подобное со стороны Бабулы для объясненія такихъ случаевъ. Во многихъ случаяхъ, которые бесполезно повторять, г-жа Блаватская точно также могла имѣть въ рукахъ чужія письма до ихъ прихода по назначенію. Здѣсь не мѣшаетъ привести заявленія м-ра Юма, что особые конверты и бумага, на какихъ писались сообщенія махатмы можно было приобрести въ сосѣдствѣ Дарджилинга, и что первые документы махатмъ были на другой бумагѣ, пока г-жа Блаватская не побывала въ Дарджилингѣ. Въ настоящее время м-ръ Юмъ полагаетъ, что, „несмотря на всѣ обманы, были и настоящіе феномены и что за г-жею Блаватской стоятъ дѣйствительные оккультисты со значительной, хотя и ограниченной силой; что К. Н. есть дѣйствительная личность, но ни въ какомъ случаѣ не такая могущественная и богоподобная, какою ее описывали, и что она дѣйствительно, прямо или косвенно, принимала участіе—какое, м-ръ Юмъ не можетъ сказать—въ происхожденіи писемъ К. Н.“ Читателю уже извѣстно, что лично я не могъ найти ни малѣйшаго доказательства дѣйствительности ни одного феномена.

Что касается такъ называемаго „precipitated“ письма, то я имѣлъ его образчики трехъ сортовъ, которые приписывались махатмѣ Кутъ-Хуми, махатмѣ М. и *Chela* „Бола Дева Сарма“. Я долго и внимательно осматривалъ эти и другіе манускрипты, чтобы опредѣлить, чьей рукой было написано письмо. Заключение, къ которому я пришелъ, въполнѣ подтвердило результаты моихъ розысковъ въ другихъ направленіяхъ, которые вкратцѣ заключаются въ слѣдующемъ:

Одинъ образчикъ почерка челы Б. Д. С., который я имѣлъ случай тщательно осмотрѣть, былъ дѣломъ м-ра Баваджи Нава; многіе разсмотрѣнные мной образчики почерка махатмы М. (Морія) были написаны г-жею Блаватской; изъ многихъ образчиковъ почерка махатмы Кутъ-Хуми (К. Н.) одинъ былъ написанъ Дамодаромъ, а остальные г-жею Блаватской.

По возвращеніи въ Англію, мое мнѣніе объ этомъ еще болѣе утвердилось осмотромъ большого количества посланій К. Н. (Кутъ Хуми), присланныхъ мнѣ м-ромъ Юмомъ, цѣлой серіи документовъ К. Н., данныхъ мнѣ м-ромъ Синнеттомъ, и такихъ же документовъ, присланныхъ м-ромъ Падша, для сличенія съ другими письмами К. Н. Сообщенія К. Н., принадлежащія м-ру Падша, по моему мнѣнію, дѣло рукъ м-ра Дамодара, а принадлежащія м-ру Юму и Синнетту напи-

саны г-жею Блаватской. Весьма возможно, что различные сообщенія К. Н., полученные въ Индіи въ 1884 г., во время отсутствія г-жи Блаватской, были написаны м-ромъ Дамодаромъ. Многія изъ нихъ появились при обстоятельствахъ, вполне исключавшихъ возможность принадлежности ихъ г-жѣ Блаватской, но при которыхъ м-ру Дамодару было легко ихъ написать

На этомъ Годжсонъ оканчиваетъ первую часть своего отчета. Изъ сдѣланнаго имъ разбора фепоменовъ, опубликованныхъ въ «The Occult World», совершенно ясно, съ какимъ «серьезнымъ и добросовѣстнымъ» *изсмдователемъ* мы имѣемъ дѣло въ лицѣ Синнетта, этого «знаменитаго апостола» новѣйшей теософіи и главнѣйшаго защитника Е. П. Блаватской. Но, кромѣ «The Occult World», для прославленія «madame», Синнеттомъ издана еще другая книга, посвящая названіе: «Incidents in the life of M-me Blavatsky». Въ ней изображена, *на основаніи самыхъ вѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ*, жизнь Елены Петровны. Не трудно, конечно, доказать, что книга эта—есть главнымъ образомъ собраніе рассказовъ о томъ, чего никогда не было. Но пусть первое доказательство этому представить *сама* г-жа Желиховская.

Въ подтвержденіе всѣхъ чудесъ Е. П. Блаватской, г-жа Желиховская указываетъ пуще всего на Синнетта и приводитъ, не скупясь, его отзывы и мнѣнія о покойной. Между тѣмъ сама же пишетъ: «...Раньше всѣхъ пріѣхалъ Синнеттъ съ кипой корректурныхъ листовъ печатавшейся книги его «Incidents in the life of M-me Blavatsky». Въ томъ, что въ ней приписывалось свѣдѣніямъ отъ меня полученнымъ, я нашла нѣкоторыя неточности, которыя исправила; но, къ удивленію моему, эта корректура не пошла въ прокъ, такъ что я не могу въ книгѣ признать очень многого изъ того, что *будто бы* я сама рассказывала» («Русское Обозрѣніе», 1891 г., декабрь, стр. 591).

Вотъ такъ достовѣрный свидѣтель! Этими строками г-жа Желиховская отлично показываетъ, «какъ писалась и пишется исторія» друзьями и поклонниками Е. П. Блаватской. Въ этомъ случаѣ, видите ли, Синнеттъ «наплѣлъ» на г-жу Желиховскую, и она отъ него защищается; но есть еще другой случай, когда она сама себя обвиняетъ и наказываетъ, подобно гоголевской унтеръ-офицершѣ.

Десять лѣтъ тому назадъ она выпустила въ свѣтъ брошюру «Правда о Е. П. Блаватской», а теперь («Русское Обозрѣніе», 1891 г., ноябрь, стр. 249) признается, что въ этой *правдѣ*... не заключалась правда!!

Въ концѣ концовъ г-жа Желиховская напoвалъ убиваетъ свою покойную сестру и Синнетта, столь много послужившаго ей для ея статей. Разсказывая о томъ, что было послѣ кончины Елены Петровны, она пишетъ: «Г-нъ Синнеттъ очень убѣжденно излагалъ свои теоріи въ такомъ смыслѣ, что духъ Е. П. Блаватской, въ данную минуту, могъ быть переселенъ даже не въ новорожденнаго, а прямо въ здоровое тѣло отрока или юноши и въ такомъ случаѣ ни минуты не терять своего сознанія и памяти. *Всѣмъ* она, понятно, не откроется, во избѣжаніе излишняго соблазна,—но нѣкоторые *избранные* (онъ самъ вѣроятно первый?) каждый мигъ могутъ надѣяться ее вновь обрѣсти!..» («Русское Обозрѣніе», 1891 г., декабрь, стр. 616). И это одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей Теософическаго Общества, *первый*, послѣ Блаватской, провозвѣстникъ «новаго ученія», которымъ г-жа Желиховская заманиваетъ своихъ соотечественниковъ!

XV.

Вторая часть «Отчета» м-ра Годжсона составляетъ весьма интересное дополненіе къ первой части и заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, *окончательныя*, несомнѣнныя доказательства обмановъ, производившихся Е. П. Блаватской. На первомъ мѣстѣ является подробнѣйшая и тщательнѣйшая экспертиза (съ приложеніемъ факсимиле) писемъ Блаватской и Кутъ-Хуми, наглядно и неоспоримо устанавливающая фактъ, уже достаточно понятный читателямъ, а именно, что представленныя Куломбами письма, содержаніе которыхъ приводится въ первой части «Отчета», суть письма *подлинныя*, написанныя весьма характернымъ почеркомъ Е. П. Блаватской, со всѣми неподражаемыми отбѣнками

ея своеобразнаго слога, и заключающія въ себѣ указанія на дѣйствительно бывшія обстоятельства и событія, что, какъ видѣли читатели изъ первой части «Отчета», добросовѣстно разслѣдовано Годжсономъ.

Относительно писемъ за подписью махатмы Кутъ-Хуми, экспертиза привела къ заключенію, что большинство этихъ писемъ написано также Е. П. Блаватской. Тѣ же изъ нихъ, которыхъ она, по обстоятельствамъ, не могла сама написать, — оказываются произведеніями ея пособника, индуса Дамодара. Очевидно, Блаватская и Дамодаръ выработали, вмѣстѣ «условный почеркъ Кутъ-Хуми»; но все же этотъ почеркъ, однообразный въ общемъ своемъ характерѣ, являетъ, въ нѣкоторыхъ письмахъ, значительную разницу и особенности, свойственныя почерку Дамодара. И *такія* письма оказываются именно тѣми, которыхъ не могла, вслѣдствіе своего отсутствія, написать Блаватская; но которыя весьма легко могъ написать Дамодаръ.

Къ числу подобныхъ писемъ относится письмо Кутъ-Хуми, представленное Дамодаромъ во время пребыванія Блаватской и Олкотта въ Европѣ, когда адіарскій совѣтъ теософическаго общества вздумалъ изгонять изъ своей среды Куломбовъ. Письмо это, за подписью Кутъ-Хуми, явилось въ защиту г-жи Куломбъ, что не помѣшало однако, болѣе чѣмъ черезъ мѣсяць (т. е. когда Блаватская, узнавъ объ адіарскихъ событіяхъ, могла снестись съ Индией) появиться другому письму, за подписью махатмы М. (т. е. Морія), обвинявшему Куломбовъ и предостерегавшему отъ нихъ членовъ совѣта, причемъ мудрѣйшій и всепроникающій махатма оказался незнающимъ самыхъ простыхъ обстоятельствъ того времени. Во второй части «Отчета» подробно разсказаны всѣ эти курьёзы, приложены всѣ «оправдательные документы» для первой части и, наконецъ, помѣщено личное заключеніе Годжсона относительно вообще всего, имъ изслѣдованнаго. Онъ останавливается на слѣдующихъ четырехъ утвержденіяхъ:

1) Главные свидѣтели существованія «махатмъ», — Блаватская, Дамодаръ, Бавани Шанкаръ, Баваджи, — сдѣлали завѣдомо

ложныя показанія по другимъ обстоятельствамъ этого дѣла, а потому на слова ихъ и увѣренія никакъ нельзя полагаться.

2) Экспертиза почерковъ доказываетъ, что Кутъ-Хуми и Мора—лица вымышленныя, несуществующія на самомъ дѣлѣ.

3) *Ни одинъ* изъ феноменовъ, извѣстныхъ Годжсону, не можетъ похвастаться серьезнымъ, и свидѣтели ихъ постоянно путали, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ очевидно намѣренно лгали въ своихъ показаніяхъ.

4) Не было ровно никакихъ подтвержденій «чудесъ»; напротивъ того—извѣстные Годжсону и провѣренныя имъ факты только доказывали обманы.

На этомъ, какъ мнѣ кажется, Годжсону слѣдовало бы остановиться, такъ какъ задача его представлялась обстоятельно и добросовѣстно имъ исполненной. Хотя отчетъ его нѣсколько растянуть и вообще, *съ внешней стороны*, составленъ не совсѣмъ умѣло; но *внутреннее его содержаніе* вполне удовлетворительно. Всѣ факты собраны, всесторонне изслѣдованы и обманы Е. П. Блаватской и ея пособниковъ доказаны неопровержимо. Но Годжсону этого показалось мало. Онъ пожелалъ высказать, помимо изслѣдованныхъ имъ фактовъ, свое окончательное сужденіе о создателяхъ Теософическаго Общества, — Блаватской и Олкоттѣ, — и тутъ сдѣлалъ двѣ весьма крупныя ошибки. Онъ ставитъ вопросъ: что же побудило Блаватскую организовать цѣлый рядъ всевозможныхъ обмановъ? — и отвѣчаетъ такъ: многіе подумаютъ пожалуй, что это просто болѣзненная манія, *idée fixe* созданія «новой религіи»; но близкое знакомство съ характеромъ Блаватской доказываетъ несостоятельность такого предположенія. Дѣйствовала ли она вслѣдствіе корыстолюбія?—нѣтъ, онъ считаетъ такое обвиненіе еще болѣе неосновательнымъ, чѣмъ первое предположеніе. Не думаетъ онъ также, что она жаждала извѣстности и славы. Въ чемъ же тутъ дѣло? а вотъ въ чемъ: «она русская шпіонка!»—рѣшаетъ онъ.

Однако это надо доказать, доказать точно такъ же, какъ онъ доказалъ ея поддѣлки феноменовъ и всякіе другіе обманы, а доказательствъ у него нѣтъ никакихъ, ибо нельзя считать доказа-

тельствами приводимые имъ обрывки ея писаній, изъ которыхъ ни одинъ серьезный человѣкъ не въ состояніи вывести подобнаго заключенія. Но на чтѣ неспособенъ серьезный человѣкъ вообще, на то способенъ самый даже серьезный англичанинъ — разъ только произнесено слово: «русскій шпионъ въ Индіи». Я увѣренъ, что Годжсонъ совершенно искренно остановился на своемъ предположеніи и въ немъ утвердился, что ему совершенно искренно повѣрили члены «Лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій», а за ними и весьма многіе англійскіе люди.

Тѣмъ не менѣ эта искренность ничуть не уничтожаетъ грубой ошибки, въ которую впали Годжсонъ и «психисты». Е. П. Блаватская не была шпионкой, и я говорю это вовсе не потому, что считаю ее неспособной на подобную роль, а потому, что осенью 1885 года (т. е. тогда, когда разслѣдованіе Годжсона было уже окончено и отчетъ его, со всѣми заключеніями, печатался) «она страстно желала сдѣлаться тайнымъ агентомъ русскаго правительства въ Индіи». Если она «желала быть» — значить «до того времени не была». Какимъ образомъ я узналъ это — расскажу въ своемъ мѣстѣ, а подъ конецъ моего разсказа дойду, естественно, и до вывода изъ него, то-есть до вопроса о томъ, что могло подвигнуть нашу «современную жрицу Изиды» на всю ея печальную дѣятельность.

Если заключеніе Годжсона по поводу мнимаго шпионства Блаватской, несмотря на всю его бездоказательность, можно все же почесть искреннимъ и объяснить англійской склонностью всюду видѣть русскихъ шпионовъ, — то гораздо уже труднѣе найти «приличное» основаніе его сужденія объ Олкоттѣ. Онъ до конца упорно объявляетъ «полковника» невиннымъ глупцомъ, а не пособникомъ Блаватской въ ея различныхъ обманахъ, и въ то же время приводитъ такіе факты, послѣ которыхъ внимательный читатель «Отчета» непремѣнно долженъ вынести ясное убѣжденіе въ томъ, что Олкоттъ и лгунъ и плутъ, несмотря на свою глупость. Эти приводимые факты заведомо ложныхъ показаній президента Теософическаго Общества и его участіе въ «феноменахъ», поддѣльность которыхъ тутъ же неопровержимо доказы-

вается, рядомъ съ голословными заявленіями о его невинности, — производить довольно странное впечатлѣніе. Приходится невольно заподозрить въ Годжсонѣ какое-то своего рода непонятное въ такомъ дѣлѣ «джентльмэнство», по которому онъ хочетъ спасти хоть кого-нибудь изъ разоблаченной имъ клики обманщиковъ. Во всякомъ случаѣ услуга, оказываемая имъ «полковнику», немѣстна и сшита бѣлыми нитками.

Къ отчету Годжсона «Лондонскимъ обществомъ для психическихъ изслѣдованій» приложены слѣдующіе документы:

1) Официальное удостовѣреніе извѣстнаго эксперта Нетсерклифта относительно почерка Блаватской во всѣхъ представленныхъ ему письмахъ.

2) Показаніе теософа Гюббе Шлейдена о полученіи имъ нисыма махатмы при такихъ обстоятельствахъ: Онъ ѣхалъ съ Олкоттомъ изъ Эльберфельда въ Дрезденъ и жаловался ему на то, что всю жизнь его преслѣдуютъ неудачи и несчастія. Послѣ этого разговора онъ поднялся съ мѣста, чтобы отдать свой билетъ кондуктору, а Олкоттъ говоритъ: «Смотрите — за вами письмо!» Письмо оказалось отъ махатмы Кутъ-Хуми и заключало въ себѣ «утѣшенія», а также отвѣтъ на письмо Гюббе Шлейдена къ махатмамъ, адресованное имъ нѣсколько дней передъ тѣмъ на имя Блаватской. Такой отвѣтъ, по расчету времени, не могъ еще, какъ онъ увѣренъ, получиться. Впослѣдствіи Блаватская говорила, что она никогда не получала этого его письма; но самъ Гюббе Шлейденъ писалъ Майерсу: «Г-жа Блаватская увѣряла меня, что въ полученномъ ею моемъ письмѣ не было тѣхъ вопросовъ, на которые мнѣ отвѣтилъ махатма Кутъ-Хуми». Значить, все же письмо она получила и только изъ него вопросы... испарились. Вотъ такъ обстоятельный и толковый свидѣтель!

3) Показаніе Рудольфа Гебгарда. Онъ рекомендуетъ себя хорошимъ фокусникомъ и затѣмъ рассказываетъ, увѣряя, что это не былъ фокусъ, какъ у нихъ въ Эльберфельдѣ, въ гостиной, упало съ картины на рояль письмо махатмы къ Гебгарду-отцу, отвѣчающее на только-что задуманное имъ. Это задуманное было однако заранѣе извѣстно ему, Рудольфу, также какъ и то, что

*

отецъ непремѣнно объ этомъ именно и задумаетъ. Если это было извѣстно Рудольфу, то могло быть извѣстнымъ и Блаватской, которая отлично умѣла вывѣдывать все, что ей оказывалось нужнымъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что на обложкѣ этого письма значилось: «Господину консулу Гебгарду» — махатма очевидно хорошо зналъ, какое удовольствіе онъ доставитъ хозяину дома, гдѣ жила Блаватская, этимъ величаніемъ. Дѣло въ томъ, что Гебгардъ, сходявшій съ ума отъ честолюбія, ужасно кичился своимъ званіемъ персидскаго консула въ Эльберфельдѣ и, путемъ всякихъ жертвъ, полученнымъ маленькимъ своимъ орденомъ.

4) Показаніе неизвѣстной дамы о таинственнымъ способомъ полученномъ ею не менѣе таинственнымъ письмѣ. Если показанія лицъ, называющихъ себя полнымъ именемъ, не выдерживаютъ никакой критики, то это анонимное повѣствованіе не можетъ, конечно, имѣть никакого смысла.

5) Показаніе Падша (индуса) объ «астральномъ» появленіи Дамодара, котораго, однако, «никто изъ присутствовавшихъ, кромѣ Блаватской, не видѣлъ».

6) Мой рассказъ о моемъ сновидѣніи въ Эльберфельдѣ съ заявленіемъ, что я считаю его не имѣющимъ ровно никакого отношенія къ чему-либо таинственному.

7) Показаніе г-жи Гебгардъ о томъ, что она, на яву, среди бѣла дня, во время митинга Теософическаго Общества въ Лондонѣ, увидѣла махатму Моріа, котораго не видѣлъ, однако, никто изъ присутствовавшихъ кромѣ Блаватской, Олкотта и Могини, то есть «самыхъ достовѣрныхъ лжесвидѣтелей», къ числу которыхъ, послѣ этого показанія, неизбежно приходится причислить и г-жу Гебгардъ.

8) Это приложеніе настолько интересно, что я приведу его въ дословномъ переводѣ:

Въ іюлѣ 1879 г., вскорѣ послѣ того, какъ теософъ м-ръ Мас-сэй выразилъ г-жѣ Блаватской желаніе, какъ свое, такъ и другихъ членовъ Лондонскаго Теософическаго Общества, имѣть доказательства существованія «махатмъ», онъ нашелъ въ записной книгѣ Общества письмо, адресованное къ нему и яко-бы полу-

ченное отъ одного изъ «братьевъ». Г-жа Блаватская въ это время была въ Индіи. Это открытіе было сдѣлано на квартирѣ одного изъ членовъ Общества, бывшаго въ то время непрофессиональнымъ медиумомъ, и у котораго записная книга находилась на сохраненіи. Книга была принесена м-ру Массэю медиумомъ вслѣдствіе какого-то дѣла Общества. Медиумъ будетъ здѣсь обозначенъ черезъ букву X, а его «контроль» (духъ, имѣющій съ нимъ постоянное общеніе)—черезъ Z.

Въ маѣ 1882 г. м-ру Массэю показали письмо, адресованное X., (который въ это время уже не жилъ въ Лондонѣ), написанное почеркомъ г-жи Блаватской, помѣченное 28-го іюня 1879 г. и находившееся въ конвертѣ, на которомъ былъ лондонскій штемпель отъ 21 іюля 1879 г. Онъ снялъ копію съ первой части этого письма, которая и слѣдуетъ:

«Мой добрый другъ, помните ли вы то, что Z. сказалъ или вѣрнѣе общалъ мнѣ? Что когда бы въ этомъ ни нуждались, онъ всегда будетъ готовъ передать письмо, оставить его на столѣ Массэя, въ его карманѣ или какомъ-нибудь другомъ потаенномъ мѣстѣ? Ну такъ вотъ теперь *крайняя необходимость* въ такомъ проявленіи его могущества. Пожалуйста попросите его взять прилагаемое письмо и положить его въ карманъ M. или какое-нибудь другое еще болѣе потаенное мѣсто. Но Массэй не долженъ знать, что это Z. Пускай его думаетъ все, что ему угодно, только бы не подозрѣвалъ, что вы были около него съ Z., готовымъ служить вамъ. Онъ довѣряетъ вамъ, но не Z.

Точно также если бы ему удалось угостить LL. какимъ-нибудь восточнымъ выраженіемъ любви, это было бы очень хорошо, но ни одинъ изъ нихъ не долженъ подозрѣвать Z., а потому дѣло это выходитъ немного труднѣе, чѣмъ если бы оно случилось на одномъ изъ вашихъ сеансовъ...»

М-ръ Массэй не могъ въ то время снести по этому поводу, какъ онъ иначе бы сдѣлалъ, съ г-жою Блаватской или X. (ни съ однимъ изъ нихъ, сверхъ того, онъ не былъ уже въ перепискѣ) и не раньше, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—осенью 1882 г., когда обстоятельства, въ которыхъ находилось Общество, требо-

вали, по его мнѣнію, разъясненія этого факта, онъ частнымъ образомъ сообщилъ о немъ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей.

Достойно замѣчанія, что письмо, посланное г-жей Блаватской м-ру Массэй 2 іюня 1879 г., четыре дня спустя послѣ того числа, которымъ помѣчено письмо къ Х., написано съ цѣлью сказать, что лондонскіе послѣдователи Теософическаго Общества не должны разсчитывать на феномены, и съ цѣлью объяснить причину этого. Она говоритъ въ немъ: «я передаю вамъ, какъ фактъ, что желанія лондонскихъ послѣдователей были предметомъ серьезнаго совѣщанія между нашими Братіями. Нѣкоторые изъ нихъ уже склонялись удовлетворить вашему желанію относительно феноменовъ..... Но въ концѣ концовъ было единогласно рѣшено, что поступить такъ — значило бы унижить Общество и помочь лживымъ теоріямъ спиритуализма». Этимъ какъ бы отрицается знаніе письма, найденнаго въ записной книгѣ. М-ръ Массэй старался получить на этотъ счетъ какія-нибудь объясненія отъ г-жи Блаватской, но безуспѣшно.

Не ранѣе мая 1884 г., получивъ письмо отъ г-жи Блаватской, первое послѣ нѣсколькихъ лѣтъ и касавшееся постороннихъ вещей, — м-ръ Массэй послалъ ей копію съ той части письма къ Х., которую онъ переписалъ, и получилъ въ отвѣтъ удостовѣреніе, что она была авторомъ относившагося къ нему отрывка. Вотъ выдержки изъ ея письма:

Энгельс. Пятница.

«Все, что я теперь имѣю честь сказать вамъ, это — *даю вамъ отъ томъ мое теософическое честное слово* — 1) что я авторъ только первой части письма, которое вы приводите, т. е. нѣсколькихъ слѣдующихъ строчекъ къ Х., послѣ полученія письма, адресованнаго вамъ и полученнаго мною въ Гиргаумѣ, Бомбей, въ которыхъ я просила Х. напомнить З. объ его обѣщаніи и доставить вамъ письмо какимъ-либо способомъ, *только бы оккультнымъ*. Строчки, написанныя мною, начинаются со словъ: «мой дорогой другъ» и кончаются: «онъ вѣритъ вамъ, но не З». Все, что за этимъ слѣдуетъ — *мною никогда писано не было*, и я никогда ничего объ этомъ не знала, что бы вы противъ этого ни

говорили. Невинно ли все остальное или нѣтъ, и въ состояніи ли вы понять, съ какой цѣлью все это состряпано—для меня все равно. Я *этого не писала* и для меня этого достаточно, а какъ вы къ этому относитесь—для меня безразлично. Что-за дьяволъ можетъ быть этотъ «LL» неважно; учителя очевидно не желаютъ, чтобы я разгадала продѣлку. Все, что я знаю—*это что здѣсь поддѣлка*, какъ уже было и будетъ поддѣлано много вещей и, какъ я думаю, въ вашу пользу. Я уже давно позабыла и думать объ этомъ письмѣ, а теперь его ясно вспоминаю во всѣхъ подробностяхъ. Когда Олкоттъ говорилъ мнѣ о немъ, я не могла ясно его вспомнить—теперь же я вспомнила.... Ну а затѣмъ къ дѣлу. Что вы нашли такого *непростительнаго* и *предосудительнаго* въ этой *первой* части моего письма, которая по вашему мнѣнію и обвиняетъ-то меня? У меня можетъ быть недостаетъ, въ томъ смыслѣ какъ вы понимаете, чести, самой простой нравственности и, въ такомъ случаѣ, все, что я могу вамъ сказать: это такъ *съ вашей точки зрѣнія*, но не съ моей. Я никогда и не имѣла, когда писала вамъ, ни малѣйшаго желанія *обмануть васъ*. Или вы называете умолчаніе о фактахъ, о которыхъ не имѣешь права говорить—обманомъ?

Письмо, переданное вамъ, было подлинно, авторомъ его былъ самый настоящій «братъ», какой когда-либо жилъ; оно было получено мною *чудеснымъ* способомъ въ присутствіи двухъ теософовъ, которые спросили меня, чтò это такое? — и которымъ я отвѣтила, что это не ихъ дѣло. Развѣ я ихъ также *обманывала*? Мнѣ было приказано доставить письмо вамъ, но не сказано какъ: это предоставлено было на мое усмотрѣніе. Я спросила Олкотта, какъ бы переслать письмо къ вамъ, и онъ сказалъ, что не знаетъ; и это онъ вспомнилъ объ Z. говоря: «не могли ли бы вы переслать письмо къ нему тѣмъ же путемъ, какимъ оно пришло, и пусть онъ тогда передастъ его Массэй, если вамъ такъ трудно послать письмо прямо? — Я, помню, сказала ему, что это *было* трудно и что я попрошу Z. подбросить его куда-нибудь. Я не знаю, понялъ ли онъ меня, а если и понялъ, то уже давно все позабылъ. Но я помню, что мысль о Z. пришла мнѣ въ голову

черезъ его посредство..... И зачѣмъ бы я, наконецъ, старалась обмануть васъ въ то время? Васъ, имѣвшаго ко мнѣ полное довѣріе, васъ, такъ много писавшаго въ «Theosophist», васъ, котораго я такъ гордилась видѣть въ числѣ членовъ Общества, васъ я могла бы обмануть, какъ *профессіональный* медиумъ!..... сказать, что въ фактѣ *этого* письма я *сознательно* хотѣла васъ обмануть, — *это-то* и есть самая *адская* ложь — отъ кого бы она ни шла. Учителя запретили мнѣ помогать вамъ въ вашихъ сношеніяхъ съ медиумами, поощрять ихъ *даже* по отношенію къ Х., изъ боязни, что вы никогда не научитесь различать феноменовъ оккультныхъ отъ спиритическихъ; и вотъ вслѣдствіе этого, вмѣсто того, чтобы написать вамъ — «отправьтесь къ Х. и вы получите черезъ посредство З. письмо отъ одного шотландскаго Брата» — я поступила такимъ образомъ. То, что я ничего не видѣла въ этомъ ужаснаго, какъ тогда, такъ и теперь, доказываетъ только, что я не воспитывалась въ Лондонѣ и что наши понятія о честномъ и безчестномъ разнятся.....»

Въ этомъ письмѣ нужно обратить особенное вниманіе на три пункта. Во-первыхъ, та часть письма, которую г-жа Блаватская признаетъ за дѣйствительно написанную ею, ясно указываетъ на желаніе выдать м-ру Массэй за проявленіе могущества махатмъ такой феноменъ, который, какъ она отлично знала, не имѣлъ къ нимъ ни малѣйшаго отношенія. Во-вторыхъ, все письмо къ Х., насколько оно приведено выше, позволяетъ сильно заподозрить ее въ желаніи произвести феноменъ самымъ обыкновеннымъ и простымъ способомъ. Это подозрѣніе еще усиливается въ части письма, не относящейся къ м-ру Массэй. Вслѣдствіе этого, способъ дѣйствія г-жи Блаватской таковъ, что она признаетъ за свою ту часть письма, которую она, повидимому, надѣется достаточно удовлетворительно объяснить м-ру Массэй, а отъ другой отказывается. Точно такъ же она поступаетъ и въ дѣлѣ переписки ея съ Куломбами. Въ третьихъ, ея объясненіе, хотя и остроумное, не вполнѣ допустимо, потому что невозможно объяснить: 1) почему она не послала письмо «брата» м-ру Массэй прямо по почтѣ, если только она не желала увѣрить его, что оно доставлено

ему оккультнымъ способомъ; 2) отчего она не сдѣлала о немъ ни малѣйшаго намека, когда писала м-ру Массэй 2 іюля 1879 г. относительно писемъ и феноменовъ, и такъ положительно увѣряла, что никакого феномена не будетъ, если, опять-таки, она не желала увѣрить его, что не имѣетъ ко всему этому ни малѣйшаго отношенія и что письмо не прошло черезъ ея руки; и 3) какимъ образомъ «братъ» въ Шотландіи былъ бы такъ незнакомъ съ географіей или съ оккультными способностями г-жи Блаватской, что послалъ бы письмо къ м-ру Массэй въ Лондонъ черезъ Бомбей, вмѣсто того, чтобы просто опустить его въ ближайшій почтовый ящикъ. Затѣмъ можно замѣтить слѣдующіе дальнѣйшіе факты:—1) что «К. Х.» въ письмахъ, которыя мы видѣли у м-ра Массэй, признавалъ и защищалъ авторство г-жи Блаватской въ той части письма, которую она сама впослѣдствіи признавала, и отрицалъ ту часть, которую она отрицала. 2) что Х. категорически утверждалъ м-ру Массэй, что не знаетъ ровно ничего о письмѣ г-жи Блаватской и точно также не видалъ письма, заключеннаго въ этомъ письмѣ, раньше того, какъ оно было найдено м-мъ Массэй въ записной книгѣ. 3) что «К. Х.» въ письмѣ, видѣнномъ м-мъ Массэй, старается устранить это противорѣчіе тѣмъ, что Х. могъ получить письмо находясь въ медиумическомъ трансѣ.

Изложеніемъ этого факта, являющагося новымъ увѣсистымъ камнемъ въ той грудѣ камней, которыми побиты Е. П. Блаватская и ея пособники, «Лондонское психическое общество» заканчиваетъ свои разслѣдованія теософическихъ чудесъ, съ тѣмъ, чтобы больше ихъ не касаться.

Отчетъ Годжсона, со всѣми къ нему приложеніями, напечатанъ въ Proceedings'ахъ Лондонскаго общества и все сдѣлано для его возможно большаго распространенія. Скандалъ произведенъ въ Лондонѣ настоящій. Е. П. Блаватская сидитъ въ это время въ Вюрцбургѣ и молчитъ; но теософы ждутъ, что вотъ она сейчасъ встанетъ и, съ помощью махатмы Моринъ, Кутъ-Хуми и ихъ «челъ», грянетъ такимъ отвѣтомъ, отъ котораго всѣ «психисты» исчезнутъ съ лица земли, будто ихъ никогда и не бывало.

Сама она чувствуетъ, что ей *необходимо* отвѣтить, что почва чрезчуръ колеблется у нея подъ ногами,—и она, собравшись съ силами, печатаетъ свой «протестъ». Вотъ онъ:

Протестъ г-жи Блаватской.

«Общество психическихъ изслѣдованій» опубликовало отчетъ, представленный одному изъ его комитетовъ г-мъ Годжсономъ, агентомъ, посланнымъ въ Индію для разслѣдованія нѣкоторыхъ феноменовъ, случившихся въ главной квартирѣ Теософическаго Общества, какъ въ Индіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ, и въ производствѣ которыхъ, прямо или косвенно, я принимала участіе. Этотъ отчетъ обвиняетъ меня въ заговорѣ, вмѣстѣ съ Куломбами и многими индусами, съ цѣлью воздѣйствія, посредствомъ мошенническихъ комбинацій, на легковѣріе окружающихъ меня лицъ и объявляетъ подлинными цѣлую серію писемъ, будто бы написанныхъ мною, въ этомъ предполагаемомъ заговорѣ, г-жѣ Куломбъ, писемъ, *большую часть* которыхъ я объявила поддѣльными¹⁾. Замѣчательно, что съ самаго начала слѣдствія, четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, и до сего дня, когда мои обвинители, сдѣлавъ себя и одною изъ сторонъ и въ то же время судьями, признали меня виновной, мнѣ никогда не дали разсмотрѣть этихъ обвиняющихъ меня писемъ²⁾).

Обращаю на этотъ фактъ вниманіе cadaго честнаго и порядочнаго англичанина.

Не входя, въ настоящую минуту, въ подробное разсмотрѣніе ошибокъ, противурѣчій и недостатка разсудительности этого отчета, я желаю сдѣлать насколько возможно общеизвѣстнымъ, что я съ негодованіемъ и всѣми моими силами протестую противъ грубыхъ клеветъ, распространенныхъ относительно меня такимъ способомъ комитетомъ общества психическихъ изслѣдованій, на ос-

¹⁾ Пусть читатели вспомнятъ, что въ письмѣ ко мнѣ она говоритъ: „А я ей (г-жѣ Куломбъ) *никогда и двухъ строкъ не писала*“.

²⁾ Трудно даже понять такую наивность и такую претензію! Разъ она признала эти письма подложными, какое утонченное *джентльменство* не требовало, чтобы они были показаны ей, а не экспертамъ.

нованіи принятых имъ заключеній единственнаго, некомпетентнаго и недобросовѣстнаго слѣдователя. Въ этомъ отчетѣ нѣтъ ни одного противъ меня обвиненія, которое выдержало бы безпристрастное слѣдствіе на мѣстѣ, гдѣ мнѣ дали бы возможность отвѣчать на объясненія свидѣтелей. Когда обвиненія созрѣли въ головѣ г. Годжсона, онъ, оставаясь въ Мадрасѣ, скрылъ ихъ отъ моихъ друзей и товарищей, злоупотребивъ гостепріимствомъ, полученнымъ имъ въ главной квартирѣ въ Адіарѣ, гдѣ каждый, безъ исключенія, помогаль ему въ изслѣдованіяхъ и гдѣ онъ принималъ видъ нашего друга,—теперь онъ выставяетъ всѣхъ этихъ помогавшихъ ему людей—лгунами и обманщиками¹⁾. Теперь онъ бросаетъ въ нихъ обвиненія, основывая эти обвиненія на одностороннихъ полученныхъ имъ свидѣтельствахъ, когда уже прошло время противопоставить имъ другія свидѣтельства и такіе аргументы, какихъ не можетъ ему доставить его недостаточное знакомство съ предметомъ, которымъ онъ захотѣлъ заняться²⁾. Г. Годжсонъ, взявъ на себя, такимъ образомъ, роль слѣдователя,

¹⁾ Относительно этого негодуетъ въ своей статьѣ и г-жа Желиховская. Пожилуйте! его такъ радушно принимали, а онъ вдругъ... Но вѣдь при такихъ понятіяхъ о гостепріимствѣ принятіе приглашенія на обѣдъ или вечеръ можетъ обязать человека сдѣлаться сообщникомъ всякихъ преступленій! Годжсонъ, явись въ Адіаръ, какъ слѣдователь, не могъ обязаться производить слѣдствіе не въ интересахъ истины, а въ интересахъ Адіарской компаніи, а что онъ, до окончанія слѣдствія, скрывалъ свои впечатлѣнія,—этого требовали его обязанности и существеннѣйшій интересъ дѣла. Еслибы его не принимали въ Адіарѣ и не говорили бы съ нимъ—онъ ничего бы и не добился.

²⁾ Отчего же это „прошло время“? Развѣ можетъ пройти время представить доказательства своей невинности, если они дѣйствительно имѣются и если извѣстно—въ чемъ заключаются обвиненія? Обвиненные Годжсономъ мошенники теперь, послѣ смерти Е. П. Блаватской, могли бы представить свои оправданія и доказательства недобросовѣстности и клеветничества Годжсона. Но они ничего такого никогда не представили и не представляютъ. Они могутъ только распространять подъ сурдинкой такой вздоръ, какой силится распространить г-жа Желиховская, увѣряя (газета „Новости“, статья „Чужія мнѣнія о русской женщинѣ“), будто въ бумагахъ Блаватской было найдено собственноручное письмо г-жи Куломбъ, гдѣ она клянется, что „она никогда не указывала обмановъ“ и т. д. Всякій легко пойметъ, что еслибы такое письмо дѣйствительно было, и было бы подлиннымъ, то оно не пролежало бы въ бумагахъ Блаватской до ея смерти. О подобныхъ, якобы находимыхъ теперь письмахъ можно говорить только ради мороченья читателей и въ расчетѣ на то, что они никогда ничего не узнаютъ о дѣйствительныхъ обстоятельствахъ дѣла.

судьи и адвоката, пренебрегаетъ защитой въ этомъ особенномъ дѣлѣ, признаетъ меня виновной во всемъ, что онъ, въ качествѣ судьи, приписалъ мнѣ, и объявляетъ доказаннымъ мое архи-мошенничество.

Комитетъ общества психическихъ изслѣдованій не задумался принять сужденія г. Годжсона и оскорбилъ меня, одобливъ выводы своего агента, основанные на его лишь личномъ мнѣніи.

Я полагаю, что всюду, гдѣ еще понимаютъ принципы чести, честности и осмотрительности относительно оклеветанныхъ лицъ, на поведеніе комитета взглянуть съ тѣмъ же чувствомъ глубокаго возмущенія, какое я испытываю(!). Я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что другіе писатели разъясняютъ и покажутъ въ настоящемъ свѣтѣ кропотливое, но неловкое разслѣдованіе г. Годжсона, его пунктуальность, истощающую безконечное терпѣніе на пустякахъ и не замѣчающую важныхъ фактовъ, его противурѣчивую аргументацію¹⁾ и его многообразную неспособность, когда дѣло идетъ о задачахъ, которыя онъ силится разрѣшить. Многочисленные друзья, знающіе меня лучше, чѣмъ комитетъ общества психическихъ изслѣдованій, ничуть не смутятся мнѣніями этого учрежденія, и въ ихъ руки я передаю заботу о моей, столь жестоко оскорбленной репутаціи²⁾. Но все же надо мнѣ лично отвѣтить на одно мѣсто этого чудовищнаго отчета.

Г. Годжсонъ, совершенно понимая очевидную нелѣпость его заключеній обо мнѣ, пока они не основаны на какой-либо теоріи достаточныхъ поводовъ для объясненія, почему, пожертвовавъ моимъ общественнымъ положеніемъ на родинѣ³⁾, я отдала всю

¹⁾ Имѣю основанія думать, что подъ „противурѣчивой аргументаціей“ она, главнымъ образомъ, подразумѣваетъ выгораживание Олкотта. Она очень сердилась на это и повторяла мнѣ: „каково! его выгораживаютъ! ну ужъ если я мошенница, такъ и онъ мошенникъ! кажется, это ясно...“ Дѣйствительно, это было ясно, и ея трагикомическое негодованіе представлялось законнымъ.

²⁾ Увы, она не дождалась хоть сколько-нибудь серьезной защиты отъ тогдашнихъ ея друзей и пособниковъ, да и при всемъ ихъ желаніи у нихъ не было возможности защитить ее. Но прошло время, скандалъ если и не забылся, то затихъ, и скоро нашлись лица, начавшія прославлять ее какъ страдальцу и мученицу за истину, какъ святую и великую женщину. И это принесло свои плоды.

³⁾ Тутъ она, по своему обычаю, уже начинаетъ слишкомъ увлекаться: „общественнымъ положеніемъ“ своимъ въ Россіи, какъ извѣстно, ей нечего было хвалиться, и если она никогда не могла рѣшиться вернуться на родину, то вовсе не вслѣдствіе своей американской натурализаціи.

жизнь теософической дѣятельности, — унижается до утверждения, что я политическій агентъ русскаго правительства, и выдумалъ какое-то мнимое религіозное движеніе съ цѣлью подкапываться подъ британское правительство въ Индіи! Для окраски этой гипотезы г. Годжсонъ выставляетъ старый клочекъ моего писанія, очевидно доставленный ему г-жей Куломбъ, не зная, что это отрывокъ стараго перевода, сдѣланнаго мною для «Pioneer», изъ русскихъ путешествій въ Среднюю Азію, — и провозглашаетъ въ отчетъ свою теорію, которую господа общества для психическихъ изслѣдованій не стыдятся опубликовать.

Если сообразять: 1) что около восьми лѣтъ тому назадъ я натурализовалась и сдѣлалась гражданкой Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ, *вслѣдствіе чего потеряла всѣ права на ежегодную пенсію въ 5000 рублей, которая принадлежитъ мнѣ какъ вдовѣ высшаго русскаго сановника*¹⁾; 2) что я постоянно возвышала въ Индіи свой голосъ, заявляя моимъ друзьямъ-туземцамъ, что, какъ ни дурно, на мой взглядъ, англійское правительство во многихъ отношеніяхъ — по своему антипатичному характеру — русское правительство въ тысячу разъ хуже; 3) что я въ этомъ смыслѣ писала письма индійскимъ друзьямъ еще до отъѣзда моего изъ Америки въ Индію въ 1879 году; 4) что всякій, знакомый съ преслѣдуемой мною цѣлью, съ моими привычками и съ совершенно для всѣхъ открытой жизнью, которую я веду въ Индіи, — знаетъ, насколько я презираю политику, не имѣя къ ней ни вкуса, ни влеченія; 5) что индійское правительство, которому я казалась подозрительной по моемъ первомъ пріѣздѣ, скоро покинуло свое бесполезное за мной шпіонство и съ тѣхъ поръ, насколько я знаю, никогда не возвращалось къ своимъ прежнимъ подозрѣ-

¹⁾ Что скажетъ скромный и почтенный, понинѣ здравствующій старецъ Н. В. Блаватскій, когда узнаетъ, что онъ „высшій русскій сановникъ“ и что *его вдова, при его жизни, должна была получать цѣлыхъ 5000 рублей ежегодной пенсіи!*... Какая иронія судьбы! — Елена Петровна, будучи еще почти ребенкомъ, вышла замужъ за пожилого чиновника, наперекоръ своимъ роднымъ; послѣ бурной, почти невѣроятной жизни, она умерла шестидесяти лѣтъ, а онъ, хоть она и давнымъ давно выдавала себя за вдову, пережилъ ее.

ніямъ,—теорія моего русскаго шпіонства, которую г. Годжсонъ воскресилъ изъ могилы, гдѣ она лежала много лѣтъ со всѣмъ своимъ шутовскимъ нарядомъ, только сдѣлаетъ еще болѣе глупыми его экстравагантныя заключенія въ глазахъ моихъ друзей и всѣхъ, кто меня дѣйствительно знаетъ. Но, относясь къ русскому шпіонству со всѣмъ отвращеніемъ, какое только можетъ испытать русская женщина, не будучи шпіонкой, я не могу удержаться, чтобы не возстать противъ низкой и лишенной основанія клеветы г. Годжсона со всѣмъ презрѣніемъ, какого, по-моему, заслуживаютъ дѣйствія какъ его, такъ и Комитета общества, для котораго онъ трудился. Взваливъ на себя весь этотъ вздоръ, они показали, какъ я ошиблась, думая найти въ психическомъ обществѣ,—послѣ всего что было писано и опубликовано, въ наши дни, объ этомъ предметѣ—среди образованныхъ классовъ Англіи группу людей, способныхъ изслѣдовать тайны психическихъ феноменовъ.

Г. Годжсонъ,—а съ нимъ, конечно, и комитетъ,—знаютъ, что, въ моихъ рукахъ, онъ безопасенъ отъ процесса по обвиненію въ диффамациі, потому что у меня нѣтъ денегъ, чтобы рѣшиться на эту дорого стоящую процедуру (все, что у меня было—я отдала дѣлу, которому служу)¹⁾, а также потому, что возстановленіе моей невинности потребовало бы разсмотрѣнія психическихъ тайнъ, которое судъ не могъ бы совершить прилично, и, наконецъ, потому, что есть вопросы, на которые я обязалась, торжественной клятвою, не отвѣчать, и которые непременно всплывутъ при судебномъ разслѣдованіи, причемъ мое молчаніе и отказъ отвѣчать будутъ приняты за «оскорбленіе магистратуры»²⁾. Такое положеніе вещей и служить объясненіемъ безстыдному на-

¹⁾ Сравн. съ моимъ примѣчаніемъ въ концѣ ея письма ко мнѣ отъ 3 января 1885 года. Что такое она отдала Теософическому Обществу—неизвѣстно. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ ея родныхъ, у нея, кромѣ самыхъ малыхъ крохъ, никогда ничего не было, и эти малыя крохи она съѣла еще до основанія Теософическаго Общества.

²⁾ Очень хорошо это пусканіе дыму въ глаза; но еще лучше то, что нашлось не мало людей, принявшихъ этотъ дымъ за чистую монету.

падению на почти беззащитную женщину¹⁾, а также и бездѣйствию, на которое я такъ жестоко осуждена.»

Е. П. Блаватская.

14 Января 1886 г.

Вотъ все, что она могла придумать, и даже ея ослѣпленные друзья нашли, что этого мало, слишкомъ мало! Она не опровергла ни одного изъ обвиненій въ продѣлкахъ, хотя для многихъ изъ такихъ опроверженій вовсе не потребовалось бы отъ нея нарушенія какихъ-либо «торжественныхъ клятвъ». Она ослабѣла — и къ тому же со всѣхъ сторонъ на нее надвигались тогда новыя тучи.

Но, чтобы не забѣгать впередъ, я вернусь теперь къ прерванному мною разсказу о томъ, чему я былъ личнымъ свидѣтелемъ.

XVI.

Всякій безпристрастный читатель, внимательно познакомясь съ приведенными мною документами «Лондонскаго Общества для психическихъ изслѣдованій», неизбежно долженъ прійти къ убѣжденію, что «всемирное братство» Е. П. Блаватской есть только курьезный букетъ систематическихъ обмановъ, «rien qu'une fumisterie» — какъ выражаются современные французы. Эти документы, гдѣ разслѣдованы всевозможнѣйшіе феномены «madame», рѣшительно дѣлаютъ излишнимъ предположеніе, что, рядомъ съ обманами, Елена Петровна могла проявлять, ради теософической пропаганды, какія-нибудь дѣйствительно присущія ей, исключительныя психическія способности.

Но вѣдь отчетъ «лондонскаго общества» былъ готовъ и появился къ началу 1886 года, а зимою 1884 — 1885 г. мы въ

¹⁾ Однако нельзя сказать, чтобы симпатичны были ея всесильные и мудрейшіе „махаты“, оставляющие безъ защиты невинную женщину, положившую за нихъ всю свою душу и ради нихъ такъ жестоко посрамляемую!!

Парижъ знали только о томъ, что Годжсонъ посланъ въ Адіаръ, и не имѣли ни малѣйшаго понятія о результатахъ его разслѣдованій. Блаватская писала мнѣ о своемъ торжествѣ надъ врагами и, даже будучи увѣреннымъ, что въ сообщаемыхъ ею фактахъ не мало ея собственной творческой фантазіи, я все же, конечно, никакъ не могъ предполагать чего-либо подобнаго дѣйствительнымъ обстоятельствамъ дѣла. Я ждалъ, что будетъ дальше, а пока продолжалъ свои занятія, рылся въ старыхъ книгахъ и наблюдалъ болѣе или менѣе интересные типы современнаго французскаго общества. Симпатіи французовъ ко всему русскому тогда только-что начинали пробуждаться; но уже, по нѣкоторымъ признакамъ, можно было предвидѣть дальнѣйшее развитіе этихъ естественныхъ, въ историческомъ ходѣ событій, симпатій. Между тѣмъ представленія о Россіи, даже среди весьма образованныхъ и серьезныхъ людей, были чисто фантастическія и не могли не возмущать русскаго чувства. Въ парижскихъ газетахъ появлялись статьи анархиста Крапоткина и тому подобныхъ «авторовъ», отъ перваго и до послѣдняго слова наполненныя наглою ложью и клеветою. Хотя эти статьи и не производили среди французовъ особенной сенсациі, — тѣмъ не менѣе мнимые факты, въ нихъ заключавшіеся, передавались тамъ и здѣсь, какъ факты, безъ указанія источника. Разные нигилисты и полу-нигилисты обоого пола, проживавшіе въ Парижѣ, разумѣется, тоже лгали самымъ отчаяннымъ образомъ; русскіе «туристы» только презрительно ухмылялись — какъ будто дѣло шло вовсе не о ихъ родинѣ. Изъ всего этого выходилъ полный сумбуръ, въ которомъ сразу даже трудно было разобраться. Въ такихъ обстоятельствахъ знакомить французовъ съ дѣйствительной, а не фантастической Россіей — являлось весьма увлекательнымъ занятіемъ — и я имъ, конечно, увлекался.

Наконецъ, было и еще одно интересное дѣло: докторъ Комбрэ помогъ мнѣ ознакомиться, какъ теоретически, такъ и практически, съ гипнотизмомъ, о которомъ въ то время въ Россіи не имѣли еще почти никакого понятія — докторъ Боткинъ еще не

объявлялъ его тогда «дѣйствительно существующимъ явленіемъ», а не сказкой.

Что касается собственно «теософическаго общества» или, вѣрнѣе, его засѣданій, я совершенно охладѣлъ къ нимъ, убѣдясь, что это только «разговоръ разговариванье» — и ничего больше. Но я все же часто видался съ м-ме де-Морсье. Въ ея гостиной мнѣ время отъ времени приходилось встрѣчаться съ новыми и небезынтересными лицами. У нея я познакомился, между прочимъ, съ ея старымъ другомъ Ивомъ Гюйо, весьма энергичнымъ пожилымъ человѣкомъ самыхъ радикальныхъ мнѣній, бездарнымъ писателемъ, но, какъ говорятъ, дѣльнымъ министромъ. Познакомился я также съ знаменитымъ англійскимъ ученымъ Круксомъ, котораго привезъ къ ней Синнеттъ, вѣрный другъ и пособникъ Е. П. Блаватской. Въ этомъ кружкѣ оказалось и двановыхъ теософа, завербованныхъ м-ме де-Морсье, — писатель Шюрэ и журналистъ Драмаръ. Эдуардъ Шюрэ, мало извѣстный поэтъ, но человѣкъ далеко не бездарный, былъ тогда знакомъ любителямъ музыки благодаря изданой имъ большой и обстоятельной книгѣ о Рихардѣ Вагнерѣ, котораго онъ оказывался восторженнымъ поклонникомъ. Впослѣдствіи онъ напечаталъ, между прочимъ и въ «Revue des deux mondes», не мало фантастически-философически-историческихъ статей въ качествѣ поклонника уже не Вагнера, а Будды. Во всякомъ случаѣ это былъ очень милый, образованный и совершенно искренній человѣкъ, и о немъ у меня сохранилось пріятное воспоминаніе.

Не могу того же сказать о Драмарѣ, избранномъ въ скорости президентомъ (дѣйствительнымъ, ибо «почетнымъ» осталась герцогиня Помаръ) французскаго теософическаго общества. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, весь трясуційся, съ восковымъ лицомъ и то совсѣмъ потухавшими, то безумно горѣвшими глазами. Онъ страдалъ какой-то сложной мучительной болѣзнью и поддерживалъ себя громадными впрыскиваніями морфія, которыя скоро и унесли его въ могилу. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, какъ я встрѣтилъ его у м-ме де-Морсье, онъ былъ еще яркимъ атеистомъ; но вотъ познакомился съ теософическими бро-

шюрками, изданными подъ именемъ герцогини Помаръ, — и на-
шелъ въ нихъ для себя новую религію, которой предался съ бѣ-
шеннымъ фанатизмомъ. Ничего не видя и не будучи даже знако-
мымъ съ Блаватской, онъ началъ пропаганду теософіи и мечталъ
распространить ее во французскомъ народѣ посредствомъ социа-
листическихъ газетъ и кружковъ. Для этого онъ вошелъ въ ком-
панію съ нѣкимъ Малономъ, бывшимъ рабочимъ и членомъ па-
рижской коммуны. Но обо всемъ этомъ я узналъ въпослѣдствіи,
уже возвратясь въ Россію, — тогда же Драмаръ только еще «го-
товился», а я наблюдалъ его, какъ весьма курьезный типъ фран-
цуза фанатика.

Вмѣстѣ съ Шюрэ и Драмаромъ, въ спискахъ членовъ пари-
скаго теософическаго общества, появилось еще двѣ-три свѣтскихъ
дамы, потерпѣвшія сердечныя утраты и искавшія утѣшенія въ
новомъ ученіи. Утѣшенія онѣ не нашли — и скоро стушевались
одна за другою.

Вотъ уже незамѣтно подкралась весна, а о Блаватской не
было ни слуху, ни духу. Послѣ ея торжествующаго письма она
прислала мнѣ, еще въ январѣ, фотографическія группы индій-
скихъ теософовъ, коллекцію самыхъ невѣроятныхъ физіономій,
въ центрѣ которыхъ помѣщалась ея шарообразная фигура съ
выкатившимися глазами и Олкоттъ въ своихъ очкахъ, но уже
прикрытый бѣлымъ балахономъ и — босикомъ. За симъ Олкоттъ
извѣстилъ, что «madame» была больна при смерти, безъ всякой
надежды, что доктора признали ее мертвой; но что махатма М.
внезапно спасъ ее, и она выздоравливаетъ. Послѣ этого извѣстія
до конца апрѣля (по новому стилю) полное молчаніе.

Вдругъ получаю письмо изъ Италіи:

Torre del Greco. Naples. Hôtel del Vesuvio.
29 Апрѣля.

«Дорогой В. С. — Здѣсь! Привезли полумертвую, а осталась
бы въ Индіи, то была бы совсѣмъ мертвая. Видите ли, не мыть-
емъ, такъ катаньемъ. Кляузы Куломбовъ и миссіонеровъ про-
клятыхъ не удались, ни одинъ теософъ не пошелохнулся, при-
няли меня по возвращеніи въ Мадрасъ чуть ли не съ пушечною

пальбою, такъ давай другое. Русскіе де идутъ черезъ Афганистанъ въ Индію; *ergo* Блаватская русская — *стало быть шпіонка*. Это ничего что ровно нѣтъ никакихъ доказательствъ къ этому; миссіонеры распустили клевету, а правительству, испугавшемуся огромнаго вліянія Блаватской среди индусовъ — оно и въ руку: стали офіціально увѣрять, что я непремѣнно «шпіонка». Конечно доказать не могли бы ничего, а пока, по подозрѣнію можно было бы и въ тюрьму засадить, арестовать и кто его знаетъ что сдѣлать со мною! Я это все теперь только узнала въ подробности, мнѣ и не говорили а упаковали, прямо съ постели на французскій пароходъ и пославъ со мною доктора Гартмана, Баваджи ¹⁾ (чела махатмы Кутъ-Хуми, которому онъ приказалъ слѣдовать за мною всюду до моей смерти) и англичанку miss Glupp которая не захотѣла оставить меня — привезли въ Неаполь. Здѣсь въ уединеніи и покоѣ у подошвы Везувія я должна или выздороветь — либо умереть. Должно быть послѣднее. Я наняла квартиру на *три*, или даже *шесть* мѣсяцевъ (?!!). Не давайте моего адреса никому, кромѣ mad. de Morsier. Вотъ пріѣхали бы; видъ чудный, воздухъ здоровѣйшій а жизнь дешевле пареной рѣпы. Плачу за 4 меблированныя комнаты съ кухней 90 франковъ въ отелѣ. За 400 франковъ въ мѣсяцъ насъ четверо живемъ хорошо для теософовъ, не хуже парижскаго. Пріѣхали бы право. Въ письмѣ всего не сказать, а мнѣ надо *многое*, *многое* сказать вамъ прежде нежели *окочурюсь*. Болѣзнь сердца какъ у меня не прощаетъ; да и другія болѣзни не забываютъ. *Швахъ* совсѣмъ, дорогой другъ, пріѣзжайте! Здѣсь можете писать лучше чѣмъ въ Парижѣ, да я вамъ внушу славные сюжеты. Ну, да хранить васъ махатмы, которые спасли меня снова отъ смерти. Выздоровлю, поѣду въ Индію — живая; умру — такъ Баваджи повезетъ обратно тѣло мое. Объ этомъ уже распорядились. Да хранить васъ силы небесныя.

Ваша на вѣки Н. Р. Blavatsky».

¹⁾ Это тѣ самые Гартманъ и Баваджи, или Бабаджи или Дарбагири Нафъ, которые играютъ столь печальную роль въ отчетѣ Годжсона.

*

Я тотчас же отвѣтилъ на это письмо, выражая Еленѣ Петровнѣ мое удовольствіе по поводу того, что она уже не за три-девять земель, а въ Европѣ, совѣтуя ей не помышлять о смерти, не впадать въ такой минорный тонъ и сожалѣя о томъ, что врядъ-ли могу скоро попасть въ Неаполь, несмотря на все мое желаніе. Содержаніе ея письма я сообщилъ m-me де-Морсье, которая весьма обрадовалась и тотчасъ же послала въ Торредель-Грѣко цѣлую связку газетъ съ замѣтками о теософическомъ обществѣ и т. д.

Въ половинѣ мая m-me де-Морсье передала мнѣ слѣдующее, полученное ею письмо:

«Chère et bonne amie, — merci pour les journaux, merci pour tout. Je suis tombée encore une fois malade et je n'ai pu vous répondre plus tôt. Mais je vous supplie de m'écrire deux mots pour me dire ce que devient Solovioff et pourquoi *il ne me répond pas*? Je lui ai écrit deux lettres d'ici — pas un mot de lui! Serait-il malade? Ou bien a-t-il été entraîné par d'autres et prêtant l'oreille aux infamies débitées m'a-t-il tourné le dos, lui aussi, comme M. Myers de la Société Psychique de Londres? Les missionnaires protestants ont dépensé 45,000 roupies — Olcott m'écrit, — pour payer les faux témoins qui ont tellement menti et embrouillé les choses lors de l'enquête faite par M. Hodgson, l'envoyé de la Société Psychique pour les phénomènes que le pauvre Hodgson a perdu la tête. Il a fini par croire que pas un phénomène, avec ou sans moi, n'était vrai, et que commençant par moi et le colonel et finissant par Damodar nous étions tous des *fraudes*, des charlatans! Amen. Mais Solovioff est-il encore ami ou dois-je le perdre lui aussi? De grâce répondez-moi. A vous de coeur H. P. Blavatsky¹⁾».

Письмо это въ первую минуту смутило даже m-me де-Морсье — не помогли и 45,000 рупій.

— Что же вы обо всемъ этомъ думаете? — спрашивала она меня.

¹⁾ „Дорогой и добрый другъ, спасибо за газеты, спасибо за все. Я опять заболѣла и не могла вамъ раньше отвѣтить. Умоляю васъ черкнуть мнѣ два слова и сказать, что такое съ Соловьевымъ и почему онъ мнѣ не отвѣчаетъ? Я ему послала отсюда два письма — а отъ него ни слова! Или онъ боленъ? Или

— Я думаю, что ваша роза Кутъ-Хуми талисманъ весьма ненадежный, что наша бѣдная «madame» попалась, что изъ ея писемъ, довольно фантастическихъ, нѣтъ никакой возможности узнать правду и что слѣдовало бы мнѣ сдѣлать, въ pendant къ Годжсоновскому, тщательное и безпристрастное изслѣдованіе. Къ несчастію, я никакъ не могу теперь ѣхать въ Неаполь.

Но madame де-Морсье все же еще не могла поколебаться. Она не допускала преступности Блаватской, хотя склонна уже была допустить съ ея стороны увлеченія. Во всякомъ случаѣ она оклеветана, во всякомъ случаѣ она глубоко несчастна!

Съ этимъ послѣднимъ заключеніемъ нельзя было не согласиться. Н. Р. В. исчезла — и передъ нами была только Елена Петровна, больная, измученная, далеко не чуждая нашему сердцу. Я поспѣшилъ ей написать о томъ, что мое письмо очевидно пропало и что отъ нея я получилъ всего одно. Между прочимъ я высказалъ, что, по моему мнѣнію, при ней несомнѣнно надежный человѣкъ (я подразумѣвалъ Гартмана, о которомъ она въ Эльберфельдѣ сообщала мнѣ довольно много несимпатичнаго) и что его постоянное присутствіе не можетъ не отзываться на ней болѣзненно. Я писалъ, что вовсе не «повернулся къ ней спиною», что именно теперь особенно бы хотѣлъ ее видѣть; но нездоровьѣ, а если будетъ возможность, то приѣду.

Отвѣтъ ея не заставилъ себя ждать.

Torre del Greco
23 Мая. Суббота.

Дорогой мой В. С.—не везетъ намъ видно обоимъ! Опять я въ постели съ сильными припадками ревматизма и подагры.

онъ увлеченъ другими, вѣрить всѣмъ распространяемымъ гадостямъ и отвернулся отъ меня подобно м-ру Майерсу изъ Лондонскаго психическаго общества? Протестантскіе миссіонеры истратили 45,000 рупій, — пишетъ мнѣ Олкоттъ, — для подкупа ложныхъ свидѣтелей, которые такъ лгали и пугали во время изслѣдованія Годжсона, посланнаго Лондонскимъ обществомъ, что онъ, Годжсонъ, потерялъ голову. Онъ кончилъ тѣмъ, что повѣрилъ, будто ни одинъ феноменъ, съ моимъ участіемъ имъ безъ меня, не былъ неподдѣланъ, и что мы всѣ, начиная съ меня и полковника, и кончая Дамодаромъ,—обманщики и шарлатаны! Аминь. Но Соловьевъ, другъ ли онъ еще или я должна потерять также и его? Ради Бога отвѣчайте. Сердечно ваша Е. П. Блаватская“.

Здѣсь такой холодъ днемъ, а настоящій морозъ по ночамъ и вечерамъ что хоть въ пору Россіи.

Что то неладно въ мірѣ *на чердакѣ*. Вотъ вамъ и южная Италія. Нѣтъ, отецъ родной, не прїѣзжайте, потому что я сама *при первой возможности* уѣзжаю туда, гдѣ хоть и климатъ холодный, да за то комнаты теплыя найдутся, безъ сквозныхъ зефировъ и будетъ что ѣсть кромѣ вѣчныхъ макаронъ. А первая возможность явится только когда Катковъ деньги вышлетъ за «Загадочныя племена» конченные въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Оно хоть и немного, всего 274 стр. но не то семью, не то шестью съ двумя третями или тремя четвертями руб. за страницу (чортъ самъ не разберетъ ихъ счеты!) но и за то спасибо; все же будетъ франковъ тысячъ 6 въ карманѣ. И тогда я намѣрена сейчасъ же ѣхать — коли не окочурюсь ранѣе, — въ Германію на воды. Только куда, сама не знаю. Напишите вы мнѣ ради Аллаха, что, какія воды помогаютъ отъ этой подлой *блѣховины* что-ли, что отравила мою кровь и довела сердце до такой слабости, что его не слышно и съ стетоскопомъ? Разузнайте ка, у докторовъ да начертните. А затѣмъ, сколько въ рублѣ франковъ? также, могу ли я просить у Каткова, вмѣсто 6 р. 71 коп. за печатную страницу (100 р. за листъ) 10 рублей (160 р. за листъ)? Вѣдь при нынѣшнемъ презрѣнномъ состояніи рубля нашего это чортъ знаетъ что такое! Мнѣ въ Америкѣ въ Нью-Йоркѣ предлагаютъ 25 долларовъ за одинъ столбецъ «Писемъ изъ Индіи». Что же я въ самомъ дѣлѣ буду терять время съ Катковымъ. Скажите откровенно: могу ли я просить 10 руб. за страницу или нѣтъ? А теперь у меня и мѣднаго гроша нѣтъ въ карманѣ. Отослали меня, рабу Божию, «самъ-четыре» — съ 700 рупій въ карманѣ, не у меня а у Баваджи, которыя ему дало для нашего прокормленія Общество да и живи на эти деньги! Онъ съ дуру, бѣдный мальчикъ, заплатилъ здѣсь за 3 мѣсяца впередъ. Я больная лежала, а онъ впервые въ Европѣ, еще хуже Могини, для дѣлъ житейскихъ. Слава Богу что Гартманъ уѣхалъ и насъ теперь трое только: преданная мнѣ Мэри Флиппъ, которая изъ свѣтской Бомбейской барышни превратилась добровольно въ мою няньку и

служанку, да мой маленькій Дебъ (Дарбагири Наеъ) котораго мы зовемъ *Ваваджи*. Этотъ—за меня въ огонь и въ воду полѣзеть. Бросилъ родину, и касту, и общество для меня и поклялся торжественно передъ всей любящей меня Индіей не покидать меня до смерти. Но онъ невинный индусъ, не разговаривавшій до меня ни съ одною женщиною кромѣ своей матери во время младенчества, аскетъ и аза въ глаза не знаетъ ни Европы, ни ея обычаевъ, ни даже того, что мнѣ требуется. А Мэри золотое сердце, да дура набитая, избалованная дома, не умѣющая даже кофе сварить на конфоркѣ; съ нею даже и говорить нельзя ни о чемъ, какъ о нарядахъ, а только можно любить ее за ея преданность. Вотъ мое положеніе.

Если это къ Hartmann'у не лежитъ ваше сердце, то въ этомъ вы правы. Этотъ ужасный человѣкъ сдѣлалъ мнѣ больше зла своимъ заступничествомъ и часто *фальшиво* нежели Куломбы своей открытой ложью. Онъ то защищалъ меня въ газетахъ, то писалъ такіе «экивоки», что даже враждебныя мнѣ газеты только рты отворяли, замѣчая: «вотъ такъ другъ!» Онъ одинъ день защищалъ меня въ письмахъ къ Юму и другимъ теософамъ, то намекалъ на такія гадости, что его корреспонденты всѣ пошли противъ меня. Это онъ сдѣлалъ Ходжсона посланнаго Психическимъ Лондонскимъ обществомъ дѣлать въ Индіи слѣдствіе о феноменахъ—врага вмѣсто друга чѣмъ онъ прежде былъ. Онъ циникъ, лгунъ, хитеръ и мстителенъ и его ревность къ «хозяину» и зависть ко всякому, на кого хозяинъ обращаетъ малѣйшее вниманіе просто отвратительны! Изъ преданнаго намъ Judge'a, посланнаго Олкоттомъ изъ Парижа въ Адьяръ, онъ сдѣлалъ намъ врага. Онъ возстановилъ противъ меня одно время всѣхъ Европейцевъ въ Адьярѣ, Лэнъ Фокса, мистера и мистриссъ Оклэй, Брауна, не могъ только возстановить однихъ индусовъ, которые его ненавидятъ и давно поняли. Теперь, мнѣ же пришлось спасать «Общество» отъ него, согласясь подъ предлогомъ, что онъ докторъ, взять его съ собою. Общество и первый, Олкоттъ, такъ его боялись что не смѣли даже выгнать. И все это онъ дѣлалъ чтобъ завладѣть одному мною, высосать изъ меня, пока я еще жива все

что я знаю — недопускать Субба-Рао писать со мною «La doctrine secrète», а самому ее писать подь моимъ руководствомъ. Но онъ очень ошибся. Я его привезла сюда и объявила, что писать теперь *The secret doctrine* совсѣмъ не буду, а буду писать для русскихъ журналовъ, я отказалась сказать ему хоть одно слово объ оккультизмѣ. Видя что я поклялась молчать и учить его не буду, онъ уѣхалъ наконецъ. Должно быть станеть теперь врать на меня Германскому Обществу. Да мнѣ теперь все равно. Пусть вретъ. Это онъ подговорилъ Баваджи заплатить за три мѣсяца впередъ, зная, что у меня денегъ нѣтъ и я поневолѣ останусь здѣсь ¹⁾).

Но я пишу Каткову и потребую свои кровныя деньги за «Загадочныя Племена» и тогда уѣду въ Висбаденъ, Мариненбаденъ или какой нибудь другой *Баденъ* которые мнѣ очень нужны; а затѣмъ посѣлюсь въ Мюнхенъ или около Вѣны мнѣ все равно гдѣ, лишь бы найти теплую комнату, да быть поближе къ Россіи, къ Х. такъ чтобы умирая, видѣть ее возлѣ меня. Посовѣтуйте, что дѣлать!

Изъ двухъ вашихъ писемъ я получила одно простое да другое заказное *сегодня только* и спѣшу отвѣчать. Тутъ даже и почта съ ума сошла. Приносятъ мнѣ однажды, на дняхъ, письмо страховое: росписалась и ужъ собиралась распечатать, какъ вдругъ вижу — не ко мнѣ, а какому-то Благовѣщенскому въ Нагасаки въ Японіи а совсѣмъ не въ Неаполь!! и кажется съ деньгами еще, а почтальонъ ушелъ; три дня затѣмъ я отдала его назадъ въ Неаполь на почтѣ самому директору который страшно смутился.

¹⁾ Если къ фактамъ отчета Годжсона присоединить эту характеристику самой Блаватской, — то образъ доктора Гартмана становится совсѣмъ ясенъ. Но г-жа Желиховская извлекаетъ изъ этого джентльмена большую для себя пользу. Своими статьями въ „Новостяхъ“ она предпосылаетъ такой эпиграфъ: „Не далеко то будущее, когда историкъ радъ будетъ перерыть всѣ архивы, дабы найти единое слово изъ жизни Е. П. Б.“ — и подписываетъ: „Д-ръ Гартманъ“. Читатель полагаетъ, что это извѣстный нѣмецкій философъ Эдуардъ Гартманъ, весьма интересующійся, какъ вѣдомо многимъ, разными необъяснимыми явленіями, — и проникается почтениемъ, думая: „а! если и Гартманъ, значить дѣло то, пожалуй, и не шутка!“ Но это только маленькая, невинная мистификація. Слова эпиграфа принадлежать всего-на-всего „теософу“ Францу Гартману, состоявшему при Е. П. Блаватской, потомъ отошедшему отъ нея, а затѣмъ, какъ видно

Хорошо бы напечатать это въ Россіи. А ваше письмо можетъ пошло въ Японію...

Вѣчная вамъ любовь и дружба вѣрной вамъ до гроба
Е. Блаватской.

Хочу философскій журналъ издавать гдѣ нибудь здѣсь. Только не успѣю. Конецъ мой близокъ, дорогой мой другъ. Отвѣчайте скорѣй!»

Изъ этого письма, при сопоставленіи его съ «торжествующимъ», Адіарскимъ, первымъ изъ Torgge del Gresco и французскимъ къ m-me де-Морсье, несмотря на всѣ «увлеченія» Елены Петровны, — достаточно ясно обрисовывалось ея дѣйствительное жалкое положеніе. Она, очевидно, потерпѣла полное пораженіе «тамъ», и даже чудодѣйственное спасеніе ея отъ смерти махатмами не произвело должнаго впечатлѣнія. Она бѣжала въ Европу (ибо инициатива, по ея характеру и привычкамъ, могла принадлежать *только ей*, а ужь никакъ не Олкотту и не какому-то «совѣту общества»), совсѣмъ больная, съ непригодными для нея людьми — и теперь лежитъ въ самой плохой обстановкѣ, безъ помощи, безъ денегъ и забытая всѣми. Поэтому-то она такъ жадно за меня хватается и такъ боится, какъ бы и я отъ нея не отшатнулся. Ъхать къ ней я, къ сожалѣнію, рѣшительно не могъ и утѣшалъ себя мыслью, что теперь вопросъ только въ двухъ-трехъ мѣсяцахъ, что все равно, гдѣ бы то ни было, а ее увижу и, наконецъ, узнаю *все*, обстоятельно и вѣрно.

Черезъ нѣсколько дней, въ самую критическую для себя минуту, Елена Петровна получила «отъ неизвѣстнаго друга» нѣко-

изъ статей г-жи Желиховской, снова къ ней примкнувшему. Г-жа Желиховская называетъ его („Русское Обзоріе“ 1891 г., ноябрь, стр. 244) однимъ изъ лучшихъ, но *неувлекающихся* цѣнителей Е. П. Б. и, въ виду этой неувлекемости, съ особеннымъ удовольствіемъ приводитъ его слова и мнѣнія. Но что скажетъ „историкъ, перерывающій всѣ архивы, дабы найти единое слово изъ жизни Е. П. Б.“, когда онъ прочтетъ эту характеристику панегириста Е. П. Б., сдѣланную ею самою? Не везетъ г-жѣ Желиховской съ защитниками и друзьями „madame“!

торую сумму денег и, конечно, пожелала узнать—кто это пришел ей на помощь. Она писала m-me де-Морсье:

«... Ah, ma pauvre amie! Les temps sont bien changés et la pauvre société de Madras étant sans le sou—je le suis aussi; de manière que cet argent est arrivé bien à propos, je vous assure. Si je pouvais écrire mes articles russes—j'en ferai bien vite; mais le malheur est que j'ai à rester alitée les trois quarts de temps. Je ne durerai pas longtemps — allez! J'accepte cet argent de *l'ami* inconnu sans fausse honte, mais je tiens à savoir son nom. Le maître a refusé de me le dire, en disant simplement que c'était *d'un vrai ami* et que je pouvais accepter. Mais vous, ne me le direz vous pas? Est-ce la Duchesse? Mais non — car pourquoi s'en cacherait-elle, et puis c'est *un* ami et non *une* amie. Dans tout cas le *Maître* le connaît c'est sûr, car il a ajouté que son intuition pour les vérités occultes était grande et qu'il y avait de l'étoffe en lui, *quoique*... mais je ne dois pas le dire, à ce qu'il paraît. Ah que je m'ennuie donc ici, bon Dieu! et que je voudrais *m'en aller*—si le maître le permettait... Que fait donc Solovioff? Est-il malade toujours! je l'aime bien, mon ami Solovioff, mais il dit des bêtises de nos Mahatmas, ce pauvre Thomas l'incrédule.

A vous de coeur Н. Р. Blavatsky » ¹⁾.

Хоть и несчастная, почитавшая себя навѣки побѣжденной и опозоренной, доходившая, очевидно, временами до отчаянія, боль-

1) „... Ахъ, другъ мой! Времена измѣнились, и бѣдное Мадраское Общество безъ гроша,—значитъ и я тоже; такимъ образомъ эти деньги пришли какъ разъ во время, увѣряю васъ. Еслибы я могла писать мои русскія статьи—я скоро бы добыла денегъ; но къ несчастію я принуждена лежать въ постели три четверти времени. Меня не на долго ужъ теперь хватить! Я принимаю эти деньги отъ неизвѣстнаго *друга* безъ ложнаго стыда; но я хочу знать его имя. „Хозяинъ“ отказался сказать мнѣ, кто это, замѣтивъ только, что это *истинный другъ* и что я могу принять. Но не можете ли вы мнѣ сказать? Или это герцогиня? только нѣтъ: зачѣмъ бы ей было скрываться—и къ тому же это мужчина, а не женщина. Во всякомъ случаѣ „хозяинъ“ его знаетъ, потому что прибавилъ о немъ, что у него большія способности къ воспринятію оккультныхъ истинъ, *хотя*... но я, кажется, не должна передавать этого. Боже мой, какъ я здѣсь скучаю! и какъ бы я хотѣла *уйти*—еслибы „хозяинъ“ позволилъ... Что же дѣлаетъ Соловьевъ? Или онъ до сихъ поръ боленъ? Я очень его люблю, моего друга Соловьева, но онъ говорить вздоръ о нашихъ махатмахъ, этотъ Гома невѣрный. Сердечно ваша Е. П. Блаватская“.

ная и покинутая — Елена Петровна все же оставалась вѣрной себѣ. Она продолжала морочить добрыхъ людей своимъ «хозяиномъ», ничуть не смущаясь наивностью и первобытностью этихъ «астральныхъ» визитовъ таинственнаго махатмы, во время которыхъ онъ дѣлаетъ ей сообщенія, ровно ничего не сообщающія, и «спасаетъ» ее, ровно ни отъ чего не спасая. Къ чему же ей придумывать что-нибудь болѣе тонкое и остроумное, когда эта простая «игра» удовлетворяетъ не только ученыхъ дамъ, но даже и ученыхъ кавалеровъ, лишь бы они были «ея, Елены Петровны, друзьями». Вмеѣстѣ съ этимъ, нуждаясь во мнѣ и отдавая мнѣ свою «любовь, дружбу и вѣрность до гроба», она однако очень тревожится, какъ бы я чего не «испортилъ», — ужь очень непочтительно отзываюсь я въ письмахъ къ ней о ея «хозяинѣ» и вообще о всей ея «махатмовщинѣ», — и спѣшитъ предостеречь m-me де-Морсье отъ меня, какъ отъ Оомы невѣрнаго.

М-me де-Морсье ничего не могла сообщить ей относительно «неизвѣстнаго друга», а я послалъ ей, по поводу ея «предостереженій», шутовское письмо, гдѣ говорилъ, что ея «теософическое общество» мнѣ окончательно надоѣло, что я не вѣрю никакимъ ея феноменамъ и махатмамъ; но ее, милѣйшую Елену Петровну, люблю не меньше, чѣмъ она меня любитъ, и намѣреваюсь уничтожить ея злого врага — г-жу Куломбъ. Я прибавлялъ, что скоро уѣзжаю въ Швейцарію и надѣюсь, что мы свидимся, что она вернуться ко мнѣ по пути въ Германію.

На это былъ отвѣтъ:

«Дорогой В. С. — Пишите *идѣ* поселитесь. Я рѣшила ѣхать въ Германію на зиму; покрайней мѣрѣ коли холодно то комнаты теплыя — а здѣсь я постоянно простужаюсь — и проѣздомъ могу остановиться тамъ, гдѣ вы будете. Со мною Кришна Суами ¹⁾, а онъ милый. Что это вы нападаете и въ письмахъ къ *** (г-жѣ У.) на Общество? Ради Бога *хоть ради личной дружбы* не покидайте его; бѣдный Олкоттъ дѣлаетъ то, что ему велитъ совѣсть и онъ и собою радъ сейчасъ же пожертвовать ради блага Обще-

¹⁾ Это одно изъ многочисленныхъ наименованій того же Баваджи.

ства. Увидимся расскажу все. Но что это вы пишете такъ неясно? что вы рѣшили сдѣлать съ подлой Кулонбшей? Она вотъ, какъ я уѣхала, подбила миссіонеровъ — сдѣлать въ ея пользу подписку за «услуги, оказанныя человѣчеству и обществу вообще, разоблачивъ Мад. Блаватскую». Первый подписался епископъ Мадраскій и ей собрали миссіонеры 5,000 рупій, т. е. 10,000 франковъ! Она ѣдетъ въ Европу «за т-те Блаватской вслѣдъ» — пишетъ миссіонеръ Паттерсонъ, редакторъ *обличающаго* меня журнала. Милости просимъ. Но не правда ли, *comme l'innocence triomphe et le vice est puni*? Чудо, что за милый свѣтъ — душка! *Цо то бендзе!* — въ будущемъ то. Что такое надѣлалъ Синнеттъ — ** (г-жа Х.) пишетъ — въ Парижѣ? Я ничего не понимаю! и почему вы не напишете мнѣ обстоятельно? Эхъ, какой вы! Ея брошюра? — хороша и такъ правдива. Я ей *должна до сихъ поръ* деньги? А у меня ея письмо изъ Цейлона 8 лѣтъ спустя, какъ я была въ Египтѣ, въ которомъ она умоляетъ меня дать ей *взаимы денегъ подъ вексель*. Я *фокусничала* въ Каиро? а весь городъ знаетъ и помнитъ что меня и въ городѣ не было, когда *наняты* нами медіумы, ея же пріятельницы, были пойманы съ этими фокусами и я ихъ тотчасъ же прогнала и сама же потеряла 600 франковъ. Ахъ она подлая женщина! Да пусть кто хочетъ спросить въ Каирѣ — тамъ ее всѣ знаютъ и нѣтъ ей другой клички какъ *la sorcière et la voleuse*. И миссіонеры ее протезируютъ теперь! Господи что за гадость и что за конспирація. Довольно объ этой мерзости.

Пишу II часть «Дебрей». Вы мнѣ не отвѣчали на мой вопросъ о Катковѣ. Простудилась — и всю ночь была лихорадка. До свиданья, дорогой В. С.

Вамъ на вѣки преданная Е. Блаватская».

Прочтя это письмо, я могъ только развести руками. Я не имѣлъ понятія о брошюрѣ «Куломбши»; но теперь предо мною, очевидно, было побоище какихъ-то двухъ грандіозныхъ «пуассардокъ». Только за этимъ побоищемъ были не лоханки съ рыбой,

а «всемирное братство», «тайны человеческого духа и природы» съ девизомъ: «нѣтъ религіи выше истины»!..

Я уѣхалъ въ Женеву, а оттуда въ горы и скоро очутился очень высоко, въ маленькомъ мѣстечкѣ, Сень-Сергъ (St.-Cergues), гдѣ и встрѣтился съ m-me де Морсье и ея семейю.

XVII.

Хорошо было въ скромномъ, но совершенно приличномъ «pension Delaigue», помѣщавшемся среди сада, наполненнаго цвѣтами. За шесть франковъ въ сутки давали чистую комнату съ мягкой постелью, завтракъ, обѣдъ и ужинъ — обильные, приготовленные умѣлымъ парижскимъ поваромъ. Женевское озеро представлялось съ высоты голубою лужицей, а Монбланъ глядѣлъ прямо въ глаза во всемъ своемъ серебряномъ величїи. А все же я послалъ Блаватской свой адресъ. Въ концѣ іюля отъ нея письмо:

«Дорогой В. С.—Простите, не могла писать—правая рука такъ распухла, что и пальцы оскоченѣли. Плохо мнѣ. Ёду завтра поселиться на зиму въ Вюрцбургъ нѣсколько часовъ отъ Мюнхена, значить въ Баварїи. Тамъ прозимую, а пока посмотрю, не помогутъ ли воды *Пандуръ* въ Киссингенѣ отъ подагры. Ёду я туда съ Баваджи и miss Flynn, другомъ моимъ, но большой душой.

Господи какъ надоѣла жизнь!.. Хотя пишите коли не можете прїѣхать сами. Кажется отъ Мюнхена до вашего мѣста недалеко; а Вюрцбургъ всего нѣсколько часовъ отъ Баварской столицы. Обѣщаетъ ** (г-жа Х.) прїѣхать. Не знаю такъ ли оно будетъ. А все же ближе отъ О. Мюнхенъ, чѣмъ Неаполь. Здѣсь отъ холода, стужи и дождей мы перешли на жару почище еще Индійской. Душевный вамъ поклонъ и вѣчную, непроходящую любовь и дружбу. Я ёду черезъ Римъ и Верону. Прощайте, или до свиданья—какъ судьба повѣлитъ. До гроба Е. Блаватская».

Черезъ пять дней — телеграмма изъ Рима: «En route pour

Wurzburg près Munich pour hiver. Blavatsky»¹⁾). Въ тотъ же день, черезъ три часа послѣ первой, — вторая телеграмма: «Restons Hôtel Anglo-Américain Rome huit jours écrivez ici. Blavatsky»²⁾). Телеграфирую: «пріѣзжайте сюда» — и даю объясненіе, какимъ путемъ ѣхать. Отвѣтъ на третій день: «Va banque! partons demain Genève, télégraphiez ou la rencontre. Blavatsky»³⁾). Телеграфирую: A St.-Cergues» — и жду, сговорившись съ m-me де-Морсье, что если «madame» не пріѣдетъ, то мы съѣздимъ къ ней въ Женеву.

Но она пріѣхала. Боже мой, что это было за явленіе — я думаю обитатели Сенъ-Серга до сихъ поръ говорятъ о немъ, какъ о чемъ-то баснословномъ!

Въ обычное время, послѣ обѣда, часовъ около трехъ, къ «pension Delaigne» подѣхалъ женевскій дилижансъ. Вокругъ него, какъ и всегда, собралась толпа для того, чтобъ получить газеты, письма и посмотрѣть на пріѣзжихъ, если таковые окажутся.

Вдругъ изъ дилижанса выскочило какое-то странное существо — нѣчто среднее между большой обезьяной и вертялымъ чертенкомъ. Худоба поразительная. Жалкая, какая-то полуевропейская одеженка болтается, будто подъ нею, кромѣ костей, ничего нѣтъ; лицо съ кулачекъ темно-темно коричневаго цвѣта и безъ признаковъ растительности; на головѣ густая шапка длинныхъ, черныхъ, вьющихся волосъ; огромные, конечно, тоже совсѣмъ черные глаза, съ испуганнымъ и подозрительнымъ выраженіемъ. Чертенокъ что-то говорилъ по англійски пискливымъ и въ то же время хриплымъ голосомъ.

За нимъ вылѣзала толстая, крупная, неуклюжая молодая особа съ некрасивымъ лицомъ, краснымъ, растеряннымъ и положительно глупымъ.

Публика, разинувъ рты, смотрѣла на чертенка. Но самое интересное было еще впереди. Чертенокъ и неуклюжая молодая осо-

¹⁾ Мы ѣдемъ въ Вюрцбургъ на зиму.

²⁾ Остановились въ Англо Американской гостинницѣ въ Римѣ на восемь дней. Пишите сюда.

³⁾ Была не была! ѣдемъ завтра въ Женеву, телеграфируйте, гдѣ встрѣча.

ба, а затѣмъ я и м-ше де-Морсье, принялись, съ великимъ трудомъ, высаживать изъ дилижанса нѣчто, въ немъ заключавшееся. Это нѣчто — была сама «мадаме», вся распухшая, измученная путешествіемъ, ворчавшая, съ темно-сѣрымъ громаднымъ лицомъ и вытаращенными, какъ двѣ круглыя выцвѣтшія бирюзы, глазами. На головѣ у нея помѣщалась высочайшая фѣТРовая сѣрая пожарная каска съ вентиляторами и вуалью. Шарообразная ея фигура казалась еще шарообразнѣе отъ невѣроятнаго какого-то балахона, въ который она была облечена.

Облобызавшись съ нами и объявивъ намъ, что Баваджи ровно ничего не понимаетъ, а «эта идиотка» такъ глупа, что подобной дуры никогда еще и не бывало на свѣтѣ, — «мадаме» принялась ихъ ругать самыми отборными словами и тормозить безъ всякаго милосердія. Наконецъ они оба совсѣмъ перестали понимать что-либо, лица ихъ изображали страданіе, а на глазахъ стояли слезы.

Къ довершенію бѣды въ нашемъ «pension» не оказалось свободного помѣщенія, т. е. трехъ смежныхъ комнатъ.

Кое-какъ наконецъ все уладилось, и черезъ часъ Елена Петровна была помѣщена въ сосѣднемъ домѣ, съ плохимъ аппетитомъ обѣдала, бранилась, чертенокъ и молодая особа металась изъ угла въ уголь, ничѣмъ не умѣя угодить ей, а мы съ м-ше де-Морсье сидѣли и глядѣли на все это.

— Вотъ, теперь сами видите, друзья мои; — обратилась она наконецъ къ намъ, — каково мое положеніе! Иной день не могу двинуть ни руками, ни ногами, лежу, какъ колода — и некому мнѣ ни въ чемъ помочь — Баваджи только вертится волчкомъ и ни съ мѣста, а эта Машка Флинъ (иначе какъ Машкой она ее не называла) естественная дура, и я проклиная тотъ день, когда согласилась взять ее съ собою. Ей, видите ли, было очень скучно тамъ, дома; она вообразила, что въ путешествіи у нея найдутся пріятныя развлеченія и — представьте! какъ только появляется мужчина — она сейчасъ: бантики, вертитъ глазами и вообще ведетъ себя крайне неприлично, хоть и буддистка... Зачѣмъ она въ буддизмъ перешла — не понимаю...

— А вотъ, хоть и дура, — спохватилась «madame», — а спросите ее: вѣдь она почти что каждый день видитъ «хозяина», когда онъ ко мнѣ является! Магу, пойдите сюда!

Машка Флинъ, запыхавшись и съ испуганнымъ выраженіемъ на красномъ лицѣ, прибѣжала.

— Скажите правду, выдаете вы master'а?

— О, да, да, выдаю.

— Ну вотъ видите! зачѣмъ же ей врать, да она такъ глупа, что и соврать-то бы не счумѣла, выдаетъ вотъ — и все тутъ. Пойдите, разубѣдите ее или докажите, что у нея каждый день галлюцинаціи!.. А вотъ господа психисты — вишь я сама махатмъ выдумала!..

Она рѣшительно не могла сообразить, что ея способъ доказательствъ съ помощью свидѣтельствъ Машекъ Флинъ и Баваджи, на европейской территоріи весьма неудаченъ. Когда же она дошла до Куломбовъ, Годжсона и протестантскихъ миссіонеровъ — изъ ея устъ посыпались такіа противурѣчивыя показанія и такая отборная брань, что мы съ m-me де-Морсье пришли въ полное уныніе и почти силою остановили ее и успокоили.

И вдругъ она затихла, преобразилась, отошла отъ своей злобы дня, очутилась въ иныхъ сферахъ. И изъ этихъ иныхъ сферъ слышался ея вдохновенный голосъ:

«...Махатмы говорятъ, что такъ же невозможно открыть *новую* истину, какъ и создать атомъ матеріи или силы. Истина есть то, что существуетъ извѣка — все, что не вѣчно, то ложно. Истинное необходимо существуетъ всегда; но оно не одинаково познается каждымъ и каждый обладаетъ только частью истины. За предѣлами же той части истины, которою владѣетъ извѣстный человѣкъ — истинное и ложное для него смѣшиваются. Впрочемъ ложное не имѣетъ никакой реальности, никакого дѣйствительнаго существованія; оно — отрицаніе истиннаго. Ложно понятая истина — равняется лжи. Невозможно кого-либо обучить истинѣ, передать ему ее. Каждый долженъ самъ найти истину. Все, что можно сдѣлать для тѣхъ, кто не знаетъ истиннаго, это — направить ихъ на настоящую дорогу. Такъ и поступаютъ махатмы...

...Для того, чтобы достигнуть познания тайных сил природы и скрытых истинъ, *между прочимъ и прежде всего* необходимо *обсуждать всѣ свои дѣйствія*, поступать по разсужденію и не допускать себя плыть по теченію случайностей и обстоятельствъ. Въ большинствѣ случаевъ люди поступаютъ дурно сами не зная зачѣмъ. Стоитъ взглянуть въ свою прошлую жизнь—и увидишь, сколько было въ ней ошибокъ, казавшихся естественными поступками...

Суевѣрія существуютъ точно такъ же и въ нравственности, какъ и въ религіи; много людей, погрязшихъ въ предрасудкахъ, считаютъ себя правыми и судятъ о дѣйствіяхъ другихъ со своей ограниченной и узкой точки зрѣнія. Скольکو, на примѣръ, людей не имѣютъ иного критерія для сужденія объ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной кромѣ предрасудковъ! Такіе люди судятъ очень неправильно за неимѣніемъ истиннаго критерія.

Важно, слѣдовательно, имѣть опредѣленное и истинное понятіе о добрѣ и злѣ, о хорошемъ и дурномъ; затѣмъ слѣдуетъ руководствоваться исключительно своей совѣстью. Но такъ какъ невозможно знать, что происходитъ въ совѣсти другого, то слѣдуетъ воздерживаться отъ сужденія о поступкахъ, всѣ побудительныя причины которыхъ неизвѣстны.

Первое правило нравственности заключается въ искренности, т. е. надо жить и дѣйствовать согласно съ открыто исповѣдуемыми каждымъ принципами.

Критерій нашихъ поступковъ долженъ заключаться въ пониманіи—поступаемъ ли мы для себя, съ эгоистичной цѣлью, или для другихъ. Все, что приводитъ насъ къ эгоизму, къ исключительному поклоненію самому себѣ, — дурно; все, что насъ пріобщаетъ къ человѣчеству, все, что насъ можетъ цѣльнѣе поглотить въ *великомъ цѣломъ*, — хорошо.

Существуетъ опасное проявленіе эгоизма, отъ котораго надо очень беречься, — это своего рода гордость, заставляющая насъ приносить себя въ жертву за ничто, даромъ.

«Принесеніе себя въ жертву внѣ долга — есть самоубійство» — говорятъ махатмы. Слѣдовательно, надо исполнять долгъ,

чего бы это ни стоило; но не хорошо желать покинуть свою сферу безъ особой нужды и отдавать свою жизнь, когда долгъ того не требуетъ. Истина — всегда истина, хотя бы исходила отъ безумца. Лордъ Байронъ могъ быть очень безнравственнымъ человѣкомъ, но тѣмъ не менѣе онъ возвѣстилъ великія истины.

Всякій, кто объявляетъ себя неспособнымъ содѣйствовать великому, все развивающему дѣлу природы, и безполезнымъ въ мірѣ — богохульствуетъ. Онъ лжетъ ужъ даже потому, что существуетъ, потому что онъ есть слѣдствіе бывшихъ причинъ и причина будущихъ неисчислимыхъ послѣдствій. Каждому мыслителю тяжело думать о томъ, какъ мало пользы приносить его существованіе.

Ужасно понимать добро, истину, красоту, необходимость многихъ существенныхъ реформъ въ строѣ человѣческаго общества — и чувствовать себя безсильнымъ провести свои мысли и осуществить свое желаніе.

Но все же необходимо успокоиться на томъ, что такъ какъ *ничто* не пропадаетъ и не исчезаетъ въ природѣ, какъ въ сферѣ физической, такъ и въ сферѣ интеллектуальной, — то ужъ одинъ фактъ познанія добра и любви къ нему долженъ производить благія послѣдствія, хоть мы и не можемъ дать себѣ отчета, какимъ способомъ это происходитъ, посредствомъ какихъ комбинацій природа творить это.

Никто, однако, не можетъ сотворить полное благо, достаточно совершить и *лучшее*.

«Жизнь — долгая агонія» — но если смотрѣть на вещи философски (а смотрѣть такъ именно и необходимо), надѣ придется признаться, что въ *окультизмѣ* (occulte — тайный, потаенный) можно найти большія утѣшенія.

Въ силу закона причинности, составляющаго основу этого ученія, извѣстно, что наши земныя страданія — нечто иное, какъ слѣдствіе прежнихъ причинъ, дѣйствіе которыхъ, такимъ образомъ, можетъ быть ослаблено, смягчено, измѣнено приложеніемъ противоположныхъ причинъ, т. е. поступками, дѣйствіями, согласными съ природными законами.

Далѣ, по тому же закону причинности, всякая причина производить какое-нибудь слѣдствіе, какъ бы она ни была незначительна. Такимъ образомъ, добрая мысль, благородное намѣреніе вовсе не такъ безсильны, какъ это можетъ сразу показаться, и необходимо производить свое послѣдствіе, хотя и такое, которое мы не можемъ еще анализировать, а развѣ только признавать.

Въ дѣйствительности мысль творить. Эдгаръ По, въ своемъ могучемъ прозрѣніи, отгадалъ много оккультныхъ истинъ и принциповъ и, между прочимъ, развилъ это положеніе въ своей фантазіи: «Могущество слова».

Сколько разъ люди, не имѣя возможности вылѣчить безнадежно страждущаго, утипали его страданія одной своей къ нему симпатіей. Одно уже сочувствіе необходимо производить добро; мысль дѣятельна и творить: добрая—добро, дурная—зло.

Надо бѣжать за истиной всюду, гдѣ только можно найти ее. Когда отдаешься добру, то всегда приходится начинать со страданій; это происходитъ отъ кажущагося безсилія помочь торжеству истины. Но посредствомъ постепеннаго самоотрѣшенія, убіенія въ себѣ всякаго эгоистическаго чувства, мало-по-малу достигается счастье. Позднѣе, когда мы дойдемъ до познанія истины, то убѣдимся, что наши добрыя усилія были гораздо успѣшнѣе, чѣмъ теперь намъ кажется. Въ этомъ убѣжденіи будетъ достаточная награда доброй и мужественно пройденной жизни.

Очень часто люди, доходящіе до отчаянія вслѣдствіе такой кажущейся имъ неспособности защищать правду и вѣчно создающіе себѣ неразрѣшимыя задачи, —сходятъ съ ума. Такъ какъ подобные люди нерѣдко бывали увлекаемы оккультизмомъ, то и составилось ложное мнѣніе, что эта доктрина помрачаетъ разумъ. Но никогда еще оккультизмъ не свелъ съ ума человѣка, пользовавшагося до того здравымъ разсудкомъ, наоборотъ, не разъ люди, уже бывшіе на нути къ безумію, вслѣдствіе злоупотребленій метафизикой, были излѣчены и наведены на истинный путь изученіемъ оккультныхъ наукъ.

*

Слѣдовательно, нечего изводить на оккультизмъ обвиненія въ помраченіи и гибели людей, обращающихся къ нему среди своего безумія. Но ничто въ свѣтѣ, даже изученіе великихъ истинъ, не можетъ спасти тѣхъ, кто не сообразуется съ законами природы > ...

Подобныя мысли, во всякомъ случаѣ интересныя, а иной разъ и весьма глубокія,—всегда высказывались Еленой Петровой съ необыкновенной простотой и ясностью, составляющими несомнѣнный признакъ истинной талантливости, и, конечно, были главнѣйшимъ магнитомъ, меня къ ней притягивавшимъ. Иной разъ, и притомъ совсѣмъ неожиданно, она превращалась въ настоящую вдохновенную проповѣдницу, вся преображалась и заставляла забывать, что вѣдь однако она не иное что, какъ самая беззастѣнчивая обманщица, которую надо только окончательно, осознательно для всѣхъ, разоблачить и постараться заставить навсегда прекратить ея пагубныя, возмутительныя обманы.

Ежечасно мѣняясь и выказывая поочередно всѣ свои качества и недостатки, сама постоянно горя и кипя, она образовывала вокругъ себя какой-то вихрь, въ который, хоть временно, попадалъ всякій, пришедшій съ нею въ непосредственное соприкосновеніе. Сразу невозможно было очнуться—голова кружилась. Но она, несмотря на всѣ свои физическія страданія, порывы отчаянья, бѣшенства, безнадежности—все же шла къ своей цѣли. Теперь ей, прежде всего, необходимо было забрать въ руки меня и ш-ше де-Морсье. Ея другъ и помощникъ, Синнеттъ, уже сообщилъ ей изъ Лондона подробное содержаніе приготавливавшагося къ печатанію отчета Годжсона, и она сразу получила прямо въ сердце такую обиду: ее объявляютъ обманщицей, а Олкотта виновнымъ глупцомъ!

— Да напишите же вы, ради всего святого, Майерсу, — упрашивала она меня, — что вѣдь это съ ихъ стороны идиотство! ужъ если я мошенница, такъ и Олкоттъ мошенникъ! ну, глупъ онъ, ну доврчивъ, да вѣдь не до такой же степени. Вѣдь это было бы совсѣмъ неестественно! И зачѣмъ это имъ надо его выгораживать?

Эта «несправедливость» возмущала и бѣсила ее до послѣдней степени.

Но она забыла и объ Олкоттѣ, когда я, въ разговорѣ, замѣтилъ, что скоро мы съ нею должны развѣхаться въ разныя стороны.

— Куда жъ это вы?

— Хочу провести начало осени въ Люцернѣ, а къ первому октября долженъ быть въ Петербургѣ.

Она стала буквально умолять меня ѣхать съ нею въ Вюрцбургъ и, хорошо понимая, что августъ и сентябрь въ душномъ нѣмецкомъ городѣ не особенно для меня привлекательны, обратилась къ соблазну.

— Поживите въ Вюрцбургѣ два мѣсяца, клянусь вамъ — не раскаетесь. То, чего напрасно добивался Гартманъ, — получите вы. Я ежедневно буду давать вамъ уроки оккультизма — «хозяинъ» разрѣшилъ мнѣ. Я ничего отъ васъ не скрою. И феноменовъ будетъ сколько угодно.

— Елена Петровна, не шутите, вѣдь вы знаете мое теперешнее отношеніе и къ «хозяину», и къ феноменамъ.

— Я знаю, что вы «Θома невѣрный»; но доведу васъ до того, что вы поневолѣ должны будете повѣрить. Даю вамъ честное слово, что открою вамъ все, все, что только возможно!

Но я ужъ и безъ этого «честнаго слова» зналъ, что мнѣ предстоитъ дышать пылью Вюрцбурга. Никакихъ «уроковъ оккультизма» она, конечно, давать мнѣ не будетъ, ибо такихъ «уроковъ» и давать нельзя; но пока я ей нуженъ, пока она одинока и покинута самыми даже преданными ей друзьями, — она изъ всѣхъ силъ станетъ морочить меня «феноменами» — и вотъ тутъ-то я и узнаю все, что мнѣ надо. Я разгляжу со всѣхъ сторонъ это феноменальнѣйшее существо, подобнаго которому, разумѣется, никогда ужъ не придется встрѣтить.

Я написалъ Майерсу, что, не зная Годжсона и его разслѣдованія, а также и того, насколько точно и безпристрастно это разслѣдованіе, я предпринимаю мое собственное, проживу болѣе или менѣе долгое время въ Вюрцбургѣ, куда переселяется Бла-

ватская — и узнаю все. О результатах моего разслѣдованія извѣщу своевременно.

Письмо это я, при m-me де-Морсье, показалъ Блаватской, и она не только не смутилась, но крайне обрадовалась. Она очевидно рассчитывала или на свою ловкость, или на мою «дружбу». А дружба, на ея жаргонѣ, была синонимомъ укрывательства.

Успокоясь на мой счетъ и отложивъ «уроки оккультизма» до Вюрцбурга, она принялась за m-me де-Морсье. Въ дѣлѣ «теософическаго общества» былъ нѣкій довольно щекотливый вопросъ. По ученію какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ «магистовъ» — великая Изида снимаетъ свой покровъ лишь передъ дѣвственно чистымъ существомъ, незнакомымъ со страстями и похотями человѣческими. Чтобы стать истиннымъ адептомъ, узнать высшія тайны природы и получить способность управлять природными силами (проще — производить разные феномены), необходимо всю жизнь, съ колыбели и до могилы, оставаться строгимъ аскетомъ.

«Поэтому, вотъ, и Могини можетъ со временемъ стать такимъ же великимъ адептомъ, какъ Моріа или Кутъ-Хуми, — поясняла Блаватская, — онъ дѣвственникъ и никогда не глядитъ на женщинъ, онъ аскетъ».

Вмѣстѣ съ этимъ парижскіе теософы «знали», между прочимъ и со словъ Олкотта и того же Могини, что «madame» прошла уже весьма высокія «посвященія», что она находится на одной изъ высшихъ ступеней таинственной лѣстницы, что она безъ церемоніи разоблачаетъ Изиду и производитъ удивительные феномены. Аскетъ Могини, по ея знаку, подползаетъ къ ней, какъ пресмыкающееся, и цѣлуетъ край ея одежды.

Какимъ же образомъ все это согласовалось съ тѣмъ, также несомнѣннымъ фактомъ, что «m-me» — madame, а не «mademoiselle», что она — «veuve Blavatsky?»

Вопросъ назрѣлъ, съ нимъ уже не разъ «подѣбжали» къ «madame» и, особенно въ такое опасное время, на него надо было рѣшительно отвѣтить. M-me де-Морсье, это золотое горячее сердце, этотъ пламенный ораторъ, эта страстная защитница жен-

скихъ правъ и женской чести—оказывалась, конечно, самымъ лучшимъ и чистымъ листомъ бумаги для начертанія такого отвѣта. Но раньше надо было сдѣлать «пробу пера», посмотрѣть—красиво ли выходитъ—и Елена Петровна устремила на меня свой «загадочный» взглядъ.

Съ искусствомъ, которому могла бы позавидовать Сарра Бернаръ, она повѣдала мнѣ тайну своей жизни. Все противъ нея; но вѣдь дѣло не въ томъ, чѣмъ «слыть», а въ томъ, чѣмъ «быть». До сихъ поръ ходятъ самые удивительные рассказы о романическихъ приключеніяхъ ея молодости, и она только удивляется, какъ это я не слыхалъ о ней ничего подобнаго въ Россіи. А между тѣмъ вотъ *истина*: она никогда неспособна была любить страстно, мужчины, какъ таковые, для нея не существовали — «такая ужъ, видно, рыба натура». У нея съ дѣтства была одна только страсть—оккультизмъ. Она вышла замужъ за Блаватскаго только для того, чтобы освободиться отъ опеки родныхъ; но онъ никогда не былъ ея мужемъ, и скоро она отъ него убѣжала. Она всю жизнь странствовала изъ страны въ страну и жадно предавалась изученію оккультизма, искала, «стучала», пока не нашла, пока не «отверзлось». И вотъ теперь она старуха, *veuve Blavatsky*,—и, несмотря на это, она осталась дѣвой, непорочной дѣвой...

А между тѣмъ нѣтъ дыму безъ огня; откуда же явилась у ней репутація скорѣе жрицы Венеры, чѣмъ жрицы Изиды? А вотъ откуда: она захотѣла спасти честь одной своей пріятельницы и признала своимъ ребенка этой пріятельницы. Она не разставалась съ нимъ, сама его воспитывала, называла своимъ сыномъ передъ всѣми. Потомъ онъ умеръ...

Не могу сказать, что я ей повѣрилъ; но игра ея была до того хороша, что я все же не сталъ бы *тогда* ручаться въ полной лживости этого рассказа: я ничего еще не зналъ о ней, у меня не было никакого свидѣтельства противъ клятвенныхъ показаній ея исповѣди. Во всякомъ случаѣ она очевидно осталась довольна сама собою и, въ первомъ *tête-à-tête* съ m-me де-Морсье, посвятила и ее въ эту тайну.

Я не присутствовалъ при этой бесѣдѣ, но видѣлъ результатъ ея: m-me де-Морсье была совсѣмъ растрогана, повѣрила безусловно всему и, со слезами на глазахъ, цѣловала руку Елены Петровны.

— *‘Ah, quel acte d’heroïsme féminin!’*—повторяла она.

XVIII.

Восемь дней провела Блаватская въ Сентъ-Сергѣ. Погода испортилась, ревматизмы «*madame*» разгулялись, Машка Флинтъ доводила ее до изступленія. Дѣйствительно, эта молодая особа вела себя довольно странно. Она стала выдумывать себѣ какія-то удивительныя прически и головные уборы и, хоть почти ни слова не умѣла сказать по-французски, но все же отправилась на деревенскій праздникъ и пѣла тамъ и плясала съ большимъ воодушевленіемъ. Кончила она тѣмъ, что стала проповѣдовать буддизмъ какимъ-то невиннымъ швейцарцамъ. Эта проповѣдь ограничивалась, главнымъ образомъ, странными жестами, да показываніемъ извѣстнаго амулета, который Машка Флинтъ носила на груди вмѣсто креста. Непонятные жесты и довольно понятный амулетъ произвели, конечно, сенсацію.

Елена Петровна рѣшила, что Машка только бѣситъ ее и компрометируетъ, а потому ее слѣдуетъ немедленно «сплавить» въ Англію, гдѣ у нея есть дядя. Этому рѣшенію много способствовало то обстоятельство, что тутъ же, въ *pension*, нашлась горничная, говорившая по-французски и по-нѣмецки и согласившаяся ѣхать въ Вюрцбургъ съ тѣмъ, чтобы принять на себя всѣ многостороннія обязанности бѣдной Машки.

Какъ ни горька была при «*madame*» жизнь этой обиженной природой англо-индійской Машки, она все же оказалась по-собачьему привязанной къ своей мучительницѣ, и неожиданный остракизмъ сильно огорчилъ ее и обидѣлъ. Начались слезы и рыданія. Но у «*madame*» былъ приготовленъ, въ видѣ сладкаго

успокоительнаго, хорошенькій «феномень». Еще въ Torre del Greco Машка потеряла драгоценный, красивый перстень. Она очень горевала по случаю этой потери. И вотъ, передъ самымъ отъѣздомъ, къ «madame» явился «хозяинъ» и оставилъ у нея «точь въ точь такой же» перстень, который и былъ торжественно врученъ Машкѣ отъ его имени. Это много ее успокоило, и она уѣхала, не сдѣлавъ никакой раздражительной сцены.

Наконецъ, погода измѣнилась къ лучшему. Стало тепло и ясно.

Мы двинулись изъ Сень-Серга, покидая m-me де-Морсье, которая должна была еще нѣкоторое время здѣсь остаться. Разставанье двухъ дамъ было трогательно. Не думали онѣ и не гадали, что въ самомъ непродолжительномъ времени отношенія ихъ другъ къ другу совершенно измѣнятся, и что имъ ужъ не суждено больше встрѣтиться въ этой жизни.

Я доѣхалъ съ Блаватской до Люцерна и рѣшилъ, что дальше съ ней вмѣстѣ не поѣду: она и Баваджи обращали на себя всеобщее вниманіе, были центромъ черезчуръ веселыхъ взглядовъ «публики». Я объявилъ, что пробуду нѣсколько дней въ Люцернѣ, затѣмъ съѣзжу въ Гейдельбергъ и уже оттуда приѣду въ Вюрцбургъ. Елена Петровна не стала спорить, такъ какъ получила извѣстіе, что въ Вюрцбургѣ ее ждутъ приѣхавшіе туда для свиданія съ нею друзья, шведскій профессоръ Бергенъ съ женою, которые и помогутъ ей тамъ устроиться.

Дѣйствительно, я засталъ ее въ Вюрцбургѣ уже совсѣмъ въ иномъ положеніи и настроеніи. Она была окружена «рабами». Для нея устраивалась, на лучшей улицѣ города, Людвигштрассе, очень удобная и просторная квартира, несравненно лучше и уютнѣе парижской. Г. Бергенъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ румянымъ и благодушнымъ лицомъ, подобострастно глядѣлъ ей въ глаза и благоговѣйно внималъ ея рѣчамъ, а жена его, сухенькая и довольно безсловесная шведка, съ видимымъ наслажденіемъ исполняла всякую черную работу, была у «madame» на побѣгушкахъ и время отъ времени чмокала ее то въ плечико, то въ ручку. Надо сказать, что эту самую даму я видѣлъ въ Парижѣ у m-me де-Морсье, и она держала себя со всѣми сдержанно и не

безъ важности. Про нее мнѣ рассказывали, что она принадлежить къ какому-то старому и богатому шведскому роду, что она сдѣлала *mésalliance*, выйдя замужъ за Бергена, и принесла ему очень большое приданое.

Однако и эта самоотверженная дама не могла долго выдержатъ роли *bonne à tout faire*, она устроила всю хозяйственную обстановку Елены Петровны, сдѣлала всѣ нужныя для нея закупки и, когда изъ Сентъ-Серга пріѣхала нанятая тамъ горничная, она сняла свой передникъ, отмыла себѣ руки, въ послѣдній разъ чмокнула «*madame*» въ плечико и въ ручку, пролила слезы разлуки и исчезла изъ Вюрцбурга вмѣстѣ съ мужемъ.

Теперь настало для меня время серьезно приступить къ моему разслѣдованію. Я поселился въ гостиницѣ Рюгмера, недалеко отъ Людвигштрассе; здѣсь меня кормили весьма своеобразными нѣмецкими завтраками и обѣдами, а все свободное отъ сна, ѣды и прогулокъ по городу время я проводилъ у Блаватской. Только что уѣхали Бергены—она опять совсѣмъ разболѣлась, и вотъ—прибѣжавшій ко мнѣ и весь дрожавшій отъ ужаса Баваджи объявилъ своимъ пискливымъ и хриплымъ голосомъ, что «*madame*» очень плохо, что докторъ, извѣстный специалистъ по внутреннимъ болѣзнямъ, совсѣмъ встревоженъ.

Я поспѣшилъ, вмѣстѣ съ Баваджи, на Людвигштрассе и въ гостиную засталъ доктора. На мой вопросъ о больной онъ сказалъ мнѣ:

— Я не видалъ ничего подобнаго въ теченіе всей моей многолѣтней практики. У нея нѣсколько смертельныхъ болѣзней,—всякій человѣкъ отъ каждой изъ нихъ давно бы умеръ. Но это какая-то феноменальная натура, и если она жива до сихъ поръ, то, какъ знать, можетъ быть прожить и еще.

— Но въ настоящую-то минуту нѣтъ опасности для жизни?

— Опасность для жизни продолжается уже нѣсколько лѣтъ; но вотъ она жива! удивительное, удивительное явленіе!

Онъ имѣлъ видъ глубоко заинтересованнаго человѣка.

Елену Петровну я засталъ опять всю распухшую, почти безъ движенія. Но прошелъ день—и она стала сползать съ кро-

вати къ письменному столу и писала иной разъ по цѣлымъ часамъ, скрежеща зубами отъ боли. Она говорила мнѣ, что работаетъ цѣлую ночь; но этого я, конечно, не могъ провѣрить. Какъ бы то ни было, изъ-подъ ея пера выливались страницы и листы съ удивительною быстротою.

Теософическіе наши уроки оккультизма не представляли для меня особаго интереса — она не то что не хотѣла, а просто не могла сказать мнѣ что-либо новое. Въ состояніе пророческаго экстаза она не приходила, и я уносилъ нетронутой мою записную книгу, въ которую намѣревался записывать ея интересныя мысли, афоризмы и сентенціи. Я ждалъ обѣщанныхъ «феноменовъ», и это ее видимо мучило. Она стала приставать ко мнѣ, чтобы я печатно заявилъ о фактѣ явленія мнѣ «хозяина» въ Эльберфельдѣ и подтвердилъ этимъ дѣйствительность существованія махатмъ.

На это я отвѣчалъ ей, что, при всемъ моемъ желаніи сдѣлать ей угодное, никакъ не могу исполнить ея просьбы, ибо болѣе, чѣмъ когда-либо, убѣжденъ въ томъ, что никакой «хозяинъ» мнѣ не являлся, а былъ у меня только яркій сонъ, вызванный съ одной стороны нервной усталостью, а съ другой тѣмъ, что она заставила меня почти цѣлый вечеръ глядѣть на ослѣпительно освѣщенный портретъ.

Это доводило ее до отчаянія. Я уже дня два чувствовалъ, глядя на нее, что вотъ-вотъ произойдетъ какой-нибудь феноменъ. Такъ и случилось.

Прихожу утромъ. За громаднымъ письменнымъ столомъ сидитъ Елена Петровна въ своемъ креслѣ, необыкновенномъ по размѣрамъ и присланномъ ей въ подарокъ Гебгардомъ изъ Эльберфельда. У противоположнаго конца стола стоитъ крохотный Баваджи съ растеряннымъ взглядомъ потускнѣвшихъ глазъ. На меня онъ рѣшительно не въ состояніи взглянуть — и это, конечно, отъ меня не ускользаетъ. Передъ Баваджи на столѣ разбросано нѣсколько листовъ чистой бумаги. Этого прежде никогда не бывало — и я становлюсь внимательнѣе. У Баваджи въ рукѣ большой толстый карандашъ. Я начинаю кое-что соображать.

— Ну, посмотрите на этого несчастнаго! — сразу обращается

ко мнѣ Елена Петровна, — вѣдь на немъ лица нѣтъ... Онъ доводить меня до послѣдняго! Воображаетъ, что здѣсь, въ Европѣ, можно вести такой же режимъ, какъ въ Индіи. Онъ тамъ кромѣ молока и меду ничего не ѣлъ — и тутъ то-же дѣлаетъ. Я говорю, что если онъ такъ будетъ продолжать, то умереть, а онъ и слушать не хочетъ. И то ужъ сегодня ночью былъ припадокъ...

Затѣмъ она отъ Баваджи перешла къ Лондонскому Психическому Обществу и снова стала убѣждать меня относительно «хозяина». Баваджи стоялъ, какъ истуканъ — въ нашемъ разговорѣ онъ не могъ принимать участія, потому что не зналъ ни одного слова по-русски.

— Однако такая недовѣрчивость къ свидѣтельству даже своихъ глазъ, такое упорное невѣріе, какое у васъ, — просто непростительно. Это, наконецъ, грѣшно! — воскликнула Елена Петровна.

Я въ это время ходилъ по комнатѣ и не спускалъ глазъ съ Баваджи. Я видѣлъ, что онъ, какъ-то подергиваясь всѣмъ тѣломъ, таращить глаза, а рука его, вооруженная большимъ карандашомъ, тщательно выводилъ на листѣ бумаги какія-то буквы.

— Посмотрите... что такое съ нимъ дѣлается! — крикнула Блаватская.

— Ничего особеннаго, — отвѣтилъ я, — онъ пишетъ *по-русски*!

Я видѣлъ, какъ все лицо ея побагровѣло. Она закопошилась въ креслѣ съ очевиднымъ желаніемъ подняться и взять у него бумагу. Но она, распухшая, съ почти недвижавшимися ногами, не могла скоро этого сдѣлать. Я подбѣжалъ, схватилъ листъ и увидѣлъ красиво *нарисованную* русскую фразу.

Баваджи долженъ былъ написать на неизвѣстномъ ему русскомъ языкѣ: «Блаженны вѣрующіе, какъ сказалъ Великій Адептъ». Онъ хорошо выучилъ свой урокъ, онъ запомнилъ правильно форму всѣхъ буквъ, но... пропустилъ двѣ въ словѣ «вѣрующіе», пропустилъ *ъ* и *ю*.

— Блаженны *врущие*! — громко прочелъ я, не удерживаясь отъ разобравшаго меня хохота. — Лучше этого быть ничего не

можеть! О, Баваджи! надо было лучше подготовиться къ экзамену!

Крохотный индусъ закрылъ лицо руками, бросился изъ комнаты, и я разслышалъ вдали его истерическія рыданія.

Блаватская сидѣла съ искаженнымъ лицомъ.

— Такъ вы думаете, что это я подучила его? — наконецъ крикнула она, — вы считаете меня способной на такую вопіющую глупость!.. Это надъ нимъ, бѣднымъ, «скорлупы» спиритическія забавляются... а мнѣ вотъ такая непріятность!.. Богъ мой, такъ неужели бы я, еслибъ захотѣла обмануть васъ, не могла придумать чего-нибудь поумнѣе! вѣдь это ужъ чересчуръ глупо!..

Показаніе m-me де-Морсье.

Lorsque Bavadjée passa à Paris au mois de Septembre il me dit ceci à peu près: «A vous on peut tout dire, je puis bien vous raconter que m-me Blavatsky, sachant qu'elle ne pouvait gagner m-r Solovioff que par l'occultisme, lui promettait toujours de lui enseigner de nouveaux mystères à Wurtzbourg et même elle venait me demander à moi: «Mais que puis-je lui dire encore? Bavadjée, sauvez-moi, trouvez quelque chose—etc—je ne sais plus qu'inventer...»

E. de Morsier ¹⁾.

Съ этого неудавшагося феномена дѣло пошло быстрѣе, и я видѣлъ, что скоро буду въ состояніи послать мистеру Майерсу и всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ весьма интересныя добавленія къ отчету Психическаго Общества.

¹⁾ Когда Баваджи приѣхалъ въ Парижъ въ сентябрѣ, онъ мнѣ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Вамъ можно сказать все, я могу вамъ разказать, что г-жа Блаватская, зная, что можегъ заполучить г-на Соловьева только съ помощью оккультизма, постоянно общала ему открыть въ Вюрцбургѣ разныя тайны и даже приходила ко мнѣ, говоря: „Но что же я могу еще ему сказать? Баваджи, спасите меня, найдите что-нибудь—и т. д.—я ужъ больше не знаю, что выдумать“... Е. де-Морсье.

XIX.

Русское писаніе Баваджи, съ его «блаженны врущіе», сразу подвинуло мои дѣла. Блаватская все еще сильно страдала; но уже могла кое-какъ пройти по комнатамъ. Работала она, несмотря на болѣзнь свою, въ четыре руки: доканчивала статьи для «Русскаго Вѣстника», писала фантастическіе рассказы, переводила, ужъ не помню что, для своего «Theosophist'a», готовилась къ началу «Тайнаго ученія». Въ скоромъ времени долженъ былъ пріѣхать къ ней изъ Англіи Синнеттъ, которому она намѣревалась диктовать новую *правду* «о своей жизни».

Покуда же, въ полномъ одиночествѣ, она тосковала и никакъ не могла обойтись безъ меня. Я долженъ былъ, во что бы ни стало, воспользоваться этимъ временемъ, а то появятся ея «не-русскіе» друзья — и она ускользнетъ отъ меня.

Она ежедневно, когда я приходилъ къ ней, старалась сдѣлать мнѣ что-нибудь пріятное, то-есть произвести какой-нибудь маленькій «феноменчикъ»; но ей никакъ этого не удавалось. Такъ, однажды, раздался ея знаменитый «серебряный колокольчикъ» — и вдругъ возлѣ нея что-то упало на полъ. Я поспѣшилъ, поднялъ, — и у меня въ рукѣ оказалась какая-то хорошенькая, тонкой работы и странной формы, маленькая серебряная штучка. Елена Петровна измѣнилась въ лицѣ и выхватила у меня эту штучку. Я многозначительно крикнулъ, улыбнулся и заговорилъ о постороннемъ.

Въ другой разъ я сказалъ ей, что желалъ бы имѣть настоящую розовую эссенцію, приготовляемую въ Индіи.

— Очень жаль, у меня такой нѣтъ, отвѣтила она, — вообще сильно пахучихъ веществъ я не люблю и не держу; но не ручаюсь, что вы не получите изъ Индіи розовую эссенцію, ту самую, о которой говорите, — и даже весьма скоро.

Слѣдя за ней съ этой минуты, я отлично видѣлъ, какъ она отворила одинъ изъ ящичковъ своего стола и вынула оттуда что-то. Потомъ, черезъ полчаса времени, она, походивъ около меня,

очень ловко и осторожно опустила мнѣ въ карманъ какой-то маленькій предметъ. Еслибы я не наблюдалъ каждаго ея движенія и не понималъ, зачѣмъ именно она кругомъ меня ходить, я, вѣроятно, ничего бы и не замѣтилъ.

Но я тотчасъ же вынулъ изъ кармана маленькій плоскій пузырекъ, откупорилъ его, понюхалъ и сказалъ:

— Это не розовая эссенція, Елена Петровна, а померанцевое масло — вашъ «хозяинъ» ошибся.

— Ахъ, чортъ возьми! — не удержавшись воскликнула она.

Наконецъ насталъ рѣшительный день и часъ. Я пришелъ и увидѣлъ, что она въ самомъ мрачномъ и тревожномъ настроеніи духа.

— Что съ вами, на васъ лица нѣтъ! Случилось что-нибудь? — спросилъ я.

— Я получила сегодня такія возмутительныя, подлыя письма... лучше бы и не читала! — воскликнула она, вся багровѣя и съ признаками того раздраженія, во время котораго она совсѣмъ теряла голову и была способна на всевозможныя глупости, о которыхъ потомъ, вѣроятно, часто жалѣла.

— Отъ кого же письма? Изъ Лондона?

— Да, изъ Лондона, все равно, отъ кого... отъ обманныхъ друзей, отъ людей, которымъ я дѣлала одно только добро и которые готовы наплевать на меня теперь, когда мнѣ именно нужна вся ихъ поддержка... Ну, что жъ, ну и конецъ всему! Ну, и поколѣю! Такъ имъ отъ этого нешто легче будетъ!.. Совсѣмъ плохо, другъ мой, такія дѣла! Дрянъ — дѣла, хуже не бывало!..

— Да, вотъ... такія дѣла, — сказалъ я, — а вы тутъ игрушечками занимаетесь, феноменчики мнѣ устраиваете.

Она блѣснула на меня глазами и пробурчала:

— Такъ вѣдь вамъ же все феноменовъ требуется!

— И изъ Россіи есть письмо, — прибавила она ужъ инымъ тономъ, — моя милая Х. пишетъ... ѣдетъ сюда, ко мнѣ, на дняхъ будетъ.

— Очень радъ слышать, — сказалъ я и подумалъ: «ну, теперь скорѣе, скорѣе, пока нѣтъ помѣхи и пока она въ такомъ настроеніи!»

И тотчас же явился прекрасный случай мнѣ на подмогу.

Блаватская заговорила о «Theosophist'ѣ» и упомянула имя Субба-Рао, какъ индуса, обладающаго весьма большой ученостью.

— И какое у него лицо умное, замѣчательное! Помните, я вамъ прислала группы теософовъ и подписала имена... Неужто вамъ не бросилось въ глаза его лицо?

— Не помню что-то.

— Да вотъ, постойте, вонъ тамъ, на столикѣ, откройте шка-тулку и поищите... тамъ должна быть его карточка вмѣстѣ со мною, Дамодаромъ и Баваджи.

Я отперъ шкатулку, нашелъ портретъ и подаль его ей вмѣстѣ съ пачкой хорошо мнѣ знакомыхъ китайскихъ конвертиковъ, въ которыхъ обыкновенно получались «избранниками» письма махатмъ Моріи и Кутъ-Хуми, появляющіяся «астральнымъ путемъ».

— Вотъ, Елена Петровна, — и я совѣтовалъ бы вамъ по-дальше прятать запасъ этихъ «хозяйскихъ» конвертиковъ. Вы такъ ужасно разсѣяны и неосторожны.

Легко себѣ представить, что сдѣлалось съ нею. Взглянувъ на нее, я даже испугался — ея лицо совсѣмъ почернѣло. Она хотѣла сказать что-то и не могла, только вся безсильно дергалась въ своемъ громадномъ креслѣ.

— Да и вообще, пора же, наконецъ, кончить всю эту комедію, — продолжалъ я. — Давно я ужъ гляжу на васъ и только уди-вляюсь. Вы, такая умная женщина, и относитесь ко мнѣ, какъ малый ребенокъ. Неужели вамъ, въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ не ясно, что еще въ Парижѣ, послѣ «феномена съ портретомъ въ медальонѣ», я убѣдился въ поддѣльности вашихъ феноменовъ. Съ тѣхъ поръ эта увѣренность могла только возрасти, а не уничто-житься. Мнѣ всегда казалось, что я достаточно «не скрывалъ» отъ васъ мои взгляды. Я все ждалъ, что вы, наконецъ, сами пре-кратите смѣшную игру со мною и станете серьезны.

Елена Петровна вытаращила на меня глаза и всматривалась ими въ меня изо всей силы. Я уже достаточно подготовилъ ее къ

убѣжденію, что я человѣкъ, любящій посмѣяться, легко относящійся къ ея «обществу», но расположенный лично къ ней. Я твердо зналъ мою роль и такъ же твердо зналъ, что только этой ролью добьюсь, наконецъ, сегодня всего, чего такъ давно хотѣлъ добиться. Пронзительные глаза «madame» не заставили меня смутиться — я улыбался и глядѣлъ на нее, укоризненно качая головою.

— Такъ вѣдь если вы увѣрены, что я только и дѣлаю, что обманываю всѣхъ на свѣтѣ, вы должны презирать меня! — наконецъ воскликнула Блаватская.

Ничего, пусть она сочтетъ меня теперь способнымъ на очень «широкіе» взгляды. Я вдругъ рѣшился.

— Отчего же! — отвѣчалъ я. — Обманъ обману рознь, есть надувательство и надувательство! Играть роль, какую вы играете, увлекать за собою толпы, заинтересовывать собою ученыхъ, учреждать «общества» въ разныхъ странахъ, возбуждать цѣлое движеніе — помилуйте! да вѣдь это необычайно, и я невольно восхищаюсь вами! Такой необыкновенной женщины, какъ вы, я никогда не встрѣчалъ и, навѣрно, никогда не встрѣчу въ жизни... Да, Елена Петровна, я изумляюсь вамъ, какъ настоящей, крупной, геркулесовской силѣ, дѣйствующей въ такое время, когда слишкомъ часто приходится встрѣчаться съ жалкимъ безсиліемъ. Конечно, «находить временныя тучи»... но я думаю, что вы еще сумѣете разогнать эти тучи, передъ вами громадная арена... и по ней вы шестуете, какъ гигантскій слонъ, окруженный прыгающими вокругъ васъ вашими индійскими и европейскими обезьянками «макашками»-теософами! Это грандіозная картина, и вы меня ею просто заколдовываете!..

«Панъ или пропаль!» мелькнуло у меня въ головѣ, и я, въ свою очередь, впивался въ нее глазами. Да, она, дѣйствительно, слонъ, но вѣдь и слона можно поймать, если взяться за это умѣючи. А я не даромъ такъ долго возился съ нею, я уже достаточно зналъ ее и понималъ, что минута самая удобная, что она въ самомъ подходящемъ настроеніи, и что я взялъ самую настоящую ноту.

Ея мрачная, изумленная и почти испуганная физиономія стала быстро проясняться. Глаза такъ и горѣли, она съ трудомъ дышала, охваченная возбужденіемъ.

— Да! — вдругъ воскликнула она, — у васъ очень горячее сердце и очень холодная голова, и не даромъ мы встрѣтились съ вами! Вотъ въ томъ-то и бѣда, что кругомъ слона, ежели я и впрямь слонъ, только однѣ «макашки». Одинъ въ полѣ не воинъ, и теперь, среди всѣхъ этихъ свалившихся на меня напастей, старая и больная, я слишкомъ хорошо это чувствую. Олкоттъ ползень на своемъ мѣстѣ; но онъ вообще такой осель, такой болванъ! Сколько разъ онъ меня подводилъ, сколько бѣдъ мнѣ устроилъ своей непроходимой глупостью!.. Придите мнѣ на помощь, и мы съ вами удивимъ весь міръ, все будетъ у насъ въ рукахъ...

Меня всего начинало коробить — и отъ радости, и отъ отвращенія. Я былъ у цѣли; но моя роль оказывалась чрезчуръ трудной. Я могъ теперь только молчать и слушать. По счастью, ей ужъ не нужно было моихъ словъ. Ее прорвало и, какъ это всегда съ ней случалось, она не могла остановиться.

Она пришла въ экстазъ, въ ея горячемъ воображеніи, очевидно, внезапно рождались и созрѣвали самыя неожиданныя и смѣлыя комбинаціи, она почувствовала себя вышедшей изъ такъ измучившаго ее одиночества.

Вѣдь со времени *измѣны* «Куломбши» и за отсутствіемъ Олкотта она не имѣла сообщника, съ которымъ бы могла отвести душу. Баваджи, какъ существо подчиненное, какъ подначальное орудіе, по своему положенію и развитію не могъ удовлетворять ее. А безъ «личнаго друга» и сообщника, съ которымъ бы можно было бесѣдовать и совѣтоваться нараспашку, тѣша при этомъ свою страсть къ цинизму и насмѣшливости, она долго жить, очевидно, не могла. Она была страшно голодна послѣ невыносимой сдержанности и просто насыщалась въ полномъ самозабвеніи.

— Что жъ дѣлать, — говорила она, — когда для того, чтобы владѣть людьми, необходимо ихъ обманывать, когда для того, чтобы ихъ увлечь и заставить гнаться за чѣмъ бы то ни было,

нужно имъ обѣщать и показывать игрушечки... Вѣдь будь мои книги и «Теософистъ» въ тысячу разъ интереснѣе и серьезнѣе, развѣ я имѣла бы гдѣ бы то ни было и какой бы то ни было успѣхъ, еслибъ за всѣмъ этимъ не стояли «феномены»? Ровно ничего бы не добились и давнымъ давно поколѣла бы съ голоду. Раздавили бы меня... и даже никто не сталъ бы задумываться, что вѣдь и я тоже существо живое, тоже вѣдь пить-ѣсть хочу... Но я давно ужъ, давно поняла этихъ душекъ-людей и глупость ихъ доставляетъ мнѣ громадное иногда удовольствіе... Вотъ вы такъ «не удовлетворены» моими феноменами, а знаете ли, что почти всегда, чѣмъ проще, глупѣе и грубѣе «феноменъ», тѣмъ онъ вѣрнѣе удается. Я могу вамъ разсказать на этотъ счетъ, когда-нибудь, такіе анекдоты, что животики надорвете отъ смѣху, право! Громадное большинство людей, считающихъ себя и считающихся умными, глупы непроходимо. Еслибы знали вы, какіе львы и орлы, во всѣхъ странахъ свѣта, подъ мою свистульку превращались въ ословъ и, стояло мнѣ засвистѣть, послушно хлопали мнѣ въ тактъ огромными ушами!..

— Однако, вѣдь вамъ случалось же попадаться, — сказала я, — и при вашей удивительной неосторожности и разсѣянности, я полагаю, это случалось нерѣдко.

— Очень ошибаетесь! — съ азартомъ воскликнула она, — да, я дѣйствительно бываю и неосторожна, и разсѣянна, но люди, за очень, очень малыми исключеніями, гораздо разсѣяннѣе меня, это просто какія-то сонныя тетери, какіе-то слѣпцы, совсѣмъ ничего не замѣчающіе! Повѣрите ли, что за все это время, и до теософическаго общества, и послѣ его основанія, я, можетъ быть, всего двухъ-трехъ человѣкъ встрѣтила, которые умѣли наблюдать и видѣть и помнить то, что вокругъ нихъ происходитъ. Просто диву даешься! По меньшей мѣрѣ, девяти десятыхъ людей совсѣмъ лишены способности вниманія и точной памяти о происходившемъ хоть бы за нѣсколько лишь часовъ передъ тѣмъ. Сколько разъ случалось, что, подъ моимъ *направленіемъ и редакціей*, составлялись протоколы разныхъ происшествій и феноменовъ, и вотъ, самые невинные и добросовѣстные люди, даже скептики,

*

даже прямо подозрѣвавшіе меня, подписывались en toutes lettres свидѣтелями подъ этими протоколами. А вѣдь я-то знала, что все было вовсе не такъ, какъ значилось въ протоколахъ. Да-съ, милостивый государь мой, смѣю васъ завѣрить, что въ исторіи, даже самой документальной, гораздо больше фантазиі, чѣмъ правды!

— Можетъ быть, только все жъ вы попадались, вѣдь не у одного же меня такая, по вашему выраженію, холодная голова.

— Ну, и что жъ, и попадалась, а когда попадалась, то вывертывалась, и всегда кончалось тѣмъ, что поймавшіе меня все-таки оставались при пиковомъ интересѣ.

— Неужели вы одна—авторъ философскихъ и иныхъ писемъ Кутъ-Хуми?

— Нѣтъ, иной разъ мнѣ приходили на помощь челы, и Дамодаръ, и Субба-Рао, и Могини...

— А Синнеттъ?

— Синнеттъ пороку не выдумаетъ; но у него прекрасный слогъ... Онъ отличный редакторъ.

— А Олкоттъ?

— Олкоттъ тоже можетъ недурно редактировать, когда понимаетъ, о чемъ-такое говорится. Только ему приходится все такъ разжѣвывать, что дѣлается тошно. Но онъ можетъ объясняться съ индусами, онъ какъ-то умѣетъ на нихъ дѣйствовать, и они охотно идутъ за нимъ,—въ этомъ надо ему отдать справедливость... Ну, и потомъ, онъ очень часто, и тамъ, и здѣсь, помогать мнѣ въ феноменахъ... только самъ онъ ничего не выдумаетъ. Съ нимъ я всегда такъ: сядь тамъ, скажи то-то, сдѣлай то-то. Помните, какъ въ Эльберфельдѣ... А «психисты»-то его выгораживаютъ! Вотъ вамъ и разслѣдованіе!.. Ахъ, батюшка, смѣху достойно все это, право!

— Покажите мнѣ, пожалуйста, волшебный колокольчикъ.

Она сдѣлала какое-то движеніе рукою подъ своей накидкой, потомъ вытянула руку, и гдѣ-то въ воздухѣ раздались такъ изумлявшіе всѣхъ тихіе звуки эоловой арфы. Потомъ опять движеніе подъ накидкой—и въ ея рукѣ съ гибкими, остроконечными пальцами, очутилась уже знакомая мнѣ серебряная штука.

— Да-съ, волшебный колокольчик! — въ самозабвеніи хвастала она, — остроумная вещица!.. Это мой оккультный телеграфъ; посредствомъ его я сообщаюсь съ «хозяиномъ»...

Я хотѣлъ взять у нея изъ руки «штучку» и разглядѣть ея устройство. Но она встала, поднесла хитрую вещицу къ моимъ глазамъ и вдругъ положила ее въ столъ и заперла ящикъ на ключъ.

— Много будете знать — скоро состарѣетесь! — сказала она, — все въ свое время, а теперь главное: спасите меня, помогите мнѣ... подготовьте почву для моей дѣятельности въ Россіи... Я думала, что мнѣ нѣтъ ужъ возврата на родину... Но вѣдь онъ возможенъ... Кое-кто сдѣлають тамъ все, что можно, но вы можете больше всѣхъ теперь. Пишите, больше, громче о теософическомъ обществѣ, заинтересуйте имъ... и «создавайте» русскія письма Куть-Хуми... Я вамъ дамъ для нихъ всѣ матеріалы...

Конечно, я долженъ былъ ожидать чего-нибудь подобнаго — и ожидалъ. Но я все же не въ силахъ былъ больше выдерживать мою роль. Я схватилъ шляпу и, ни слова не говоря, почти выбжалъ на свѣжій воздухъ.

XX.

Вернувшись къ себѣ въ гостинницу Рюгмера и записавъ дословно всю эту изумительную бесѣду, я успокоился и хладнокровно обдумалъ только-что случившееся. Я легко пришелъ къ заключенію, что, съ одной стороны, я добился *всего*, а съ другой — *почти ничего*.

То, что я сразу сталъ подозрѣвать, въ чемъ потомъ увѣрился, — я теперь уже *зналъ*, *зналъ* со словъ самой Блаватской. Она мнѣ сдѣлала такія признанія, какихъ, разумѣется, не дѣлала никому кромѣ своихъ сообщниковъ. Но кто же мнѣ повѣритъ, что я все это отъ нея слышалъ, и при такихъ обстоятельствахъ? Прежде всего надо знать эту женщину такъ же хорошо, какъ я

ее теперь знаю, чтобы допустить возможность съ ея стороны подобной глупости.

Конечно, еслибъ у меня былъ уже тогда въ рукахъ отчетъ Годжсона и другіе документы, сдѣлавшіеся потомъ извѣстными помимо меня и болѣе или менѣе выясняющіе, на какія противорѣчія со здравымъ смысломъ Блаватская была способна,—я увидѣлъ бы въ нихъ значительную для себя поддержку. Но я еще не былъ знакомъ съ этими документами.

Я зналъ, что, несмотря на противный, измучившій меня часъ, проведенный мною, —я ничего не выигралъ. Напротивъ, мое положеніе стало хуже. Не особенно пріятно знать правду, добиться ее такимъ тяжелымъ путемъ и быть вынужденнымъ таить ее про себя или слышать: «Однако, милостивый государь, это довольно невѣроятно и у васъ нѣтъ никакихъ законныхъ доказательствъ возможности того, что вы рассказываете!» Вѣдь даже немногіе друзья мои скажутъ мнѣ: «мы вѣримъ; но все же лучше объ этомъ молчать, пока нѣтъ явныхъ доказательствъ тому, что Блаватская способна сдѣлать подобныя признанія». А между тѣмъ, не будучи въ силахъ довести свою роль до конца, я лишилъ себя возможности добиться чего-нибудь такого, что можетъ служить требуемымъ обстоятельствами доказательствомъ. Блаватская непременно станетъ теперь замечать слѣды содѣянной ею глупости и постарается оставить меня, по ея выраженію, «при пиковомъ интересѣ».

Что же теперь? уѣхать скорѣе и забыть объ этой исторіи. Но, во-первыхъ, я не могъ сейчасъ уѣхать, такъ какъ у меня, неожиданно, оказалось дѣло въ Вюрцбургѣ, и я долженъ былъ прожить здѣсь еще около двухъ недѣль, а, во-вторыхъ, я былъ увѣренъ, что Блаватская непременно дастъ о себѣ знать, не разстанется такъ со мною. И меня сильно тянуло посмотреть, что же еще теперь можетъ придумать эта невѣроятная женщина.

Такъ размышлялъ я, когда у моей двери раздался стукъ и затѣмъ передъ мной очутилась крошечная, жалкая фигурка Баваджи.

«Вотъ какъ скоро!» —подумалъ я.

Обезьяньи движенія индуса выказывали большое волненіе. Его громадныя черныя глаза горѣли, синія его губы дрожали и все темно-коричневое лицо передергивалось.

— Voici la lettre... monsieur, lisez... madame attend... -услышалъ я его хриплый отвратительный голосъ и его ломаный французскій языкъ.

Я развернулъ записку и прочелъ:

«Сейчасъ видѣла **хозяина** (два раза подчеркнуто). То, что онъ приказалъ мнѣ вамъ сказать будетъ для васъ новостью и *вышито быть можетъ не только нашу съ вами участь, но быть можетъ если вы хоть разъ повѣрите мнѣ* (только въ томъ то и прелесть что даже было бы легче для меня и лучше для дѣла, еслибы вы зрѣли въ одной мнѣ *résumé* всѣхъ якобы выдуманныхъ много «хозяевъ») — *то вы какъ патриотъ оказали бы огромную услугу и Россіи. Приходите* какъ можно раньше. Е. Б.».

Я перечелъ и разъ, и другой, и третій. Она такъ волнуется, такъ спѣшить, что даже написала, въ смыслѣ русскаго языка, что-то крайне нелѣпое. Она должна во что бы ни стало меня видѣть и бояться, какъ бы я не исчезъ навсегда послѣ того, что случилось. Она заинтересовываетъ меня какъ только умѣетъ и для лучшаго дѣйствія своей мистификаціи ухватывается за Россію и за патриотизмъ. Но «хозяинъ»!! на что же она рассчитываетъ, продолжая говорить о «хозяинѣ» теперь? Во всякомъ случаѣ она достигла цѣли, меня заинтриговала, заставила рѣшиться идти къ ней — что, при моемъ ходѣ мыслей, было ей и не трудно сдѣлать. Взглянуть на нее теперь было любопытно въ высшей степени.

Баваджи, послѣ «блаженны врущія», всѣ эти дни отъ меня прятался и, несмотря на крики и требованія Блаватской, ни разу не вошелъ въ ея кабинетъ, когда я былъ тамъ. Разъ я столкнулся съ нимъ лицомъ къ лицу, онъ глубоко поклонился мнѣ и, отвернувъ голову, убѣжалъ. Теперь ему, очевидно, было приказано, подъ страхомъ смертной казни, не смѣть возвращаться безъ меня. Легко могло стать, что онъ даже былъ битъ, ибо иначе врядъ ли бы рѣшился явиться ко мнѣ въ гостиницу. Онъ

не смотрѣлъ на меня, весь дрожалъ и хрипѣлъ умоляющимъ голосомъ:

— Monsieur... allons nous deux... madame prie... madame malade...

Увидя, что я собираюсь идти, онъ какъ-то странно завизжалъ, захохоталъ, началъ метаться, слетѣлъ стрѣлой съ лѣстницы и помчался впередъ радостнымъ вѣстникомъ.

Что-то еще придумаетъ удивительная «madame», когда ужъ, кажется, придумать рѣшительно нечего?

Я вошелъ къ ней и засталъ ее на обычномъ мѣстѣ, въ креслѣ у стола. Ея лицо было ужасно, все въ темно-красныхъ пятнахъ. Она отдувалась; но изо всѣхъ силъ старалась казаться спокойной.

— Что это вы, батюшка, вдругъ сбѣжали? — прямо спросила она и не особенно искусно засмѣялась. — Что съ вами приключилось? были здѣсь — и вдругъ смотрю: васъ нѣтъ! Да ужъ полно, были ли вы у меня сегодня? можетъ, это мнѣ такъ только почудилось, что я васъ видѣла и разговаривала съ вами?!

— Нѣтъ, Елена Петровна, вамъ не почудилось, что было — то было...

— Такъ куда же вы дѣвались?

— Видите ли, я могу удивляться вамъ и очень вами интересоваться, я могу, *malgré tout*, чувствовать къ вамъ невольное расположеніе, какъ къ соотечественницѣ и изъ ряду выходящей женщинѣ, могу сердечно жалѣть васъ и желать вамъ всякаго добра; но изо всего этого еще не слѣдуетъ, что вы имѣете право предлагать мнѣ «создавать» письма Кутъ-Хуми! такое занятіе не въ моихъ привычкахъ...

Она не дала мнѣ докончить и закричала:

— Какъ? я... я вамъ предлагала это? Никогда я вамъ не говорила ничего подобнаго!..

Мнѣ стало смѣшно — какъ же я не догадался, что съ этого именно и начнется и что ни съ чего другого она, какою я зналъ ее, и начать-то не можетъ. Но что же будетъ дальше?

— Ахъ, такъ вы не говорили! — сказалъ я, — значитъ, это кто-

нибудь другой предложилъ мнѣ такую почетную обязанность... Но вѣдь никого кромѣ васъ не было, мы были вдвоемъ...

Она вдругъ заплакала самыми настоящими слезами; она хваталась за голову и, въ отчаяніи, весьма хорошо изображенномъ, металась на своемъ креслѣ.

— Какое несчастье! — кричала она, — опять, опять этагадость, этотъ дьяволъ, этотъ черный колдунъ, врагъ «хозяина» и мой врагъ овладѣлъ мною!.. Онъ привелъ меня въ безчувствіе — и овладѣлъ моимъ тѣломъ... онъ, значить, говорилъ моимъ языкомъ, а я ничего не знаю!..

«Боже мой, она съ ума сходитъ, помѣшалась!» — мелькнуло у меня въ головѣ.

Между тѣмъ слезы ея остановились, она нѣсколько притихла и продолжала:

— Да, вы конечно не повѣрите, вы сочтете это за вздоръ, сказку, новую безсовѣстную ложь, мною придуманную, а между тѣмъ вотъ что со мною случилось... нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Америкѣ... Я ужъ была почти такъ же стара и безобразна, какъ теперь... а между тѣмъ, вѣдь на свѣтѣ бываютъ всякія безобразія, въ меня влюбился тамъ молодой и красивый армянинъ... Вдругъ онъ является ко мнѣ въ домъ и начинаетъ обращаться со мною какъ только мужъ можетъ обращаться съ женой. Я его гоню вонъ; но онъ не идетъ, онъ говоритъ, что я его жена, что мы наканунѣ съ нимъ законно обвѣнчались, обвѣнчались при свидѣтеляхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Олкоттъ... Я къ Олкотту... онъ, представьте мой ужасъ, подтверждаетъ... онъ былъ свидѣтелемъ на свадьбѣ и подписался... Такъ вѣдь мнѣ какихъ денегъ стоилъ разводъ съ этимъ армяниномъ!.. Вотъ что бываетъ со мною... такъ и теперь... Думайте что хотите, но, клянусь вамъ всѣмъ святымъ, я ничего не помню... вы слышали звуки, исходившіе отъ моего языка, но мой разумъ, моя воля и сознание — отсутствовали...

«Нѣтъ, — рѣшилъ я, — она вовсе несходитъ съ ума, она остается сама собою».

— Придумайте какое-нибудь спосное объясненіе, — сказалъ я.

Она тотчасъ же и придумала.

— Да что жъ,—воскликнула она,—наконецъ это и такъ можетъ быть, что не врагъ нашъ, а самъ «хозяинъ» говорилъ моимъ языкомъ... онъ просто хотѣлъ подвергнуть васъ испытанію!

— Ну, вотъ это объясненіе ужъ нѣсколько лучше перваго, только все же не выдерживаетъ строгой критики, — замѣтилъ я.

Она вдругъ перемѣнила тонъ и злобно на меня посмотрѣла.

— Однако... вы напрасно такъ строги, — медленно произнесла она.—Очень-то строгимъ вамъ быть не приходится, вѣдь вы, какъ бы то ни было, ужъ сильно скомпрометтировали себя, давъ Лондонскимъ «психистамъ» описаніе появленія передъ вами «хозяина»! Хоть дѣйствительность, хоть сонъ, хоть даже мое гипнотическое внушеніе, — а вѣдь все жъ таки видѣли, и описали, и это они пропечатали за вашей подписью. Такъ теперь ужъ поздно на попятный, да и самолюбіе вамъ не позволить! Если моя игра и плоха, и вамъ не по нутру, все же теперь вамъ остается *faire bonne mine au mauvais jeu*...

— Я давно ужъ зналъ, что рано или поздно вы мнѣ это скажете,—отвѣчалъ я,—только, представьте себѣ, меня ничуть все это не пугаетъ. Вы меня видно мало знаете. Прошу васъ не прибѣгать со мною къ подобному оружію...

— Я васъ вовсе не пугаю, — воскликнула Блаватская, — только подумайте хорошенько. Если вы теперь вдругъ станете увѣрять, что не вѣрите больше въ существованіе «хозяина» и Кутъ-Хуми, вамъ будутъ очень, очень большія непріятности. Подумайте объ этомъ, это не шутка!

— Я никогда и никого, ни словенно, ни письменно не увѣрялъ въ томъ, что вѣрю непреложно существованію вашихъ махатмъ. Что же касается непріятностей, то, будучи такъ коротко знакомымъ съ вами, развѣ можно избѣжать ихъ?

— Не сердчайте и не язвите, — опять перемѣняя тонъ и ласково улыбаясь, перебила меня «madame», — мнѣ вѣдь все равно, я думаю только о вашемъ спокойствіи и благѣ. Да, конечно, это всего вѣрнѣе, что тутъ было испытаніе, — продолжала она, совсѣмъ уже успокаиваясь, — если не васъ, то, по крайней мѣрѣ, всѣхъ

теософовъ удовлетворить такое объясненіе... Тѣмъ болѣе, что, какъ я и написала вамъ, «хозяинъ» былъ у меня и сказалъ мнѣ относительно васъ многое. Я вамъ сообщу кое-что съ его словъ... о томъ, что случится съ вами въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Я умоляю васъ, подождите только два мѣсяца—и тогда вы должны будете, несмотря ни на что, убѣдиться въ существованіи «хозяина». Слушайте, вотъ что съ вами случится..

И она, съ необыкновенной увѣренностью, совершенно опредѣленно и точно, сдѣлала мнѣ цѣлый рядъ предсказаній, возвѣстила мнѣ самыя удивительныя событія въ моей личной жизни, которыя должны, одно за другимъ, случиться не позже какъ черезъ два мѣсяца.

— Да перестаньте же, Елена Петровна, — говорилъ я, — вѣдь надо же отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что вы дѣлаете. Вѣдь это же смѣшно — и вы такъ увѣренно говорите, какъ какаля-нибудь гадалка на кофейной гущѣ!

— Я говорю увѣренно, — съ достоинствомъ объявила она, — потому что говорю со словъ «хозяина», а онъ ошибаться не можетъ. Вы были такъ терпѣливы со мною, такъ долго со мною возились, вы говорите до сихъ поръ, что, *malgré tout*, расположены ко мнѣ и меня жалѣете. Умоляю же васъ исполнить мою послѣднюю просьбу: потерпите только два мѣсяца, слышите — только два мѣсяца! Если черезъ эти два мѣсяца вы не убѣдитесь въ существованіи «хозяина» и въ томъ, что всѣ его предсказанія исполнились, — тогда дѣлайте что хотите, хоть печатайте все, что вамъ извѣстно... Только два мѣсяца!.. умоляю васъ... общайтесь мнѣ!

Она, очевидно, хотѣла выгадать время, рассчитывала на всякія случайности и совпаденія и пуще всего боялась, чтобъ именно теперь, когда дѣла ея такъ плохи, не огласился, среди теософическаго общества, ея разрывъ со мною. Но вѣдь все равно, съ такимъ жалкимъ багажомъ, какой былъ у меня, я могъ мало сдѣлать, ничего особенно важнаго, то-есть документальнаго, я не могъ сообщить ни «лондонскому обществу для психическихъ изслѣдованій», ни парижскимъ теософамъ.

Мнѣ тоже оставалось надѣяться, что въ два мѣсяца что-нибудь выяснится и мой багажъ увеличится.

— Хорошо, — сказалъ я, — обещаю вамъ спокойно ждать два мѣсяца, хотя не думайте, что вы поселили во мнѣ хоть малѣйшую тѣнь сомнѣнія...

— О, оставайтесь съ сомнѣніемъ или безъ сомнѣнія! — перебила она, — вы будете ужасно посрамлены!.. конецъ вѣнчаетъ дѣло... «хозяинъ» счумѣетъ удивить васъ, наказать и простить... запишите только его предсказанія, а засимъ, если угодно, я имени его не буду произносить передъ вами до тѣхъ поръ, пока вы сами о немъ не заговорите.

— Да, ужъ объ этомъ я попрошу васъ.

Она совсѣмъ успокоилась и глядѣла побѣдительно. Долгіе годы ея удивительнаго существованія и всевозможныхъ приключеній научили ее жить настоящей минутой.

— Но все же позвольте узнать, — спросилъ я ее, — что такое вы хотѣли сообщить мнѣ столь важное о Россіи и зачѣмъ обращались къ моему патріотизму?

Она навѣрное забыла ужъ содержаніе своей записки, по крайней мѣрѣ забыла роль, которую долженъ былъ играть тутъ ея «хозяинъ». Она сказала:

— Ну, это къ хозяину не имѣетъ никакого отношенія! Я давно хотѣла съ вами поговорить объ этомъ; но не рѣшалась... а вотъ сегодня рѣшилась и докажу вамъ этимъ свое безконечное довѣріе. Опять таки, *malgré tout*, я гляжу на васъ какъ на друга...

— Благодарю за честь! — улыбнувшись поклонился я.

Она или не замѣтила, или сдѣлала видъ, что не замѣтила моего тона.

— Видите ли, что это такое, — начала она, — вы скоро ѣдете въ Петербургъ, устройте очень важное и очень полезное для Россіи дѣло. Я хочу предложить себя тайнымъ агентомъ русскаго правительства для Индіи. Чтобы помочь торжеству моей родины надъ этими подлыми англичанами — я способна на все. Я ненавижу англійское правительство въ Индіи, съ его миссіонерами —

все это личные враги мои, алчущіе моей гибели. Ужь одного этого достаточно, чтобы я всю свою душу положила въ борьбу съ ними... А что я могу надѣлать имъ большихъ бѣдъ въ Индіи—это вѣрно... и только одна я, никто больше не годится для такой роли! Мое вліяніе на индусовъ громадно—этому мнѣ легко представить сколько угодно доказательствъ... За мной, по одному моему знаку, двинутся миллионы индусовъ... Я легко организую громадное возстаніе... Я ручаюсь, что въ годъ времени вся Индія будетъ въ русскихъ рукахъ... Пусть мнѣ только дадутъ денежные средства... многого мнѣ не надо—вы вѣдь знаете меня въ этомъ отношеніи!— пусть мнѣ дадутъ возможность проникнуть въ Индію черезъ Россію, такъ какъ инымъ путемъ, послѣ дѣла Куломбши и миссіонеровъ, я не могу туда пробраться, — и я совершу одно изъ величайшихъ историческихъ дѣяній!.. Я ужъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще во время министерства Тимашева, предлагала это; но не получила никакого отвѣта... А теперь... теперь это для меня еще легче... въ годъ все устрою... Помогите мнѣ въ такомъ патріотическомъ дѣлѣ!..

Такъ вотъ до чего она додумалась! вотъ какое мщеніе хочетъ готовить англичанамъ, ее не оцѣнившимъ! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она искренно увлеклась этимъ планомъ и считала его легко исполнимымъ.

— Я не могу взять на себя хлопоты въ такомъ дѣлѣ,—сказала я,—но вотъ что я вамъ посоветую, если вы дѣйствительно желаете совершить «историческое» дѣяніе и это не фантазія, которую вы завтра же забудете: то, что вы сейчасъ мнѣ сказали—изложите подробно и обстоятельно на бумагѣ, приведите всѣ доказательства вашего вліянія на индусовъ, объясните вашъ планъ дѣйствій и т. д. Эту бумагу пошлите Каткову, съ которымъ у васъ уже давно сношенія и переписка. А затѣмъ—ждите его отвѣта. Если вы боитесь послать такой документъ по почтѣ, дайте его мнѣ, и я общаю вамъ, что передамъ его Каткову. Вотъ все, что я могу сказать вамъ и сдѣлать...

Она была крайне недовольна и, по тому, какъ она взглянула на меня, когда я говорилъ, что могу взять съ собою ея документъ

и передать его Каткову, я даже подумалъ — не боится ли она такого документа именно въ моихъ рукахъ. Какъ бы то ни было, она ни разу не возвращалась къ разговору объ этомъ предметѣ до самаго моего отъѣзда изъ Вюрцбурга.

XXI.

Дня черезъ два или три я узрѣлъ прѣхавшую изъ Россіи госпожу Х. Она трижды, по-русски, облобызалась со мною и въ отмѣнныхъ выраженіяхъ выразила свою радость по случаю нашей вторичной встрѣчи. Я даже провелъ съ ней двое сутокъ вдвоемъ, благодаря поѣздкѣ, совершенной нами въ Нюренбергъ, на выставку разныхъ рѣдкостей. У меня сохранились объ этой поѣздкѣ самыя смѣшныя, комичныя воспоминанія. Полагаю, что мои читатели не поскучали бы, еслибъ я вздумалъ поближе ихъ познакомить съ этой весьма интересной, какъ по внѣшности, такъ и по внутреннимъ, сердечнымъ и душевнымъ качествамъ, особой. Не скученъ былъ бы также и рассказъ о ея мщеніи, которому она подвергла меня за то, что я, разглядѣвъ Елену Петровну, ушелъ отъ знакомства съ нею. Но я рассказываю о моихъ сношеніяхъ съ Блаватской, а не съ ея родными, и не выхожу изъ намѣченныхъ мною рамокъ.

Вслѣдъ за госпожей Х. въ Вюрцбургъ прѣхали Синнеттъ съ женою и Могини съ миссъ Арундэль, той самой пожилой дѣвицей, обладавшей лицомъ, блестящимъ, какъ мѣдный самоваръ, и очками на вздернутомъ носу, съ которой я познакомился у Гебгардовъ въ Эльберфельдѣ. Могини жилъ въ Лондонѣ у этой особы. Теперь она тоже не отпустила его одного къ «madame» и была всецѣло поглощена имъ, что его, какъ я замѣчалъ, весьма тяготило. Я заходилъ въ квартиру Елены Петровны, чтобы побесѣдовать съ госпожей Х. и послушать ея рассказы о разнаго рода чертяхъ, мертвецахъ и ихъ продѣлкахъ. Иной разъ мы отправлялись съ нею гулять, оставляя

миссъ Арундэль съ Могини, а Синнетта съ Блаватской. Они теперь по нѣскольку часовъ въ день были заняты работой, — «madame» диктовала этому «отличному редактору» *самую новѣйшую* правду о своей жизни. Мистриссъ Синнеттъ, очень запуганная и видимо несчастная дама, изображала изъ себя блѣдную и безмолвную тѣнь.

Скоро миссъ Арундэль уѣхала обратно въ Лондонъ, взявъ съ собою не только Могини, но и Баваджи. Я тоже собрался покинуть Вюрцбургъ. Наканунѣ моего отъѣзда, зайдя къ Блаватской, я засталъ ее съ какимъ-то письмомъ въ рукахъ, вылизающую изъ кожи отъ бѣшенства, кричащую и бранящуюся на весь домъ.

— Что такое? что такое?—спрашивалъ я.

— Да помилуйте!—завопила, именно—завопила она,—вотъ уже второй разъ этотъ негодай выкидываетъ со мною такую штуку!..

— Какой негодай? какую штуку?

— Все онъ же, Донъ-Жуанъ нашъ Калькуттскій, Могини! Представьте, тутъ всякія пакости, сплетни, «психисты» доканываютъ, а онъ амуры завелъ съ какой-то англо-французской Бибишкой!.. Вотъ огненное любовное посланіе, полное клятвъ, сладкихъ воспоминаній и... многого другого... подписано: Bibi... Она думала, что онъ еще здѣсь...

— А онъ уѣхалъ и... вы распечатали письмо, ему адресованное...

— Слава Богу, я имѣю право читать всю переписку «челъ!» Нѣтъ, вотъ негодай... и въ такое время! Ужъ разъ это было... клялся, что никогда больше не будетъ... я простила его... и вотъ!

— А какъ же вы увѣрили, что онъ никогда въ жизни и не подходилъ близко ни къ одной молодой особѣ женскаго пола?.. какъ же онъ не только женщинамъ, но и мужчинамъ не протягиваетъ руку, чтобы не оскверниться?!..

— А, да черти бы его взяли, этого болвана! — заглядывая въ письмо и вѣрно напавъ на что-нибудь особенно убѣдительное,

закричала внѣ себя «madame», — хорошъ аскетъ! да у него въ Индіи жена и дѣти остались!

Я не могъ удержаться отъ хохоту и поспѣшилъ уйти.

Передъ отъѣздомъ я пришелъ проститься.

Разставаясь я говорилъ:

— Ну вотъ, Елена Петровна, насталь разлуки нашей часть и, теперь, уже послѣдней разлуки. Выслушайте искренній совѣтъ мой, идущій и отъ головы моей и отъ сердца: пожалѣйте себя, бросьте всю эту ужасную кашитель, отойдите отъ теософическаго общества, какъ не очень давно сами хотѣли, лѣчитесь въ тишинѣ и пишите. У васъ настоящій литературный талантъ, онъ можетъ давать вамъ и средства къ жизни и удовлетвореніе вашему самолюбію. Вы такъ легко работаете — пишите же, пишите въ русскіе журналы, обо всемъ, что видѣли и знаете, только бросьте все это, всѣхъ этихъ махатмъ и чель, всѣхъ этихъ англичанъ и индусовъ... Пусть хоть вечеръ вашей жизни будетъ тихъ и ясенъ. Не берите лишней тягости на душу, остановитесь...

— Поздно! — глухо сказала она, — для меня возврата нѣтъ.

И тотчасъ же, совсѣмъ уже инымъ тономъ, прибавила:

— Знайте, что всѣ предсказанія «хозяина» исполнятся... теперь уже не позже какъ черезъ полтора мѣсяца!

Этими послѣдними словами она дала мнѣ возможность разстаться съ ней навсегда безъ чувства жалости...

Заѣхавъ на короткое время въ Страсбургъ, я отправился въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы, повидавъ моихъ французскихъ друзей, спѣшить въ Россію. Къ моему изумленію, m-me де-Морсье встрѣтила меня вопросомъ: «не знаю ли я чего-нибудь о дѣяніяхъ Могини?» Я отвѣтилъ ей, что наканунѣ моего отъѣзда изъ Вюрцбурга «madame» распечатала какое-то нѣжное посланіе, обращенное къ интересному индусу, и, при этомъ, воскликнула: «ахъ, негодяй, это онъ ужъ второй разъ выкидываетъ со мною такую штуку!»

— Знаете ли, это очень важно, очень важно! — смущенно повторяла m-me де-Морсье.

— Незнаю, насколько это важно; но думаю, что вамъ весьма скоро придется измѣнить мнѣніе не только относительно «челы» Могини, но и относительно весьма многого.

— Къ несчастію, кажется, вы правы, — уныло проговорила она.

— Что же случилось и что вы уже знаете?

Но она все еще хваталась за послѣднія соломинки, а потому не рѣшалась говорить до срока.

— Теперь я еще должна молчать, не спрашивайте меня ни о чемъ, — объявила она.

— И вы меня покуда ни о чемъ не спрашивайте. Я вернусь мѣсяца черезъ два, самое большее три, изъ Петербурга и къ тому времени у меня, надѣюсь, будетъ готово интересное сообщеніе для парижскихъ теософовъ.

На томъ мы и разстались. Пока я былъ въ Россіи, разыгралась самая возмутительная исторія, поднятая «жертвой» донъ-жуанскихъ наклонностей Могини. Впрочемъ эта «жертва», которую я видѣлъ, вовсе не имѣла видъ несчастной, убитой горемъ особы. Она оказалась весьма рѣшительной и чуть было не довела дѣла до суда. Но и безъ суда исторія вышла и громкой, и характерной, а Блаватская сыграла въ ней весьма скверную роль. Документы всего этого дѣла находятся въ моемъ распоряженіи; но оно такъ противно и полно такихъ циничныхъ подробностей, что я не могу на немъ остановиться. Я упомянулъ объ этомъ инцидентѣ лишь для того, чтобы показать—какого рода «святыхъ» представляли изъ себя избранные «челы» фантастическихъ махатмъ и проповѣдники теософическаго ученія.

Я еще въ Парижѣ и потомъ въ Петербургѣ сталъ получать отъ Блаватской письма. Она низачто не хотѣла признать, что наши сношенія покончены, что я навсегда простился съ нею. Къ тому же, обдумавъ все, происшедшее между нами, она, естественно, должна была добиваться моихъ отвѣтныхъ писемъ, чтобы, въ случаѣ чего, имѣть возможность говорить: «номилуйте, мы въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, въ перепискѣ, вотъ его письма!»

Она рассчитывала на мою жалость къ больной и старой жен-

цинѣ, наконецъ на мою «вѣжливость». Ну, какъ же я не отвѣчу, когда она такъ жалуется на свои страданія и вызываетъ къ моему сердцу?

Однако я нашель, что слишкомъ довольно и что дальнѣйшая переписка съ дамой, «проведшей семь лѣтъ въ Тибетъ», не можетъ ужъ доставить мнѣ ни пользы, ни удовольствія. Я пересталъ отвѣчать на ея письма.

Она принимала шуточный тонъ, мило журила меня за молчаніе, приписывала: «Не отвѣтите—Богъ съ вами и писать не буду. Вдова *Анг-Пе-Бе*» или: «ваша на вѣкъ *veuve Blavatsky*». Я молчалъ, а она все же писала.

Наконецъ дождь ея писемъ прекратился, и я уже начиналъ думать, что она обидѣлась и замолчала навсегда. Я былъ несказанно радъ этому, такъ какъ именно тогда, въ Петербургѣ, мнѣ пришлось, отъ нѣсколькихъ лицъ, главное же отъ г-жи У. и ея семьи (почтенная г-жа У. была въ это время съ Еленой Петровной въ размолвкѣ),—получить самыя неожиданныя свѣдѣнія. Свѣдѣнія эти были весьма важны для характеристики «создательницы теософическаго общества» и для сопоставленія съ ея собственными показаніями, изустно и печатно, посредствомъ Синнетта и К^о, распространяемыми ею.

Передо мною возсталъ, какъ оказалось, хорошо извѣстный весьма многимъ въ Россіи образъ искательницы приключеній, прошедшей черезъ все, черезъ чтò можетъ только пройти женщина. Всѣ ея поразительныя приключенья могли бы забыться. Но вѣдь вотъ она становится во главѣ религіознаго движенія и объявляетъ себя даже не кающеюся Магдалиной, а «чистой, непорочною весталкой». Въ виду такихъ заявленій, придуманныхъ ради привлеченія и увлеченія довѣрчивыхъ людей,—обстоятельства мѣнялись...

Вдругъ получаю отъ 9 декабря (по новому стилю) изъ Вюрцбурга французское письмо, написанное совершенно незнакомымъ мнѣ почеркомъ. Гляжу на подпись: «*Agréez, Monsieur, je vous en prie l'expression de mes sentiments distingués. C. Wachtmeister*». Вспоминаю, что Блаватская говорила мнѣ какъ-то вскользь

о какой-то датчанкѣ, графинѣ Вахтмейстеръ. Читаю и удивляюсь: эта незнакомая мнѣ дама, соболѣзнуя моему нездоровью, происходящему отъ неправильнаго кровообращенія, о чемъ она слышала отъ госпожи Блаватской, желаетъ меня вылѣчить.

«Pour vous donner de la confiance en moi, — пишетъ она, — je dois vous dire que j'ai la manie de guérir les gens et que pendant cet été j'ai soigné 250 malades...» ¹⁾.

Затѣмъ эта добрая дама входила во всѣ подробности и рекомендовала мнѣ, *находящемуся въ Петербургѣ, тотчасъ же* приобрѣсти таинственныя капли, *продающіяся только въ Лондонѣ*, и употреблять ихъ такимъ-то и такимъ-то образомъ, а черезъ недѣлю написать ей о результатѣ. «Et alors nous verrons» ²⁾ — говорила она.

Но дѣло, само собою разумѣется, было не въ *капляхъ*, а въ слѣдующей припискѣ:

«...Madame espère bientôt recevoir de vos nouvelles et que vous répondrez à ses lettres; si vous voudriez lui procurer un moment de plaisir vous lui enverrez de vieux timbres poste dont elle fait collection pour sa tante, c'est la quantité non la qualité qui a sa valeur à ses yeux...» ³⁾.

Вотъ къ какой маленькой хитрости прибѣгла Елена Петровна. Она подвигла свою новую пріятельницу написать мнѣ это письмо, рассчитывая, что незнакомой мнѣ дамѣ, которая желаетъ вылѣчить меня отъ болѣзней, я ужъ непременно отвѣчу. Но это было шито до того бѣлыми нитками, что я совершилъ огромную невѣжливость и оставилъ любезное посланіе гр. Вахтмейстеръ безъ отвѣта. Мнѣ не пришлось раскаяваться въ своей невѣжливости, такъ какъ дальнѣйшія свѣдѣнія объ этой дамѣ оправдываютъ мой образъ дѣйствій.

¹⁾ Для того, чтобы вы могли мнѣ довѣряться, я должна вамъ сказать, что у меня манія вылѣчивать людей и что въ леченіе этого лѣта я пользовалась 250 больными.

²⁾ А тогда мы увидимъ.

³⁾ Мадамъ (Блаватская) надѣется скоро получить отъ васъ извѣстія и что вы отвѣтите на ея письма; если желаете доставить ей удовольствіе, пришлите ей старія почтовые марки, которыя она собираетъ для своей тетки; дѣло тутъ въ количествѣ, а не въ качествѣ.

Прошло еще около двухъ мѣсяцевъ. Я за это время пополнилъ мой багажъ достовѣрными свѣдѣніями о Блаватской и сообщилъ о результатѣ моихъ разслѣдованій мистеру Майерсу и Шарлю Ришэ. Затѣмъ я вернулся въ Парижъ, гдѣ засталъ м-ме де-Морсье совсѣмъ больную и разстроенную скандальнымъ дѣломъ Могини.

Теперь она была достаточно подготовлена, и я рассказалъ ей все о моемъ пребываніи въ Вюрцбургѣ и о свѣдѣніяхъ, полученныхъ мною въ Петербургѣ.

— Это лишь подтверждаетъ то, что мнѣ, къ несчастію, уже самой извѣстно,—сказала она и, въ свою очередь, сообщила мнѣ парижскія новости и показала письма къ ней Блаватской, въ которыхъ наша «madame» не стѣснялась и выказала себя съ самой отталкивающей стороны.

Черезъ нѣсколько дней я, къ величайшему моему изумленію, получилъ отъ Блаватской новое посланіе на многихъ страницахъ. Она, какъ ни въ чемъ не бывало, рассказывала мнѣ по-своему, отвратительно и цинично, инцидентъ Могини. Но теперь милый «чела» былъ у нея уже не негодяемъ, а невинной жертвой ужасной дѣвицы, которая хотѣла обольстить его. Затѣмъ она, тоже по-своему, передавала мнѣ содержаніе отчета Годжсона, только-что опубликованнаго Лондонскимъ Обществомъ для психическихъ изслѣдованій, и, конечно, находила, что этотъ отчетъ ничего не стоитъ и что Годжсонъ ничего не доказалъ...

Она ни слова не говорила о письмѣ ко мнѣ гр. Вахтмейстеръ, оставшемся безъ отвѣта; но писала объ этой дамѣ слѣдующее:

«Вотъ графиня Вахтмейстеръ, и она видала «хозяина» и не разъ, въ эти два года нѣсколько десятковъ разъ. А здѣсь видитъ ежедневно, какъ это вамъ засвидѣтельствуетъ ея собственноручное письмо, которое будетъ *напечатано*. И она знала «хозяина» прежде, нежели познакомилась со мной и сбѣлалась теософкой.»

Г-жа Желиховская въ статьѣ своей («Русское Обозрѣніе»

1891 г. Декабрь, стр. 587) тоже особенно рекомендует гр. Вахтмейстеръ вниманію русскихъ читателей и сообщаетъ о ней такія свѣдѣнія: Она отдала всю жизнь свою и все состояніе дѣлу теософіи, была неразлучна съ Е. П. Блаватской и постоянно и нынѣ работаетъ въ лондонской конторѣ теософическаго общества въ Сити (7 Duke street) завѣдуя ею.»

Затѣмъ г-жа Желиховская приводитъ выдержки изъ дружескихъ къ ней писемъ гр. Вахтмейстеръ относительно *святости* Елены Петровны и особенно указываетъ на графиню, какъ на самаго достовѣрнаго свидѣтеля всѣхъ чудесъ, сотворенныхъ Блаватской.

Рѣшительно не знаю, насколько вѣрны приведенныя выше свѣдѣнія о прошломъ гр. Вахтмейстеръ, но если они вѣрны, то приходится сожалѣть, что эта дама такъ прекрасно начала свою жизнь и такъ плохо ее кончаетъ. А затѣмъ является, самъ собою, естественный и законный вопросъ — кто же она такое? Несчастная ли жертва Блаватской и Теософическаго Общества, отдавшая ему не только свое состояніе, но и свой разсудокъ, или женщина, сознательно погубившая свою душу, сдѣлавшись сообщницей Блаватской и лжесвидѣтельницей не только ея обманныхъ феноменовъ, но и ежедневныхъ появленій «хозяина», когда не было даже адіарскихъ «кисейныхъ» приспособленій? Если она, по заявленію г-жи Желиховской, управляетъ нынѣ столь разросшимися дѣлами лондонской конторы Теософическаго Общества, то довольно затруднительно признать ея *невмѣняемость*. А потому, значить... по вернемся къ дѣлу.

XXII.

Прочтя письмо Елены Петровны, я отвѣтилъ ей, прося оставить меня въ покоѣ, сидѣть смирно и не лѣзть въ петлю. Я по-

вторялъ также совѣтъ, данный ей мною при нашемъ прощаньи въ Вюрцбургѣ. На это я получилъ отъ нея такой документъ, изъ котораго она выяснялась вся цѣликомъ и передъ которымъ блѣднѣли даже ея Вюрцбургскія признанія. Она озаглавила его «*моя исповѣдь*» — и вотъ что я прочелъ въ этомъ посланіи:

«Я рѣшилась (два раза подчеркнуто). Представлялась ли когда вашему писательскому воображенію слѣдующая картина: живеть въ лѣсу кабанъ — невзрачное, но и никому не вредящее животное, пока его оставляютъ въ покоѣ въ его лѣсу съ дружескими ему другими звѣрями. Кабанъ этотъ никогда отродясь никому не дѣлалъ зла, а только хрюкалъ себѣ поѣдая собственные ему принадлежащіе корни въ оберегаемомъ имъ лѣсу. Напускаютъ на него, ни съ того, ни съ сего, стаю свирѣпыхъ собакъ; выгоняютъ изъ лѣса, угрожаютъ поджечь родной лѣсъ и оставитъ самого скитальцемъ, безъ крова, котораго всякій можетъ убить. Отъ этихъ собакъ, онъ пока, хотя и не трусь по природѣ, убѣгаетъ, старается избѣжать ихъ *ради лѣса*, чтобы его не выжгли. Но вдругъ одинъ за другимъ присоединяются къ собакамъ дотолѣ дружелюбные ему звѣри; и они начинаютъ гнаться за нимъ, аукать, стараясь укусить и поймать, чтобы совсѣмъ доканать. Выбившись изъ силъ, кабанъ видя, что его лѣсъ уже подожгли и неспастись ни ему самому — ни чащѣ — что остается кабану дѣлать? А вотъ что: остановиться, повернуться лицомъ къ бѣшеннѣйшей стаѣ собакъ и звѣрей и показать себя *всею* (два раза подчеркнуто), какъ онъ есть, т. е. *лицомъ товаръ*, а затѣмъ напасть въ свою очередь на враговъ и убить столько изъ нихъ насколько силъ хватитъ, пока не упадетъ онъ мертвый и тогда уже *дѣйствительно* безсильный.

Повѣрьте мнѣ, я *погибла потому что рѣшила саму себя погубить* — или же произвести реакцію, сказавъ всю божескую о себѣ правду, *но не щадя и враговъ*. И на это я твердо рѣшилась и съ сего же дня начинаю приготовляться, чтобы быть готовою. Я не бѣгу болѣе. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ или нѣсколькими часами позднѣе я буду сама въ Парижѣ, а затѣмъ въ Лондонѣ. Готовъ одинъ человекъ французъ — да еще извѣстный журналистъ,

съ радостью приняться за работу и написать подь мою диктовку краткое, но сильное, а главное — правдивое описаніе моей жизни. Я даже *не буду защищаться*, ни оправдываться. Я просто скажу въ этой книгѣ: въ 1848 г. я, ненавидя мужа, Н. В. Блаватскаго (можетъ и несправедливо, но ужъ такая натура моя была *Богомъ* дарованная) уѣхала отъ него, бросила — *дѣственницей* (приведу документы и письмо, доказывающіе это, да и самъ онъ не такой свинья, чтобы отказаться отъ этого). Любила я одного человѣка крѣпко — но еще болѣе любила тайныя науки, вѣря въ колдовство, чары и т. п. Странствовала я съ нимъ тамъ и сямъ и въ Азіи, и въ Америкѣ, и по Европѣ. Встрѣтилась я съ такимъ-то (хоть *колдуномъ* зовите, ему-то что). Въ 1858 году, была въ Лондонѣ, и такая-то и такая исторія произошла съ ребенкомъ — не моимъ (послѣдуютъ свидѣтельства медицинскія хотъ парижскаго факультета и другихъ, для того и ѣду въ Парижъ). Говорили про меня то-то и то-то; что я и развратничала, и бѣсновалась, и т. д. Все расскажу, какъ слѣдуетъ, все что ни дѣлала, двадцать лѣтъ и болѣе смѣясь надъ *qu'en dira-t'on*, замечая слѣды *того*, чѣмъ *дѣйствительно* занималась, т. е. sciences occultes, ради родныхъ и семейства, которые тогда проклинали бы меня. Разекажу какъ я съ восемнадцати лѣтъ старалась заставить людей говорить о себѣ, что у меня и тотъ любовникомъ состоитъ и другой и *сотни* ихъ — расскажу даже то, о чемъ никогда людямъ и не снилось — *и докажу*. Затѣмъ оповѣдаю свѣтъ какъ вдругъ у меня глаза открылись на весь ужасъ моего *нравственнаго самоубійства*; какъ послана я была въ Америку — пробовать свои психологическія способности. Какъ создала я общество тамъ ¹⁾ да стала грѣхи замалчивать, стараясь и людей улучшать и жертвуя собою для ихъ возрожденія. *Поименную* *всплхъ* вернувшихся на путь истинный теософовъ — пьяницъ, развратниковъ — которые сдѣлались чуть не святыми особенно въ Индіи ²⁾ и тѣхъ которые поступивъ теософами, продолжали прежнюю жизнь, какъ будто и дѣло дѣлали (а ихъ много), да еще *первые накинлись* на меня присоединясь

¹⁾ Мои читатели скоро увидятъ — какъ и почему она создала свое Общество.

²⁾ Вродѣ Могини.

къ стаѣ гнавшихся за мною собакъ. Опишу много русскихъ вельможъ и не вельможъ, См—ву между прочимъ, ея диффамацию и какъ это вышло враньемъ и клеветой ¹⁾. Не пощажу я себя—клянусь не пощажу, *сама зажгу* съ четырехъ концовъ лѣтъ родной—Общество сирѣчь — и погибну — но погибну *въ огромной компаніи*. Дастъ Богъ помру, подохну тотчасъ по публикаціи;— а нѣтъ, не допустить «хозяинъ» ²⁾—такъ мнѣ-то чего бояться? Развѣ я преступница противъ законовъ? Развѣ я убивала кого, грабила, чернила? Я американская гражданка и въ Россію мнѣ не ѣхать. Отъ Блаватскаго, коли и живъ—чего мнѣ бояться; мы съ нимъ тридцать восемь лѣтъ какъ разстались, пожили затѣмъ три съ половиною дня въ 1863 г. въ Тифлисѣ, да я опять разстались. Ме—рфѣ? — Плевать мнѣ на него эгоиста и лицебѣра. Онъ меня выдалъ, погубилъ рассказавъ *вранье* медіуму Юму—который позоритъ меня уже десять лѣтъ—ну тѣмъ хуже для него. Вы поймите—ради Общества я дорожила своей репутацией эти десять лѣтъ, *дрожала*, какъ бы слухи основанные *по моимъ же стараніямъ* (великолѣпный казусъ для психологовъ, для Richet съ К^о) и преувеличенные во сто разъ, не бросили бы безчестія на Общество, замаравъ меня. Я готова была на колѣняхъ молиться за тѣхъ, которые помогали мнѣ бросить завѣсу на мое прошлое—отдать жизнь и всѣ силы тѣмъ, кто помогалъ мнѣ. Но теперь? Неужели вы или медіумъ Юмъ или Ме—рфѣ или кто-либо въ мірѣ устрашить меня угрозами, когда я сама рѣшилась на полную исповѣдь? Смѣшно. Я мучилась и убивалась изъ страха и боязни, что поврежу Обществу, убью его. Но теперь я болѣе не мучусь. Я все обсудила холодно и здраво, я все рискнула на

¹⁾ Прошу читателей вспомнить этотъ курьезный инцидентъ, рассказанный въ первыхъ главахъ моей статьи. Блаватская уже забыла, что *мнимая* диффамация госпожи См—вой вовсе не была опровергнута хоть сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ.

²⁾ Что можетъ быть возмутительнѣе и характернѣе этихъ: „дастъ Богъ помру“ и „а нѣтъ, не допустить „хозяинъ“...! Впрочемъ *сноски* въ этомъ письмѣ напрашиваются при каждомъ словѣ, а потому—лучше ихъ совсѣмъ не дѣлать, этотъ курьезнѣйшій документъ слишкомъ краснорѣчивъ и безъ подстрочныхъ примѣчаній.

одну карту—*все* (два раза подчеркнуто)—вырываю орудие изъ рукъ враговъ и пишу книгу, которая прогремѣтъ на всю Европу и Азію, дастъ огромныя деньги, которыя останутся сиротѣ-племянницѣ—дѣвочкѣ невинной—сиротѣ брата. Еслибы даже всѣ гадости, всѣ сплетни и выдумки противъ меня оказались святой истиной, то все же я не хуже была бы чѣмъ сотни княгини, графини, придворныхъ дамъ и принцессы, самой королевы Изабеллы—отдающихся и даже *продающихся* отъ придворныхъ кавалеровъ до кучеровъ и кельнеровъ *включительно* всему мужскому роду—что про меня могутъ сказать хуже этого?—*А это я сама все скажу и подпишу.*

Нѣтъ! Спасутъ меня черти въ этотъ послѣдній великій часъ! Вы не рассчитывали на холодную рѣшимость *отчаянія*, которое было да *прошло*. Вамъ-то ужъ я никогда и никакого вреда не дѣлала и не снилось мнѣ. Пропадать такъ пропадать вмѣстѣ всѣмъ. Я даже пойду на ложь—на величайшую ложь которой оттого и повѣрять всего легче. Я скажу и опубликую въ *Times* и всѣхъ газетахъ, что «хозяинъ» и махатма «К. Н.» плодъ моего воображенія; что я ихъ *выдумала*, что феномены всѣ были болѣе или менѣе *спиритическія* явленія—и за меня станутъ горою двадцать милліоновъ *спиритовъ*. Скажу, что въ отборныхъ случаяхъ я *дурачила* людей, выставлю дюжины *дураками* (подчеркнуто два раза) *des hallucinés*—скажу что дѣлала опыты для собственнаго удовольствія и эксперимента ради. И до этого довели меня—*вы* (два раза подчеркнуто). Вы явились послѣдней соломинкой сломившей спину верблюда подѣ его невыносимо тяжелымъ вьюкомъ...

Теперь можете и не скрывать ничего. Повторяйте всему Парижу все то, что когда слыхали, или знаете обо мнѣ. Я уже написала письмо Синнету *запрѣщая ему* публиковать мои *мемуары* по-своему. Я-де сама опубликую ихъ со всей правдой. Вотъ такъ будетъ «*правда* (два раза подчеркнуто) о Е. П. Блаватской», въ которой и психологія, и безнравственность *своя и чужая*, и Римъ и политика, и вся грязь опять-таки и *своя и чужая*—явятся на божій свѣтъ. Ничего не скрою. Это будетъ сатурналія человѣ-

ческой нравственной порочности — моя *исповѣдь*, достойный эпилогъ моей бурной жизни... Да это будетъ сокровищемъ для науки какъ и для скандала и все это я, я (два раза подчеркнуто)... Я являюсь *истиной* (два раза подчеркнуто) которая сломить многихъ и прогремѣть на весь свѣтъ. Пусть снаряжаютъ новое слѣдствіе господъ психисты и кто хочетъ. Могини и всѣ другіе, даже *Индія* — умерли для меня! Я жажду одного: чтобы свѣтъ узналъ всю истину, всю *правду* и поучился. А затѣмъ *смерть* — милѣе всего. Е. Блаватская.

Можете напечатать это письмо коли желаете даже въ Россіи — теперь все равно.»

Послѣ этой «исповѣди» я уже могъ, и могу, спокойно говорить о ея *словесныхъ* признаніяхъ мнѣ въ Вюрцбургѣ, къ тому же въ полной мѣрѣ подтвержденныхъ разслѣдованіемъ Лондонскаго Психическаго Общества. Эти «признанія» теряются, какъ капля въ морѣ, среди однородныхъ съ ними ея дѣйствій, документально засвидѣтельствованныхъ. Ея «исповѣдь» — такой «человѣческій документъ», надъ которымъ, дѣйствительно, съ живымъ интересомъ остановится не только художникъ-писатель, но и психологъ, и психіатръ.

Изъ многочисленныхъ «правдъ» о жизни Е. П. Блаватской, начиная съ «правды» г-жи Желиховской и Синнетта, и кончая новѣйшими *біографами* «madame», полученная мною «исповѣдь», написанная ею собственноручно (что можетъ быть доказано какими угодно экспертами), безспорно — самая интересная «правда». Эта «правда» не частное письмо, а предназначена тоже для «публики» и разрѣшена самимъ авторомъ къ печати. Въ ней можетъ быть не меньше лжи, чѣмъ въ писаніяхъ Синнетта, Желиховской, Олкотта, гр. Вахтмейстеръ и тому подобныхъ достойныхъ біографовъ и свидѣтелей. Въ ней истина чудовищно переплетена съ ложью, противурѣчія на каждомъ словѣ, горячая фантазія спорить съ наглымъ цинизмомъ; страсти кипятъ и чадаютъ, внезапная искренность, вызванная отчаяніемъ, кажущейся безвыходностью положенія, смѣняется сознательнымъ, хитрымъ расчетомъ.

Для *биографіи*, дѣйствительной, правдивой біографіи «*madame*», и эта собственноручная, написанная подъ минутнымъ впечатлѣніемъ «исповѣдь» не представляетъ достаточно цѣннаго матерьяла. Но какъ *откровеніе* ея характера и нравственныхъ свойствъ, какъ *подлинный*, съ *натуры* снятый, и снятый не художникомъ, могущимъ и польстить и обезобразить, а *солнцемъ*, безпристрастнымъ и точнымъ, — ея *портретъ во весь ростъ*, — «исповѣдь» эта является неоцѣнимымъ сокровищемъ. Въ ней цѣликомъ отразилась эта глубоко интересная и ужасная женщина, которую изслѣдователи Лондонскаго Психическаго Общества объявили «одною изъ наиболѣе совершенныхъ, остроумныхъ и интересныхъ обманщицъ нашей эпохи».

Мнѣ кажется, что такое мнѣніе не только не преувеличено, но даже не даетъ ей должнаго. Гдѣ же въ наши дни *подобная* обманщица или *подобный* обманщикъ?!

Е. П. Блаватская — единственна, она превзошла знаменитаго шарлатана прошлаго вѣка, Бальзамо-Калиостро, такъ какъ послѣ таинственнаго исчезновенія съ жизненной арены «божественнаго, великаго Копта» осталась только память о немъ, а послѣ смерти Елены Петровны и сожженія ея многострадальнаго, грѣшнаго тѣла — остается 60.000 членовъ теософическаго общества, остается цѣлое религиозное движеніе, съ которымъ, быть можетъ, придется и очень считаться.

Въ то время какъ лондонскіе изслѣдователи психическихъ явленій постановляли свой приговоръ — они и не подозрѣвали, какіе размѣры приметъ движеніе, затѣянное «интересной русской обманщицей»...

И я, и m-me де-Морсье, прочтя «исповѣдь» и оцѣнивъ ее по достоинству, хорошо поняли, что ждать появленія Блаватской въ Парижъ и въ Лондонъ — нечего. Никуда она не тронется теперь.

Весьма вѣроятно, что, пославъ мнѣ письмо, она тотчасъ же и раскаялась, что его послала, и ужъ, конечно, дня черезъ два сама забыла, если не все его содержаніе, то добрую его половину.

Но она не могла, придя въ иное настроеніе духа, не сдѣлать

новыхъ попытокъ къ улучшенію положенія. Передъ нею мелькала надежда, въ концѣ концовъ, все же еще *вернуть* меня. Это было бы теперь такое торжество! Ей все еще я представлялся такимъ ручнымъ. Какъ же это я выдалъ ее, *соотечественницу*? Тутъ что-нибудь не такъ, вѣрно кто-нибудь сталъ между нами, насилетничалъ на нее...

Она вдругъ надѣла на себя *добрую* личину, изобразила изъ себя обиженную простоту и, черезъ нѣсколько дней послѣ «исповѣди», писала мнѣ снова, дорисовывая свой портретъ, доказывая, окончательно объясняя себя:

«Велики грѣхи мои прошлые да не противъ васъ, не вамъ карать меня, передъ которымъ я виновата какъ Христосъ передъ жидами... Зла-то я вамъ никогда не сдѣлаю а можетъ еще и пригожусь»... Затѣмъ она писала о Баваджи: «Онъ послушный и умный мальчикъ. Онъ послушное орудіе въ моихъ рукахъ. Je l'ai psychologisé,—говорили вы m-me de Morsier. Посмотрите вы только что сдѣлалъ сей «послушный ребенокъ». Да онъ бросилъ меня при первомъ выстрѣлѣ Психическаго Общества. Онъ ругаетъ меня хуже васъ у Гебгардовъ. Онъ говоритъ que j'ai commis un sacrilège, deshonoré le nom des Maîtres, que j'ai avili la science sacrée en la donnant au européens. Онъ идетъ противъ васъ, Синнетта, меня, всѣхъ и чортъ ихъ знаетъ что они сдѣлаютъ вдвоемъ (съ Могини?) въ Лондонѣ — теперь когда онъ ѣдетъ а можетъ и поѣхалъ туда! Онъ самый *опасный* врагъ потому что онъ фанатикъ и способенъ взбунтовать всю Индію противъ меня»...

А потомъ опять: «Что я *вамъ* (два разъ подчеркнуто) сдѣлала? что вамъ сказали, что вы узнали — не дѣлайте какъ Психологическое Общество или m-me de Morsier которая вообразила себѣ что я все знаю, все *должна знать* — и поэтому предала меня... *Берегитесь* (два раза подчеркнуто). Вы окружены *такимъ кольцомъ* что вся ваша холодная голова вамъ не поможетъ. Одного прошу чтобы вы загадку эту мнѣ разгадали — что *вы* можете имѣть противъ меня... Я васъ что ли желала кусать, вамъ желаю зла?.. Если я писала вамъ что я въ отчаяніи, то писала только то что чувствую. Ваша дружба была мнѣ дорога а не ваше при-

существо или членство въ обществѣ. Я писала что сама первая опрокину всѣ континентальныя общества — парижское и нѣмецкое, гдѣ (кромѣ Гебгардовъ да бѣднаго Hubbé Shleiden) все чучелы и враги, и готова на это — напечатать о всѣхъ ихъ подлостяхъ... Но только подумайте, чтобы *вы* подумали обо *мнѣ* еслибы мы перемѣнились ролями! Да меня бы вѣшали — я бы васъ не выдала, да и никого другого не выдала бы — даже зная что это *правда* — а молчала бы. Ну что я вамъ сдѣлала?... Готова завтра же забыть все и любить васъ попрежнему потому что нѣтъ у меня злопамятности и потому что *вы русский* — нѣчто для меня *изящныя священное*. Прощайте Е. Б.».

Я убѣжденъ, что она искренно не понимала, почему я ушелъ отъ нея и явился въ числѣ ея обличителей. Ея нравственныя понятія были такъ радикально извращены, что ей нѣкоторыхъ совѣмъ не хватало. Она воображала, что все въ мірѣ основано на личныхъ отношеніяхъ — и что нѣтъ для этого исключеній. «Что я *вамъ*, «*вамъ*» сдѣлала!» «Другихъ, значить, я могу надувать сколько угодно, могу ихъ губить, коверкать всю ихъ жизнь, могу предаваться всякимъ святотатствамъ и торговать по мелочамъ величайшими истинами, — если я расположена къ вамъ лично и не могу обмануть васъ, потому что вы меня поняли, если я еще въ силахъ пригодиться вамъ такъ или иначе — такъ за что же вы меня *выдаете*, да вдобавокъ еще иностранцамъ?!» — вотъ что она мнѣ внушала.

«Вернитесь ко мнѣ, я все забуду!» — еще бы! А сама думала: «попадись теперь мнѣ въ руки — такое устрою, что отъ меня тебѣ развѣ одинъ путь останется — пулю въ лобъ... Да и теперь — *берегитесь*, вы окружены *такимъ кольцомъ*, что вся ваша холодная голова вамъ не поможетъ!»

Она даже не удержалась — и вставила въ письмо свое слова эти, которыя, какъ я скоро долженъ былъ убѣдиться, не были пустой угрозой. Она уже готовилась, собравъ свою армію, мстить мнѣ самымъ «теософическимъ» образомъ.

XXIII.

Такимъ образомъ окончились всякія мои *непосредственныя* сношенія съ Блаватской. Я не отвѣтилъ ей на послѣднее письмо ея, не плѣнился перспективой «забвенія прошлаго», не вернулся въ ея *дружескія* объятія. Я не боялся ея угрозы, не чувствовалъ себя сжатымъ магическимъ кольцомъ «теософскаго» мщенія и вообще подобенъ былъ той легкомысленной птичкѣ, о которой когда-то пѣлось:

Ходить птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего,
Никакихъ послѣдствій...

Все теперь стало совершенно ясно. Ждать какихъ-либо новыхъ откровеній не представлялось надобности, и ничто уже не въ состояніи было ослабить фактовъ, сдѣлавшихся мнѣ извѣстными. Еще осенью 1884 года, въ Эльберфельдѣ, я говорилъ Блаватской, что не желаю оставаться въ спискѣ членовъ «теософическаго общества», такъ какъ замѣчаю несоотвѣтствіе дѣйствій нѣкоторыхъ членовъ (начиная съ Олкотта) основнымъ правиламъ «устава». Но Елена Петровна, сильно тогда больная, стала «умолять» меня не отказываться *официально* отъ членства, не дѣлать ей такой непріятности и «скандала».

— Дайте мнѣ лопнуть, поколѣть, — говорила она на своемъ любимомъ жаргонѣ, — тогда и дѣлайте что угодно, а пока я еще, хоть и колодой лежу, а все жъ таки не подохла, — не срамите меня и не давайте пищи разнымъ разговорамъ... вѣдь мои враги обрадуются — вотъ, молъ, и соотечественника удержать не могла, сбѣжалъ! Ну, если вамъ претитъ кто... Олкоттъ, либо другіе — такъ и плюньте на нихъ, не дѣлайте меня отвѣтственной за все и про все, пожалѣйте больную старуху...

Помимо всякой жалости, я увидѣлъ ясно, что официальный мой выходъ изъ общества до послѣдней степени разбидитъ «*madame*», ея дружба ко мнѣ не устоитъ послѣ этого — и я отъ нея

ровно ничего не добьюсь и не узнаю. Остальные же теософы, конечно, послѣ этого станут меня чуждаться, мнѣ придется до срока прекратить съ ними всякія сношенія. Въ виду этого я рѣшился ждать того времени, когда мои сомнѣнія и подозрѣнія превратятся въ осязательные факты. Послѣднія письма ко мнѣ «вдовы Блаватской» были болѣе чѣмъ достаточными фактами, а потому, 16 февраля 1886 года, черезъ нѣсколько дней по полученіи «исповѣди», я послалъ въ Индію, въ Адіаръ, на имя секретаря «теософическаго общества», мистера Оклэй, лично мнѣ немного извѣстнаго, заказное письмо слѣдующаго содержанія:

«Monsieur,

Je suis entré dans la Société Théosophique sur les assurances de sa fondatrice M-me Blavatsky, que la Société n'a qu'un seul but: la démonstration scientifique et phénoménale des forces de la nature, qui, jusqu'à présent, n'ont pas encore été découvertes par la science européenne.

Pour le moment, étant complètement convaincu, non pas par le Rapport de M-r Hodgson, mais par une investigation personnelle: 1, que la plus grande partie des phénomènes de la fondatrice de la Société Théosophique sont fabriqués; 2, qu'elle a voulu profiter de mon nom et m'a fait signer et publier le récit de phénomène, obtenu par fraude (le «phénomène de la lettre» au mois de mai 1884); 3, que les lettres des soi-disant «maîtres» de m-me Blavatsky n'ont pas la provenance qu'elle leur attribue; 4, que quelques membres influents de la Société ont agi contrairement aux principes d'honneur et même de simple honnêteté, — et ayant des preuves suffisantes de ce que j'avance, — par cette lettre, que je vous adresse comme au Sectétaire de la Société Théosophique, je donne ma démission de membre Effectif et membre Correspondant de cette dite Société, dont m-me Blavatsky est la fondatrice.

Néanmoins je vous prie de croire, que, m'intéressant profondément à la science Orientale, je tiendrai toujours en grande estime toutes les personnes, qui s'occupent sérieusement et honnêtement

des mêmes questions, qu'elles fassent ou non partie de la Société. Agréiez... etc... — *Signature* ¹⁾).

Отправивъ это письмо, я почувствовалъ себя какъ человѣкъ, взявшій ванну послѣ путешествія въ очень душномъ и очень грязномъ вагонѣ. Я написалъ сжатый разсказъ о моемъ знакомствѣ съ Е. П. Блаватской и о вюрцбургскихъ событіяхъ, а затѣмъ перевелъ на французскій языкъ отрывки изъ послѣднихъ писемъ ко мнѣ «madame» и ея «исповѣдь». *На всякій случай* и для того, чтобы придать этимъ переводамъ документальный характеръ, я обратился къ моему доброму знакомцу, почтенному старику Жюлю Бэссаку (Jules Baissac), извѣстному ученому и лингвисту, да къ тому же занимающему должность «присяжнаго переводчика парижскаго апелляціоннаго суда».

Жюль Бэсакъ, какъ уже было замѣчено въ началѣ моего разсказа, въ качествѣ ученаго, занимающагося исторіей религій, весьма заинтересовался «теософическимъ обществомъ» и его основательницей, съ которой его познакомила m-me де-Морсье. Онъ имѣлъ нѣсколько серьезныхъ бесѣдъ съ Е. П. Блаватской, Олкоттомъ и Могини, изъ ихъ устъ узналъ обо всемъ, что его за-

¹⁾ Милостивый государь, я вступилъ въ „теософическое общество“ вслѣдствіе увѣреній его основательницы, г-жи Блаватской, что означенное общество имѣетъ единственной цѣлью: теоретическое и практическое (научное и эмпирическое) доказываніе существованія тѣхъ силъ природы, которыя еще не были открыты европейской наукой.

Въ настоящее время, будучи совершенно убѣжденъ, не вслѣдствіе Отчета г-на Годжсона, а благодаря собственному разслѣдованію: 1, что большая часть феноменовъ, производимыхъ основательницей „теософическаго общества“, поддѣльны; 2, что она желала воспользоваться моимъ именемъ и принудила меня подписать и публиковать описаніе феномена, полученнаго посредствомъ обмана (феноменъ съ письмомъ въ маѣ 1884 г.); 3, что письма, написанныя якобы „учителями“ г-жи Блаватской, не имѣютъ происхожденія, ею имъ приписываемаго; 4, что нѣкоторые вліятельные члены „общества“ поступали несогласно съ принципами чести и даже простой честности,—и имѣя достаточныя доказательства тому, что я здѣсь объявляю,—этимъ письмомъ, которое я адресую вамъ какъ секретарю „теософическаго общества“, я подаю отставку отъ званія дѣйствительнаго члена и члена корреспондента сказаннаго „общества“, основаннаго г-жей Блаватской.

Тѣмъ не менѣе прошу васъ вѣрить, что, глубоко интересуясь восточными знаніями, я всегда буду относиться съ большимъ уваженіемъ ко всѣмъ лицамъ, серьезно и честно занимающимся этими вопросами, все равно принадлежать ли они или нѣтъ къ „обществу“. Примите и пр. *Подпись*.

нимало, ознакомился съ сочиненіями Блаватской и Синнетта и призналъ «теософическое общество» любопытнѣйшимъ явленіемъ современной религіозной жизни. Онъ написалъ обширную и обстоятельную статью подъ заглавіемъ: «La nouvelle théosophie» и напечаталъ ее въ повременномъ изданіи «Revue de l'histoire des religions». Статья эта вовсе не пропаганда нео-теософіи, а изложеніе того, что стало извѣстно автору со словъ основателей и дѣятельныхъ членовъ «общества».

Однако, несмотря на спокойный тонъ этого «доклада», все же, временами, въ немъ чувствуется человѣкъ «задѣтый за живое», и безсознательно уже почти отуманенный чарами «madame» и ея сподвижниковъ. Весьма вѣроятно, что этотъ туманъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, сгустился бы, и Жюль Бессакъ своимъ перомъ сослужилъ бы немалыя службы нео-теософіи. Но дѣйствія лондонскаго «общества для психическихъ изслѣдованій» и отчетъ Годжсона сразу расхолодили старого ученаго.

Когда я обратился къ нему, онъ имѣлъ видъ человѣка, спасеннаго отъ большой опасности. Онъ съ большимъ интересомъ выслушалъ мой рассказъ и «просмаковалъ» письма Блаватской, причемъ я убѣдился въ его обстоятельнѣйшемъ знаніи русскаго языка.

Но для меня былъ важенъ вопросъ, имѣетъ ли онъ право, *въ качествѣ присяжнаго переводчика, официально засвидѣтельствовать переводы съ русскихъ документовъ*. Оказалось, что онъ имѣетъ это право, и я тотчасъ же получилъ его любезное согласіе. Мы съ нимъ провѣрили мои переводы фразу за фразой, слово за словомъ, знакъ за знакомъ. Затѣмъ онъ засвидѣтельствовалъ ихъ всѣ собственноручно, за своею подписью, и приложилъ къ нимъ, а также къ русскимъ оригиналамъ, съ которыхъ переводы были сдѣланы, свой штемпель присяжнаго переводчика.

У m-me де-Морсье произошло собраніе всѣхъ наличныхъ парижскихъ «теософовъ». Когда всѣ оказались въ сборѣ—началось чтеніе моего рассказа и писемъ Блаватской. Большинство присутствовавшихъ уже были подготовлены къ тому, что ихъ ожидало; но все же изумительная «исповѣдь» Елены Петровны

и документальное сообщеніе м-ме де-Морсье о «дѣлѣ Могини съ миссъ Л.», въ которомъ основательница теософическаго общества тоже показала себя съ *неожиданной* стороны, — произвели удручающее дѣйствіе.

Французская вѣтвь индійскаго главнаго общества, основанная герцогиней Помаръ подъ названіемъ «Société d'orient et d'occident», была уничтожена выбитіемъ изъ нея почти всѣхъ членовъ, во главѣ съ *душою* этой вѣтви и ея главнымъ секретаремъ — м-ме де-Морсье. Тутъ же редактировались и подписывались отставки для отправленія въ Индію, въ Адіаръ, на имя мистера Оклэй.

Однако все же у «madame» осталось, изъ «парижской вѣтви» — два непреодолимо вѣрныхъ ей существа — почетная президентка, герцогиня Помаръ, и незадолго передъ тѣмъ избранный въ дѣйствительные президенты Драмаръ. Перевоспощенная Марія Стюартъ объявила, что она ничему не вѣритъ, что Блаватская — святая, а я — самый ужасный человѣкъ и т. д. Она, дѣйствительно, никакъ не могла поступить иначе — вѣдь она основала эту вѣтвь и была ея почетной, пожизненной президенткой, она *писала* о теософѣ въ качествѣ ея провозвѣстницы и среди свѣтскихъ своихъ знакомыхъ, среди разнокалибернаго «tout Paris», посѣщавшаго ея отѣль, играла роль доброй пріятельницы тибетскихъ махатмъ, умѣющихъ продѣлывать такіе интересные феномены. Признать себя обманутой — значило сдѣлаться посмѣшищемъ tout Paris. — Voulez-vous que je signe de ma main l'aveu de ma bêtise?! — говорила «дюшесса», — pas si bête! ¹⁾).

Она, познакомясь со всѣми документами, относящимися какъ къ Блаватской, такъ и къ Могини, увѣряла, что все это пустяки, что на все это не стоитъ обращать вниманія. Наконецъ, получивъ письмо отъ Блаватской, уже начинавшей свое «теософское», обѣщанное мнѣ мщеніе, она принялась убѣждать м-ме де-Морсье лишить меня всякаго довѣрія, какъ человѣка, способнаго на *все*, т. е. способнаго не только выдумать признанія «madame», но даже и поддѣлать ея письма.

¹⁾ Что жъ, вы хотите, чтобы я своей рукой подписалась подъ признаніемъ въ собственной глупости?! я не на столько глупа, чтобы это сдѣлать!

Когда м-ше де-Морсье высказала ей, что аттестаты, выдаваемые мнѣ *теперь* Блаватской, никакъ не могутъ быть блестящи, — она стала увѣрять, будто узнала обо мнѣ не черезъ Блаватскую, а отъ двухъ достойныхъ всякаго уваженія и довѣрія молодыхъ людей изъ русскаго посольства, сказавшихъ ей, что я «такой человѣкъ, съ которымъ нельзя знаться». Однако, найдя возможность объявить подобную вещь, она пизачто не хотѣла назвать имена этихъ достовѣрныхъ лицъ. — Такъ и осталось для меня тайной — существовали эти анонимные враги мои въ дѣйствительности или были только «матерьялизованы», герцогиней, вдохновленной «вдовой Ашъ-Пе-Бе». По счастью, на сей разъ, грубая, обернутая анонимностью клевета попала на бесплодную почву — м-ше де-Морсье посмѣялась только надъ подобными ухищреніями...

Второе существо, оставшееся вѣрнымъ Блаватской, несчастный морфинистъ Драмаръ, дни котораго были уже сочтены, находился въ то время, ради своего здоровья, въ Алжирѣ. Узнавъ обо всемъ случившемся, онъ объявилъ письменно, что тоже «ничему не вѣрить» и остается на своемъ президентскомъ посту съ цѣлью защищать до послѣдняго издыханія теософію — «*cette religion sublime*» и ея, направляемую махатмами, провозвѣстницу.

Его образъ дѣйствій былъ также совсѣмъ ясенъ. Полный неудачникъ, никому не вѣдомый маленькій сотрудникъ мелкой прессы, — онъ, въ извѣстномъ кругу, дѣлалъ себѣ имя фанатическими статьями о «теософії». Запутавшійся въ своихъ мысляхъ атеистъ, захлебывающійся отъ злобы порицатель христіанства, о которомъ онъ не имѣлъ понятія, — онъ нашелъ «новую религію» и мечталъ обратить въ нее сначала Францію, а затѣмъ и весь міръ. Роль *апостола* не могла не соблазнять его.

А тутъ вдругъ основательница и первая провозвѣстница этой религіи оказывается такою! Конечно, можно пытаться отдѣлить Блаватскую отъ теософії; но все же, въ данномъ случаѣ и въ данныхъ обстоятельствахъ, это не особенно легко, все же являются неожиданныя, большія задержки для успѣшнаго хода дѣла. А потому, хотъ Блаватская и обманщица, надо прикрыть

*

ея обманы и ее *не выдавать*. Онъ глубоко возмущался, что другіе «теософы» не понимаютъ такой простой *истины*.

Но вотъ, на нашѣмъ парижскомъ горизонтѣ, появился еще и третій личный другъ Елены Петровны, скомпрометтированный и возмущенный. Это былъ Гебгардъ-отецъ изъ Эльберфельда. «Madame» вызвала его къ себѣ въ Вюрцбургъ и (можно себѣ представить послѣ какихъ объясненій и сценъ) дала ему весьма почетную миссію: онъ *долженъ* былъ заставить меня молчать и отказаться отъ всѣхъ моихъ показаній, а, кромѣ того, поссорить со мною *м-ше де-Морсье* во исполненіе правила: *divide et impera*. На меня рѣшено было дѣйствовать посредствомъ угрозы, а *м-ше де-Морсье*, какъ околдованную мною, слѣдовало вернуть на путь истины лестью.

Но дѣло въ томъ, что въ Вюрцбургѣ еще неизвѣстны были наши дѣйствія, да и Елена Петровна ничего не сказала ему о своей «исповѣди» и послѣднихъ письмахъ, очевидно не понимая ихъ значенія.

Негг Гебгардъ явился съ большимъ апломбомъ; но когда *м-ше де-Морсье*, въ моемъ присутствіи, прочла ему мои показанія и переводы писемъ, — онъ представилъ изъ себя весьма жалкую фигуру.

Онъ, очевидно, не ожидалъ ничего подобнаго, онъ растерялся, до того растерялся, что не могъ произнести ни одного слова и поспѣшилъ изъ Парижа, чтобы обдумать «сообща» положеніе и хорошенько приготовиться къ исполненію возложенной на него миссіи. Онъ приготовился къ ней, какъ будетъ скоро видно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Слѣдуетъ разсказать еще о неожиданномъ появленіи въ то время одной особы, которую мы считали навѣки поселившейся въ Индіи, въ «главной квартирѣ теософическаго общества». Когда, около конца 1884 года, Е. П. Блаватская отправилась въ Индію, съ цѣлью «разрушить заговоръ Куломбовъ», ее, между прочимъ, сопровождали (какъ она мнѣ писала въ приведенномъ мною выше письмѣ изъ Адіара отъ 3 января 1885 г.) «преданные друзья» — мужъ и жена Куперъ-Оклэй.

Это были молодые англичане, не очень давно поженившиеся. Жили они припѣваючи, въ полномъ достаткѣ и взаимной любви, пока судьба не познакомила ихъ съ Блаватской и ея обществомъ по фантастическимъ писаніямъ Синнетта. Они увлеклись «теософіей», да такъ увлеклись, что «madame» стоило мигнуть—и они объявили, что отнынѣ и «по гробъ жизни» отдають себя дѣлу «теософическаго общества» и ѣдутъ въ Индію.

Продали они свою недвижимую и движимую собственность, все обратили въ деньги и отправились вмѣстѣ съ «madame» присутствовать при ея триумфахъ и пополнять собою ея свиту. Когда я увидѣлъ Елену Петровну въ St.-Cergues, я спросилъ ее объ этихъ англичанахъ.

— О, они очень довольны своей судьбою! — отвѣчала она. — Его я оставила редактировать «Теософистъ», да и къ тому же онъ выбранъ секретаремъ «Общества», — словомъ замѣняютъ меня въ Адіарѣ.

— А жена его?

— Она помогаетъ ему во всемъ. Вотъ видите — еще одинъ примѣръ благотѣльнаго вліянія «Общества». Чтò они такое были года два тому назадъ, эти Оклэй? Такъ себѣ, копители неба, люди, не приносившіе пользы ни себѣ, ни другимъ. У нихъ не было никакой почвы подъ ногами, никакой цѣли жизни. Поэтому они помирали со скуки и ужъ навѣрное кончили бы тѣмъ, что возненавидѣли бы другъ друга. Но теософія спасла ихъ; они отдали въ жертву «Обществу» все, что имѣли, но ничуть не побѣдили отъ этого — живутъ прекрасно въ Адіарѣ на всемъ на готовомъ, приносятъ большую пользу дѣлу и увѣряють, что никогда даже и не мечтали, во снѣ не видали такого благополучія и счастья. Мистриссъ Оклэй ходила за мною во время моей смертельной болѣзни и постоянно видала «хозяина». Она и теперь съ удовольствіемъ поѣхала бы за мною, чтобы служить мнѣ; но я не хотѣла отрывать ее отъ дѣла—она тамъ, особенно безъ меня, очень нужна...

То же самое рассказывала Елена Петровна и madame де-

Морсье, знавшей довольно хорошо чету Оклэй и ими интересовавшейся.

И вдругъ, въ то время, какъ наши отставки, въ видѣ заказныхъ писемъ на имя мистера Оклэй, приближались къ Мадрасу, — мистриссъ Оклэй появилась въ Парижѣ, у m-те де-Морсье.

При первомъ взглядѣ на эту бѣдную даму можно было подумать, что она посѣтила насъ въ своемъ «астральномъ тѣлѣ», взявъ уроки «вылѣзанія изъ себя» у специалиста по этой части, челы Дамодара... Она была почти неузнаваема — такъ похудѣла, постарѣла, поблѣднѣла, такое истерзанное, испуганное и страдальческое выраженіе застыло на лицѣ ея.

Послѣ перваго ея краткаго визита, m-те де-Морсье назначила ей явиться на слѣдующій день для болѣе обстоятельной бесѣды и просила меня присутствовать при этомъ свиданіи.

— Она знаетъ очень многое и то, что она знаетъ — ее погубило, — сказала мнѣ m-те де-Морсье; — когда мы сообщимъ ей все, она, можетъ быть, въ свою очередь будетъ откровенна съ нами... Это совсѣмъ несчастная, погубленная женщина, съ разбитой жизнью и, вдобавокъ, безъ гроша денегъ. Все осталось *тамъ*... она бѣжала оттуда, навсегда, и вотъ теперь въ Парижѣ — знаете ли зачѣмъ? она приѣхала брать уроки у парижскихъ модистокъ, съ тѣмъ, чтобы, выучившись, открыть въ Лондонѣ модный магазинъ и такимъ образомъ зарабатывать кусокъ хлѣба. Ей ничего другого не остается. Не знаю только — выдержать ли ея здоровье — она неузнаваема — это тѣнь прежней мистриссъ Оклэй... вотъ сами увидите.

И я увидѣлъ, какъ уже сказано, бѣдное «астральное тѣло».

Когда m-те де-Морсье познакомила ее съ документами «дѣла» Могини и миссъ Л., а я — съ моими документами, она, въ большомъ волненіи, сказала намъ:

— Еслибъ я не была въ Адіарѣ и не бѣжала оттуда, то, разумѣется, меня поразили бы всѣ эти открытія. Но теперь ничто меня поразить не можетъ — я сама знаю гораздо болѣе и ужасное!

Она стала дрожать, и слезы брызнули изъ ея глазъ. Но какъ ни просили мы ее сказать намъ, что же именно ей извѣстно, что

именно случилось съ нею, чего она была свидѣтельницей — она повторяла:

— Не спрашивайте! Это такъ ужасно и отвратительно! и я не могу, не могу, не смѣю, понимаете — *не смѣю* говорить... Если я хоть кому-нибудь открою то, что знаю, все пропало! о себѣ я не думаю — я все равно уничтожена, жизнь моя разбита... но мой мужъ... однимъ моимъ лишнимъ словомъ я погублю его...

Когда мы ее спрашивали — зачѣмъ же ея мужъ тамъ остался, да вдобавокъ еще такъ тѣсно связаннымъ съ «Обществомъ», въ качествѣ его секретаря и редактора «Теософиста», — она глухимъ голосомъ и съ отчаяніемъ въ лицѣ отвѣчала:

— Для него нѣтъ возврата... онъ навсегда связанъ съ ними... онъ уже не можетъ вернуться!!

— Помилуйте, да вѣдь изъ вашихъ словъ можно заключить, что это какая-то ужасная секта какихъ-то мрачныхъ «душителей», съ кровожаднымъ мщеніемъ, ядомъ и кинжалами! — воскликнулъ я, и ея глаза, широко раскрытые ужасомъ, отвѣчали мнѣ, что я, пожалуй, какъ это ни дико кажется, не особенно далеко отъ истины.

— Скажите хоть одно, — спросила м-ме де-Морсье, — значитъ, и вы знаете, что всѣ обманы и гадости, о которыхъ Годжсонъ сообщаетъ въ своемъ отчетѣ, правда?

— Конечно, знаю! — проговорила мистрисъ Оклэй. — Ахъ, Боже мой, еслибъ только это!..

Такъ мы ничего больше отъ нея и не добились, и я съ тѣхъ поръ ни разу ее не видѣлъ — свиданіе это было почти передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Парижа.

Эта мистрисъ Оклэй произвела на меня своей жалкой внѣшностью, отчаяніемъ и темными рѣчами самое тяжелое впечатлѣніе. Помимо всякаго таинственнаго и кроваваго мщенія Адарскихъ «душителей», ядовъ и кинжаловъ, — было ясно, что она *запугана* вожжами новѣйшей теософіи до послѣдней степени, а мужъ ея до того скомпрометированъ, что уже для него нѣтъ возможности отступленія. Ихъ обманули, обобрали и запутали. Она еще нашла въ себѣ силу, истерзанная и нищая, убѣждать; онъ

же, очевидно болѣе слабый духомъ, остался въ вѣчномъ рабствѣ. Признаюсь, блѣдное лицо мистриссъ Оклэй съ глазами, полными ужаса, не разъ мнѣ потомъ вспоминалось и мерещилось.

И вдругъ, въ писаніяхъ г-жи Желиховской («Русское Обозрѣніе», декабрь 1891 г., стр. 580—585) я встрѣчаю *эту самую* «погубленную и спасающуюся бѣгствомъ изъ Адіара въ Европу» мистриссъ Куперъ Оклэй—снова въ средѣ «теософическаго общества». Она помѣстила, уже послѣ смерти Е. П. Блаватской, въ теософическомъ журналѣ «Lucifer» воспоминанія о поѣздкѣ съ «madame» въ Индію и своемъ пребываніи въ Адіарѣ. Изъ этихъ «воспоминаній мистриссъ Оклэй» г-жа Желиховская приводитъ пространныя выдержки. На статьи г-жи Желиховской, какъ уже достаточно доказано, рискованно опираться; но все же трудно предположить, что эти *выдержки*, поставленныя въ ковычкахъ, не представляютъ болѣе или менѣе вѣрнаго перевода. У меня нѣтъ подъ рукою юньскаго № «Lucifer» за 1891 годъ; но вѣдь онъ существуетъ, его можно найти и проверить.

И такъ, мистриссъ Оклэй является панегиристой Елены Петровны; она преклоняется передъ ея таинственными познаніями, описываетъ ея торжества во время пути въ Индію, почетъ, ей оказанный. Затѣмъ, говоря о «заговорѣ Куломбовъ» и о разслѣдованіи Годжсона, она признаетъ «madame» совершенно невинной, чистой какъ снѣгъ, оклеветанной,—и пишетъ между прочимъ:

«Никто не бывшій на мѣстѣ съ m-me Блаватской и представить себѣ не можетъ, до чего скандальна была несправедливость къ ней англо-индійскаго общества».

Каково было прочитатъ это мнѣ, — когда я будто еще вижу передъ собою измученное лицо мистриссъ Оклэй и слышу ея приведенныя мною выше слова: «Конечно, знаю! Ахъ, Боже мой, еслибъ только это»!!!..

Далѣе она пишетъ о болѣзни (въ Адіарѣ, въ началѣ 1885 года) Е. П. Блаватской:

«Ужасно тоскливы были дни и въ особенности ночи, которыя мнѣ одной пришлось проводить надъ больной, но таково было

ея *успокоительное вліяніе* даже въ болѣзни, что я ни мало, ничего не боялась, увѣренная, что хотя она лежитъ недвижима, но что опасности нѣтъ. Даже въ послѣднюю ночь, когда докторъ заявилъ, что она болѣе въ себя не придетъ; когда она уже нѣсколько часовъ была въ полномъ безпамятствѣ и я, говоря по-человѣчески, должна была сознавать, что все кончено, я не переставала надѣяться!.. Никогда не забуду этой ночи, но *не могу* входить въ подробности... Одно скажу: въ восемь часовъ утра «Н. Р. В.» открыла глаза и совершенно спокойно, голосомъ, котораго мы много дней у нея не слышали, попросила позавтракать... Когда пріѣхалъ докторъ, я вышла ему навстрѣчу: изумленіе его было велико!.. «Н. Р. В.» встрѣтила его словами: «Ахъ, докторъ! вы не вѣрите нашимъ великимъ учителямъ!» Съ этого дня она стала быстро оправляться, а врачи (отмѣнивъ смертный приговоръ) начали усиленно посылать ее въ Европу... Но я за ней ужъ не могла *тотчасъ* ѣхать; всѣ эти волненія осилили меня, я сама съ ногъ свалилась!»

Несчастная мистриссъ Оклэй! она, очевидно, все это писала подъ диктовку, и мнѣ представляется, какъ ее захватили, запугали еще больше, вырвали изъ нея совѣсть и заставили сдѣлаться послушнымъ орудіемъ тѣхъ, отъ кого она бѣжала въ ужасѣ. И это бѣгство даже оказалось не бѣгствомъ, а стремленіемъ за «madame». Тотчасъ она не могла ѣхать, ибо заболѣла, но поправившись поспѣшила... соединиться съ «Н. Р. В.»!..

И вотъ что говорить она объ этой своей благодѣтельностицѣ «Н. Р. В.»:

«Говорять, будто бы фамиллярность порождаетъ небреженіе, но замѣчательно, что съ ней чѣмъ ближе и короче мы сходились, чѣмъ неразлучнѣй становились въ повседневной жизни, тѣмъ большее уваженіе мы къ ней чувствовали, тѣмъ глубже научались почитать ее!.. Удивительная, таинственная демаркаціонная черта всегда ее окружала, ограждая внутреннюю, духовную жизнь ея отъ внѣшняго, обыденнаго существованія...»

Любопытно, что бы сдѣлала и сказала погибшая мистриссъ Оклэй, какое лицо у нея было бы, еслибъ m-me де-Морсье или

я встрѣтили ее съ *такими* ея «воспоминаніями» въ рукахъ и спросили бы: «что это значить?»

Мнѣ кажется—это значить прежде всего, что «теософическое общество», по крайней мѣрѣ въ его первоначальномъ составѣ,—дѣйствительно страшное и мрачное общество, и что не мало слабыхъ духомъ людей погублено Е. П. Блаватской и ея сотрудниками.

XXIV.

Я на себѣ самомъ долженъ былъ испытать, къ *какимъ средствамъ* прибѣгала «madame» и ея «близкіе» для того, чтобы отдѣлаться отъ *опаснаго* человѣка, обезоружить его и заставить молчать. Мои экскурсіи въ область «таинственнаго», заставившія меня заинтересоваться Блаватской, мое желаніе разгадать эту удивительную женщину и ея обличеніе передъ людьми, которыхъ мнѣ тяжело было видѣть обманутыми ею, — все это обошлось мнѣ очень дорого. Я долженъ былъ вынести тайное теософское мщеніе, а теперь *вынужденъ рѣшиться говорить о немъ*, такъ какъ вижу, что, безъ указанія хоть нѣкоторыхъ фактовъ и подтвержденія ихъ *документами*, мой рассказъ былъ бы далеко неполнымъ, такъ же, какъ и характеристика Блаватской съ ея сподвижниками.

Въ припадкѣ ярости и отчаянія, Блаватская, единовременно съ «исповѣдью», посланной мнѣ въ Парижъ, написала въ Россію г-жѣ Х. о томъ, что я «врагъ» и врагъ опасный, ибо, очевидно, знаю очень много, и многое знаю, вѣроятно, отъ г-жи У., которая, поссорившись съ нею, Блаватской, выдала мнѣ ее. Г-жа Х., получивъ это письмо, превратилась въ фурію, написала г-жѣ У., а та, въ качествѣ *друга*, поспѣшила меня обо всемъ увѣдомить изъ Петербурга.

...«Напишите вы имъ (Блаватской и Х.) Христа ради» —

просила она — «что нечего мнѣ было *предавать* вамъ, по выраженію Х., Елену или убивать ее, какъ она пишетъ сама, потому что все ея прошлое прекрасно извѣстно многому множеству лицъ (поименовываются нѣкоторые лица) — и ужъ я не знаю кому... Вы представить себѣ не можете, чему онѣ меня подвергаютъ, избравъ какимъ-то козломъ-грѣхоносцемъ, *за все* отвѣтственнымъ, — какой-то телеграфной проволокой для передачи всякихъ гнусностей. Еще несчастная, сумасшедшая Елена не такъ — она жалка! Но Х. сама злоба и клевета олицетворенная...»

Далѣе г-жа У. сообщала мнѣ, что *тамъ* собираютъ адреса нѣкоторыхъ близкихъ мнѣ лицъ, — а съ какою цѣлью — неизвѣстно. Я долженъ былъ понять изъ этихъ словъ, что милыя дамы остановились, для начала, на самомъ простомъ способѣ мщенія посредствомъ анонимныхъ писемъ, адресованныхъ къ близкимъ мнѣ людямъ, съ цѣлью какъ-нибудь оклеветать меня и посорить, и въ расчетѣ на то, что — *calomniez—il en restera toujours quelque chose*.

Черезъ нѣсколько дней получаю отъ г-жи У. еще коротенькое письмо; но на сей разъ ничего опредѣленнаго, а лишь восклицаніе: «Да! Х. во сто тысячъ разъ хуже, злѣе и виновнѣе Елены!»

Изъ этой фразы я могъ только понять, что ссора между Блаватской и г-жей У., кажется, кончается. Очевидно «*madame*» рѣшила, что самое лучшее дѣйствовать на меня черезъ г-жу У. Для этого она ей написала нѣжное, родственное письмо, убѣдила ее въ томъ, что она «во сто тысячъ разъ» невиннѣе г-жи Х., — и вотъ теперь атака на меня пойдетъ съ этой стороны.

Я писалъ ей прося успокоиться, не вмѣшиваться въ это дѣло и не говорить мнѣ ничего объ этихъ дамахъ и ихъ друзьяхъ. Я напоминалъ ей, что вѣдь *она первая* открывала мнѣ глаза на Елену Петровну и ея «теософическое общество», что дѣло вовсе не въ прошломъ Елены Петровны, а въ ея настоящихъ *обманахъ*. Разъ я *убѣдился* въ этихъ обманахъ — молчать о нихъ я не могъ и громко сказалъ все, что знаю. Такимъ образомъ, дѣло сдѣлано, и ровно ничего поваго я не предпринимаю. Я никого не

преслѣдую, не желаю больше и думать ни о «madame», ни объ ея «обществѣ». Если же меня не хотятъ оставить въ покоѣ, то пусть дѣлають, что угодно—я-то тутъ приче́мъ? я сдѣлалъ свое дѣло—и ушелъ, и не понимаю, чего же хотятъ отъ меня, когда уже все кончено?

Вся эта кутерьма, отвлекая отъ болѣе интересныхъ и производительныхъ занятій, такъ мнѣ наконецъ опротивѣла, что я поспѣшилъ совсѣмъ въ иную атмосферу, въ полную тишину, въ древній бретонскій городъ Динанъ, къ морскому берегу, вблизи котораго возвышается одно изъ чудесъ міра—знаменитый Mont St.-Michel. Моя просьба, обращенная къ г-жѣ У. и ея семьѣ, была, повидимому, исполнена—никто изъ нихъ не передавалъ мнѣ больше сплетень относительно Блаватской и К°.

Но все же забыть о ней мнѣ не удавалось: въ Динанъ, для свиданія со мною и полученія отъ меня разныхъ свѣдѣній, пріѣхалъ мистеръ Майерсъ, и я опять долженъ былъ передъ нимъ разворачивать весь мой багажъ. Наконецъ, въ концѣ апрѣля, возобновилась атака изъ Петербурга. Отъ одного изъ членовъ семьи г-жи У. я получилъ письмо, гдѣ, «по большой дружбѣ ко мнѣ», меня предупреждали, что дѣла мои плохи: почтенная Елена Петровна требуетъ (приводятся выдержки изъ ея письма) «чтобы я отказался отъ своихъ словъ относительно видѣнныхъ мною ея «феноменовъ» и никому не рассказывалъ о ней ничего»,—если же я не исполню этого требованія, «то она не задумается, что ей дѣлать, *такъ какъ ей нечего терять*,—и напечатаетъ обо мнѣ—все что ей угодно и какъ ей угодно, ибо *должна же она защищаться*».

На слѣдующій день письмо отъ самой г-жи У., письмо убѣдительное, полное дружеской заботы обо мнѣ: «...Слушайте мою горячую, усердную просьбу—отстранитесь отъ всего, что касается Елены... Пусть валится на нее, если такое наказаніе суждено ей; но не чрезъ васъ—пожалуйте меня... я не хотѣла бы, чтобы между нашими добрыми отношеніями чернымъ призракомъ стали послѣднія тяжкія ея страданія, какъ бы ни были они заслужены, это все равно... Одна ея глупость: это измышленіе дѣвства подняло

всю эту грязь... Предоставьте мертвымъ, которымъ нечего терять, хоронить своихъ мертвыхъ,—а вы живы... Елена *мертва*! что ей терять? Она давно сожгла свои корабли. Мнѣ жаль ее за страданія послѣднихъ лѣтъ ея жизни, сопряженныхъ съ тяжелой болѣзью; но вѣдь нравственно ей нечего терять. Лишній процессъ и лишняя обличительная статья для нея не такъ страшны по послѣдствіямъ, какъ для людей, будущность которыхъ впереди... Что жъ вамъ за охота, чтобы разные юмористическіе журнальцы въ Лондонѣ и Парижѣ донесли молву до Петербурга на радость вашимъ врагамъ и—вредъ будущимъ отношеніямъ вашимъ?.. слышу, былъ у васъ Майерсъ и дѣло вновь загорается и разгорается съ вашимъ вмѣшательствомъ. Ждать дольше нельзя и вотъ я говорю вамъ: *остерегайтесь!.. чтобы крѣпко не каяться*».

Черезъ нѣсколько дней опять та же г-жа У. мнѣ писала между прочимъ: «Да, заварили вы кашу; дай Богъ, чтобы расхлебали благополучно. Очень напрасно вы думали, что Елена такъ беззащитна, что ее легко запугать и побороть: вы въ ней приготовили, собственными стараніями, *безъ всякой нужды*, врага... потому что ей нечего терять и некого бояться... Никого не могу и не хочу называть, но надѣюсь, что вы-то мнѣ должны вѣрить: дня не проходитъ, чтобы насъ не преслѣдовали письма и толки, васъ осуждающіе... *Отступитесь отъ своихъ показаній*; заявите, что ни словомъ, ни дѣломъ не хотите вмѣшиваться въ передрагу теософовъ... не то ужъ я и не знаю *что* вы себѣ готовите *здесь*... Если вы точно собираетесь сюда, то соберитесь *скорѣй*. Я не могу отказать Еленѣ въ желаніи со мной проститься; я поѣду и сдѣлаю все, что отъ меня зависѣть будетъ, для того, чтобы остановить ея вредныя для васъ дѣйствія; но и съ вашей стороны уступки необходимы. Писать все мудрено: надо видѣться. Я постараюсь оттянуть поѣздку, ради того, чтобы переговорить съ вами».

Сомнѣваться въ искренности расположенія ко мнѣ г-жи У. я тогда еще не имѣлъ основаній и ея *странную* просьбу, чтобы я отступился отъ своихъ показаній, объяснялъ себѣ просто тѣмъ, что она, возбуждаемая и разстроиваемая письмами Блаватской и г-жи Х., просто не отдастъ себѣ отчета въ словахъ своихъ. По-

этому я написал ей, еще разъ повторяя, что ровно ничего не предпринимаю и совершенно отстранился отъ всякой «теософщины». Умолчать же о томъ, что мнѣ извѣстно, передъ заинтересованными въ дѣлѣ лицами я не имѣлъ никакого нравственнаго права. Я сдѣлалъ, по моимъ понятіямъ, должное и просить меня *отступиться отъ моихъ показаній и запугивать* меня распротраненіемъ на мой счетъ всякихъ сплетень и клеветъ, — совсѣмъ не подобаешь. Я сожалѣлъ, что она, г-жа У., не сообразила сущности своей просьбы, и находилъ, что самое лучшее для нея, если и она отстранится отъ этого дѣла, а меня со всѣмъ этимъ оставлять въ покоѣ.

На это получаю новый вариантъ на ту же тѣму:

«Получивъ ваше вчерашнее письмо, я еще больше убѣдилась, что слѣдующее мое не будетъ принято *въ духъ кротости*, такъ какъ вы убѣждены, что ничего не дѣлаете въ ущербъ Еленѣ. Но какимъ же образомъ мнѣ-то дѣйствовать, какъ могу я не предупредить васъ, когда то и дѣло получаю письма изъ Парижа, изъ Германіи, изъ Англіи (не отъ Елены, а отъ стороннихъ лицъ), въ которыхъ мнѣ пишутъ, что вы, *именно вы*, виновны во всѣхъ нареканіяхъ и бѣдахъ Елены?.. Потомъ я васъ Бога ради умоляю совершенно оставить въ сторонѣ Х. и не упоминать о ней ни слова, никогда... *Я знаю, какъ много у нихъ сильныхъ и вліятельныхъ сторонниковъ, которые вст на васъ возстанутъ* за добродѣтель и честь Х.... Пріѣзжайте скорѣй.»

Я и такъ былъ наканунѣ окончательнаго моего возвращенія въ Россію. Черезъ нѣсколько дней, въ концѣ мая, въ Петербургѣ, я увидѣлся съ г-жей У., уже совсѣмъ собравшейся въ Эльберфельдъ «прощаться» съ Еленой Петровной Блаватской.

— Увѣряю васъ, — говорилъ я ей, — что Елена Петровна вовсе не собирается умирать, а выписываетъ васъ для того, чтобы вы, ради родственныхъ чувствъ и ея болѣзни, дали теософамъ «уничтожающія» меня показанія. Вѣдь вотъ вы ужъ находитесь подъ ея вліяніемъ и, подъ ея диктовку, отъ своего имени просите меня сдѣлать то, чего никакъ нельзя сдѣлать — взять назадъ мои показанія и объявить себя лгуномъ и клеветникомъ!

— Я їду единственно для того, чтобы выгородить васъ изъ этого дѣла, чтобы снять съ васъ всѣ ихъ ложныя обвиненія и возстановить истину! — горячо воскликнула она.

— Не знаю какъ и благодарить васъ, но дѣло въ томъ, что это неисполнимая задача. Еленѣ Петровнѣ *истина* ни на что не нужна, а ужъ особенно въ теперешнихъ обстоятельствахъ; за истину она васъ не поблагодаритъ, и вы окажетесь передъ нею «неблагодарной». Вы будете поставлены въ безвыходное положеніе — имѣя съ одной стороны истину и невозможность клеветать на меня, а съ другой стороны — Елену Петровну, ея цѣли, ея болѣзнь и родственныя чувства. Это дѣло весьма серьезное, и я совѣтую вамъ пожалѣть себя и не ѣхать.

Но эта заграничная поѣздка, очевидно, очень интересовала ее, особенно же ей хотѣлось доставить удовольствіе одной изъ своихъ дочерей, которую Блаватская, съ большой предусмотрительностью, тоже, пригласила въ гостепріимный домъ Гебгарда.

— Я знаю, что не на пріятности їду! — воскликнула г-жа У. — Но я не могу не ѣхать, потому что только личнымъ моимъ свиданіемъ съ Еленой возможно все это уладить. Вы сами мнѣ скажете спасибо, я докажу вамъ на дѣлѣ мою дружбу! Только, Бога ради, будьте благоразумнѣе! Вы все въ какихъ-то эмпіреяхъ витаете и не хотите понять дѣйствительности; я гораздо старше васъ и видала на свѣтѣ всякаго, вѣрьте же мнѣ, что вы поставили себя въ ужасное положеніе, и я дрожу за васъ...

— Помилуйте! — возразилъ я, — можно подумать, что я совершилъ какое-нибудь злодѣяніе или позорящій честь поступокъ, а потому долженъ бояться, трепетать мщенія Блаватской и Х.!

— Ну вотъ, ну вотъ! — всплеснула руками г-жа У. — На какой планетѣ вы живете?! неужели вы не можете понять, что вовсе не надо быть преступнымъ или непорядочнымъ человѣкомъ для того, чтобы вамъ испортили репутацію и отравили всю жизнь? Добрая слава лежитъ, а худая бѣжить! — не даромъ это говорится. Тамъ уже противъ васъ цѣлая организованная кампанія. У Елены есть друзья, а у Х. ихъ даже очень много — и люди все почтен-

ные. И вотъ всѣ эти почтенные люди, ничего не зная, со словъ Елены и Х., а потомъ со словъ другъ друга, станутъ повторять про васъ самыя возмутительныя сплетни, переименовывать, искажать факты вашей личной, интимной жизни. Да одно это испортить вамъ будущность! Вѣдь вамъ въ глаза никто ничего не скажетъ, вы ни о чемъ не будете и подозрѣвать, а пройдетъ нѣсколько времени—васъ смѣшаютъ съ грязью, оболъютъ помоями, и никто за васъ не заступится, потому что вѣрятъ скорѣе всему дурному, чѣмъ хорошему, и всякій фактъ, при усердіи, можно освѣтить какъ угодно. Одной такой злобной, безсовѣстной и преступной клеветницы, какъ Х., достаточно, чтобы навсегда отравить вашу жизнь. Чѣмъ безсовѣстнѣе клеветникъ, тѣмъ клевета вѣрнѣе достигаетъ цѣли. Главное же, что вы ничего не будете знать и станете биться, какъ рыба объ ледъ, не понимая, почему это люди отъ васъ отстраняются и не только не помогаютъ вамъ въ затруднительныя минуты жизни, а даже вредятъ вамъ. Еслибъ вы были одинокій и хорошо обеспеченный человѣкъ—тогда бы еще туда-сюда, махнули бы рукой—и только! Но вѣдь вы не таковы, вы не можете обойтись безъ людей... Неужели всѣ эти азбучныя истины вамъ неизвѣстны?

— Къ несчастію, извѣстны,—отвѣтилъ я,—и вы добились того, что меня совсѣмъ разстроили и смутили. Да, очень можетъ быть, что всѣ эти ужасы меня ждуть дѣйствительно. Но что же мнѣ дѣлать? Въ недобрую минуту я столкнулся съ вашей Еленой Петровной; но разъ ужъ совершилось такое мое несчастье—все послѣдующее неизбежно вытекало одно изъ другого...

— Зачѣмъ же вы не бѣжали отъ этой фатальной женщины тогда, въ Парижѣ, въ 1884 году, когда я васъ предупреждала? развѣ я не говорила вамъ, что съ нею только можно запутаться? —перебила меня г-жа У.

— Все это такъ; но я не могъ успокоиться на вѣрѣ въ ваши слова; и сама она, и ея общество, и все движеніе, поднятое ею, характеръ этого движенія, заставляли меня убѣдиться, узнать все непосредственно. Только теперь я *знаю*, когда во всемъ убѣдился

своими глазами и ушами, только теперь, *узнавъ* это явленіе, я могу спокойно и извѣстнымъ образомъ къ нему относиться.

— Я васъ не понимаю и никогда не пойму! — горячилась г-жа У., — узнали, ну и молчали бы, а не лѣзли въ петлю. Однако, покажите-ка мнѣ письма Елены, которыя ее такъ компрометируютъ, я должна прочесть ихъ сама, чтобы знать, въ чемъ дѣло, и имѣть право говорить, что я сама, своими глазами, ихъ читала.

Я передалъ ей извѣстныя читателямъ письма. Она прочла и сидѣла вся багровая.

— Вотъ сѣумаспешная! — наконецъ воскликнула она, — дайте мнѣ пожалуйста съ собой эти письма, я сохраню ихъ, какъ зеницу ока, и верну ихъ вамъ по моему возвращеніи изъ Эльберфельда.

— Вы требуете совершенно невозможнаго, — сказалъ я, — эти письма должны находиться у меня. Вы ихъ видѣли и читали, знаете, что это ея собственноручныя письма. Если же понадобится переводъ, сдѣланный мною въ Парижѣ, и провѣренный и засвидѣтельствованный присяжнымъ переводчикомъ Парижскаго апелляціоннаго суда Бэссакомъ, — онъ оставленъ мною у м-те де-Морсье, также какъ и копія оригиналовъ. Это дѣло въ порядкѣ, и всякій можетъ сличать письма и переводъ ихъ сколько угодно.

— Съ чѣмъ же я ѣду? какое ваше послѣднее слово? неужели и теперь, когда вы видите, какъ много зла вамъ могутъ сдѣлать, вы не будете согласны на какія-нибудь уступки, которыми я могла бы ихъ обезоружить. Остерегитесь и будьте хоть теперь-то благоразумны!!

— Мое послѣднее слово вотъ: я, конечно, не стану отказываться отъ своихъ показаній, которыя записаны и оставлены мною у м-те де-Морсье. О прошломъ Елены Петровны, которое мнѣ, главнымъ образомъ, рассказали вы же, и рассказали не какъ тайну, а какъ вещь общеизвѣстную, — было сообщено мною интимному кружку въ Парижѣ. Я долженъ былъ это сдѣлать въ виду извѣстнаго «измышленія дѣвства», на которомъ Блаватская основывала свое положеніе въ теософическомъ обществѣ. Но мы

тутъ же рѣшили, что еслибъ пришлось дать большее распространѣніе сдѣланнымъ разоблаченіямъ—это прошлое будетъ оставлено въ сторонѣ, насколько сама Елена Петровна его оставляетъ въ «исповѣди». Во всякомъ случаѣ, ее обвиняютъ и будутъ обвинять не въ ея прошломъ, а въ теософскихъ обманахъ. Я же отнынѣ отстраняюсь отъ всего...

— Но вы станете, пожалуй, здѣсь, въ Россіи, писать и печатать противъ нея?—перебила г-жа У.

— Въ Россіи о «теософическомъ обществѣ» и его основательницѣ очень мало извѣстно, и самое лучшее—совсѣмъ не говорить объ этомъ. Я обещаю вамъ, что пока въ русской печати не станетъ появляться превратныхъ свѣдѣній о «теософическомъ обществѣ» и Еленѣ Петровнѣ—я буду молчать. Если же обо всемъ этомъ заговорять, и заговорять лживо—я почту своимъ прямымъ долгомъ печатно возстановить правду и рассказать то, что мнѣ извѣстно. Вотъ мое послѣднее слово.

Г-жа У. осталась очень недовольна моею неуступчивостью и уѣхала въ Эльберфельдъ.

Недѣли черезъ полторы изъ Эльберфельда въ меня былъ пущенъ еще одинъ двойной зарядъ, направленный рукою Елены Петровны, т.-е. два письма, вдохновленныхъ ею и даже, по всѣмъ вѣроятіямъ, прошедшихъ черезъ ея цензуру. Я долженъ былъ убѣдиться изъ этихъ писемъ, что путешественницы, какъ и легко было предвидѣть, совсѣмъ попали въ лапы «madame» и стараются изо всѣхъ силъ усидѣть на двухъ стульяхъ сразу.

Г-жа У. просила меня, между прочимъ, прислать засвидѣтельствованную копію «исповѣди» и т. д. и въ то же время объявляла, что ѣдетъ въ Парижъ для сличенія писемъ. Далѣе опять уговаривала она меня, — призывая Бога въ свидѣтели чистоты своихъ намѣреній,—сдѣлать требуемыя отъ меня уступки «пока еще можно прекратить скандалъ безъ огласки». «Не доводите до крайности, не заставляйте ее (Блаватскую) прибѣгать къ суду, привлекать васъ, де-Морсье и пр., къ отвѣту въ диффамациі... У нея много преданныхъ, а главное, очень богатыхъ друзей, которыхъ процессъ не разоритъ и которые умоляютъ ее начать

его. Гласности она не боится... Письма изъ Парижа убѣдили меня окончательно, что парижане только и ждутъ возможности привлечь васъ къ суду «en diffamation», — а если до этого дойдетъ, поздоровится ли отъ печатнаго скандала вамъ! Ради Бога не оскорбляйте меня: не подумайте, что я запугиваю васъ! Не запугиваю я, а жалѣю. Глубоко жалѣю и хочу вамъ добра...

Такъ какъ г-жа У., съ моихъ же словъ, отлично знала, что всѣ «документы» находятся въ Парижѣ, у m-me де-Морсье, а она туда ѣхала, — то мнѣ нечего было посылать ей копію. Такъ какъ въ ея «запугиваньи» все была ложь, къ тому же давно ужъ пережеванная, — то я имѣлъ право не отвѣтить на ея письмо. Я очень живо представлялъ себѣ, какъ кипятится «madame» и прибѣгаетъ къ своему любимому, уже извѣстному читателямъ, приему — стращать судебнымъ процессомъ, начинаемымъ съ помощью богатыхъ и вліятельныхъ друзей.

Ея друзья, т. е. люди, такъ или иначе скомпрометтированные въ разныхъ «теософскихъ» пакостяхъ и обманахъ, конечно, могли очень желать *посрамить* своихъ обличителей. Ради этого они, вѣроятно, рѣшились бы пожертвовать и немалые деньги. Они даже ужъ и тратились, какъ легко сообразить читателю. Но все же и «Лондонское общество для психическихъ изслѣдованій», и я, и m-me де-Морсье, могли быть спокойны — привлекать всѣхъ насъ, обличителей, къ суду не было никакой возможности, не топя этимъ окончательно Блаватскую и ея «Общество». Теософы могли вредить намъ *только* тайными, подпольными средствами, клеветою, не имѣющей ничего общаго съ «махатмами» и «феноменами». Что же касается фразы о «письмахъ изъ Парижа, убѣждающихъ въ томъ, что *парижане* (!!) только и ждутъ» и т. д., — это былъ грѣхъ очень даже смѣшной фантазіи, который взяла себѣ на душу г-жа У., ибо такихъ писемъ, за исключеніемъ герцогини Помаръ и больного фанатика Драмара, писать было тогда рѣшительно некому.

Да, я представлялъ себѣ ясно Эльберфельдское времяпровожденіе, всѣ faits et gestes Гебгардовъ, Блаватской и ихъ гостей; но все же мое ясновидѣніе оказалось весьма несовершеннымъ.

*

Тамъ происходили вещи болѣе интересныя, «окультизмъ» центръ которыхъ оказывалась моя злосчастная персона.

Елена Петровна увѣрила Гебгарда, что теперь, въ виду моего окончательнаго отъѣзда въ Россію изъ Парижа (о чемъ она узнала отъ г-жи У.), настало самое удобное время отвратить отъ меня м-ше де-Морсье, и такимъ образомъ *вернуть* эту крайне полезную, необходимую для «теософскаго» дѣла женщину и ея многочисленныхъ друзей *на путь истины*.

Герцогиня Помаръ и Драмаръ писали изъ Парижа, что *отступничество* м-ше де-Морсье, пользующейся большимъ вліяніемъ, все испортило, что въ этомъ отступничествѣ ея виновенъ исключительно я, что если она отвернется отъ меня — ее легко будетъ заполучить въ «общество» снова, за нею вернутся остальные — и, такимъ образомъ, засохшая парижская теософическая «вѣтвь» возродится къ жизни, станетъ быстро развиваться, а я буду уничтоженъ, совсѣмъ стертъ съ лица земли.

Гебгардъ, настроенный «madame», написалъ 15 мая 1886 г. обстоятельное посланіе м-ше де-Морсье. Онъ объяснялъ ей, почему въ Парижѣ, послѣ чтенія у нея моихъ документовъ, онъ исчезъ и съ тѣхъ поръ не подавалъ о себѣ вѣсти. Все это случилось вслѣдствіе его семейныхъ несчастій, которыми онъ былъ поглощенъ, а вовсе не потому, что онъ призналъ Блаватскую виновной. Затѣмъ онъ увѣрялъ, что мой переводъ невѣренъ и что Блаватская громогласно утверждаетъ это. Далѣе онъ, будто мимоходомъ, и очень неловко, чернилъ меня, касаясь, со словъ Блаватской, моей личной жизни и до полной неузнаваемости извращая факты, а также весьма прозрачно намекалъ, что и про нее, м-ше де-Морсье, моего искренняго и мною уважаемаго друга, рассказывалъ самыя неподобающія вещи, такія вещи, сплетническое распространеніе которыхъ не можетъ простить ни одна порядочная женщина.

Такъ какъ м-ше де-Морсье *знала*, что въ переводахъ моихъ, провѣренныхъ ея старымъ другомъ Бэссакомъ, нѣтъ ошибокъ и что они сдѣланы съ дѣйствительныхъ, а не подложныхъ оригиналовъ; такъ какъ клевета относительно фактовъ моей частной

жизни была у нея передъ глазами, и такъ какъ никто и никакъ не могъ увѣрить ее, что я способенъ разсказывать о ней неподобающія вещи, — это милое письмо не произвело никакого дѣйствія.

Вотъ тогда-то и была вызвана въ Эльберфельдъ г-жа У. для подкрѣпленія артиллеріи. Побесѣдовавъ съ нею и выслушавъ ея *показанія* (показанія моего друга, преданнаго *правдѣ* и мнѣ), Гебгардъ снова писалъ м-ме де-Морсье, извѣщая ее о пріѣздѣ въ Эльберфельдъ *самой достовѣрной свидѣтельницы* и моего близкаго друга, стремящагося только защищать меня:

«... Quant à la lettre dite la confession de mad. B., m-r Sol. a montré à mad. U. et l'original et la traduction de l'expert. Mad. U. a de suite montré à Sol. que l'expert avait *mal traduit* une tournure de phrase, qui, il est vrai, se prêtait à une autre signification pour une personne ignorant la portée de la phrase. Mad. U. a été assez indignée de voir que M-r S. faisait si peu de cas de cette bévue qu'il aurait du découvrir lui même... Sur la demande de mad. U. de lui permettre de faire la copie M-r S. a *refusé net*, disant avec emphase qu'il se regardait comme le défenseur du Christianisme contre la Théosophie etc.»¹⁾

И такъ, я *показаль* г-жѣ У., поѣхавшей въ Эльберфельдъ для того, чтобы защищать *правду*, «переводъ», *котораго у меня съ собою не было*, показаль его для сличенія тутъ же съ оригиналомъ, зная, что въ этомъ переводѣ сдѣлано мною, конечно съ опредѣленной, низкой цѣлью, искаженіе смысла!!

На какую всеобщую несообразительность разсчитывали эти дамы, т. е. Блаватская и У., согласившись между собою выдумать подобную *милую* нелѣпость! Во всякомъ случаѣ, *теперь* русскія письма «madame» напечатаны, а ихъ оригиналы и пе-

¹⁾ Что касается такъ называемой „исповѣди“ г-жи Б., г. Сол. показаль г-жѣ У. и оригиналъ, и переводъ эксперта. Г-жа У. тотчасъ же указала С., что экспертъ неправильно перевелъ одинъ оборотъ фразы, дѣйствительно поддающейся для придачи ей иного смысла въ глазахъ человѣка, не знающаго ея важности. Г-жа У. пришла въ немалое негодованіе, видя, что г-нъ С. придаетъ такъ мало значенія этой ошибкѣ, которую онъ самъ долженъ былъ бы замѣтить... На просьбу г-жи У. позволить ей снять копію г-нъ С. наотрѣзъ отказаль, напыщенно говоря, что онъ считаетъ себя защитникомъ христіанства противъ теософіи и т. д.

реводы, въ то время сличенные и засвидѣтельствованные Бэссаккомъ, съ приложеніемъ его официальныхъ штемпелей и обозначеніемъ числа, мѣсяца и года, находятся въ надежномъ мѣстѣ, всегда готовые для какой угодно экспертизы. Поступокъ г-жи У. выступаетъ въ полномъ его блескѣ.

Это лишь *малый образчикъ* той лжи, которую свидѣтельствовала, относительно меня, г-жа У. своему гостепріимному хозяину Гебгарду — какъ значится въ его собственноручныхъ письмахъ, переданныхъ мнѣ м-ше де-Морсье. Г-жа У. послушно повторяла все, что приказывала ей говорить Блаватская, а Гебгардъ, наэлектризованный ими, терялъ всякое соображеніе и вѣрилъ, или дѣлалъ видъ, что вѣритъ всему безусловно.

Наконецъ они рѣшили, что самое лучшее — выдать меня за... *сумасшедшаго!* Гебгардъ писалъ:

«... S. n'est peut-être pas assez fou pour qu'on soit forcé de l'enfermer dans une maison speciale pour les malades de cerveau, mais il n'est pas moins dangereux. Si mad. У. et sa fille ne défendaient pas constamment m-r S. contre mad. Blav. disant avec conviction que c'était un homme d'une nature d'élite¹⁾, mais malheureusement très excitable et évidemment non responsable de ses actes et paroles, — je serais tenté de croire que mad. У. tâchait de trouver un biais dans l'intérêt de mad. Blavatsky. Mais le doute n'est plus permis... Vous avez été comme moi la dupe d'un homme, qui n'est pas dans son état normal et que l'on doit plutôt plaindre que condamner²⁾».

¹⁾ Вотъ даже какого комплимента я удостоился! А бѣдный Гебгардъ и тутъ ничего не соображалъ, не видѣлъ, какъ его дурачили ловкія дамы.

²⁾ „... С., быть можетъ, не настолько сумасшедшій, чтобъ были вынуждены запретить его въ специальное заведеніе для больныхъ мозговыми болѣзнями; но онъ отъ этого не менѣе опасенъ. Еслибы г-жа У. и ея дочь не защищали постоянно г. С. противъ г-жи Блаватской, съ убѣжденіемъ говоря, что это человѣкъ избранной природы (?); но, къ несчастію, очень легко возбуждающійся и, очевидно, неответственный за свои дѣйствія и слова, я былъ бы склоненъ думать, что г-жа У. старается найти уловку въ интересахъ г-жи Блаватской. Но сомнѣніе больше не позволительно... Мы съ вами были одурачены человѣкомъ, не находящимся въ своемъ нормальномъ состояніи, и котораго слѣдуетъ скорѣе сожалѣть, чѣмъ обвинять“.

А потому... а потому отъ меня требовалось, — и m-me де-Морсье поручалось сообщить мнѣ это, — чтобы я немедленно прислалъ въ Эльберфельдъ официальное письмо, въ которомъ бы заявилъ, что всѣ мои разоблаченія «madame» — съ моей стороны ложь и клевета на нее, и что я отъ всего этого отказываюсь. Если же я не исполню приказанія, то сейчасъ же мнѣ будетъ устроенъ, такъ или иначе, такой публичный скандалъ, который погубить меня и мою семью.

Въ заключеніе Гебгардъ совѣтовалъ m-me де-Морсье никому не показывать «документы по дѣлу Блаватской» (le dossier Blavatsky), такъ какъ главный ея обвинитель—сумасшедшій.

M-me де-Морсье отвѣчала Гебгарду: «Je dois vous dire que je n'ai nullement l'intention de servir d'intermédiaire entre m-me Blavatsky et m-r Solovioff. Cependant, pour cette fois, puisque c'est vous qui avez cru devoir m'écrire en ami, vous me permettez de vous répondre quelques mots. En premier lieu les affaires de la Société Théosophique ne me regardent plus, puisque j'ai donné ma démission de membre. C'est avec un soupir de soulagement que j'ai tiré une barre sur tout cela rendant grâce au Ciel. Quant aux preuves nouvelles que vous m'apportez sur le débat en question, avec un peu de réflexion vous comprendrez qu'elles n'ont pas de valeur pour moi. M-r Sol. est notre ami, il a vécu pendant des mois dans l'intimité de notre famille, nous avons donc quelques raisons de prétendre le connaître fort bien. M-me Y. et sa fille (bien que j'aie vu la première quelques jours à Paris) sont de parfaites étrangères pour moi et leur parole ne peut pas tenir en face de celle de m-r Sol. Lorsque m-r Sol. viendra me dire à moi même ou m'écrira ce que vous prétendez qu'il a dit à m-me Y.—nous verrons, mais je suis fort tranquille à ce sujet. M-r Sol. maintiendra tout ce qu'il a écrit et signé de son nom à Paris. Il ajoutera seulement (et c'est là le point qui peut expliquer tous les bavardages qui ont cours), qu'il n'a nullement eu l'intention de condamner m-me Blav. au sujet de sa vie privée, laquelle ne nous regarde en aucune façon, mais qu'il la condamne sur le chef de toutes les

faussetés qu'elle a commises pour fonder la Société Théosophique. C'est ce que moi même je vous ai dit, Monsieur, dans mon salon.

Quant à votre seconde supposition qui serait que m-r Sol. est *irresponsable*—elle me fait sourire, surtout lorsque je songe que cet argument est invoqué par mad. Blav. sans doute. Je vous assure que si la correspondance de m-r Sol. et de m-me Blav. était soumise à l'examen de docteurs aliénistes, ils ne seraient pas embarrassés pour prononcer et dire lequel des deux est dans son bon sens. J'ai à ce sujet le témoignage du D-r Charles Richet. Mais permettez moi de relever une contradiction qui est de votre chef. Vous me conseillez de ne pas communiquer le dossier Blavatsky—et c'est tout à fait mon avis, n'ayant qu'un seul désir c'est que cette affaire soit enterré au plus vite. Et d'autre part, vous dites que si m-r Sol. n'obéit pas aux injonctions de mad. Blav. (car je ne veux pas considérer qu'elles viennent de vous) vous lui conseillerez vous même d'agir contre lui. Ce sera donc vous qui jetterez cette affaire dans la publicité. Je ne doute pas un seul instant que m-r Sol. ne réponde aux propositions de mad. B. par le plus profond mépris. Est ce que un honnête homme peut avoir deux paroles? Si m-me B. avait lu attentivement les lettres de m-r Sol. elle aurait vu qu'il est prêt à tout... Mais enfin que veut donc mad. B.? la publicité? Ah, Monsieur, comment ceux qui aiment la Théosophie peuvent-ils pousser m-me B. dans cette voie? Bref si cela doit être cela sera et chacun ira au combat fort de sa propre armure. Voilà 6 mois que je ne réponds que par le silence du mépris à tous les sots bavardages qui se tiennent sur mon compte et sur celui de mes amis, mais le jour où la calomnie ira trop loin et deviendra publique—on verra si j'ai peur! Croyez bien que ce jour là dans la presse et ailleurs ce ne seront pas les interprétations de m-me Y. qui feront foi, mais bien la traduction de *l'expert juré*. D'ailleurs alors même qu'il y aurait discussion sur *une phrase*—l'ensemble de la lettre et de toute la correspondance de m-me B. suffira pour la condamner devant l'opinion publique. Ce ne sera pas seulement l'incident Bl.—Sol. ou L.—Mohini qui viendront au jour. De tous les coins du monde il surgira de nouvelles choses qui, alors même

- que la lumière ne se ferait pas complète, saliront la Société Théosophique et rejailliront sur ses membres, car on ne pourra jamais croire que tant de gens intelligents n'aient été que des dupes. Je vous dis ce que sera le jugement du monde et on a beau avoir sa conscience pour soi—il n'est pas agréable d'être soupçonné...» ¹⁾).

1) „Я должна вамъ сказать, что вовсе не имѣю намѣренія служить посредникомъ между г-жей Б. и г-номъ С. Однако, на сей разъ, такъ какъ это вы дружески обращаетесь ко мнѣ, позвольте отвѣтить вамъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Прежде всего—дѣла „теософическаго общества“ меня больше не касаются, такъ какъ я подала свою отставку. Со вздохомъ облегченія я отрѣзала себя отъ всего этого, благодаря небу. Что же касается новыхъ доказательствъ въ настоящемъ дѣлѣ, которыя вы приводите,—подумавъ немного вы поймете, что они не имѣютъ для меня никакой цѣны. Г. С. нашъ другъ, онъ жилъ въ теченіе мѣсяцевъ въ ближайшихъ отношеніяхъ съ нашимъ семействомъ, и мы, слѣдовательно, имѣемъ нѣкоторыя права для притязанія знать его очень хорошо. Г-жа У. и ея дочь (хоть я и видала первую изъ нихъ нѣсколько дней въ Парижѣ) совершенныя для меня незнакомки, и ихъ слова не могутъ имѣть значенія передъ словами г. С. Когда г. С. скажетъ или напишетъ мнѣ то, что онъ, какъ вы предполагаете, говорилъ г-жѣ У.,—тогда мы посмотримъ; но я очень спокойна на этотъ счетъ. Г. С. подтвердитъ все, что онъ написалъ и подписалъ своимъ именемъ въ Парижѣ. Онъ только прибавитъ (и вотъ этотъ-то пунктъ и можетъ объяснить всю поднявшуюся болтовню), что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія обвинять г-жу Блаву по поводу ея частной жизни, которая насъ никоимъ образомъ не касается; но что онъ обвиняетъ ее во всѣхъ обманахъ, произведенныхъ ею для основанія „теософическаго общества“. Это же самое говорила вамъ и я въ моей гостини.

Что же касается вашего второго предположенія относительно *невозможности* г. С.,—оно заставляетъ меня улыбаться, особенно когда я подумаю, что этотъ аргументъ, конечно, исходить отъ г-жи Блавы. Увѣрю васъ, что если бы переписка г. С. и г-жи Б. была представлена на заключеніе докторовъ-специалистовъ по душевнымъ болѣзнямъ, они не затруднились бы рѣшить—кто изъ двухъ въ здоровомъ разсудкѣ. Объ этомъ я имѣю свидѣтельство доктора Шарли Ришэ. Но позвольте мнѣ указать на противорѣчіе, относящееся къ вамъ. Вы мнѣ советуете никому не показывать „дѣло Блаватской“—и я сама такъ же думаю, имѣя одно только желаніе, чтобъ это дѣло было погребено какъ можно скорѣе. А съ другой стороны вы говорите, что если г. С. не покорится требованіямъ г-жи Б. (ибо я не хочу предполагать, чтобы такіа требованія исходили отъ васъ), вы ей посоветуете противъ него дѣйствовать. Такимъ образомъ, вы сами сдѣлаете гласнымъ это дѣло. Я ни на одно мгновеніе не сомнѣваюсь въ томъ, что г. С. отвѣтитъ только глубочайшимъ презрѣніемъ на предложенія г-жи Б. Развѣ честный человѣкъ можетъ имѣть два противоположныхъ одно другому слова? Если бы г-жа Б. внимательно прочла письма къ ней г. С., она бы увидѣла, что онъ готовъ на все... Наконецъ, чего же она хочетъ? гласности? Ахъ, милостивый государь, какимъ же это образомъ люди, любящіе теософію, могутъ толкать г-жу Б. на этотъ путь? Ну, да если это должно случиться,—оно и будетъ и

Казалось бы—на такое письмо уж нечего отвѣтить, да оно и написано было въ тонѣ, не требовавшемъ отвѣта. Но Е. П. Блаватская все же не могла успокоиться — и послушный Гебгардъ опять сѣлъ за свое бюро и писалъ. При этомъ онъ чувствовалъ себя обиженнымъ, проигравшимъ партію, волновался, хотѣлъ язвить и говорить колкости, — а потому ему можно извинить какъ значительную глупость его письма, такъ и ошибки во французскомъ языкѣ.

«Je reponds à votre lettre pour relever une erreur de votre part... il s'agit de la soi disante contradiction que vous me reprochez. Certes vous auriez raison, chère Madame, si comme vous le dites, ma lettre avait été inspirée par madame Blav. Bien sur elle m'a priée de vous dire ce que madame Y. nous avait raconté. Mais je vous affirme, que toute la pensée qui m'a engagée de vous écrire si longuement vient de moi seule. Aussi en vous priant de ne pas continuer de montrer votre dossier Blavatsky ma seule raison a été d'agir dans *votre propre intérêt* ¹⁾. Dieu sait que je n'ambitionne pas la publicité de cette affaire... mais si l'incident Bl.—Sol. devrait avoir des suites il n'y a pas de doute pour moi que les calomnies contre la personne de mad. Blav. seraient ou deviendraient pour vous la source de beaucoup de désagréments. Il ne suffirait pas de dire que vous n'avez pas eu l'intention de condamner mad. B. etc. le fait que vous avez répété ces calomnies de S. suffit dans les yeux de la loi. Veuillez je vous prie voir

каждый пойдетъ въ битву, сильный собственнымъ оружіемъ. Вотъ 6 мѣсяцевъ, какъ я отвѣчаю презрительнымъ молчаніемъ на всѣ глупыя сплетни, ходящія относительно меня и моихъ друзей; но въ тотъ день, когда клевета зайдетъ слишкомъ далеко и станетъ публичной, —увидать, боюсь ли я! Повѣрьте, что въ этотъ день, какъ въ печати, такъ и не въ печати, повѣрять не разъясненіямъ г-жи У., а переводу *присяжнаго эксперта*. Да и наконецъ, еслибы даже возбудился споръ относительно *одной фразы* — содержаніе всѣхъ писемъ г-жи Б. окажется достаточнымъ для того, чтобы обвинить ее въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Тогда обнаружатся не только инциденты Б.—С или Д.—М. Отовсюду всплывутъ новыя вещи, которыя, если даже все и не выяснится окончательно, загрязнять „теософическое общество“ и забрызгаютъ грязью его членовъ, *ибо никто не повторитъ, чтобы такое количество разумныхъ людей были только одураченные*. Таково, говорю вамъ, будетъ сужденіе свѣта и можно сколько угодно имѣть за себя свою совѣсть а все же неприятно быть подозрѣваемымъ“...

¹⁾ „Запугайте ее хорошенько!“—очевидно требовала Блаватская.

dans mes paroles seulement l'intention bonne et sincère de vous servir. J'ai cru de mon *devoir* de vous avertir, libre à vous de faire ce que vous voulez. C'est ce même devoir qui me fait constater que d'après moi vous avez tort de traiter madame У. et sa fille ou plutôt leur véracité comme vous le faites. Vous avez connu m-r Sol. pendant 3 ou 4 mois—ces dames sont ses *amies intimes* depuis des *années!*.. ¹⁾. C'est dommage que je ne suis pas médecin comme votre ami m-r Richet — l'étude physiologique du caractère de m-r S. serait excessivement intéressante. Cet homme doit posséder un pouvoir et une autorité peu commune sur l'esprit des femmes qui le voient souvent(!).. mais si un jour, comme je l'espère, la lumière se fait chez vous, il sera le temps de vous convaincre de quel côté se sont trouvé vos vrais amis. Et je continuerai de vous tenir au fait à moins que vous me dégagez formellement de ce que j'appelle ma responsabilité ²⁾.

¹⁾ Въ дѣйствительности — я постоянно видался съ m-me де-Морсье болѣе двухъ лѣтъ, а г-жу У. видалъ одинъ мѣсяцъ въ Парижѣ въ началѣ лѣта 1884 г., затѣмъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ осенью 1885 года въ Петербургѣ. Семью же ея я лично зналъ всего три мѣсяца. Но г-жа У. и ея дочь, ничто же сумняси, заявляли, по приказанію Блаватской, о своей *интимной* дружбѣ со мною, продолжавшейся многіе годы, дабы имѣть видъ самыхъ найдостовѣрнѣйшихъ свидѣтелей.

²⁾ „Отвѣчаю на письмо ваше, чтобы указать на одну вашу ошибку... дѣло касается мнимаго противорѣчія, въ которомъ вы меня упрекаете. Конечно, вы были бы правы, еслибы, какъ вы говорите, мое письмо было вдохновлено г-жей Блаватской. Разумѣется, она просила меня сообщить вамъ то, что рассказала намъ г-жа У. Но я утверждаю, что мысль, заставившая меня такъ много написать вамъ, исходитъ отъ меня одного. Прося же васъ не продолжать показывать „дѣло Блаватской“, я имѣлъ въ виду *только ваши интересы*. Видитъ Богъ, что я не желаю гласности этого дѣла... но если инцидентъ Б.—С. будетъ имѣть послѣдствія, я не сомнѣваюсь, что клеветы на г-жу Б. окажутся для васъ источникомъ большихъ непріятностей. Недостаточно будетъ сказать, что вы не имѣли намѣренія обвинять г-жу Б. и т. д.—фактъ, что вы повторяли клеветы С., достаточно въ глазахъ закона. Прошу васъ видѣть въ моихъ словахъ только доброе и искреннее желаніе служить вамъ. Я считалъ своимъ *долгомъ* предупредить васъ,—вы же свободны поступать какъ вамъ угодно. Тотъ же долгъ заставляетъ меня указать, что, по-моему, вы напрасно такъ пренебрежительно относитесь къ г-жѣ У. и ея дочери или, вѣрнѣе, къ ихъ правдивости. Вы знали г. С. 3 или 4 мѣсяца, а эти дамы его *ближайшіе друзья* въ теченіе *десяти*!.. Очень жаль, что я не докторъ, какъ вашъ другъ г. Ринш — физиологическое (?) изслѣдованіе характера г. С. было бы чрезвычайно интересно. Этотъ человѣкъ, должно быть,

Само собою разумѣется, что на эти вздоры Гебгардъ не получилъ отъ м-ше де-Морсье никакого отвѣта. Онъ не могъ также исполнить своего намѣренія, т.-е. сообщать ей о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, такъ какъ ровно никакого «хода дѣла» не было. Елена Петровна и К^о убѣдились, что игра ихъ проиграна, что м-ше де-Морсье непоколебима, что запугать ни меня, ни ее не удалось. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я узналъ, что этотъ самый Гебгардъ *разочаровался* въ Е. П. Блаватской. По крайней мѣрѣ вотъ что онъ писалъ м-ше де-Морсье по поводу какой-то *диффамации*, пущенной въ печати Еленой Петровной:

«La seule chose qui me surprend, c'est que connaissant si intimement le caractère tartare ou kalmouk de H. P. B. vous puissiez encore être étonnée de n'importe ce qu'elle écrive!..» ¹⁾ Онъ доказываетъ, что не стоитъ, по этому поводу, «relever vivement des diffamations qui ne méritent pas l'honneur d'une réponse» ²⁾. Далѣе онъ говоритъ: «Je blâme fortement la manière peu comme il faut de H. P. B.» ³⁾—и опять повторяетъ, что «la fausse accusation» ⁴⁾ со стороны Н. Р. В. не стоитъ никакого вниманія. Ну, какъ же не полное *разочарованіе*!—особенно если вспомнить, что еще столь недавно этотъ Гебгардъ служилъ Блаватской не только своимъ перомъ и совѣтами, но и своими денежными средствами. Подлинники его курьезныхъ писемъ, изъ которыхъ я дѣлаю выписки, переданы м-ше де-Морсье въ мое полное распоряженіе.

Это было послѣднее свѣдѣніе, полученное мною о Блаватской. Я жилъ въ Петербургѣ и съ тѣхъ поръ только случайно

обладаетъ рѣдкой властью надъ умомъ женщинъ, которыя его часто выдають.. но если когда-нибудь, какъ я надѣюсь, у васъ откроются глаза—тогда вы убѣдитесь, гдѣ именно были ваши истинные друзья. Я буду продолжать сообщать вамъ обо всемъ, пока вы формально не освободите меня отъ того, что я считаю своей отвѣтственностью».

¹⁾ „Единственная вещь, меня удивляющая, это—какимъ образомъ, зная такъ близко татарскій или калмыцкій характеръ Е. П. В., вы можете еще изумляться чему бы то ни было, написанному ею!“

²⁾ „Нечего возмущаться диффамациями, не стоящимъ чести отвѣта“.

³⁾ „Я сильно порицаю непорядочность Е. П. В.“

⁴⁾ „Ложное обвиненіе“.

слыхалъ что-либо о «теософическомъ обществѣ». Съ г-жей У., послѣ ея эльберфельдскихъ «битвъ за *правду* и за меня» я, конечно, прекратилъ всякія сношенія.

Время отъ времени мнѣ приходилось обнаруживать слѣды «тайнаго теософскаго мщенія», меня не оставлявшаго въ покоѣ. Я натыкался на удивительныя клеветы и сплетни — и за ними, *въ концѣ концовъ*, почти всегда оказывался хвостъ или г-жи Х., или г-жи У., или кого-нибудь изъ друзей Блаватской. Каковы дѣйствительные размѣры вреда, принесеннаго мнѣ этимъ мщеніемъ, — я не знаю...

XXV.

Портретъ Е. П. Блаватской, съ помощью ея самѣй и близкихъ ей лицъ, мною набросанъ. Мнѣ пришлось, волей-неволей, останавливаться на самыхъ отталкивающихъ чертахъ ея, раскрыть многія нравственные язвы этой феноменальной женщины. Еслибъ я вздумалъ прослѣдить часъ за часомъ все мое знакомство съ нею, передать всѣ ея слова и дѣйствія, всѣ мелкіе, хотя всегда болѣе или менѣе характерные, факты, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, — мнѣ надо было бы написать огромную книгу. Я долженъ былъ ограничиваться вещами, такъ или иначе выдающимися.

Теперь я мысленно перебираю все, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, съ цѣлью найти хоть что-нибудь, оправдывающее чудодѣйственные рассказы о ней ея поклонниковъ и приспѣшниковъ, хоть что-нибудь такое, что осталось бы для меня, *въ концѣ концовъ*, доказательствомъ ея дѣйствительныхъ высшихъ знаній — въ смыслѣ «феноменовъ». И ровно ничего *такого* я не нахожу. А, между тѣмъ, вѣдь она такъ хотѣла удивить меня хоть чѣмъ-нибудь! Это было въ ея прямомъ расчетѣ.

Правда, я не могу объяснить одной вещи: какъ производила она, по своему желанію, и прекращала разнообразныя стуки, раздававшіеся на большомъ разстояніи вокругъ нея, а также

странные звуки, похожіе на пощелкиванья маленькой электрической машины, о которыхъ я говорилъ въ своемъ мѣстѣ. Но этимъ явленіемъ исчерпывается все въ ея феноменахъ, чего я не могу объяснить. Я знакомъ съ хорошенькой серебряной «штучкой», игравшей такую роль въ мелодическихъ ноткахъ, которыми «хозяинъ» давалъ знать «избранницѣ» о своемъ присутствіи.

Что мягкія руки «madame» съ гибкими, утонченными на концахъ, пальцами, были очень искусны въ продѣлываніи разныхъ быстрыхъ движеній—это я видѣлъ много разъ. Вѣроятно, она брала уроки фокусовъ у какого-нибудь «профессора бѣлой магіи», быть можетъ у того именно фокусника, помощникомъ котораго состоялъ Бабула, поступившій къ ней потомъ въ услуженіе, помогавшій ей дурачить «публику» и подсмѣивавшійся надъ «хорошими, кисейными махатмами».

Быстротой движеній и ловкостью рукъ легко объясняется «феноменъ» съ портретомъ въ медальонѣ, описанный мною въ главѣ VI моего разсказа. Она просто, на моихъ глазахъ, замѣнила одинъ медальонъ другимъ, представлявшимъ точный дубликатъ перваго, и такъ быстро, что я этого не замѣтилъ. Но вѣдь профессиональные фокусники производятъ всякія чудеса, передъ которыми всѣ чудеса, всѣ феномены «madame» — ничто, и это вовсе не даетъ имъ права заявлять о своихъ «высокихъ посвященіяхъ» и «необычайныхъ психическихъ способностяхъ».

Я свидѣтельствую, что не только на моихъ глазахъ, но, судя по всѣмъ описаніямъ Синнетта, Желиховской и другихъ ея панегиристовъ, и на глазахъ кого угодно,—Е. П. Блаватская, за исключеніемъ «стуковъ», не произвела ни одного, такъ сказать, «физическаго» феномена, котораго нельзя было бы объяснить фокусомъ и самымъ обыкновеннымъ, простымъ обманомъ. Въ разслѣдованіи лондонскаго психическаго общества, въ отчетѣ Годжсона, приведены примѣры выдающихся чудесъ Блаватской, опубликованныхъ Синнеттомъ,—и всѣ чудеса эти разобраны и объяснены вполне яснымъ и удовлетворительнымъ образомъ.

Когда «madame» могла произвести феноменъ одна, собственными средствами, она улучала удобную минуту—и дѣйствовала.

Когда одной нельзя было управиться, — она призывала на помощь Бабулу, Олкотта или других необходимых лицъ изъ числа ея сообщниковъ. Въ главахъ X и XI я разсказалъ, какъ произведены были въ Эльберфельдѣ два феномена съ помощью Олкотта; для второго изъ этихъ феноменовъ, для письма махатмы, полученнаго «астральнымъ путемъ» г-жею А., понадобилось даже участіе того невиннаго англійскаго мальчика, съ котораго сняли крестъ и замѣнили его буддистскимъ непристойнымъ амулетомъ.

Но, быть можетъ, она была сильнѣе въ феноменахъ «психическихъ», въ проявленіи своихъ исключительныхъ духовныхъ способностей? Въ этой области чудеса, разсказываемыя о ней ея сестрою и друзьями, еще поразительнѣе! Она, глядя на чело-вѣка, читала его мысли, видѣла далеко совершающіяся событія, съ изумительной ясностью предсказывала будущее...

Однако, я опять-таки свидѣтельствую, что за все время моего знакомства и моихъ сношеній съ нею — я никогда не могъ убѣдиться въ чемъ-либо подобномъ. Мнѣ не разъ приходилось въ жизни встрѣчать людей, изумлявшихъ меня или временной, или постоянной своей тонкой прозорливостью. Я знаю вполне доказанные для меня примѣры исполнявшихся предчувствій, предчувствій не туманныхъ и неопредѣленныхъ, а совсѣмъ ясно и точно формулированныхъ. Вообще, я *знаю*, что въ сложномъ внутреннемъ мірѣ чело-вѣка, въ тайникахъ его духа, дремлющаго среди вещественной яви, скрыты самыя разнообразныя способности, и что иной разъ, вслѣдствіе причинъ, не легко поддающихся анализу, эти способности заявляютъ о себѣ хоть и быстролетными, но реальными, осязаемыми явленіями.

Зная все это, я, разумѣется, нисколько не удивился бы, найдя и въ Е. П. Блаватской что-либо подобное. До послѣднихъ дней нашего знакомства, уже сначала увѣренный, а потомъ и утвержденный ею самой въ томъ, что она морочить и обманываетъ людей, я все ждалъ какого-нибудь проявленія ея тонкой прозорливости и т. д. Съ другой стороны, она сама — и читатель долженъ это ясно видѣть изъ всего моего разсказа, подтвержденнаго документами, — Богъ знаетъ что дала бы ради

возможности удивить меня и остановить мое вниманіе на чемъ-либо интересномъ.

Но ничего, ничего я отъ нея не видѣлъ. Когда она подготовляла какой-нибудь «феноменъ», я всякій разъ зналъ, что именно должно случиться, и видѣлъ, какъ она прямо навѣдитъ разговоръ на извѣстную тѣму: для примѣра стоитъ только вспомнить сцену, завершившуюся русскимъ писаніемъ Баваджи, его «блаженны вруціе».

Нерѣдко, то закрывая глаза, то дико поводя ими, она объявляла мнѣ, что видитъ сцены, происходящія тамъ-то и тамъ-то. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ удавалось провѣрить это ясновидѣніе, *всегда* оказывалось, что ровно ничего изъ якобы видѣннаго ею не происходило въ дѣйствительности. Ни разу она не угадала, хотя бы только приблизительно.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Вюрцбурга, она, какъ рассказано мною въ главѣ XX, сдѣлала мнѣ, отъ имени своего «хозяина», цѣлый рядъ весьма подробныхъ, опредѣленныхъ предсказаній, которыя должны были исполниться въ самомъ скоромъ времени. Моя неувѣренность, что предсказанія эти исполнятся, не могла, полагаю, измѣнить вѣлѣній судьбы моей, открытой «хозяиномъ» — и вотъ, хоть бы одно самое маленькое предсказаніице случайно исполнилось! Даже профессиональныя гадалки, спрашивающія — на сколько погадать, на рубль или на три, — предсказываютъ удачѣе.

Да и гдѣ, наконецъ, хоть сколько-нибудь удовлетворительно засвидѣтельствованные факты проявленій ея ясновидѣнія или, какъ это называется на «теософическомъ» языкѣ, «чтенія въ астральномъ свѣтѣ»? — въ разныхъ «правдахъ о Е. П. Блаватской» искать ихъ, какъ уже извѣстно читателю, довольно трудно.

Возьмемъ на выдержку подобный примѣръ. Г-жа Желиховская («Русское Обозрѣніе» 1891 г. декабрь, стр. 570) пишетъ: «Елена Петровна часто насъ предупреждала о смерти людей, жившихъ съ нами въ Россіи, изъ-за большихъ разстояній. Послѣдній такого рода фактъ случился лѣтомъ 1886 года, когда, живя въ Петергофѣ, мы получили отъ нея письмо изъ Остенде,

гдѣ она извѣщала насъ о кончинѣ А. М. Бутлерова, ранѣе чѣмъ это извѣстіе появилось въ нашихъ газетахъ. Елена Петровна очень любила профессора Бутлерова *и была съ нимъ въ постоянной перепискѣ*.

Осенью 1885 года, прїѣхавъ изъ-за границы въ Петербургъ, я встрѣтился съ А. М. Бутлеровымъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ о Блаватской. Онъ съ большимъ интересомъ меня о ней спрашивалъ, рассказывалъ мнѣ о ней то, что слышалъ отъ другихъ; вообще изъ его словъ никакъ нельзя было заключить, что онъ хоть сколько-нибудь самъ ее знаетъ. Еслибъ онъ не только былъ съ нею въ *постоянной перепискѣ*, но даже еслибы обмѣнялся двумя-тремя письмами, — онъ, по свойству нашего разговора, непременно сказалъ бы мнѣ объ этомъ.

Я все-таки, однако, могу ошибаться. Ну такъ вотъ: ближайшій другъ А. М. Бутлерова и его свойственникъ (двоюродный братъ его супруги) А. Н. Аксаковъ, бывшій съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и послѣ его кончины разбиравшій его бумаги, *разрѣшилъ мнѣ заявить какъ фактъ, что А. М. Бутлеровъ не былъ лично знакомъ съ Е. П. Блаватской и никогда не находился съ нею ни въ какой перепискѣ*.

И такъ, одна часть сообщенія г-жи Желиховской оказывается *выдумкой*, а другая не удовлетворяетъ даже самымъ простымъ требованіямъ отъ подобнаго рода сообщеній: не указано число, въ которое было *написано и отправлено* письмо Блаватской изъ Остенде. Еслибы можно было съ точностью провѣрить моментъ отправки письма, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, оказалось бы, что «madame» узнала о кончинѣ Бутлерова изъ только-что полученной телеграммы и въ письмѣ своемъ, привычной къ такимъ фразамъ рукою, написала: «онъ умеръ, я знаю: я его видѣла».

Всѣ примѣры подобнаго рода, встрѣчающіеся въ «нео-теософской» литературѣ о Блаватской, не болѣе достовѣрны и убѣдительны.

Затѣмъ слѣдуетъ коснуться вопроса о «хозяинѣ», о знаменитыхъ «махатмахъ». Среди индусовъ, помимо всякаго «теософическаго общества», издревле существуютъ легенды и рассказы о

великихъ душъ (это переводъ слова *махатма* или, вѣрнѣе, *маха-атма*), мудрецахъ, живущихъ на горахъ, въ недосягаемыхъ глубинахъ Тибета и обладающихъ необычайнымъ знаніемъ сокровеннѣйшихъ тайнъ природы.

Теперь предположимъ, хотъ бы для доказательства *ad absurdum*, что въ этихъ легендахъ и разсказахъ не только заключается нѣкоторая доля истины, но и все, какъ есть все — чистая правда. Забудемъ также то, что мы знаемъ — и о разслѣдованіи Годжсона, и о письмахъ Блаватской къ Куломбамъ, и о «кисейныхъ» откровеніяхъ Бабулы, и о экспертизѣ Нетсерклифта, о признаніяхъ Блаватской въ Вюрцбургѣ, ея предложеніи «создавать русскія письма Куть-Хуми», ея «исповѣди», китайскихъ бумажкахъ и конвертикахъ и т. д. Представимъ себѣ такую картину, въ дѣйствительности которой увѣряютъ теософы: Блаватская такъ или иначе входитъ въ общеніе съ махатмами и убѣждается, какъ она поэтично разсказала въ своихъ «Пещерахъ и дебряхъ Индостана», что «тибетскіе братья» обладаютъ высшими знаніями. Для нихъ пространство и время — звукъ пустой, они (хотъ и не безъ значительной затраты жизненной силы) могутъ покидать свое тѣло и въ *астральной*, болѣе или менѣе видимой и осязаемой, оболочкѣ появляться во мгновеніе ока гдѣ угодно. Они могутъ пересылать (тоже не безъ затраты жизненной силы) свои письма, перелетающія съ быстротой мысли какія угодно разстоянія, проникающія черезъ матеріальныя препятствія и падающія вамъ на голову или вписывающіяся, ввидѣ постскриптумовъ (строки Куть-Хуми ко мнѣ въ письмѣ Блаватской) въ обыкновенныя грѣшныя письма, мирно лежащія на днѣ почтовой сумки и перевозимыя по желѣзной дорогѣ. Все это махатмы могутъ. Они посвящаютъ Елену Петровну, благодаря ея «дѣвственности», въ званіе «адента второго разряда» и поручаютъ ей создать «теософическое общество» для распространенія *истины* на земномъ шарѣ.

«Болванъ Олкоттъ старый котъ» (слова Блаватской), хотъ онъ и «*bête*» (мнѣніе, письменно выраженное мнѣ о немъ махатмой Куть-Хуми), по протекціи Елены Петровны объявляется президен-

томъ и ему на память дарится «астральный тюрбанъ», который онъ имѣетъ право всѣмъ показывать, какъ знакъ своего достоинства и личнаго знакомства съ махатмами. Махатма Кутъ-Хуми беретъ на себя литературную часть и вступаетъ сначала въ дружескую переписку съ Синнеттомъ (письма Кутъ-Хуми въ «Occult World»), а затѣмъ и съ другими теософами и даже скептиками и «подозрителями», подобными мнѣ. Махатма Моріа, — съ просьбой, чтобъ его называли просто М., — принимаетъ роль «хозяина» Елены Петровны и обязуется постоянно къ ней являться изъ Тибета, ежедневно показываться графинѣ Вахтмейстеръ, Машкѣ Флинъ и прочимъ, а также звонить въ «серебряную штучку».

Блаватская и Олкоттъ дѣлаютъ что могутъ. Кутъ-Хуми пишетъ нерѣдко очень интересныя, горячо и талантливо изложенныя письма и только разъ попадаетъ въ жесточайшемъ плагиатѣ, причемъ весьма глупо и неловко силится оправдаться (см. въ началѣ отчета «лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій»). Но махатма М., *строгий* (по увѣренію Е. П. Б.) «хозяинъ», рѣшительно портитъ все дѣло.

— Помилуйте! — не разъ говорилъ я Еленѣ Петровнѣ, — вы совершенно компрометируете вашего «хозяина»! Сей величайшій мудрецъ, выпивъ стаканъ молока (это его дневная порція пищи), лежитъ въ глубинѣ Тибета, такъ сказать, у самаго порога Нирваны. Его дивный умъ рѣшаетъ судьбы міра. И вдругъ вы ему отсюда: «дзинны!» Онъ тотчасъ же «дѣлаетъ затрату жизненной силы», вылѣзаетъ изъ своего грубо-матеріальнаго тѣла, оставляетъ это тѣло въ Тибетѣ переваривающимъ стаканъ молока, облекается въ *астральную* оболочку — и, во мгновеніе ока, шастъ сюда къ вамъ. «Дзинны! что прикажете, упазика (мать)?» «А ну-ка, любезный, напиши письмо г-жѣ А. и кинь черезъ часъ его ей на голову». «Слушаю-съ!» «А ну-ка, любезный, напиши: «Я былъ тамъ, конечно; но кто можетъ открыть глаза нежелающему видѣть» и положи эту записку въ карманъ Олкотта!» «Слушаю съ!» «А ну-ка, любезный, покажись Машкѣ Флинъ!» «Слушаю-съ!» Развѣ же такъ возможно? вѣдь онъ выходитъ не «хозяинъ» вашъ, а лакей, служащій у васъ на побѣгушкахъ!

*

О, какъ сердилась она на меня за такія рѣчи, какъ таращила свои громадныя глаза цвѣта полинявшей бирюзы!

А между тѣмъ никто, какъ есть никто изъ самыхъ даже, по-видимому, разумныхъ теософовъ не смущался этой жалкой лакейской ролью великаго, таинственнаго учителя, «хозяина», могущаго отнимать у смерти Елену Петровну!

Но оставимъ въ сторонѣ и эти интимныя, *домашнія* обстоятельства. Представимъ нашу «упазику» дѣйствительной, невинной жертвой миссіонеровъ, Годжсона, Майерса, меня, m-me де-Морсье и т. д., всѣхъ, кто узналъ и объявилъ ее обманщицей. Представимъ, что всѣ мы—или заблуждающіеся, или недобросовѣстные обвинители. Какимъ же образомъ махатмы, эти «святые, безгрѣшные мудрецы», допустили свою избранницу страдать безвинно? вѣдь отъ нихъ зависѣло заблуждающихся вернуть на путь истины, а недобросовѣстныхъ посрамить. Между тѣмъ Кутъ Хуми остался доказаннымъ *плагиаторомъ*, а «хозяинъ» — *кисейной куклой*, хоть его и выдали ежедневно Машка Флинъ и гр. Вахтмейстеръ.

Но избранница виновна, уличена въ самыхъ разнородныхъ обманахъ, доведена до отчаянья, пишетъ свою «исповѣдь», а потомъ начинаетъ мстить. «Святые и безгрѣшные» махатмы стоятъ въ сторонкѣ, какъ будто имъ тутъ и дѣла нѣтъ. Они видятъ самую гнусную грязь и клевету, которую «упазика» и ея друзья, прикрываясь ихъ именемъ, варятъ въ колдовскомъ котлѣ для *враговъ*. Видятъ это и «теософы» — и помогаютъ своей Н. Р. В. варить грязь и клевету, мечтая о Нирванѣ.

«Можетъ быть и есть какіе-нибудь святые и мудрые «махатмы» въ Тибетѣ, только врядъ-ли они могли имѣть что-либо общее съ Блаватской, оставаясь святыми и мудрыми» — это слѣдуетъ сказать искреннимъ членамъ «теософическаго общества». А что Н. Р. В. попала въ руки тайнаго, религіозно-политическаго индійскаго братства, что она приняла въ этомъ братствѣ буддизмъ и взяла на себя миссію распространять его въ тѣхъ странахъ, гдѣ пало христіанство и чувствуется стремленіе къ какой бы то ни было вѣрѣ — это, быть можетъ, гораздо ближе къ истинѣ,

чѣмъ кажется съ перваго разу. По крайней мѣрѣ мнѣ приходилось видѣть мельканіе чего-то подобнаго въ прорывавшихся у Е. П. Блаватской намекахъ. Въ инныя минуты она положительно производила впечатлѣніе существа закабаленнаго, связаннаго чѣмъ-то или кѣмъ-то.

Въ такія минуты она была очень жалка и несчастна. Я никогда не забуду, какъ однажды она воскликнула:

— Хотѣла бы вернуться... хотѣла бы стать русской, христіанкой, православной... тяпеть меня... и нѣтъ возврата!.. я въ цѣпяхъ... я не своя!

А черезъ полчаса начались опять разглагольствованія о «хозяинѣ»...

По мѣрѣ того какъ печатался въ «Русскомъ Вѣстникѣ» этотъ рассказъ мой, я слышалъ отъ нѣсколькихъ лицъ такого рода разсужденія: «Зачѣмъ вы сказали, что жалѣли и жалѣете эту ужасную женщину? Она такъ преступна, такъ отвратительна—и вы сами доказываете это, — что никакъ не можетъ вызывать къ себѣ чувства жалости, особенно въ человѣкѣ, лично знакомомъ со всѣми ея обманами, полной безпринципностью, злобой и клеветой!..»

Отвѣчу: я не только былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ ея дѣяній; но и на себѣ самомъ испыталъ ея грязное мщеніе, — и все-таки, вспоминая нѣкоторыя минуты нашихъ бесѣдъ съ нею, я не могу думать о ней безъ жалости. Я никогда не позволялъ разрастаться во мнѣ этому чувству, я всегда его сдерживалъ и неуклонно дѣлалъ свое дѣло—наблюдалъ, слѣдилъ за нею, ловилъ ее. Когда пришло время—я спокойно способствовалъ всѣмъ, что было въ моей власти, ея разоблаченію, не упустилъ ничего, не проявилъ относительно этой возмутительной обманщицы никакой слабости. Но жалость къ ней все же оставалась. Теперь, когда ея нѣтъ, я, опять таки безъ послабленія, предаю во всеобщее свѣдѣніе разсказъ объ ея скверныхъ дѣяніяхъ. А жалость все же остается...

И эта жалость вовсе не признакъ какого-нибудь моего добросердечія. Она имѣетъ свою причину не во мнѣ, а въ самой Еленѣ Петровнѣ Блаватской. Въ свои спокойныя и добрыя минуты она была необычайно симпатична. Въ ней заключалось какое-то обая-

ніе, какой-то магнитъ, притягивавшій къ ней съ неуправляемой силой.

Симпатичность—такое свойство, котораго не передашь никакими словами; но всѣ, мужчины и женщины, старые и молодые, на кого ласково глядѣли эти громадныя, странныя глаза, испытывали одно и то же. Я знаю, напримѣръ, одну молодую женщину, неувлекающуюся, нисколько не сентиментальную и сразу инстинктивно понявшую Блаватскую. Столкнувшись съ этой, въ то время совсѣмъ еще молодой женщиной, простой и скромной, — знаменитая «madame», у которой разныя «синіе чулки» цѣловали руки и ноги, увидѣла себя, къ большому своему удивленію, разгаданной и парализованной. И все-таки эта молодая женщина говорила и говорить: «Блаватская была ужасная злодѣйка; но почему-то производила часто такое впечатлѣніе, что надъ нею хотѣлось плакать отъ невыносимой къ ней жалости».

Причину этой странной симпатичности «современной жрицы Изиды» слѣдуетъ искать въ ея самобытной, своеобразной, горячей какъ огонь талантливости и въ ея бурной, бѣшеной энергіи. Такая талантливость и энергія — стихійная сила, съ которой не легко бороться. Эта сила, въ соединеніи съ душевной извращенностью, съ какимъ-то звѣринымъ непониманіемъ «въ жизни» различія между добромъ и зломъ, — произвела одно изъ весьма интересныхъ и характерныхъ явленій конца девятнадцатаго вѣка — «теософическое общество».

XXVI.

Хотя «теософическое общество» основано и въ весьма недавнее, сравнительно, время, въ 1875 году; однако *дѣйствительное* происхожденіе его до сихъ поръ терялось во мракѣ таинственности и неизвѣстности. Какъ его основатели, т. е. Блаватская и Олкоттъ, такъ и первые ихъ послѣдователи, сдѣлали все возможное для того, чтобы напустить какъ можно больше туману,

въ густыхъ волнахъ котораго легко задохнуться, но никакъ нельзя отыскать настоящей «колыбели» интереснаго младенца, бывшаго плодомъ духовнаго союза русской «скиталицы» и американскаго «полковника».

Вѣрно только одно — что интересный младенецъ получилъ свое бытіе въ Америкѣ, въ Нью-Йоркѣ, и это именно обстоятельство дало возможность виновникамъ его многозначительной жизни окутать пеленами тайны его рожденіе. На американской почвѣ нетрудно выдумать и привести въ исполненіе что угодно, ничегонестойтъ, какъ устно, такъ и печатно, распуścić самые баснословные слухи и найти достаточное количество людей, готовыхъ имъ вѣрить безо всякихъ разсужденій.

По легендамъ, пущеннымъ въ обращеніе теософами «перваго призыва», Е. П. Блаватская отъ юности своей находилась подъ особымъ покровительствомъ «тибетскихъ братьевъ», которые, взявъ ее на попеченіе, руководили всѣми шагами ея жизни, подготавливая въ ней исполнительницу великой миссіи, имѣющей *мировое* значеніе.

Когда приспѣло время открыть высшія истины человечеству, погрязшему въ заблужденіяхъ всякаго рода, Блаватская была вызвана въ Индію, получила тамъ, вмѣстѣ съ принятіемъ ею буддизма, высокія посвященія, а затѣмъ была послана въ Америку. Здѣсь она должна была соединиться съ другимъ избранникомъ, хоть и значительно менѣе достойнымъ, Олкоттомъ, и создать вмѣстѣ съ нимъ «теософическое общество». Олкоттъ становился, такъ сказать, тѣломъ этого учрежденія, а Блаватская — его душою. «Обществу» была гарантирована постоянная помощь тибетскихъ адептовъ, и двое изъ нихъ, Кутъ-Хуми и Моріа, брались вдохновлять Блаватскую и входить въ общеніе съ теософами, заслуживающими такую высокую честь.

Такова, въ общихъ чертахъ, сущность легенды. Что же касается *дѣйствительной* исторіи, я имѣю возможность въ значительной степени освѣтить ее, благодаря собственноручнымъ письмамъ Елены Петровны Блаватской, относящимся именно къ самому интересному времени — отъ конца 1874 года и до 1879

года ¹⁾). Мои читатели уже знают, что такое письма Блаватской и какъ слѣдуетъ къ нимъ относиться. Но въ настоящемъ случаѣ ея писанія, какъ будетъ видно, получаютъ первостепенное документальное значеніе, и всякій легко и сразу, безъ какихъ бы то ни было комментаріевъ, увидить, что въ нихъ не можетъ быть *правдой* и что не можетъ быть *ложью*.

1873 годъ былъ годомъ рѣшительнаго перелома въ жизни Елены Петровны Блаватской. Ей исполнилось уже 42 года. вмѣстѣ съ исчезнувшей молодостью исчезло и все, чѣмъ доселѣ жила она. Еслибы она была женщиной обыденной - ей пришлось бы погибнуть, превратиться въ ничто, или владѣть самымъ жалкое существованіе. Но въ ней заключалась сила энергіи и таланта, которая именно теперь, когда ушла молодость со всѣми ея бурями, должна была широко и свободно развиваться.

Волна жизни выбросила Елену Петровну на американскій берегъ, и она очутилась одна, безъ друзей и покровителей, безъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни, безъ прежнихъ способовъ, которыми она могла бы заинтересовать собою. Она не потерялась, оглядѣлась, прислушалась — и рѣшила попробовать свои силы въ качествѣ спиритической писательницы. Она окружила себя таинственностью, стуками, завела знакомство въ редакціяхъ двухъ-трехъ газетъ, рассказывала интересныя вещи о своихъ разнообразныхъ путешествіяхъ.

Мало-по-малу становилась она извѣстной американскимъ спиритамъ какъ горячая послѣдовательница ихъ ученія и къ тому же обладающая сильными медиумическими способностями. Наконецъ, изъ Нью-Йорка, она отправилась въ Вермонтъ, на ферму братьевъ Эдди, въ то время надѣлавшихъ много шуму медиумовъ. Познакомилась она тамъ съ полковникомъ Олкоттомъ, пріѣхавшимъ въ качествѣ корреспондента для разслѣдованія чудесъ, совершавшихся братьевъ Эдди.

¹⁾ Съ этими письмами я познакомился, когда уже мой рассказъ давно печатался въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, и получилъ я ихъ въ *апрѣль* 1892 года. Они мнѣ переданы какъ *полнѣйшее* подтвержденіе моего разсказа и моихъ выводовъ, и какъ весьма важное дополненіе къ моимъ документамъ.

Она очевидно нашла, что энергичный и въ то же время необыкновенно покладистый полковникъ будетъ ей хорошимъ, полезнымъ товарищемъ—и быстро съ нимъ подружилась. Онъ сразу же оказалъ ей огромную услугу: въ своихъ корреспонденціяхъ наговорилъ о ней съ три короба разныхъ чудесъ и этимъ помогъ ея писательству. У нея мелькнула мысль, что хорошо было бы писать не только по-англійски въ американскихъ газетахъ, но и попытаться работать въ томъ же направленіи и для далекой родины, переводя свои статьи и другія *интересныя* вещи.

Весь вопросъ заключается въ томъ—какимъ образомъ доставлять все это въ Россію и черезъ кого хлопотать о напечатаніи. Она познакомилась съ Andrew Jackson Davis'омъ, писателемъ-спиритомъ, и онъ указалъ ей на человѣка, который, по его мнѣнію, могъ ей быть полезнымъ въ Россіи. Человѣкъ этотъ былъ А. Н. Аксаковъ, издатель лейпцигскаго журнала «Psychische Studien», издавна интересующійся всякими психическими вопросами и, между прочимъ, феноменами спиритизма.

28 октября 1874 года Елена Петровна писала А. Н. Аксакову: «Извините меня, если совершенно незнакомая вамъ личность адресуется такъ безцеремонно къ вамъ... Вотъ въ чемъ дѣло: я живу въ Америкѣ около полутора года уже и не имѣю намѣренія уѣзжать. Вся жизнь моя сосредоточилась здѣсь, т. е. жизнь внутренняя конечно, такъ какъ я слишкомъ устарѣла, чтобы интересоваться много внѣшней жизнью... То, что происходитъ теперь въ Америкѣ, въ Англіи и во Франціи, должно бы стараться объяснить у насъ. Спиритизмъ здѣсь не шуточное дѣло. Изъ 11 милліоновъ спиритовъ въ Соединенныхъ Штатахъ по послѣднему отчету, ихъ прибавилось до 18 милліоновъ, почти 50 проц. на 100, съ той самой минуты, какъ появились брошюры, защищающія спиритизмъ съ именами подобными Альфреду Уолласу, Круксу, Варлею и проч. Вся пресса заговорила разомъ. Попытки къ насмѣшкѣ, осужденію и хулѣ дѣлаются рѣже и рѣже. Въ прошломъ году еще рѣдко можно было найти въ такъ называемомъ «respectable Newspaper» статейку о какомъ-либо спиритскомъ фактѣ, теперь же, еле проходитъ одинъ день, чтобы

журналы не были переполнены сотнями фактовъ, доказательствъ и т. д. Журналы посылаютъ во всѣ стороны «reporter'овъ» и артистовъ къ медиумамъ. Я только на прошлой недѣлѣ вернулась отъ Эдди братьевъ, извѣстныхъ медиумовъ въ Рутландѣ Вермонтъ, гдѣ провела 2 недѣли. Домъ и сосѣднія квартиры были наполнены корреспондентами. У «Eddys» духи усопшихъ разгуливаютъ чуть не днемъ. Нѣсколько разъ уже являлись они безъ помощи медиума, а по вечерамъ отъ 15 до 20 духовъ являются какъ во плоти передъ глазами зрителей во время сеансовъ. Я говорила, какъ при жизни, съ *отцомъ*, *дядей*, съ другими родными «порусски» въ продолженіи 5 минутъ на платформѣ ¹⁾. Семь особъ изъ числа давно умершихъ знакомыхъ, различныхъ націй, являлись, говорили со мной, каждый на своемъ языкѣ и уходили. Нельзя ли мнѣ будетъ прислать или, скорѣе, постоянно присылать къ вамъ отсюда переводы статей о спиритическихъ фактахъ не неизвѣстныхъ личностей,—но такихъ людей, какъ Робертъ Дэль Оуэнъ, полковникъ Олкоттъ и лучшихъ здѣшнихъ писателей. Я со многими ими знакома и они даютъ мнѣ, съ удовольствіемъ, право переводить ихъ произведенія. Олкоттъ корреспондентъ, посланный нарочно однимъ изъ лучшихъ иллюстрированныхъ журналовъ Нью-Йорка, «The Graphic» — въ Вермонтъ къ Эдди братьямъ. Онъ провелъ тамъ уже болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, и его иллюстрированныя статьи производятъ фуроръ. Я также работаю для «Graphic» и могу высылать регулярно статьи, переведенныя и переписанныя начисто, съ копіями иллюстрацій, рисованныхъ перомъ и тушью. Вы вѣроятно также слышали о посмертномъ сочиненіи Диккенса. Вторая часть неоконченнаго имъ при жизни романа его «Эдвина Друда». Я перевела эту вторую часть, и она лежитъ готовая у меня... Духъ ли Диккенса написалъ ее или самъ медиумъ James, но эта вторая часть признана всей американской и европейской прессой (съ малыми исключеніями) за совершенное *fac simile* слога Диккенса и его неподражаемаго юмора...

¹⁾ Возвышенная эстрада передъ занавѣской, изъ-за которой появлялись фигуры, рассказывали и бесѣдовали съ зрителями.

Извиняюсь еще разъ за безцеремонность письма. Надѣюсь, что быть можетъ найдете свободную минуту отвѣтить мнѣ слова два. Очень бы я хотѣла видѣть напечатанное въ Россіи окончаніе вышеупомянутаго романа Диккенса. Я долго надъ нимъ работала и переводила съ манускрипта Джемса, какъ онъ писалъ подъ диктовку духа Диккенса...»

Письмо это не дошло еще по назначенію, какъ Е. П. Блаватская послала вслѣдъ за нимъ другое, отъ 14 ноября. Оно весьма краснорѣчиво и полно значенія для ея характеристики.

«Нѣтъ недѣли еще, какъ я писала вамъ и вотъ — горько каюсь въ томъ уже! Сегодня утромъ, по обыкновенію моему, когда я въ городѣ, я сидѣла у единственнаго друга моего, многоуважаемаго всѣми здѣсь Andrew Jackson Davis'a, онъ получилъ ваше письмо, писанное по-французски и, не зная хорошо языка, просилъ меня прочесть и перевести. Въ письмѣ этомъ вы пишете: «J'ai entendu parler de M-me Blavatsky par un de ses parents, qui la dit un medium assez fort. Malheureusement ses communications se ressentent de son moral, qui n'a pas été des plus sévères» ¹⁾. Кто бы вамъ ни говорилъ обо мнѣ, они говорили *правду*, въ сущности, если не въ подробностяхъ; только видѣть одинъ Богъ, что выстрадала я за мое прошлое. Видно ужъ такова судьба моя, что нѣтъ мнѣ на землѣ прощенья. Это *прошлое*, какъ печать проклятья на Каинѣ преслѣдовало меня всю жизнь и преслѣдуетъ даже сюда, въ Америку, куда я уѣхала, подальше отъ *него* и отъ людей, которые меня знали въ молодости. Вы сдѣлались невинной причиной тому, что теперь я буду принуждена бѣжать куда-нибудь еще подальше — куда? не знаю. Я не обвиняю васъ, видѣть Богъ, что писавши эти строки, я не имѣю ничего въ душѣ противъ васъ, кромѣ глубокаго, давно знакомаго мнѣ горя, за неисправимое прошлое. Andrew Jackson, который *чувствуетъ* и читаетъ людей яснѣ всякой книги (а въ этомъ никто не сомнѣвается кто его знаетъ), сказалъ мнѣ на это только слѣдующія многозначе-

¹⁾ „Я слышалъ о г-жѣ Блаватской отъ одного изъ ея родственниковъ, который считаетъ ее сильнымъ медиумомъ. Къ несчастію ея сообщенія отзываются ея нравственностью, бывшей не изъ самыхъ строгихъ“.

нательныя слова: «я васъ знаю, такой какъ *вы есть* теперь, и *чувствую* васъ, до вашего же прошлаго я не хочу и не могу касаться, я напишу г-ну Аксакову, что онъ *не знаетъ* васъ лично, я же — знаю». Эти слова, сказанныя А. Ж. Дэвисомъ, достаточны будутъ для васъ, и мнѣ нѣтъ болѣе надобности стараться васъ увѣрять, что M-me Blavatsky, 20 лѣтъ назадъ, или теперь, когда ей за 40 уже — *дѣтъ особы*. Я «спиритка», и «спиритуалистка» въ полномъ значеніи этихъ двухъ названій... Я была «матерьялисткой» почти до 30 лѣтъ, и вѣрила и не вѣрила въ спиритизмъ. Не вѣря въ Бога, я не могла вѣрить въ будущую жизнь. Нравственность и добродѣтель я принимала за общественное одѣяніе, ради приличія — *un masque social que l'on n'appliquait sur la figure que pour ne pas choquer l'estetique de son voisin, comme on mettrait du taffetas anglais sur une laide blessure* ¹⁾. Я ненавидѣла «общество» и такъ называемый свѣтъ, какъ ненавидѣла *лицемѣріе* въ какомъ бы оно видѣ ни проявлялось — *ergo*: шла противъ общества и установленныхъ приличій на проломъ. Результатъ: три строчки въ вашемъ письмѣ, которыя пробудили во мнѣ все прошлое и растравили всѣ старыя раны. Болѣе 10 лѣтъ уже я *спиритка и теперь вся жизнь моя принадлежитъ этому ученію*. Я борюсь за него и стараюсь посвящать оному всѣ минуты жизни моей. Будь я богата, я бы употребила всѣ мои деньги до послѣдняго гроша *pour la propagande de cette divine vérité* ²⁾. Мои средства очень плохи и я принуждена жить трудами своими, переводами и писать въ журналахъ.

Вотъ почему, я обратилась къ вамъ, съ предложеніемъ переводить на русскій языкъ все, что выходитъ здѣсь о спиритуализмѣ. Я перевела Эдвина Друда и онъ давно готовъ, также я перевожу теперь письма (Colonel H. S. Olcott), которыя производятъ въ эту минуту такую революцію въ умахъ матерьялистовъ.

Онъ *инвестировалъ*, 8 недѣль, матерьялизаціи духовъ у

¹⁾ „за общепринятую маску, которую надѣвали только для того, чтобы не оскорблять эстетическаго чувства своего сосѣда, какъ прикрыли бы англійской тафтою безобразную рану“.

²⁾ „для пропаганды этой божественной истины“.

Eddy Brothers въ Вермонтѣ и я была у нихъ и жила 2 недѣли на фермѣ у нихъ, гдѣ съ нимъ и познакомилась. Его письма и сочиненія достойные соперники книгъ Роберта Даль Оуена (Owen), Эпса Саржента и другихъ защитниковъ. Но теперь, когда я узнала ваше справедливое, хотя суровое мнѣніе обо мнѣ, я вижу, что нѣту для меня спасенья кромѣ смерти. До гроба придется мнѣ тянуть «*ce boulet de galerien social*»¹⁾). Видно ни раскаяніе, ни добровольное изгнанье изъ родины, гдѣ есть у меня и братья и сестры и любимые родные, которыхъ я никогда уже не увижу на землѣ—ничто не усмирить гнѣва этого разъяренного дикаго звѣря, котораго зовутъ публичнымъ мнѣньемъ!

Одна есть у меня къ вамъ просьба: не лишайте меня добраго мнѣнія Andrew J. Davis'a. Не раскрывайте передъ нимъ того, что если онъ узнаетъ и убѣдится, заставить меня бѣжать на край свѣта. У меня осталось лишь одно убѣжище для себя въ мірѣ—это уваженіе спиритуалистовъ Америки, тѣхъ, которые ничего не презираютъ столько—какъ «*free love*»²⁾).

Неужели вамъ принести удовольствіе на вѣки убить нравственно женщину, которая ужъ и такъ убита обстоятельствами? Извините за длинное письмо и примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и преданности готовой къ услугамъ

Елены Блаватской.

23. „Irvin Place, New York“.

Конечно, ея корреспондентъ, получивъ это письмо, поспѣшилъ увѣрить, что ему «не принесетъ никакого удовольствія навѣки убить нравственно женщину».

Е. П. Блаватская снова писала изъ Гартфорда, 13 декабря 1874 года:

«Не знаю какъ благодарить васъ за вашу неизмѣримую доброту. Имѣя право презирать меня, какъ всякій благородный человѣкъ, за мою прошлую, грустную репутацію, вы такънисходительны и великодушны, что пишете мнѣ... Если есть у

¹⁾ „влачить цѣпь общественнаго каторжника“.

²⁾ „свободную любовь“.

меня надежда на будущее, то это только за гробомъ, когда свѣтлые духи помогутъ мнѣ освободиться отъ моей грѣшной и нечистой оболочки. Извините меня и простите, если я, въ минуту отчаянія, написала вамъ мое глупое второе письмо. Я васъ не поняла и думала, что вы, какъ и другіе, судите только по наружности. Прочитавъ ваше письмо, я увидѣла, какъ ошиблась въ васъ, и что вы готовы подать руку помощи даже и такой, какъ я грѣшная... Письмо ваше я получила какимъ-то чудомъ, котораго право не понимаю (*слѣдуетъ пространное описаніе, какимъ образомъ письмо, посланное въ Нью-Йоркъ, очутилось въ Филадельфіи самымъ, якобы, сверхъестественнымъ образомъ*). Я нахожусь на два дня по дѣламъ въ Гартфордѣ. Я пріѣхала посоветоваться съ полковникомъ Олкоттомъ на счетъ нѣсколькихъ перемѣнъ въ его письмахъ и добавленіяхъ. Онъ издаетъ теперь книгу на тѣмъ своихъ писемъ въ «Graphic», книга такъ дополнена, что составляетъ 2 части, 600 страницъ. 1-ая часть будетъ составлена изъ оригинальныхъ писемъ, а 2-ая — публичное мнѣніе о спиритуализмѣ, антагонизмъ между наукой, религіей и феноменами спиритуализма. Послѣдній въ томъ видѣ, какъ онъ проявляется уже 40 лѣтъ въ общинѣ Шекеревъ и т. д. Книга эта слишкомъ обширна, чтобы ее переводить... лучше будетъ, если я пришлю переводъ писемъ такъ, какъ они были напечатаны въ «Daily Graphic». Всѣ рисунки и иллюстраціи духовъ я наклеиваю на листы переводовъ. Портретъ одного Гассанъ-Аги какъ онъ являлся мнѣ *матерьялизованный* въ Читтенденѣ; въ виду 40 человѣкъ, и говорилъ со мной половину по-русски, а половину по-грузински. Портретъ дяди моего Густава Алексѣевича Гана, который также являлся два раза. Вообще я играю большую роль въ письмахъ Олкотта, такъ какъ всѣ 7 духовъ, явившіеся ко мнѣ на фермѣ въ Вермонтѣ, послужили величайшимъ торжествомъ à la cause du Spiritualisme. Пока говорили духи только по-англійски и по-французски on avait raison de douter peut-être, car il était possible de soupçonner un jeu de prestige quelconque. Mais une fois, que 7 esprits *materialisés*, en chair et en os, tous différemment ha-

billés—selon leur pays et parlant 6 différentes langues, le Russe, le Turc, le Georgien, le Tartare, le Hongrois et l'Italien, parurent chaque soir et que tout le monde les entendit parler comme des personnes vivantes, les choses changerent d'aspect. Le pays est tout revolutionné. Je reçois des lettres de tous les pays, et de tous les editeurs. Un docteur nommé Beard, qui n'a passé qu'un jour à Chittenden, s'est permis d'insulter tous les *spirites*, en les appelant dans les journaux des «weak minded fouds and idios» et je lui ai repondu à deux reprises différentes dans les journaux. Il parait que sans le savoir, j'ai frappé juste. Les spirites les plus emminents comme Robert Dale Owen, D-r Child et autres m'ont adressé des lettres et les editeurs du plus grand «Publishing C^o» d'Amerique, ici à Hartford m'ont écrit pour me proposer de composer un volume de lettres sur différentes phases du Spiritisme et des manifestations *physiques* des esprits que j'ai vues aux Indes, en Afrique et ailleurs. Ils veulent m'acheter cet ouvrage. J'aurais ma fortune faite si je ne portais pas malheureusement mon nom maudit de Blavatsky. Je n'ose risquer de signer de ce nom un livre quelconque. Cela pourrait provoquer des souvenirs trop dangereux pour moi. Je préfère perdre 12 mille dollars que l'on m'offre, car les editeurs me proposent 12 cent par *copie* et ils garantissent de vendre 100 mille copies. Voici les fruits amers de ma jeunesse que j'ai vouée à Satan, ses pompes et ses œuvres! Enfin! Je vous enverrai, Monsieur, à la fin de cette semaine, un paquet de faits et articles découpés des journaux les plus «respectables» du pays. Je vous enverrai aussi mes deux lettres imprimées, car cela vous donnera d'avance l'idée de l'immense interet que doit produire un livre comme celui de Col. Olcott. Imaginez vous, Monsieur, des esprits materialisés de bonnes russes parlant leur langue, des garçons Georgiens, des hommes Khourdes, de Garibaldiens Hongrois et Italiens, et enfin *mon oncle*¹⁾)

¹⁾ Е. П. Б. забыла, что полтора мѣсяца передъ тѣмъ она писала о томъ, что видѣла тамъ даже „своего отца, дядю и другихъ родныхъ и говорила съ ними какъ при жизни“. Теперь объ отцѣ и другихъ родныхъ упоминанія на- всегда прекратились—остался одинъ дядя. Портретъ „этого дяди“ былъ срисованъ на фермѣ Эдди съ натуры и помѣщенъ въ „Graphic“; но оказалось, что почтенный покойникъ, за время своего пребыванія „на томъ свѣтѣ“, измѣнился до неузнаваемости—съ тѣмъ въ послѣдствіи должна была согласиться и сама Е. П. Б.

русскій Предсѣдатель Гражданской Палаты въ Гроднѣ съ анненскимъ крестомъ на шеѣ, paraissant a 6.000 lieux de chez nous, en Amerique, dans une ferme isolée, perdue au milieu des montagnes du Vermont, avec des *mediums* fermiers grossiers, parlant mal même leur langue maternelle — et cela à moi, qu'ils ne connaissaient ni d'Adam ni d'Eve, devant une réunion de 40 personnes, composée de «reporters sceptiques», de medecins, de «clergyman», d'hommes distingués comme Olcott et de bien d'autres! Et pour couronner *le tout* dans une séance a part «the dark circle» un esprit, m'apportant la medaille de mon père pour la guerre de 1828 en Turquie et me disant ces mots devant tout le monde: I bring you, Helen Blavatsky, the badge of honor, received by your father for the war of 1828. We took this medal through *the influence of your uncle*, who appeared you this night — from your *fathers grave at Stavropol* and bring it you as a remembrance of us in whom you believe and have faith ¹⁾).

Я знаю эту медаль, я видала ее у отца и *знаю* что она была похоронена вмѣстѣ съ другими его крестами—*съ нимъ*. Она сри-

¹⁾ „имѣли, можетъ быть, основаніе сомнѣваться, потому что было *возможно* заподозрить какое-нибудь фокусничество. Но разъ что семь *материализованныхъ* духовъ, во плоти, всѣ различно одѣтые, въ своемъ національномъ костюмѣ, и говорящіе на шести различныхъ языкахъ: русскомъ, турецкомъ, грузинскомъ, татарскомъ, мадьярскомъ и итальянскомъ, — появлялись каждый вечеръ и всѣ ихъ слышали говорящими подобно живымъ людямъ—дѣло приняло совсѣмъ иной видъ. Происходитъ настоящая революція. Я получаю письма изъ всѣхъ странъ и отъ всѣхъ издателей (!!!). Одинъ докторъ по фамиліи Beard, проведеншій всего день въ Читтенденѣ, позволилъ себѣ оскорбить всѣхъ *спиритовъ*, назвавъ ихъ въ журналахъ „слабоумными и идиотами“, и я ему дважды отвѣчала. Самые почтенные спириты какъ Robert Dale Owen, D-r Child и другіе обратились ко мнѣ съ благодарственными письмами и издатели самого большого въ Америкѣ издательскаго общества, здѣсь въ Гартфордѣ, написали мнѣ предлагая *сочинить* (!) томъ писемъ о различныхъ фазахъ спиритизма и о *физическихъ* проявленіяхъ духовъ, видѣнныхъ мною въ Индіи, въ Африкѣ и въ другихъ странахъ. Я бы нажила (этой книгой) себѣ состояніе, еслибы я, къ несчастію, не носила моего проклятаго имени Блаватской. Я не смѣю рискнуть подписать этимъ именемъ какую бы то ни было книгу. Это могло бы вызвать слишкомъ опасныя для меня воспоминанія. Я предпочитаю потерять двѣнадцать тысячъ долларовъ, которыя мнѣ даютъ, — ибо издатели предлагаютъ 12 центовъ съ экземпляра и гарантируютъ продажу ста тысячъ экземпляровъ. Вотъ горькіе плоды моей молодости, посвященной мною Сатанѣ и всѣмъ дѣламъ его! Ну, да чтѣ тутъ! Я пришлю вамъ, милостивый государь, въ концѣ недѣли пакетъ съ разными вырѣзками изъ газетъ, са-

сована въ «Graphic» и она у меня! Понимайте это какъ хотите! отецъ умеръ въ прошломъ году въ *Ставрополь*. Какъ могли знать это духи? Какъ могли знать медиумы, что отецъ былъ военный и присутствовалъ въ сраженіяхъ съ турками? Тайна, величайшая тайна! ¹⁾ Въ Россіи, конечно, не повѣрятъ. Скажутъ, что Блаватская или съ ума сошла, а можетъ и хуже. Хорошо, что при 40 свидѣтеляхъ. Вы не можете повѣрить, какое впечатлѣніе это произвело на всѣхъ. Напишу отсылая письма, боюсь надобѣсть. Еще разъ, благодаря васъ, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью, готовая къ услугамъ

Е. Блаватская.

Р. S. Полковникъ Олкоттъ свидѣтельствуеъ вамъ свое почтеніе и посылаетъ свою фотографическую карточку. Онъ сдѣлался величайшимъ спиритуалистомъ изъ яраго скептика послѣ 13-ти недѣльнаго пребыванія у Эдди (братъевъ) въ Читтенденъ... Если позволите, то пришлю вамъ свой портретъ литографированный и въ иллюстраціи «Daily Graphic» съ отчетомъ о моихъ путешествіяхъ въ Африкѣ и Суданѣ. Не знаю ужъ почему они

мнѣ уважаемыхъ здѣсь. Я пришлю вамъ также два напечатанныхъ моихъ письма, ибо это заранѣе дастъ вамъ понятіе о громадномъ интересѣ, который должна возбудить книга, подобная книгѣ Олкотта. Представьте себѣ материализованныхъ духовъ русскихъ служанокъ, говорящихъ на родномъ языкѣ, молодыхъ грузинъ, курдовъ, венгерскихъ и итальянскихъ гарибальдійцевъ и, наконецъ, моего дядю, русскаго Предсѣдателя Гражданской Палаты въ Гроднѣ съ анненскимъ крестомъ на шеѣ, появляющихся за 6.000 лѣ отъ насъ, въ уединенной фермѣ, затерянной среди горъ Вермонта,—при посредствѣ *медиумовъ*—грубыхъ фермеровъ, говорящихъ плохо даже на своемъ родномъ языкѣ,—и все это *ради меня*, которую они совсѣмъ не знаютъ, при собраніи въ 40 человекъ, состоящемъ изъ скептиковъ репортеровъ, докторовъ, духовныхъ лицъ, порядочныхъ людей подобныхъ Олкотту и другихъ! Къ довершенію же *всею* въ отдѣльномъ „темномъ“ сеансѣ одинъ духъ приноситъ мнѣ медаль моего отца за турецкую войну 1828 года и говоритъ мнѣ, при всѣхъ, слѣдующія слова: „Я приношу вамъ, Елена Блаватская, знакъ отличія, полученный вашимъ отцомъ за войну 1828 года. Эта медаль получена нами,—посредствомъ *вліянія* вашего дяди, который явился вамъ этой ночью,— изъ *могилы вашего отца въ Ставрополь* и я приношу ее вамъ какъ знакъ памяти отъ насъ, въ которыхъ и которыхъ вы вѣрите“.

¹⁾ Уголокъ этой „величайшей тайны“, какъ увидятъ читатели, открылся очень скоро, когда по поводу *медали*, имѣвшей совершенно фантастическій видъ, поднялся крупный скандалъ, а Блаватская, несмотря на всю свою находчивость и смѣлость, сбилась въ показаніяхъ и запуталась.

мнѣ сдѣлали такую честь помѣстить меня на ряду съ Идой Пфейферъ и Ливингстономъ...»

Таковъ «прологъ» интересной, многоактной драмы, называющейся «теософическимъ обществомъ». Герои встрѣтились на фермѣ братьевъ Эдди, — у «платформы», на которой появлялись странные духи «en chair et en os» грузинъ, нянекъ, русскихъ чиновниковъ, — встрѣтились и поняли другъ друга. Они сразу увидѣли, что у нихъ общая «звѣзда», что они одного поля ягоды и что, поэтому, должны соединиться крѣпкими, неразрывными узами дружбы. Олкоттъ употребилъ всѣ мѣры для того, чтобы «муссировать» Блаватскую, онъ наболталъ о ней всякихъ чудесъ въ своихъ корреспонденціяхъ — и достигъ цѣли: ея статьи стали цѣниться, о ней заговорили, заинтересовались ею, ея портретъ долженъ былъ появиться (хотя, впрочемъ, не появился) на страницахъ «Graphic». Она не осталась въ долгу — напечатала двѣ статьи съ восторженными отзывами о книгѣ Олкотта, которая еще не вышла въ свѣтъ, но уже печаталась.

Извѣстность въ спиритическихъ кружкахъ и значительный литературный заработокъ поставили на ноги Елену Петровну. Богатыя ея способности и смѣлая фантазія развивались быстро — теперь, благодаря рекламамъ Олкотта, она становилась ученой женщиной, необыкновеннымъ медиумомъ, талантливой путешественницей по Африкѣ и Судану... Подъ ногами чувствовалась твердая почва. Одно тревожило: а вдругъ пойдутъ открытія изъ иного періода ея жизни, да пойдутъ еще изъ Россіи, отъ людей, заслуживающихъ полного довѣрія! — тогда все пропало.

При первомъ же звукѣ, намекнувшемъ ей на возможность такой опасности, она заволновалась и тотчасъ же рѣшила самый лучший образъ дѣйствій. Еще не зная, что скоро ей понадобится роль «чистой дѣвственницы», она превратилась въ кающуюся Магдалину. Она обезоруживала своего русского корреспондента (казавшагося ей *опаснымъ*) искренностью и чисто-сердечіемъ раскаянія. «Была въ полномъ мракѣ; но увидѣла свѣтъ — и всю себя отдала этому свѣту, — объявляла она, просто

и задушевно, — спиритизмъ есть великая истина — и я до гроба буду служить ей...»

Не худо однако было бы, чтобъ еще кто-нибудь подтвердилъ ея слова русскому корреспонденту, для его окончательнаго успокоенія. И вотъ она ухватывается за того же Олкотта, нисколько не подозрѣвая, какъ это наивно и спито бѣлыми нитками. Она сначала посылаетъ фотографическое изображеніе своего друга съ его подписью, а затѣмъ самъ Олкоттъ пишетъ въ Петербургъ длинное посланіе о чудесахъ спиритизма, интересъ къ которымъ охватываетъ всю Америку. Но дѣло не въ спиритизмѣ, а въ слѣдующихъ строкахъ:

«Je m'estime très heureux d'avoir fait la connaissance de M-me de Blavatsky, de laquelle il n'est pas trop dire qu'elle possède plus de savoir occulte en fait de relations mystérieuses entre les deux mondes (de Matière et d'Esprit) que toute autre personne — dans ce pays du moins. La sévérité de sa vie et l'enthousiasme qui l'anime toujours pour tout ce qui touche au Spiritisme offrent aux spiritua-listes américains un fort bel exemple de conduite et de foi sincère¹⁾...»

Этотъ «аттестатъ» написанъ даже на почтовой бумагѣ Елены Петровны, да и редактированъ, какъ и все длинное письмо, очевидно ею, ибо я знаю, съ какими ужасными выраженіями и ошибками писалъ Олкоттъ по-французски въ 1884 году. Нельзя же предположить, что десять лѣтъ передъ тѣмъ онъ зналъ французскій языкъ несравненно лучше.

XXVII.

Въ это время среди американскихъ спиритовъ произошелъ неожиданный и крупный скандалъ. Были медиумы Holmes. У

¹⁾ «Я почитаю себя весьма счастливымъ познакомиться съ г-жей Блаватской, о которой можно сказать, что она обладаетъ большими познаніями относительно таинственныхъ сношеній между двумя мірами (матеріи и духа), чѣмъ кто-либо, въ этой странѣ по крайней мѣрѣ. Строгость ея жизни и постоянный ея энтузіазмъ ко всему, касающемуся спиритизма, являютъ американскимъ спиритуалистамъ прекрасный примѣръ поведенія и искренней вѣры».

нихъ на сеансахъ матеріализовался духъ молодой дѣвушки Кэти Кингъ. Почтенный старикъ Робертъ Дэль Оуэнъ, очень извѣстный въ спиритической литературѣ, занимавшійся уже около двадцати лѣтъ пропагандой спиритизма, особенно заинтересовался этой матеріализованной дѣвушкой. Нѣсколько мѣсяцевъ наблюдалъ онъ ее на ежевечернихъ сеансахъ у Holmes, бесѣдовалъ съ нею, она его называла «отцомъ», а онъ ее «дочерью». Въ доказательство своей отеческой нѣжности, онъ дарилъ Кэти Кингъ браслеты, кольца и т. д., предполагая при этомъ, что она, послѣ сеансовъ, уноситъ его подарки въ міръ духовъ—и тамъ они дематеріализуются, поступаютъ, такъ сказать, въ общую экономію природы. Зачѣмъ онъ, въ такомъ случаѣ, дарилъ ей цѣнныя вещи—на это, конечно, очень трудно отвѣтить, не будучи въ его положеніи. Впрочемъ *подобная дочка* можетъ заставить дѣлать еще и не такія глупости.

Вдругъ является къ почтенному Оуэну нѣкто Лэсли, тоже спиритъ, плачетъ и объявляетъ:

— А вѣдь дѣло-то не ладно!

— Что такое?

— Да то, что мы обмануты самымъ низкимъ образомъ: Кэти Кингъ не духъ, а живая женщина.

— Этого не можетъ быть! — въ негодованіи восклицаетъ Оуэнъ, —я такъ полюбилъ ее, она такая славная, она не можетъ обмануть меня — все это гнусная клевета на мою милую дочку!

Но тутъ Лэсли вынимаетъ всѣ подарки, нѣсколько не дематеріализованные, и называетъ ту смѣлую особу, которая такъ удачно изображала изъ себя *духа*!

Оуэнъ въ полномъ отчаяніи и заболѣваетъ съ горя. Оправившись и нѣсколько прійдя въ себя, онъ желаетъ удостовѣриться въ обманѣ — и мнимая Кэти Кингъ, при немъ и при другихъ свидѣтеляхъ, наряжается *духомъ* и продѣлываетъ все, что надо, съ полной отчетливостью. Старикъ убѣждается въ обманѣ и, какъ честный человѣкъ, не боясь никакихъ насмѣшекъ, объявляетъ обо всемъ печатно, въ газетахъ.

Поднимается буря, образуются два лагеря, печатная

борьба ожесточается. Е. П. Блаватская, съ присущей ей энергіей, бьется за то, что нѣтъ никакого обмана, что Кэти Кингъ — *духъ* и что тутъ «конспирація».

Она рассказываетъ всю эту исторію своему корреспонденту и пишетъ далѣе:

«Вся эта гнусная исторія не болѣе и не менѣе какъ заговоръ (теперь почти доказанный) протестантскаго іезуитскаго общества «The Youngmen's Christian Association» — громадное общество, разбѣянное по всѣмъ городамъ Америки. Онъ (Р. Д. Оуэнъ) нравственно убилъ себя этимъ въ общественномъ мнѣніи, его всѣ журналы поднимаютъ на смѣхъ. Напримѣръ, такая штука: «Соучастница Лэсли (извѣстнаго подлеца и вора, укравшаго на миллионы (!!) въ желѣзныхъ дорогахъ) наряжается въ костюмъ духа Katie, и въ приготовленной для того комнатѣ и «кабинетѣ», при Роб. Оуэнѣ и другихъ показываетъ, какъ она *представляла* духа. Въ этотъ самый вечеръ и часъ, настоящая Katie King является передъ 20 человѣками свидѣтелей на сеансѣ у оклеветанныхъ медиумовъ *Holmes*. Всѣ журналы наполнены pro и contra. Ничего, будемъ утѣшаться пословицей, за вульгарность коей прошу извиненій заранѣе: Богъ не допуститъ, такъ и свинья не съѣстъ. Я не знаю ни одного болѣе ловкаго мошенничества, какъ эта исторія. Бѣдный Robert Dale Owen, если у него откроются глаза, то боюсь я, что бѣдный старикъ не выдержитъ удара. Въ настоящую минуту я горжусь тѣмъ, что быстро дѣлаю прозелитовъ... Для спиритизма я готова работать день и ночь, лишь бы былъ у меня кусокъ хлѣба, да и то только потому, что голодной трудно работать»...

Она работала дѣйствительно много — печатала статью за статьей и въ то же время переводила безконечныя корреспонденціи Олкотта о чудесахъ у братьевъ Эдди. Она писала отъ 11 февраля 1875 г.:

«...Я выбросила изъ писемъ Олкотта все касающееся до меня лично, оставивъ только о духахъ и моихъ сношеніяхъ съ ними. Его дружба ужъ слишкомъ далеко увлекла его въ неограниченныхъ похвалахъ и никакъ не могу я вбить ему въ голову, что

величая меня «Countess» онъ только даетъ поводъ русскимъ, знающимъ меня смѣяться надо мною... Я написала статью (она перепечатана въ «Banner of Light») противъ D-г Child'a такъ какъ чувствовала себя *обязанной* нравственно, какъ спиритуалистка и «crusader of the mighty Spiritual Army» сказать правду, заступиться за невинныхъ и вывести на чистую воду *виноватыхъ* и преступныхъ. Вѣдь эта исторія о Katie King и скандалъ дали такой отпоръ и толчекъ назадъ «матерьялизаціи», что подняли цѣлую бурю въ странѣ. Выходить, что не одни медиумы Holmes виноваты. Главный преступникъ ¹⁾ D-г Child, который изъ *снелуляціи* нанялъ нѣкую M-rs White, чтобы она дала снять съ себя портретъ, какъ духа Katie King, которая почему-то не желала poser pour son portrait à elle. Генераль Липпигъ, Олкоттъ, адвокат Робертсъ и я мы пошли работать и производить слѣдствіе. Олкоттъ доказалъ «the real mediumship» Holmes, и мы открыли сознаниемъ самого фотोगрафа и медиумовъ, что D-г Child изволилъ подкупить и ихъ, и эту M-rs White надуть публику продажей этихъ фотографій. Вотъ почему я написала эту статью, зная, т. е. полагая скорѣе, что мы иначе не доберемся до правды какъ если публично обвинить D-г Child. Я надѣялась, что если у него осталась хоть капля совѣсти, то онъ подастъ на меня прошеніе въ судъ и даже арестуетъ меня *for libel*. Я желала этого потому что заранѣе жертвовала собой спиритуализму и готова въ защиту *своей тры и истины* хоть сейчасъ положить голову на плаху; а на судѣ, передъ Grand Jury, я бы доказала, кто правъ и кто виноватъ въ этомъ безпримѣрномъ мошенничествѣ спиритуализма, въ этой плутнѣ, гдѣ никто не пойметъ, что правда, а что ложь, и которая повергаетъ весь спиритическій міръ Америки и Европы въ уныніе и смущеніе, а скептикамъ даетъ право смѣяться надъ нами. Бѣдный Робертъ Дэлъ Оуэнъ *умираетъ*. Ему 73 года и вся жизнь его слилась съ духомъ Katie King. Этотъ ударъ оказался слишкомъ тяжелымъ для старика, и хотя онъ послѣ этого «soi disant exposé» еще два раза видѣлъ у Holmes самую Katie King, которую онъ видѣлъ болѣе 80 вечеровъ сряду

¹⁾ Теперь ужъ не Лэсли и не іезуиты какіе-то протестантскіе!

и которая доказала намъ на *investigation seances*, что она истинный духъ, а не подставная смертная, и утѣшала Оуэна, но онъ заболѣлъ и кажется не встанетъ. Вѣдь вся его репутація какъ писателя пропала; теперь сомнѣваются во всемъ, что онъ когда-либо писалъ. И все это черезъ D-r Child'a, мошенника и спекулятора. По статьѣ моей вы увидите, что я его не щажу. Я все ожидала, что онъ пришлетъ арестовать меня... къ удивленію моему D-r Child и не отвѣчалъ даже въ журналахъ, а просто съ того дня спрятался у себя въ домѣ и боится больше всего на свѣтѣ, чтобы его кто не потащилъ въ судъ... Онъ былъ президентомъ въ Spiritual Hall здѣсь и тотчасъ же самъ подалъ въ отставку, такъ какъ мы приготовились попросить его удалиться. Я получаю письма благодарственные со всѣхъ сторонъ, отъ спиритовъ и не спиритуалистовъ, между прочимъ отъ проф. Дрэппера и проф. Корсона. Коль услышите, что многогрѣшная Блаватская погибла, не во цвѣтѣ лѣтъ и красоты, какой-нибудь удивительной смертью и что она на вѣки дематерьялизовалась, *for ever*, то такъ и знайте, что за спиритуализмъ. На тя Господи уповахомъ, да не постыдимся во вѣки...»

Тутъ мы подходимъ къ весьма *знаменательному* факту. Е. П. Блаватская пишетъ далѣе, въ томъ же письмѣ:

«...*John King* (Джонъ Кингъ) послалъ Олкотта въ Гаванну на нѣсколько дней... Я совсѣмъ перестала получать письма и отъ тетокъ и отъ сестеръ (?); забыли онѣ всѣ видно меня, да для нихъ и лучше. Не украшеніе я имъ, по правдѣ сказать. Въ Россію ужъ назадъ *никогда* не вернусь. Отецъ умеръ, никому я не нужна и совсѣмъ лишняя на свѣтѣ. Здѣсь я по крайней мѣрѣ человѣкъ, а тамъ — *Блаватская*. Знаю что меня здѣсь всѣ уважаютъ, да и спиритуализму я нужна. Теперь духи мнѣ и братья и сестры и мать и отецъ. Мой *John King* одинъ способенъ мнѣ все замѣнить; онъ стоитъ горой за меня. А еще его двойникомъ медиума называютъ, его и *Katie King* Крукса! Какой же онъ двойникъ, когда медиума *Williamis'a* здѣсь и нѣтъ вовсе, а *John King* самъ своей персоной, съ собственной черной бородой и китайской бѣлой шапкой своей соуснымъ перевороченнымъ блюдомъ раз-

гуливаетъ здѣсь въ Америкѣ отъ одного медіума къ другому и мнѣ самой дѣлаетъ честь безпрестанными посѣщеніями, а ужъ на меня-то онъ и вовсе не похожъ. Нѣтъ, John King личность, отдѣльная, живущая духовская личность. «Діакка» ли онъ или чистый духъ, а все же духъ, и не прототипъ медіума. Но здѣсь не мѣсто, впрочемъ, разсуждать — и такъ я вамъ должно быть надоѣла...»

Напротивъ, глубоко жаль, что она не продолжила своихъ разсужденій о Джонѣ Кингѣ. Впрочемъ, и сказаннаго ею совершенно достаточно для того, чтобы всякій читатель моего разсказа сразу призналъ въ этомъ Джонѣ Кингѣ первое появленіе на сцену нашего стараго знакома, знаменитаго тибетскаго «махатмы» Морія. Онъ только еще не облекся въ свой бѣлый тюрбанъ, а носитъ *китайскую* шапку «соуснымъ перевернутымъ блюдомъ», онъ *покуда* материализованный духъ, являющійся при посредствѣ *всякихъ медіумовъ*, и называется Джономъ Кингомъ. Его пустила въ обращеніе не Елена Петровна, а медіумъ Вилльямсъ; но онъ уже «безпрестанно» посѣщаетъ нашу героиню и «стоитъ за нее горой». Онъ уже посылаетъ Олкотта въ Гаванну... Скоро онъ *переодѣнется* и превратится въ махатму Морія или М., въ знаменитаго «хозяина».

Покуда дѣла идутъ хорошо и «кусочъ хлѣба» кажется обезпеченнымъ. Олкоттъ рекламируетъ Елену Петровну, какъ только можетъ. Она пишетъ объ этомъ и о своихъ успѣхахъ 24 марта 1875 г. изъ Филадельфіи:

«...Книга Олкотта производитъ страшный фуроръ... Въ книгѣ этой онъ много перемѣнилъ изъ своихъ писемъ, добавилъ и побавилъ... и все-таки напуталъ въ моей біографіи Господь знаетъ чего: и князей, и бояръ и небывалыхъ генералъ-губернаторовъ — все, что ему не наговорили въ консульствѣ¹⁾. Такая досада,

¹⁾ Итакъ, значить, Олкоттъ, — этотъ „достовернѣйшій и первѣйшій свидѣтель теософическихъ и иныхъ чудесъ Е. П. Блаватской“, — передъ тѣмъ, какъ писать ея біографію, получаетъ свѣдѣнія о ея жизни *не отъ нея*, съ которою онъ находится въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ и постоянно видится, а идетъ въ наше консульство, тамъ ему даютъ самыя фантастическія свѣдѣнія — и онъ ихъ печатаетъ. А она ничего тутъ не можетъ подѣлать!

право, только смѣяться люди стануть надо мною, подумаютъ, что стала въ Америкѣ пыль въ глаза людямъ пускать, съ дуру; а я такъ одного и ищу и добиваюсь только—чтобы люди забыли прежнюю Блаватскую, да оставили бы въ покоѣ и *новую*. Только кажется трудно. Я столько пишу во всѣхъ журналахъ, что имени не скроешь. Что ни день, то появляется новая исторія въ журналахъ. Блаватская была въ Африкѣ и летала съ Ливингстономъ на воздушномъ шарѣ. Блаватская обѣдала съ королемъ Сандвичевыхъ острововъ. Блаватская превратила въ спиритуалиста папу Римскаго, предсказала смерть Наполеону, вылечила отъ бородавокъ посредствомъ дѣуховъ—лицо Испанской королевы и т. д. Господи, чего не сочиняютъ ¹⁾. Вотъ ужъ два мѣсяца какъ я не выхожу изъ комнаты съ своей *перебитой ногой*, а по газетамъ уже совершила въ это время кажется пять разъ кругосвѣтное плаванье. Даже и у Мормоновъ не оставляютъ въ покоѣ. Написали, будто-бы я провела нѣсколько дней въ *Salt Lake City* и заставила Бригама Юнга отречься отъ полигаміи. Одно добро, что я ихъ такъ напугала своими *thundering articles*, какъ они называютъ мои статьи, что всѣ журналы начинаютъ относиться съ большимъ *решпектомъ* обо мнѣ. Трусать видно. Въ Лондонѣ такъ расхваливаютъ, спасибо, за то, что одна стою за спиритуализмъ въ Америкѣ»...

Дѣла идутъ хорошо, а между тѣмъ гроза уже надвигается. Первый ударъ грома производитъ Кольби, издатель журнала «Banner of Light». «У меня идетъ съ нимъ сильная война въ настоящую минуту, за то, что онъ не хочетъ печатать моей второй статьи противъ Dr. Child'a о Кэти Кингъ»,—пишетъ Блаватская,—«Вотъ и спиритуалистъ! Какой бы ни былъ религіозный фанатикъ американецъ, а все же въ немъ всегда проглядываетъ янки чистокровный. Ну вотъ и война».

За этимъ первымъ ударомъ раздаются другіе. Скандалъ съ Кэти Кингъ и прямодушныя печатныя заявленія старика

¹⁾ А она, бѣдная, совсѣмъ не причесть въ этомъ сочинительствѣ и рѣшается жаловаться на него только одному человѣку, живущему въ Россіи, но... *получающему американскіе журналы!!*

Оуэна — производить весьма серьезныя послѣдствія: *публика* начинаетъ охладѣвать къ спиритизму. Въ такихъ обстоятельствахъ Блаватская, только-что было вошедшая въ моду, *какъ спиритка*, чувствуетъ, что ей легко и выйти изъ моды (вѣдь въ Америкѣ и то и другое совершается особенно быстро). Слѣдовательно, необходимо такъ или иначе поддержать интересъ къ своей особѣ. Необходимо придумать что-нибудь *новое*, свѣжее, неожиданное. И вотъ она, доселѣ (какъ это видно изъ ея писемъ) самая *правовѣрная* спиритка, мало-по-малу начинаетъ, конечно съ помощью того же Олкотта, *ересь* въ спиритизмъ и «создаетъ» свое *оккультное* прошлое. Прежде всего Олкоттъ включаетъ въ свою книгу описаніе скандала съ Кэти Кингъ и при этомъ, снова и уже *по-новому*, муссируетъ Блаватскую. Она пишетъ своему корреспонденту 12 апрѣля 1885 года:

«Въ подробномъ описаніи исторіи Katie King Олкоттъ дѣлаетъ изъ меня что-то таинственно ужасное, чуть ли не внушаетъ публикѣ подозрѣніе, что я или продала душу чорту, или же прямая наслѣдница графа Germain и Cagliostro. Не вѣрьте — я просто изучила въ Египтѣ и Африкѣ, въ Индіи и вообще на Востокѣ многое то, чего другіе не знаютъ. Я водила дружбу съ дервишами и правда, принадлежу къ одному мистическому обществу, но изъ этого не слѣдуетъ чтобы я уже сдѣлалась Апполоніемъ Тіанскимъ въ юбкѣ. Меня къ тому же очень любитъ *John King* духъ, и я его люблю болѣе всего на свѣтѣ. Онъ мой единственный другъ и если я кому обязана радикальной перемѣной въ мысляхъ жизни моей, стремленіяхъ и т. д., то это ему одному. Онъ меня передѣлалъ, и ему я буду обязана, когда отправлюсь «на чердакъ», тѣмъ что не просижу цѣлыя столѣтія быть можетъ въ темнотѣ и мракѣ. John и я знакомы со временъ давнихъ, гораздо ранѣе, чѣмъ онъ сталъ матерьялизироваться въ Лондонѣ и прогуливаться съ лампой въ рукѣ у медиумовъ. Но вѣдь это васъ не интересуетъ я думаю».

Вотъ первые слѣды мало-по-малу начинавшагося переодѣванья Джона Кинга въ махатму Моріа. «Хозяинъ» еще не выдуманъ, такъ какъ только года черезъ два, въ Индіи, выяснится,

въ кого именно долженъ преобразиться «домашній духъ». Но духъ этотъ все же становится уже «старымъ знакомцемъ». Что же касается новоизобрѣтенной ереси въ спиритизмѣ—Е. П. Блаватская старается вывернуться изъ противорѣчія со своими словами въ прежнихъ письмахъ, объяснить свою ересь простымъ переходомъ отъ практики къ теоріи — и пишетъ:

«Съ тѣхъ поръ какъ я въ Америкѣ, я посвятила себя всю спиритуализму. Не феноменальной, матеріальной сторонѣ онаго, а спиритуализму духовному, пропагандѣ святыхъ истинъ онаго. Всѣ старанія мои клонятся къ одному: очистить новую религію отъ всѣхъ сорныхъ травъ ея, которыя такъ быстро разрастаются, что грозятъ задушить совершенно мертвой буквой своей духъ истины. Въ этомъ желаніи и работѣ, я была до сей поры *одна*. Теперь только начинаю я собирать адептовъ, и собрала полдюжины ихъ, и смѣло говорю, лучшихъ, и самыхъ свѣтлыхъ умовъ въ Америкѣ. Ниже, перечту вамъ ихъ. Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что пока люди, хоть самый Крукъ изъ Круксовъ, будутъ защищать одни лишь факты т. е. феноменальную сторону спиритическихъ проявленій, до тѣхъ поръ будутъ являться яростные оппоненты, начиная съ Тиндала и кончая мизернымъ докторомъ Beard'омъ, и что публика, которую подчуютъ до сихъ поръ одними лишь рассказами и фактами о матеріализованномъ бюстѣ чьей-нибудь прабабушки и ногахъ въ ботфортахъ не вполне матеріализованнаго Вашингтона, да явленіемъ умершей кухарки вашего булочника,—конечно всегда предпочтетъ брать сторону науки «for respectability sake», нежели якшаться съ нами, которыхъ считаютъ за полоумныхъ и идіотовъ. Я поняла, что людей не убѣдить одними сомнительными фактами и что даже каждый *истинный* фактъ всегда представляетъ какую-нибудь слабую его сторону, за которую легко бываетъ уцѣпиться противникамъ. Вотъ почему я положила себѣ за правило *никогда* ни въ какомъ случаѣ не позволять постороннимъ лицамъ пользоваться моими медиумистическими способностями. Кромѣ Олкотта и двухъ, трехъ самыхъ близкихъ друзей, никто не видалъ *что* у меня происходитъ и когда мой Джонъ

слишкомъ расходится или другіе *діакка*, то я тотчасъ же останавливаю *все*. Я рѣшилась посвятить себя дѣлу спиритизма съ точки зрѣнія An. Jack. Davis'a и Allan Kardec'a (хотя реинкарнаціи не вѣрю въ томъ смыслѣ какъ вѣрятъ ей французскіе спириты) и хотя я постоянно защищаю *дѣйствительные* феномены какъ у Эдди, никто не нападаетъ свирѣпѣе меня на плутни медиумовъ, легковѣріе нѣкоторыхъ спиритовъ и поэтому-то я и возымѣла мысль начать серьезное дѣло».

Это «серьезное дѣло» заключалось въ ея нападкахъ на доктора Child'a, въ статьяхъ, направленныхъ противъ «конспираціи» какихъ-то «протестантскихъ іезуитовъ». Но журналъ «Banner of Light» отказался печатать ея статьи, а потому:

«Я не теряя времени пошла работать въ другомъ направленіи. Я подготовила самыхъ вліятельныхъ спиритовъ и привлекла ихъ на свою сторону и теперь, убѣдись въ томъ, что черезъ «Banner» правды не добьешься, мы сложились всѣ и возвышаемъ маленькій журналъ «Spiritual Scientist» до высоты нашего спеціальнаго, собственнаго органа. Въ немъ я напечатала свою послѣднюю статью въ отвѣтъ на слабую идиотическую защиту Dr. Child'a въ «Banner». Посылаю вамъ этотъ номеръ журнала и два другихъ, въ которыхъ перепечатана статья обо мнѣ изъ Лондонскаго «Spiritualist». Журналъ этотъ «Spiritual Scientist» погибалъ, хотя направленіе его было всегда честнѣе и искреннѣе «Banner», который всегда односторонень и даетъ только одни факты, не объясняя причинъ этихъ явленій. Я достала для него съ сотню подписчиковъ въ эти три недѣли, подбила другихъ пожертвовать понемногу, дала сама (ей Богу послѣдніе) 50 долларовъ, чтобы только, устыдить *богатыхъ* спиритовъ, и заставить ихъ раскопелиться, уговорила Олкотта, Epes Sargent'a, Prof. Corson'a, Lippitt'a, M-rs Andrews писательницу, Owen'a (который спрятался и не можетъ рѣшиться вѣрить преступленію друга своего Child'a) и другихъ писать единственно для «Scientist». Я печатаю циркуляры на свой счетъ».

Дѣйствительно, вѣдь она писала, что ей надо имѣть «кусочъ хлѣба» и мысль объ этомъ «Scientist»'ѣ могла быть счастли-

вой мыслью. Разъ явилась необходимость въ *ереси* — долженъ былъ создаться и органъ для ея распространенія. Е. П. Блаватская писала:

«Я готова жизнью пожертвовать для распространенія святой истины. Олкоттъ мнѣ помогаетъ сколько можетъ и перомъ и денежными жертвами *for the cause*. Онъ столько же страстно преданъ спиритизму какъ и я. Но онъ очень небогатъ и живетъ одними литературными трудами своими, и долженъ содержать жену и кучу дѣтей своихъ¹⁾».

Но «Scientist» не пошелъ въ ходъ — спиритизмъ, даже и подъ соусомъ новой ереси, не возбудилъ заснувшего вниманія «публики». Вопросъ о кускѣ хлѣба ставился ребромъ. Уныніемъ дышетъ письмо Елены Петровны отъ 24 мая 1875 года:

«...Получили ли вы №№ «Spiritual Scientist» въ которыхъ напечатанъ мой послѣдній *article* «Who fabricates?» Я вамъ послала нѣсколько №№ *faute de mieux*, такъ какъ въ *soi disant respectable Newspapers* ровно ничего не пишутъ о спиритуализмѣ и послѣ скандала Кэти Кингъ и «Banner of Light», и «Religio-Philosophical Journal», и «Spiritual Scientist» проваливаются и кричатъ караулъ съ голоду. Бѣда пришла намъ. Dr. Child явился въ видѣ спиритическаго Антихриста и, Иуда семисоборный, погубилъ спиритуализмъ. Даже всѣ самые передовые спиритуалисты начинаютъ трусить *public opinion* и ихъ *high respectability* заставляетъ многихъ продолжать вѣрить въ духовъ только по секрету, втайнѣ. Осталось вѣрныхъ, готовыхъ умереть за истину воиновъ, только что моя маленькая армія. Какъ безсмѣнные часовые остаемся мы на постахъ своихъ, бьемся, хлопчемъ, пишемъ, отдаемъ свои послѣднія деньги, но кажется такъ и окаменѣемъ на мѣстахъ своихъ какъ какія-нибудь спиритическія муміи, безъ пользы... Чтобы поддержать какъ-нибудь проваливающийся «Spiritual Scientist», единственный добросовѣстный, честный, безстрашный (да и то нашими усилиями) журналъ, я от-

¹⁾ Думаю, что многихъ теософовъ крайне изумило бы извѣстіе о женѣ и „кучѣ дѣтей“ Олкотта, ибо эта многочисленная семья, нуждающаяся въ содержаніи, очень скоро куда-то *безслѣдно* исчезла.

дала свои послѣдніе 200 долларовъ. Я самая бѣдная кромѣ профессора Brittan'a, а отдала больше всѣхъ. La plus jolie fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a! Спросите Олкотта по жалтѣю ли я хоть жизнь свою для поддержанія спиритуализма, т. е. Божьей истины, единственнаго утѣшенія человѣчества и послѣдней надежды. Этотъ годъ я заработала статьями и другими работами до 6.000 долларовъ и *все*, все пошло на спиритуализмъ. А теперь, при настоящемъ настроеніи *неверія*, сомнѣнія и слѣпоты послѣ дѣла Кэти Кингъ — кажется кончено.

Бывало я написавъ статью сенсационную перепечатаваю ее въ видѣ памфлета и продаю по нѣсколько тысячъ по 10 cent за тетрадку (за экземпляръ), а теперь что перепечатаешь? И ругаться не съ кѣмъ. Прежде являлись оппоненты сотнями и писали *contra*. Я тотчасъ же нападала на нихъ и разбивала въ пухъ и прахъ. Можете судить по статьѣ: «Отвѣтъ доктору Beard'y». Ужъ и портреты мои печатались и «Graphic» долженъ былъ напечатать портретъ моей воинственной персоны. Явилась Кэти Кингъ — и все ухнуло разомъ! Взгляните на бѣднаго А. J. Davis'a — еле-еле перебивается, книгъ совсѣмъ не продаетъ. «Banner» съ 25 тыс. подписчиковъ съѣхалъ на 12. Олкоттъ сидитъ на грудахъ своихъ «People from the other World» какъ Мариусъ на развалинахъ Карфагенскихъ и думаетъ думу горькую. Непродалось и тысячи экземпляровъ въ пять мѣсяцевъ. Eres Sargent, любимѣйшій и ученѣйшій изъ американскихъ авторовъ, единственный спиритъ, котораго всѣ уважаютъ и который доселѣ служилъ авторитетомъ — печь растапливаетъ своимъ «Proof Pal-rable of Immortality» — послѣднимъ сочиненіемъ. Robert Dale Owen спрятался и исчезъ съ лица земли и проч. и проч. Необходимъ намъ *ударъ землетрясенія*, чтобы пробудить отъ этой апатіи американскую публику. Да къ тому же и финансовое положеніе здѣсь страшно упало. Банкрутъ является за банкрутомъ, паника ужасная, у кого есть деньги — прячутъ, у кого нѣтъ — тѣ умираютъ съ голоду. Впрочемъ Олкоттъ не унываетъ. Съ чистокровнымъ тактомъ янки онъ придумалъ «Miracle Club» — посмотримъ

что будетъ съ этого. За себя я ручаюсь: пока душа держится въ тѣлѣ буду стоять и воевать за правду...»

Письмо это замѣчательно по своей искренности и фактичности. Блаватская можетъ тутъ путать относительно не то 50, не то 200 «послѣднихъ» своихъ долларовъ, которые она отдала «Scientist'y», но общая картина положенія, нарисованная ею, непремѣнно должна быть вѣрна, ибо иначе не было бы никакого разсчета рисовать ее. Писала она съ горя, въ виду «голода», писала, потому что стало ей жутко за завтрашній день и явилась потребность поплакаться, пожаловаться далекому соотечественнику. Она не разсуждала—все это само вылилось: «вотъ, моль, горе-то, завтра ѣсть будетъ нечего. Надо придумать что-нибудь совсѣмъ необыкновенное... «Miracle Club» Олкотта врядъ ли поможетъ... я буду бороться до послѣдняго!» Только она должна была бы сказать: не за *правду*, а за *существованіе*—это было бы вѣрнѣе.

Прошло почти два мѣсяца, а положеніе не улучшилось. Она писала изъ Бостона 18 іюля 1875 года:

«Я готова продать душу свою за спиритуализмъ, да никто не покупаетъ и я живу со дня на день зарабатывая по 10 и 15 долларовъ когда нужда приходитъ».

Вотъ ужъ и осень наступила; дѣло съ «Miracle Club»'омъ очевидно не выгорѣло, ибо отъ 10 сентября письмо все въ томъ же минорномъ тонѣ. Е. П. Блаватская ѣздитъ и въ Бостонъ, и въ Чикаго—но нигдѣ ничего не находитъ. Даже Джонъ Кингъ, будущій «хозяинъ», не веселитъ ея сердца. Она на него жалуется: «Джонъ блистаетъ остроумнымъ молчаніемъ. Онъ на меня золь и вотъ уже три недѣли слишкомъ является лишь затѣмъ, чтобы говорить глупости или же непріятности. Tout n'est pas parfait à ce que je vois dans le Summer Land... На насъ такіе нападки, что не знаемъ что съ этого будетъ. Спиритуалисты злятся, потому что мы не раздѣляемъ многихъ изъ мнѣній ихъ (*значитъ ересь все же крѣпнетъ*) и не считаемъ Евангеліемъ все что врутъ ихъ медиумы. Медиумы въ ярости п. ч. мы (т. е. Олкоттъ и я) ихъ слишкомъ строго осматриваемъ и недоувѣряемъ

ихъ честности. Анти-спиритуалисты насмѣхаются какъ обыкновенно, а Church Members наполняютъ клерикальные журналы руганіемъ серьезно увѣряя публику, что мы продали душу чорту... На всякое чиханіе не наздравствуешься вѣдь. Во всякомъ случаѣ «Banner of Light» и «Rel.-Philos. Journal» полны намековъ и злобы на насъ...»

Скучно и жутко Еленѣ Петровнѣ, даже, кажется, у нея дѣлается припадокъ тоски по родинѣ, такъ какъ она изъ Итаки, 20 сентября 1875 года пишетъ: «Эхъ! когда бы меня никто не зналъ въ Питерѣ. Показали бы вашимъ профессорамъ — мы съ Джономъ какъ у насъ въ «Summer Land»'ѣ горшки лѣпятъ! ¹⁾».

Джонъ общается быть въ Петербургѣ, да можетъ лжетъ и надуетъ — на него полагаться трудно». Какъ видно онъ еще не успѣлъ набраться своей тибетской мудрости и непогрѣшимости!

Однако это письмо отъ 20 сентября 1875 года важно не Джономъ, а тѣмъ, что въ немъ заключается первое извѣстіе о рожденіи интереснаго младенца — «теософическаго общества».

XXVIII.

Неудача, постигшая спиритическій журналъ и «клубъ чудесъ», о программѣ и дѣятельности котораго, къ сожалѣнію, не имѣется никакихъ свѣдѣній, — не заставила Олкотта опустить руки. Бодрый, идущій на проломъ и въ то же время очень практичный янки, — онъ придумалъ, наконецъ, настоящій фортель. Ему или Блаватской пришла первая счастливая мысль — неизвѣстно; но изъ ея писемъ ясно одно: она хоть и подготовлялась сама и другихъ подготовляла къ своей новой роли, однако все же падала духомъ и ныла. Ну, а онъ бросилъ свои непродававшіеся экземпляры о «людяхъ съ того свѣта» и дѣйствовалъ рекламируя свою русскую «графиню», твердо и съ полнымъ основаніемъ вѣря ея

¹⁾ Въ то время въ Петербургѣ дѣйствовала извѣстная коммисія изъ профессоровъ, разслѣдовавшая спиритическія явленія.

ловкости и талантливости. Все дѣлалось очень живо, именно по-американски. Блаватская писала:

«... Олкоттъ теперь устраиваетъ *Theosophical Society* въ Нью-Йоркѣ, которое будетъ составлено изъ ученыхъ оккультистовъ, каббалистовъ, philosophes Hermetiques XIX вѣка, и вообще страстныхъ антикваріевъ и египтологовъ. Мы хотимъ дѣлать сравнительные опыты между спиритуализмомъ и магіей древнихъ буквально по инструкціямъ старыхъ каббалъ — и жидовскихъ и египетскихъ. Я уже много лѣтъ ¹⁾ изучаю la philosophie Hermetique въ теоріи и на практикѣ и прихожу ежедневно къ тому заключенію, что спиритуализмъ въ его физическихъ проявленіяхъ ничто иное какъ *Пиѳонъ* древнихъ ou la lumière astrale ou siderale de Paracelsus, т. е. тотъ неуловимый *ether*, который Рейхенбахъ называетъ *одомъ*. Пиѳониссы древнихъ сами себя магнетизировали — прочтите Плутарха и его описанія *оракулярныхъ токовъ*, прочтите Корнелія Агриппу, Парацельса, *Magia Adamica* Евгенія Филалета и другихъ ²⁾). Вы всегда лучше увидите и можете сообщаться съ дѣхами черезъ этотъ способъ — самомагнетизированія.

Я пишу теперь большую книгу, названную мною по совѣту *Джона* «*Skeleton key to mysterious gates*» («Ключъ къ таинственнымъ вратамъ») ³⁾. Задаю же я вашимъ европейскимъ и американскимъ ученымъ, папистамъ, іезуитамъ и этой расѣ полуученыхъ les châtres de la science, которые все разрушаютъ, ничего не создавая и неспособны создать»...

Эта книга, появившаяся, вопреки совѣту *Джона*, не подъ придуманнымъ имъ заглавіемъ, — и была пресловутая «*Isis Unveiled*» («Разоблаченная Изида»), которую въ Америкѣ постара-

¹⁾ Эти „много лѣтъ“ должны были очень удивить ея корреспондента и всѣхъ ея знакомыхъ, ибо до самаго послѣдняго времени, т. е. до спиритическихъ неудачъ и безкормизы, не находилось ровно никакихъ слѣдовъ подобныхъ занятій — были только однѣ „великія истины“ спиритизма.

²⁾ Для того чтобы написать все это — ей за глаза достаточно было прочесть одну изъ книгъ Элифаса Леви (аббата Констанана), весьма занимательнаго и талантливаго популяризатора оккультизма. Она и дальше дѣлаетъ прямо выписки изъ этого автора; но, конечно, не указываетъ на источникъ, а говоритъ *отъ себя*.

³⁾ „*Skeleton key*“ — собственно ключъ, которымъ можно отворить *всякую* дверь.

лись рекламировать какъ нѣчто необычайное, чудодѣйственное. Теософы распространяли и распространяють до сего времени рассказы о томъ, что книга эта написана Е. П. Блаватской съ помощью ея «хозяина», что она, т. е. Елена Петровна, сама не вѣдала, что творила, а писала подъ его диктовку или прямо списывала съ появлявшихся передъ нею ватиканскихъ «уникъ», никому невѣдомыхъ, и потомъ, по минованіи надобности, снова возвращавшихся, тѣмъ же астральнымъ путемъ, на полки тайныхъ книгохранилищъ Ватикана.

Олкоттъ доходилъ до того, что серьезно и таинственно вѣщалъ о томъ, какъ для иныхъ главъ «Разоблаченной Изиды» требовались не только «ватиканскія уники», но и «уники», *сгорѣвшія* при пожарѣ Александрійской библіотеки. И вотъ, когда это было нужно, матеріальныя частицы этихъ драгоценныхъ экземпляровъ, разсѣяныя въ міровомъ пространствѣ, снова собирались, матеріализовались, подобно *нянямъ* и *дядямъ* у Эдди, — и Елена Петровна спокойно, своимъ быстрымъ, четкимъ почеркомъ, списывала заключавшіяся въ нихъ великія истины.

Эти легенды, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ изъ писемъ, посылавшихся Блаватской ея русскому корреспонденту именно въ то время, когда писалась Изида, — выясняется нѣчто иное менѣе таинственное. Никакого «хозяина» и еще нѣтъ и въ поминѣ, а есть *Джонъ Кингъ*, матеріализованный духъ, единственный другъ, котораго Елена Петровна любитъ больше всего на свѣтѣ, но котораго не особенно-то уважаетъ, ибо «онъ часто надуваетъ, болтаетъ глупости и на него нельзя полагаться». Она собираетъ вокругъ себя нѣсколько человекъ, занимающихся, въ качествѣ дилетантовъ, оккультизмомъ съ одной стороны, и археологіей — съ другой. У этихъ господъ не мало книгъ по занимающимъ ихъ предметамъ, книгъ вовсе не рѣдкостныхъ, не «уникъ», но по большей части *совсѣмъ неизвѣстныхъ* публикѣ, которая до послѣдняго времени держала оккультистовъ и каббалистовъ въ большомъ пренебреженіи. Блаватская жадно накидывается на эти книги и, съ помощью своего кружка, рѣшается сама писать книгу.

Ея «Изида», хоть и не продающаяся въ Россіи по книжнымъ магазинамъ, все же не составляетъ тайны, достать ее, т. е. выписать—очень легко, и всякій желающій можетъ убѣдиться въ томъ, что это такое. Это *американская* книга, бьющая на эффектъ и пригодная какъ изданіе спекуляціи. Это компиляція разныхъ мистическихъ и каббалистическихъ сочиненій, пересыпанная кое-гдѣ остроумными замѣчаніями, полемическими выходками, а иногда изрядной даже бранью. Системы никакой и, въ концѣ концовъ, полнѣйшая безпорядочность, настоящая каша. Человѣку, незнакому или мало еще знакомому съ предметомъ, конечно легко и даже неизбѣжно покажется, что авторъ, во всякомъ случаѣ, обладаетъ большими познаніями, большою ученостію. Но разочарованіе наступаетъ весьма скоро по мѣрѣ ознакомленія съ литературой предмета, съ дѣйствительно учеными оккультистами и каббалистами.

Тѣмъ не менѣе «Изида» остается самымъ удивительнымъ и чудеснымъ изъ «феноменовъ» Блаватской—ибо ея способность схватывать, компилировать и писать съ головокружительной быстротою — поразительна. Она изображаетъ изъ себя какую-то самопишущую машину. Изъ однихъ ея писемъ, находящихся у меня, можно составить довольно объемистый томъ, а вѣдь она со многими была въ перепискѣ. Вотъ, напримѣръ, кончила она главу «Изиды», поставила точку, — и тотчасъ же принимается за письмо въ Петербургъ, повторяя въ немъ, съ разными варіантами, то, о чемъ писала. Дѣлаю маленькую выдержку изъ письма отъ 1 декабря 1875 года:

Всѣ феномены производятся теченіями астральнаго свѣта или ээира химиковъ. Вспомните Плутарха великаго жреца храма Аполлона и его *оракулярныя* подземныя испаренія, подъ опьяненіемъ которыхъ пророчествовали жрицы. Вся атмосфера кругомъ насъ полна духами различныхъ родовъ. Въ мірѣ нѣтъ ни одного пустого мѣстечка, ибо природа страшится пустоты и небытія, какъ говоритъ Гермесъ ¹⁾. Только тогда можно понять

¹⁾ Эти послѣднія строки взяты прямо у Элифаса Леви, да и вообще она, главнымъ образомъ, пользуется этимъ писателемъ, раньше, чѣмъ другими. Оно и понятно: онъ всѣхъ легче, онъ популяризаторъ и пишетъ легкимъ языкомъ.

современные феномены, когда изучать древних теургов как Ямвлихъ, Порфирій, Плотинъ и другихъ.

И въ такомъ родѣ, безъ связи и послѣдовательности, съ очевидными ошибками, перескакивая отъ одного предмета къ другому — громадное письмо, чуть не въ листъ печатный. То же самое желающіе найдутъ и въ «Изидѣ». Нѣтъ, *Джонзъ* хоть и съ поразительной быстротою диктовалъ; но очень часто путалъ, ибо онъ еще не превратился въ «хозяина» и не набрался тибетской мудрости¹⁾).

¹⁾ Удивляться количеству познаній и разнообразію предметовъ, заключающихся въ „Изидѣ“, я могъ и неизбѣжно долженъ былъ, какъ и многіе другіе, лѣтомъ 1884 года, когда я мало былъ еще знакомъ съ литературой, послужившей матеріаломъ для Блаватской. Затѣмъ же я познакомился съ сочиненіями разныхъ каббалистовъ и оккультистовъ — и ясно увидѣлъ, какъ можетъ увидѣть всякій, что „ученыя“ сочиненія Елены Петровны — компиляція, сдѣланная безъ всякой системы, главнымъ образомъ по французскимъ источникамъ.

Кажется — просто и ясно. Между тѣмъ вотъ что выходитъ. Г-жа Желиховская, не найдя гостепріимства своимъ фантастическимъ сообщеніямъ о Блаватской въ русскихъ журналахъ и газетахъ, напечатала недавно въ „Nouvelle Revue“ переводъ или перефразировку своихъ статей изъ „Русскаго Обзорнія“, съ прибавленіемъ новыхъ необыкновенныхъ подробностей. Теперь она обо мнѣ уже не молчитъ, какъ въ „Русскомъ Обзорніи“, а выставляетъ меня чуть что не первѣйшимъ свидѣтелемъ чудесъ Е. П. и ея горячимъ поклонникомъ. Не отвѣчая ни однимъ словомъ на мои доказательства *фантастичности* публикуемыхъ ею свѣдѣній, ибо ей нечего отвѣтить, она упираетъ на то, что я, лѣтомъ 1884 г., удивлялся „Изидѣ“, и затѣмъ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ моихъ писемъ.

Все, что я когда-либо писалъ Блаватской и о Блаватской, *можетъ только подтвердить* всѣ обстоятельства, о которыхъ я рассказалъ моимъ читателямъ, — но для того, чтобы это были мои письма, *совершенно необходима подлинность моихъ словъ* безъ произвольныхъ урѣзковъ, безъ *вольнаго* перевода съ русскаго на французскій — и съ *вѣрными* указаніями на годъ и число, *когда именно* я писалъ. Г-жа Жел. не хочетъ знать ничего этого. Она не исполняетъ этихъ *обязательныхъ* для каждаго требованій и увѣряетъ, что я писалъ ей въ ноябрѣ 1885 года то, что *въ дѣйствительности* могъ писать только въ 1884 году. А это, какъ легко пойметъ всякій, составляетъ *громадную* разницу, ибо если я писалъ въ 1884 г., то мое письмо только подтверждаетъ и дополняетъ мой рассказъ, а еслибы писалъ въ 1885 г. — это противорѣчило бы моимъ словамъ и ходу рассказа. Наконецъ она увѣряетъ, что, по возвращеніи изъ Вюрцбурга осенью 1885 г., я писалъ Блаватской письмо за письмомъ. Между тѣмъ, я написалъ ей всего *одно* письмо, *подлинникъ* котораго объясняется рассказанными мною обстоятельствами, и затѣмъ *прекратилъ переписку* („Русскій Вѣстникъ“ октябрь 1892 г. стр. 251—253), на что *сама* Блаватская горько жаловалась въ своихъ письмахъ ко мнѣ, которыя *цѣлы* и выдержки изъ которыхъ находятся въ моей статьѣ (см. тамъ же). А г-жа Жел. позволяетъ себѣ утверждать, что я писалъ въ то время письмо за письмомъ (*lettre sur lettre*). Чтѣ, еслибы пришлось потребовать представленія этихъ писемъ? Вотъ такъ приемы!

Да и потомъ, черезъ десять лѣтъ, «хозяинъ» положительно отказывался помогать и доставать «уники». Въ Вюрцбургѣ, въ сентябрѣ 1885 года, когда Е. П. Блаватская начинала писать свое «Тайное учение», — служащее дополненіемъ къ «Изидѣ» и еще болѣе прославляемое теософами, — она просто рвала и метала, стараясь достать вышедшее изъ продажи многотомное сочиненіе Мирвилля (J.-E. de Mirville): «Des esprits et de leurs manifestations diverses».

Наконецъ ей добыли эти книги, только не астральнымъ путемъ, а г-жа Х. привезла ихъ ей изъ Россіи. Е. П. такъ и впи-лась въ нихъ и ни за что не хотѣла мнѣ ихъ показать. Это меня заинтриговало. Въ Парижѣ, передъ моимъ возвращеніемъ въ Россію, я у букинистовъ добылъ всего Мирвилля и впоследствии убѣдился, что этотъ авторъ сослужилъ Блаватской дѣйстви-тельно большія службы.

Но изъ всего сказаннаго еще вовсе не слѣдуетъ, что у Блаватской, особенно въ ея послѣдующихъ писаніяхъ, не попадались весьма глубокія, интересныя мысли. Литература оккультизма всѣхъ временъ и народовъ, среди разнаго хлама и необычайныхъ нелѣпостей, заключаетъ въ себѣ, безспорно, не мало человѣческой мудрости. Превосходная память Елены Петровны удерживала все — и если ей вспоминалась высказанная кѣмъ-либо истина, она умѣла передать ее иной разъ очень ясно и просто, развитъ съ настоящей, врожденной ей талантливостью.

Все зависѣло отъ предмета и отъ минуты. Я привелъ, въ главѣ XVII моего разсказа, образчикъ мыслей и афоризмовъ, иногда высказывавшихся Блаватской. Подобныя мысли, если даже съ ними и не соглашались, невольно должны были заинтересовывать не только «всякаго и всякую», но и очень серьезныхъ людей. Къ сожалѣнію, она рѣдко вела такія бесѣды, ибо обстоятельства и ея характеръ заставляли ее, въ личныхъ сношеніяхъ, почти всегда волноваться, кричать, изворачиваться и «бороться» всѣми мѣрами.

Затѣмъ, долго и внимательно наблюдая ее — я пришелъ къ заключенію, что въ умственной области вся ея крупная талантливость была, что и естественно, *пассивнаго*, а не *активнаго*

свойства. Она рѣшительно оказывалась неспособной въ этой области къ самостоятельному творчеству, даже въ самыя свои вдохновенныя минуты, а лишь быстро воспринимала и развивала чужія мысли.

Наконецъ, надо обратить вниманіе и еще на одно обстоятельство: можно сколько угодно говорить о женской равноправности, дѣлать женщину судьей, министромъ, депутатомъ, а все же *до сихъ поръ* она, по старой нашей привычкѣ, находится въ положеніи *привилегированномъ*, и мужчины къ ней предъявляютъ гораздо меньшія требованія, чѣмъ къ лицамъ своего пола. «Помилуйте—вѣдь это удивительно! вѣдь она *женщина!* о, это необыкновенная женщина по уму и познаніямъ!» При такомъ невольномъ, *безсознательномъ* отношеніи уже невозможна вполнѣ безпристрастная критика. Даже конкуренты-мужчины любезно расшаркиваются передъ *дамой*, безо всякой профессиональной зависти и т. д.

Только этимъ и можно объяснить нѣсколько восторженныхъ отзывовъ о «теософическихъ» сочиненіяхъ Е. П. Блаватской, проявившихся въ западно-европейской прессѣ, идущихъ *со стороны*, не отъ членовъ ея «Общества». Безсознательное рыцарское отношеніе къ «дамѣ-философу» такъ крѣпко, что авторы этихъ отзывовъ даже не думаютъ о томъ, какъ они компрометируютъ свою ученость въ глазахъ послѣдующихъ знатоковъ предмета, которые будутъ разбирать сочиненія Блаватской, не обращая вниманія на то, кто ихъ писалъ—мужчина или *дама*, вдохновляемая проблематическими «махатмами». Въ *лучшемъ* случаѣ прославители «учености» Елены Петровны докажутъ свое плохое знакомство съ литературой «оккультизма», съ сочиненіями авторовъ, которыхъ компилировала «современная жрица Изида», не указывая на свои источники.

Болѣе оригинальны и блестящи сочиненія Е. П. Блаватской иного рода, гдѣ въ полной силѣ развертывается ея талантливость и ея богатѣйшая фантазія. Я говорю про «Пещеры и дебри Индостана» и «Голубыя горы», подписанныя псевдонимомъ «Радда-Бай». Эти вещи написаны по-русски, до сихъ поръ не

переведены, и Е. П. при своей жизни очень заботилась о томъ, чтобы англичане не провѣдали объ ихъ содержаніи, такъ какъ писала для русскихъ читателей и не стѣснялась въ насмѣшкахъ и порицаніяхъ англо-индійскаго правительства и его представителей.

Какъ «Пещеры», такъ и «Голубыя горы» имѣютъ право занять подобающее имъ мѣсто въ русской литературѣ, и жаль, что ихъ отдѣльное изданіе, напечатанное покойнымъ Катковымъ, залежалось и даже мало кому извѣстно. Только, конечно, читая интересныя повѣствованія «Радда-Бай», слѣдуетъ относиться къ нимъ, главнымъ образомъ, какъ къ роману, какъ къ фантазіи — и ни подъ какимъ видомъ не принимать на вѣру фактовъ и свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ. Иначе — самыя горькія разочарованія ожидаютъ довѣрчиваго читателя...

Однако вернемся къ новорожденному «теософическому обществу». Е. П. Блаватская, какъ мы видѣли, написала, что оно учреждено «для сравнительныхъ опытовъ между спиритуализмомъ и магіей древнихъ, буквально по инструкціямъ старыхъ каббалъ — жидовскихъ и египетскихъ». Теперь, черезъ два мѣсяца, говоря о какомъ-то юномъ медіумѣ необычайной силы, она пишетъ:

«... Какъ только ему (медіуму) будетъ лучше — его духи поколотили — онъ ѣдетъ къ намъ и мы будемъ испытывать его *to teste* на нашихъ митингахъ «теософическаго общества». Наше общество *пробный камень. Для того и учредили*».

Это ужъ совсѣмъ другое! Легко понять, что цѣль «Общества» еще не выяснилась и что выяснять ее только дальнѣйшія обстоятельства, — то-есть *требованія публики*. На чтѣ предъявится спросъ — то и будетъ предлагаться.

Одна теперѣ бѣда — какъ ни вывертывайся, а дѣйствительнаго происшедшаго полнаго разрыва съ «спиритизмомъ» или «спиритуализмомъ» все же не спрячешь. Всѣ оправданія и объясненія — неудовлетворительны. Правовѣрные американскіе спириты сразу увидѣли, что Блаватская и Олкоттъ «измѣнили дѣлу», начали что-то хоть еще и не выяснившееся; но, во всякомъ случаѣ, новое и даже враждебное. Поэтому на нихъ, особенно же на

Блаватскую, поднялись нападки въ спиритическихъ журналахъ. 6 декабря 1875 года Е. П. писала:

«... Теперь же всѣ спириты взбудоражились даже въ Англіи за это Theosophical-Society, отъ того что знаютъ, что я его затѣяла; а еслибы мы не затѣяли, то никогда въ жизни не стали бы интересоваться спиритизмомъ или изучать его. А вотъ у насъ уже два профессора ученыхъ членами, изъ Бостона. Нѣсколько Reverend-батекъ поповъ, разношерстныхъ... и много знаменитостей. Тотъ же спиритуализмъ, да подъ другимъ именемъ. Теперь посмотрите, если мы не начнемъ *investigations* самые ученые. Нашъ вице Treasurer—Newton—милліонеръ и Президентъ нью-іоркскихъ спиритуалистовъ. Да не хотятъ понять своего же блага спириты. Я имъ толковала сколько могла, не тутъ-то было. Ересь значить... Еще за что злятся на насъ публика—отъ того что законы Общества такъ строги, что невозможно попасть въ члены, если малѣйшимъ образомъ человѣкъ замѣшанъ былъ въ грязномъ дѣлѣ. Ни *free lovers*, ни *атеистовъ*, ни *позитивистовъ* не принимаютъ въ общество»...

Вотъ ужъ по-истинѣ можно сказать, que le diable, quand il devient vieux—se fait ermite! Къ тому же, съ другой стороны, сколько разъ, и словесно и *письменно*, она увѣряла, что многое множество негодяевъ, развратниковъ, мошенниковъ и чуть что не убійцъ дѣлались членами «теософическаго общества» и превращались въ святыхъ, подъ вліяніемъ его основательницы. Бѣда ея заключалась въ томъ, что она, хоть и обладая замѣчательной памятью, всегда забывала то, что писала хоть бы наканунѣ; поэтому нельзя найти двухъ ея писемъ, гдѣ не встрѣчались бы на каждомъ шагу самыя курьезныя противорѣчія...

Если спириты преслѣдовали насмѣшками *новое общество*, основанное «отщепенцами» — это было въ порядкѣ вещей и этого слѣдовало ожидать. Но тутъ приключилось другое горе, отодвинувшее на задній планъ всѣ подобныя огорченія и послужившее матерьяломъ для нѣсколькихъ огромныхъ писемъ Е. П. Блаватской къ ея русскому корреспонденту. Очень извѣстный и у насъ въ Россіи, нынѣ покойный, медиумъ Юмъ,—сначала въ письмахъ

къ нѣкоторымъ лицамъ, а затѣмъ и печатно, — объявилъ Блаватскую, по поводу корреспонденцій и книги Олкотта, медіумомъ-обманщицей и коснулся ея «личности», о которой онъ имѣлъ свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ. Все это надѣлалъ, главнымъ образомъ, появившійся въ «Grafic» и въ книгѣ Олкотта рисунокъ медали и пряжки, принесенныхъ Еленѣ Петровнѣ духами изъ могилы ея отца, г. Гана. Юмъ доказывалъ, очень основательно, что въ Россіи никогда не кладутъ въ гробъ знаковъ отличія и что медаль и пряжка, къ тому же, имѣютъ видъ *воплнть фантастическій*.

Е. П. Блаватская пришла въ такое же точно состояніе, въ какомъ она была десять лѣтъ спустя въ Вюрцбургѣ, когда послала мнѣ свою «исповѣдь». Она стала увѣрять своего корреспондента, что тутъ опять «конспирація», что Юмъ началъ свои «клеветы» вслѣдствіе гнусной зависти къ ея медіумическимъ способностямъ. Противорѣча себѣ на каждомъ словѣ и путаясь въ показаніяхъ, она пробовала оправдываться относительно медали, а также «пряжки въ видѣ сердца», и писала:

«... Я не была на похоронахъ у отца. Но у меня въ эту минуту на шеѣ виситъ медаль и пряжка, принесенная мнѣ, и на кострѣ, на смертномъ одрѣ, на пыткѣ могу сказать только одно — эта *пряжка* отца моего. Медаль не помню. На пряжкѣ я сама сломала конецъ въ Ругодевѣ и видѣла ее сто разъ у отца. Если это не его пряжка, то стало быть духи дѣйствительно *черти* и могутъ материализировать что угодно и сводить людей съ ума. Но я знаю, что если даже главные кресты отца и не похоронены съ нимъ, то такъ какъ эту *медаль за 25 лѣтъ и турецкую* (!) онъ всегда носилъ даже въ отставкѣ, въ полумундирѣ, то ее вѣроятно не сняли. Послѣ смерти его, вышли исторіи за деньги, которыя онъ оставилъ мнѣ по завѣщанію, и которыхъ я и половины не получила и сестра младшая не пишетъ мнѣ вовсе. Но я напишу Маркову, который присутствовалъ на похоронахъ и брату въ Ставрополь, потому что желаю знать правду... Всѣ слышали спичъ духа, 40 человекъ кромѣ меня. Что же, стало быть я сговорила съ медіумами что ли? Ну пусть думаютъ... Въ чемъ я

мѣшаю Юму на свѣтъ? Я не медиумъ, не была и не буду профессиональнымъ. Я посвятила всю жизнь мою изученію древней каббалы (*теперь ужъ не спиритизму, какъ она писала недавно!*) и оккультизма, the Occult Sciences. Не могу я въ самомъ дѣлѣ, потому что въ молодости чортъ путалъ, распоротъ теперь себѣ брюхо какъ японскій самоубійца, чтобы удовлетворить медиумовъ... Положеніе мое очень безотрадное—просто безвыходное. Остается уѣхать въ Австралію и перемѣнить на вѣки имя...»

И такъ далѣе, и такъ далѣе—на семи огромныхъ письмахъ (около 40 мелко исписанныхъ страницъ большого формата). Она кается и кощунствуетъ, рассказываетъ такія исторіи, о которыхъ всякій бы молчалъ, припутываетъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, увѣряетъ, что никому не хочетъ зла и всѣхъ прощаетъ—и вдругъ, срывая съ себя личину доброты и кротости, показываетъ дьявольскіе когти. Она объявляетъ, что если Юмъ не замолчитъ, то она всѣми мѣрами распространить и обнародуетъ о немъ самыя ужасныя и отвратительныя вещи (она и поясняетъ при этомъ—что именно)—ибо «должна же она защищаться».

Она хочетъ запугать не только Юма, но и лицъ, которыя могутъ на него подѣйствовать; ея корреспондентъ знакомъ съ этими лицами, а потому она проситъ его убѣдить ихъ остановить Юма, заставить его молчать—не то и имъ будетъ плохо. Словомъ, *это совершенно то же самое*, что было въ 1886 году, по поводу разоблаченій, сдѣланныхъ мною, и что уже извѣстно читателямъ изъ ея «исповѣди»; только тутъ еще нѣтъ на сценѣ никакихъ махатмъ, никакихъ «теософическихъ» чудесъ. Остальное—почти тождественно, но еще грандіознѣй. Есть и комизмъ въ ея письмахъ—такъ Олкотта, среди самыхъ горячихъ фразъ съ выраженіями отчаянья, она совсѣмъ неожиданно величаетъ не только «осломъ», но и «ослинымъ дѣдушкой».

Къ концу лѣта 1876 года весь этотъ чадъ, наконецъ, осѣдаетъ и воздухъ нѣсколько очищается. Въ іюльскомъ письмѣ заключается слѣдующій курьезъ: «Посылаю вамъ вырѣзки о похоронахъ (языческихъ и даже древне-языческихъ) нашего члена барона де-Пальма. Онъ оставилъ все свое состояніе нашему обществу.

Прочитайте что журналы пишутъ. До похоронъ хохочутъ надъ нами и тѣшутся, а какъ увидали похороны, то и присмирѣли. Не надъ чѣмъ смѣяться — съ носами остались...»

Наслѣдство этого *языческаго* барона, какъ оказывается по свѣдѣніямъ, заключающимся въ письмѣ отъ 5 октября 1876 года, состоятъ изъ вещей, «достаточнаго количества серебряныхъ богатыхъ рудниковъ», и «17.000 акровъ земли». Блаватская, впрочемъ, спѣшитъ оговориться, что хоть рудники и богаты, но нѣтъ денегъ на ихъ разработку, а земля никуда не годится.

Тѣмъ не менѣе тутъ же находится слѣдующее извѣстіе: «Насъ восемь человекъ собирающихся ѣхать въ Тибетъ, Сіамъ и Камбодію; но половина археологи и желаютъ ѣхать прежде въ Юкатанъ и Центральную Америку вообще, сравнивать руины египетскія съ американскими». Значить, все же есть на что предпринять такое сложное, громадное путешествіе. Наслѣдство *языческаго* барона рѣшаетъ дальнѣйшую судьбу «теософическаго общества».

XXIX.

Послѣ разоблаченій, сдѣланныхъ Юмомъ, Блаватская очевидно нашла, что уже все равно, что уже нечего скрывать полнѣйшей «перемѣны фронта», произведенной ею и «полковникомъ». Ересь перешла очень быстро въ полное презрѣніе и враждебность къ спиритизму. Цѣль основанія «теософическаго общества» снова измѣнилась — ни о какихъ сравнительныхъ изученіяхъ спиритическихъ явленій съ помощью «инструкцій жидовскихъ каббалъ», ни о какихъ «пробахъ» медіумовъ не было и помину.

Елена Петровна совсѣмъ забыла, что «вся ея жизнь *уже многие годы* была посвящена исключительно спиритизму и что она до послѣдняго издыханія будетъ проповѣдовать *ученіе* Аллана Кардека». Теперь она писала своему корреспонденту, что «вся ея жизнь *уже многие годы* была посвящена изученію каббалистики» и т. д. Теперь цѣлью основанія «теософическаго общества»

оказывались археологическія изысканія и доказательства единства древнѣйшей цивилизаціи и религіозныхъ вѣрованій во всѣхъ странахъ.

Почувствовавъ подъ собою твердую почву, самымъ крѣпкимъ и надежнымъ пластомъ которой было, конечно, наслѣдство *языческаго* барона, а также и на основаніи опыта своей жизни — Блаватская рѣшила, что чѣмъ больше апломбу, нахальства и презрѣнія къ людямъ, — тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ. Она сразу объявила себя ученой, знатокомъ всевозможныхъ древностей и проникнувшей въ самую глубину оккультизма.

Она посылаетъ своему корреспонденту цѣлую импровизированную лекцію, блестящую фейерверкомъ ея внезапно разгорѣвшейся учености. Она то и дѣло переходитъ отъ своего неправильнаго русскаго языка на французскій и англійскій, смотря по источникамъ, съ которыхъ дѣлаетъ свой быстрый переводъ. Вотъ образчикъ этой лекціи:

«... Когда я въ прошломъ году написала статью о тождествѣ древнихъ египетскихъ и ассирійскихъ символовъ и религіи съ культусами Ацтековъ и *Quichés* описанныхъ Brasseur de Bourbourg'омъ и Геррерой испанскимъ историкомъ на меня напали всѣ археологи и обвинили въ фантазерствѣ. А я сама видѣла въ Паланкѣ и Уксмапѣ своды съ треугольными арками *sans clef de voute* (извините забыла какъ по-русски) — этотъ родъ архитектуры можно найти *только* въ старѣйшихъ древнихъ храмахъ Египта, да въ Nagkon-Wat'ѣ и Ангкорѣ, въ Сіамѣ и Камбодіи; развалины послѣдней страны интригуютъ всѣ ученые компаніи, которыя выдавили себѣ всѣ мозги всевозможными гипотезами кромѣ настоящей; а именно, что *dans les ages Archaiques*, сколько тысячъ лѣтъ неизвѣстно, но конечно еще до Моисеевскаго періода, Арійцы какъ и Семитическія племена (словомъ еще до разъединенія этихъ націй) принадлежали къ одной и той же религіи, къ той которая нынѣ существуетъ только между Адептами *des Sciences Occultes*. А теперь выходитъ по моему. Lord Dufferin, Gouverneur General de Canada, открылъ въ Британской Колумбіи индійское племя, до сей поры почти неизвѣстное, которое живетъ въ

деревнѣ, *vielle de plusieurs siecles*, и которая выстроена вся изъ остатковъ самыхъ величественныхъ храмовъ, колонъ, портиковъ и т. д. И что же? Скульптура совершенно та же какъ и въ Египетскихъ храмахъ, сфинксы, крылатые бычки какъ въ Ассиріи; змѣи, и наконецъ богъ Thoth или Тотъ (Гермесъ) съ головою ястреба! Я давно указывала на то странное обстоятельство, что потомки *Quichés* въ Мексикѣ называютъ себя змѣями. «We are snakes, sons of the wise-serpents»¹⁾ говорятъ они. Такъ же называли себя и другія племена, Хананеяне и Мидіане, т. е. тѣ изъ нихъ, которые были посвящены въ таинство храмовъ, *les initiés de la toute Theurgie*, какъ отецъ жены Моисея на примѣръ, Рюэль, онъ же Jethro, Мидіанинъ, который обучалъ его магіи. Змѣиными норами назывались тѣ подземные ходы которые служили мѣстомъ для Мистерій храма и были извѣстны лишь посвященнымъ адептамъ; *cryptes des couleuvres* какъ называетъ ихъ Шамполіонъ Фижакъ. Гіероглифы, пирамиды, *les Cénocephales*, священные обезьяны, крокодилы, обряды, поклоненіе солнцу какъ видимому символу невидимаго Божества всю эту Египетскую и Халдейскую старину вы найдете въ Центральной и Сѣверной Америкѣ, и много того же въ Эзотерическихъ обрядахъ Буддистовъ-мистиковъ. Когда Врангель указывалъ ученымъ на ту возможность — скорѣе вѣроятность — что Индійцы и Мексиканцы найденные въ Америкѣ Кортесомъ, потомки выходцевъ изъ Европы, и Азіи, Сибирскихъ Татарскихъ племенъ которые перешли съ одного континента на другой черезъ Беринговъ проливъ, надъ нимъ смѣялись тоже; а теперь выходитъ что онъ *частію* правъ. Всѣ народныя легенды на то указываютъ. Но у Индійцевъ Британской Колумбіи, владѣтелей Египетскихъ сфинксовъ и другихъ символовъ, преданіе другое еще. Они прямо говорятъ, что ихъ предки прилетѣли изъ-за океана на *птицахъ съ крыльями* (судахъ съ парусами какъ я понимаю) и что у каждой изъ этихъ птицъ на груди было лицо жены «Великаго Духа» которую они называютъ Диду. Ну какъ же не узнать въ этой Диду Дидону, имя которой

¹⁾ „Мы змѣеныши, дѣти мудрыхъ змѣй“.

было смотря по національностямъ и Астартея, и Венера, и Дидона, и Елисса, и Анаита и Артемида и А1-иза, богиня нынѣ Магометанской Мекки? Дидона была не *живая* царица какъ вамъ извѣстно, а просто мифъ, идолъ богини Астарте, непремѣнная принадлежность каждаго финикійскаго корабля; они обыкновенно прикрѣпляли ея голову *sur la proue du vaisseau*. А Финикійцы тѣ же предки жидовъ Палестинскихъ, по мнѣнію Геродота и болѣе современныхъ историковъ. Финикійцы наконецъ тѣ же Хананеяне которые бѣжали передъ войскомъ Исуса Навина и проѣхали черезъ колонны Геркулесовскія на которыхъ по показанію историковъ вырѣзана была надпись: «*nous sommes les fils de ceux qui fuirent devant le brigand Jesus, fils de Navé*»¹⁾. Это показываетъ историкъ Прокопій и св. Августинъ (*De belle Vandalo*). Значить тѣ что бѣжали и проѣхали въ Америку Хивимы, или *les Neveens, descendants de Heth, fils de Chanoon*. Впрочемъ все вышесказанное *моя собственная* спекуляція, а Археологи другого мнѣнія. Все это я вамъ пишу не зная интересуется ли васъ. Но вы желаете знать чѣмъ мы занимаемся на нашихъ засѣданіяхъ. Вотъ археологическими изслѣдованіями, которыя объясняютъ тождественность символовъ всѣхъ древнихъ народовъ; отъ символовъ не далеко до «*medecine men*» всѣхъ Индійскихъ племенъ; *medecine men* т. е., тѣ же адепты магіи—*quoique degenerés*—древняго Египта и современной Индіи съ ея Ламами и Факирами которыхъ описываетъ Jaccoliot и «*Art Magic*». Мы добираемся до корней всего. Такой-то символъ напримѣръ значитъ то-то, и принадлежитъ такому-то Божеству, Юпитеру напримѣръ; Юпитеръ въ каждомъ своемъ видоизмѣненіи какъ *Низходящій* въ видѣ *дожда*, непремѣнно означаетъ какую-либо силу въ природѣ. Извѣстную ли современнымъ ученымъ либо *неизвѣстную еще* (послѣднее случается гораздо чаще). Каждая такая сила, «*a cosmic force or power*» если разъ была возведена въ символъ древними, значить свойство ее или особенность была извѣстна имъ. Символъ *dans le sens exoterique* était livré à la masse ignorante et se trouve traité dans notre siecle (si savant mon Dieu!) de *superstition*; mais

¹⁾ „Мы дѣти тѣхъ, которые бѣжали отъ разбойника Исуса сына Навина“

lès initiés les prêtres de l'odyte et de sanctuaire connaissaient bien sa valeur réelle; ils savaient ce que cette force naturelle et physique contenait de mystérieux et d'occulte dans ses diverses combinaisons, ce que les savants de nos jours ignorent et regettent par conséquence»...¹⁾).

Далѣ Е. П. Блаватская увѣряетъ, что она проникла въ секретъ Симона Волхва и что вовсе не трудно подниматься съ земли и летать. «Ей Богу, вы въ эту минуту думаете и соображаете не свихнула ли я совсѣмъ съ ума? Однако это такъ. Я объяснила этотъ законъ — *чисто физическій* — нашимъ членамъ, и доказала имъ кромѣ того фактами что это такъ. Съ электрической батареей и сильнымъ токомъ мы убѣдились сперва извѣстнымъ процессомъ какого рода магнетизмъ былъ *на коврѣ* комнаты, наэлектризовали кошку — и она была поднята на нѣсколько вершковъ. Наэлектризовали сильнѣе несмотря на мои предостереженія и конечно бѣдная кошка мгновенно сдохла ..»

Хоть я и не производилъ никогда подобныхъ *опытовъ*, но осмѣливаюсь думать, что тутъ совсѣмъ даже не представлялось необходимости «убѣждаться сперва *извѣстнымъ процессомъ*, какого рода магнетизмъ былъ *на коврѣ* комнаты» и надо только удивляться, какъ эта несчастная кошка поднялась всего на нѣсколько вершковъ, а не прыгнула до потолка, прежде чѣмъ «сдохнуть». Я не знаю, можетъ быть Елена Петровна когда-нибудь и поднималась на воздухъ, подобно Симону Волхву, но свидѣтельствую, что черезъ десять лѣтъ, въ «вюрцбургскія времена», она во всякомъ случаѣ потеряла эту способность и забыла свой секретъ. Она, бѣдная, часто не могла и руки поднять, страдая отчаяннымъ ревматизмомъ.

Послѣ этого письма прошло не мало времени, около девяти мѣсяцевъ, а интересная поѣздка все еще не состоялась. Очевидно

¹⁾ „въ смыслѣ экзотерическомъ былъ предоставленъ невѣжественной толпѣ и признается въ нашъ вѣкъ (столь ученый, о Боже!) *суетнѣмъ*; но посвященные, жрецы „одита“ и святилища, хорошо были знакомы съ его истиннымъ значеніемъ; они знали, какъ много таинственного и оккультнаго заключала въ своихъ различныхъ соединеніяхъ эта естественная и физическая сила, — чего ученые нашихъ дней не знаютъ, а слѣдовательно и отвергаютъ...“

Блаватской и «полковнику» хорошо жилось и въ Нью-Йоркѣ, да и дѣло было: прежде, чѣмъ сняться съ якоря и надолго, если не навсегда покинуть Америку, необходимо было, конечно, реализовать наслѣдство «языческаго барона», обратить въ деньги его серебряные рудники и земли. Теософы, мало-по-малу, заинтересовываются буддизмомъ и помышляютъ о «души спасеніи». 15 іюня 1877 года Блаватская пишетъ изъ Нью-Йорка:

«... Наши Теософы (*локальные*) вообще должны не только въ ротъ капли не брать, да даже поститься постоянно. Я ихъ приучаю ничего не ѣсть: коль не помрутъ, такъ приучатся; а не выдержать, такъ имъ же лучше. Въ Нирвану отправятся прямо, а мы ихъ сождемъ съ торжествомъ и языческой церемоніей. Вотъ Judge (Джѣджъ), такъ просто Аргатомъ святымъ сдѣлался. Видѣнія зрить, и летаетъ: и какъ увѣряетъ каждую ночь вылѣзаетъ изъ тѣла и прогуливается въ безпредѣльномъ пространствѣ. Мы звонимъ (въ) колокольчикъ въ 47 улицъ (у меня въ комнатѣ), а онъ въ Бруклинѣ слышитъ за 8 миль, и сейчасъ же въ путь пускается и черезъ два часа является на зовъ...»

Вѣдь сама она смѣется надо всѣмъ этимъ, не можетъ удержаться отъ насмѣшки въ письмѣ къ соотечественнику: «смотрите, молъ, какіе дурни, и какъ я ихъ вожу за носъ!»

О выходѣ въ свѣтъ своей «Изиды» Е. П. Блаватская извѣщаетъ 2 октября 1877 года: «Ну, книга моя вышла въ свѣтъ наконецъ. Родилась сердечная въ прошлую субботу сентября 29, а за недѣлю до того еще мой издатель уже послалъ всѣмъ редакторамъ журналовъ передовые экземпляры; прилагаю при семъ рецензію «N. I. Herald». Я какъ прочитала чуть въ обморокъ не упала. Приготовилась ко всеобщему руганью, а вдругъ вона, похвала-то какая, да еще отъ одного изъ консервативнѣйшихъ и католическихъ журналовъ. Замѣтьте, послѣдній параграфъ—гдѣ говорится, что Isis Unveiled—is one of the remarkable productions of the century» ¹⁾. Можетъ и будутъ еще ругать, а все же въ два

¹⁾ „Разоблаченная Изида—одно изъ замѣчательныхъ произведеній столѣтія“. Этотъ удивительный отзывъ „Herald“а можетъ быть объясненъ развѣ только тѣмъ, что въ Америкѣ продается *все*, а отзывы прессы прежде всего. На это есть даже, говорить, *такса*. Иначе какимъ же бы образомъ католическая газета расхваливала книгу, гдѣ заключаются самыя отчаянныя выходки и брань противъ католической религіи?

дня раскупили все первое изданіе (1000 экземпляровъ) даже и подписчики принуждены ждать еще недѣлю, пока второе изданіе выйдетъ... А книга вышла важная, два тома огромные, красные съ золотымъ корешкомъ, на которомъ сидитъ верхомъ Изида разоблаченная. А index'омъ я просто горжусь. Его составилъ для меня профессоръ Вильдеръ нашъ вице-президентъ и извѣстный археологъ въ Америкѣ... У насъ теперь множество корреспондентовъ-членовъ «Fellows» въ Индіи, и мы думаемъ на будущій годъ отправиться въ Цейлонъ и поселиться тамъ, какъ «Head Quarters» нашего Общества. Я получила чинъ «Arch Auditor» отъ главнаго масонскаго Общества въ Индіи. Это самая древняя изъ масонскихъ ложъ и говорятъ существовала еще до Р. Х...»

Однако не все же лавры. Въ письмѣ отъ 6 ноября 1877 г. Е. П. Блаватская жалуется, что многіе журналы, которые судятъ, якобы, только по обложкѣ и по «table of contents» (оглавленію) обвиняютъ ее «въ распространеніи *трансцендентальныхъ безсмыслицъ*, а нѣкоторые такъ прямо, по-американски, называютъ душой...» Одному изъ редакторовъ, пишетъ она, — «Олкоттъ чуть въ рожу не далъ, да это что же поможетъ!»

Смущаетъ ее сильно и другое обстоятельство: вышла въ свѣтъ книга Юма, гдѣ онъ не поцеремонился съ Еленой Петровной и рассказалъ много краснорѣчивыхъ вещей о ея плутняхъ всякаго рода. Она пишетъ: «Отъ того я и уѣзжаю *на вѣки въ Индію* ¹⁾, и желаю заѣхать туда, гдѣ и имени моего никто не знаетъ, отъ стыда и горя. Юмъ погубилъ меня своею злобою на вѣки въ Европѣ. Должно быть хорошія штуки онъ писалъ — когда его жена вынуждена была написать М-г Martheze въ Лондонъ, чтобы онъ ради Бога не обращалъ вниманія на письма ея мужа, такъ какъ онъ (Юмъ) *сумасшедшій*!!²⁾. Книги Юма ни Олкоттъ, ни я, не только не читали, но даже въ глаза не видали. Олкоттъ еще

¹⁾ Вотъ ужъ теперь она уѣзжаетъ *на вѣки* въ Индію не для „теософическаго общества“, а отъ рассказовъ Юма!!

²⁾ Конечно жена Юма ничего подобнаго не писала, и Блаватская это тутъ же выдумала. Такимъ образомъ оказывается, что обычай объявлять своихъ обличителей *сумасшедшими* (см. главу XXIV моего разсказа) издавна уже практиковался Еленой Петровной.

до ея выхода дать себѣ слово никогда не открывать ее даже, и сдержалъ его. Ему нѣсколько разъ предлагали отвѣчать на нее и одинъ изъ издателей лондонскаго «Atheneum» написалъ ему предлагая отвѣтить на всѣ пункты въ его рецензій. Но Олкоттъ отказался» ¹⁾).

Послѣ этого болѣе чѣмъ на полтора года прекращаются письма Е. П. Блаватской. Но вотъ совершилось переселеніе теософовъ въ Индію. Очевидно практичному Олкотту удалось обратить въ деньги серебряные рудники и земли барона де-Пальма. Елена Петровна очутилась въ Бомбеѣ, гдѣ и основала пока «Главную квартиру теософическаго общества». Этого мало—она рѣшилась издавать журналъ «Теософистъ» и, посылая печатное, широковъщательное о немъ объявленіе, пишетъ изъ Бомбея, 16 іюля 1879 года:

«Неужели забыли насъ? Позвольте же напомнить о сиротахъ, нынѣ благополучно пребывающихъ въ Бомбеѣ среди чудодѣйныхъ *самъязи*, факировъ, іоги и кобра-капеллъ. На счетъ психологій нашъ журналъ заткнетъ за поясъ всѣ спиритическіе журналы. Неужели ужъ и словечка болѣе не получу отъ васъ? Полковникъ Олкоттъ свидѣтельствуетъ глубочайшее почтеніе.—Будьте такъ добры, позвольте узнать, можно ли намъ посылать этотъ журналъ въ Россію безъ конверта, просто подъ оберткой! Какъ видите, о политикѣ въ немъ не найдется *ни слова*; только о философіи, психологій, и—метафизикѣ. Господи! что это за страна чудесъ—когда бы вы знали. Неужели ни одинъ изъ вашихъ Петербургскихъ журналовъ не нуждается въ статьяхъ изъ Индіи? Я бы имъ такія настрочила, что они остались бы довольны.—Будьте великодушны дайте знать. Вѣдь я читала въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что они нуждаются въ свѣдѣніяхъ объ индійскихъ религіяхъ. А я вѣдь—какъ увидите по программѣ окружена представителями всевозможныхъ религій. У насъ теперь 74 тысячи (!?)

¹⁾ Конечно, если нѣтъ никакой возможности оправдаться въ прямо и опредѣленно поставленныхъ обвиненіяхъ—самое лучшее зажимать уши и *молчать*,—даже и въ томъ случаѣ, если предлагаютъ страницы журнала для отвѣта. Только неподражаемая Елена Петровна могла такъ наивно рассказывать объ этомъ!

членовъ теософическаго общества и Ариа Самаджи. Только что вернулась изъ Раджпутаны и North Western Provinces, — ѣздила на слонахъ, проникала въ сокровенныя пагоды, и — да нѣтъ и словъ, чтобы достаточно выразить *чувствія!*»

Въ письмѣ отъ 18 октября 1879 года чувствуется такое же бодрое, самоувѣренное настроеніе: «... Мы вотъ четыре мѣсяца муссона (*mousoon*, сирѣчь) подъ дождемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ теплымъ паромъ. Дождь льетъ сверху, а паръ идетъ снизу, и поэтому сырость и мокрота невообразимы! Особенно же одолѣли скорпіоны и стоножки; да и кобръ изрядное количество у насъ въ саду. Только знай, что читай «мантры», заклинанія; и безъ *ман* здѣсь и невозможно жить. Одни астрологи, алхимики да магусы нашего общества и спасаютъ насъ отъ гибели. А все же живемъ и даже толстѣемъ. Не прислать ли вамъ «мантру» отъ лихоманки и всякихъ другихъ болѣзней да напастей? Да, вѣдь вы православный — не примется къ вамъ!.. У насъ въ журналѣ пишутъ всѣ знаменитые санскритологи и *пандиты* Индіи, какъ вы увидите...»

Далѣе Е. П. Блаватская извѣщаетъ о томъ, что она послала Каткову «огромную статью (первыя 5 главъ) записокъ объ Индіи». Эта «Огромная статья» и оказалась началомъ ея «Изъ пещеръ и дебрей Индостана». Рукопись была исправлена (въ смыслѣ неправильностей языка и ошибокъ), приведена въ порядокъ, а затѣмъ скоро появилась на страницахъ «Русскаго Вѣстника».

Дальнѣйшее не представляетъ особеннаго интереса, да и переписка скоро совсѣмъ прекращается. Но дѣйствительная исторія возникновенія «теософическаго общества» восстановлена на основаніи *такихъ документовъ*, передъ которыми должны «положить печать молчанія на уста свои» всѣ провозвѣстники и защитники *теософической легенды*. Дѣйствительную *правду* — невольно, наивно, — повѣдала намъ здѣсь *сама* Елена Петровна Блаватская. Отъ нея *самой*, не прибѣгая ни къ какимъ постороннимъ свидѣтельствамъ, мы узнали, что она «съ 1863 года отдала всю свою жизнь спиритизму», что въ Америкѣ она была самой

*

ревностной его защитницей; но что, когда явился вопросъ о «кусѣ хлѣба» — она измѣнила тому *ученію*, которое объявляла единою истиной, — и стала придумывать нѣчто новое, чѣмъ можно было бы заинтересовать «публику». Мы прослѣдили всѣ первыя фазисы «теософическаго общества».

Далѣе, уже изъ *печатныхъ* источниковъ, все видно очень ясно. Когда, въ 1884 году, Блаватская, Олкоттъ и Могини поѣхали или *посланы были* въ Европу — они явились съ хитростью, объявили свое общество *чисто ученымъ*, занимающимся лишь разработкой «восточныхъ знаній» и не только не касающимся, но и глубоко уважающимъ вѣрованія своихъ членовъ, къ какимъ бы религіямъ они ни принадлежали. Они печатно, въ своемъ *уставѣ*, объявили это.

Но, и помимо обманныхъ феноменовъ, производившихся Блаватской, «теософическое общество» возмутительно *обмануло* тѣхъ людей, которые записались его членами, довѣрившись *уставу*. Мало-по-малу выяснилось, что это вовсе не всемірное ученое братство, принадлежать къ которому, съ чистой совѣстью, могутъ послѣдователи различныхъ религій, — а прямо группа людей, начавшая провозглашать, въ своемъ органѣ «Теософистъ» и другихъ своихъ изданіяхъ, смѣшанную *религіозную доктрину*. Наконецъ и эта доктрина, въ послѣдніе годы жизни Блаватской, уступила мѣсто прямой и открытой пропагандѣ самаго правдивѣрнаго экзотерическаго буддизма съ провозглашеніемъ: «Our Lord Boudda» (нашъ Господь Будда) и съ постоянными нападами на христіанство.

Все это совершилось постепенно, мало-по-малу, въ волнахъ густого тумана, среди фейерверка ложныхъ чудесъ Блаватской, различныхъ скандальныхъ исторій и таинственнаго шопота одурманенныхъ, истеричныхъ дамъ и кавалеровъ.

Въ 1875 году американскій спиритъ Олкоттъ «сидѣлъ на грудяхъ нераспродающихся экземпляровъ своего сочиненія о чудахъ братьевъ Эдди», а всесвѣтной обманщицѣ Блаватской, по ея словамъ, «не съ кѣмъ было ругаться и необходимъ былъ кусокъ хлѣба» — и вотъ теперь, въ 1893 году, какъ прямое слѣд-

ствие этой причины, мы видимъ цѣлое религіозное движеніе, видимъ благополучное, развивающееся насажденіе буддизма въ Западной Европѣ.

Откуда же, однако, явилась возможность такого успѣха дѣла, основаннаго на фантазіи, на лжи и обманѣ? Олкоттъ могъ быть во сто разъ энергичнѣе, Блаватская могла быть во сто разъ талантливѣе и симпатичнѣе въ своихъ сношеніяхъ съ друзьями, — но сколько бы ни сѣяли они — не видать бы имъ богатой жатвы, еслибы зерна не падали на плодотворную, подготовленную къ воспринятію ихъ почву. Значить, все дѣло *въ почвѣ*, и только *ея анализъ* можетъ объяснить загадку и отвѣтить на всѣ вопросы.

Недавно вышла въ свѣтъ новая книга извѣстнаго Макса Нордау, носящая названіе: «*Entartung*» (вырожденіе). Въ этой книгѣ талантливый авторъ разсматриваетъ многія ненормальности современнаго общества, распатаннаго, нервнаго, психопатическаго, истеричнаго. Между прочимъ онъ говоритъ, что не существуетъ такого убѣжденія, добытаго здоровой умственной работой, которое съ такою бы силой овладѣвало всѣмъ существомъ человѣка, — какъ дѣлаетъ это *манія*. Страдающаго *маніей* или бредомъ — ничѣмъ не убѣдишь. Онъ идетъ на проломъ, забывая даже о чувствѣ самосохраненія. Такимъ образомъ онъ представляетъ изъ себя весьма крупную силу, которой невольно подчиняются люди, слабые умомъ и потерявшіе равновѣсіе. Эта мысль Нордау подтверждается наблюдавшимися издавна различными коллективными маніями, особенно поразительными среди нервно разстроенныхъ лицъ, главнымъ образомъ женщинъ — въ женскихъ монастыряхъ и закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Далѣе авторъ приводитъ замѣчательный примѣръ, взятый имъ изъ «Дневника» Гонкура, рассказывающаго, что въ Парижѣ, въ 1870 году, толпа, состоявшая изъ 10 тысячъ человѣкъ, «*видѣла своими глазами и читала*» телеграмму о побѣдѣ французовъ надъ нѣмцами. Эта телеграмма, на которую указывали пальцами, была, по убѣжденію всѣхъ, наклеена на одной изъ колоннъ зала въ зданіи Парижской Биржи. *Въ дѣйствительности же никакой*

телеграммы не было—она всё только казалась. Таких примѣров внушенія толпѣ ложныхъ представленій—не мало.

Истеричные люди весьма способны подчиняться убѣжденію въ необыкновенныхъ достоинствахъ какого-нибудь сочиненія и даже видѣть въ немъ такія красоты, какихъ не подозрѣвалъ ни авторъ, ни заботившіеся о его прославленіи. Если у новой секты есть какой-нибудь успѣхъ, то она приобретаетъ себѣ сторонниковъ и помимо истеричныхъ, способныхъ къ воспринятію внушенія. Молодежь, ищущая пути, спѣшитъ за толпою, полагая, что тутъ-то и есть истинный путь. Люди малоумные, пуще всего боящіеся, какъ бы не прослыть отсталыми, присоединяются къ толпѣ и шумно прославляютъ новоявленную знаменитость. Молодая старость, желающая скрыть свой возрастъ, тоже плетется въ новый храмъ и поддѣваетъ дребезжащимъ голоскомъ гимнъ правовѣрныхъ, надѣясь, что среди молодежи и она сойдетъ за молодежь. Вся эта толпа, соединившаяся благодаря своей болѣзненности, своему тщеславію и корыстолюбію, шумитъ и гремитъ несравненно сильнѣе, нежели гораздо большее количество людей здоровыхъ, спокойно и безъ эгоистическихъ цѣлей наслаждающихся твореніями здоровыхъ талантовъ..

Этотъ взглядъ Макса Нордау оказывается весьма примѣнимымъ къ рѣшенію вопроса о причинѣ крупнаго успѣха «теософическаго общества». *Такой успѣхъ такого дѣла* могъ созрѣть только на почвѣ, пропитанной болѣзнетворными испареніями, въ средѣ именно «вырождающейся» и, въ то же время, безсознательно томящейся глубокимъ, мучительнымъ невѣріемъ. Когда въ человѣческомъ обществѣ исчезаетъ вѣра,—на ея мѣсто непременно являются суевѣрія всякаго рода. Томленіе невѣрія, расшатавшее вырождающійся организмъ, фатально влечетъ къ фанатизму суевѣрія, къ фанатизму самому жестокому, безумному и мрачному—ибо онъ знаменуетъ собою существованіе въ обществѣ серьезной, быстро укореняющейся заразы.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Отвѣтъ на „оправданія“ г-жи И-грекъ-Желиховской.

Мои статьи «Современная жрица Изиды», по своему предмету и по тому интересу, какой возбуждаютъ рассказы изъ *дѣйствительной* жизни съ разоблаченіемъ ея курьезовъ,—не могли не обратить на себя вниманія. Зная это я хорошо зналъ также и то, что мнѣ придется вынести всякія непріятныя слѣдствія такого интереса и вниманія. Вѣдь угодить *всѣмъ* нѣтъ никакой возможности, и, прежде всего, я не могъ, конечно, угодить сестрѣ моей героини, — г-жѣ Желиховской. Ея писанія о Е. П. Блаватской какъ о великой чудотворицѣ оккультизма, преисполненныя самой удивительной фантастичности, явились для нея тѣмъ заклинаніемъ, посредствомъ котораго чародѣй средневѣковой легенды вызвалъ духа, не имѣя силъ съ нимъ справиться. Жестокимъ духомъ, неосмотрительно вызваннымъ г-жей Желиховской, оказалась моя «жрица Изиды».

Я объяснилъ, въ началѣ моего разсказа, причины, принудившія меня приступить къ печатанію моихъ воспоминаній, сопровождаемыхъ документами. Для людей, знакомыхъ съ современными настроеніями нашего общества и относящихся серьезно къ этимъ настроеніямъ, ясенъ вредъ, могущій произойти отъ увлеченій *глубоко материалистической* доктриной, разукрашенной разными *суетвѣртіями*, *мнимыми чудесами* и носящей пышное названіе «теософіи» и «религіи разума». Показать въ истинномъ свѣтѣ, съ помощью неопровержимыхъ доказательствъ, нравственную подкладку такого ученія, а также его создателей и провозвѣстниковъ—оказалось дѣломъ общественной важности. Я увидѣлъ, что, при такихъ обстоятельствахъ, молчать и скрывать истину, зная ее—*преступно*.

Я самъ въ свое время, да и не одинъ, а въ компаніи съ нѣкоторыми весьма извѣстными и достойными представителями западноевропейской науки и литературы, очень заинтересовался Блаватской, ея феноменами и чудесами. Ни отъ кого я не скрывалъ моего первоначальнаго увлеченія, моихъ все возраставшихъ сомнѣній и моего страстнаго желанія во что бы то ни стало узнать истину въ этомъ *крайне важномъ* дѣлѣ (см. ниже: письмо г. Шарля Ришэ). *Лично* къ Блаватской я относился съ полной симпатіей, какъ къ моей соотечественницѣ, какъ къ женщинѣ, обладавшей рѣдкой талантливостью и совсѣмъ оригинальной силой. Такое мое отношеніе къ ней продолжалось до осени 1885 года, когда я разглядѣлъ

ее со всѣхъ сторонъ и долженъ былъ рѣшить, что, въ виду важности дѣла, далѣе щадить ее нельзя, что это значило бы сдѣлаться такъ сказать, ея косвеннымъ сообщникомъ.

Я никогда не скрывалъ и отъ самой Блаватской моихъ сомнѣній, подозрѣній и разслѣдованій ея «феноменовъ», что видно изъ ея же собственноручныхъ, приводимыхъ мною въ «Изидѣ» писемъ. Я только имѣлъ наивность надѣяться, пока еще мало зналъ ее, что мнѣ удастся, въ концѣ-концовъ, отдалить ее отъ «теософической» дѣятельности и направить ея силы на чисто литературную почву. Былъ періодъ, когда это и дѣйствительно представлялось возможнымъ. Но внезапныя обстоятельства, — ея поспѣшный отъѣздъ въ Индію, — помѣшали этому.

Она знала, что я веду мое разслѣдованіе, но рассчитывала, что я, въ качествѣ соотечественника и друга, узнавъ *все*, не рѣшусь «выдать ее иностранцамъ» — по ея выраженію. Я не могъ, — подобно «Обществу Психическихъ Изслѣдованій», такъ же какъ и я глубоко заинтересованному «феноменами» и «истиной», — назначать комиссій, комитетовъ, избирать «разслѣдователей на мѣстѣ». Я былъ одинъ — и поневолѣ заключалъ въ своемъ лицѣ и комиссію, и разслѣдователя на мѣстѣ. Если бы мои «изслѣдованія дѣятельности» привели къ иному результату, т. е. дали бы мнѣ доказательства, что Блаватская никого не обманывала и что ея «феномены» истинны — вѣдь я былъ бы ея первымъ защитникомъ, съ добытыми мною доказательствами въ рукахъ. А Блаватская и ея друзья и послѣдователи не находили бы достаточныхъ словъ для моего прославленія.

Но конечные результаты моего изслѣдованія, подтверждаемые документами, оказались ужасны для Блаватской: я убѣдился, что вся ея теософическая дѣятельность — обманъ, обманъ, и еще обманъ! Обращаюсь ко всѣмъ порядочнымъ людямъ и спрашиваю: что же мнѣ было дѣлать? могъ-ли я *молчать* передъ такъ или иначе заинтересованными въ дѣлѣ лицами, молчать и скрывать правду ради моихъ личныхъ отношеній къ Блаватской въ такомъ вовсе не личномъ, а *общемъ* дѣлѣ?!

Я далъ свои показанія для заинтересованныхъ лицъ — *и сдѣлалъ это тогда же, въ началѣ 1886 года, открыто, въ Парижѣ, не послѣ смерти Блаватской, а при ея жизни, когда она была окружена друзьями. Я сдѣлалъ это и, не убоясь, подвергся «теософскому» мщенію.*

Въ Россіи я молчалъ пока «заинтересованныхъ» не было или было мало. Поднимать это дѣло — значило бы обращать на него общее вниманіе. Я находилъ, что полезнѣе для нашего общества ждать пока кто нибудь не заговоритъ во всеуслышаніе объ этомъ грандіозномъ обманѣ какъ объ интересной своей новизною истинѣ, — и тѣмъ принудить меня, во исполненіе моего долга передъ обществомъ, къ отвѣту. *Г-жа Жемховская заговорила во всеуслышаніе, измѣняя дѣйствительность до полной неузнаваемости — и я долженъ былъ прервать мое молчаніе.* Обращавшимся же за всѣ эти годы прямо и словесно ко мнѣ — я всегда открывалъ правду.

Во время печатанія «Современной жрицы Изиды» я убѣдился, что весьма многіе смотрятъ на эти статьи именно какъ на исполненіе мною моего прямого передъ обществомъ долга; кромѣ того я получалъ письма отъ людей, мнѣ даже лично неизвѣстныхъ, благодарившихъ меня за мой трудъ, который мнѣ-то самому ужъ никакъ не могъ доставить удовольствія, а былъ только *неизбѣжной* тягостью. Смыслъ моихъ статей отмѣтило и «Русское Обозрѣніе», прежняя редакція котораго неосмотрительно помѣстила у себя «заклинанія» г-жи Желиховской. Въ ноябрьской книгѣ этого журнала за 1892 годъ, г-нъ Л. Тихомировъ пишетъ: «г-жа Блаватская, основательница Теософическаго общества, имѣла безъ сравненія болѣе вліянія и извѣстности за границей, нежели у насъ. Тѣмъ не менѣе, при имѣющихся у насъ элементахъ сектантскаго мистицизма, она, хотя по смерти, могла бы перенести свое вліяніе и къ намъ. Поэтому нельзя безъ живого любопытства читать статей Всев. С. Соловьева «Современная жрица Изиды», въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Мой разсказъ, *подтверждаемый приводимыми мною документами*, готовыми для какой угодно экспертизы, служить значительнымъ дополненіемъ къ весьма обстоятельному разслѣдованію многихъ чудесъ Блаватской, опубликованному Лондонскимъ психическимъ обществомъ. Съ этимъ трудомъ Лондонскаго общества, совершенно доселѣ у насъ неизвѣстнымъ, я знакомлю, въ переводѣ, моихъ читателей. Что же касается свѣдѣній, сообщенныхъ г-жей Желиховской въ «Русскомъ Обозрѣніи», — тамъ, гдѣ я ихъ касался, фантастичность ихъ мною объяснена и доказана, не голословными заявленіями, а фактами противъ которыхъ возразить *тщательно нечего*.

Такимъ образомъ г-жа Желиховская оказалась, разумѣется, въ крайне обидномъ положеніи передъ вызваннымъ ею духомъ, съ которымъ ей никогда не справиться. Кто же виноватъ, если особа, разрѣшившая себѣ, подъ видомъ правды, разсказывать публикѣ, на нѣсколькихъ печатныхъ листахъ, разнообразныя и зловредныя выдумки, — должна нести послѣдствія такого дѣянія!

Но г-жа Желиховская — дама сердитая, рѣшительная, безъ предразсудковъ. Къ тому же, послѣ моей «Изиды», и терять то ужъ ей нечего. Приготовила г-жа Желиховская свой «отвѣтъ» на мою «Изиду» и, такъ какъ «Русскій Вѣстникъ», вслѣдствіе особенностей содержанія этого «отвѣта», отказался его печатать, — издала его «отдѣльной брошюрой». Предварительно г-жа Желиховская заявила въ «Новомъ Времени», что эта ея брошюра будетъ *«стилошъ»* составлена изъ моихъ писемъ и отвѣтовъ мнѣ лицъ, *задѣтыхъ* моей сатирой(!) и ясно докажетъ фантастичность всѣхъ моихъ изобличеній какъ Е. П. Блаватской, такъ и ея самой, г-жи Желиховской».

Это произведеніе сестры «основательницы теософическаго общества» появилось 1-го апрѣля. Первое апрѣля — «день обмановъ», — *обманомъ*, да еще и какимъ! далеко не невиннымъ!! — оказалась эта такъ внушительно оповѣщенная брошюра..

Г-жа Желиховская сама однако и показываетъ своимъ читателямъ какъ именно надо относиться къ ея сообщеніямъ. На стр. 125

своей брошюры она прямо открываетъ, что способна не только на «полубезуміе», но и на полное «безуміе» — и, въ такомъ состояніи, ничего не помнитъ; что, подъ вліяніемъ раздраженія, она даетъ свои показанія «въ самомъ крайнемъ, преувеличенномъ раздраженіемъ смыслъ».

Ну, а что она раздражена противъ меня и доведена до безумія послѣ «Изиды» — въ этомъ, конечно, никто не можетъ сомнѣваться!

Свою новую «правду» г-жа Желиховская начинаетъ съ такого дѣйствія: *печатно заявить*, что ея брошюра *сплошъ* составлена изъ моихъ писемъ и отвѣтовъ мнѣ «лицъ» — она печатаетъ моихъ писемъ 20 страницъ; отвѣтовъ мнѣ «лицъ» 4½, страницы — *всего 24½, страницы* изъ 177-ми, составляющихъ брошюру. *Остальныя 152½, страницы* — суть собственные разглагольствованія и голословныя увѣренія г-жи Желиховской. На ея языкѣ это называется: «*сплошъ*». Ну какъ же не 1-е апрѣля и не «самый крайній, преувеличенный смыслъ!»

I. Мои письма.

Однако это только первая и наимельчайшая изъ погрѣшностей г-жи Желиховской. Вѣдь и на двадцати малыхъ страницахъ могутъ быть помѣщены совсѣмъ убивающія меня письма. Нечего объяснять, что моя противница выбрала изъ своего запаса самыя ужасныя, уличающія меня строки, а все другое — опустила. При ея обѣщаніи «ясно доказать ими фантастичность моихъ изобличеній» и зная, что *такихъ* писемъ я никогда, конечно, не писалъ — что могъ я подумать? Я полагалъ, что... г-жѣ Желиховской доставлены теософами не мои письма и что мнѣ придется доказывать это при помощи экспертовъ. И что же! это отрывки и надерганныя строки изъ моихъ, несомнѣнно моихъ писемъ: я хоть и не видалъ ихъ и не могу помнить каждаго слова, написаннаго мною девять и восемь лѣтъ тому назадъ, но не выражаю никакого сомнѣнія въ ихъ подлинности. Я, вмѣстѣ съ каждымъ внимательнымъ и добросовѣстнымъ читателемъ моей «Изиды», ознакомившемся и съ этой «брошюрой», долженъ только изумляться — зачѣмъ понадобилось г-жѣ Желиховской печатать эти отрывки, которые, отъ перваго и до послѣдняго слова, ничуть не компрометируютъ правдивость моего разсказа, а нѣкоторые служатъ отличнымъ его подтвержденіемъ и дополненіемъ.

Расчитывая *единственно на читателей, совершенно незнакомыхъ съ моей «Изидой»*, г-жа Желиховская останавливается, главнѣйшимъ образомъ, на письмахъ моихъ 1884 и первой половины 1885 года, т. е. времени моего искреннѣйшаго участія и большой жалости лично къ Блаватской и колебанія относительно окончательнаго взгляда на *всѣ* ея феномены. Вотъ, дескать, какого онъ былъ высокаго

о ней мнѣнія и какъ увлекался! Если же его письма къ ней и ко мнѣ были неискренни — то какое коварство и т. д. и т. д.! Однако вѣдь я самъ въ «Изидѣ» (стр. 33, 59, 65, 75 — 77, 86—87, 88, 96—97 и др.) откровеннѣйшимъ образомъ разсказалъ и о моемъ увлеченіи, усиленномъ разстроенными тогда моими нервами, и о моемъ *исканіи* что въ Блаватской и ея феноменахъ истинно, а что ложно, и о моемъ двойственномъ чувствѣ къ этой удивительной женщинѣ, то привлекавшей къ себѣ до глубокой жалости, то отталкивавшей отъ себя до еще болѣе глубокаго отвращенія. Я не скрылъ ничего—и всякій безпристрастный, разумный чело-вѣкъ, прочтя «Изиду», почувствуетъ психическую вѣрность моего разсказа, а также сниметъ съ меня обвиненіе въ коварствѣ. Съ какой же стати г-жа Желиховская силится выламывать двери, мною самимъ открытыя настежь?!

Только послѣ событій въ Вюрцбургѣ я избавился отъ чувства жалости къ Блаватской. Только въ Петербургѣ, въ концѣ 1885 года, узнавъ роль Блаватской въ «исторіи Могини» и *выслушавъ всѣ показанія г-жи Желиховской и ея близкихъ о «нашей жрицѣ Изиды»*, я пересталъ колебаться. Факта и свойства своихъ показаній не отрицаетъ и сама г-жа Желиховская (стр. 124—125 брошюры); только, конечно, въ очевидное противорѣчіе со своими же письмами, говоритъ теперь, что я ихъ выпытывалъ, а она давала ихъ «въ безуміи» и давала показанія... невѣрные. Но какъ г-жу Желиховскую, такъ и свидѣтелей, на которыхъ она указывала, я безумными не считалъ, и не могъ думать, что сестра показываетъ на свою сестру самыя ужасныя вещи... невѣрно. Отъ такихъ показаній родной сестры Блаватской я пришелъ въ ужасъ и рѣшилъ, что далѣе ее щадить на основаніи личныхъ отношеній, потому, что она сама—«необыкновенный феноменъ», талантлива и моя соотечественница, — *невозможно*.

Рѣшивъ это, я надѣялся, что мнѣ не придется прервать задолго еще передъ тѣмъ начатаго моего молчанія на ея письма. Прошло и два, и три, и четыре мѣсяца. Я былъ давно ужъ свободенъ отъ послѣдняго, даннаго мною ей обѣщанія (см. «Изиду» стр. 219). Я узналъ, главнѣйшимъ образомъ изъ столь «вѣрнаго», какъ тогда думалъ, источника, т. е. отъ ея сестры, такіе ужасные факты, что, при необходимости написать ей, не могъ ограничиться насмѣшливымъ тономъ моихъ послѣднихъ ей писемъ. Подробности ея участія въ «новѣйшихъ» событіяхъ оказались такъ отвратительны. Madame де Морсье просила меня положить предѣлъ дальнѣйшимъ злонамѣреннымъ дѣйствіямъ Блаватской. Наконецъ знаменитая «исповѣдь» *посланницы махатмъ* довела меня до весьма понятнаго, крайняго возмущенія. Поэтому рѣзкій, уже безъ всякихъ церемоній, тонъ моего отвѣта на «исповѣдь»—вполнѣ естественъ. И вотъ, г-жа Желиховская приводитъ (стр. 131 — 134 ея брошюры) это письмо мое, каждое слово котораго, отъ перваго и до послѣдняго, является *подтвержденіемъ* моего разсказа въ «Изидѣ». Я-то очень ей за это благодаренъ, но зачѣмъ ей понадобилось такое письмо—непонятно!

Такимъ же подтвержденіемъ разсказаннаго мною окажутся, для внимательнаго читателя «Изиды», приводимые отрывки и изъ другихъ моихъ писемъ. Но все же я дамъ здѣсь всѣ разъясненія, которыя заинтересованный и внимательный читатель можетъ *проверить*—съ «Изидой» и «брошюрой» въ рукахъ.

На стр. 47 своей брошюры г-жа Желиховская приводитъ такіа мои строки изъ письма 1884 года: «Но вотъ фактъ (что именно до этихъ словъ я писалъ о Блават.—неизвѣстно, *а было бы интересно знать это*). Тамъ же (въ Эльберфельдѣ) я получилъ, къ великой зависти теософовъ, собственноручную записку Кутъ-Хуми и даже на русскомъ языкѣ. Что она очутилась въ тетради, которую я держалъ въ рукѣ, *меня нисколько не удивило*,—я *это заранее предчувствовалъ и почти зналъ*. Но поразило меня то, что въ этой записочкѣ говорилось ясно и опредѣленно именно о томъ, о чемъ мы говорили за минуту! Въ ней былъ отвѣтъ на мои слова, — а въ теченіе этой минуты я стоялъ одинъ, никто не подходилъ ко мнѣ и, если предположить, что кто нибудь заранее положилъ въ тетрадь записочку, то этотъ *кто нибудь*, значить, овладѣлъ моей мыслью и заставилъ меня сказать тѣ слова, прямой отвѣтъ на который находился въ записочкѣ. Этотъ изумительный феноменъ я отчетливо наблюдалъ нѣсколько разъ надъ собою и надъ другими. Какова сила! *А рядомъ съ этой силой, какое иногда безсиліе!*» Этотъ курьезный «феноменъ», одинъ изъ равныхъ, произошелъ въ Эльберфельдѣ, осенью 1884 года. *Къ моему большому сожалѣнію* я не могъ разсказать о немъ въ «Современной жрицѣ Изиды», такъ какъ *русское письмо Кутъ-Хуми* у меня затерялось, а я приводилъ въ моемъ разсказѣ *только тѣ письма, подлинники которыхъ хранятся въ цѣлости*. Но какъ же можно выставить это письмо какъ доказательство моей полной вѣры, когда въ немъ заключается подчеркнутая фраза: *«меня нисколько не удивило—я это заранее предчувствовалъ и почти зналъ?»*

Что же могутъ означать эти слова какъ не то, что я ужъ и тогда сохранялъ настолько наблюдательности, чтобы подмѣтить подготовленія Блаватской къ феномену и даже предчувствовать и почти знать въ чемъ именно онъ будетъ заключаться? Впослѣдствіи я уже заранее прямо зналъ въ чемъ будетъ «феноменъ» (см. «Изида»—стр. 204). И такъ, *я не удивился* найдя записку Кутъ-Хуми въ тетради, которую держалъ въ рукахъ (это были «Голубыя горы», слогъ и правописаніе которыхъ я исправлялъ по просьбѣ Блаватской), но пораженъ былъ тѣмъ, что «въ ней говорилось именно о томъ, о чемъ мы говорили за минуту. Изъ дальнѣйшихъ моихъ словъ ясно, что я тогда еще, недостаточно изучивъ Блаватскую, былъ склоненъ объяснять это «внушеніемъ» (фактъ, возможность котораго нынѣ доказывается нѣкоторыми учеными! — и, конечно, имѣлъ право воскликнуть: какова сила!»

Однако я тутъ же прибавляю: «*А рядомъ съ этой силой, какое иногда безсиліе!*»—и слова эти, кажется, ясно говорятъ за себя.

Но, въ концѣ концовъ, уже въ Вюрцбургѣ, въ началѣ осени 1885 года, я убѣдился, что Блаватская вовсе не «внушала», а съ

необыкновенной иной разъ ловкостью, если только не слѣдить за каждымъ ея словомъ, за выраженіемъ ея лица, движеніями и т. д., наводила разговоръ на извѣстную тѣму и подводила такъ, что произносились слова, необходимыя для эффекта «феномена». Объ этомъ я достаточно сказалъ въ «Жрицѣ Изиды».

Нужно ли мнѣ еще объяснять, что я не могъ иначе выразиться какъ «собственноручное письмо Кутъ-Хуми»? Я вѣдь не зналъ еще кто именно писалъ полученныя мною строки, ибо до экспертизы Нэтсерклифта, доказавшей, что почеркъ Кутъ-Хуми родился изъ почерка Блаватской, — было очень далеко. Именно тогда, въ Эльберфельдѣ, я склоненъ былъ думать, что *пишетъ* Олкоттъ, и только приписка Кутъ-Хуми, въ письмѣ Блаватской, полученномъ мною позднѣе, заставила меня отказаться отъ этого мнѣнія и, всмотрѣвшись хорошенько въ почеркъ, призвать въ немъ искусную руку Блаватской. Чѣмъ же *меня* посрамляетъ, въ какомъ бы ни было отношеніи, приведенная выписка?!

Но *себя* г-жа Желиховская посрамляетъ тотчасъ же. Она весьма «извѣтельно» пишетъ: «Теперь онъ (т. е. я) измыслилъ водевильную сцену (см. «Изиду», стр. 85, 86), въ которой моя сестра посылаетъ наверхъ за Олкоттомъ; вопрошаетъ его: «съ какой стороны» чувствовалъ онъ приближеніе «учителя»; приказываетъ ему опорожнить карманъ. гдѣ и находится сфабрикованная записка Моріи (онъ забылъ, что тогда называлъ его не Моріей, а Кутъ-Хуми); но—въ то время,—о «карманѣ Олкотта» и рѣчи не было! Онъ самъ, г. Соловьевъ, хвастался (?!), что *непосредственно* получилъ записку «учителя» и т. д.»

Дѣло въ томъ, что «феноменъ» записки Кутъ-Хуми въ читавшейся мною тетради, и «феноменъ» записки *Моріи* въ карманѣ Олкотта—суть два различныхъ «феномена», происшедшіе другъ отъ друга на разстояніи трехъ дней и между которыми нѣтъ ровно ничего общаго. Значить я не «забылъ, что тогда называлъ его Моріей, а не Кутъ-Хуми». Значить я не «замѣнилъ инцидентъ» съ запиской Кутъ-Хуми, вовсе неразсказанный мною по вышеобъясненной причинѣ, «запиской Моріи, найденной въ карманѣ Олкотта, между пуговкой и зубочисткой». Но, быть можетъ, г-жа Желиховская совершила эту свою *передержку* по незнанію? Нѣтъ, она совершила ее вполне сознательно: она объявляетъ, что копія моего разсказа изъ журнала «Лондонскаго Общ. для психич. изслѣдованій», о томъ какъ мнѣ привидился М. (Моріа)—находится у нея. Она даже дѣлаетъ изъ нея выписки (брошюра. стр. 45). Ну, а въ этомъ моемъ разсказѣ, помѣченномъ 1 октября (по нов. стилю) 1884 года, *напечатано*: «*Le soir du même jour M. Olcott a trouvé dans sa poche un petit billet, que tous les théosophes ont reconnu pour être de l'écriture de M. (Moria), conçu en ces termes: «Certainement j'étais là, mais qui peut ouvrir les yeux à celui qui ne veut pas voir? M.»*»*)

*) «Вечеромъ того же дня г. Олкоттъ нашелъ у себя въ карманѣ записочку, написанную, какъ признали всѣ теософы, почеркомъ М. (Моріи), въ такихъ выраженіяхъ: „конечно я тамъ былъ, но кто можетъ открыть глаза нежелающему видѣть? М.“»

Кажется ясно. Увы! Это лишь одинъ изъ малыхъ образчиковъ добросовѣстности и правдивости моей «почтенной» противницы!

Что я не намѣревался убѣждать членовъ Лонд. Психич. Общества въ *реальности* моего свиданія съ Морией, доказывается не только ихъ дальѣйшимъ, напечатаннымъ въ «отчетѣ» заявленіемъ, но и послѣдними словами моего разсказа: «*Je dois dire qu'à peine revenu à Paris, où je suis actuellement, mes hallucinations et les faits étranges qui m'entouraient, se sont complètement dissipés*» *).

Наконѣтъ мое сомнѣніе доказывается моими словами въ письмѣ къ г-жѣ Желиховской отъ $\frac{1}{2}$ Ноября 1884 года: «Вамъ желательно знать, что интимнаго говорилъ мнѣ Моріа. Да кто говорилъ? Моріа-ли? Я сильно въ этомъ сомнѣваюсь» (брошюра, стр. 47). Зачѣмъ г-жа Желиховская приводитъ такіе отрывки изъ моихъ писемъ, служащіе ей самую плохую службу,—это рѣшительно непонятно!

По возвращеніи изъ Эльберфельда я нѣкоторое время чувствовалъ себя лучше; но затѣмъ, и особенно къ концу 1884 года, нервы мои опять расходились. Поэтому немудрено, что мнѣ одинъ разъ (къ тому же я сильно натрудилъ себѣ глаза чтеніемъ рукописей) почудилась Блаватская въ своемъ черномъ балахонѣ. Находясь въ перепискѣ съ г-жей Желиховской и просто, искренно и шутливо говоря съ ней обо всемъ (я съ поразительной откровенностью *спиритъ тогда ея добродѣтелямъ и дружбѣ*)—я разсказалъ ей и этотъ случай, прибавивъ: «что-жь это такое? Опять вопросъ вашъ: галлюцинація или нѣтъ? Да я же почему знаю!? Что отъ этого можно съ ума сойти—это вѣрно! но я постараюсь этого не сдѣлать».

Она приводитъ (стр. 95) и это письмо—какъ доказательство чего? тогдашняго разстройства моихъ нервовъ?! но вѣдь я самъ говорю объ этомъ въ «Изидѣ»! Раньше того и колокольчики слышались, и дуновенія какія-то я очень явственно ощущалъ, а однажды (этого г-жа Желиховская даже еще и не знаетъ!!) я, минуты двѣ, слышалъ вокругъ себя шуршаніе невидимаго шелкового платя! Слушалъ, слушалъ—шуршитъ, да и только! Лечение холодной водой, извѣстный режимъ и временное прекращеніе сильныхъ занятій, главное же—удаленіе отъ всякихъ «теософическихъ» чудесъ—совершенно прекратили всѣ эти явленія. Съ какой же бы стати сталъ я подробно, по номерамъ и пунктамъ, описывать ихъ въ «Изидѣ», давно ужъ и отлично зная ихъ происхожденіе?!

Письмо мое къ Блаватской о Рипшэ и о томъ, что я подружился съ m-me Аданъ, писано въ явно *насмѣшливомъ тонѣ* и совершенно объясняется обстоятельствами того времени. Я былъ у m-me Аданъ по случаю печатавшагося тогда въ ея журналѣ «Nouvelle Revue» моего разсказа «Магнитъ». Я видѣлъ эту извѣстную литературную и политическую даму всего второй разъ—и вотъ она, вѣроятно разсчитывая, что я напечатаю въ Россіи «интервью» съ нею,

*) «Я долженъ сказать, что, по возвращеніи въ Парижъ, гдѣ я теперь нахожусь, мои *галлюцинаціи* и странные факты, меня окружавшіе, совершенно исчезли.»

стала мнѣ, положительно какъ старому другу, рассказывать всякія подробности о своей дружбѣ съ Скобелевымъ и съ Гамбеттой, о всякихъ чудесахъ, а подъ конецъ посвятила меня въ фактъ своего язычества. Да, она тогда была язычницей, исповѣдывала *языческій культъ*, съ жертвоприношеніями древнимъ богамъ и богинямъ! Услыша все это я посовѣтовалъ ей, стараясь казаться серьезнымъ, лучше ужъ обратиться къ теософіи и взять подъ свою защиту Блаватскую. Она просила у меня и впредь моего сотрудничества, просила писать ей, говорила, что аккуратно будетъ отвѣчать мнѣ. словомъ—была очень, очень любезна, какъ истая парижанка. А я, грѣшный человѣкъ, уѣхалъ въ Россію, не напечаталъ «интервью» съ нею, никогда не написалъ ей ни слова. Такъ и кончилась наша взаимная дружба...

На новые вопросы Шарля Ришэ (ибо у насъ и прежде шли съ нимъ толки о Блаватской и онъ зналъ, что я добиваюсь разоблачить *правду*) я отвѣтилъ, что Блаватская не простая авантюристка, а весьма талантливая и необыкновенная женщина, что она, очевидно, такъ называемый *медиумъ*, хотя и ослабѣвшій (это и есть «ея личная сила и феномены, отъ нея исходящіе»). Что же касается его *третьяго* и важнѣйшаго вопроса относительно *теософическихъ* феноменовъ и *ея* махатмъ—я заявилъ, что полное и, по возможности, документальное объясненіе я представлю черезъ два, самое большее черезъ три мѣсяца. Я объяснилъ ему причину этого (см. «Изида», стр. 219).

Блаватской же я писалъ о бесѣдѣ съ Ришэ (какъ и о m-me Адавъ) въ насмѣшливомъ тонѣ, весьма обычномъ въ моихъ къ ней письмахъ, а въ данномъ случаѣ, послѣ всѣхъ Вюрцбургскихъ чудесъ, мнѣ законно хотѣлось *подчеркнуть*, что я жду только два—три мѣсяца, что я возмущенъ апломбомъ, съ которымъ она сдѣлала мнѣ свои предсказанія. Я и писалъ, дразня ее и спрашивая: *вѣдь не привиди ли—все исполнится, все будетъ какъ вы сказали? ибо не играли же вы мной какъ птшикой? И все закончится вашимъ триумфомъ и уничтоженіемъ психистовъ? вѣдь да? такъ оно и будетъ?* —Могу себѣ представить какъ выходила изъ себя Блаватская, читая эти поддразнивающія строки! На этомъ письмѣ, прямо объясняющимся моимъ рассказомъ («Изида» стр. 219) и его подтверждающимъ, стараются построить обвиненіе меня въ томъ, что я *желалъ обманывать Ришэ*. На его письмо, приведенное мною на стр. 35 «Изиды» не обращаютъ вниманія, хотя слова: «Peut-être réussira-t-elle (Блаватская). En tout cas ce ne sera ni votre faute, ni la mienne»—достаточно ясны. Ну такъ вотъ *новѣйшее* письмо Ришэ, присланное имъ мнѣ какъ «удостовереніе» и ниже мною помѣщаемое—окончательно выяснитъ вопросъ о томъ «какъ» я его «обманывалъ,» а также докажетъ «правдивость» г-жи Желиховской.

Приводя, на стр. 96 «Изиды» письмо Блаватской съ замѣчательной «припиской Кутъ-Хуми,» я упоминаю о томъ, что «не сталъ искать» какую то хромо-фотографистку Tcheng, о чемъ меня просила въ томъ же письмѣ Блаватская, прибавляя, что эта особа «не должна ни видѣть, ни знать меня.» Я дѣйствительно не искалъ

ее, никогда не видѣлъ и не знаю, что эта за особа. Но я забылъ (*ужасная*, черезъ 8 лѣтъ!—ошибка моей памяти!!) что кто-то, не то м-ше де-Морсье, не то г-жа А. (а можетъ быть и кто нибудь и другой) дали мнѣ о ней свѣдѣнія и я написалъ Блаватской: «хромо-фотографистка съ китайской фамиліей живетъ именно тамъ, находится въ настоящее время въ Парижѣ и занимается не только изготовленіемъ портретовъ, но и изготовленіемъ какихъ-то статей въ здѣшнія газеты «Gaulois» и «Gil Blas.» Хотя это и *мельчайшая мелочь* и къ *дѣлу* не имѣетъ никакого отношенія, но г-жа Желиховская подбираетъ эту соломенку и, конечно, старается раздуть ее.

Но *какъ* же она ее раздуваетъ?! *Послѣ перерыва, съ другой строки*, она приводитъ слова изъ моего шутиваго письма: «М-ше de Morsier увѣряетъ, что я ее сегодня загипнотизировалъ, а гипнотизація эта заключается въ томъ, что она васъ ужасно полюбила...» (брошюра, стр. 49, 50). Кто же такъ странно *загипнотизировалъ* г-жу Желиховскую, что она, вопреки здравому смыслу и смыслу русскаго языка, относитъ эти слова не къ м-ше Морсье, къ которой они прямо относятся, а къ невѣдомой, никогда и нигдѣ не виданной мною особѣ съ китайской фамиліей?! Гдѣ же это я «пишу, что мы съ м-ше де-Морсье принимали эту Ченгъ и говорили съ ней о Блаватской?!» Богъ знаетъ, что такое! новая курьезная галлюцинація г жи Желиховской!

Про «Isis Unveiled» и въ «Совр. Жр. Изиды» я не разъ пишу, что не только тогда, но и теперь считаю ее для Блаватской—своего рода *замѣчательнымъ феноменомъ*, только теперь я знаю происхожденіе этой компиляціи, а *тогда*, не зная, я былъ пораженъ мнимой ученостью Блаватской.

По всему этому *что же доказываютъ* письма на страницихъ 39, 40, 46?

Въ концѣ стр. 50—приведенъ отрывокъ о томъ, что Бэссакъ писалъ *тогда*, какъ сказалъ мнѣ, сочувственную статью о «теософіи», о чемъ я упомянулъ и въ «Изидѣ.» Онъ очень хотѣлъ видѣть Могини ради этой статьи и я писалъ объ этомъ Блаватской. Къ чему же это письмо!?

На стр. 51—такъ же безцѣльное письмо и, вдобавокъ, въ немъ явно насмѣшливая фраза: «*чудесъ не оберешься!*»

Въ «Изидѣ» говорится, что осенью 1884 г., въ Эльберфельдѣ, я такъ разчувствовался, видя «прекрасно сыгранную искренность и горе Блаватской», что поколебался и боялся думать, что она *такъ ужъ* обманываетъ. Я спрашивалъ себя: «а вдругъ моя подозрительность идетъ слишкомъ далеко? а вдругъ тутъ есть и правда?» Два обрывка на стр. 52 *только подтверждаютъ эту страницу «Изиды.»*

Шутиливое письмо на стр. 54—55 безцѣльно—и приведено только ради темной инсинуаціи, касающейся *совѣсть* посторонняго предмета.

Стр. 63—отрывокъ изъ моего письма о томъ, что мнѣ нѣтъ дѣла до «Общества» и что я подозрѣваю Блаватскую въ поддѣлкѣ нѣкоторыхъ «феноменовъ,» но все же люблю ее лично—не только без-

цѣлентъ, а является лишь прямымъ подтвержденіемъ словъ моихъ въ «Изидѣ.» Г-жа Желиховская нарочно не приводитъ цѣльнаго письма, а выдергиваетъ и разбиваетъ его на части. А цѣлое еще было бы рельефнѣе, какъ полнѣйшее выясненіе моихъ тогдашнихъ отношеній къ Блаватской.

Стр. 69—доказываетъ только, что, какъ я и говорю въ «Изидѣ,» тогда мы еще ничего не знали и я не могъ вѣрить еще, *хоть и подозревалъ Блаватскую во многомъ*, такимъ ужаснымъ *задостамъ*, въ которыхъ ее обвиняли Куломбы. Вѣдь тогда еще не было разслѣдованія «Общ. Псих. Изслѣд.» и я ничего не зналъ, а самъ еще не *убѣдился* и только хотѣлъ знать правду. Меня дѣйствительно глубоко возмущалъ тогда этотъ ужасный скандалъ за Блаватскую, какъ за русскую. Хоть и подозревающій ее во многомъ—я вѣдь еще ни на что не имѣлъ явныхъ доказательствъ, я думалъ, что рядомъ съ обманомъ есть и настоящія, психическія ея силы и говорилъ: «позвольте, этакихъ-то ужасовъ ужъ не можетъ быть, это ужъ вѣрно клевета не нее и, во всякомъ случаѣ, прежде, чѣмъ вѣрить, надо изслѣдовать.»

Точно такъ-же какъ и я—думало и «Общ. Псих. Изсл.»—и учредило комиссію, послало въ Индію Годжсона, который самъ пишетъ, что ѣхалъ увѣренный, что это клевета и измѣнилъ свое мнѣніе только въ виду явныхъ уликъ и доказательствъ. Вотъ мнѣ и надо было *увидѣться* съ нею—*чтобы распутать все это* и окончательно убѣдиться, насколько велика ея виновность. Еслибы она убѣдила меня, что невинна—я былъ бы очень счастливъ.

Стр. 96. Я сожалею о вѣроятности скорой смерти Блаватской—ну такъ что-жь?

Стр. 97. Я говорю по поводу дѣла Комарова при Кушѣ, что близится время, когда русскій человѣкъ и индусъ сойдутся—ну такъ что-жь?

Стр. 100. Я желаю свидѣться съ Блаватской, говоря о томъ, что еслибы, какъ предполагалъ сначала, весной поѣхалъ въ Италію, такъ случайно встрѣтился бы съ нею. Рассказываю о парижскомъ кружкѣ и смѣюсь надъ дюшессой Помаръ—все это можетъ служить дополнительнымъ примѣчаніемъ къ разсказу объ этомъ времени въ «Изидѣ». Ну такъ что-жь?—спрашиваю я еще разъ.

Стр. 113. Письмо это писано осенью 1884 г. и касается Могини. Я очень заинтересованъ былъ этимъ талантливымъ, развитымъ и прекрасно образованнымъ индусомъ. Даже, какъ видно изъ моего разсказа, согласился чтобы онъ пробылъ у меня въ домѣ три дня во время своего приѣзда въ Парижъ. Онъ читалъ лекцію у m-me Морсье.

«Говорилъ такъ хорошо, умно и, главное, кстати, что мнѣ сильно хотѣлось разцѣловать его браминское недотрожество моими опороченными винопитіемъ, мясоѣденіемъ и грѣховными поцѣлуями, устами (*хоть я и шучу, но г-жа Желиховская вѣрно скандализована «грѣховными поцѣлуями»—и печатаетъ эти слова мнѣ на пагубу*).

Хоть я извѣстенъ здѣсь за скептика, ведущаго борьбу со всякой оккультностью и даже съ вами, но все же, такъ какъ извѣстно

также, что я вашъ соотечественникъ и преданъ вамъ, какъ «Еленѣ Петровнѣ,» то мои слова могутъ показаться пристрастными и не произвести должнаго впечатлѣнія. Между тѣмъ Могини—это что-то вродѣ маленькаго непогрѣшимаго папы, въ устахъ коего нѣтъ ни лжи, ни пристрастія. (*Зачѣмъ эту послѣднюю фразу г-жа Желиховская печатаетъ жирнымъ шрифтомъ и подчеркиваетъ—неизвѣстно. Вѣдь ясно, что это мнѣніе не мое, а парижскаго кружка. Да еслибъ это было и мое тогдашнее мнѣніе—такъ что-жъ изъ этого слѣдуетъ?*) Въ виду этого я просилъ его повѣдать намъ все, что онъ знаетъ про васъ и сдѣлать характеристику. (*Вѣдь это дѣйствительно было весьма интересно для всѣхъ, а для меня тогда въ особенности. Какъ они познакомились? гдѣ? когда? признаетъ ли Могини «оккультныя силы» Блаватской? Онъ утверждалъ—какъ вспоминаю я, наведенный на эти воспоминанія того дня моимъ письмомъ,—что «психическія силы» Блаватской огромны.*) Онъ приступилъ къ этому прекрасно и началъ производить сильное впечатлѣніе. Но такъ какъ онъ думалъ ѣхать съ вечернимъ поѣздомъ, то, взглянувъ на часы, я убѣдился, что надо прервать немедля начатый разговоръ, спѣшить за его вещами ко мнѣ, накормить его и скорѣе на поѣздъ—не то опоздаетъ... (*кто здѣсь поставилъ точки—я или г-жа Желиховская—не знаю*). Вдругъ со мною случилось нѣчто странное! Я весь похолодѣлъ (трогали мои руки—какъ ледъ!) Голова пошла кругомъ, я закрылъ глаза; отъ меня, на бывшаго тутъ сомнамбула, Эдуарда, пошло нѣчто, отъ чего онъ сталъ всхрипывать—и вотъ я, съ закрытыми глазами,—увидѣлъ васъ и почувствовалъ, что вы желаете, чтобы Могини остался до утренняго поѣзда.

Тутъ опять не знаю чьи точки. Въ тотъ, для меня, печальной памяти 1884 годъ со мною было нѣсколько такихъ случаевъ, и три лечившихъ меня въ Парижѣ доктора знаютъ это и каждый врачъ, думаю, можетъ назвать, если не объяснить, подобную болѣзнь. Я внезапно холодѣлъ, чувствовалъ дурноту и слабость, передъ закрытыми глазами непремѣнно вырисовывалось чье либо лицо или какая нибудь сцена—и всегда съ «опредѣленной мыслью». Потомъ, очень скоро, все безслѣдно проходило. Эта болѣзнь, слѣдствіе слишкомъ долго потрясавшихся нервовъ, очевидно была серьезна, но мой выносливый и тогда молодой еще организмъ, по счастью, побѣдилъ ее.—Что мнѣ дѣйствительно тогда сдѣлалось дурно—это доказывается тѣмъ, что мои руки были холодны какъ ледъ, по свидѣтельству присутствовавшихъ. Что мнѣ представилось лицо именно Блаватской—это объясняется исключительно на ней сосредоточеннымъ вниманіемъ и разсказами о ней Могини. По приведеннымъ въ письмѣ соображеніямъ я самъ очевидно подумалъ, что хорошо бы Могини остаться до утра и эта мысль, естественно, присоединилась къ образу Блаватской. Теперь, черезъ девять лѣтъ, я очень хорошо знаю, что нечего искать въ этомъ нервномъ, болѣзненномъ явленіи какой-нибудь «передачи на разстояніи мысли и желанія» (фактъ возможный, окрещенный нынѣ именемъ «телепатіи»); но тогда... тогда и я и всѣ были въ поискахъ за «феноменами» и, главное, за феноменами Блаватской, тогда, какъ говорить въ своемъ письмѣ,

приводимомъ мною, Шарль Ришэ. «nous étions tous déroutés». Меня спросили, что такое со мною—и я рассказалъ. Тогда рѣшено было сдѣлать опытъ и узнать, дѣйствительно ли «madame» передала на разстояніи свою мысль. Могини мы упросили остаться и докончить его блестящую бесѣду, показавшуюся достаточно убѣдительною.

«Теперь, понятное дѣло, всѣ ждутъ знать, что это такое было: дѣйствительная передача на разстояніи вашей мысли и желанія, ваше магнетическое на меня вліяніе—или моя фантазія, а пожалуй даже и выдумка. Больше всѣхъ, конечно, интересуюсь этимъ я, а потому прошу васъ не оставить насъ въ неизвѣстности. Если это было вѣрно, то пусть Могини немедленно сообщить объ этомъ м-ме де-Морсье, пока Драмаръ еще не уѣхалъ. Жду отъ васъ вѣсточку, будьте здоровы и крѣпки. Подпись».

Это я писалъ Блаватской по просьбѣ и порученію кружка. Письмо мое было послано къ ней съ Могини. Легко понять, что еслибы Могини просто написалъ м-ме де-Морсье, что Блаватская говоритъ: «да, желала и передала свою мысль на разстояніи» — это никого не убѣдило бы, даже лицъ всего болѣе увлекавшихся. Для удачи опыта мы, конечно, ждали чего нибудь особеннаго, доказательнаго, а не голословнаго утвержденія. Но *опытъ не удался*—и было рѣшено, что это не случай «телепатіи», а мое субъективное, нервное явленіе.

Для чего же приведено это письмо? Что Могини былъ интересенъ, великолѣпно говорилъ, что всѣ, а я пуще всѣхъ, хотѣли знать какъ можно больше о Блаватской и ея феноменахъ, что у меня въ то время были разстроены нервы, что я, не рѣшивъ еще капитальнаго вопроса о степени ея преступности, былъ расположенъ къ ней и готовъ былъ, пока это позволяла совѣсть, защищать ее, какъ мое соотечественницѣ, передъ иностранцами — все это и безъ того извѣстно читателямъ «Современной Жрицы Изиды»! Г-жа Желиховская приводитъ это письмо «для полной характеристики моихъ отношеній къ лицамъ, замѣшаннымъ въ новой сплетнѣ», — т. е. бывшей черезъ годъ послѣ того исторіи Могини и миссъ Л., — а я привожу его какъ *дополненіе* къ страницѣ 98-й «Изиды», ничуть не идущее въ разрѣзъ съ моимъ рассказомъ. Я не считалъ *тогда* Могини ни обманщикомъ, ни лицемеромъ, какимъ онъ впоследствии оказался. Да и въ началѣ его исторіи съ миссъ Л. (пока не узналъ всѣхъ подробностей) не снѣшилъ со своимъ негодованіемъ, относительно *этого* дѣла. Только послѣ Вюрцбургскихъ *признаній* Блаватской и сцены съ письмомъ къ нему миссъ Л. (стр. 223 «Изиды») я ужъ не могъ, конечно, серьезно смотрѣть на интереснаго брамина. Въ первый же день по пріѣздѣ въ Парижъ я увидѣлъ у м-ме де-Морсье миссъ Л. и она показалась мнѣ настолько неинтересной (у каждого свой вкусъ — какъ оказалось), что я даже, подъ этимъ впечатлѣніемъ, снялъ съ Могини всякое обвиненіе и склоненъ былъ, въ данномъ случаѣ, считать его Юсифомъ. Блаватскую, назвавшую его «негодяемъ» — поторопившейся, а м-ме де Морсье — тоже поторопившейся довѣриться этой, уже далеко не юной дѣвицѣ. Все это, какъ оказывается изъ моего письма (на стр. 115, 116)

я сообщил м-ше де-Морсье и успокоилъ Блаватскую фразой: «глядя на нее (миссъ Л.), конечно, никто не заподозритъ бѣднаго Могини».

Но вѣдь я писалъ страницу 224 «Изиды» черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого,—хорошо зная продолженіе и конецъ этой скверной исторіи, и вовсе не обязанъ былъ понапрасну глумиться надъ миссъ Л. и надъ тѣмъ, что м-ше де Морсье «носила» съ этой обиженной. М-ше де-Морсье была очень сдержанна относительно «начавшейся исторіи» и мнѣ ничего опредѣленнаго не сказала, такъ что мнѣ могло показаться, что она отнеслась къ инциденту снисходительно. Я уѣхалъ въ Россію, тоже неопредѣленно сказавъ ей, что въ воздухѣ нѣчто болѣе опасное и относительно Могини, и относительно весьма многого, а что на *эту* исторію нечего обращать вниманія. Но я ошибался, и *эта* исторія, благодаря дальнѣйшей роли въ ней Блаватской, оказалась серьезной и характерной въ высшей степени. Я узналъ о ней въ Россіи, а затѣмъ, въ февралѣ 1886 года, ознакомился и съ документальной ея стороной.

Страница 52 и т. д. «брошюры» полны самыхъ *высокихъ* инсинуаций. Выдергивая фразы изъ моихъ писемъ 1884 года, г-жа Желиховская спрашиваетъ: что означаютъ мои слова: «Мнѣ нѣтъ дѣла до другихъ (*Олькотта и ближайшихъ къ Блаватской сообщниковъ*), мнѣ надо васъ вынести непричастной. Я не могу расписывать. Если захотите—для васъ будетъ ясно.»—Эти слова *означаютъ именно то*, о чемъ я говорю на страницѣ 65 «Изиды.» Они означаютъ, что въ то время, въ 1884 году, я имѣлъ еще наивность мечтать, что можно, если не сразу, то постепенно, отвратить Блаватскую отъ ея обманной и вредной дѣятельности, направить ея несомнѣнный талантъ и умственные силы къ честнымъ и полезнымъ дѣламъ. Я вѣдь еще не зналъ, изъ послѣдовавшихъ (въ концѣ 1885 г.) признаній г-жи Желиховской и разсказовъ многихъ въ Россіи, о томъ, что такое Блаватская, до какой степени она *безнадежна*, я вѣдь еще не получалъ ея пресловутой «исповѣди.» Она такъ разожгла снова мою къ ней жалость сценой въ Эльберфельдѣ (стр. 87—89 «Изиды»), что я не могъ тогда не колебаться то въ ту, то въ другую сторону. Я рассчитывалъ, что приводимыя мои слова, показавъ ей, что я лично ей преданъ, но въ то же время понимаю ея игру и вижу обманъ многихъ ея *феноменовъ*,—развяжутъ ей языкъ, если не на письмѣ, то при личномъ свиданіи, и дадутъ мнѣ возможность дѣйствовать, прежде всего *на ея же пользу*. Моего отношенія къ Блаватской я все время не скрывалъ и отъ парижанъ и ей писалъ объ этомъ въ письмѣ, приведенномъ г-жой Желиховской на страницѣ 114 ея брошюры. «Хоть я извѣстенъ здѣсь за скептика, ведущаго борьбу со всякой оккультностью и даже съ вами, но все же, такъ какъ извѣстно также, что я вашъ соотечественникъ и преданъ вамъ, какъ Еленѣ Петровнѣ... и т. д.»

Во мнѣ, наконецъ, что естественно при такихъ обстоятельствахъ, боролись противоположныя чувства, то жалость къ ней, то возмущеніе. И я просилъ ее пріѣхать, чтобы «договориться до чегонибудь по русски.»

Я отговаривалъ ее отъ *немедленнаго* выхода въ отставку, потому что это произвело-бы большой скандалъ. Я же скандала для нея среди иностранцевъ не хотѣлъ именно потому, что она была моя соотечественница, талантливая и, къ тому же, больная женщина. Я не хотѣлъ этого скандала не только въ 1884, но и въ 1886 году, и только такія ея дѣйствія и факты, послѣ которыхъ, для уважающаго себя человѣка ужъ не могло быть вопроса о «соотечественницѣ» и т. д.,—заставили меня отъ нея отступить. Вотъ ясное и простое объясненіе смонихъ словъ, согласныхъ съ «Изидой».

Больше «моихъ писемъ», или, вѣрнѣе, «кусочковъ» отъ нихъ,—нѣтъ. Ихъ больше нѣтъ не въ коллекціи г-жи Желиховской, а въ ея брошюрѣ, которая должна была состоять изъ нихъ, «сплошь» по печатному заявленію... правдиваго автора «Правды о Е. П. Блаватской».

Г-жа Желиховская и сама отлично понимаетъ, что приводимые ею отрывки меня ровно ни въ чемъ не уличаютъ, а разобранные по мѣстамъ, — напротивъ — лишь подтверждаютъ мой рассказъ и служатъ мнѣ на пользу. Тогда она, написавшая свою брошюру *якобы* на защиту «оклеветанной» моими воспоминаніями ея сестры, *снова цинично предастъ эту «сестру», какъ дѣлала и при ея жизни*, лишь бы нанести мнѣ ударъ. Она говоритъ, ничуть не смущаясь полной голословностью подобнаго заявленія, что у меня съ Блаватской были какія-то «секретныя аудіенціи», а затѣмъ весьма прозрачно и ясно намекаетъ, что я былъ не то «сообщникомъ» Блаватской, не то стремился, при ея посредствѣ, достигнуть чего-то таинственнаго и крайне предосудительнаго.

Но вѣдь чтобы выставлать такія обвиненія и дѣлать подобнаго рода намеки, она должна же привести хотя какія-нибудь ясныя доказательства,—скажетъ всякій! Нѣтъ!! г-жа Желиховская не такой человѣкъ, чтобы принять во вниманіе эту необходимость и смутиться такими *пустяками*! Она просто объявляетъ, что *могла-бы доказать многое, да у нея «нѣтъ уликъ»*. Потомъ говоритъ, что *я очень остороженъ—и ничею компрометирующаго меня не писалъ*. Наконецъ, забывая очевидно объ этой моей осторожности, и только-что приводимыхъ своихъ-же словахъ, заявляетъ, что *письма были, да сама она, по своей непростительной опрометчивости, ихъ велѣла сжечь!!*

Не правда-ли—такія слова г-жи Желиховской *невѣроятны*? А, между тѣмъ, вотъ:

«Зная, какъ тяготилась сестра моя просьбами г. Соловьева касательно помощи Махатмъ (*это тѣхъ-то Моріи и Кутъ-Хуми, въ существованіе которыхъ я не вѣрилъ, о чемъ неоднократно писалъ и Блаватской и Желиховской, и о чемъ писала сама Блаватская, называя меня «подозрителемъ» и «Θомой невѣрнымъ»*) въ томъ, что они, вѣроятно, признавали невозможнымъ (въ чемъ именно—я, не имѣя явныхъ уликъ, умалчиваю!...)» (стр. 137—138 брошюры).

«Но въ томъ то и дѣло, чтобы умѣть смолчать во-время. Этимъ Талейрановскимъ правиломъ и отличаются умные люди, хорошо умѣющіе говорить, а еще лучше—молчать. Въ это чреватое *обма-*

нами время (вотъ это *вѣрно!* — объ *обманахъ*-то я и толкую въ «Изидѣ»!) г. Соловьевъ старался никогда себя не компрометтировать, договаривая письменно о томъ, что трактовалось лишь устно на «секретныхъ аудіенціяхъ» между имъ и моей сестрой. Онъ замѣнялъ прямыя рѣчи намеками, ей одной понятными... Развѣ всѣ эти напоминанія и намеки писались бы даромъ, еслибъ не имѣли глубокаго значенія? Не будь у него завѣтныхъ, гораздо болѣе существенныхъ цѣлей, чѣмъ *безцѣльное* (!!) разоблаченіе Блаватской; не ошибись онъ въ разсчетахъ,—вѣроятно онъ не былъ бы такъ неприлично щедръ на изліаніе своей мести и желчи на ея могилу... Видно, ждалъ г. Соловьевъ отъ сестры моей чего-нибудь, что заставило его юлить (!!) передъ ней еще столько времени, выйти изъ общества въ февралѣ 86 г. и не писать о ней, пока была она жива. (*Какъ я «юлилъ» и почему все покончилъ въ февралѣ 86 г.— видно изъ «Изиды.»*) Вѣдь онъ можетъ не знающихъ морочить побасенками о томъ, что пока я молчала о теософіи—молчалъ и онъ. Это неправда! (*Изъ приводимаго мною ниже письменнаго удостовѣренія полковника Брусилова, самую г-жею Желиховской избраннаго «свидѣтелемъ» моего съ нею свиданія въ декабрь 1891 года—видно «какая» это неправда!*) Я постоянно всѣ эти годы, отъ времени до времени, писала и печатала, когда Богъ на душу клалъ, и онъ прекрасно объ этомъ зналъ (*иди и «что именно» она писала? если же и писала—я не зналъ, ибо за «всей» прессой слѣдить не могу и какъ есть никто не говорилъ мнѣ объ ея писаніяхъ*), но не возвышалъ голоса, потому что боялся сестры. *Ему надо было дожидаться ея смерти, чтобы заговорить свободно* (стр. 60—62 брошюры.)»

Приведенные мною документы ясно доказываютъ, до какой степени я не боялся Блаватской и что не послѣ ея смерти, а при ея жизни, когда она была въ полной силѣ и окружена друзьями—я разоблачилъ ее въ Парижѣ, въ первой половинѣ 1886 года. Наконецъ вѣдь сама г-жа Желиховская толкуетъ объ этомъ въ своей брошюрѣ, подтверждая такъ или иначе, мой разсказъ и пополняя мои документы. Но у нея голова кружится передъ вызваннымъ ею духомъ и она не отдастъ себѣ никакого отчета въ словахъ своихъ,—она впадаетъ, по ея признанію, въ «безуміе»! «Къ несчастію,—пишетъ г-жа Желиховская,—по собственному желанію моему большинство *русской* корреспонденціи сестры моей послѣ смерти ея было сожжено. Уцѣлѣло лишь то, что она сама передала мнѣ и что выслали мнѣ позже изъ Адіара. Еслибы не эта непростительная опрометчивость, вѣроятно, у меня была-бы возможность теперь объяснить читателямъ и то, о чемъ осторожный г. Соловьевъ самъ находилъ неудобнымъ расписывать (стр. 58 брошюры.)»

Невѣроятно! А между тѣмъ все это она написала и напечатала въ томъ состояніи «раздраженія», когда у нея невѣдомо что «срывается съ языка въ самомъ крайнемъ, преувеличенномъ смыслѣ...»

Нѣкоторыя мои письма, дѣйствительно, очевидно уничтожены г-жею Желиховской; и это именно тѣ, которыя, *даже и по ея мнѣнію, слишкомъ ужъ наглядно* уличаютъ Блаватскую и выставляютъ на видъ вовсе не мое коварство, а нѣчто другое. Гдѣ, напримѣръ,

тѣ два письма, о которыхъ говорится на стр. 62? гдѣ мои «глупости о махатмахъ», мое «невѣріе Θомы», моя «подозрительность», «убѣжденіе, что феномены поддѣлываются»?—словомъ все, о чемъ сама Блаватская пишетъ въ напечатанныхъ письмахъ? Гдѣ?!

II. Отвѣты мнѣ «лицъ, задѣтыхъ моей сатирой».

Перехожу къ «отвѣтамъ мнѣ лицъ, задѣтыхъ моей сатирой». Если кто нибудь выставитъ человѣка, наглядно и обстоятельно, глупцомъ или негодяемъ, а то и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и если этотъ выставленный человѣкъ желаетъ оправдаться въ такихъ обвиненіяхъ,—вѣдь онъ долженъ представить ясныя доказательства, что его оклеветали. Если же онъ ограничится вмѣсто фактическихъ опроверженій—*единственно* «грубой бранью» по адресу своего противника и потомъ воскликнетъ: «нѣтъ, я не глупецъ и не негодяй!»—то подобный отвѣтъ можетъ представляться «убѣдительнымъ отвѣтомъ» развѣ только въ глазахъ особы, столь посрамленной, изобличенной и разозленной, что у нея рябитъ въ глазахъ и путается въ мысляхъ.

Такимъ именно «отвѣтомъ», по словамъ г-жи Желиховской, снабдилъ ее Гебгардъ изъ Эльберфельда. Онъ, видите ли, бранится такъ, что даже наша «деликатная» дама не смѣетъ напечатать всей его брани, а затѣмъ увѣряетъ въ своей преданности Блаватской, (которую самъ, однако, хорошо отдѣлалъ: см. «Изида», стр. 268) и негодуетъ, что его письма переданы мнѣ. Между тѣмъ эти его *собственноручныя* письма, которыхъ онъ не отрицаетъ и не можетъ отрицать, весьма характерно рисующія приемы «теософовъ» и ихъ нравственность,—мною напечатаны въ «Изидѣ», а письмо «брошюры» только дорисовываетъ жалкую фигуру этого ничтожнѣйшаго, но въ то же время негоднаго и наглаго человѣка.

На страницѣ 244—250 «Изиды» я разсказалъ о томъ, какъ теософы поступили съ мистриссъ Купэръ-Оклэй и какъ они ее потомъ запугали до того, что она не смѣла не только уйти отъ нихъ, но должна была даже прославлять Блаватскую. Эти ея прославленія Блаватской я привелъ въ переводѣ г-жи Желиховской, замѣтивъ при этомъ «*что трудно же предположить, что эти выдержки не представляютъ болѣе или менѣе вѣрнаго перевода*». По смыслу русскаго языка ясно, что именно тутъ я не подозреваю г-жу Желиховскую въ искаженіяхъ и ничуть не оспариваю вѣрности ея перевода.

Но г-жа Желиховская, въ-сердцахъ, какъ есть не поняла ничего изъ того, что прочла или не то увидѣла въ книгѣ (это очень курьезный разрядъ галлюцинацій!); ей почудилось, что я ее обвиняю въ невѣрности перевода. Она обратилась къ м-съ Оклэй, получила отъ нея такой отвѣтъ: «г-жа Желиховская сдѣлала вѣрный и точный переводъ моихъ словъ», а затѣмъ обрушивается на меня, изо

всѣхъ силъ стучась въ отворенныя двери. Помилуйте! да я-то тутъ при чемъ? Я и не думалъ оспаривать вѣрность перевода—и это у меня *напечатано*! Но все же любопытно какъ это можетъ удосто- вѣрить г-жа Оклей, не знающая ни слова по русски.

Эта мистриссъ, конечно, не сознается въ томъ ужасѣ, который я рассказываю. Но развѣ она можетъ сознаться?! И развѣ ея голо- словное отрицаніе въ *«такомъ дѣлѣ»* можетъ служить какимъ-либо доказательствомъ противъ правдивости моего рассказа?! Только г-жа Желиховская и способна приводить, какъ нѣчто цѣнное, по- добные «отвѣты»!

Я же не сталъ бы рассказывать эту печальную и столь харак- терную для *дѣятелей* теос. общества исторію, не имѣя, на случай крайности, ея подтвержденія. Дѣло въ томъ, что несчастная м-съ Оклей *въ то время* была менѣе сдержанна, чѣмъ въ послѣдствіи и дѣлилась кое-съ кѣмъ разсказами о своемъ отчаянномъ положеніи. У меня *есть письмо того времени* (1886 г.) отъ одного лица, хорошо знавшаго эту даму, и въ этомъ письмѣ заключаются такія строки: *«(переводъ дословный)»*. Мистриссъ К. Оклей съ грустью призналась мнѣ, что она *все поняла*; но что мужъ ея все же фанатикъ, больной и *мономанъ*, какъ она говоритъ. Невозможно ему открыть глаза, а потому ей остается только быть въ сторонѣ и *молчать*, она не мо- жетъ открыто разорвать съ теософами». Эти строки въ интимномъ письмѣ *того времени*, писанномъ лицомъ, искренно расположеннымъ къ м-съ Куперъ-Оклею, весьма доказательны и снимаютъ съ меня голословность. При *крайней* необходимости, ради восстановленія правды, мой корреспондентъ будетъ названъ.

Затѣмъ появляется перевоплощенная Марія Стюартъ, т. е. гер- цогиня Помаръ и—вотъ тутъ-то г-жа Желиховская дѣйствительно преобольно меня куснула! Признаюсь откровенно—изрядно куснула! Дѣло вотъ въ чемъ: Писалъ я мою «Изиду» спѣшно. Хотѣ и зналъ я, что будутъ мнѣ изъ за нея, какъ изъ за всякой слишкомъ от- кровенной правды, большія непріятности, хотѣ и шелъ на это, а все же надо было кое-гдѣ сдержать себя и помнить, что г-жа Же- лиховская воспользуется *единственнымъ* оружіемъ, ей доступнымъ. Сорвалась у меня (стр. 31) фраза о томъ, что м-ше де-Морсье была «настоящимъ авторомъ теософическихъ брошюръ, издававшихся подъ видомъ произведеній дюшессы де-Помаръ лэди Кэтниссъ». Г-жа Желиховская, конечно, тотчасъ же за нее ухватила смекнувъ, что, благодаря ей, легко сдѣлать сразу непріятность мнѣ и м-ше де-Морсье и насъ поссорить. Написала она дюшессѣ, дюшесса къ м-ше де-Морсье за объясненіями, м-ше де-Морсье ко мнѣ за тако- выми же—и пошло, поѣхало!

Теперь г-жа Желиховская, съ ехидными разсужденіями, приво- дить въ своей брошюрѣ письма, объясняющія, что м-ше де-Морсье только *переводитъ* съ англійскаго на французскій *произведенія* гер- цогини де-Помаръ, а также посланное мною м-ше де-Морсье «удо- стовѣреніе,» въ которомъ я говорю, что *сама* м-ше де-Морсье мнѣ никогда не рассказывала о характерѣ ея теософическихъ и литера- турныхъ работъ съ герцогиней и что я знаю объ этомъ изъ дру-

гого источника. Все это такъ; но это не мѣшаетъ мнѣ быть правымъ въ моемъ заявленіи. Пусть судить всякій: на брошюрахъ, о которыхъ я говорю, да и на другихъ *произведеніяхъ* Маріи Стюартъ, то бишь «дюшессы», она обозначена авторомъ *французскаго* текста и нигдѣ не сказано, что это *переводъ*, а не оригиналъ. Сами же брошюры, подразумѣвавшіяся мною, состоятъ или изъ простыхъ выписокъ, или изъ компиляцій англійскихъ книгъ. Кто же, спрашивается, *настоящій*, какъ я говорю, авторъ *такой* работы—необозначенный переводчикъ или «дюшесса»? По моему—не она, и я считаю даже, что такое присвоеніе чужого *французскаго* текста—неблаговидно.

Далѣе г-жа Желиховская приводитъ изъ моихъ писемъ середины 1884 года, нѣсколько насмѣшливыхъ фразъ, относящихся до м-ше де-Морсье. Я писалъ это въ первое время моего съ ней знакомства (стр. 30 «Изиды»), когда я еще не узналъ ея достоинствъ и былъ далекъ отъ мысли, что мы сблизимся и станемъ друзьями. Я смѣлся надъ ея дѣйствительно въ то время чрезмѣрными увлеченіями теософіей, магнетизмомъ и всякими оккультностями. Весьма можетъ случиться, что г-жа Желиховская достигнетъ цѣли и насъ поссорить, а это мнѣ будетъ весьма больно. Словомъ—укусила!

Г-жа Желиховская пожаловалась на меня и графинѣ д'Адемаръ, объ «искусственной» молодости которой я неосторожно выразился, никакъ не воображая, что мое замѣчаніе будетъ ей передано услужливой дамой. Но какая же «фальшь» въ моихъ словахъ о ней, что «я зналъ ее совсѣмъ мало, никогда не слыхалъ отъ нея чего-либо «теософическаго» и, какъ кажется, она ничѣмъ не отличалась?» Все это было именно такъ; если же впоследствии, когда я уѣхалъ уже изъ Парижа, она стала издавать теософическій журналъ—то это нисколько не разбиваетъ моего показанія.

Вотъ и *всѣ*, столь важно оповѣщенные, отвѣты мнѣ лицъ, задѣтыхъ моею сатирой!! Одинъ только *остроумный* обманъ ради перваго апрѣля.

III. Курьезы.

1) Моя противница выдаетъ въ меня камнемъ за то, что я, *будто* бы, утаилъ отъ моихъ читателей о томъ, что напечаталъ (въ журналѣ «Ребусъ») описаніе *перваго феномена* Блаватской, въ маѣ 1884 г., т. е. «чтеніе ея закрытаго письма.» Это неправда. На стр. 240 «Изиды,» въ текстѣ моей «отставки» этотъ фактъ указанъ какъ одна изъ причинъ, побуждавшихъ меня послать эту отставку: «..., что она (Блаватская) желала воспользоваться моимъ именемъ и принудила меня подписать и публиковать описаніе феномена, полученнаго посредствомъ обмана (феноменъ съ письмомъ въ маѣ 1884 года).»

Значить факта этого *единственного* напечатаннаго мною сообщенія о «феноменѣ» я и не думалъ скрывать. Да и къ чему бы я дѣлалъ это, разъ мое сообщеніе было *напечатано* въ журналѣ?!

2) На страницѣ 186 «Изиды» я привожу письмо Блаватской къ м-ше де-Морсье, въ которомъ она описываетъ ей свое печальное положеніе и говоритъ о томъ, что я «толкую пустяки о махатмахъ и что я Оома невѣрный». Ради объясненія этого письма я упомянулъ, что Блаватская въ самую критическую для себя минуту получила отъ неизвѣстнаго друга нѣкоторую сумму денегъ и добивалась узнать черезъ м-ше де-Морсье кто это прислалъ ей деньги. *Только и всего.* Но вотъ г-жа Желиховская (стр. 98 брошюры) объявляетъ, будто-бы я этимъ даю читателямъ возможность предположить, что это я послалъ Блаватской деньги. Ничего подобнаго у меня и въ умѣ не было, да и зачѣмъ это повадилось г-жѣ Желиховской? такъ, ради какой-то туманной инсинуаціи!.. Блаватская въ тѣ времена часто нуждалась и не разъ находились люди, ей помогавшіе. Одни дѣлали это прямо, другіе, смотря по отношеніямъ, тайно. Въ *этомъ* не было для нея ничего унижительнаго, да и г-жа Желиховская отлично должна бы знать, что бѣдность не порокъ и что безъ помощи друзей иной разъ не проживешь. Но я вовсе не желаю способствовать предположенію будто я помогалъ Блаватской. Между нами, ни съ той ни съ другой стороны, никакихъ денежныхъ счетовъ никогда не бывало. *Блаватской* я денегъ не давалъ ни въ долгъ, ни въ видѣ подарка—и заявляю объ этомъ.

3) Г-жа Желиховская, желая, по своему обыкновенію, опровергнуть неопровержимое, по поводу общеизвѣстнаго и курьезнаго факта, что Блаватская выдавала себя за вдову доселѣ здравствующаго ея мужа, заявляетъ, что она *имѣла на это право*. Она, видите-ли, «была признана таковою *тифлисскими властями*, выславшими ей въ 1884 г. свидѣтельство, гдѣ она была названа «*вдовой Д. С. С. Н. В. Блаватскаго*». Не будучи съ нимъ въ сношеніяхъ болѣе двадцати-пяти лѣтъ, она совершенно потеряла его изъ виду и не знала, какъ и мы,—живъ онъ или умеръ. Это вина тифлисской полиціи, а никакъ не ея» (стр. 94 брошюры). Однако у меня въ рукахъ литографированная и *засвидѣтельствованная копія* этого *самаго* курьезнаго документа, высланнаго Блаватской по ея желанію тифлисскимъ полицмейстеромъ 7-го іюня 1884 г. Этотъ документъ приведенъ мною на 72 стр. «Изиды» и въ немъ Елена Петровна значится не *вдовой*, а *женой Д. С. С. Н. В. Блаватскаго*. Какъ есть ничего г-жа Желиховская не можетъ сказать, чтобы не отклониться отъ правды... Сколько разъ смѣялась она сама надъ этимъ мнимымъ вдовствомъ своей знаменитой сестры!

4) На удостовѣреніе *самыхъ близкихъ* къ покойному А. М. Бутлерову лицъ, что онъ не былъ знакомъ съ Блаватской и никогда съ ней не состоялъ ни въ какой перепискѣ,—г-жа Желиховская отвѣчаетъ: «неправда, я *сама* видѣла въ ея рукахъ его портретъ и письмо», лукаво умалчиваетъ кому былъ данъ А. М. Бутлеровымъ его портретъ, кому было написано это письмо,—и при этомъ думаетъ, что такимъ заявленіемъ уничтожится удостовѣреніе вдовы

А. М. Бутлерова, а также его ближайшаго друга. Увы! это лишь одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ того, что авторъ «Правды о Е. П. Блаватской» и «Необъяснимаго или необъясненнаго» видитъ не только невидимое, но и несуществующее.

5) Да, неизлечимыми галлюцинаціями страдаетъ г-жа Желиховская! На страницѣ 139 своей брошюры, говоря о данномъ ей мною для прочтенія *оригиналь* «исповѣди» Блаватской, съ которымъ сличалъ переводъ Жюль Бессакъ. — она пишетъ: «Меня тоже поразило, зачѣмъ все русское письмо *испещрено* печатами М-г Jules Baissac'a; г. Соловьевъ объяснилъ, что это для пущей вѣрности,—какъ доказательство, что переводъ вѣренъ». Ну какъ же могъ я ей говорить такой вздоръ, когда на этой «исповѣди» всего одинъ штемпель! Зачѣмъ понадобилось г-жѣ Желиховской даже и тутъ написать неправду, которую доказать такъ легко?!

6) Я *въ четвертый разъ печатно* спрашиваю г-жу Желиховскую: гдѣ коллекція (lettre sur lettre) моихъ писемъ къ Блаватской, которая я ей будто-бы писалъ, послѣ 8-го октября (новаго стиля), осенью 1885 года, *въ то время, когда она письменно и многократно жаловалась на мое молчаніе*, и о которыхъ г-жа Желиховская съ большимъ апломбомъ говоритъ въ своей статьѣ въ «Nouvelle Revue»? Гдѣ эти письма? Ихъ никогда не было—и г-жа Желиховская выдумала ихъ существованіе.

7) Въ своемъ письмѣ въ «Новомъ Времени» г-жа Желиховская развязно извинилась передо мною за *опечатку*, сдѣланную въ ея статьѣ въ «Nouvelle Revue». Но дѣло въ томъ, что на этой *опечаткѣ* (1885 годъ вмѣсто 1884 года) построенъ *ея* дальнѣйшій рассказъ о мнимыхъ чудесахъ въ Вюрцбургѣ. на тѣхъ же страницахъ французскаго журнала. Говоря о пребываніи Блаватской и моемъ въ Вюрцбургѣ, она пишетъ: «Ce dernier y eut la missive du Mahatma Koot-Houmi et repartit pour Paris, enthousiasmé de sa visite et des choses extraordinaires dont *il avait été témoin à Wurtzbourg*, à un tel point qu'il écrivit lettre sur lettre, toutes dans le genre de celle-ci, dont je fais ici des extraits: Paris, 8 octobre 1885...» и т. д. *). А за тѣмъ въ другомъ мѣстѣ: «En l'année 1885, par exemple, Mahatma Moria est apparu à M-r Wsevolod Solovioff, avec lequel il eut un entretien, que ce dernier a décrit à beaucoup de personnes, avec son éloquence ordinaire» **).—Вотъ тутъ, дѣйствительно, среди обычнаго извращенія, могла быть въ цифрѣ *опечатка*; но *вѣдь я указывалъ и указываю не на эти слова, а на вышеприведенную выдержку о событіяхъ въ Вюрцбургѣ*, гдѣ нѣтъ никакой *опечатки*. Какая же тутъ можетъ быть *опечатка въ цифрѣ*? Цифра вѣрна. Здѣсь безцеремон-

*) „Этотъ послѣдній получилъ тамъ посланіе махатмы Кутъ-Хуми и возвратился въ Парижъ, восхищенный своимъ посѣщеніемъ и необыкновенными вещами, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ Вюрцбургѣ до такой степени, что онъ писалъ письмо за письмомъ, всѣ вродѣ того, изъ котораго я здѣсь дѣлаю выписки: Парижъ, 8 октября 1885 годъ“ и т. д.

**) „Въ 1885 году, напримѣръ, махатма Морія явился г. Всеволоду Соловьеву и имѣлъ съ нимъ разговоръ (!!!!), описанный послѣднимъ многими лицами, съ обычнымъ ему краснорѣчіемъ“.

нѣйшая *неправда*, дважды фактически и документально доказанная читателямъ «Изиды», полное извращеніе цѣлага ряда обстоятельствъ. Выходить къ тому же, что г-жа Желиховская «*писала такъ, а не иначе*» вслѣдствіе лишь опечатки, сдѣланной *при печатаніи* ея рукописи! Это ужъ чисто «*оккультный*» феноменъ—и на него мнѣ пришлось трижды печатно указывать сестрѣ г-жи Блаватской. Но она молчитъ, очевидно полагая, что это такія *мелочи*, на которыя не стоитъ обращать вниманія уважающей себя дамѣ.

8) Не зная куда дѣваться отъ подавляющей доказательности и ясности обмановъ Блаватской въ ея «феноменахъ», — г-жа Желиховская доходитъ до того, что старается распространить убѣжденіе, будто «феномены» Блаватской и выдавались ею самою, Блаватской, за фокусы! Зачѣмъ же бы она ихъ дѣлала въ такомъ случаѣ? Развѣ фокусами *доказывается* религіозная доктрина? Еслибы эти пресловутые «феномены» прямо выдавались Блаватской за простые фокусы, а не за «чудеса ея махатмъ», — то не приходили бы ихъ смотрѣть и разслѣдовать Шарли Ришэ, Фламмаріоны и т. д., не тратило-бы Лондонское Общество Психическихъ Изслѣдованій громадныя деньги, не посылало бы въ Индію Годжсона и не учреждало комиссій для ихъ разслѣдованія, не писалъ бы, наконецъ, Синнеттъ *цѣлая книга* съ описаніями этихъ, по мнѣнію теософовъ, не фокусовъ, а *чудесъ*, на которыхъ основано все, такъ сказать, *наглядное* значеніе и самой Блаватской, и ея доктрины. Эта выдумка слишкомъ груба и наивна...

9) Одинъ изъ замѣчательныхъ курьезовъ «брошюры» «заключается въ томъ, что г-жа Желиховская «невинно игнорируетъ» всю заключительную часть «Современной Жрицы Изиды», — документальную исторію возникновенія «теософическаго общества». Въ этихъ главахъ я ужъ не играю никакой роли, дѣйствіе происходитъ за десять лѣтъ до моего знакомства съ Блаватской и *она сама* все рассказываетъ въ своихъ письмахъ къ А. Н. Аксакову, переданныхъ мнѣ имъ ради восстановленія истины въ такомъ общественно-интересномъ, нешуточномъ дѣлѣ. Блаватская — общественный дѣятель, лицо, такъ сказать, историческое и значеніе ея дѣятельности г-жа Желиховская сама, хотъ и значительно преувеличивая, представляетъ громаднымъ, чуть не всемірнымъ. Поэтому все, что осталось послѣ Блаватской, теряетъ частный характеръ и подлежитъ общественному сужденію. И вотъ — эта документальная, основанная исключительно на ея собственноручныхъ письмахъ, исторія возникновенія «созданнаго ею *всемірнаго братства*» впервые появилась въ «Изидѣ».

Отчего же это г-жа Желиховская ни единымъ словомъ не обмолвилась объ этой интересной, до сихъ поръ *совершенно темной*, а теперь мною все же достаточно освѣщенной исторіи возникновенія теософическаго общества въ С. Америкѣ въ семидесятыхъ годахъ?!

Составляющія матеріалъ этой исторіи интереснѣйшія письма оттого-то мнѣ и переданы, что они документально свидѣтельствуютъ въ пользу моего разсказа, подтверждаютъ его и доказываютъ вѣрность выводовъ, сдѣланныхъ мною, когда я еще не имѣлъ ровно

никакого понятія объ этихъ американскихъ письмахъ семидесятихъ годовъ.

Умалчивая обо всемъ этомъ, г-жа Желиховская, какъ и въ другихъ случаяхъ, подобно страусу прячетъ голову въ свои перья — и думаетъ, что ее никто не видитъ.

10) Г-жа Желиховская (стр. 2 брошюры), говоритъ, что, «даетъ свои скромныя (!!) показанія въ пользу умершей сестры, за которую *некому*, кромѣ нея, заступиться», а въ концѣ брошюры приводитъ цѣлые списки заступниковъ и прославителей Блаватской, друзей ея. «преданныхъ ей на жизнь и на смерть»¹⁾. Столь прославленная создательница «религіи разума» — *не беззащитна* — и, въ наши дни, говоритъ такъ, какъ говорю я, о защищаемыхъ такимъ оружіемъ «общественныхъ дѣятеляхъ» — *во всякомъ случаѣ не есть признакъ трусости*.

«Что же касается до личности моей сестры» — объявляетъ г-жа Желиховская на стр. 161, — «то она такъ неизмѣримо выше его (т. е. *моихъ*) несостоятельныхъ нанадокъ, что всѣ его комки грязи, въ нее пущенные, врядъ ли достигнутъ *подножія того высокаго пьедестала, на которомъ воздвигнутъ ей памятникъ въ трехъ частяхъ свѣта*». Вотъ какъ! Ну такъ стоило-ли г-жѣ Желиховской прикидываться казанской сиротою!! Еслибы Блаватская была дѣйствительно беззащитна, — никто «а я тѣмъ болѣе», не поднялъ бы на нее руку. Но видите: «*ея памятникъ стоитъ на громадномъ пьедесталѣ въ трехъ частяхъ свѣта*». И вотъ я показаль — потому-что совѣсть молчать не позволила, — изъ какого матерьяла созданъ этотъ памятникъ.

Показала это я моя неожиданная, хоть ужъ и не новая, союзница — г-жа Желиховская, показала именно своей брошюрой, написанной вовсе не ради оправданія «беззащитной» сестры, а *только ради скандала*, въ мечтахъ о которомъ интересы сестры совершенно забылись.

Ни одно изъ обвиненій, выставленныхъ мною и подтвержденныхъ документально — не только не разбито (это невозможно; ибо — очевидный фактъ остается все же фактомъ), но и не затронуто. Въмѣсто того, чтобы *отвѣчать* на обвиненія Блаватской и ея общества — въ «брошюрѣ» только голословные «нѣтъ», тутъ же противорѣчащія другъ другу и... нападки на меня лично.

Я выхожу съ документами, показаніями свидѣтелей и письмами въ рукахъ и громко говорю: «Блаватская, съ помощью огромнаго, организованнаго обмана и поддѣльныхъ «феноменовъ» создала свое общество, которое въ сущности и въ концѣ концовъ *оказалось* пропагандой самой фантастической и прямо безнравственной доктри-

¹⁾ Еще недавно, — какъ видно ниже, изъ удостовѣренія А. А. Брусилова, — г-жа Желиховская увѣряла меня, что если я буду писать о Блаватской, то *ея послѣдователи, друзья и родные*, которые *могущественны* (!!!), причинятъ мнѣ за это *тяжкія непріятности*⁴⁾. Значитъ Блаватская не *беззащитна* и за нее есть кому *мстить*. Но вѣдь я доказаль, что давно ужъ подвергаюсь этому тайному мщенію! Теперь же о немъ узнають и всѣ, благодаря г-жѣ Желиховской.

ны¹⁾. Блаватская и ея сообщники, когда их ловили и ловят въ обманахъ, пользовались и пользуются «всеми» средствами, прежде всего «клеветою», для борьбы со своими обличителями».

Г-жа Желиховская выступаетъ съ «отвѣтомъ», всячески его рекламировавъ, — и на все это отвѣчаетъ: «г-нъ Соловьевъ самый ужасный и коварный человекъ, онъ очаровалъ насъ, вынулъ наши сердца, потомъ поѣхалъ вѣнчаться изъ моего дома, потомъ довелъ насъ до безумія и мы, подъ вліяніемъ раздраженія, давали показанія о Блаватской въ самомъ крайнемъ, преувеличенномъ смыслѣ!»

Помилуйте, добрые люди, — ну развѣ это «отвѣтъ» и «защита» невинной, великой женщины, за которую некому заступиться??! *И еще еслибы только это!!*

IV. Г-жа Игрекъ-Желиховская и ея признанія о «преступленіи».

Начавъ писать и печатать мои воспоминанія о Блаватской и ея «обществѣ», вызванныя фантастическими статьями г-жи Желиховской, я опровергалъ «видѣнія» этой сочинительницы, называя ее, конечно, ея полнымъ именемъ, — иначе не могло и быть. Но вотъ, силою вещей, на страницахъ моихъ воспоминаній, появилась нѣкая дама, безъ кокорой никакъ нельзя было обойтись. Я назвалъ ее буквой У. Она фигурировала въ Парижскомъ кружкѣ, относилась скептически къ своей родственницѣ Блаватской, имѣла со мною весьма знаменательную бесѣду въ паркѣ Монсо, *первая* стала мнѣ открывать глаза на плутни Блаватской (и очень внушительно, ибо толковала о томъ, что основательница «теософическаго общества» требуетъ отъ нея какого-то *преступленія!*) Затѣмъ она все это подтвердила мнѣ письменно, очевидно желая, по своей честности, любви къ правдѣ и дружбѣ ко мнѣ, — избавить меня отъ увлеченій и всякихъ бѣдъ. Я былъ тогда глубоко ей благодаренъ за это и отвѣчалъ ей искренней дружбой.

Такова роль г-жи У. до самыхъ послѣднихъ мѣсяцевъ моихъ сношеній съ «теософами». Полагаю что въ этой роли нѣтъ для г-жи У. ничего дурного и унижительнаго. Если бы дальнѣйшія (съ 1886 года) дѣйствія этой особы не стали діаметрально противоположны ея первоначальнымъ дѣйствіямъ — она промелькнула бы на страницахъ моихъ воспоминаній въ видѣ, такъ сказать, «дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ» — а затѣмъ безслѣдно бы исчезла.

По первоначальному плану моего разсказа я вовсе и не желалъ сообщать печатно о теософскомъ мщеніи, которому я подвергся и

¹⁾ Если я говорю такъ прямо и опредѣленно — значитъ могу доказать это. Я это и доказываю, съ указаніемъ на теософскіе источники и литературу, въ моей статьѣ о «теософской доктринѣ», печатающейся въ настоящее время въ журналѣ: «Вопросы философіи и психологіи». Впрочемъ доктрина эта и такъ извѣстна многимъ.

о выдающейся роли, сыгранной въ немъ г-жей У. Но когда окончательно выяснилось все, о чемъ читатели узнають на слѣдующихъ страницахъ, когда съ декабря 1891 г., я, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, началъ узнавать о «необыкновенныхъ вещахъ», распространяемыхъ про меня «своеобразной защитницей нео-теософіи» и ея друзьями, когда все это зашло ужъ слишкомъ далеко—я, дѣлать нечего, рѣшился въ моемъ разсказѣ сообщить, ради рельефной иллюстраціи, и о теософскомъ мщеніи.

Древо познается по плодамъ его. Теософское древо старались представить прекраснымъ. Блаватская объявляла, что величайшіе негодяи и даже преступники, попавъ въ члены ея «всемирнаго братства», дѣлаются святыми. Ну такъ вотъ — не безынтересно было взглянуть на *дѣйствія* этихъ «святыхъ», на тѣ *средства*, какими они укрѣпляли и укрѣпляютъ свое «общество», какими они боролись и борются за «свою истину» и за представительницу ея—Блаватскую. Я и показалъ,—и опять, силою вещей, на моихъ страницахъ, появилась г-жа У. Я привелъ (стр. 250 — 269 «Изиды») мой знаменательный разговоръ съ этой дамой (тогда она выразила на словахъ, а затѣмъ постаралась доказать и на дѣлѣ, хотъ и не совсѣмъ удачно, свою «житейскую мудрость»), характерные отрывки изъ ея писемъ и письма Гебгарда о ея «показаніяхъ» и роли въ Эльберфельдѣ...

Но вотъ г-жа Желиховская (совершенно отдѣленная въ «Изидѣ» отъ г-жи У.) объявляетъ въ своей брошюрѣ и даже на ея обложкѣ, что г-жа У. (И-грекъ)—это... *она!* Г-жа Желиховская пишетъ (стр. 1 брошюры), что не имѣетъ «необходимости скрывать или *особенно* (!!) стыдиться своихъ словъ и писемъ» и ничего не имѣетъ противъ ихъ опубликованія. Оно конечно—извѣстность вещь пріятная для литературной дамы, а я предоставилъ ей своей «Изидой» такой прекрасный случай къ легкому полученію «весьма лестной» извѣстности! И г-жа Желиховская поспѣшила печатно воскликнуть: «Слушайте! да послушайте же! г-жа У. (И-грекъ), та самая, которая...—вѣдь это я!»

И такъ, значитъ, это она является первой и компетентной свидѣтельницей и разоблачительницей теософскихъ обмановъ своей сестры, оказывая этимъ, прежде всего, значительную услугу лондонскому «обществу для психическихъ изслѣдованій», столь нелюбимому ея!

Это она первая открывала мнѣ глаза, въ началѣ лѣта 1884 года, на «безсовѣстность и преступность» желаній и просьбъ Блаватской, къ ней обращенныхъ! Это она, въ концѣ 1885 года, дала мнѣ самыя ужасныя, подавляющія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности своей сестры, послѣ которыхъ я увидѣлъ, что хотъ сколько нибудь щадить Блаватскую даже передъ какими угодно *иностранцами* — невозможно! Это она, въ маѣ 1886 года, пріѣхавъ въ Эльберфельдъ, *одружъ* забыла все что знала, говорила и писала, разрѣшила «свою совѣсть», перестала бояться «преступленія» — и сдѣлалась *persona gratissima* Блаватской и теософовъ, ихъ свидѣтельницей, заступницей, прославительницей въ Россіи!

Конечно... чего же тутъ «особенно» стыдиться! Но хоть и не «особенно», а всежь таки, видно, стыдненько г-жѣ Желиховской и она чувствуетъ желаніе «оправдаться». Съ этой цѣлью она объясняетъ своимъ читателямъ, что я... пожалуй... заколдовалъ ее, ея дѣтей и даже Блаватскую! сдѣлалъ «внушеніе и дурманное ослѣпленіе», пустилъ въ ходъ свой «fluide», дѣйствовавшій магнетически (стр. 65 брошюры). Я, видите ли, занимался магіей и желалъ «возвратиться въ Россію прообразомъ моего «князя-мага» въ романѣ «Волхвы» (стр. 31 брошюры)». Г-жа Желиховская подозреваетъ даже, что я занимался «черной магіей» (стр. 33).

Находчивость необыкновенная!! Вѣдь вотъ же пишутъ, въ «Новомъ Времени» и другихъ газетахъ, о какихъ-то «заколдованныхъ жабахъ», о какихъ-то «черныхъ магахъ», не только ихъ заколдовывающихъ, но даже и убивающихъ своихъ враговъ en effigie и на разстояніи, посредствомъ разныхъ «fluide»'овъ! Кто меня знаетъ—можетъ быть и я умѣлъ тогда, въ самомъ дѣлѣ, заколдовывать жабъ?! Только теперь,—увъ! я, во всякомъ случаѣ, потерялъ эту способность...

Но тогда, увѣряетъ г-жа Желиховская, я могъ все! Я пріѣхалъ осенью 1885 года въ Петербургъ—и оказался ихъ «самымъ близкимъ и дорогимъ пріятелемъ». Я бывалъ у нихъ «ежедневно»(?!). «...Онъ еще болѣе, пишетъ г-жа Желиховская, — заинтересовалъ всѣхъ насъ своими живыми рассказами, своими оригинальными мистическими (??) воззрѣніями на все въ мірѣ и своей *добродушной искренностью*, иногда доходившей до рѣзкости. Эту послѣднюю черту онъ такъ искусно себѣ усвоилъ, что положительно очаровалъ насъ своей *правдивостью* (стр. 119)». Ну, словомъ, я «черный магъ, жабинъ заколдовыватель!» Вотъ они какіе бываютъ!.

Однако въ чемъ же заключалась эта моя «добродушная искренность» и т. д.? Въ томъ, увѣряетъ г-жа Желиховская, что я «искусно возбуждалъ ихъ гнѣвъ противъ Блаватской и ссорилъ ихъ съ родными. «Возбуждалъ онъ (гнѣвъ) не для чего иного, какъ чтобы заставлять меня и моихъ,—объясняетъ г-жа Желиховская,—проговариваться въ минуты крайняго возбужденія,—и давать тѣмъ возможность увеличивать то скопленіе свѣдѣній, которое г-нъ Соловьевъ такъ картинно называетъ своимъ багажемъ (стр. 124 — 125)».

Далѣе г-жа Желиховская увѣряетъ, что я *выдумывалъ* какія-то «неправды» (совѣтую ей внимательно прочесть письмо Блаватской 1876 года, на стр. 314 «Изиды»,—тогда она ужъ не рѣшится говорить, будто что я либо *выдумывалъ*, когда дружески давалъ ей возможность распутать и уничтожить то, что считалъ тогда напрасливой и клеветой). Я довелъ ее, бѣдную, моимъ коварствомъ до «безумія», такъ что она потеряла сообразительность—и все кончилось тѣмъ, что «когда я дошла до полубезумія, а дѣти мои до крайней степени ярости за меня,—тщательно принималось къ свѣдѣнію и записывалось все, что могло *сорваться съ языка нашихъ въ самомъ крайнемъ, преувеличенномъ раздраженіи смыслъ* (многозначительное признаніе не только за себя, но даже и за своихъ дѣтей: когда

онѣ раздражены—онѣ *самымъ крайнимъ* образомъ преувеличиваютъ смыслъ фактовъ, т. е., въ доподлинномъ переводѣ на обыкновенный русскій языкъ—лгутъ. Въ данномъ случаѣ я съ г-жей Желиховской спорить и прекословить не буду). Къ такого рода «багажу» г-на Соловьева принадлежать и тѣ мои письма, которыя онъ нынѣ напечаталъ подъ прозрачнымъ покровомъ даннаго имъ мнѣ прозвища,—буквы У. (стр. 125, 126)».

Вотъ ужъ тутъ я «дѣйствую на разстояніи»! Я сижу въ Бретани, а г-жа Желиховская, доведенная до «безумія» моими «флюидами», проговаривается мнѣ изъ Петербурга и пополняетъ мой «багажъ». Ну какъ же не «черная магія» и не «заколдованные жабы»!

Если кому придетъ охота—пусть внимательно сравнитъ XXIV главу «Изиды» и страницы 119—127 брошюры. Изъ этого сравненія будетъ ясно, что г-жа Желиховская только ухватила теперь за свое, произведенное моими чарами, безуміе какъ за единственную *соломенку* спасенія. Въ дѣйствительности же она поступала тогда въ здоровомъ разумѣ и полной памяти.

О томъ, какъ *отъкровенно* передаются мои faits et gestes того времени можно судить по такому образику: на 109 стр. брошюры говорится, что я по приѣздѣ въ Петербургъ (начало октября 1885 г.) «не только вѣрилъ возможности существованія махатмъ; но и ждалъ отъ нихъ благостыни (какой?!))». А на страницѣ 119: «Тутъ впервые (это относится къ тѣмъ же днямъ, къ моему приѣзду въ Петербургъ 1-го октября (старого стиля) 1885 г.) стали мы слышать отъ него сомнительные, даже недружелюбные отзывы о сестрѣ моей и ея дѣлѣ».—Гдѣ же тутъ правда? этого не разберетъ и самъ мудрый Кутъ-Хуми!

Однако и по толкованіямъ г-жи Желиховской выходитъ, что я заколдовалъ ее и привелъ въ безуміе и раздраженіе, во время котораго она давала мнѣ свои показанія о Блаватской «въ самомъ крайнемъ, преувеличенномъ смыслѣ»,—лишь зимою 1885—1886 года. Въ началѣ же лѣта 1884 г., въ Парижѣ, судя по ея словамъ, она была въ здоровой памяти. Что же это такое она мнѣ говорила въ паркѣ Монсо? Она теперь восклицаетъ: «Охъ! Боже мой, какъ много лишннихъ словъ вложилъ мнѣ въ уста г-нъ Соловьевъ во время нашей прогулки по Парижу (стр. 30)»... Что я никакихъ лишннихъ словъ не вложилъ ей въ уста—да свидѣтельствуеетъ ея нижеприведенное письмо отъ 27 октября 1884 года:

Признаніе г-жи Желиховской о «преступленіи».

«... Вы помните нашъ разговоръ въ parc de Monceau? Я вамъ и тогда не могла на многія і поставить точекъ,—но достаточно ихъ кажется выяснила, чтобъ вы знали, что между мной и Еленой общаго мало. Я ее люблю и жалѣю горячо. Надѣюсь что и она меня любить также, но... по своему. Помимо этого чувства, неоднократно склонявшаго меня къ снисхожденію и даже къ закрыванію глазъ на

многое, что меня возмущало внутренно, — между нами все — рознь.

Я ѣхала къ ней, на ея сердца, поставивъ непремѣннымъ условіемъ чтобы между нами и рѣчи не было о ея дѣлахъ и Обществѣ; въ послѣдствіи это оказалось невозможнымъ: меня затянулъ общій водоворотъ и, къ крайнему сожалѣнію, я согласилась быть въ Обществѣ на столько, на сколько могла по совѣсти и религіознымъ убѣжденіямъ въ немъ состоять и даже описала то, что видѣла и слышала. Если въ мои описанія вкрались неточности, то безъ намеренія и *не по моей винѣ* (?). Да дѣло не въ томъ. Елена разсердилась на меня, бросила мнѣ писать и, какъ я вижу, обвиняетъ меня въ жестокости и неблагодарности, Очень жаль! Говорю искренно: *сердечно* жаль нашихъ испорченныхъ быть можетъ на всегда отношеній; но даже ради нихъ я не могу пожертвовать совѣстью. Не виню ее: ей то, что она проситъ меня сдѣлать, кажется пустякомъ, мнѣ — преступленіемъ! Мы разнo смотримъ на вещи можетъ быть потому, что я христіанка а она... не знаю что! Она давно меня объ этомъ проситъ. Я не могу исполнить ея желанія и не хочу! потому что мало того, что считаю его для себя нечестнымъ, но и для нея гибельнымъ. Такъ же смотрѣлъ на это дѣло и покойный ***, умѣйшій человѣкъ и величайшій христіанинъ, какого я когда либо знала. Онъ на смертномъ одрѣ своемъ умолялъ меня, не поддаваться ея просьбамъ, — объяснить ей что она самой себя прежде всего повредить. Я такъ и дѣлала много разъ — но безуспѣшно. Великая ошибка Х. въ томъ, что она *не знаетъ границъ* своей жалости къ Еленѣ. Оттого она и говоритъ, что она одна къ ней хороша и ее любитъ. Дай Господи чтобы эта любовь не отозвалась на обѣихъ гибельно. *Подписано: «В. Желиховская» 27 октября 1884 года.*

Вслѣдъ за кратковременнымъ увлеченіемъ, я выражалъ Блаватской, какъ словесно, такъ и письменно, свои сомнѣнія въ подлинности если не всѣхъ, то многихъ ея феноменовъ и, *одновременно съ этимъ*, выражалъ тѣ же сомнѣнія и неуверенность постороннимъ серьезнымъ людямъ. Хотя и не претендуя быть «ученымъ», я, подобно Шарлю Ришэ, и тамъ же гдѣ онъ, «искалъ — нѣтъ ли какой истины среди многихъ обмановъ». Наконецъ такое исканіе было *прямымъ моимъ дѣломъ* какъ «члена Лондонскаго Общества для психическихъ изслѣдованій». Когда мои сомнѣнія и неуверенность перешли въ полное убѣжденіе и я получилъ, какъ необходимое подспорье, — различныя дополнителныя и документальныя свѣдѣнія, — я открылъ теософскіе обманы всѣмъ заинтересованнымъ людямъ, не убоясь, для себя лично, никакихъ непріятныхъ послѣдствій. Такой мой образъ дѣйствій, ясный и послѣдовательный, доказывается какъ моими письмами къ Блаватской, ея сестрѣ и разнымъ лицамъ, такъ и письмами ко мнѣ Блаватской, ея сестры, Шарля Ришэ и другихъ лицъ.

И вотъ, *не смотря на все это*, выдвигая лишь нѣсколько тамъ и сямъ надерганныхъ моихъ фразъ, смыслъ которыхъ выясняется изъ рассказанныхъ мною обстоятельствъ и прямымъ, логическимъ

сопоставленіемъ съ ними моего *доказаннаго* образа дѣйствій, — г-жа Желиховская осмѣливается дѣлать прозрачныя намеки на то, что я былъ какъ будто сообщникомъ Блаватской и преслѣдовалъ какія-то таинственныя, предосудительныя цѣли. Г-жа Желиховская, снова, очевидно, доведенная мною до «безумія» или «полубезумія», увѣряетъ, что она и доказала бы это... да *уликъ нѣтъ!*...

Во всякомъ случаѣ *странный* сообщникъ, который *ни отъ кого* не скрываетъ своихъ подозрѣній, недовѣрія и, *окончательно убѣдившись въ обманѣхъ*, — раскрываетъ ихъ, подвергая этимъ себя разнымъ крупнымъ непріятностямъ и мщенію изобличенныхъ шарлатановъ!!

Ну, а вотъ что такое теперь *она*, эта самая г-жа Желиховская, послѣ такого письма ея отъ 27 октября 1884 года и съ тѣхъ поръ какъ она стала прославительницей Блаватской, признала ея «дѣло» великимъ, а ея теософію — *высокимъ и чистымъ ученіемъ*?? Она, видите ли, заблуждалась, а теперь прониклась святостью своей сестры и ея ученія! Однако *все-таки* чтожъ это за «преступленіе», котораго просила отъ ея сестринской нѣжности Блаватская?? чего «безсовѣстнаго», «безчестнаго» она отъ нея хотѣла?? Понятіе о «преступленіи», о «безчестности», о «нравственной гибели» можетъ быть неясно для ребенка, а не для женщины, богатой жизненнымъ опытомъ, какою уже была въ 1884 году г-жа Желиховская! Накопецъ и *****, «этотъ величайшій христіанинъ и умнѣйшій человѣкъ», на своемъ смертномъ одрѣ *умолявшій* ее не поддаваться просьбамъ Блаватской — не могъ ошибаться въ значеніи предмета!.. Дѣло, очевидно, было не шуточное, а «тяжкое» — и поэтому *тогда* между Блаватской и ея сестрою — вромѣ ихъ сестринской любви, «заставлявшей закрывать глаза на многое», все было — *рознь*.

Только въ маѣ 1886 года, въ Эльберфельдѣ, произошло между сестрами *внезапное и полное единеніе*. Онѣ, во взаимному удовольствію, очевидно, хорошо договорились, договорились крѣпко. Г-жа Желиховская вѣроятно исполняетъ этотъ договоръ, по мѣрѣ своихъ силъ пропагандируя нынѣ въ Россіи славу Блаватской не какъ талантливой писательницы, а какъ создательницы теософическаго общества, провозвѣстницы «высокаго и чистаго ученія», «новаго откровенія, полученнаго отъ махатмъ тибетскихъ».

Ни мнѣ, да и никому не было бы дѣла заглядывать въ душу г-жи Желиховской — для постороннихъ людей это не представляетъ интереса. Но вѣдь вотъ она объявляетъ, что въ «теософическомъ *дѣлѣ*», о которомъ она писала, пишетъ и будетъ писать въ Россіи — все чисто, высоко и прекрасно, что оно представляетъ собою какое-то мировое движеніе съ великой будущностью. Говоря такъ, она очевидно (ибо иначе молчала-бы) силится привлекать къ этому великому дѣлу если не умы, то сердца русскихъ людей. А потому естественно и законно, — и ужъ вовсе не ради какой нибудь *личности* или желанія причинить непріятность г-жѣ Желиховской, — громко спросить ее: «чтожъ это, однако, за «преступленіе и безсовѣстное дѣяніе», которыя она *вдругъ* таинственно *примирила* съ посильной своей пропагандой неотесофій?»

Вопросъ, безспорно заслуживающій общаго вниманія, если неотеософія и ея развитіе имѣютъ общественное значеніе.

А они его имѣютъ.

Люди могутъ быть самыхъ различныхъ міровоззрѣній; можно быть христіаниномъ того или иного исповѣданія, магометаниномъ, буддистомъ, язычникомъ, матерьялистомъ. Но нельзя, оставаясь честнымъ человѣкомъ, равнодушно относиться къ явнымъ, доказаннымъ «обманамъ» въ религіозно-нравственной области. Нельзя, видя пропаганду такихъ обмановъ, молчать, зная въ чемъ тутъ дѣло.

Всякое «движеніе» неизбѣжно имѣетъ связь съ умственными и нравственными свойствами своего *перваго* руководителя и его помощниковъ. Въ «неотеософскомъ дѣлѣ» это особенно бросается въ глаза—оно все окрашено цвѣтами Блаватской и ея влики. Познакомиться съ Блаватской и К^о—значитъ познакомиться съ «сущностью теософическаго общества». Именно такъ на это всегда и смотрѣли всѣ, заинтересованные предметомъ, начиная съ цѣлаго общества англійскихъ ученыхъ и изслѣдователей психическихъ явленій. Эти ученые не боялись и не боятся обвиненій въ глупости и бабьемъ легковѣріи за то, что они наряжали комиссіи и разслѣдовали каждый «феноменъ» и каждое дѣйствіе Блаватской, желая *узнать, дѣйствительно узнать*—нѣтъ ли какой-нибудь истины среди многихъ обмановъ». Западно-европейскіе ученые видо вообще «ужасно отсталые и неумные люди въ сравненіи съ нѣкоторыми анонимными и иными *сотрудниками* нашихъ газетъ»!!!

Несмотря на это я тоже не боюсь «господъ анонимныхъ и иныхъ сотрудниковъ», какъ бы они ни считали для себя «удобнымъ» смотреть на мою «Современную Жрицу Изиды» и на меня лично.

Я сдѣлалъ то, что *долженъ* былъ сдѣлать.

V. Клевета въ печати.

Весьма *неискусно* лавируя у *черты*, гдѣ оканчивается юридическая безнаказанность и начинается уголовная отвѣтственность, г-жа Желиховская пишетъ по поводу засвидѣтельствованнаго присяжнымъ переводчикомъ въ Парижѣ перевода на французскій языкъ «исповѣди» Блаватской (стр. 230—234, 241 «Изиды»). Это странное упорство (*нежеланіе мое выслатъ изъ Россіи копи—разъ всѣ документы были оставлены въ Парижѣ именно для того, чтобы заинтересованные могли ихъ видѣть* (см. 258—259 стр. «Изиды»)) лишило меня возможности оправдать г. Соловьева, доказавъ, что все дѣло въ недосмотрѣ, въ ошибкѣ переводчика, а всѣхъ поголовно защитниковъ сестры моей заставило предположить *самое худшее*. Онъ меня поставилъ этимъ въ безвыходное положеніе и въ необходимость признать его виновнымъ не въ одномъ легкомысліи, какъ я до тѣхъ поръ думала... подлогъ, въ которомъ обвиняли и обвиняютъ

его разбиравши́е это дѣло—обвиненіе постыдное (стр. 150 брошюры)... Гебгардъ былъ совершенно правъ, увѣряя, будто Е. П. *утверждала*, что переводъ ея письма г. Соловьеву *невѣренъ*. *Онъ могъ бы еще прибавить, что это и я утверждаю* (стр. 145 брошюры).

Дальше будетъ видно, изъ письменнаго показанія свидѣтеля, избраннаго самою г-жей Желиховской и на котораго она указываетъ въ своей брошюрѣ, что она *разсказывала* даже всѣ подробности совершенія мною этого якобы *подлога*. Здѣсь, въ брошюрѣ, она не разсказываетъ этихъ подробностей; но дѣло отъ этого ничуть не измѣняется. Изъ приведенной выписки все и такъ ясно. О моемъ «легкомысліи» или «ошибкѣ переводчика» не можетъ быть рѣчи. Кто-бы ни дѣлалъ эти переводы—я, либо другой,—это безразлично, разъ на оригиналѣ и переводѣ приложены штемпеля *присяжнаго переводчика* и его удостовѣреніе. За вѣрность перевода, за вѣрность смысла каждой фразы отвѣчаетъ не переводившій, а *только присяжный переводчикъ*, официально засвидѣтельствовавшій переводъ и заштемпелевавшій оригиналъ, съ которымъ онъ сличалъ его. Отвѣтственность этого присяжнаго переводчика велика передъ закономъ во всѣхъ государствахъ. *Значитъ* переводы, провѣренныя, заштемпелеванныя и засвидѣствованныя *присяжнымъ* переводчикомъ парижскаго апелляціоннаго суда, извѣстнымъ лингвистомъ, знатокомъ русскаго языка Жюлемъ Бэссакомъ—не могутъ быть *невѣрными*.

Если въ подобномъ переводѣ дѣйствительно (какъ *говоритъ г-жа Желиховская*) пропущена *существенная фраза*, то нельзя даже предположить, что она оказалась зачеркнутой на оригиналѣ, ибо въ такомъ случаѣ присяжный переводчикъ *отмѣтилъ бы это*. *Значитъ*—или переводъ его сдѣланъ съ *поддѣльнаго* оригинала, или въ самомъ переводѣ, *уже по его засвидѣствованіи*, совершенно *уничтоженіе* этой фразы. Третье предположеніе заключается въ томъ, что какъ на *подлинномъ* оригиналѣ, такъ и на *невѣрномъ* переводѣ находятся *поддѣльные штемпеля и поддѣльное засвидѣтельствованіе* (именно объ этомъ разсказывала г-жа Желиховская, какъ будетъ видно изъ письма полковника Брусилова).

Во всѣхъ трехъ причинахъ *невѣрности перевода*, разъ этотъ переводъ *дѣйствительно невѣренъ, подлогъ не подлежитъ никакому сомнѣнію*.

Г-жа Желиховская печатно, на страницѣ 145 своей брошюры, *«утверждаетъ»*, что *переводъ невѣренъ и ужь одной этой фразой обвиняетъ меня въ подлогѣ!*

Всѣ ея дальнѣйшія разсужденія, выгораживаніе себя и даже, въ одномъ мѣстѣ, внезапный переходъ отъ утвержденія къ предположенію—не могутъ имѣть никакого значенія. Разъ напечатана фраза о томъ, что она *утверждаетъ* невѣрность перевода (отсутствіе въ немъ фразы: я пойду на ложь (стр. 140),—я обвиненъ въ подлогѣ, обвиненъ ужь не изъ-за угла, ужь не словесно передъ людьми, которые повѣряютъ на-слово, безъ всякихъ доказательствъ, которые не задумаются нести дальше, тихомолкомъ, подъ полой, это отвратительное обвиненіе..

Я обвиненъ печатно, во всеуслышаніе, въ самомъ грязномъ преступленіи.

Ну что-бъ я дѣлалъ, еслибъ г-жа де-Морсье, у которой въ Парижѣ хранились всѣ эти документы, какъ нибудь ихъ уничтожила, подумавъ, что ужъ теперь не всплыветъ эта исторія и что они больше не нужны?

По счастью г-жа де-Морсье сохранила документы и переслала мнѣ ихъ годъ тому назадъ.

Г-жа Желиховская на страницѣ 144 своей брошюры, объясняя, что лѣтомъ 1892 года въ Парижѣ ей этого засвидѣтельствованнаго Бэссакомъ «перевода показатъ не хотѣли,» — торжественно, жирнымъ шрифтомъ, спрашиваетъ:

Гдѣ же онъ?

Отвѣчаю: Онъ здѣсь, готовъ для экспертизы и, конечно, въ немъ, на своемъ мѣстѣ заключается фраза, о которой г-жа Желиховская говоритъ, что ея нѣтъ: «*Je vais mentir, horriblement mentir et on me croira facilement*». Эта фраза оказывается даже именно на томъ полумистъ, идѣ Бэссака подписала свое удостовѣреніе и приложила свой оффиціальный штампъ. Его не то что не хотѣли, а физически не могли показать, лѣтомъ 1892 года въ Парижѣ, г-жѣ Желиховской, потому, что онъ, съ другими документами, былъ уже мнѣ давно пересланъ. Еслибы я зналъ, что она поѣдетъ въ Парижъ смотрѣть его — я показалъ бы его ей, при свидѣтеляхъ, въ Петербургѣ.

Но г-жа Желиховская, какъ говорится, не спросясь броду сунулась въ воду, не могла увидѣть въ Парижѣ документовъ и, надо полагать, заключила изъ этого, что они уничтожены. Только это предположеніе и объясняетъ... смѣлость, съ какою она рѣшилась печатно обвинять меня въ подлогѣ. Нѣтъ документовъ, пропали, уничтожены, потеряны — ну-ко, молъ, докажи!..

Откуда же взяли «защитники» Блаватской, что именно въ «исповѣди» заключается «прямое» признаніе въ «измышленіи махатмъ»? Мнѣ кажется, что все это было нарочно запутано и перепутано Блаватской, а она умѣла художественно запутывать, такъ что у людей совсѣмъ мутилось въ головѣ и они переставали понимать что такое говорить, и что думаютъ. Кто зналъ ее и видалъ «въ дѣйствіи,» — тотъ отлично можетъ себѣ представить какъ все это было.

Парижскіе же теософы пришли къ убѣжденію, что она выдумала «своихъ махатмъ, бывшихъ у нея на побѣгушкахъ,» потому что повѣрили моему письменному сообщенію о событіяхъ въ Вюрцбургѣ, столь прекрасно иллюстрированному и подтвержденному какъ «исповѣдью,» такъ и отрывками изъ послѣдовавшихъ за ней писемъ Блаватской, также переведенныхъ и засвидѣтельствованныхъ Бэссакомъ. Особенно сильное впечатлѣніе на всѣхъ произвело тогда письмо, начинающееся со словъ: «что я *вамъ* (два раза подчеркнуто) сдѣлала?» и въ которомъ заключена фраза: «Да меня бы вѣшали — я бы васъ не *выдала*, да и никого другого не выдала бы — даже зная что это *правда* — а молчала бы (стр. 236 — 237 «Изиды»)». Очень помогла также роль Блаватской въ исторіи Могини и миссъ Л., письма ея (Блаватской) къ m-me де-Морсье и многіе факты, тогда

же разслѣдованные и узнанные какъ во Франціи, такъ и въ Англіи. Этихъ фактовъ я не коснулся въ «Изидѣ» именно потому, что не хотѣлъ выставлять противъ Блаватской излишнихъ обвиненій, безъ которыхъ можно было обойтись. М-те де-Морсье, въ своемъ письмѣ Гебгарду (стр. 263—266 «Изиды»), выясняетъ все это.

Но всего интереснѣе во всей этой путаницѣ, злостной путаницѣ, противъ меня направленной, вотъ что: зачѣмъ же лѣтомъ 1886 года «защитники» Блаватской и г-жа Желиховская во главѣ ихъ, вмѣсто того, чтобы кричать о моемъ подлогѣ и т. д., не съѣздили въ Парижъ? Вѣдь тамъ и всѣ документы, и м-те де-Морсье, и Бессакъ были на лицо. Г-жа Желиховская извѣщала меня, что ѣдетъ въ Парижъ для чтенія документовъ — и не поѣхала. Отчего не поѣхала?! Если *весь вопросъ былъ въ томъ* — заключается или нѣтъ въ переводѣ фраза: «Je vais mentir, horriblement mentir...», — поѣхала бы, справилась — и узнала бы истину.

Но въ томъ-то и дѣло, что имъ всѣмъ этого вовсе не хотѣлось — узнавать истину! Имъ именно надо было сидѣть въ Эльберфельдѣ, кричать, обвинять меня въ подлогѣ, а Блаватскую представлять невинной моей жертвой. Не останавливались передъ измышленіемъ самыхъ невѣроятныхъ подробностей этого мнимаго подлога.

А я — я сдѣлалъ свое дѣло, оставилъ засвидѣтельствованные документы для осмотра желающихъ, уѣхалъ въ Россію, старался объ одномъ: позабыть всю эту грязь, всѣ эти шарлатанства, обманы, — и только въ декабрѣ 1891 года, изъ словъ г-жи Желиховской г. Брусилову, а потомъ и прямо въ глаза мнѣ, въ его присутствіи, узналъ въ какомъ ужасѣ меня обвиняютъ, понялъ всю глубину теософскаго мщенія!..

VI. Новыя инсинуаціи.

Казалось бы — за-глаза ужъ довольно темныхъ клеветническихъ намековъ относительно моего сообщничества съ Блаватской и моихъ таинственныхъ чаяній отъ махатмъ, а наконецъ даже и прямого обвиненія меня въ тяжкомъ и грязномъ преступленіи, въ *подлогѣ* — съ цѣлью... оклеветать невинную женщину-страдалцу, создавшую своимъ геніемъ «чистое и нравственное духовно-отвлеченное ученіе, спасительное для распатанныхъ безвѣріемъ западниковъ!!» Куда-жъ идти дальше?

Но беззастѣнчивость и упорство г-жи Желиховской такъ же безпредѣльны, какъ и ея «правдивость». Какой бы то ни было пощады ждать отъ нея нельзя. Всѣ, выставленныя пока противъ меня обвиненія все же еще имѣютъ отношеніе къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь, — къ Блаватской и ея обществу. Такъ этого мало: надо подобраться ко мнѣ съ другой стороны, облить грязью мою интимную, внутреннюю жизнь.

И до чего, приэтомъ, просты приемы мстящей дамы! Ей хочется, между прочимъ, показать, что я... «не христіанинъ», — и вотъ она объявляетъ, что у нея есть на то *неопровержимое, вполне и для всѣхъ достаточное, важное* доказательство. Какое-же?.. Ея дневникъ!! Въ этомъ дневникѣ (стр. 33 брошюры) будто-бы сказано, что 5 (17) іюня 1884 года я гулялъ съ г-жей Желиховской по Парижу и не захотѣлъ войти вмѣстѣ съ нею въ нашу церковь. Затѣмъ, уже на память, авторъ «Правды о Е. П. Блаватской» вышисываетъ по этой канвѣ фантастическія арабески. Если-бы ея дневникъ и былъ доказательствомъ, еслибы въ немъ это и было написано, еслибы все это и было въ дѣйствительности—гдѣ же, однако, тутъ доказательство моего «нехристіанства»?! Г-жа Желиховская очевидно рассчитываетъ на крайне наивныхъ читателей. Развѣ самый ревностный христіанинъ и богомольный человекъ не можетъ, по той или иной, самой простой и естественной причинѣ, въ извѣстную минуту не желать войти въ церковь? Съ другой стороны, развѣ самый отъявленный безбожникъ будетъ «бояться» (по выраженію г-жи Желиховской) войти въ церковь? Вотъ до чего жажда мщенія помрачаетъ мою противницу!

Я никогда не дѣлалъ тайны изъ моихъ религіозныхъ убѣжденій, завѣщанныхъ мнѣ моимъ отцомъ. Если были когда во мнѣ нѣкоторыя смущенія, то это ужъ дѣло моей совѣсти. Во всякомъ случаѣ я никогда не выносивъ передъ публикой этихъ временныхъ смущеній и кончилъ тѣмъ, что справился съ ними. Два десятка лѣтъ я пишу и написалъ много. Во всѣхъ моихъ, быть можетъ и крайне несовершенныхъ, писаніяхъ невозможно найти ничего, что исходило бы не отъ христіанина. Такимъ образомъ таинственная «записная книжка» дамы, хоть и получающей нынѣ, благодаря всему этому дѣлу, весьма лестную «славу»,—является ужъ чересчуръ курьезнымъ и комичнымъ свидѣтелемъ... моего *кликушества*!

Но эта мстящая дама, эта защитница «нео-буддизма», даже совершенно непонимающая доктрины, о которой говорить (ибо, въ лучшемъ случаѣ, только крайнимъ невѣжествомъ объясняется ея утверденіе, что она — православная, и въ то же время защита ея «теософіи» Блаватской, какъ высокаго, чистаго и духовнаго ученія, какъ *противуположна матерьялизму*),—эта дама стремится поразить меня прямо въ сердце. Касаясь, по своему, совершенно неидущихъ къ дѣлу, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ Блаватской и «теософіи», интимныхъ обстоятельствъ моей жизни,—г-жа Желиховская заставляетъ меня на нихъ останавливаться. Она рассказываетъ какъ я изъ ея дома ѣхалъ вѣнчаться и какъ она благословила меня и мою невѣсту; но тутъ же *спохватывается* и дѣлаетъ такую выноску: «Спѣшу оговориться: я благословила одну невѣсту. Г. Соловьевъ низачто не соглашался, чтобы я его перекрестила образомъ, что меня крайне огорчило: я думала, что эта странность у него прошла». Какова прелесть! тутъ даже ссылки на «дневникъ» нѣтъ; надо и безъ «дневника» повѣрить г-жѣ Желиховской, что я «кликуша» или «порченный», боящійся креста. И это въ такую-то минуту! Какъ истая послѣдовательница «высокаго и чистаго» уче-

нія своей сестры, отвергающаго Бога и святыню, г-жа Желиховская не смущается даже передъ «крестомъ»—и передъ мнѣніемъ о ней каждаго порядочнаго и разумнаго челоѣка, который прочтетъ 136 страницу ея брошюры...

Но вѣдь я дѣйствительно ѣхалъ вѣнчаться изъ квартиры г-жи Желиховской. Она заставляетъ меня вспоминать самый счастливый день въ моей личной жизни. Я былъ глубоко благодаренъ г-жѣ Желиховской и ея дѣтямъ за ихъ дружеское участіе, за которое полюбилъ ихъ какъ родныхъ, не смотря на кратковременность личнаго знакомства, и самъ со своей стороны, старался, какъ только могъ, отвѣтить имъ такимъ же участіемъ. Эта благодарность заставила меня, когда, очень скоро послѣ того, г-жа Желиховская стала весьма странно дѣйствовать въ «теософскомъ» вопросѣ,—закрывать глаза и стараться не видѣть ея дѣйствій. Но она, уѣхавъ въ Эльберфельдъ, смастерила, какъ извѣстно читателямъ, такое, послѣ чего закрывать глаза стало невозможнымъ и оставалось только скорбѣть сердцемъ.

Она пишетъ, что, во время ея отсутствія и пребыванія въ Эльберфельдѣ, я запугивалъ ея дѣтей (вторую дочь и сына), внушая имъ просить мать и старшую сестру скорѣе вернуться во избѣжаніе грядущихъ бѣдъ и гибели ихъ души. Это хотъ и утрировано, конечно, но все же нѣсколько смахиваетъ на истину, съ той только разницей, что *тогда* и дочь и сынъ г-жи Желиховской были (можетъ быть только на словахъ?) вполне согласны со мною и мнѣ нечего было «внушать» имъ. Мы всѣ очень боялись за г-жу Желиховскую и я не разъ слыхалъ такіа слова: «отъ этой теософіи и отъ этой тетухи кромѣ горя никогда ничего не было и не будетъ». Во всякомъ случаѣ, еслибы это даже было только *мое* убѣжденіе,—оно оправдалось въ полной мѣрѣ. Конечнымъ результатомъ этой поѣздки для г-жи Желиховской оказалась *нынѣ* ея брошюра и настоящій мой отвѣтъ, документально доказывающій ложное обвиненіе меня въ подлогѣ и многое другое. А развѣ клевета на ближняго, и такая клевета, не есть гибель души?! Значить, было у меня основаніе бояться за душу г-жи Желиховской. Далѣе она пишетъ, что, получивъ въ Эльберфельдѣ *убѣжденіе* въ содѣянномъ мною *ужасѣ*, т. е. *подлогѣ*, по возвращеніи въ Петергофъ (гдѣ жилъ и я) она «*понятно*», прекратила знакомство со мною (стр. 150, 151 брошюры).

Оно, «понятно», такъ бы именно и было, еслибы благородная женщина, убѣдясъ въ «подлогѣ», сдѣланномъ челоѣкомъ, которому она вѣрила, справедливо вознегодовала. Конечно, она должна была закрыть ему двери своего дома немедленно по возвращеніи. О чемъ же было толковать, когда *все* такъ *ужасно* выяснилось?!!

Къ сожалѣнію для г-жи Желиховской и въ доказательство того, что она *и по возвращеніи изъ Эльберфельда* въ моихъ дѣйствіяхъ ничего дурнаго не видѣла, въ мой подлогъ *никогда не вѣрила*, и вообще всѣми мѣрами желала, для себя и для своей семьи, продолженія дружескихъ отношеній со мною,—вотъ собственноручно написанныя ею слова въ ея письмѣ ко мнѣ *отъ 14 іюля 1886 года*,

Петербургъ, т. е. черезъ нѣкоторое время по ея прибытіи изъ Эльберфельда:

Письмо г-жи Желиховской, помѣченное ею 14 іюля 1886 года.

«Ну-съ, друзья мои или, по вашему, быть можетъ *бывшіе* друзья мои,—такъ мы разошлись? Я была такъ увѣрена, что вы можете заблуждаться и вѣрить сплетнямъ лишь до перваго съ нами свиданія и разговора, что въ первый же день пріѣзда готова была сама, васъ не выжидая, идти на встрѣчу вамъ вслѣдъ за В.; но В. неожиданно встрѣтила такой пріемъ, послѣ котораго я должна была остановиться и ждать васъ,—не желая подвергать себя тому-же. Какъ бы то ни было, я права, а потому и не боюсь протянуть вамъ руку на честное забвеніе недоразумѣній. Приходите сами, если хотите добрыхъ отношеній: письмами, кромѣ раздраженія, ничего не добьетесь. Я бы и сама не писала, а пришла бы къ вамъ, еслибъ, *послѣ вашего явнаго устраненія*, не считала себя вправѣ выжидать, не рискуя. Готовая по прежнему любить васъ обоихъ. В. Желиховская».

И все это написано послѣ того, какъ она, по ея напечатаннымъ ею словамъ, *убѣдилась* въ Эльберфельдѣ въ моемъ подлогѣ, въ разныхъ моихъ *«неправдахъ»*, доведшихъ ее до безумія», послѣ того какъ я «заставлялъ ея дѣтей переживать пытку» и т. д.!!!

Вотъ какимъ образомъ г-жа Желиховская покончила знакомство со мною по возвращеніи изъ Эльберфельда, гдѣ убѣдилась въ содѣянномъ мною, ради погибели ея невинной сестры, подлогѣ!!! Отсутствіе памяти и неспособность соображать свои слова, приготовляемыя для печати,—два большихъ порока. Или, можетъ быть, и это письмо—мой новый подлогъ?..

Я не пошелъ къ г-жѣ Желиховской, ибо *недоразумѣній* никакихъ не было. М-те де Морсье сообщила ужъ мнѣ тогда нѣкоторые *факты*—и я *кое-что зналъ*. Какъ мнѣ противно и тяжело говорить обо всемъ этомъ! Но что же мнѣ дѣлать, когда г-жа Желиховская напечатала свою брошюру и ее читають?!... Вотъ въ какую область могутъ завести инныя знакомства.

Г-жа Желиховская идетъ еще дальше. Она возвышается до темнаго намека на что-то еще болѣе темное въ моемъ прошломъ. Въ моемъ прошломъ могло быть большое личное сердечное горе, сопряженное съ семейными и всякими непріятностями, могли быть, по выраженію г-жи Желиховской, «романическія» подробности; но, слава Богу, не было ничего такого, за что я долженъ былъ-бы краснѣть и стыдиться, что, такъ или иначе, касалось бы моей чести. Передъ безыменными клеветами и сплетнями, или совсѣмъ мнѣ неизвѣстными, или достигающими до меня въ видѣ какихъ-то неопредѣленныхъ слуховъ, я конечно, какъ и всякій человѣкъ, безсиленъ.

Но пусть мнѣ, не въ анонимномъ письмѣ (я ихъ ужъ получалъ), а прямо, лицомъ къ лицу, съ указаніемъ источника, скажутъ:

кто и въ чемъ, несогласномъ съ честью и порядочностью, меня обвиняетъ,—и я спокойно рассчитываю, что смогу представить такія же ясныя доказательства лживости обвиненія, какъ и представленныя мною на этихъ страницахъ въ опроверженіе исторіи мнимаго подлога и прочихъ великихъ и малыхъ ужасовъ, измышленныхъ г-жой Желиховской.

Нисколько не защитивъ память Блаватской (не будь это дѣло такой общественной важности и не подними его сама же столь нѣжная сестра,—никто и не затронулъ бы этой памяти), а только очернивъ окончательно свою сестру, г-жа Желиховская, въ своей безсильной злобѣ, очевидно сама не понимаетъ, что такое дѣлаетъ...

VII. Новые документы.

Приводя, то тамъ, то здѣсь, «по кусочкамъ», мое *поддабривающее* письмо къ Блаватской отъ 8 Окт. (нов. ст.) 1885 г. насмѣшливый тонъ котораго былъ отлично понятъ Блаватской, также какъ и всякому *внимательному* моему читателю, г-жа Желиховская строитъ на немъ самыя ужасныя обвиненія. Въ своемъ мѣстѣ я разобралъ и объяснилъ это письмо подробно. Почему, какъ и что я говорилъ г-жѣ Аданъ и г. Шарлю Ришэ—читателю уже извѣстно. Я ничего не выдумалъ и не «сочинилъ», а только, такъ сказать, съехидничалъ на почвѣ дѣйствительности. Неужели это было съ моей стороны ужъ такое «преступленіе»—съехидничать и посмѣяться надъ Блаватской—послѣ всѣхъ чудесъ въ Вюрцбургѣ, послѣ того, что она продѣлывала со мною! Авось безпристрастные и умные люди не вынесутъ мнѣ за это обвинительнаго приговора! Блаватская, хоть и находила на нее иной разъ наивность, была хитра—и ужъ никакъ не могла въ «серьезъ» принять моихъ словъ о томъ, что я обращаю въ теософію, по выраженію г-жи Желиховской,—передовыхъ людей Европы. Блаватская очень хорошо знала, что съ «серьезными» людьми я не шучу и не насмѣшничалъ, какъ всегда шутилъ и насмѣшничалъ съ нею и ея сподвижниками, за что, съ самаго начала, получалъ отъ нея, и устно и *письменно* (см. «Изиду») прозвища «подозрителя», «Θомы невѣрнаго», «Мефистофеля» и т. д. Ошибиться въ смыслѣ моего письма, повторяю, Блаватская не могла и если кому потомъ выставляла его въ видѣ письма «серьезнаго», то это было лишь *притворство*, ясное изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Но вотъ г-жа Желиховская съ пафосомъ восклицаетъ, что вѣдь такіе европейски извѣстные люди, какъ г-жа Аданъ и Ришэ «во всякое данное время могутъ, путемъ прессы, спросить меня какъ смѣлъ я ихъ морочить?» Не думаю, чтобы меня спросила объ этомъ т-ше Аданъ; но если спросить и *вопросъ ея станетъ мнѣ извѣ-*

стенъ—я по пунктамъ отвѣчу ей и сообщу хоть и запоздавший на 8 лѣтъ,—но не потерявший своей курьезности мой «интервью» съ этой интересной язычницей конца XIX вѣка.

Что касается г. Шарля Ришэ—вотъ его собственноручное письмо, удостоверяющее какъ именно я его *морочилъ*, а также отвѣчающее на *выдумки* г-жи Желиховской въ декабрьской книгѣ «Русскаго Обзорѣнія» за 1891 г., о которыхъ я упомянулъ на страницахъ 28—42 «Изиды».

Удостоверение Шарля Ришэ.

Dimanche 12 Mars. 1893.

Cher Monsieur Solovioff, je suis tout prêt à vous fournir sur mad. Blavatsky tous les renseignements que vous jugerez nécessaires, et que je pourrai vous donner.

Je l'ai connue à Paris en 1884, par l'entremise de mad. de Barrau; et je n'ai jamais été ni de ses intimes ni de ses amis. Je l'ai vue en tout deux fois certainement, et peut être trois fois, peut être même quatre fois; mais à coup sur ce n'est pas plus de quatre fois. Ce n'est pas ce qu'on peut appeler, en langue française, de l'intimité. J'étais—et je le suis encore—curieux de tout ce qui peut nous éclairer sur l'avenir de l'homme et les forces occultes, je ne savais—et je ne sais pas encore—si elles existent, ces forces occultes, mais je pense que le devoir d'un savant est de chercher même là s'il y a quelque vérité cachée au fond de beaucoup d'impostures. Lorsque je vous ai vu *), vous m'avez dit—«Reservez votre jugement, elle m'a montré des choses qui me paraissent très étonnantes, mon opinion n'est pas faite encore, mais je crois bien que c'est une femme extraordinaire, douée de propriétés exceptionnelles. Attendez, et je vous donnerai de plus amples explications».

J'ai attendu, et vos explications ont été assez conformes à ce que je supposai tout d'abord, à savoir que c'était sans doute une mystificatrice, très intelligente assurément, mais dont la bonne foi était douteuse.

Alors sont arrivées les discussions que la S. P. R. anglaise a publiées (Coulomb et Hodgson) et ce doute n'a plus été possible.

Cette histoire me paraît fort simple. Elle était habile, adroite; faisait des jongleries ingénieuses, et elle nous a au premier abord tous déroutés!

Mais je mets au défi qu'on cite une ligne de moi—imprimée ou manuscrite—qui témoigne d'autre chose que d'un doute immense et d'une réserve prudente.

A vrai dire, je n'ai jamais cru sérieusement à son pouvoir; car en fait d'expériences, la seule vraie constatation que je puisse admet-

*) Я познакомился съ г. Шарлемъ Ришэ, тогда-же въ 1884 году, въ домѣ г-жи де-Барро и видѣлъ его одинъ разъ у Блаватской.

tre, elle ne m'a jamais rien montré de démonstratif. Quant à ce *tout Paris* qui l'a adulée, c'est une bien sotte légende: il n'y avait, pour lui rendre visite, que cinq ou six de mes amis, alors fort jeunes, et qui appartenaient plutôt à des groupes d'étudiants qu'à des groupes de savants; nous n'avons été, ni les uns ni les autres, séduits par le peu de soi disant *phénomènes*, qu'elle nous a montré.

Voilà, cher Monsieur Solovioff, tout ce dont je me souviens avec précision. Faites de ma lettre ce que vous voudrez, je me fie entièrement à vous.

Croyez moi, je vous prie, votre bien affectionné
Charles Richet.

Переводъ. Воскресенье 12 марта 1893. Дорогой господинъ Соловьевъ, я готовъ снабдить васъ о г-жѣ Блаватской всѣми свѣдѣніями, какія вы сочтете необходимыми и какія я буду имѣть возможность вамъ дать. Я съ ней познакомился въ Парижѣ въ 1884 году, при посредствѣ г-жи де-Барро, и никогда не былъ ей ни своимъ человѣкомъ, ни другомъ. Я видѣлъ ее, навѣрное, всего два раза, можетъ быть три, можетъ быть даже и четыре раза; но ужъ во всякомъ случаѣ не больше четырехъ разъ. Этого нельзя назвать, на французскомъ языкѣ, близостью. Я былъ заинтересованъ—и до сихъ поръ интересуюсь—всѣмъ, что можетъ насъ просвѣтить относительно будущности человѣка (*за гробомъ*) и таинственными силами, я не зналъ—и до сихъ поръ не знаю—существуютъ ли онѣ, эти таинственныя силы; но думаю, что обязанность ученаго—искать, нѣтъ ли какой нибудь истины, скрытой на днѣ многихъ обмановъ. Когда я васъ увидѣлъ, вы мнѣ сказали: «повремените съ вашимъ сужденіемъ, она мнѣ показала вещи, кажущіяся мнѣ очень удивительными, мое мнѣніе еще не составлено, но я думаю, что это женщина необыкновенная, одаренная свойствами исключительными. Подождите—и я вамъ дамъ болѣе полныя объясненія».

Я ждалъ и объясненія ваши оказались достаточно сходными съ тѣмъ, что я и самъ прежде всего предполагалъ, а именно, что она, конечно, морочила (слова *mystificatrice* на русскомъ языкѣ нѣтъ, по прямому смыслу фразы именно: морочила), была женщина, разумѣется, очень умная, но съ сомнительной добросовѣстностью.

Засимъ появились пренія, опубликованныя Лондонскимъ Обществомъ Психическихъ изслѣдованій (Куломбы и Годжсонъ)—и сомнѣніе уже стало невозможнымъ.

Исторія эта мнѣ кажется очень простой. Она была искусна, ловка, производила ловкіе фокусы и сразу всѣхъ насъ сбивала съ толку.

Но я хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ это кто нибудь приведетъ хоть одну мою строку,—напечатанную или написанную,—которая бы свидѣтельствовала что либо кромѣ огромнаго сомнѣнія и благо-разумной сдержанности.

По истинѣ сказать, я никогда серьезно не вѣрилъ въ ея могущество, ибо, что касается опытовъ,—единственнаго истиннаго до-

казательства, какое я признаю,—она никогда не показала мнѣ чего либо убѣдительнаго. Что же касается этого «всего Парижа», преклонявшагося передъ нею—*это очень глупая легенда*: у нея были только пять или шесть моихъ пріятелей, тогда очень юныхъ и принадлежавшихъ скорѣе къ числу студентовъ, чѣмъ къ числу ученыхъ; но мы, ни тѣ ни другіе, не были соблазнены малой честицей такъ называемыхъ *феноменовъ*, которую она намъ показала.

Вотъ, дорогой Господинъ Соловьевъ, все, что я отчетливо помню. Дѣлайте съ моимъ письмомъ что хотите, я совершенно вамъ довѣряю.

Прошу васъ вѣрить и т. д.

Шарль Ришэ.

1) Г-жа Желиховская *отрицаетъ категорически* и называетъ «побасенками» мое сообщеніе о томъ, что между мной и ею былъ уговоръ, чтобы она ничего не печатала въ Россіи о теософической дѣятельности Блаватской и ея «феноменахъ» для того, чтобы не обращать вниманія на это матерьялистическое ученіе, и что только исполненіемъ ею этого уговора обуславливалось мое молчаніе въ печати относительно всего, мнѣ извѣстнаго о Блаватской и ея обществѣ.

2) Г-жа Желиховская говоритъ въ брошюрѣ своей (стр. 29, 30), что я въ декабрѣ 1891 года переслалъ ей найденный мною въ моихъ бумагахъ портретъ Блаватской одновременно съ предложеніемъ *возвратить мнѣ мои письма (курсивъ въ брошюрѣ)* къ ней и къ сестрѣ ея (буде таковыя у нея окажутся) въ обмѣнъ на письма ко мнѣ г-жи Желиховской. «Я отвѣчала, — пишетъ она, — что *письма ему не отдамъ*». Затѣмъ на страницѣ 152 брошюры такія слова: «Онъ, впрочемъ, предлагалъ мнѣ цѣной возвращенія его переписки съ моей семьей откупиться (жирный шрифтъ въ брошюрѣ) отъ его личныхъ на меня нападокъ; но я сама отъ *выкупа отказалась*...»

На это и на кое-что другое, еще поважнѣе, пусть отвѣтитъ ниже слѣдующее письмо А. А. Брусилова, на котораго, какъ на посредника между нами и свидѣтеля, указываетъ сама г-жа Желиховская въ своей брошюрѣ.

Удостовереніе полковника А. А. Брусилова.

Милостивый Государь

Всеволодъ Сергѣевичъ.

Вслѣдствіе выхода въ свѣтъ брошюры «Е. П. Блаватская и современный жрецъ истины», «отвѣтъ г-жи Игрекъ (В. П. Желиховской) Г-ну Вс. Соловьеву» я, по вашему желанію, считаю долгомъ письменно изложить о тѣхъ переговорахъ, которые я велъ между вами и г-жею Желиховскою и о вашемъ съ нею разговорѣ, происходившемъ у меня въ домѣ, въ моемъ присутствіи.

Въ началѣ декабря 1891 года, по поводу статьи г-жи Желиховской, появившейся въ ноябрьской книгѣ «Русскаго Обзорѣнія» о г-жѣ Блаватской, вы, зная что я знакомъ съ семейю г-жи Желиховской и бываю у нихъ, просили меня переговорить съ нею и уговорить ее не печатать дальше біографіи ея сестры, на томъ основаніи, что вы не желали бы причинять непріятностей г-жѣ Желиховской, памятуя ваши прежнія дружественныя съ нею отношенія. Между тѣмъ, если она будетъ продолжать писать въ томъ же тонѣ о г-жѣ Блаватской, вы окажетесь вынужденнымъ ей возражать по существу, считая это долгомъ своей совѣсти. Вы просили ей напомнить вашъ уговоръ о томъ, чтобы ни съ той, ни съ другой стороны не писать о Блаватской, какъ объ основательницѣ новаго ученія и распространительницѣ теософіи. Наконецъ вы выразили желаніе свидѣться съ нею на нейтральной почвѣ для рѣшенія этого вопроса.

Я въ тотъ же вечеръ заѣхалъ къ В. П. Желиховской и передалъ ей ваше порученіе. Она отвѣтила мнѣ, что недоумѣваетъ почему вы приняли такъ къ сердцу ея статью въ «Русскомъ Обзорѣніи», которая, по ея мнѣнію, никому никакого вреда сдѣлать не можетъ. и согласилась на свиданіе съ вами черезъ нѣсколько дней, когда она оправится отъ нездоровья, но съ тѣмъ, что если вы не желаете пріѣхать къ ней, то чтобы оно состоялось у меня и въ моемъ присутствіи—на что я изъявилъ согласіе.

Кромѣ того г-жа Желиховская просила передать вамъ, что она о васъ ни слова не писала, не желая затрогивать васъ, а, между тѣмъ, она могла бы причинить большія непріятности обнародовавъ, что у теософовъ есть форменное свидѣтельство, выданное имъ присяжнымъ переводчикомъ въ Парижѣ Жюлемъ Бэссакомъ, въ которомъ значится, что онъ отказался свидѣтельствовать переводы писемъ къ вамъ г-жи Блаватской вслѣдствіи ихъ невѣрности и что, очевидно, эти письма подложны, а печати, какъ теософы полагаютъ, были приложены вами самими въ то время какъ Бэссакъ вышелъ изъ комнаты. Какъ это извѣстіе, такъ и многія ея воззрѣнія на ваши другъ къ другу отношенія она просила передать вамъ. Я предложилъ ей изложить мнѣ въ письмѣ все, что ей угодно сообщить вамъ, и получивъ письмо, приводимое въ ея брошюрѣ на стр. 147, далъ вамъ его прочесть.

Въ половинѣ декабря состоялось ваше свиданіе у меня, въ моемъ присутствіи. Наканунѣ этого дня дочь г-жи Желиховской, Надежда Владиміровна, выразила желаніе также присутствовать на этомъ свиданіи, о чемъ я довелъ до вашего свѣдѣнія. Вы на это не согласились, потому что не считали удобнымъ, въ виду шекотливаго оборота, какой могъ принять вашъ разговоръ, откровенно говорить съ матерью въ присутствіи ея дочери.

Въ началѣ вашего объясненія г-жа Желиховская очень горячилась, но затѣмъ успокоилась и въ концѣ вы вели разговоръ въ спокойномъ тонѣ. Изъ этой бесѣды я отчетливо помню слѣдующее: вы напомнили г-жѣ Желиховской обстоятельства, при которыхъ состоялось ваше обоюдное согласіе ничего не печатать въ Россіи

относительно г-жи Блаватской и теософического общества, и Вѣра Петровна на сей разъ этого уговора не отрицала, но говорила, что статьи ея о сестрѣ написаны именно въ такомъ тонѣ, который его не нарушаетъ, съ чѣмъ вы не согласились. Затѣмъ вы просили ее прекратить ея пропаганду дѣяній и ученія ея сестры и не помѣщать 2-ой статьи въ «Русскомъ Обзорѣ». На это г-жа Желиховская отвѣтила, что теперь, о чемъ она и сама сожалѣтъ, это ужъ совершенно невозможно, такъ какъ книга журнала уже отпечатана и съ этимъ она ничего подѣлать не можетъ. Въ 3-хъ вы спросили ее — о какихъ это подложныхъ письмахъ и фальшивыхъ печатяхъ она мнѣ говорила, и она подтвердила вамъ все, мною уже рассказанное выше. На это вы отвѣтили, что напишете Бэссакъ и такой клеветы не оставите безъ документальнаго опроверженія. Наконецъ вы предложили ей обмѣняться вашими частными письмами, исключительно касающимися семейныхъ дѣлъ какъ вашихъ, такъ и семьи г-жи Желиховской, на что Вѣра Петровна тотчѣ съ же согласилась говоря: «извольте, съ удовольствіемъ!» Вмѣстѣ съ тѣмъ она совѣтовала вамъ ничего не писать противъ г-жи Блаватской, потому что ея послѣдователи, родня и друзья могущественны и причинять вамъ тяжкія непріятности. Вы же отвѣтили, что исполните свой долгъ, а тамъ что будетъ, то будетъ.

О передачѣ вашихъ писемъ къ Блаватской и обратно никакого разговора не было. Кончивъ этимъ соглашеніемъ по поводу обмѣна интимныхъ писемъ, вы разстались и г-жа Желиховская вскорѣ ушла.

Къ сему могу еще добавить, что обмѣнъ писемъ не состоялся потому, что не пожелали этого именно вы, а не г-жа Желиховская, какъ она это утверждаетъ въ своей брошюрѣ. Вы мотивировали вашъ отказъ соображеніемъ, что, быть можетъ, не всѣ такія письма сохранились и какъ бы не вышло поэтому между вами какого-нибудь недоразумѣнія.

Портретъ г-жи Блаватской былъ мною переданъ г-жѣ Желиховской отъ васъ задолго до появленія первой статьи ея въ «Русскомъ Обзорѣ» и въ то время никакого вопроса объ обмѣнѣ писемъ не было. Пишу вамъ все это потому, что въ вышеуказанной брошюрѣ мое участіе въ переговорахъ между вами изложено г-жею Желиховскою нѣсколько не такъ, какъ было въ дѣйствительности.

Я взялъ на себя посредничество въ переговорахъ между вами и г-жей Желиховской въ надеждѣ помочь дѣлу примиренія, или по крайней мѣрѣ, приведенія обѣихъ сторонъ къ какому-нибудь соглашенію; но задача, къ сожалѣнію, не удалась, какъ это и видно изъ вышеизложеннаго.

Съ этимъ письмомъ можете дѣлать что вамъ заблагоразсудится. Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи и преданности

А. Брусиловъ.

Удостоверение Жюля Бэссака, присяжного переводчика Парижского Апелляционного Суда.

«Paris le 8 Janvier 1892.

C'est bien moi et moi-même qui ai apposé ma signature et mon cachet d'office aux traductions que m'a soumises dans le temps M-r Solovieff de lettres en langue russe de M-me Blavatsky, comme c'est moi aussi qui ai timbré ces lettres. Il est faux, absolument faux que M-r Solovieff ait profité, comme on l'aurait dit, d'un moment où j'étais absent de mon bureau pour appliquer lui-même ce cachet.

Mon timbre sur les originaux quelconques n'a point pour objet de les authentifier, mais d'établir que ce sont bien les pièces sur lesquelles ont été faites les traductions approuvées et scellées par moi. Or, je le répète, c'est bien moi qui ai mis mon timbre sur les traductions dont il s'agit, ainsi que sur les textes originaux.

J. Baissac.

P. S. Il est fort inutile d'ajouter, après ce que je viens de dire, que je n'ai jamais dit ni écrit à personne quoique ce soit qui puisse faire croire le contraire de ce que j'affirme ici: *ni dit, ni écrit*.

J. Baissac.

Переводъ: «Я самолично сдѣлалъ подписи и приложилъ мой официальный штемпель на переводахъ, представленныхъ мнѣ г. Соловьевымъ, съ русскихъ писемъ г-жи Блаватской, а также я самъ приложилъ штемпель на этихъ письмахъ. Ложно, совершенно ложно, что будто бы г. С. воспользовался моимъ краткимъ отсутствиемъ изъ моей конторы и самъ приложилъ мой штемпель.

Мой штемпель на какихъ-либо документахъ не свидѣтельствуетъ ихъ подлинности, но служитъ доказательствомъ, что это именно тѣ самые документы, съ которыхъ сдѣланы переводы, одобренные и засвидѣтельствованные мною. Итакъ повторяю, что это я самъ приложилъ штемпель къ переводамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, а также и къ текстамъ оригиналовъ.

Ж. Бэсакъ.

P. S. Излишне прибавлять, послѣ того, что я сейчасъ сказалъ, что я никогда и никому не говорилъ и не писалъ чего бы то ни было, что могло бы противорѣчить съ утверждаемымъ мною нынѣ, *не говорилъ и не писалъ*.

Ж. Бэсакъ.

На этомъ письмѣ приложенъ официальный штемпель съ такой на немъ надписью: «J. Baissac, interprète juré près la cour d'Appel. Paris».

Переводъ: «Ж. Бэсакъ, присяжный переводчикъ при Апелляціонномъ Судѣ Парижъ.»

Кажется—довольно... и пора, пора кончить! Г-жа Игрекъ-Желиховская жестоко и многократно наказала сама себя собственной «брошюрой». Способность впасть въ безуміе и не отдавать себѣ никакого отчета въ своихъ словахъ завела ее черезчуръ далеко. Отклоняться отъ истины, даже и печатно, ей не возбраняется. Но пѣлый рядъ клеветы въ печати, опровергаемой несомнѣнными документами... это ужъ слишкомъ! На что же разсчитываетъ г-жа Желиховская? Очевидно лишь на то, что она—женщина. Разсчитать вѣрный. Я не стану еще преслѣдовать ее судомъ.

Авось она остановится.

Я отдаю это дѣло на судъ всѣхъ безпристрастныхъ и порядочныхъ людей.

